

Jacqueline
SUSANNE
The DOLLS
VALLEY

ИЗ КНИГИ РЕКОРДОВ
ГИННЕССА

БЕСТСЕЛЛЕРЫ
МИРА

БЕСТСЕЛЛЕР
МИРА
№1

Жаклин
СЬЮЗЕН

СУПЕРПЛОТЪ

«ДАЙДЖЕСТ» выпускает:

Питер БЕНЧЛИ. ЧЕЛЮСТИ.

Акула нырнула в глубину и, с силой ударив хвостом, ринулась на человека. В первое мгновение женщина подумала, что задела ногой камень или корягу. Боли поначалу не было, только правая нога сильно дернулась.

Она шарила левой рукой в темной воде и не могла найти свою ступню, потом подняла руку выше и чуть не потеряла сознание.

Пальцы наткнулись на торчащую кость и лохмотья мышц.

Женщина поняла, что теплая пульсирующая струя — ее собственная кровь. Ужас и боль захлестнули ее. Закинув назад голову, она испустила отчаянный вопль...

Акула атаковала вновь.

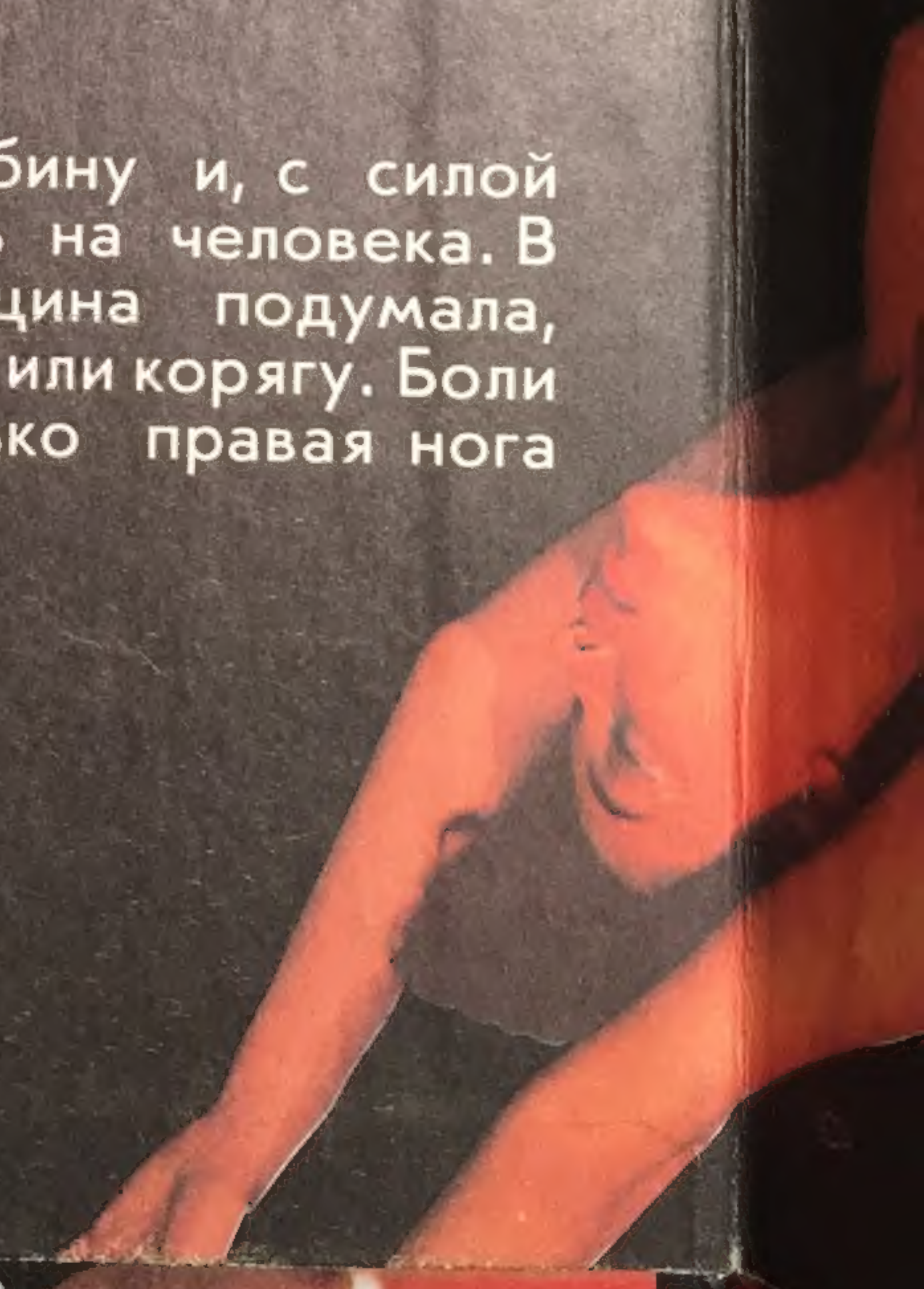

«ДАЙДЖЕСТ» выпускает:

Питер БЕНЧЛИ. ЧЕЛЮСТИ.

Акула нырнула в глубину и, с силой ударив хвостом, ринулась на человека. В первое мгновение женщина подумала, что задела ногой камень или корягу. Боли поначалу не было, только правая нога сильно дернулась.

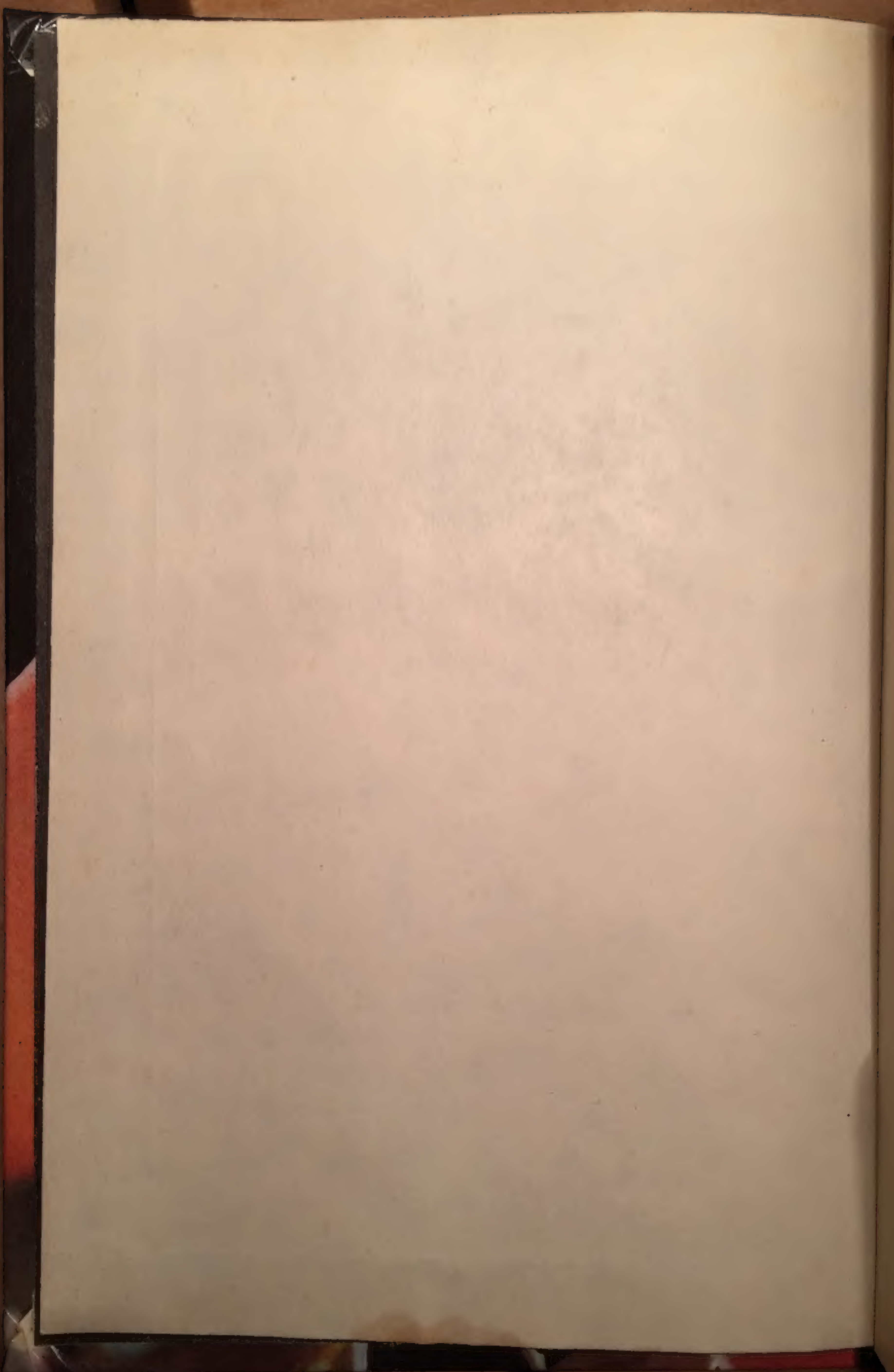
Она шарила левой
рукой в темной воде
и не могла найти
свою ступню, потом
подняла руку выше
и чуть не потеряла
сознание.

Пальцы наткнулись
на торчащую кость
и лохмотья мышц.

Женщина
поняла, что теплая
пульсирующая струя — ее
собственная кровь. Ужас и
боль захлестнули ее.
Закинув назад голову, она
испустила отчаянный
воплъ...
Акула атаковала вновь.

илой
ка. В
мала,
Боли
нога

БЕЛОРУССКО-АВСТРАЛИЙСКОЕ
АГЕНТСТВО
"ДАЙДЖЕСТ.."

Совет учредителей:

Анатолий КУДРЯВЦЕВ
(президент),

Литфонд Республики Беларусь,
"D'jamirze Family Enterprise"
(Australia),

Виктор ЛЯСКОВСКИЙ,
Сергей НЕСТЕРОВИЧ,
Владимир СИВЧИК,
Владимир ШАРПИЛО,
Владимир ШЕЛК.

— Моя прекрасная Анна, —
прошептал Лайон, откинув
покрывало. Он привлек ее к себе и
ЗАКЛЮЧИЛ В ОБЪЯТИЯ.
Волнение, которое она ощутила
от той силы, с которой его тело
вжималось в ее

ПОДАТЛИВУЮ ПЛОТЬ,
показалось самым естественным
чувством на свете.

Анну охватило
невыносимо прекрасное,
пьянящее ощущение от его губ,
исступленно целующих ее.
Она отвечала на его ласки
с таким жаром, какого никогда
не подозревала в себе.

Ее распаленная плоть
требовала больше и больше
НЕЖНОСТИ,
НАСЛАЖДЕНИЯ,
СТРАСТИ...

Тони лихорадочно
расстегнул пуговицы
ее халата. Отступив, Дженифер
ПОГЛАДИЛА БЕДРА,
коснулась пальцами между ног.

— Мы хотим тебя, Тони, —
вдруг севшим голосом
прошептала она.

Рассчитанным, нарочито
затянутым жестом
Дженифер погладила обе груди,
словно ей доставляло
удовольствие касаться их.

Прерывисто дыша,

Тони бросился к ней,
но она снова увильнула.

— Я забираю все назад
до тех пор, пока ты
действительно не захочешь. —

Она опять погладила свои
РОСКОШНЫЕ ГРУДИ. —

ЗАХОЧЕШЬ НАСОВСЕМ...

Содержание

АННА. Сентябрь 1945.	7
ДЖЕНИФЕР. Декабрь 1945.	157
НИЛИ. Январь 1946.	169
ДЖЕНИФЕР. Декабрь 1946.	177
АННА. Декабрь 1946.	190
ДЖЕНИФЕР. Май 1947.	201
АННА. Январь 1947.	221
НИЛИ. 1950.	230
АННА. 1957.	251
ДЖЕНИФЕР. 1957.	267
АННА. 1960.	274
ДЖЕНИФЕР. 1960.	279
НИЛИ. 1961.	293
АННА. 1961.	310

Литературно-художественное издание

СЬЮЗЕН Жаклин

СУПЕРПЛОТЬ
(Долина кукол)

Сдано в набор 10.06.92. Подписано к печати 25.07.92.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Усл. печ. л. 24,0. Тираж 600 000 экз
Заказ 3503.

Белорусско-австралийское агентство

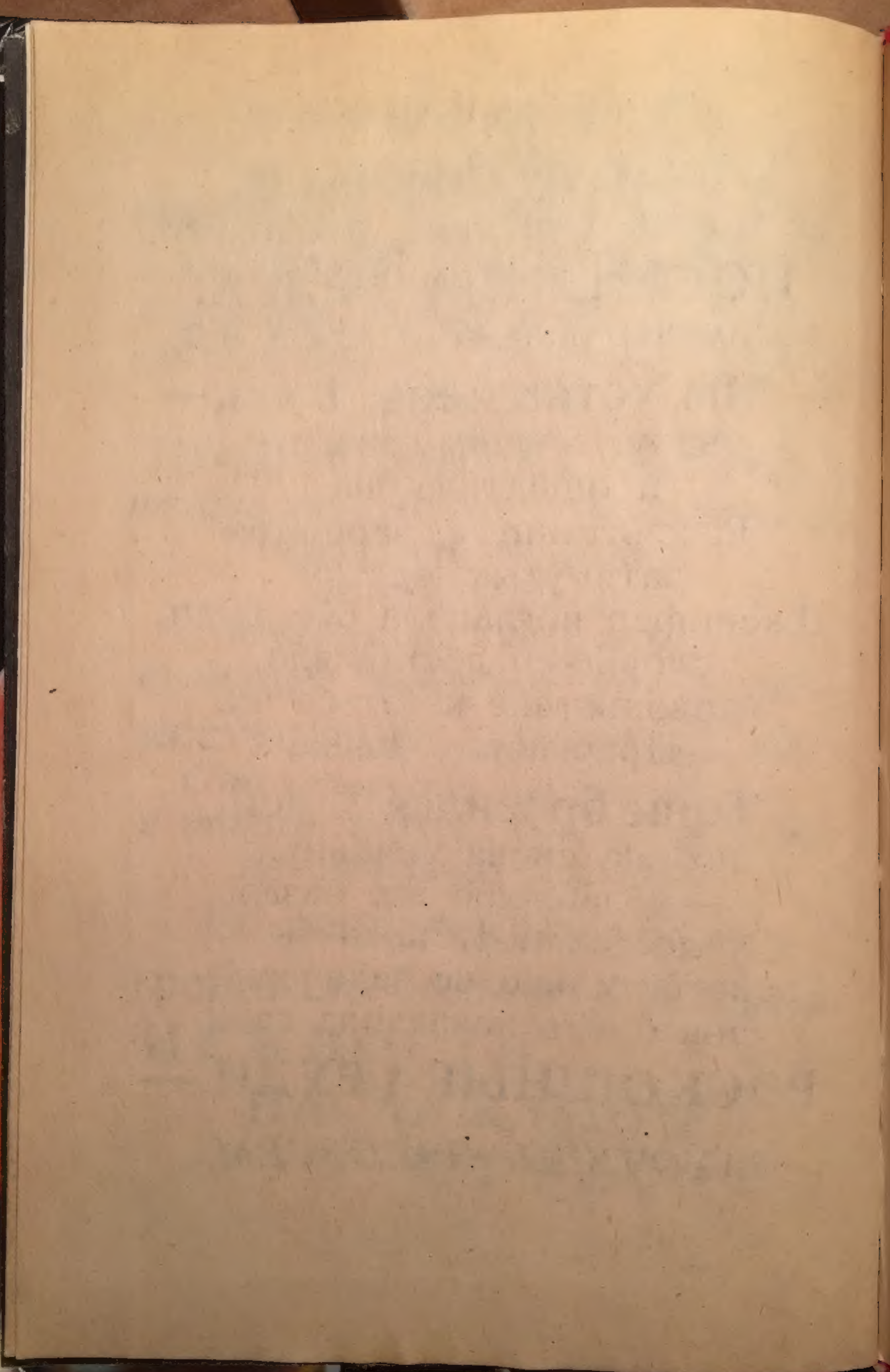
«ДАЙДЖЕСТ»

220034 Минск, ул. Фрунзе, 5.

Смоленский полиграфкомбинат Министерства печати и
информации России.

214020 Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

БЕСТСЕЛЛЕРЫ МИРА

Жаклин СБЮЗЕН

СУПЕРПЛОТЬ

Jacqueline
SUSANNE

The DOLLS
VALLEY

БЕЛОРУССКО-
АВСТРАЛИЙСКОЕ
АГЕНТСТВО

"ДАЙДЖЕСТ.."

МИНСК
1992

ББК 84.7 США
С96

Серия «Бестселлеры мира»
Основана в 1992 г.

Перевод с английского

СЬЮЗЕН Жаклин
СУПЕРПЛОТЬ

С 96 Сьюзен Ж. Суперплоть. (Долина кукол): Роман: Пер. с англ. — Мн.: Белорус.-австрал. агентство «Дайджест», 1992. — 384 с. (Сер. «Бестселлеры мира»).

ISBN 5-8284-0014-2.

Жажда денег и славы приводит трех симпатичных девушек-провинциалок в Нью-Йорк и Лос-Анджелес, где и разворачивается основное действие романа. Все они грезят Голливудом, и каждая своим путем стремится попасть на орбиту столичного шоу-бизнеса, принося ему в жертву тело и душу. Одна из них становится голливудской кинозвездой, другая завоевывает телевидение, карьера третьей трагически обрывается. Им удалось достичь славы и богатства, покорить сердца миллионеров и знаменитостей экрана. Удалось достичь всего, кроме счастья...

С 4703040100-011

ББК 84.7 США

- © Белорус.-австрал. агентство «Дайджест», 1992
- © Разработка серии и оформление. В.Шелк, 1992
- © Авторы слайдов. А. Самоваров, В. Чернявский, В. Петров, 1992

Анна

Сентябрь 1945

В день ее приезда столбик термометра поднялся до 32 градусов. Нью-Йорк буквально дымился, словно разъяренный бетонный зверь, застигнутый врасплох не по сезону сильной жарой. Но ни на жару, ни на замусоренную площадь, именуемую Таймс-сквер, Анна просто не обратила внимания. Она все равно считала Нью-Йорк самым восхитительным городом в мире.

Девушка в бюро по найму с улыбкой сказала ей:

-- Ну, у тебя-то все будет о'кей, пусть ты и без стажа. Все хорошие секретарши сейчас работают по линии военных поставок. Платят там что надо. Только скажу тебе, подруга, что с такими внешними данными, как у тебя, я бы напрямик направилась к Джону Пауэрсу или Коноверу.

-- А кто это?-- спросила Анна.

-- У них самые известные дома моделей в Нью-Йорке. Вот где я с радостью бы поработала, да только ростом не вышла и недостаточно худа. А ты -- как раз то, что нужно.

-- Думаю, мне лучше работать в какой-нибудь конторе,-- сказала Анна.

-- О'кей, но, по-моему, ты не в своем уме.-- Она протянула Анне несколько листков. -- Вот, это все хорошие направления, но сначала обратись к Генри Бэллами. Это крупный театральный адвокат. Его секретарша только что вышла замуж за Джона Уэлша.-- Видя, что Анна никак не реагирует, девушка продолжила: -- Только не говори мне, будто никогда не слышала о Джоне Уэлше! Он уже получил трех "Оскаров", и я сейчас прочитала, что он собирается вновь пригласить Гарбо на главную роль в своем фильме.

Анна с улыбкой заверила девушку, что никогда не забудет, кто такой Джон Уэлш.

-- Теперь у тебя есть представление о положении дел и о том, с какими людьми тебе предстоит познакомиться,-- продолжала девушка, -- "Бэллами и Бэллоуз" контора что надо. Ведут дела с самыми крупными клиентами. А Мирне, девице, что выскочила за Джона Уэлша,

до тебя ой как далеко! Так что ты моментально отхватишь себе то, что требуется.

-- А что требуется?

-- Парня... или даже мужа.-- Девушка опять взглянула на заявление Анны. -- Слушай, откуда, ты пишешь, приехала? Это ведь в Америке, да?

Анна улыбнулась.

-- Из Лоренсвилла. Это у самого Мыса, знаешь, есть такое курортное местечко примерно в часе езды на электричке от Бостона. И если бы мне нужно было замуж, то я могла бы и там остаться. В Лоренсвилле все выходят замуж сразу же после школы. Но мне хотелось бы сначала поработать немного.

-- И ты уехала из такого города? А вот здесь каждая ищет себе мужа. И я в том числе! Может, ты направила бы меня в этот Лоренсвилл с рекомендательным письмом?

-- Ты хочешь сказать, что пошла бы замуж за любого?-- удивилась Анна.

-- Нет, не за любого. Только за того, кто смог бы купить мне роскошное бобровое манто, нанять приходящую домработницу и разрешил бы мне спать до 12 часов каждый день. А мои знакомые парни хотят, чтобы я не только продолжала работать здесь, но еще и выглядела бы неглиже, как Кэрол Лэндис, и впридачу готовила бы им изысканные блюда.

Анна рассмеялась, а девушка добавила:

-- Ладно, сама все увидишь. Вот подожди, втрескаешься в какого-нибудь здешнего Ромео. Могу поспорить, что сразу же рванешь изо всех сил на самый скорый поезд до своего Лоренсвилла. А по пути не забудь заскочить сюда и прихватить с собой меня.

Нет уж, в Лоренсвилл она не вернется никогда! Из Лоренсвилла она не просто уехала, она сбежала, чтобы не выходить замуж за какого-нибудь типично лоренсвиллского правильного молодого человека, сбежала от правильной и упорядоченной лоренсвиллской жизни. Той самой упорядоченной жизни, какую прожила ее мать. И мать ее матери. В одном и том же чопорном доме, в котором добропорядочные семейства Новой Англии жили из поколения в поколение и где обитателей душила гнетущая упорядоченная атмосфера загоняемых вглубь эмоций, подавляемых душевных порывов, всегда надежно скрываемых и упрятанных за бронированной плитой на скрипучих петлях под названием "благопристойное поведение".

"Анна, настоящая леди никогда не смеется громко". "Анна, леди никогда не плачет при всех". -- "Но я же не при всех. А плачусь тебе, мама, здесь, на кухне". -- "Но леди льет слезы только наедине сама с собой. Ты уже не ребенок, Анна, тебе 12 лет, и с нами на кухне сидит тетя Эми. А теперь ступай к себе в комнату".

И каким-то образом жизнь в Лоренсвилле заставила ее поступить в

Рэдклифф -- женский колледж, который входит в систему учебных заведений Гарвардского университета. А ведь там были девушки, которые смеялись, и лили слезы, и сплетничали, и напропалую вкушали все -- как "возвышенное", так и "земное", -- что, собственно, и составляет нашу жизнь. Однако они никогда не приглашали ее в свой круг, словно на ней висел огромный плакат: "Не приближайся! Холодная и замкнутая представительница Новой Англии". Анна все больше и больше уходила в мир книг, обнаруживая, однако, что окружающая ее действительность отражается в них: фактически автор каждой книги, которую она брала в руки, покидал ее родной город. Хемингуэй жил то в Европе, то на Кубе, то на Бимине. Бедный, потерянный, талантливый Фитцджеральд тоже жил за границей. И даже "красный" грузноватый Синклер Льюис испытал не одно восхитительное увлечение и встретил свою любовь в Европе.

Бежать из Лоренсвилла! Просто-напросто бежать, и все. Это решение она приняла на последнем курсе колледжа и объявила о нем матери и тете Эми на пасхальных каникулах:

-- Мама... тетя Эми... после окончания колледжа я еду в Нью-Йорк.

-- Для каникул это ужасное место!

-- Я намерена там жить.

-- Ты обговорила это с Вилли Хендерсоном?

-- Нет, а зачем?

-- Но вы же дружили с шестнадцатью лет, и все, естественно, полагают, что вы...

-- Вот именно. В Лоренсвилле все и обо всех всегда что-то полагают.

-- Анна, ты говоришь на повышенных тонах, -- спокойно заметила мать. -- Вилли Хендерсон -- славный молодой человек. Я училась в школе с его родителями.

-- Но я не люблю его, мама.

-- А мужчину нечего любить, -- это подала голос тетя Эми.

-- Но разве ты не любила папу, мама? -- в ее устах это прозвучало не как вопрос, а как обвинение.

-- Ну конечно же, я любила его, -- в голосе матери послышались возвышенные ноты. -- Но тетя Эми имеет в виду, что... ну... мужчины устроены иначе. И поведение, и ход мыслей у них иные, чем у женщин. Взять, к примеру, твоего отца. Понять его было крайне трудно. Это был импульсивный, порывистый человек, он был не прочь выпить. Женись он не на мне, а на другой, он мог бы плохо кончить.

-- Я ни разу не видела, как он пьет, -- встала Анна на защиту отца.

-- Разумеется, не видела. Ведь был сухой закон, я не держала в доме ни капли спиртного. Я отучила его от этой привычки, прежде чем он успел стать ее рабом. А вначале у него была масса дурных манер. Ты же знаешь, его бабушка была француженкой.

-- У кого в жилах латинская кровь, те всегда немного сумасшедшие, -- поддакнула тетя Эми.

-- Папа вовсе не был сумасшедшим!-- Анна вдруг пожалела, что не знала своего отца лучше. Казалось, это произошло так давно... тот день, когда он вдруг пошатнулся прямо здесь, на кухне. Ей тогда было 12 лет. Не сказав ни слова, он тихо осел на пол и так же тихо умер, прежде чем успел приехать врач.

-- Ты права, Анна. Твой отец отнюдь не был сумасшедшим. Для мужчины он был вполне приличным человеком. Не забывай, Эми, девичья фамилия его матери была Бэннистер. Элли Бэннистер в свое время училась в школе с моей мамой.

-- Но, мама, разве ты никогда по-настоящему не любила папу? Я хочу сказать, что когда мужчина, которого любишь, обнимает и целует тебя, это должно быть восхитительно, не так ли? Разве с папой тебе никогда не было восхитительно?

-- Анна! Да как ты смеешь задавать такие вопросы своей матери?-- воскликнула тетя Эми.

-- К сожалению, мужчина после женитьбы не ограничивается поцелуями,-- сухо проговорила мать и осторожно поинтересовалась: -- А ты уже целовалась с Вилли Хендерсоном?

Анна поморщилась.

-- Да... несколько раз.

-- И тебе нравилось?-- спросила мать.

-- Ни капельки. Губы у него какие-то дряблые, липкие, и запах изо рта противный.

-- А больше ни с кем не целовалась?

Анна пожала плечами.

-- Ну, несколько лет назад, когда мы с Вилли только начали встречаться, на вечеринках мы играли в бутылочку. Я перецеловалась, наверное, с большинством парней нашего города, и, насколько помню, каждый последующий поцелуй был еще отвратительнее предыдущего.-- Она улыбнулась. -- Я думаю, на весь наш Лоренсвилл не найдется ни одного парня, который умел бы классно целоваться.

К матери вернулось хорошее настроение.

-- Ты -- настоящая леди, Анна. Вот почему тебе не нравится целоваться. Настоящей леди это не может нравиться.

-- Ах, мама! Я еще сама не знаю, что мне нравится и что я собой представляю. Потому-то мне и хочется поехать в Нью-Йорк.

-- Анна, у тебя есть 5 тысяч долларов. Отец оставил их специально для тебя, чтобы ты израсходовала их по своему усмотрению. После моей смерти тебе останется намного больше. Мы не богаты, по крайней мере, не настолько богаты, как Хендерсоны, но мы достаточно обеспечены, и наша семья занимает заметное положение в здешнем обществе. Мне бы хотелось, чтобы ты вернулась сюда и жила в этом доме. Здесь родилась моя мать. Конечно, вполне возможно, что Вилли Хендерсон захочет пристроить к дому еще одно крыло -- земли у нас вполне достаточно,-- но, по крайней мере, это всё равно будет наш дом.

-- Но я же не люблю Вилли Хендерсона, мама!

-- Любви вообще не существует в том смысле, какой ты вкладываешь в это понятие. Такую любовь можно встретить лишь в дешевых кинофильмах да в книжках. Любовь -- это товарищеские отношения, общие интересы, друзья. Говоря "любовь", люди часто имеют в виду прежде всего секс, но позволь заметить, моя юная леди, такая любовь, если даже она существует, очень быстро затухает после свадьбы или когда девушка узнает, что это такое на самом деле. Однако в Нью-Йорк ты съезди. Я не хочу тебе мешать. Я уверена, что Вилли будет ждать тебя. Но помни мои слова, Анна: через неделю-другую ты примчишься оттуда домой и будешь только рада, что сбежала из этого грязного города.

Он действительно оказался грязным и к тому же раскаленным от жары, наводненным людскими толпами. Солдаты и моряки фланировали по Бродвею, и в их жадных горячих взглядах сквозила праздничная беззаботность и лихорадочно-радостное возбуждение: ведь война только что окончилась. И, несмотря на грязь, влажную липкую жару и незнакомый город, Анне передалось это возбуждение, и она ощутила полноту и биение жизни. По сравнению с замусоренными и растрескавшимися тротуарами Нью-Йорка, деревья и чистый воздух Новой Англии казались холодными и безжизненными. Небритый хозяин снял с окна табличку "Комната сдается внаем" и взял с Анны плату за неделю вперед. Он был похож на лоренсвиллского почтальона, только улыбка у него была теплее.

-- Комнатенка так себе, -- признался он, -- зато потолки высокие и много воздуха. И я всегда рядом, на тот случай, если понадобится что-то починить или наладить.

Она почувствовала, что нравится ему, а он, в свою очередь, понравился ей. В Нью-Йорке о человеке судят по его внешности, словно все вокруг родились только вчера, а прошлые заслуги в счет не идут, и их не нужно ни признавать, ни утаивать.

И вот теперь, стоя перед толстыми стеклянными дверями с внушительной крупной надписью "Бэллами и Бэллоуз", она лелеяла надежду, что точно так же о ней станет судить и Генри Бэллами.

Генри Бэллами не верил своим глазам. Невероятно, что такая девушка действительно стоит перед ним -- одна из самых красивых девушек, которых он когда-либо встречал, а уж красавиц в своей жизни он повидал немало. Вместо типичной модной девицы с вызывающе взбитой прической "помпадур" и в туфлях на платформе перед ним стояла девушка с длинными, свободно ниспадающими на плечи волосами того ненавязчиво светлого оттенка, который делал ее естественной блондинкой. Но по-настоящему его выводили из равновесия ее глаза. Они были действительно голубыми, небесно-голубыми, но холодными.

-- Зачем вам нужна эта работа, мисс Уэллс? -- Он почему-то нерв-

ничал. Черт возьми, это любопытно. И хотя одета она была в простое темное платье без намека на украшения, если не считать изящных часиков на руке, ее облик явственно говорил, что ни в какой работе она не нуждается.

-- Я хочу жить в Нью-Йорке, мистер Бэллами.

Вот так. Что ж, ответ прямой. Но почему у него такое чувство, будто он сует нос не в свои дела? Ведь задавать вопросы -- его обязанность. И если он будет вести себя слишком просто, она еще, может, и не пойдет к нему работать. Но это уже тоже идиотизм. Ведь это она сидит перед ним, так или нет? Она же не просто забежала сюда на чашку чая. Тогда почему он чувствует себя так, словно это он пришел наниматься и пытается произвести на нее благоприятное впечатление?

Он взглянул на заполненный бланк, выданный ей в бюро по найму.

-- Ого, двадцать лет, и уже степень бакалавра по английскому языку и литературе! Рэдклифф! Но без стажа канцелярской работы. Ну, скажите на милость, что вам тут делать с таким мудреным образованием? Оно что, поможет мне держать в руках какую-нибудь стервозу, вроде Элен Лоусон, или заставить такого запойного пьяницу, как Боб Вулф, представлять еженедельный сценарий на радио вовремя? Или убедить какого-то гомика-певца распрощаться с услугами фирмы Джонсона--Харриса и предоставить вести его дела мне?

-- Я должна буду делать все это?-- спросила Анна.

-- Нет, это я должен делать. А вы должны будете мне помогать.

-- Но я думала, вы адвокат.

Увидев, что она берет с колен свои перчатки, он обнажил зубы в одной из своих заученных чуть усталых улыбок.

-- Я -- театральный адвокат. В этом вся разница. Составляю для своих клиентов контракты, в которых нет ни единой лазейки, а если и есть, то только такие, которые выгодны им. Занимаюсь также их налогами, помогаю выгодно вкладывать деньги, вытаскиваю их из всяческих неприятностей, посредничаю в их брачных делах, слежу, чтобы не пересекались пути их жен и любовниц, бываю крестным отцом их детей и нянькой для них самих, особенно когда они готовят новое шоу.

-- Но я считала, что у артистов и писателей есть свои менеджеры и администраторы.

-- Есть.-- От него не укрылось, что она опять положила перчатки на колени.-- Но "крупняки", с которыми я имею дело, нуждаются и в моих советах. Администратор, например, естественно подталкивает их к той работе, которая оплачивается лучше всего. Он заинтересован в своих десяти процентах. Но я вычисляю, какая работа для них наиболее выгодна. Короче говоря, театральный адвокат должен одновременно быть и администратором, и родной матерью, и господом богом. А вам, если будете приняты на это место, придется стать их святой покровительницей.

Анна улыбнулась.

-- Почему бы театральным адвокатам не заменить всех администраторов?

-- Они так бы и сделали, если бы были достаточно преданными своему ремеслу "шмаками" вроде меня.-- Он тут же поправился:-- Извините за такие выражения. Когда увлекаешься, не замечашь, что с языка срывается.

-- Какие выражения? "Шмак"?-- Она с любопытством повторила это слово.

В ее устах оно прозвучало настолько вульгарно, что он расхохотался.

-- Это еврейское словечко, и если его перевести буквально, вы залились бы краской смущения. Но на современном жаргоне оно означает просто "дурак"... Пусть только вас не вводит в заблуждение эта яркая наклейка с броской надписью "Бэллами" или моя постная физиономия святоши. Настоящая моя фамилия Бирнбаум. В молодости во время летних курортных сезонов я заведовал развлекательной частью на круизах, а в газете у меня была постоянная рубрика об отдыхе на теплоходах. Редактору же не нравилось, что рубрика эта называлась "На теплоходе с Бирнбаумом", ну и кто-то предложил мне псевдоним Бэллами. В этих круизах я встречался со многими важными персонами. Первым моим клиентом стал один певец, обслуживавший туристический рейс. Множеству людей я стал известен под фамилией Бэллами, вот я и оставил ее. Но я не допускаю, что люди забывали, что за Бэллами всегда стоит Бирнбаум.-- Он улыбнулся.-- Вот теперь перед вами полная картина. Ну, как думаете, справитесь?

На сей раз ее улыбка была искренней.

-- Хотелось бы попробовать. Я вполне прилично печатаю, а вот в стенографии не сильна.

Он отмахнулся.

-- У меня есть две девицы, которые могли бы выиграть соревнование по стенографии. Мне нужна девушка, которая могла бы стать больше чем просто секретаршей.

Улыбка сошла с ее лица.

-- Боюсь, что не вполне понимаю, о чем речь.

Черт побери! Он вовсе не имел в виду ничего такого. Погасив сигарету в пепельнице, он тут же закурил еще одну. Боже, до чего же прямо она сидит. Бессознательно он тоже выпрямился в своем кресле.

-- Послушайте, мисс Уэллс, быть больше чем секретаршей означает, что работать придется не как обычно, с девяти до пяти. Могут быть дни, когда можно явиться в контору часам к двенадцати. Если придется работать поздно вечером, то на следующий день можно и вообще не приходить. Но, с другой стороны, в критических ситуациях я хотел бы, чтобы вы сидели на своем рабочем месте еще до открытия нашей конторы, даже если перед этим вы работали до четырех часов утра. Кстати, вы и сами захотите быть здесь. Другими словами, график свой

вы составляете сами. Но иногда по вечерам вы тоже должны будете выходить.

Он выдержал небольшую паузу, но Анна никак не прореагировала на сказанное.

-- Скажем, я обедаю в клубе "Двадцать один" со своим предполагаемым клиентом. Если обед я организовал что надо и провел беседу на должном уровне, то можно смело биться об заклад, что он подпишет соглашение со мной. Но мне придется прилично накачаться вместе с ним, выслушивая при этом жалобы на его нынешнего менеджера. Естественно, я буду клясться и божиться, что ничего подобного ни за что не допущу. Чего только я не наобещаю ему... луну с неба, на которой будет выгравировано его имя. Ну и, разумеется, я не смогу выполнить все, что наобещал. Этого не сможет никто. Но я непременно приложу все усилия, чтобы избежать ошибок его предыдущего менеджера или администратора и выполнить те обещания, которые выполнимы. Вот только наутро я не вспомню ни единого словечка. И вот тут-то в игру вступаешь ты. Похмелья у тебя не будет, поскольку весь этот восхитительный вечер ты просидишь, потягивая одну-единственную рюмочку хереса, и запомнишь все, что я наговорил. На следующий день ты приносишь мне список всех моих обещаний, и когда моя голова прояснится, я стану детально изучать их.

Анна улыбнулась.

-- Значит, я буду вроде одушевленного диктофона?

-- Именно. Справишься, как ты думаешь?

-- Ну, память у меня отличная, а херес я терпеть не могу.

На этот раз расхохотались они оба.

-- О'кей, Анна. Хочешь приступить с завтрашнего дня?

Она кивнула.

-- Я должна буду работать еще и с мистером Бэллоузом?

Он уставился в пустоту и тихо ответил:

-- Никакого мистера Бэллоуза нет. Вернее, есть Джордж, его племянник, но Джордж -- не тот Бэллоуз, который упоминается в названии фирмы "Бэллами и Бэллоуз". Это был дядя Джорджа, Джим Бэллоуз. Я выплатил Джиму его долю в нашей фирме перед тем, как он ушел на фронт. Я пытался было его отговорить, но куда там -- он поехал в Вашингтон, там ему повесили офицерские погоны и отправили на флот.-- Генри вздохнул.-- Война -- занятие для молодых. А Джиму Бэллоузу было пятьдесят три. Слишком много для того, чтобы воевать, и слишком мало, чтобы умирать.

-- Он погиб в Европе или на Тихом океане?

-- Умер от инфаркта в подводной лодке, дурак чертов!-- Грубость, прозвучавшая в голосе, лишь подчеркнула привязанность, которую он испытывал к покойному. Затем настроение у Генри резко изменилось, и он тепло улыбнулся.-- О'кей, Анна, пожалуй, мы с тобой достаточно порассказали друг другу о себе. Для начала я буду платить тебе семьдесят пять долларов в неделю -- как, устроит это тебя?

Это было больше, чем она ожидала. За комнату она платила восемнадцать долларов, за питание -- около пятнадцати. Она ответила, что сумма ее вполне устраивает.

Октябрь 1945

Сентябрь оказался удачным. У нее появилась работа, которая ей нравилась, подруга по имени Нили и хорошо воспитанный, но пламенный поклонник по имени Аллен Купер.

А в октябре появился Лайон Берк.

Ее быстро и радушно приняли в свою компанию обе секретарши и секретарь по работе с посетителями. Каждый день она обедала с ними в аптеке на углу. Излюбленной темой их бескончаемых разговоров был Лайон Берк, а тон задавала мисс Стейнберг, старшая секретарша. Она десять лет проработала с Генри Боллами. И уж кто-кто, а она-то знала Лайона Берка.

Лайон уже проработал в фирме два года, когда началась война, и пошел на призывной пункт на следующий же день после Пирл-Харбора, расположенного на Гавайских островах. Джим Боллоуз и раньше неоднократно предлагал Генри принять своего племянника в штат их фирмы. Однако, хотя Генри и не имел ничего против Джорджа Боллоуза, он неизменно отказывал Джиму: "Бизнес и родственные связи смешивать нельзя", -- стоял он на своем. Но когда Лайон ушел на фронт, особенно выбирать стало не из кого.

Ничего плохого в Джордже, собственно говоря, не было. Адвокат он был способный, но ему не хватало того, чем был так щедро наделен от природы Лайон Берк -- по крайней мере, по мнению мисс Стейнберг. Все сотрудники фирмы с жадным интересом следили за тем, как воевал Лайон, а когда ему присвоили звание капитана, Генри распорядился, чтобы все работали лишь половину дня, а остальное время отмечали это знаменательное событие. Последнее письмо от него пришло из Лондона в августе. Лайон был жив, Лайон слал привет, но Лайон ничего не сообщал о возвращении.

Поначалу Генри самолично следил за почтой каждый день. Когда же минул сентябрь, а ни единой весточки так и не пришло, Генри примирился с невеселой мыслью о том, что Лайон распрощался с фирмой навсегда. Но мисс Стейнберг не хотела сдаваться. И она оказалась права. В октябре пришла телеграмма. Она была конкретной и лаконичной:

Дорогой Генри.

Все позади, я остался цел. Навестил родственников Лондоне, был Брайтоне, купался море и отдыхал. Нахожусь Вашингтоне, жду

официальной отставки. Возвращаюсь сразу, как только разрешат сменить форму старый синий костюм. Всего наилучшего.

Лайон.

Лицо Генри Бэллами озарилось, когда он прочел телеграмму. Подпрыгнув, он вскочил с кресла.

-- Лайон возвращается! Черт побери, я знал, что он вернется!

Следующие десять дней в конторе царил беспорядок -- маляры делали декоративный ремонт -- и всеобщее возбуждение: распускались всевозможные слухи и выдвигались самые невероятные предположения.

-- Не могу дождаться,-- вздыхала секретарша по приему посетителей.-- Он абсолютно мой тип мужчины.

На губах мисс Стейнберг блуждала загадочная улыбка, словно она знала нечто известное ей одной.

-- Не только твой, а каждой женщины. Если даже сумеешь устоять перед очарованием его внешности, то все довершит его безукоризненное оксфордское произношение.

-- Он англичанин?-- удивилась Анна.

-- Родился в Англии,-- пояснила мисс Стейнберг.-- Его мать -- Нэлл Лайон. Это было еще до тебя. И до меня тоже. А она уже была звездой английской оперетты. Приехала сюда на гастроли и вышла замуж за американского адвоката Тома Берка. Из труппы ушла, а Лайон родился здесь, поэтому у него американское гражданство. Но мать оставалась гражданкой Великобритании, и когда отец Лайона умер -- кажется, Лайону было тогда пять лет,-- она увезла его с собой в Лондон. Сама она вернулась на сцену, а он пошел в школу. Когда она умерла, Лайон вернулся в Штаты и начал изучать юриспруденцию.

-- Я уверена, что влюблюсь в него до потери сознания,-- заявила секретарша помоложе.

Мисс Стейнберг пожала плечами.

-- Все девицы в нашей конторе были помешаны на нем. Но мне страшно хочется увидеть его реакцию, когда он познакомится с тобой, Анна.

-- Со мной?-- удивилась та.

-- Да, с тобой. Вы оба обладаете одним недостатком -- высокомерием. Только Лайон постоянно ослепляет людей своей улыбкой, и она поначалу вводит их в заблуждение. Ты думаешь, что он относится к тебе по-дружески. Но никому никогда не удастся стать с ним по-настоящему близким. Ни у кого не получалось. Даже у мистера Бэллами. В глубине души мистер Б. даже немного благоговееет перед Лайоном, и не только из-за его внешности и изысканных манер. Лайон обладает даром покорять окружающих. Вот увидишь: когда-нибудь, в один прекрасный день, Лайон завоюет этот город. Мне доводилось наблюдать, как мистер Б. заключал поистине блестящие соглашения, но ему приходится с боем завоевывать буквально каждый дюйм на этом долгом пути, потому что все знают: он человек себе на уме, и заранее

готовятся к беседе с ним. А Лайон просто войдет, полный британского обаяния, со своей внешностью кинозвезды, и бац! -- выйдет, получив все, чего хотел. Но проходит некоторое время, и ты начинаешь отдавать себе отчет, что не знаешь, что же он представляет собой на самом деле и что он думает о тебе или о ком-то еще. В общем, я хочу сказать, что ему, похоже, одинаково нравятся все. И создается впечатление, что, может быть, в глубине души ему глубоко безразличны все и вся, кроме его работы. Вот ради нее он сделает что угодно. Но что бы ты о нем ни думал, в конечном счете начинаешь его обожать.

Вторая телеграмма пришла спустя десять дней, в пятницу.

Дорогой Генри.

Я уже сиnem костюме. Прибываю Нью-Йорк завтра вечером. Явлюсь прямо тебе домой. Если сможешь, закажи номер гостинице. Планирую приступить понеделник. Всего наилучшего.

Лайон.

Из конторы Генри Бэллами ушел в двенадцать часов -- отмечать возвращение Лайона. Анна заканчивала обрабатывать корреспонденцию, когда к ее столу подошел Джордж Бэллоуз.

-- Почему бы нам тоже не пойти куда-нибудь и не отметить его прибытие? -- небрежно спросил он.

Она не смогла скрыть своего удивления. Ее отношения с Джорджем Бэллоузом ограничивались официальным "здравствуйте", иногда -- кивком.

-- Приглашаю вас пообедать со мной, -- пояснил он.

-- Извините, но я пообещала девушкам пообедать с ними в аптеке.

Он подал ей пальто и помог одеться.

-- Как жаль, -- сказал он. -- Возможно, сегодня наш последний день на этом свете. -- И, скорбно улыбнувшись, он ушел к себе в кабинет.

За обедом, слушая вполуха нескончаемую болтовню о Лайоне Берке, Анна рассеянно думала, почему она отклонила приглашение Джорджа. Из боязни осложнений? Глупости! Какие могут быть осложнения от одного обеда? Из верности Аллену Куперу? Что ж... Аллен -- единственный мужчина, которого она знает в Нью-Йорке, и он очень хорошо относится к ней. Возможно, этим и объясняется то, что можно назвать верностью.

Она вспомнила тот день, когда он влетел к ним в контору, полный решимости заключить какую-то сделку. По страхованию, как потом узнала Анна. Генри, против обыкновения, держался холодно и быстро спровадил его. Настолько быстро, что Анна прониклась сочувствием к этому посетителю. Провожая его из кабинета Генри, она прошептала: "Желаю удачи в другом месте". Теплота и мягкость ее тона, казалось, поразили его.

Спустя два часа зазвонил телефон.

-- Это Аллен Купер. Вы помните меня? Тот самый энергичный страховой агент. В общем, хочу, чтобы вы знали: мои переговоры с

Генри оказались невероятно успешными по сравнению с другими местами. Ведь в фирме Бэллами я встретил вас.

-- Хотите сказать, что вообще не заключили ни одного договора?--
Ей стало по-настоящему жаль его.

-- Нет. Выставили отовсюду. Наверное, сегодня у меня просто невезучий день... если только вы не захотите, чтобы он завершился счастливо, и не согласитесь выпить со мной.

-- Я не...

-- Не пьете? Я тоже. Тогда пусть это будет просто ужин.

Вот так у них и началось. А потом продолжилось. Он оказался приятным молодым человеком с развитым чувством юмора. Для нее он был скорее другом, чем парнем, которому назначаешь свидания. Очень часто она не удосуживалась даже переодеться после работы. А он, казалось, и не замечал, во что она одета. И всегда был страшно признателен ей за то, что она пришла. Они ходили в небольшие тихие ресторанчики, и она всегда выбирала в меню блюда подешевле. Она вообще хотела предложить ему платить за себя по счету сама, но боялась, что тогда он почувствует себя еще большим неудачником.

Страховой агент из Аллена был абсолютно никудышный. Для этой профессии он был чересчур мягок и обладал слишком хорошими манерами. Он расспрашивал ее о Лоренсвилле, о ее школьных днях и даже о нынешней работе в фирме. Вел он себя с нею так, что она чувствовала себя самой интересной, самой очаровательной девушкой на свете.

Она продолжала встречаться с ним потому, что никаких дальнейших шагов к сближению он не предпринимал. Иногда в полутемном зрительном зале он брал ее за руку. Но ни разу даже не попытался поцеловать при расставании. Чувство, которое она испытывала к нему, походило на жалость и как-то не соответствовало сложившейся ситуации. В некотором смысле ее смущало то, что она неспособна вызвать у Аллена хоть какую-то страсть к себе, но, с другой стороны, такое положение дел ее вполне устраивало. Одна только мысль о поцелуе с ним вызвала в ней такое же отвращение, какое она испытала, целуясь с Вилли Хендерсоном у себя в Лоренсвилле, и это опять заставляло ее сомневаться в том, способна ли она любить вообще. Возможно, она не вполне нормальная, а может, права ее мать, утверждающая, что страсть и романтическая любовь существуют только в книгах.

В тот день Джордж Бэллоуз подошел к ее столу еще раз.

-- Может быть, у меня выйдет со второй попытки,-- сказал он.--
Как насчет шестнадцатого января? На такой отдаленный срок у тебя явно не назначено никакого свидания.

-- Но ведь до этого почти три месяца.

-- О, я буду только рад, если у нас что-то получится до этого срока. Но только что звонила Элен Лоусон -- визжала и требовала к телефону Генри, и я вспомнил, что шестнадцатого января премьера ее шоу.

-- Совершенно верно. Репетиции "Небесного Хита" начинаются уже со следующей недели.

-- Итак, пойдешь на премьеру со мной?

-- С удовольствием, Джордж. По-моему, Элен Лоусон великолепна. Все ее шоу шли в Бостоне. Маленькой девочкой отец возил меня на ее "Мадам Помпадур".

-- О'кей, договорились. Да, и еще одно, Анна. Раз начинаются репетиции этого шоу, Элен наверняка частенько будет врываться сюда. Если между нами завяжется случайная беседа, не вздумай вылезти с чем-нибудь наподобие: "Я так любила вас, когда была совсем маленькой". Она может растерзать тебя за это.

-- Но я действительно была тогда маленькой. Как ни смешно это звучит, но все происходило лишь десять лет назад. И уже тогда Элен Лоусон была взрослой женщиной. Ей было не меньше тридцати пяти.

-- Здесь мы все обращаемся с нею так, словно ей двадцать восемь.

-- Джордж, ты серьезно? Да ведь Элен Лоусон не подвержена ни возрасту, ни времени. Она -- великая актриса, звезда. Такой красивой Элен делают обаяние ее личности и талант. И уж, конечно, она достаточно умна и не считает, что выглядит молоденькой девушкой.

Джордж пожал плечами.

-- Скажу тебе вот что. Позвоню-ка я тебе лет через двадцать и спрошу, на сколько лет ты себя чувствуешь. Сдается мне, что большинство женщин, едва им стукнет сорок, заболевают инфекционной болезнью, именуемой "Я выгляжу на двадцать восемь". Короче, чтобы все было тихо, не затрагивай с Элен вопроса о возрасте. И, пожалуйста, пометь в своем календаре шестнадцатое января. А пока, счастливо тебе отдохнуть в выходные и не волноваться. В понедельник здесь поднимется шум: наш герой-победитель будет торжественно вступать в родные пенаты.

Секретарша по приему посетителей надела новое облегающее клетчатое платье. Прическа младшей секретарши была взбита на два дюйма выше. И даже мисс Стейнберг облачилась в матросский костюм, сшитый на заказ весной. Анна сидела на своем рабочем месте в приемной у двери в кабинет Генри, тщетно пытаясь сосредоточиться на корреспонденции. Однако ее внимание, как и у всех остальных, было приковано к двери.

Он прибыл ровно в одиннадцать. Несмотря на все слухи и пересуды, она все-таки оказалась неподготовленной к встрече со столь яркой личностью, как Лайон Берк.

Уж на что Генри Бэллами был высоким мужчиной, но Лайон Берк возвышался над ним на добрые три дюйма. Волосы у него были черные, словно у индейца, а с кожи, казалось, никогда не сходил загар. Генри прямо-таки весь сиял от нескрываемой гордости, проводя Лайона по помещениям и представляя его сотрудникам. Секретарша по приему посетителей заметно покраснела, пожимая ему руку, младшая секретарша жеманно улыбнулась, а мисс Стейнберг пришла в состояние игривого возбуждения.

Впервые в жизни Анна испытала чувство признательности за то, что ей привили чисто английскую сдержанность и самообладание. Она отдавала себе отчет в том, что когда Лайон Берк пожимал ее руку, у нее на лице было написано хладнокровие, которого на самом деле в помине не было.

-- Генри говорил мне о вас, не переставая. И вот сейчас, когда мы с вами познакомились, я его прекрасно понимаю.-- Британский акцент определенно шел ему. Анна выдавила какую-то любезность в ответ и с благодарностью посмотрела на Генри Боллами, который увлек Лайона в его только что отремонтированный кабинет.

-- Анна, ты тоже зайди,-- попросил Генри.

-- Потрясающе,-- сказал Лайон, оглядываясь вокруг.-- Чувствуешь себя так, словно от тебя ожидают чего-то взамен.-- Он опустился в кресло и улыбнулся. Анна вдруг поняла, что имела в виду мисс Стейнберг. Лайон улыбался всем, и его легкая улыбка была таинственной и непостижимой, будто защитная маска.

Генри расплылся в отеческой усмешке.

-- Просто оставайся тем же самым ленивым типом, каким ты был перед отъездом, и я буду ремонтировать твой кабинет каждый год. Ну, а теперь к делу. Анна, Лайону нужна квартира. Пока он поживет у меня,-- пояснил он.-- Хочешь верь, хочешь нет, но мы не смогли снять ему номер в гостинице.

Она поверила. Однако спросила, какое это имеет отношение к ней.

-- Хочу, чтобы ты нашла ему жилье,-- ответил Генри.

-- Хотите, чтобы я нашла мистеру Берку квартиру?

-- Конечно. И ты справишься с этим,-- ответил Генри.-- Вот это и есть часть того, что ты -- больше чем просто секретарша.

На этот раз Лайон рассмеялся от души.

-- Она -- воплощение красоты, Генри. Все, что ты говорил о ней, верно. Но она не госпожа бог.-- Он подмигнул Анне.-- Генри ведет жизнь без тревог и забот и уже давно не занимался поисками квартиры в Нью-Йорке.

Генри ожесточенно затряс головой.

-- Послушай, эта девушка приехала сюда два месяца назад, не умея отличить Седьмой авеню от Бродвея. И в первый же день не только нашла себе квартиру, но и получила эту работу, а сейчас и я уже пляшу под ее дудку.

-- Ну, вряд ли мою комнату можно назвать квартирой. Она просто крошечная...

Он смотрел на нее в упор, и ей стало не по себе.

-- Моя дорогая Анна, после войны, когда мне доводилось спать в разбомбленных до основания домах, любое пристанище с крышей над головой покажется мне лучшим отелем...

-- Анна непременно что-нибудь найдет,-- стоял на своем Генри.-- Посмотрит в Ист-Сайде. Гостиная, спальня, ванная с кухней -- долларов за сто пятьдесят в месяц. Максимум сто семьдесят пять. Начни се-

годня же днем. Завтра на работу не выходи... Выйдешь, когда подыщешь квартиру.

-- Генри, но в таком случае мы рискуем никогда больше не увидеть эту девушку,-- высказал опасение Лайон.

-- Я полагаюсь на Анну. Она непременно что-нибудь найдет.

Ее комната была на третьем этаже каменного дома. Преодолевать эти два лестничных пролета показалось ей сегодня особенно трудным делом. Анна остановилась на лестничной площадке, держа в руке потрепанную "Нью-Йорк таймс". Она потратила всю вторую половину дня, заходя в каждую квартиру, указанную в рекламном объявлении, но все они были уже сданы. Ноги у нее ныли от усталости. Утром она надела туфли для работы, а не для поисков квартиры. Завтра она начнет с утра и без всяких каблучков.

Прежде чем подняться к себе, Анна постучала в дверь к Нили. Ответа не последовало. Поднявшись по шаткой лестнице, она вошла в свою комнату. Было приятно слышать, как в старых батареях отопления шумит пар.

Хотя, по словам Лайона Берка, он и был заранее согласен на любое жилье, она не могла представить его в комнате, подобной этой. Не то чтобы комната была плохая. Нет, чистая и удобно расположена. Разумеется, по сравнению с ее просторной спальней в Лоренсвилле эта комната ужасна! Громоздкий диван-кровать выглядит так, будто вот-вот развалится. Интересно, сколько человек спало на нем до нее -- вероятно, не одна сотня. Но она не знает их, и, возможно, именно анонимность делает этот диван-кровать только ее собственностью. Небольшой обшарпанный ночной столик с изрезанной ножом столешницей и застарелыми следами погашенных о него сигарет; письменный стол с тремя выдвижными ящиками, которые всегда нужно оставлять немного выдвинутыми, потому что если их задвинуть до конца, они застревают, а если дергать за ручки с силой, те отлетают; "беременное" кресло, чей округлившийся животик натягивают пружины, вот-вот готовые вырваться наружу.

Комнате можно было бы придать более обжитой и уютный вид, но к концу недели у Анны не оставалось денег, а к тем пяти тысячам, что были положены на ее имя в банк, она твердо решила не прикасаться. Она все еще продолжала выплачивать кредит за хорошее черное платье и черный вечерний костюм.

Услышав знакомый стук в дверь, Анна отозвалась: "Я здесь", но даже не подняла головы.

Вошла Нили и с разбегу бросилась в кресло, которое жалобно скрипнуло и протяжно заныло, грозя тут же лишиться всех своих внутренностей.

-- Что это у тебя за рекламное приложение к "Таймс"? Переезжать надумала?

Когда Анна объяснила ей, в чем заключается ее новое поручение, Нили громко рассмеялась.

-- Хочешь сказать, он не желает тесную комнатку с четырьмя большими стенными шкафами?-- Затем, оставив эту тему как несущественную и потому исчерпанную, она перешла к важному делу.-- Анна, у тебя была возможность поговорить об этом сегодня?

"Это" было услугой, о которой Нили постоянно просила ее вот уже две недели.

-- Нили, ну как же я могла именно сегодня... когда вернулся Лайон Берк?

-- Но нам очень нужно попасть в "Небесный Хит". По какой-то странной причуде Элен Лоусон понравился наш номер. Нас приглашали на просмотр три раза, и она присутствовала на всех. Сейчас нужно одно только слово Генри Бэллами, и все в полном ажуре.

"Мы" означало Нили и ее двух партнеров. Настоящее имя Нили было Этель Агнесса О'Нил. "Здорово звучит, а?"-- восклицала она.-- Но прозвище "Нили" пристало к ней еще в детстве, и поскольку она была всего-навсего одним из членов танцевального трио "Гаучерос", то как-то менять его на труднопроизносимое имя не было никакой необходимости. Начавшись с обыкновенного приветствия кивком головы на лестнице, знакомство Анны с Нили быстро переросло в тесную дружбу. Нили походила на жизнерадостного подростка, в котором энергия бьет ключом. У нее был вздернутый носик, большие карие глаза, веснушчатое лицо и вьющиеся каштановые волосы. Нили и в самом деле выглядела подростком, но с семи лет она уже ездила по всей стране с эстрадной труппой.

Трудно было представить Нили как исполнительницу на сцене. Но как-то вечером она пригласила Анну в один клуб, расположенный в гостинице неподалеку от центра. Веснушки исчезли под толстым слоем грима, а детская фигурка обрела округлые зрелые очертания с помощью платья из тонкой материи и в блестках. Это был заурядный проходной номер. Двое парней в поношенных сомбреро и обтягивающих брюках двигались по кругу с неизбежной чечеткой и прищелкиванием пальцами, что должно было означать испанский танец. Такие представления Анна видела и у себя дома, в Лоренсвилле. Однако она не видела никого, даже отдаленно напоминающего Нили. Она не могла определить наверняка, была Нили необычайно хороша или же у нее все выходило из рук вон плохо. Нили так и не стала частью "Гаучерос". Она танцевала синхронно с ними, отбивала чечетку и изгибалась в такт, и все же это не было единым трио. Глаза зрителей неотступно следовали за одной Нили.

Но без костюма и без грима, сидя в продавленном кресле, Нили была всего-навсего порывистой семнадцатилетней девчушкой и первой настоящей подругой Анны Уэллс.

-- Я очень бы хотела помочь тебе, Нили, но я не могу обращаться к мистеру Бэллами по личному вопросу. Отношения у нас деловые.

-- Ну так что же? Всем известно, что еще давным-давно он был любовником Элен Лоусон и что она слушается его во всем по-прежнему.

-- Кем он был?

-- Ее любовником. Ее мужчиной. Только не говори мне, что ты не знала об этом.

-- Нили, откуда ты услышала такую глупость?

-- Глупость? Ну ты даешь! Значит, тебе никто не рассказывал об этом? Это было давно, и потом она три раза выходила замуж, но тогда несколько лет они не сходили у всех с языка. А ты думаешь, чего я тебе всю плешь просла, чтобы ты замолвила за меня словечко перед Бэллами? Можешь ты сказать ему завтра?

-- Завтра я буду искать квартиру. И потом, Нили, я же сказала тебе... нехорошо нести свое личное на работу.

Нили вздохнула.

-- Ох уж эти мне благородные манеры... Ты еще наплачешься от них, Анна. Если хочешь чего-то добиться, нужно двигаться к этому кратчайшим путем. Просто подойди к нему и спроси.

-- А что будет, если тебе откажут?

Нили пожала плечами.

-- Ну и что? Хуже-то все равно не будет, даже если бы ты и не спросила. А тут, по крайней мере, появится шанс... пятьдесят на пятьдесят.

В ответ на эту логику Анна улыбнулась. Нили не получила образования, но обладала врожденным умом щенка неопределенной породы, который в сочетании с искрометным остроумием позволил выжить именно этому щенку из всего помета. Щенок этот был неуклюжим, искренним и нстерпеливым, однако, несмотря на непосредственность, в нем временами отчетливо просматривались практицизм и житейская приземленность.

Первые семь лет своей жизни Нили провела в детских приютах. Потом сестра, которая была старше ее на десять лет, познакомилась с Чарли, одним из "Гаучерос", и вышла за него замуж. Образовалось трио, и она тут же спасла Нили от монотонно-унылой атмосферы приюта и скучной школьной зубрежки, окунув ее в жизнь гастролирующей по разным городам третьеразрядной эстрадной труппы. Со школой было покончено, но на подмостках всегда оказывался человек, который помогал Нили учиться чтению и арифметике. Географию она изучала через окно железнодорожного вагона, а историю -- по пьесам европейских драматургов, которые ставились на сцене. И всегда находился дружески относящийся к ней швейцар, который вовремя давал знать, когда являлся с проверкой инспектор из департамента образования. Когда Нили было четырнадцать лет, сестра перестала выступать, решив родить ребенка, и Нили, зная всю программу до тонкостей, заменила ее. И вот сейчас, после стольких лет выступлений в дешевых балаганчиках, у "Гаучерос" появилась возможность выступить в бродвейском шоу.

-- Возможно, я поговорю об этом с Джорджем Бэллоузом,-- задумчиво сказала Анна, подправляя косметику перед зеркалом.-- Он пригласил меня на премьеру "Небесного Хита".

-- До нее еще далеко,-- сказала Нили,-- но это лучше, чем ничего.-- Она смотрела, как Анна переодевается в твидовый костюм.-- Сегодня у тебя свидание с Алленом?

Анна кивнула.

-- Так я и думала. А для мистера Бэллами -- всегда черное платье. Слушай-ка, у него глаза не устают от черного цвета?

-- Мистер Бэллами никогда не замечает, в чем я, когда мы с ним выходим куда-нибудь вечером. Это работа.

-- Ха-ха!-- воскликнула Нили.-- Здорово! В твоей конторе не работенка, а лафа. С шоу-бизнесом не сравнить, там вообще дерьмо собачье. С Джорджем ты идешь на премьеру, с мистером Бэллами не вылезашь из роскошных ресторанов, ешь там за ужином всякую вкуснятину, даже Аллена в своей конторе подцепила. А теперь еще и Лайон Берк! Ух ты! Целых четыре ухажера, а у меня и одного-то нет!

Анна рассмеялась.

-- Мистер Бэллами никакой не ухажер, премьера состоится только в январе, а для Лайона Берка я всего-навсего помощник, ищу ему жилье. Вот Аллен... ну... мы с Алленом просто встречаемся.

-- И все равно ты имеешь в четыре раза больше, чем я. Я вообще никогда ни с одним парнем не встречалась. Единственные мужчины, которых я знаю, это муж моей сестры и его партнер Дикки. А этот Дикки -- гомик. Все мое общение -- пообедать в аптеке Уолгрина да потрепаться с такими же безработными артистами.

-- А разве среди артистов у тебя нет знакомых, которые могли бы пригласить тебя куда-нибудь?

-- Ха-ха! Плохо ты знаешь эту актерскую братию, раз задаешь такие вопросы. "Пригласить куда-нибудь!" Да они удавятся за пять центов на стаканчик кока-колы. И дело не в том, что все артисты прирожденные жмоты и дешевки, но все они не у дел -- тут поневоле будешь жаться. А большинство подрабатывают по ночам -- помогают официантам, убирают грязную посуду со столиков, устраиваются лифтерами, ночными продавцами, -- короче, берутся за что угодно, лишь бы днем быть свободными, чтобы бегать, высунув язык, в поисках работы и встречаться с менеджерами.

-- Значит, ты скоро уедешь на гастроли?-- Анна вдруг почувствовала, как сильно ей будет нехватать Нили.

-- Надеюсь, что нет. Сестра говорит, что малышка только-только начала привыкать к отцу. Вот почему Чарли с ног сбился, договариваясь о всевозможных выступлениях в разных ночных клубах. Но Дикки начинает орать. Ведь если мы будем ездить, мы заработаем куда больше. Нам предлагают турне по ночным клубам в Буффало, Торонто и Монреале. Вот почему нам нужно получить этот кусок в "Небесном Хите". Шоу Элен Лоусон всегда становятся хитами. Мы смогли бы

оставаться в Нью-Йорке весь сезон, а то и больше. А потом я, может, познакомилась бы с нормальным парнем и вышла бы за него замуж.

-- Так ты поэтому хочешь быть в этом шоу? Чтобы познакомиться с кем-нибудь и выйти замуж?

-- Ясное дело, потому что тогда я стану кем-то. Стану миссис такой-то. Буду жить на одном месте. Заведу друзей. Соседи по улице будут знать меня.

-- А что же любовь? Ведь не так-то легко найти человека, которого действительно полюбишь.

Нили сморщила носик.

-- Знаешь, если меня кто-нибудь полюбит, то и я его полюблю. Послушай-ка, Анна, если бы ты только поговорила с мистером Боллами...

Анна улыбнулась.

-- Хорошо, Нили, я поговорю с Генри, как только представится случай. Кто знает, может быть, ты станешь второй Павловой.

-- Это кто такая?

-- Она была великой балериной.

Нили рассмеялась.

-- Ну, это все ерунда. Насчет звезды. Хотя, знаешь, я иногда думаю, что вполне могла бы стать звездой. Но только не с этим номером. Что-то странное творится со мной, когда я оказываюсь на сцене перед зрительным залом. Танцую я довольно хорошо, но чувствую, что если бы аплодисменты не смолкали достаточно долго, я вообще взлетела бы, как на крыльях. По-настоящему хорошего голоса у меня нет, но я чувствую, что если бы понравилась зрителям, то смогла бы петь в опере. Когда я там, у меня такое чувство... ну, будто бы меня все обнимают или что-то в этом роде. Я говорила об этом с Диком и Чарли, но они считают меня чокнутой. Сами-то они ничегошеньки не чувствуют.

-- Нили, а может быть, тебе нужно учиться, брать уроки актерского мастерства? Может быть, ты и достигнешь самой вершины популярности?

Нили отрицательно покачала головой.

-- Слишком мало шансов. Очень многие из наших, кого я хорошо знаю, рассказывали мне, будто почти достигли этого и пробились на вершину.

-- Но ты говоришь о тех, кто недостаточно одарен,-- возразила Анна.

-- Слушай, в шоу-бизнесе никто не задерживается из-за хорошего графика и твердого заработка. Каждая, кто начинает заниматься этим, считает себя одаренной и думает, что потянет. Но на одну Мэри Мартин, Этель Мэрмен или Элен Лоусон приходится несколько тысяч рядовых исполнителей, которые почти пробились, ведя полуголодную жизнь в третьеразрядных труппах.

Анна молчала. Противопоставить логике Нили она не могла ничего.

Заканчивая подкрашиваться, она сказала:

-- Хорошо, Нили. Я сделаю все, что в моих силах, и поговорю с мистером Бэллами. Но кто знает, возможно, ты и так получишь это место. Должно быть, им понравилось твое выступление, если тебя приглашали на просмотр целых три раза.

Нили громко рассмеялась.

-- Вот чего я никак не могу взять в толк. Почему они вызывали нас целых три раза? Как Элен Лоусон могло понравиться именно наше дурацкое выступление? Разве что все остальные танцевальные труппы в этом городе заражены оспой или еще чем похуже. Слушай, если бы я считала наш номер хорошим, то не стала бы приставать к тебе. Не могу понять, почему Элен Лоусон проявляет к нам такой интерес, разве что ей Чарли приглянулся. Она, похоже, кладет глаз на любого, кто носит брюки. А Чарли, хоть и не хватает звезд с неба, парень привлекательный...

-- Но как Чарли поступит, если выяснится, что она действительно питает к нему симпатию? Как-никак он ведь муж твоей сестры.

-- Да просто переспит с Элен Лоусон, если понадобится,-- равнодушно ответила Нили.-- Будет думать, что в известном смысле делает это и для моей сестры. В конце-то концов особого удовольствия от того, что трахнет Элен, он не получит. Она не ахти какая красавица.

-- Нили, ты хочешь сказать, что будешь сидеть сложа руки и спокойно созерцать это? Сестра никогда не простит тебе.

-- Анна, ты не только говоришь, как непорочная девственница, но и мыслишь, как святоша. Послушай, я ведь тоже девственница, но я все-таки знаю, что секс и любовь для мужчины две разные вещи. На гастролях Чарли снимал в гостиницах самые дешевые номера и отсылал моей сестре три четверти своего заработка, чтобы она с ребенком могла прилично жить. Но это вовсе не мешало ему поволочиться иногда за симпатичной девчонкой из другой труппы. Ему просто был нужен секс... И никакого отношения ни к Китти, ни к ребенку это не имело. Я храню свою девственность только потому, что знаю -- мужчины придают ей огромное значение, и хочу, чтобы кто-нибудь любил меня так же, как Чарли любит Китти. Но у мужчин все по-другому. Не ждать же, в самом деле, что и он окажется девственником.

В комнате Анны зазвенел звонок. Это означало, что к входной двери подошел Аллен. Она нажала кнопку, дав сигнал, что спускается, и взяла пальто с сумочкой.

-- Ну ладно, Нили. Мне пора. Может быть, Аллен приехал на такси.

-- Постой-ка, у тебя еще осталось то потрясное шоколадное печенье?-- Нили заглянула в приоткрытый крохотный стенной шкаф.

-- Бери всю коробку,-- сказала Анна, открыв дверцу.

-- О-о, шикарно!-- Взяв коробку, Нили бережно держала ее в руках.-- У меня есть книга из библиотеки -- "Унесенные ветром", литровая бутылка молока и все это печенье. Ух ты! Ну и вечеринку я себе закачу!

Они пошли в небольшой французский ресторанчик. Аллен внимательно выслушал рассказ о ее новом поручении. Когда она закончила, он залпом допил кофе и попросил счет.

-- Анна, думаю, что время пришло.

-- Время для чего?

-- Время для момента истины. Время для твоего ухода от Генри Бэллами в зените твоей славы.

-- Но я не хочу уходить от мистера Бэллами.

-- Уйдешь.-- Он странно улыбнулся. Доверительно. Изменилась вся его манера держаться.-- Полагаю, что квартира для Лайона Берка станет твоим огромным достижением.

-- Хочешь сказать, что у тебя есть квартира на примете?

Он кивнул, загадочно улыбаясь, словно шутил. На улице он остановил такси и назвал адрес на Саттон-Плейс.

-- Аллен, куда мы едем?

-- Смотреть новую квартиру Лайона Берка.

-- Так поздно? И потом, чья это квартира?

-- Увидишь,-- ответил он.-- Немного терпения.

Весь остальной путь они молчали.

Такси остановилось у respectable здания неподалеку от Ист-Ривер. Стоящий у дверей швейцар вытянулся в струнку.

-- Добрый вечер, мистер Купер.

Лифтер кивнул и привычно остановил лифт на десятом этаже. Аллен небрежно вставил ключ во входную дверь. Он включил свет, и перед ними предстала искусно отделанная гостиная. Нажал другую кнопку, и, заполняя комнату, полилась тихая мелодичная музыка. Это была во всех отношениях отличная квартира. Квартира, словно сделанная на заказ специально для Лайона Берка.

-- Аллен, чья это квартира?

-- Моя. Проходи, смотри другие комнаты. Довольно большая спальня... вместительные стенные шкафы.-- Он раздвинул обе створки дверцы.-- Здесь ванная, там кухня. Небольшая, но с окном.

Она следовала за ним, не говоря ни слова. Это было непостижимо. Тихий, мягкий крошка Аллен -- и вдруг живет здесь?

-- А сейчас я покажу тебе один минус.-- Он прошел в гостиную и раздвинул спускавшиеся до пола шторы, открывая ей вид на соседнюю квартиру и окно, находящееся почти на расстоянии вытянутой руки.

-- Вот этот неприятный момент,-- сказал он.-- В этом сказочном доме есть все, кроме вида из окна. Хотя должен признать, в той квартире напротив живет толстяк, которому я поражаюсь. Живет один, и за эти два года я ни разу не видел, чтобы он прикоснулся к пище. Живет на одном пиве -- завтрак, обед и ужин. Смотри!-- И, словно по сигналу, в кухню напротив, тяжело переваливаясь, вошел толстяк в одной майке и открыл бутылку пива.

Аллен задернул шторы.

-- Поначалу я волновался за него. Думал, что он наверняка загнет-ся от витаминной недостаточности или чего-то в этом роде. Но он, по-хожé, прекрасно чувствует себя, живя на одном пиве.-- Аллен подвел ее к кушетке.-- Ну как, подходит это для мистера Берка?

-- По-моему, квартира великолепна, даже с этим толстяком. Но, Аллен, зачем тебе оставлять такую прекрасную квартиру?

-- Я нашел себе получше. Можно переезжать хоть завтра. Но я хо-чу, чтобы сначала ее посмотрела ты. Важно, чтобы тебе она тоже по-правилась.

Боже мой! Он собирается просить ее руки! Милый, добрый крошка Аллен? Ей не хотелось обидеть его. Может быть, она сумеет притво-риться, что не поняла его.

Она попыталась придать своему голосу безразличную интонацию:

-- Аллен, то, что мне поручено подыскать квартиру Лайону Берку, еще не означает, что я разбираюсь в этом. Мне дали это поручение, чтобы лучше распределить обязанности у нас на работе, потому что у Лайона Берка нет сейчас свободного времени. Если ты уже нашел ту квартиру сам, то никаких моих советов тебе, конечно же, не требует-ся...

-- Говоришь, он будет платить сто пятьдесят,-- сказал Аллен.-- Но можно торговаться и до ста семидесяти пяти. Вот что я тебе скажу: от-дадим ее ему за сто пятьдесят. Тогда ты станешь настоящим героем. Пускай мой договор о найме переходит прямо к нему. Я как раз столь-ко за нее и плачу, правда, без мебели, но пусть мебель останется ему как премия.

Аллен вдруг почувствовал озабоченность.

-- Но ведь эта мебель понадобится тебе на новой квартире,-- запротестовала она.-- И потом, она, должно быть, немало стоит...

-- Не имеет значения,-- весело ответил он.-- Сможет ли Лайон Берк переехать сюда сразу же?

-- Ну, я думаю, что...

-- Конечно, сможет,-- ответил за нее Аллен.-- Пошли, покажу тебе свое новое жилье.-- Он вывел ее из квартиры, и они спустились на лифте, несмотря на ее возражения, что уже слишком поздно.

Когда они вышли из дверей на улицу, к ним опять подскочил ус-лужливый швейцар.

-- Такси, мистер Купер?

-- Нет, Джо, нам тут рядом.

Он провел ее по кварталу, и они вошли в другое здание, которое словно нависало над рекой.

Новая квартира была, как в кино. Пол в гостиной был выстлан ог-ромным толстым белым ковром. Уголок с баром был выложен италь-янским мрамором. Длинная лестница вела, очевидно, в комнаты на-верху. Но от чего действительно захватывало дух, так это от вида, от-крывающегося из окон.

За стеклянными дверями находилась огромная терраса, выходящая

на реку. Холодный влажный ветер бил Анне в лицо, но открывшаяся перед нею красота буквально завораживала. Яркое кружево огней на мосту словно петлей перехватывало реку и крохотными изумрудами струилось по пролетам. Застыв на месте, она неотрывно смотрела на это чудо, позабыв об Аллене.

-- Выпьем за новую квартиру?-- спросил он.

Она вышла из состояния задумчивости и взяла протянутый бокал кока-колы.

-- Аллен, чья это квартира?-- спокойно спросила она.

-- Будет моя, если захочу.

-- Но кому она принадлежит сейчас?

-- Одному человеку по имени Джино. Но он говорит, что она для него велика. Он живет в "Уолдорфе" -- это один из самых фешенебельных отелей в Нью-Йорке, там ему больше нравится.

-- Но, Аллен, ты же не можешь позволить себе что-либо подобное!

-- Ты бы удивилась, если бы узнала, что я могу себе позволить.-- На его лице опять заиграла та же странная улыбка.

Она пошла назад, в комнату.

-- Аллен, я думаю, мне лучше уйти. Я очень устала... и у меня в голове все смешалось.

-- Анна...-- Он взял ее за руку.-- Я богат, Анна. Очень, очень богат.

Не говоря ни слова, она пристально посмотрела на него. И внезапно поняла, что он говорит правду.

-- Я люблю тебя, Анна. Вначале я просто не мог поверить, что все это время ты встречаешься со мной и не знаешь.

-- Чего не знаю?

-- Кто я такой.

| -- А кто ты такой?

-- О-о, я все тот же Аллен Купер. Это единственное, что ты знаешь обо мне. Мое имя. Только оно ни о чем тебе не говорит. Ты принимала меня всего-навсего за невезучего мелкого страхового агента.-- Он улыбнулся.-- Ты не представляешь, каково мне было эти последние недели, прячась с тобой в дешевых ресторанчиках, видя, как ты заказываешь самые дешевые блюда в меню, зная, что ты беспокоишься за мои финансовые дела в страховом агентстве. Анна, раньше никто никогда не интересовался мною как личностью. Сначала я думал, что это розыгрыш, что ты прекрасно все знаешь и просто дурачишь меня. Такое уже бывало раньше. Вот почему я задавал столько вопросов о Лоренсвилле, откуда ты родом. Потом я нанял частного детектива, чтобы он все проверил.

Увидев, как сузились ее глаза, он схватил ее за руки.

-- Анна, не сердись на меня. Ты была слишком прекрасна, чтобы я мог поверить в это. Джино не поверил. Но когда стала поступать информация и все оказалось верно: семейный дом, овдовевшая мать, тетка и вся твоя жизнь в Новой Англии... Ты просто класс, Анна, вытесняющий класс. Бог ты мой, когда я удостоверился, то готов был устроить

фейерверк. Я всегда был настолько уверен, что со мной никогда не случится ничего подобного! Чтобы кому-то, кого я обожаю, я был безразличен сам по себе! Неужели ты не понимаешь, что для меня это означает?-- Он закружил ее по комнате.-- Я тебе безразличен? Действительно безразличен! Не ради моих денег, а ради меня самого!

Она вырвалась из его объятий и перевела дыхание.

-- Аллен, ну как я могла узнать, кто ты или обо всем этом, если ты не говорил мне?

-- А я не понимаю, как ты могла не узнать. Обо мне всегда пишут в газетах. Я был уверен, что какая-нибудь подруга скажет тебе. А Генри Бэллами -- наверняка.

-- Газет я не читаю, а друг, кроме Нили, у меня нет. А она читает только "Варьете". И я никогда не обсуждаю свои личные дела с мистром Бэллами или еще с кем-либо на работе.

-- Ну, значит, теперь можешь огоршить их сногсшибательной новостью. О нас с тобой!-- Он обнял ее, привлек к себе и поцеловал.

Сначала она безвольно стояла, затем резко разомкнула его объятия. Боже, с ней опять то же самое! Во время поцелуя ее захлестнула волна отвращения.

Он смотрел на нее с нежностью и обожанием.

-- Моя милая крошка Анна. Я понимаю, что ты стесняешься.

Подойдя к зеркалу, она подвела помадой губы. Рука ее дрожала. С нею творится что-то неладное. Почему она испытывает это холодное отвращение, когда ее целует мужчина? Многим девушкам очень нравятся, когда их целуют мужчины, которых они не любят. Это считается нормальным. И Аллен нравится ей, он для нее не чужой. Он не то, что какой-то Вилли Хендерсон или другие парни в Лоренсвилле. Что-то неладно в ней самой.

Он подошел к ней сзади.

-- Я люблю тебя, Анна. Понимаю, что это пришло слишком быстро. Любой на твоем месте стало бы не по себе. Но я хочу на тебе жениться. И хочу познакомить тебя с Джино, моим отцом.

Он протянул ей ключ.

-- Отдай его завтра Лайону Берку. Скажи, чтобы он позвонил мне в мой кабинет. Я сразу же перепису договор о найме квартиры на его имя. И, Анна, если эта квартира кажется тебе чересчур заставленной, ты можешь все отсюда выкинуть. Обставь ее по-своему. Джино потратил на нее кучу денег, но я вижу, что тебе это все не подходит. Или, если хочешь, мы купим дом в городе -- все, что захочешь.

-- Аллен... я...

-- Для одного вечера мы наговорились достаточно. Я люблю тебя. И ты выходишь за меня замуж. Знай и помни об этом всегда.

Когда они ехали в такси, Анна была глубоко погружена в свои мысли. Теперь она знала правду. Она -- фригидна. В школе девочки шепотом произносили это ужасное слово. Некоторые бывают такими с рождения, они никогда не достигают оргазма и не испытывают насто-

ящего страстного влечения. И она -- одна из них. Боже, она не получает удовольствия даже от поцелуя! А может, ей повезло, что она нашла такого, как Аллен? Он добрый, он мог бы помочь ей. И она могла бы выйти за него замуж. Мать была права. Это огромное чувство, его не дано пережить "настоящей леди", которая испытывает отвращение от поцелуя. Что ж, по крайней мере, ей удалось сбежать от Вилли Хендерсона и из Лоренсвилла. У некоторых мечта не сбывается даже наполовину.

Когда они остановился у ее дома, Аллен не отпустил такси.

-- Желаю тебе увидеть меня во сне, Анна.-- Он наклонился и легко поцеловал ее в щеку.-- Спокойной ночи.

Проводив глазами машину, Анна взбежала по лестнице и заколотила в дверь Нили. Появилась Нили, не поднимая головы от "Унесенных ветром". Так и не отложив книгу, она впустила Анну и продолжала читать.

-- Нили, оставь-ка на минуту книгу. Это очень важно.

-- Никакая сила в мире не оторвет меня от Рэтта Батлера!

-- Нили, ты слышала когда-нибудь об Аллене Купере?

-- Это что, розыгрыш?

-- Я совершенно серьезно. Кто такой Аллен Купер? Говорит тебе что-нибудь это имя?

Нили зевнула и закрыла книгу, осторожно загнув уголок страницы, чтобы не потерять Рэтта.

-- Ну ладно, раз тебе вздумалось поиграть в эти игры. Аллен Купер очень милый парень, который назначает тебе свидания три-четыре раза в неделю. Пару раз я видела его из окна, и, насколько могу судить, он далеко не Кэри Грант, но на него вполне можно положиться. Ну что? Могу я вернуться к Рэтту? Он куда интереснее, а Скарлетт, похоже, совсем не ценит этого.

-- Так, значит, ты никогда не слышала об Аллене Купере?

-- Нет. А почему, собственно, я должна была о нем слышать? Он снимается в кино или что-то в этом роде? Я знаю о Гэри Купере и о Джеки Купере, но Аллен Купер...-- она пожала плечами.

-- Ладно, возвращайся к своему Рэтту Батлеру.-- Анна направилась к двери.

-- Смешная ты сегодня,-- пробормотала Нили.-- Слушай-ка, ты часом не выпила или еще что, а?

-- Нет. До завтра.

Нили рассеянно кивнула. Она опять была вместе с Рэттом и Скарлетт.

В комнате было темно. Анна не спала, она лежала в постели и перебирала факты. Аллен -- не бедный мелкий страховой агент. Аллен -- богат. Но почему она должна была слышать о нем? Было ли еще что-то такое, что ей нужно узнать? Каким образом она может выяснить о нем что-то еще? Джордж Бэллоуз! Ну конечно. Если об Аллене или о ком-то другом нужно что-то узнать, то Джордж Бэллоуз в курсе всего.

Джордж Бэллоуз удивленно посмотрел на нее, когда она вошла к нему в кабинет.

-- Разве ты не должна сейчас искать квартиру?

-- Можно поговорить с тобой, Джордж? По личному делу...

Он встал, вышел из-за стола и, подойдя к двери, прикрыл ее.

-- В любое время. Садись. И можешь говорить со мною о самом что ни на есть личном. Кофе выпьешь?-- Он налил ей чашечку из термоса.-- Ну, а теперь выкладывай. Тебя что-то волнует?

Она задумчиво смотрела в чашку.

-- Джордж, ты знаешь Аллена Купера?

-- Кто же его не знает?-- Он изучающе посмотрел на нее.-- Постой, постой... Только не рассказывай мне, что связалась с ним!

-- Я знакома с ним. Насколько я понимаю, он довольно богат.

-- "Богат"!-- Джордж неприязненно хохотнул.-- Крошка, для таких денег следовало бы специально придумать новое слово. Да, конечно, империю основал его отец, Джино. Им принадлежит половина всей недвижимости в городе. По слухам, они -- партнеры этих греческих мультимиллионеров, магнатов-судовладельцев. Несколько лет назад в "Таймс" появилась статья о Джино. Может быть, сумею достать для тебя в библиотеке этот номер. Там говорилось, что его состояние даже не поддается точной оценке. Там же была опубликована и фотография Аллена. Единственный наследник всей империи. Можешь себе представить, каковы были последствия этой статьи для них обоих. С тех пор им стало невозможно никуда выйти без ружья для охоты на слонов, чтобы держать девиц на расстоянии от себя. Так что, если твои пути пересеклись с Алленом, даю тебе совет: не относись к нему серьезно. Это -- сволочь.

-- Но он очень мил,-- возразила Анна.

Джордж рассмеялся.

-- Ну, с виду-то он чист, как стеклышко, но вот изнутри ни в чем не уступит своему отцу по жесткости и предприимчивости. Уже провернул несколько чертовски удачных сделок самостоятельно. Сумел отвертеться от службы в армии, кажется, ему за это пришлось купить какой-то завод по производству парашютов, если не ошибаюсь.

Она встала.

-- Спасибо, Джордж.

-- Заходи в любое время, дорогая. Могу выдать тебе досье на любого хищника в этом городе -- с твоей внешностью ты наверняка перезнакомишься со всеми.

При виде Анны лицо у Генри Бэллами разочарованно вытянулось.

-- Только не говори мне, что уже капитулировала! Послушай, Анна, я знаю, что дело это нелегкое. Сегодня я уже сам звонил нескольким посредникам по найму квартир. Но ты должна продолжить поиски.

-- У меня есть квартира для мистера Берка.

-- Не может быть! Пресвятой боже, это потрясающе!

Соединившись с кабинетом Лайона, он вызвал его.

-- У меня есть ключ,-- продолжала она.-- Мистер Берк может посмотреть квартиру сегодня днем.

-- А почему не утром?-- раздался голос Лайона, входящего в кабинет.

-- Чтобы не дать им возможности передумать.

-- Анна, ты -- чудо! Какой адрес?

Он записал его.

-- Шикарное местечко. А мне это будет по карману?

-- Сто пятьдесят в месяц.

Он покачал головой.

-- Ты волшебница. Но откуда ключ? Жилец уже уехал?

-- Нет. Он, наверное, у себя в кабинете.

-- Как его имя?

-- Аллен Купер,-- спокойно ответила она.

Лайон просто записал имя, но Генри с любопытством уставился на нее.

-- Как ты нашла эту квартиру, Анна? По объявлению в газете?

-- Нет. Аллен Купер -- мой друг.

-- Раз это твой друг, тогда это не тот Аллен Купер, которого я знаю.

-- Я познакомилась с ним здесь, у нас, мистер Бэллами.

-- У нас?-- озадаченно переспросил Генри.-- Господи, а ведь верно!--

Он встал так резко, что кресло отлетело и ударилось о стену.-- Анна! Ты и Аллен Купер! Нет...-- Он затряс головой, не в силах поверить своим ушам.

-- Когда я познакомилась с ним, то думала, что он простой страховой агент,-- сказала она.

-- Этот сукин сын явился сюда, чтобы отвязаться от одной хористки. Одной из наших мелких клиенток. Хотел, чтобы я рассчитал ее и хорошенько припугнул. Я быстро вышвырнул его вон.-- Он сердито посмотрел на Анну.-- Да, видно, недостаточно быстро.

-- Генри,-- голос у Лайона звучал резко.-- Анна наверняка сама в состоянии выбирать себе друзей.-- И тут же, улыбнувшись ему, добавил: -- Ты не вполне справедлив. Дал Анне почти невыполнимое задание, а когда она блестяще выполнила его, ты вместо того, чтобы во всеуслышание расхваливать ее, бросаешь ей в лицо обвинения и вмешиваешься в ее личную жизнь.

-- Аллен Купер...-- все еще не веря, повторял Генри.-- Лайон, если бы ты только знал этого Аллена Купера.

Лайон улыбнулся.

-- Я не хочу его знать. Хочу только его квартиру.

-- Ты когда-нибудь слышал о нем?-- спросил Генри.

Лайон задумался.

-- Кажется, да. Баснословно богат, по-моему. Но нельзя же ставить это ему в вину.

-- Но Анна -- не ровня такому человеку, как он. Она играет не в их лиге. Она непременно погибнет, -- стоял на своем Генри.

Анна молча стояла, слегка раздраженная тем, что они говорят о ней так, словно ее здесь нет.

-- О'кей!-- Генри обернулся и придвинул кресло к столу.-- Это не мое дело. Пусть поступает, как знает. С этого момента это твоя собственная игра.

-- И я уверен, она знает правила, -- сказал Лайон. Он повернулся к ней, улыбаясь.

-- Очень хотелось бы взглянуть на квартиру. Не возражаешь, если Анна пойдет со мной, Генри?

Тот махнул рукой, отпуская их, и принялся за прерванную работу. Анна услышала, как он вздохнул, когда они выходили из кабинета.

Сидя в такси, она неотрывно смотрела в окошко. Был один из тех замечательных октябрьских дней, когда воздух напоен ароматом, а поблекшее солнце тщится походить на весеннее.

-- Не сердись, -- тихо сказал Лайон.-- Генри разошелся так только потому, что дорожит тобой и очень любит тебя по-своему. Не хочет, чтобы тебе было больно.

-- Я не сержусь, просто мне неудобно.

-- Раз уж все вокруг лезут с непрошеными советами, позволь дать тебе несколько своих. Никогда не суди о человеке по чужому мнению о нем. У каждого из нас есть разные грани, и каждый из окружающих видит нас под своим углом.

-- Хотите сказать, что даже Гитлер мог быть мягким и игривым с Евой Браун?

-- Да, что-то в этом роде. А король Генрих VIII отнюдь не убивал всех своих жен. Если не ошибаюсь, последняя из них фактически держала его под каблуком.

-- Но Аллен действительно очень мил, -- стояла она на своем.

-- Наверняка так оно и есть. Если это тот самый дом, то здание весьма внушительное.

Такси остановилось. У дверей дежурил уже другой швейцар.

-- Мы приехали посмотреть квартиру мистера Купера, -- сказала Анна.

Тот кивнул.

-- Мистер Купер предупредил. Одиннадцатый этаж.

Она протянула Лайону ключ.

-- Я подожду в коридоре.

-- Что? Осмотр без экскурсовода? Пошли, моя девочка, я жду, что ты продемонстрируешь мне все достоинства этой квартиры. Где хранить белье, как включать отопление, где счетчик с пробками...

Анна почувствовала, что лицо ее залилось краской.

-- Я была здесь только раз, когда осматривала квартиру.

-- Тогда тебе известно о ней больше, чем мне, -- легко сказал он.

В квартире ему понравилось все. Он даже настойчиво убеждал ее, что ему приятно видеть толстяка в окне напротив.

-- Чувствуешь, что у тебя есть соседи. Сегодня же днем позвоню Аллену Куперу и поблагодарю его. Но сначала я должен выразить благодарность тебе. Предлагаю пойти и шикарно пообедать за счет Генри.

Они направились в ресторан "Барберри Рум". Анне понравилась царившая в зале мягкая синеватая полутьма, крошечные искусственные звездочки, мерцавшие на потолке, и уютные кресла. Она даже согласилась выпить хереса. За истекшие сутки с нею произошло слишком многое и слишком быстро; она чувствовала себя совершенно обессиленной, выбитой из колеи.

Лайон и не пытался ее разговорить. Он непринужденно говорил о прелестях новой квартиры, об изысканном вкусе блюд, о своем новом восприятии ценностей мирной жизни. Она чувствовала, что ее скованность сходит на нет. Ей нравился его четкий британский акцент, убаюкивающая атмосфера в зале. Нравилось смотреть ему в лицо... наблюдать, как меняется его выражение, его скользящая улыбка.

-- Тебе придется примириться с тем, что Генри вмешивается в твою жизнь,-- говорил он, наклоняясь к ней через столик и поднося спичку к ее сигарете.-- Но делает он это лишь потому, что желает тебе самого доброго. Он возвел тебя на своего рода пьедестал.

-- Это вас он возвел на пьедестал,-- возразила она.-- Высотой футов в семьдесят. Вы -- будущее фирмы "Бэллами и Бэллоуз".

-- Он считал так четыре года назад,-- ответил Лайон.-- За четыре года человек может измениться.

-- Мистер Бэллами не изменил своего мнения о вас.

Он взял ее руку в свою.

-- Анна, не могли бы мы покончить со всеми этими "мистерами"? Я

-- Лайон. А "мистер" Бэллами -- Генри.

Она улыбнулась.

-- Хорошо... Лайон. Ты должен знать, с каким нетерпением Генри ждал твоего возвращения.-- Она вдруг осеклась. Ведь это ее решительно не касается. Раньше она никогда не вмешивалась в личную жизнь кого бы то ни было. Но сейчас она ощущала в себе настоятельную потребность вступить за Генри. Внезапно она поняла, почему Генри настроен против Аллена -- это было частью его дружеского отношения к ней. Она также по-новому отчетливо осознала логику аргументов Нили. Нельзя быть настоящим другом, оставаясь при этом вежливо-холодной и официальной. Она непременно поговорит с Генри о Нили и "Небесном Хите". Она почувствовала себя по-новому свободной, словно только что избавилась еще от одной цепи, приковывающей ее к Лоренсвиллу.

-- Я отдаю себе отчет в том, каковы надежды и планы Генри,-- ответил Лайон.-- И, вероятно, я не оставлю его одного. Но боже мой! Это же поганое занятие -- то ли адвокат, то ли администратор.

-- Но все в один голос утверждают, что ты настоящий генератор идей. Нужно по-настоящему любить свое дело, чтобы привносить в него столько энергии.

-- Я любил хорошую борьбу... трудности, для преодоления которых требовалось напряжение всех сил... даже не совсем честные операции.

Она почувствовала себя неловко. Все, что он сейчас говорил, противоречило славе, что неслась впереди него.

Он понял ее молчание как обиду за Генри.

-- Ну ладно, не расстраивайся. Я, вероятно, просто немного устал от войны.

-- Но ты рад, что снова вернулся к Генри?

-- Я ведь вернулся, разве нет?

На ее лице появилось озадаченное выражение.

-- Ты говоришь так, словно на самом деле охотнее занялся бы чем-то другим.

-- А разве хоть кто-нибудь может позволить себе роскошь заниматься только тем, чем ему хочется?

-- Я, например, занимаюсь сейчас тем, чем мне хочется.

Его лицо озарилось улыбкой.

-- Я польщен.

-- Я имею в виду, что работаю у Генри. Живу в Нью-Йорке. А чем бы хотел заниматься ты, Лайон?

Он распрямил под столом свои длинные ноги.

-- Стать чертовски богатым, это во-первых. Засесть в каком-нибудь прелестном райском уголке на Ямайке, чтобы меня опекали несколько красивых девушек, в точности похожих на тебя, и написать роман-бестселлер о войне.

-- Ты хочешь писать?

-- Разумеется.-- Он пожал плечами.-- А разве каждый вернувшийся с фронта не чувствует в себе уверенности, что именно он вынашивает единственно правдивый роман о войне?

-- Тогда почему бы тебе не сесть и не написать его?

-- Ну, во-первых, работа у Генри целиком поглощает все мое время. И эта очаровательная квартирка, которую я наследую, отнюдь не бесплатная. Боюсь, что в моем лице потеря для литературы станет приобретением для Генри Бэллами.

Она поняла, что Лайон Берк не поддается схематизации и четкой классификации. Он не бесчувственный сухарь, но свои эмоции и порывы всегда будет скрывать либо за улыбкой, либо за остроумными пассажами.

-- Странно, а ведь ты не производишь впечатление человека, пасующего перед трудностями,-- набравшись смелости, заявила она.

Его глаза сузились.

-- Извини, как ты сказала?

-- Человека, сдающегося без единой попытки к сопротивлению. Я хочу сказать, что если ты хочешь писать, если ты честно считаешь и

чувствуешь, что тебе есть что сказать, то тогда непременно делай это. Каждый человек должен хотя бы попытаться сделать то, что ему хочется. Это уж потом жизненные обстоятельства и обязанности вынуждают человека к компромиссам. Но идти на компромисс сейчас -- это все равно, что спасовать; еще не начав.

Перегнувшись через столик, он взял ее за подбородок. Глаза их встретились, и он долго пристально вглядывался в нее.

-- Генри определенно не знает тебя. Ты не та девушка, о которой он говорит. Единственное, в чем он оказался прав относительно тебя, это твоя невероятная красота. Ей-богу, ты способна сражаться, да еще как.

-- Сегодня я не похожа на самое себя.-- Анна чувствовала себя опустошенной.-- Что-то вышла из равновесия. Столько всего произошло и за такой короткий срок. А когда с тобой ничего не происходило целых двадцать лет, в такой ситуации наверняка поведешь себя странно. Я имею в виду все это с Алленом Купером. Я только вчера вечером узнала, кто он такой на самом деле.

-- Пусть мнение Генри не особенно тебя тревожит. Он не слишком-то горит желанием, чтобы рядом с тобой оказался кто-то другой. Если понадобится, он станет отгонять от тебя поклонников гранатами.

-- Аллен мне просто друг.

-- А вот это отличное известие.-- На сей раз Лайон смотрел на нее без улыбки.

Анна испытывала волнение от его пристального взгляда. Чтобы скрыть свое замешательство, она сказала:

-- Все, что я говорила сейчас о том, что человек должен попытаться сделать то, чего ему действительно хочется... так вот я говорила совершенно серьезно. Именно это я сделала, приехав в Нью-Йорк. Человек не должен расставаться со своей мечтой, не дав ей шанса сбыться.

-- Никакой мечты у меня нет, Анна. И никогда не было. Эта мысль о писательстве появилась у меня только после войны. А до войны я был нацелен на успех, на то, чтобы делать большие деньги. Но сейчас я даже не знаю точно, хочу ли я этого по-прежнему. Фактически у меня вообще нет уверенности, что на свете существует нечто такое, чего я очень сильно хочу.-- У него опять быстро, в присущей ему манере, изменилось настроение, и он улыбнулся.-- И все же то, чего я хочу, существует. Хочу жить каждой проходящей минутой и секундой, жить ими и делать так, чтобы каждая из них была потрачена с пользой.

-- Понимаю тебя,-- ответила она.-- Это естественное чувство всякого, кто побывал на войне.

-- Вот как? А я уж было стал сомневаться, помнят ли здесь женщины о том, что была война.

-- Уверена, что в душе каждый человек пережил войну.

-- Не могу согласиться. Когда ты там, в ее пекле, ты думаешь, что в

жизни ничего, кроме нее, не существует. Невозможно поверить, что где-то люди спят в мягких и чистых постелях или сидят в ресторанах, подобных вот этому. В Европе все по-другому. Куда ни пойдешь, везде разбомбленные здания... Живешь с постоянным напоминанием о смерти. Но стоило мне вернуться сюда, как и кровь, и смерть, окружавшие меня там, стали казаться чем-то бесконечно далеким. Словно все это было не на самом деле, а в каком-то дьявольском наваждении, в кошмаре. И вот я в Нью-Йорке. Парамант-билдинг по-прежнему стоит на своем месте, и часы на нем идут, как и прежде. На тротуарах все те же трещины, на Плазе -- красивейшей площади Нью-Йорка, все те же голуби или их потомство. У "Копа" все те же очереди жаждущих увидеть все тех же звезд.

Вчерашний вечер я провел с одним очаровательным существом, и несколько часов она рассказывала мне о трудностях, перенесенных ею во время войны. Ни тебе капроновых чулок, ни помады в пластмассовых тюбиках, ни заколок для волос... В общем, все было ужасно! Кажется, больше всего она страдала от отсутствия капроновых чулок. Она была фотомodelью, и ноги имели для нее большое значение. Сказала, что страшно рада, что мы изобрели, наконец, атомную бомбу, -- она уже донашивала последнюю, шестую пару, когда ее сбросили.

-- Думаю, что на войне только одно имеет значение -- остаться в живых, а все остальное отступает на задний план, -- тихо проговорила Анна.

-- И еще: до конца войны ты лишен возможности загадывать наперед, -- ответил он. -- Ничего не планируешь дальше завтрашнего дня. А если и позволяешь себе думать о будущем, о своих планах на жизнь, то теряешь все свое мужество. И внезапно воскрешаешь в памяти все те бессмысленные занятия, на которые ты так бесцельно растрачивал свое время... ушедшие минуты, которых уже не вернуть. И тогда понимаешь, что время -- самая драгоценная вещь на свете. Потому что время -- это жизнь. Единственное, что никогда больше не вернется к тебе. Ты можешь потерять девушку и добиться, чтобы она вернулась к тебе, или же найти другую. Но секунда, вот эта самая секунда, она проходит, и проходит безвозвратно, -- Лайон говорил вполголоса, уйдя в воспоминания, и Анна заметила тонкие морщинки, лучами расходящиеся от уголков его глаз.

-- У нас был один капрал... Однажды мы заночевали в каком-то амбаре, вернее, в том, что от него осталось. Обоим не спалось. Капрал постоянно разминал в руке землю. Говорил то и дело: "Земля тут прекрасная". Кажется, у него была ферма в Пенсильвании. Он рассказывал мне о своих заботах, о хлопотах с персиковыми деревьями и о планах расширить ферму, когда вернется домой. Хотел, чтобы она понравилась его детям, когда те вырастут. Вот только земля его беспокоила. Недостаточно плодородная. Только об этом и говорил. И вскоре я поймал себя на том, что тоже тревожусь за его бедную, истощенную землю -- даже советовал ему что-то. Помнится, когда я, наконец, уснул,

то снились мне удобрения и бесконечные акры персиковых деревьев. На следующий день нам пришлось туго. Нарвались на минное поле... на снайперов... да и погода была отвратительная. Вечером я составлял донесения о погибших. Проверял личные знаки. Один из них принадлежал тому капралу. Я сидел, тупо уставившись на его личный знак. Еще вчера это был живой человек, который всю свою последнюю ночь напролет провел в тревожных мыслях о земле и удобрениях. И вот теперь своей собственной кровью он удобряет чужую землю.-- Лайон посмотрел на Анну и внезапно улыбнулся.-- А я вот сижу здесь и отнимаю у тебя время своей болтовней об этом.

-- Нет, продолжай, пожалуйста.

Он странно посмотрел на нее.

-- Сегодня я наговорил много всего такого... такого, что следовало бы держать при себе.-- Он подал знак, чтобы принесли счет.-- Однако хватит, я и так уже отнял у тебя достаточно времени. Оставшуюся часть дня займись собой. Купи новое платье, сделай укладку... или еще что-нибудь приятное из того, что должна делать красивая девушка.

-- Эта красивая девушка пойдет на работу.

-- Ничего подобного. Это я тебе приказываю. Генри вообще думал, что у тебя уйдет на это несколько дней. Отдыхать -- вот самое малое из того, что ты заслужила. Плюс премию в размере двухнедельного жалованья. Я позабочусь об этом.

-- Но я даже не думала...

-- Ерунда. Я рассчитывал, что посреднику из бюро по найму квартир мне придется дать сверху не меньше месячной платы. Пусть это будет моим первым распоряжением в фирме "Бэллами и Бэллоуз". Итак, ты получаешь премию в размере двухнедельного жалованья и полдня свободы.

Эти полдня она взяла, но не стала делать ничего из того, что он предлагал ей. Прошла по Пятой авеню -- одной из центральных улиц Нью-Йорка, на которой расположены самые шикарные и дорогие магазины. Посмотрела, что начинают носить и что входит в моду на зимний сезон. Посидела в сквере на Плаза. И все это время из головы у нее не выходил Лайон Берк. Он затмевал собою всех, кого она когда-либо знала. Сначала она была потрясена улыбчивым, загадочно-непостижимым Лайоном, однако тот Лайон, который рассказывал ей о войне, показался доступным, способным к сопереживанию. Как он сочувствовал тому капралу! Что же собой представляет Лайон Берк на самом деле?

Выйдя из сквера, она пошла назад по Пятой авеню. Становилось поздно. Ей нужно зайти домой переодеться. Вечером за ней должен захватить Аллен. Аллен! Она не может выйти замуж за Аллена! Это противоречило бы всему, что она говорила только что. Вот когда бы она действительно сдалась! Ей еще слишком рано идти на компромис-

сы, расставаясь даже с частью своей мечты. Она все скажет ему за ужином. Но подать это нужно будет мягко, тактично. Нельзя же заявить с ходу: "Привет, Аллен. Я не пойду за тебя". За ужином она подготовит почву и объявит ему об этом непринужденно, но твердо. Вот так, и ничего тут сложного.

Однако все оказалось сложным. На этот раз никакого тихого французского рестораника не было. Аллену больше не требовалось скрывать, кто он такой. Они отправились в ресторан "21". Ему кланялись официанты, и все называли его по имени. И сам он, казалось, знал всех сидящих в зале.

-- Кстати, Анна, тебе нравится жить за городом?-- спросил он.-- У нас есть дом в Гринвидже...

Это было началом.

-- Нет, этого мне хватало и в Лоренсвилле. По правде говоря, Аллен, мне нужно тебе что-то сказать, нечто такое, что ты должен понять...

Посмотрев на часы, он подал знак, чтобы принесли счет.

-- Аллен!

-- Продолжай, я слушаю.-- Он выписывал чек.

-- Это касается того, о чем ты говорил вчера вечером. И вот сейчас, о жизни за городом. Аллен, ты мне очень нравишься, но...

-- Да, хорошо, что напомнила. Я переслал договор о найме квартиры Лайону Берку. Говорил с ним днем. Хороший парень. Англичанин, да?

-- Вырос в Англии. Аллен, послушай меня.

Он встал.

-- Скажешь в такси.

-- Пожалуйста, сядь. Скажу лучше здесь.

Улыбнувшись, он подал ей пальто.

-- В такси темно -- больше романтики. Кроме того, мы опаздываем.

Она беспомощно встала.

-- Куда мы едем?

-- В "Марокко". Ты слышала? Это знаменитый в Нью-Йорке ночной клуб-кабаре.-- Он вышел из зала, обмениваясь рукопожатиями, заметно раздавая при этом чаевые. В такси он откинулся на спинку сиденья и улыбнулся.-- В "Марокко" сейчас сидит мой отец. Я сказал ему, что мы заедем. Ну а теперь, что ты хотела мне сообщить?

-- Аллен, я очень тронута твоим отношением ко мне. И очень благодарна тебе за квартиру для Лайона Берка. Это избавило меня от множества хлопот и от бесконечной ходьбы по всему городу. Я считаю тебя одним из лучших людей, которых я когда-либо знала, но...-- Она увидела огненно-яркую неоновую вывеску "МАРОККО" и торопливо зачастила: -- ...но насчет замужества... о чем ты говорил мне вчера вечером... Извини, Аллен, я...

-- Добрый вечер, мистер Купер!-- пропел свое приветствие швейцар, открывая дверцу машины.-- Ваш отец здесь.

-- Спасибо, Пит.

И вновь еще одна бумажка переключалась из руки Аллена в руку швейцара. Аллен провел Анну в клуб. Ей так и не удалось подчеркнуть всю важность того, что она пыталась объяснить ему, а может быть, это Аллен специально подчеркивал, что не желает понимать ее?

Джино Купер с группой из нескольких человек восседал за круглым столиком неподалеку от стойки бара. Он помахал рукой Аллену, приглашая его за свой столик. Официант провел Аллена. Было пол-одиннадцатого: время для "Марокко" еще раннее. Хотя Анна оказалась в этом известном ночном клубе впервые, раньше ей доводилось видеть в газетах и журналах фотографии разных знаменитостей на фоне известных всей стране полосок "под зебру". Она осмотрелась. Полосок "под зебру" здесь было много, но во всем остальном это был просто большой зал с очень хорошим оркестром, играющим современные мелодии.

Джино сразу же пересел поближе к ним. Не дожидаясь, пока Аллен представит его даме, он схватил Анну за руку и яростно затряс ее.

-- Значит, это она, да?-- Он тихо присвистнул.-- Сынок, ты был прав. Тут стоило и подождать. Высший класс. Могу определить это, прежде чем она скажет хоть слово.-- Он щелкнул пальцами. И тут же, словно материализовавшись из воздуха, у их столика возник управляющий.-- Подайте шампанского,-- приказал ему Джино, не сводя глаз с Анны.

-- Анна не пьет...-- начал было Аллен.

-- Сегодня выпьет,-- добродушно возразил Джино.-- Сегодня у нас такое событие!

Анна улыбнулась. Теплота и радушие Джино распространялись на всех окружающих. Это был крепко сбитый смуглый человек, довольно привлекательный. В черных волосах пробивалась седина, но жизнерадостность и энтузиазм, бьющие через край, придавали ему мальчишеский вид.

Когда шампанское было разлито по бокалам, он поднял тост за нее.

-- За новую леди в нашей семье.-- Хватив залпом полбокала, он вытер губы тыльной стороной ладони и спросил: -- Вы католичка?

-- Нет, я...-- начала было Анна.

-- Ладно, тебе нужно будет перейти в католичество, когда выйдешь за Аллена. Я договорюсь с отцом Келли, и он провернет все в своей церкви в частном порядке и без лишних формальностей.

-- Мистер Купер...-- она говорила, совершая почти физическое усилие.

Аллен моментально прервал ее.

-- Вопрос о религии мы еще не обсуждали, отец. И у Анны нет никаких причин переходить в нашу веру.

Джино обдумал его слова.

-- Ну... нет, не надо, раз она ни в какую не желает. Если согласится венчаться в церкви и обещает воспитывать детей в католической вере...

-- Мистер Купер, я не собираюсь выходить замуж за Аллена!-- Ну все. Вот и сказала. Громко и внятно.

Его глаза сузились.

-- Почему? Вы до такой степени настроены против католиков?

-- Ни против кого я не настроена.

-- Так за чем же дело стало?

-- Я не испытываю чувства к Аллену.

Сначала взгляд Джино был недоумевающим. Потом он озадаченно обратился к Аллену:

-- Что она, черт возьми, говорит?

-- Говорит, что не испытывает любви ко мне,-- ответил Аллен.

-- Послушай, это что, розыгрыш? Ты, кажется, сказал, что хочешь жениться на ней.

-- Сказал. И женюсь. Но сначала мне придется заставить ее полюбить меня.

-- Вы что, с ума оба сошли?-- строго спросил Джино.

Аллен вежливо улыбнулся.

-- Я же говорил тебе, отец, что до вчерашнего дня Анна принимала меня за мелкого страхового агента, который тщится завоевать свое место под солнцем. И вот теперь ей нужно привыкнуть к мысли о том, кто я на самом деле.

-- Что тут привыкать?-- спросил Джино. -- С каких это пор деньги стали помехой?

-- Мы просто никогда не говорили с Анной о любви, отец. Думаю, что она просто не принимала меня всерьез. У нее ушло слишком много времени на беспокойство о том, как бы я не лишился своего места.

Джино с любопытством посмотрел на Анну.

-- Вы действительно встречались с ним все это время и ужинали в забегаловках, как он мне говорил?

Анна слабо улыбнулась. Она чувствовала, что на них начинают обращать внимание. Голос у Джино был громкий, и Анна была уверена, что добрая половина зала с удовольствием слушает их беседу.

Джино хлопнул себя по ляжке и громко расхохотался.

-- Вот это здорово.-- Он налил себе еще шампанского. К нему подскочил официант, пытаясь перехватить бутылку. Джино отмахнулся от него.-- Раньше я открывал такие зубами. А сейчас лакеи кучей лезут ко мне, чтобы налить бокал.

Он обратился к Анне:

-- Ты мне понравилась! Добро пожаловать в нашу семью.

-- Но я не собираюсь замуж за Аллена.

Он отмахнулся от ее слов.

-- Послушай, раз уж ты сумела выдержать, встречаясь с ним целых полтора месяца и мотаясь по дешевым забегаловкам, принимая его за слабака, то теперь-то ты его точно полюбишь. Пей шампанское. Начинай вырабатывать у себя богатый вкус, ты можешь себе это позволить. Привет, Ронни.

Словно из-под земли у их столика возник худощавый молодой человек и застыл, словно статуя.

-- Это Ронни Вулф,-- сказал ей Джино.-- Присаживайся, Ронни.-- Джино щелкнул пальцами и бросил в никуда, ни на кого не глядя: -- Мистеру Вулфу как всегда.

Так же ниоткуда появившийся официант поставил перед незнакомцем кофейник.

-- Только не рассказывай мне, будто ни разу не слышала о Ронни -- его репортажи читает весь город,-- гордо заявил Джино.

-- Анна в Нью-Йорке недавно,-- быстро пояснил Аллен.-- Она читает только "Таймс".

-- Хорошая газета,-- уверенно одобрил Ронни. Он достал из кармана черную записную книжку в потертom кожаном переплете. Темные глаза метнулись от Аллена к Джино.-- Хорошо, давайте ее имя... и кто застолбил участок? Отец или сын?

-- На этот раз мы оба,-- ответил Джино.-- Эта девушка скоро станет моей родственницей. Анна Уэллс. Не перепри фимилию, Ронни. Она выходит замуж за Аллена.

Ронни присвистнул. Он посмотрел на Анну со смешанным выражением любопытства и уважения.

-- Прекрасно, большой репортаж. Новая манекенщица, получившая первый приз? Или актриса? Стойте, ничего не говорите -- попытаюсь сам отгадать. Из Техаса?

-- Я из Массачусетса и работаю в конторе,-- холодно ответила Анна.

Ронни моргнул обоими глазами:

-- Вы еще скажите, что умеете печатать на машинке.

-- Думаю, это вряд ли будет новостью для вашей газеты. Я также думаю, вам следует знать, что Аллен и я...

-- Ладно, Анна,-- быстро проговорил Джино.-- Ронни наш друг.

-- Нет, нет, пусть продолжает,-- Ронни смотрел на нее взглядом, в котором читалось нечто похожее на уважение.

-- Ну-ка, выпей еще шампанского,-- сказал Джино, наполняя ее бокал.

Анна отпила немного, пытаясь подавить в себе гнев. Ей хотелось заявить, что она не собирается выходить за Аллена, но она поняла, что Джино намеренно прервал ее и, вероятно, опять поступит так же. Ему было бы неловко оттого, что кто-то осмеливается возражать ему в присутствии других. Как только Ронни Вулф уйдет, она сразу же предупредит Джино, чтобы он не делал никаких заявлений для прессы. Она уже сказала им обоим, отцу и сыну, что не собирается выходить за Аллена. Неужели деньги лишают богачей зрения и слуха?

-- У кого вы работаете?-- спросил ее Ронни.

-- У Генри Боллами,-- ответил за нее Аллен.-- Но это временно.

-- Аллен!-- сердито воскликнула она, но Ронни оборвал ее:

-- Послушайте, мисс Уэллс, задавать вопросы -- моя работа.-- Он

озарил ее искренней дружеской улыбкой.-- Вы мне нравитесь. Это что-то необычайное -- встретить девушку, которая приехала в Нью-Йорк не для того, чтобы стать актрисой или манекенщицей.-- Он пристально посмотрел на нее.-- Какое своеобразное лицо. Вы могли бы заработать целое состояние, если бы захотели. Если бы вас только увидели в фирме Пауэрса или Лонгуорта, вы могли бы стать даже богаче, чем ваш друг.-- Он подмигнул Джино.

-- Если бы она захотела работать, мы купили бы ей дом моделей,-- проревел Джино. -- Но она останется дома и будет воспитывать детей.

-- Мистер Купер...-- Лицо у Анны горело.

Вмешался Аллен:

-- Отец, давай обо всем по порядку.

Ронни засмеялся.

-- А вот и твоя подруга, Джино. Ей известна эта новость?

Они подняли глаза на высокую девушку с божественно идеальной фигурой. Не вставая, Джино подвинулся и похлопал по сиденью кресла.

-- Знакомься, это Адель Мартин. Садись, крошка, и познакомься с Анной Уэллс, невестой моего сына.

Нарисованные брови Адели взметнулись вверх, образовав две дуги. Все еще не признавая Анну, она переводила взгляд с Аллена на Ронни, желая получить подтверждение услышанному.

Ронни кивнул, его глаза оживленно засветились при виде оцепеневшей Адели. Но та быстро овладела собой. Прижавшись к Джино, она слабо улыбнулась Анне.

-- Как это тебе удалось, дорогая? А я вот уже битых семь месяцев пытаюсь окольцевать эту обезьяну. Назови мне твое волшебное слово, и дружно обвенчаемся все вчетвером.-- Она с обожанием посмотрела на Джино.

-- Ну, ты же у нас профессиональная актриса, Адель,-- поддел ее Ронни, подмигнув при этом Джино.

Адель посмотрела на него так, словно хотела испепелить его взглядом.

-- Послушай-ка, Ронни, даже для того, чтобы быть хористкой, нужен какой-никакой талант. Так что придержи-ка свои подколы при себе.

Ронни улыбнулся и сунул записную книжку в карман.

-- Я считаю, что ты лучшая хористка в городе, Адель.

-- Вот и не забывай об этом,-- сказала она, несколько смягчившись.-- Я отклонила два предложения сниматься в кино, только чтобы остаться здесь, со своим крошкой.-- И, изогнувшись, она поцеловала Джино в щеку.

Ронни встал и наклонил голову в знак прощания. Анна увидела, что едва он подсел за другой столик, к нему быстро подскочил другой официант и поставил перед ним новый кофейник. Ронни стал медленно потягивать кофе, вынув свою черную записную книжку и постоян-

но бросая взгляды на входную дверь, фиксируя всех входящих.

Аллен проследил за ее взглядом.

-- Ронни славный малый. Наемных репортеров у него нет, всю информацию для своих статей он собирает сам.

Адель презрительно усмехнулась.

-- Сплетник и проныра.

-- Тебя бесит то, что он написал в газете, будто бы о нас ходит молва, что мы помолвлены, -- возразил ей Джино.

-- Конечно, та его заметка была чертовски обидной. Выставил меня форменной дурой. -- Адель улыбнулась. -- Так как же, крошка? Не допустишь же ты, чтобы твой сынок обскакал тебя на пути к алтарю.

-- У алтаря я уже бывал, -- ответил ей Джино. -- Со смертью Розанны наступил конец и моей супружеской жизни. Жена у мужчины может быть только одна. Увлечения? Сколько угодно. Но жена -- одна.

-- И кто же установил такое правило? -- спросила Адель.

Джино налил девушке шампанского.

-- Адель, забудь об этом, -- холодно проговорил он, -- Даже если бы я и женился во второй раз, то не на тебе. Ты же разведена. -- Видя, что Адель надулась, он сказал: -- Да, кстати, я велел Ирвингу отнести тебе домой два манто. Выберешь сама.

Выражение лица у Адели моментально изменилось.

-- Оба норковые?

-- Какие же еще? Может, ондатровые?

-- О, Джино... -- Она тесно прижалась к нему. -- Иногда ты доводишь меня до бешенства, но приходится прощать тебя. Я так тебя люблю.

Джино посмотрел на шелковое пальто Анны, лежащее на кресле.

-- Эй, Аллен, не возражаешь, если я пошлю одно из них Анне как подарок к помолвке? -- И, не дожидаясь ответа, повернулся к Анне. -- Какой цвет ты любишь?

-- Цвет? -- Анна всегда считала, что норка коричневая.

-- Джино имеет в виду: диких или выращенных на ферме, -- пояснила Адель. -- Думаю, что дикая норка отлично пойдет к твоим волосам.

-- Боюсь, что не смогу принять его, -- тихо сказала Анна.

-- Почему не сможешь? -- резко спросил Джино.

-- Может быть, Анна хочет получить манто от меня, после того как мы поженимся, -- быстро вставил Аллен.

Джино рассмеялся.

-- Хочешь сказать, что когда дарят норковое манто, отношения должны быть узаконены?

-- А что тут противозаконного -- принять в подарок норковое манто? -- удивилась Адель. -- Противозаконно, по-моему, отказаться от него.

Анне было не по себе. От выпитого шампанского ее бросило в жар. Клуб был заполнен до отказа. Места для танцев становилось все меньше. Официанты сбились с ног, едва успевая подставлять новые не-

большие столики для вновь прибывающих важных посетителей. Люди сидели, уже почти касаясь толстого бархатного шнура, а в той половине зала, где расположилась их компания, яблоку негде было упасть. Однако, как ни странно, в другой половине стояло несколько пустых столиков. Аллен пояснил, что это "Сибирь"; если сядешь в той половине, тебя перестанут уважать. Там сидят одни мещане и приезжие. Они не понимают разницы. Но завсегдатай клуба умер бы со стыда, если бы ему пришлось там сидеть.

Люди менялись, как в калейдоскопе, ей постоянно кого-то представляли. В какой-то момент к ним ненадолго подсел еще один известный газетчик, а кто-то даже сфотографировал их. Джино заказал еще шампанского. Какие-то девицы, все как одна похожие на Адель, то и дело останавливались у их столика и поздравляли Аллена, бросая сочувственные взгляды на Адель. Некоторые из них довольно фамильярно приветствовали Аллена, обнимая и целуя его, одновременно бурно заверяя его в своей вечной преданности, бросая при этом завистливые и любопытствующие взгляды на Анну, в которых читался вопрос: "Понимаешь ли ты, малышка, как тебе повезло?"

Она сидела спокойно, скрывая за маской хладнокровия охватывающую ее панику. По пути домой ей придется поговорить с Алленом и внести во все полную ясность. Тогда он позвонит Ронни Вулфу и тому, другому журналисту. Нужно заставить его понять.

Она осторожно тронула его за рукав.

-- Уже час ночи, Аллен. Мне пора домой.

-- Домой?-- поразился Джино.-- Гадкое слово. Вечер только начинается.

-- Завтра мне нужно быть на работе, мистер Купер.

Джино расплылся в улыбке.

-- Маленькая леди, теперь тебе никогда ничего не нужно будет делать, только хорошо относиться к моему мальчику.

-- Но у меня есть работа...

-- Так брось ее,-- ответил Джино, разливая всем шампанское.

-- Бросить свою работу?

-- А почему бы и нет?-- На сей раз этот вопрос прозвучал из уст Адели.-- Если бы Джино предложил мне пойти за него, я бы в ту же минуту распрощалась со своей работой.

-- С какой работой?-- рассмеялся Джино.-- Стоять столбом и подвывать по два часа каждый вечер?-- Он повернулся к Анне.-- Эта наша "Мисс Америка" должна показывать свой товар лицом, чтобы удержаться на своем месте. Состоит в каком-то профсоюзе актеров. Но у тебя-то контракта нет.

-- Мне моя работа нравится, и я не хотела бы подводить людей внезапным уходом,-- ответила Анна.

Джино пожал плечами.

-- О'кей, с этим я согласен. В тебе есть настоящий класс. Действительно, всегда нужно предупреждать заранее. Скажи своему шефу за-

втра, дай ему возможность подыскать кого-нибудь на твое место.-- Он подал знак, чтобы принесли счет.-- Думаю, что для разнообразия нам всем не помешает закругиться сегодня пораньше.

Анна надела поданное ей пальто. Она внесет во все полную ясность, когда останется наедине с Алленом в такси на пути домой...

Однако никакого такси не было. Их ждал огромный черный лимузин с шофером. Джино пригласил их сесть.

-- Подвезем сначала нашу трудолюбивую пчелку.

Когда они подъехали к ее дому, Джино и Адель остались в машине, а Аллен вышел проводить ее до двери.

-- Аллен,-- прошептала она,-- мне нужно поговорить с тобой.

Он наклонился и легко поцеловал ее.

-- Анна, я понимаю, вечер сегодня был сумасшедший. Я должен был познакомить тебя с Джино. Теперь с этим покончено. Завтра мы пойдем куда-нибудь одни.

-- Джино мне понравился. Но, Аллен, ты должен сказать ему!

-- Сказать что?

-- Аллен, я не выхожу за тебя замуж! Я никогда не обещала тебе этого.

Он провел рукой по ее волосам.

-- Я не виню тебя за то, что ты паникуешь. Сегодняшний вечер кого угодно перепугал бы. Но завтра все будет по-другому.-- Он сжал ладони ее лицо.-- И хочешь верь, хочешь нет, но ты выйдешь за меня.

-- Нет, Аллен.

-- Скажи, Анна, ты любишь кого-то другого?

-- Нет, но...

-- Этого для меня уже достаточно. Дай мне только шанс.

-- Эй!-- крикнул, высунувшись из машины, Джино.-- Кончай треп, поцелуй ее и пожелай спокойной ночи!

Наклонившись, Аллен легко поцеловал ее.

-- Заеду за тобой завтра вечером, в половине восьмого.-- Он повернулся и сбежал вниз по ступенькам.

Она стояла, вся дрожа от холода, провожая машину взглядом.

Если Ронни Вулф напечатает о них в газете, ему придется давать потом опровержение. Она взбежала по лестнице к своей комнате. К двери был прикреплен белый конверт. Детским почерком печатными буквами было написано: *"Разбуди меня в какое угодно время. Дело срочное! Нили"*.

Анна посмотрела на часы. Уже два часа ночи. Но слова "Дело срочное!" были подчеркнуты. Медленно спустившись по лестнице, она осторожно постучала, не особенно надеясь, что Нили услышит ее. До ее слуха донесся скрип кровати, и тут же под дверью появилась полоска света. Открыв ей дверь, Нили спросонок терла глаза.

-- Слушай, сколько сейчас времени?

-- Много, но ты написала "срочно".

-- Да, да. Входи.

-- А до завтра нельзя подождать? Я тоже страшно устала, Нили.

-- Я уже совсем проснулась. И я замерзаю!-- Нили переступила с ноги на ногу на холодном полу. Анна прошла за нею в комнату, и Нили бросилась в постель, закутавшись в одеяло. Подтянув колени к подбородку, она улыбнулась.

-- Ну, угадай, что у меня!

-- Нили, либо говори, либо я ухожу спать.

-- Нас включили в это шоу!

-- Прекрасно! А сейчас, Нили, если не возражаешь, мне нужно...

-- Вот это да! "Прекрасно"? И спокойной ночи? И это сейчас, когда у меня произошло самое главное в жизни? Мы прорвались в "Небесный Хит", а ты отмахиваешься от такой новости?

-- Я в восторге от нее.-- Анна пыталась говорить с энтузиазмом.-- Просто дело в том, что сегодня у меня был ужасный вечер.

На лице Нили отразился неподдельный интерес.

-- А что случилось? Аллен захотел слинять или что?

-- Нет, он попросил моей руки.

-- Что же тут ужасного?

-- Я не хочу выходить за него.

-- Так скажи ему об этом.

-- Сказала, но он и слушать не хочет.

Нили пожала плечами.

-- Скажи еще раз завтра.

-- Но завтра об этом будет написано в газетах.

Нили непонимающе посмотрела на нее.

-- Анна, ты опять ведешь себя как-то чудно. Чего ради в газетах станут писать, что ты выходишь замуж за какого-то суетливого мелкого страхового агента?

-- Потому что этот суетливый мелкий страховой агент -- миллионер.

Когда до Нили, наконец, дошло, она пришла в исступление.

-- Анна!-- выскочив из постели, она закружилась по комнате в бешеном танце. -- Анна! Значит, ты добилась!

-- Но, Нили... Я не люблю Аллена!

-- С такими деньгами полюбить его будет нетрудно.

-- Но я не хочу ни выходить замуж, ни бросать свою работу. Впервые в жизни я стою на собственных ногах и не собираюсь отказываться от этого. Всего два месяца, как я обрела свободу...

-- "Свободу"! И ты называешь это свободой?-- взвизгнула Нили.-- Жить в спальне-прихожей, вскакивать в семь утра и мчаться в контору, обедать в аптеке, ну, может, еще изредка заваливаться в "Двадцать один" с Бэллами и его клиентом и мерзнуть в этом черном шелковом пальто? Хочешь сохранить свою свободу ради всего этого великолепия? Завтра уже первое ноября. Подожди-ка до января--февраля. Ну-у, в феврале в Нью-Йорке великолепно! Сплошная грязь и слякоть. Тогда эта маленькая противная батарея покажется тебе уголь-

ком. Так от чего же ты отказываешься? Ну, скажи, скажи мне!

-- От своей индивидуальности, может быть, от своего будущего, от всей своей жизни. Отказываюсь, еще не начав толком жить. Нили, в нашей семье никогда ни с кем ничего не происходило. Они выходили замуж, заводили детей, и на этом -- все. А я хочу, чтобы со мной что-то произошло. Хочу пережить и прочувствовать это, хочу...

-- Так ведь уже произошло!-- воскликнула Нили.-- Только тебе сразу же выпал самый крупный выигрыш. Ты недовольна тем, что тебе не придется годами ишачить и гнуть спину, носить туфли за шесть долларов и одежду, какая подешевле? Анна, если ты упустишь этот шанс сейчас, второго такого уже не будет. Ты что, думаешь, когда тебе осточертеет играть роль секретарши, на сцене вдруг появится другой миллионер и скажет: "О'кей, Анна, тебе пора замуж"? Ха-ха!

-- Я не ищу богатых женихов. Это несущественно.

Нили усмехнулась.

-- Ты просто никогда не была бедной.

-- Нили... послушай меня, попробую тебе объяснить. Вот сейчас ты в восторге оттого, что тебя включили в "Небесный Хит". Допустим, проходит несколько недель репетиций, и неожиданно в твоей судьбе появляется некто наподобие Аллена, просит твоей руки и настаивает, чтобы ты и думать забыла о своей программе, которая еще и не начиналась. Ты бы согласилась?

-- Согласилась бы я? Да с такой скоростью, что у тебя голова бы кругом пошла. Слушай, предположим, у меня настоящий талант. И предположим, в один прекрасный день мне выпадет шанс доказать это. Если я буду упираться несколько лет, чего я этим добьюсь? Денег, положения в обществе и уважения к себе. И ничего больше. И на это у меня уйдут долгие годы каторжного труда. А Аллен преподносит тебе все это на серебряном блюде.

Анна не верила своим ушам. Нили, которая без всякой косметики на лице выглядит моложе своих семнадцати лет, судит обо всем с таким цинизмом. Она направилась к двери. Она слишком устала, чтобы спорить.

-- Спокойной ночи, Нили. Поговорим об этом завтра.

-- Не о чем тут говорить. Ты выходишь за него, и все тут! Может быть, и я стану жить так же, как ты, если "Небесный Хит" прогремит.

Ноябрь 1945

Когда будильник, наконец, отзвенел, Анна проснулась с привычным ощущением, что все у нее обстоит как нельзя лучше. Она потянулась и, пробудившись окончательно, почувствовала, как ее словно

кольнуло. Что-то явно было не так...

Аллен! Вчерашний вечер! Ронни Вулф! Тревога ее сменилась на гнев. Ведь она сделала все, что от нее зависело. Сколько же существует способов говорить "нет"?

Она быстро оделась. Как только придет на работу, она позвонит Аллену. Покончит с этим раз и навсегда.

Когда она пришла, в холле их конторы стояло несколько человек. Они расступились, пропуская ее. Внезапно один из них воскликнул:

-- Эй, да это же она!

Ослепительно засверкали фотовспышки, посыпались вопросы. В этой сумятице она расслышала фамилию Аллена. Анна с трудом протиснулась, но они последовали за нею в контору, обращаясь к ней по имени. Все это напомнило ей один из детских кошмаров, когда за ней гнались, а помочь было некому.

Секретарша по приему посетителей улыбалась! Младшая секретарша и мисс Стейнберг -- тоже! Наконец она подошла к своему столу и встала за ним, вся в окружении людей, но совершенно одинокая и покинутая.

-- Когда вы познакомились с Алленом Купером, мисс Уэллс?-- Фотокамеры вспыхивали, ослепляя ее.-- Эй, Анни, посмотри-ка, пожалуйста, сюда... вот молодчина... улыбочку, Анни.-- Вспышка... другая...-- Венчание состоится в церкви, мисс Уэллс? Эй, Анни! Как ты чувствуешь себя в роли Золушки?

Она едва не закричала. Обогнув толпу репортеров, она вбежала в кабинет Генри. Запнувшись за порог, она упала бы, если бы ее не поддержал Лайон. Анна уже начала было говорить, как дверь вдруг распахнулась настежь. Они ворвались вслед за нею! Но Генри улыбается, приветствуя их. И Лайон тоже улыбается.

Генри отчески обнял ее.

-- Теперь, Анна, придется к этому привыкать. Помолвка с миллионером случается не каждый день.-- Почувствовав, что ее всю трясет, он ослабил объятия.-- Ну-ну, возьми себя в руки, успокойся и скажи им что-нибудь. В конце концов ребятам тоже надо зарабатывать себе на жизнь.

Она повернулась лицом к репортерам.

-- Что вам нужно?

-- Им нужна исчерпывающая информация вот об этом,-- Генри взял со стола утреннюю иллюстрированную газету и развернул ее.

Анна уставилась на крупную фотографию на первой полосе. Вот она сама, улыбается... и Аллен... и стены в полоску "под зебру". И огромная шапка, набранная жирным шрифтом:

**"НОВАЯ БРОДВЕЙСКАЯ ЗОЛУШКА --
АЛЛЕН КУПЕР ЖЕНИТСЯ НА СЕКРЕТАРШЕ".**

Генри опять обнял ее.

-- Ну ладно, ребята. Щелкните еще раз. Подпись можете дать такую: "Генри Бэллами поздравляет свою новую секретаршу-миллионершу".

И опять вспышки камер. Кто-то велит ей улыбаться... кто-то просит позволить сделать еще один снимок... кто-то забрался на стул и фотографирует ее оттуда... чьи-то голоса, доносящиеся издалека, просят ее посмотреть в том направлении. Словно морской прибой ревел у нее в ушах, и сквозь этот рев она видела Лайона Берка, который наблюдал за нею с легкой улыбкой на губах.

Потом Генри стал выпроваживать репортеров из кабинета, пожимая им руки и разыгрывая из себя радушного хозяина. Когда дверь закрылась, Анна услышала его голос: "Да, познакомились они здесь, в приемной..."

Она тупо уставилась на закрытую дверь. Внезапно воцарившаяся тишина казалась еще более нереальной, чем шум и суматоха. К ней подошел Лайон, протягивая зажженную сигарету. Она затаилась и закашлялась.

-- Успокойся,-- приятным голосом сказал он.

Она рухнула в кресло и посмотрела на него снизу вверх.

-- Что мне делать?

-- Все делаешь правильно. К этому ты привыкнешь. Со временем будет даже нравиться.

-- Я не собираюсь выходить за Аллена.

-- Пусть все это тебя не пугает. Каждый поначалу испытывает панический страх перед огромными газетными шапками.

В кабинет вбежал Генри.

-- Ну!-- Он смотрел на нее с нескрываемой гордостью.-- Почему ты поставила меня вчера в такое дурацкое положение? Знай я, что у парня самые серьезные намерения, я не сказал бы ничего подобного.

-- У Анны редкий талант,-- сказал Лайон.-- Она заставляет говорить окружающих, всех, кто находится рядом с ней.

Анна почувствовала, как к горлу подступил комок. "Настоящая леди не плачет при всех". Это какое-то безумие. Лайон со своей холодной улыбкой... Генри со своими манерами папочки, гордящегося своей дочкой.

-- Сейчас же звоню в бюро по найму,-- объявил Генри.-- У тебя, должно быть, очень плотный график, Анна. О делах в конторе не беспокойся. Справимся. Я кого-нибудь найду.

Она ощутила легкость в голове. Удивительная слабость, начинающаяся где-то в животе, казалось, отделяет голову от остального тела. Теперь все покидают ее. Генри уже перелистывает телефонный справочник в поисках бюро по найму!

-- Вы хотите, чтобы я ушла с работы?-- от напряжения голос ее звенел, как струна.

Тепло улыбаясь, Генри взял ее за плечи.

-- Милая моя, думаю, ты еще не до конца поняла, что же происхо-

дит. Подожди, вот начнешь составлять список дел перед свадьбой -- приглашения, примерки, интервью... Да тебе самой теперь понадобится секретарша.

-- Генри, мне нужно поговорить с тобой.

-- Ухожу,-- сказал Лайон.-- С Генри необходимо попрощаться наедине.-- Он кивнул Анне и подмигнул ей.-- Удачи тебе. Ты достойна всего самого лучшего.

Она проследила, как он закрывает за собой дверь, и повернулась к Генри.

-- Не могу поверить. Похоже, я вам всем совершенно безразлична.

Генри смутился.

-- Безразлична? Ну конечно же, нет. Мы очень рады за тебя.

-- Но ведь получается именно так: ты хочешь, чтобы я уволилась, и не желаешь меня больше видеть... тебе до меня уже и дела нет. Просто берешь на мое место другую девушку, и жизнь продолжается.

-- Нет, есть дело,-- спокойно возразил ей Генри.-- Есть, и еще какое. Неужели ты думаешь, что хоть одна может сравниться с тобой? Неужели ты думаешь, что я только и думаю, кем бы тебя заменить? Но что за друг я был бы, если бы стал удерживать тебя? А вот что ты за друг? Хочешь уволиться и никогда больше не видеться со мной? Ну уж нет! Так легко от меня не отделаешься. Жду приглашения на свадебное торжество... надеюсь быть крестным отцом твоего первенца. Черт возьми, да я буду крестным отцом их всех. Я даже полюблю Аллена. Да фактически я ничего против него и не имею. Просто он настолько чертовски богат, что я боялся, как бы он не обидел тебя. Но сейчас все иначе, теперь я люблю его деньги!

Она опять почувствовала комок в горле.

-- И Лайону тоже безразлично?

-- Лайону?-- озадаченно переспросил Генри.-- А с чего бы Лайону это должно быть безразлично? Его почтой занимается мисс Стейнберг и...-- Он вдруг осекся. Выражение его лица изменилось.-- Нет...-- почти простонал он.-- Только не ты, Анна. Всего один раз, черт побери, пообедали вместе, и ты уже у него на крючке?

Она отвела глаза.

-- Дело не в этом... но мы беседовали... я думала, мы с ним друзья...

Генри тяжело опустился на кожаную кушетку.

-- Иди сюда.-- Она села рядом, и он взял ее руки в свои.-- Послушай, Анна, если бы у меня был сын, я бы хотел, чтобы он точь-в-точь походил на Лайона. Но если бы была дочь, я наказал бы ей держаться от него за милю!

-- Я что-то не совсем понимаю.

-- Дорогая моя... я ни на что не намекаю, но есть мужчины, от которых женщинам одно горе. Аллен всегда был таким, но ты изъела его из обращения.

-- В каком смысле "одно горе"?

Он пожал плечами.

-- Им все легко достается. Аллену -- потому что у него есть деньги. Лайону -- потому что он дьявольски красив. И в известной степени я их понимаю. Зачем этим парням довольствоваться одной девушкой, когда они могут иметь их всех, только руку протяни? Но ты, Анна, получила Аллена -- во всем городе не найти человека, который отважился бы побиться об заклад, что такое может произойти. И вместо того, чтобы торжествовать и бить в литавры, ты сидишь тут и хнычешь.

-- Генри, я не люблю Аллена. Встречалась с ним месяца полтора, и ничего больше. Не знала даже толком, кто он такой. То есть думала, что простой страховой агент. И вдруг позавчера вечером началось все это.

Глаза Генри превратились в узкие щелочки.

-- Значит, для тебя он сейчас словно бы незнакомый человек, так?

-- Именно так.

-- А с Лайоном обедаешь всего один раз, и вы уже задушевные друзья?

-- Неправда! Сейчас я говорю об Аллене. Я не люблю его. А Лайон тут совершенно ни при чем.

-- Лжешь.

-- Генри, клянусь тебе. Аллен никогда для меня ничего не значил.

-- Тогда почему же ты встречалась с ним все эти полтора месяца? Он был для тебя хорош, пока не появился Лайон.

-- Неправда. Я встречалась с ним потому, что никого больше не знала. Мне было его жалко. Казалось, он мухи не обидит. У нас и речи-то о любви никогда не было. Он даже ни разу не попытался поцеловать меня, когда мы с ним прощались. И вот позавчера вечером...-- Она замолчала, стараясь справиться с охватившим ее волнением. Когда она заговорила вновь, голос ее стал тише.-- Генри, я сказала Аллену, что не люблю его. То же самое я сказала и его отцу.

-- Ты сказала им это?-- недоверчиво переспросил он.

-- Да, обоим.

-- И какова же была их реакция?

-- Вот это-то и есть самое невероятное. Никогда не встречала таких людей: они словно пропускают мимо ушей все, чего не желают слышать. Аллен постоянно твердит, что любит меня... и что я тоже со временем его полюблю.

-- Такое действительно может произойти,-- тихо сказал Генри.-- Иногда это лучшая разновидность любви. Быть любимой.

-- Нет! Я хочу большего.

-- Ну, разумеется. К примеру, остаться работать здесь!-- раздраженно съязвил Генри.-- Нарисовать тебе картину твоего будущего? Ты отказываешь Аллену. Конечно, а почему бы и нет? Ведь миллионеров, делающих предложение, хоть пруд пруди. Спустя некоторое время все это заглохнет. Аллен начнет ухаживать за другой. Но ты-то считаешь, что будешь встречаться с Лайоном. Ты ведь хочешь этого,

не так ли? О, это будет восхитительно... вначале. Ну, может быть, с месяц. Потом в один прекрасный день я приду на работу и увижу, что глаза у тебя все мокрые и красные. Ты сочинишь мне что-нибудь насчет головной боли, но глаза-то у тебя все равно каждый день будут красными, и мне придется говорить с Лайоном. Он пожмет плечами и скажет в ответ: "Генри, я, разумеется, встречался с этой девушкой. Она мне очень нравится. Но я не ее собственность. Пожалуйста, поговори с нею. Помоги от нее отделаться".

-- Звучит так, словно у тебя уже есть такой опыт, -- горько проговорила она. -- Ты всегда держишь такую речь перед своими секретаршами?

-- Нет, перед секретаршами -- нет. Но у нас еще и не было ни одной с такой внешностью, как у тебя. А вообще-то да, я уже произносил такие речи раньше десятки раз. К сожалению, произносить их мне приходилось после того, как непоправимое уже свершалось, когда они испытывали всепоглощающую неразделенную любовь. Но они, по крайней мере, не разбрасывались миллионерами.

-- Послушать тебя, так он отъявленный негодяй.

-- Почему негодяй? Обыкновенный мужчина, свободный и неженатый. И любая девушка, которая ему нравится, вполне подходит ему. На данный момент. А моментов таких чертовски много. И подходящих девушек в этом городе тоже чертовски много.

-- Не могу поверить, что так ведет себя каждый мужчина.

-- Лайон Берк -- это не "каждый мужчина". Точно так же, как и Нью-Йорк -- это не "каждый город". Конечно, возможно, и наступит такое время, когда Лайон утихомирится и остановится на какой-либо одной девушке. Но до этого еще надо дожить... и даже тогда в действительности он никогда не остановится только на ней.

Зазвонил телефон. Анна машинально встала, чтобы снять трубку. Генри взмахнул рукой.

-- Сиди, наследница. Запомни, ты здесь уже не работаешь. -- Он подошел к столу сам.

-- Алло... конечно, соедините. Привет, Дженифер. Да, все улажено... Что? Да, как насчет этого? Само собой, сидит прямо здесь. Конечно, вне себя от восторга. Видела бы ты ее сейчас -- протирает мой ковер, пляшет на нем от радости. -- Он повернулся к Анне. -- Дженифер Норт передает тебе свои поздравления. -- Он отвернулся. -- Да, еще как повезло... Слушай, крошка, контракты должны быть готовы сегодня. Как только ознакомлюсь с ними и одобрю, сразу же передаю тебе на подпись... Прекрасно, дорогая... Сверим все около пяти часов. --

Он положил трубку. -- Славная девочка эта Дженифер Норт.

-- Кто это?

-- О-о, перестань, -- простонал Генри. -- Ты что, газет не читаешь? Она только что бросила принца. Несколько дней не сходила с первых полос. Влетела в город ниоткуда, как циклон, -- вообще-то она из Калифорнии, примерно твоих лет, и -- бац! -- появляется этот принц.

Самый настоящий, и тоже набит деньгами. Ухаживает за нею, ну и все как полагается: норковое манто, перстень с бриллиантом... Ассошиэтед пресс, Юнайтед пресс и вся пресса -- захлеб. Какой-то мэр из штата Нью-Джерси совершает обряд бракосочетания. Все знаменитости Нью-Йорка являются на торжественный прием. Проходит четыре дня -- и опять шапки на всех первых полосах: "Она требует расторжения брака".

-- Но ты же адвокат не по бракоразводным делам.

-- Нет. У нее уже есть хороший адвокат, он сейчас занимается этим, но он рекомендовал ей меня как менеджера по деловым вопросам. Ей такой явно нужен. Для такой смысленной девицы она совершила один глупый поступок. Похоже, она подписала небольшую бумажку, нечто вроде предварительного брачного соглашения. И если она захочет уйти от него, то не получит ни цента. А уйти она хочет. Почему именно -- сказать отказывается, просто хочет отделаться от него и все. Так что придется ей работать.

-- Она талантлива?

-- Талант ей ни к чему. Стоит ей только захотеть, и она сразу же будет сниматься в кино. Ты еще не видела таких правильных и тонких черт. А фигура... Я бы сказал, что Дженифер Норт едва ли не самая красивая девушка в мире.-- Он помолчал.-- Хотя теперь это не так. Ты красивее, Анна. Чем дольше мужчина смотрит на тебя, тем красивее ты для него становишься. Но Дженифер... ее красота бросается в глаза. Стоит мужчине взглянуть на нее, как между ним и ею возникает дуга напряжением в тысячу вольт. Она умеет это делать. Как только мы добьемся расторжения брака и она впервые появится в "Небесном Хите", я наверняка устрою ей крупный контракт с киностудией.

-- Она поет?-- спросила Анна.

-- Я же тебе сказал: она не делает ничего.

-- Но если она в "Небесном Хите"...

-- Я поставил ее на небольшую роль, что-то вроде ведущей хористки, но с крупным портретом в афишах. Элен одобрила. Этому я еще давно Элен научил: пусть ты и талантлива, и ведешь все шоу сама, но все равно окружай себя красивыми декорациями и красивыми статистками. Но зачем я говорю об Элен и Дженифер? Меня беспокоишь ты. А с ними мне еще предстоит иметь дело.

-- Генри, я хочу остаться работать у тебя.

-- Другими словами, хочу рискнуть и попытать счастья с Лайоном Берком,-- съязвил он.

-- Даже не взгляну на него, если тебя это волнует.

Генри покачал головой.

-- Ты просишь разбить себе сердце, а я не собираюсь принимать в этом участие. А теперь убирайся отсюда, ты уволена! Ступай, выходи замуж за Аллена Купера и будь счастлива.

Она встала.

-- Что ж, я уйду. Но замуж за Аллена Купера я не выйду. Найду се-

бе другую работу.-- Она направилась к двери.

-- Давай, давай. Если уж горишь себе жизнь, то мне, по крайней мере, не придется сидеть и созерцать это.

-- Ты не настоящий друг, Генри.

-- Я лучший друг, какой у тебя когда-либо будет.

-- Тогда позволь мне остаться,-- взмолилась она.-- Генри, ты не понимаешь. Я не хочу выходить замуж за Аллена. Но если я уйду отсюда и найду другую работу, она может мне не понравиться. И Аллен будет давить на меня, и вся эта шумиха в газетах, если я сменю работу... и отец Аллена со своими вопросами. Ты не знаешь, что происходит, когда Джинно и Аллен принимаются за дело. Меня словно несет куда-то против моей воли. Генри, пожалуйста, помоги мне. Я не хочу выходить замуж за Аллена Купера!

-- Анна, у него миллионы, возможно, миллиарды.

-- Я сбегала от Вилли Хендерсона из Лоренсвилла, Генри. Возможно, у него не столько миллионов, сколько у Аллена, но деньги у него есть. И я знаю Вилли и всю его семью с детства. Неужели ты не видишь, что для меня это ничего не значит? К деньгам я равнодушна.

Он немного помолчал.

-- О'кей,-- сказал он, наконец.-- Можешь оставаться... при одном условии. Ты будешь помолвлена с Алленом.

-- Генри! Ты с ума сошел? Ты что, оглох? Я не хочу выходить замуж за Аллена.

-- А я и не говорю "выходить замуж". Я сказал "будешь помолвлена"! Таким образом, ты будешь в безопасности.

-- В безопасности?

-- Да. По крайней мере, я не буду беспокоиться за то, что у тебя что-то возникнет с Лайоном. У него есть одна особенность -- он не отбивает девушек у других.

Она слабо улыбнулась.

-- По крайней мере, ты признаешь за ним хоть какой-то кодекс чести.

-- Какой там еще кодекс чести"? Просто ему ни к чему неприятности на свою голову. В нем заложено слишком сильное стремление к свободе.

-- А как же я? Если я буду помолвлена, то что мне делать с Алленом?

-- Потяни с ним. Ты это можешь. Сумела привязать его к себе, сумеешь и потянуть немного.

-- Но это же нечестно! Я хоть и не хочу выходить за Аллена, но он все-таки нравится мне как человек. Это было бы непорядочно.

-- В конечном счете, такое твое поведение окажется более порядочным со всех сторон. Прежде всего, оно будет порядочно по отношению ко мне: у меня и без тебя предостаточно хлопот с постановкой этого шоу. И порядочным по отношению к Аллену... да-да, к Аллену. Потому что у него, по крайней мере, появится возможность хорошенько

разобраться в своих чувствах. Но прежде всего ты поступишь справедливо по отношению к себе самой, потому что сейчас ты не видишь вокруг себя ничего и никого, кроме Лайона Берка. — Он поднял руку, не желая слушать возражений. — Что бы ты себе ни думала, но ты в него втрескалась. Повремени, осмотришь, почитай в газетах хронику бродвейской жизни, и ты узнаешь, как часто он меняет девиц. Сияющий ореол, все еще излучаемый им после вашего замечательного обеда, быстренько померкнет. А ты сохранишь свою девственность и избавишь себя от глубоких сердечных переживаний. — Он улыбнулся, увидев, что она зарделась. — Послушай, Анна, ты действительно редкая девушка, и мы обязаны заботиться о тебе.

Подумав немного, Анна отрицательно покачала головой.

— Я не смогу, Генри. Это означало бы жить во лжи.

— Анна... — мягко заговорил он. — Со временем ты поймешь, что вокруг тебя не только черный и белый цвета. Ты можешь остаться честной по отношению к Аллену. Скажи ему, что в Нью-Йорке для тебя еще все ново, что хочешь немного пожить самостоятельно, для себя, а не бросаться очертя голову замуж. Когда тебе исполняется двадцать один год?

— В мае.

— Прекрасно. Вот и скажи ему, что хочешь подождать до этого времени.

— А что потом?

— До мая могут сбросить еще одну атомную бомбу. Аллен может познакомиться с другой. Лайон Берк может заделаться "голубым". Да кто знает, случиться может всякое. Ты даже можешь влюбиться в Аллена. Но можешь и передумать до мая. Запомни, ты ничем не связана до тех пор, пока не предстанешь перед алтарем. И даже тогда у тебя есть путь к отступлению, пока не произнесены заключительные слова.

— Послушать тебя, так все оказывается легко и просто.

— Когда совершаешь восхождение на Эверест, нет ничего ни легкого, ни простого. Ты лишь постепенно делаешь шаг за шагом, избегаешь смотреть вниз и не сводишь глаз с вершины.

Приехав к себе, Анна обнаружила все тех же репортеров и фотокорреспондентов перед домом. Низко опустив голову, она вбежала в подъезд и рванула по лестнице вверх, пытаясь спрятаться. Нили уже стояла, поджидая ее.

— Анна, о господи, я чуть в обморок не упала, когда сестра позвонила мне сегодня утром. Вот. — Она с гордостью протянула ей что-то плоское, завернутое в бумагу. — Мой подарок к твоей помолвке.

Это оказалась общая тетрадь, в которой были наклеены вырезанные из газет статьи и репортажи об Анне с ее фотографиями.

— Целый день головы не поднимала, — гордо заявила Нили. — Заполнила шесть страниц, и это еще только начало. Подожди до свадьбы и...

Господи, ну и прославишься же ты!

Вечером Аллен заехал за ней на лимузине.

-- Поужинаем вдвоем,-- сказал он,-- но когда подадут кофе, придет Джино. Знаю, я обещал, что мы будем одни, но он настаивает, чтобы мы поехали с ним на первое выступление Тони Полара в "Ла Ронд".

-- Тони Полара?

Аллен улыбнулся.

-- Анна, только не пытайся меня уверить, будто не принадлежишь к числу его поклонниц.

-- Да я никогда даже не слышала о нем!

Аллен рассмеялся.

-- После Синатры он -- крупнейшая сенсация эстрады.-- Подавшись вперед, он приказал водителю: -- Леон, поехали через парк, я скажу, где остановиться.-- Он нажал кнопку и поднял прозрачную перегородку, отделяющую пассажиров от водителя.-- Возможно, ты умираешь с голоду, но у меня есть особые основания сперва проехаться.

Он взял ее за руку. Она отдернула ее.

-- Аллен, мне нужно поговорить с тобой.

-- Не сейчас. Закрой-ка глаза.-- Он со щелчком открыл выложенную бархатом коробочку.-- Теперь смотри. Надеюсь, будет в самый раз.

Даже в полутьме автомобиля, лишь время от времени рассеиваемой уличными фонарями, было видно, какой в перстне огромный бриллиант.

Анна отстранилась и съежилась.

-- Я не могу его взять.

-- Он тебе не нравится?

-- Не нравится? Да это самое потрясающее из всего, что я когда-либо видела.

-- Десять каратов,-- просто сказал он.-- Но благодаря прямоугольной огранке он вовсе не такой уж претенциозный.

-- Ну, разумеется,-- нервно рассмеялась Анна.-- У каждой секретарши есть такой.

-- Да, к слову, ты уже уведомила Генри Боллами о своем уходе?

-- Нет, и не собираюсь. Аллен, ты просто обязан меня выслушать. Мы не помолвлены...

Он надел перстень ей на палец.

-- В самый раз.

Анна пристально посмотрела ему в глаза.

-- Аллен... ты неспособен понять то, что я пытаюсь тебе объяснить?

-- Способен. Ты не любишь меня.

-- Тогда зачем же ты продолжаешь в том же духе?

-- Потому что ничего непостижимого на свете нет, если только ты достаточно сильно хочешь этого. А я никогда ничего не хотел по-на-

стоящему... пока не встретил тебя. Я окончательно решил обладать тобой, Анна. Дай мне только шанс. Это все, чего я прошу. Последние несколько недель ты видела меня в обличье какого-то забитого ничтожества. Пробудешь один месяц со мной настоящим и тогда либо полюбишь, либо возненавидишь меня. Я воспользуюсь этим шансом.

Он опустил перегородку.

-- О'кей, Леон. А теперь -- в "Аист-клуб".

Анна молчала. Неужели он и в самом деле думает, что все изменится? Богат он или беден, но сущность-то та же самая. Аллен останется Алленом и в дешевом французском ресторанчике, и в "Марокко". Она почувствовала себя так, словно весь мир навалился на нее. Легко было Генри, сидя за своим столом, оперировать чистыми фактами и выдвигать ультиматумы. Он не имел дела с живыми людьми. Не видел выражения глаз Аллена.

Всю дорогу она сидела подавленная и не знала, что сказать, когда сквозь строй управляющих всех рангов они входили в уютный зал "Аист-клуба" ("Это единственный такой зал") и им преподносили подарок в коробочке, обернутой в красивую бумагу ("Это духи. Шерман посылает их всем своим любимцам"), и бутылку шампанского ("Нам лучше выпить его, а то оскорбим Шермана в его лучших чувствах").

Джино приехал в десять, приветствуя друзей, сидящих за разными столиками, своим громким раскатистым голосом, отчего Аллен слегка нахмурился. Наконец Джино сел за их столик и стал открывать бутылку шампанского.

-- Отец, здесь не принято скакать от одного столика к другому, -- тихо заметил Аллен. -- Ты ведь знаешь, они этого не любят.

-- А мне-то что? -- громко ответил Джино. -- Слушай, малыш, это ты здесь постоянно ошиваешься, вот и соблюдай все эти штучки. А у меня все эти снобы вот где сидят. Когда кто-то хочет получить от меня мои деньги, то я желаю вести себя так, как мне удобно, а не выполнять всякие дурацкие правила. А что делаешь ты -- это уж твое дело.

На лице Аллена было написано облегчение, когда они вышли из "Аист-клуба" и поехали в "Ла Ронд".

Судя по навязчивым и подбострастным приветствиям управляющего, "Ла Ронд" был одним из любимых клубов Джино. Некоторых официантов он обнимал, когда они почтительно сопровождали его к одному из лучших столиков у самой сцены. Было одиннадцать часов, и зал был уже полон. Джино заказал бутылку шампанского и бутылку шотландского виски.

-- Адель любит шотландское виски, -- пояснил он. -- Она подъедет после выступления. Говорит, что от шампанского полнеют.

Анна наблюдала за людьми, толпящимися у столиков, спорящими друг с другом из-за лучшего места и незаметно сующими купюры в руку метрдотелю. Фотографы, нанятые клубом специально для прессы, подошли ближе, сфотографировали Анну и Аллена и опять отошли к входной двери в ожидании других знаменитостей.

Адель приехала в половине двенадцатого, еще в сценическом гриме.

-- Почему на тебе эта гадость?-- рассердился Джино.-- Знаешь ведь, что я ее терпеть не могу.

-- Не дуйся, миленький. Я только немного припудрилась и сняла искусственные ресницы. Я не хотела ничего пропустить, а на то, чтобы все это снять и накрастись заново, ушла бы уйма времени.-- Говоря это, она осматривала весь зал.-- Боже, сегодня самая крупная премьера. Все здесь.-- Она оживленно помахала рукой какому-то репортеру.

-- Года два назад это был Синатра,-- сказал Аллен,-- а сейчас женщины готовы умереть из-за Тони Полара. Отказываюсь понимать.

-- Не бери в голову,-- усмехнулся Джино.-- Оба они наши красавчики.

-- Эй, глядите-ка,-- показала пальцем Адель.-- Там, в дверях, Элен Лоусон. Посмотрите-ка на ее норку, почти совсем красная стала. Готова спорить, что ей уже лет десять. Это с ее-то деньгами. Я слышала, она такая скупердяйка... Э-э, а это, должно быть, Дженифер Норт.

-- Черт меня побери!-- Джино грохнул кулаком по столу.-- Вот это называется фигурка! Эй, Адель, рядом с ней ты похожа на мальчишку.

Внимание Анны тоже было приковано к Дженифер Норт, которую сейчас окружали фотографы. Девушка была, вне всякого сомнения, истинной красавицей. Высокой, с потрясающей фигурой. Расшитое мерцающим хрустальным бисером белое платье с глубоким декольте во всей красе демонстрировало восхитительно высокий бюст и умопомрачительную ложбинку, делящую его надвое. Длинные волосы были почти совершенно белокурыми. Анна, однако, не могла оторвать взор от ее лица -- лица настолько прекрасного своей естественной красотой, что оно являло собой разительный контраст с театральной красотой ее волос и фигуры. Это было идеальное лицо с прелестной линией рта, точеным подбородком, высокими скулами и умным выражением. Глаза смотрели мягко и дружелюбно, а маленький прямой носик, казалось, принадлежит красивому ребенку, так же как ровные белые зубы и ямочки на щеках. Это было невинное лицо -- лицо, которое взирает на происходящее вокруг с нескрываемым волнением и вместе с тем доверчиво-восторженно, будто не отдавая себе отчета в том, какое потрясение у окружающих вызывает фигура. Лицо, излучающее живой неподдельный интерес к любому, кто бы ни обратился к его обладательнице, и светящееся приветливой улыбкой, посылаемой как дар.

Каким-то образом управляющему все же удалось провести ее к столу у самой сцены, расположенному как раз напротив их столика. Анна увидела Генри Бэллами, только когда все расселись.

-- Слушай, а твой босс умеет подбирать себе девиц,-- заметил Аллен. -- Элен Лоусон и Дженифер Норт. Комплект -- закачаешься.

-- Нет, там еще один мужчина,-- сказала Адель.-- Смотри, он как раз садится. Это, наверное, он с Дженифер. Э-э, да он красавчик!

-- Это Лайон Берк,-- тихо сказала Анна.

-- А-а, так вот, значит, какой этот Берк,-- сказал Аллен.

Анна кивнула, наблюдая за тем, как Лайон помогает Дженифер повесить меховую накидку на спинку стула. За эту любезность Дженифер наградила его ослепительной улыбкой.

Аллен присвистнул.

-- Интересно, будет ли эта златокудрая Венера резвиться с ним сегодня ночью на моей старой кровати?

-- Она -- клиент мистера Боллами,-- холодно произнесла Анна.-- По-моему, Лайон Берк просто сопровождает ее.

-- Ну конечно. И заставляет Генри платить ему сверхурочные за столь малоприятное задание.

-- Что ж, Генри попал на золотую жилу с Элен Лоусон,-- сказал Джинно.-- Эта старая перечница приносит больше доходов, чем компания Эй-Ти-энд-Ти. Она уже, конечно, не молоденькая кобылка, и жизнь ее порядком потрепала, но я не пожалею пятидесяти долларов своему брокеру за пару билетов на ее шоу. Голос у нее что надо.

Аллен показывал на непрекращающийся поток знаменитостей, излагая во всех подробностях личную жизнь каждой из них. Анна делала вид, что с интересом слушает, однако все ее внимание было приковано к столику Генри, куда она постоянно бросала взгляды. Что уж такого забавного может говорить девушка, подобная Дженифер? И что говорит ей Лайон? Очевидно, что он рассказывает не о том разбомбленном амбаре и погибшем капрале. Ей было видно, как он хохочет, откидывая назад голову. Он не смеялся так, когда обедал с нею. Нет, для него она была всего-навсего скучной секретаршей с работы, настаивавшей на том, чтобы он писал книгу, и вызывавшей у него настолько неприятные ассоциации, что он вспоминал жуткие сцены из своего прошлого. Она отвернулась, когда он прикурил сигарету и протянул ее Дженифер.

Внезапно в зале воцарился полумрак. Официанты еще быстрее забегали между столиками, принимая последние заказы. Постепенно все стихло, публика замерла в ожидании, в зале стало совсем темно, воцарилась полная тишина, оркестр заиграл мелодию из репертуара Тони Полара. Луч прожектора выхватил из темноты часть подиума, на нем появился Тони, встреченный бурной овацией. Он поклонился и принял аплодисменты с приятной скромной улыбкой на лице. Он был высокого роста и хорош собой, а мальчишеское выражение придавало ему беззащитный и вместе с тем привлекательный вид. Девушка доверилась бы ему. Женщина испытала бы потребность опекать его.

Хотя внешне он казался застенчивым, пел он хорошо, легко и уверенно владея вниманием публики. Исполнив несколько песен, он ослабил узел галстука, показывая, что и в самом деле тяжело трудится, и, взяв микрофон в руку, стал ходить по залу, останавливаясь у сто-

ликов, за которыми сидели знаменитости, исполняя специально для них отдельные куплеты, дурачась с репортерами, выбирая несколько почтенных женщин и выказывая им свое особое расположение, исполняя для них куплеты о любви, улыбаясь при виде того, как они, не скрывая своего восторга, пожирают его глазами, забыв о сидящих рядом мужьях.

Когда он проходил мимо Дженифер, их взгляды встретились. Он пропустил куплет и быстро пошел к другому столику. Затем, словно не веря собственным глазам, вернулся и допел песню до конца, не сводя с Дженифер пристального взгляда. Публика, моментально превратившись в единого соглядатая, с повышенным интересом наблюдала за ними. Допев песню до конца, Тони поклонился красавице, вернулся в центр зала и всю оставшуюся часть концерта ни разу даже не посмотрел в ее сторону.

Публика ни в какую не хотела отпускать его. Он кланялся не переставая. Зажегся свет, но аплодисменты не смолкали. Люди топали ногами, вызывая его на бис, раздавались крики "Браво! Еще!". Оркестр неуверенно взял несколько тактов его темы, словно ожидая какого-то точного указания. Аплодисменты уже переходили в овацию. Тони Полар стоял на одном месте, улыбаясь своей благодарной мальчишеской улыбкой. Он показал себе на горло, давая понять, что устал. Оvation стала еще оглушительнее. Тогда, добродушно пожав плечами, он быстро посоветовался с аккомпаниатором и вернулся в центр подиума.

Когда заиграла музыка, он повернулся и запел, уже явно обращаясь к Дженифер. Это была банальная любовная песенка, и, как во многих популярных шлягерах, слова в ней легко приобретали личный оттенок. Казалось, она была написана специально для того, чтобы Тони Полар мог признаться Дженифер и еще восьмистам присутствующим в зале, что он только что встретил свою любовь.

Допев до конца, он поклонился публике, повернулся и вновь пристальным взглядом неприлично долго стал смотреть на Дженифер. Наконец, он сошел с подиума. Опять раздались настойчивые аплодисменты, но освещение заглохло полностью, и оркестр заиграл громкую танцевальную музыку.

Аллен пригласил Анну на танец. Вставая, она увидела Лайона, ведущего Дженифер под руку к площадке. Увидев Анну, он помахал ей рукой.

-- Анна! А это наверняка Аллен, бывший владелец моей теперешней квартиры.-- Обаятельная улыбка скользнула по его лицу. Они представили своих спутников и поплыли в такт музыке. Несколько раз Анну задевали, толкая, другие пары, вплотную приближавшиеся к ним, чтобы поблизи посмотреть на Дженифер.

Та приветливо улыбнулась Анне.

-- Просто невыносимо. При каждом движении у меня с платья слетает штук сто бисеринок.

Не зная, что на это ответить, Анна сумела лишь выдать холод-

ную улыбку. Танцуя, они разошлись в разные стороны, и Аллен увлек ее в другой конец небольшой площадки.

Толпа начала таять, посетители стали быстро расходиться. Осталось лишь несколько человек, допивавших то, что стояло у них на столиках. Анна заметила, что столик, за которым сидела Дженифер, опустел одним из первых. "Интересно, куда они направились?-- подумала она.-- Наверное, куда-нибудь, где танцевальная площадка побольше". Голова у нее раскалывалась, и ей страшно хотелось домой, но Джинно не проявлял желания завершить вечер.

-- Поехали в "Марокко", и на этом закончим,-- сказал он.

В душе Анна горячо благодарила Адель, которая заявила, что уже слишком поздно -- завтра у нее дневное представление.

Несколько дней спустя имя Анны опять появилось в газетах. Ронни Вулф писал о перстне, подаренном ей к помолвке. Она пришла на работу, где ее уже ждали, дрожа и сгорая от нетерпения, мисс Стейнберг и девушки.

-- Давай посмотрим!-- потребовала секретарша по приему посетителей.-- Когда он подарил тебе его?

-- В нем действительно больше десяти каратов?-- спросила мисс Стейнберг.

Анна неохотно выставила руку, и они стали вздыхать, любуясь бриллиантом. До этого она носила перстень камнем внутрь, и никто не замечал его. Перстень был слишком ценным, чтобы оставлять его дома, в меблированной комнате, и она дала себе слово, что вернет его Аллену как можно скорее. И вот теперь о перстне написали в газете.

Она разбирала почту, когда вошел Лайон Берк. Подойдя к столу, он взял ее за руку и, подержав на весу, отпустил.

-- Ого, тяжеловато, не так ли?-- И добавил: -- По-моему, он хороший парень, Анна.

-- Он очень мил,-- запинаясь ответила она.-- И Дженифер Норт тоже, по-моему, очень мила.

На его лице отразилось любопытство.

-- Дженифер Норт одна из самых красивых девушек, которых я когда-либо встречал,-- спокойно сказал он.-- Она действительно красива.-- С этими словами он удалился в свой кабинет.

Она осталась сидеть за столом, чувствуя себя несчастной. Неужели ее слова прозвучали неискренне? Да, Дженифер действительно красива. Именно это она и имела в виду. Возможно, неверное впечатление создалось у него оттого, что она говорила взволнованно.

В перерыв она на скорую руку пообедала с девушками и целый час гуляла по Пятой авеню. Глядя отсутствующим взглядом на выставленные в витрине новинки косметики, она думала о Нили. Вчера она купила ей на счастье талисман -- кроличью лапку: сегодня утром начинались репетиции "Небесного Хита". Анна завидовала этой девушке, такой жизнерадостной и простой. С такими, как Нили, никогда

ничего плохого не случится.

Вернувшись на работу, она обнаружила на своем столе газету. Вероятно, одна из девушек положила ее туда. Наверное, еще одна заметка о перстне. Анна уже намеревалась бросить ее в корзину для бумаг, как вдруг увидела листок из фирменной бумаги, прикрепленный скрепкой к верхнему углу газеты. На нем было напечатано:

"Справка от Лайона Берка".

И приписано его почерком: "Может представлять интерес для Анны Уэллс. Репортаж на стр. 2".

Там оказалась великолепная фотография Дженифер и Тони Полара! И жирный броский заголовок "Новая любовь на Бродвее". Статья была написана лицемерным языком и словно в шутку. Тони якобы сказал: "Едва завидев ее, я застыл, как пораженный молнией". Дженифер приписывались менее экспрессивные выражения, но она застенчиво признавала, что их симпатия является взаимной. Познакомил их после выступления общий друг Лайон Берк.

"Лайон просто привел и вручил ее мне,-- продолжал Тони. -- Он сказал мне: "Тони, я же говорил, что у меня есть подарок для тебя к твоей премьере".

Сложив газету, Анна откинулась на спинку стула, внезапно ощутив во всем теле слабость от неизъяснимого счастья, захлестнувшего все ее существо. "Лайон вручил ее мне..." Эта строчка не выходила у нее из головы.

-- Анна...

Она очнулась от своих грез. Рядом стояла Нили.

-- Анна, я понимаю, это ужасно, что я пришла прямо сюда. Но я не могла идти домой. Мне необходимо было тебя увидеть.-- Нили была вся в слезах.

-- А почему ты не на репетиции?-- спросила Анна.

Нили вдруг расплакалась навзрыд.

Анна метнула встревоженный взгляд на закрытую дверь кабинета Генри.

-- Сядь, Нили.-- Она усадила Нили на свое место.-- Посиди, успокойся... возьми себя в руки. Сейчас я надену пальто, и мы пойдем домой.

-- Не хочу я домой,-- упрямо проговорила Нили.-- Не могу видеть свою комнату. Я была такая счастливая, когда уходила оттуда сегодня утром. Даже написала помадой на зеркале: "Гаучерос" покоряют Бродвей". Не могу видеть теперь эту надпись.

-- Но, Нили, нельзя же вот так сидеть здесь и... так распускаться.

-- Кто сказал нельзя? Я колледжей не кончала. Раз у меня не вышло совладать с собой, то пусть это произойдет там, где случилось. А сейчас это случилось со мной здесь.-- Слезы ручьем хлынули из ее глаз по щекам и прямо на платье.-- О-о-о-о,-- она зарыдала еще сильнее.-- Посмотри... мое новое платье, а теперь оно все мокрое от слез. Оно пропало, верно?

-- Застегни пальто. Все высохнет и будет незаметно.-- Анна наблюдала, как Нили послушно застегивает пуговицы. В душе ей вовсе не было жаль этого платья. (Когда Нили принесла его домой, Анна сказала ей: "Нили, в платьях из красной тафты на работу не ходят". "Вот ты и не ходи,-- ответила ей тогда Нили,-- а мне хочется выделяться на репетициях").

Анна села.

-- Хорошо, Нили, раз ты стоишь на своем, так и быть, оставайся здесь. Успокойся и все расскажи. Почему ты не на репетиции?

-- Анна, меня не включили в это шоу.

-- Ты хочешь сказать, не включили весь номер "Гаучерос"?

-- Ах, Анна, все было ужасно! И да... и нет.

-- Ну, ну, давай с самого начала и по порядку. Что случилось?

-- Я приехала туда сегодня утром на целых пять минут раньше. Вся тряслась от волнения, а в сумочке у меня лежал твой талисман, кроличья лапка. Тут появился какой-то костлявый гомик со стрижкой ершиком и принес тетрадку со сценарием. Потом подъехали Дик с Чарли...

-- Нили, давай ближе к делу.

-- Да к какому там еще делу? Я рассказываю, как все было. Потом появились хористки. Я почувствовала себя настоящей замарашкой. Даже в этом новом платье. Ты бы видела, как они разодеты. Шесть -- в натуральных норковых шубах, а остальные -- в бобровых или из чернобурой лисицы. В простом пальто -- ни одной. И все знакомы друг с дружкой, кроме нас. А уж когда приехала Дженифер Норт, можно было подумать, что явилась сама Рита Хэйуорт. Помощник режиссера бросился к ней и ну ворковать, как она осчастливила их своим согласием и все такое. Она опоздала аж на десять минут, а он все равно рассыпается в любезностях: до чего, мол, рад, что она нашла время приехать. Я чувствовала себя так паршиво, словно нам дали от ворот поворот. Со стороны мы выглядели, как дешевый эстрадный номер. Чарли был какой-то прилизанный, Дик смахивал на гомика сильнее, чем обычно, а мое платье из тафты смотрелось, как дешевка за десять долларов с распродажи. Минут пятнадцать все друг с другом здоровались и трепались о последнем шоу, в котором они все вместе участвовали. Даже ребята из кордебалета знают друг друга. Потом сам главный режиссер пожаловал. По-моему, тоже гомик...

-- Нили...-- Анна пыталась скрыть свое раздражение.-- Пожалуй-ста, говори мне только то, что произошло.

-- А я что делаю? Ничегошеньки не упускаю. Потом вошла сама Элен Лоусон, будто королева английская. Главный представил ее всем со словами: "Внимание всем! Звезда нашей труппы мисс Лоусон". У меня было такое чувство, что мы все должны вскочить и запеть государственный гимн, не иначе. Главный обошел с ней всех и представил ей тех, кого она не знала. Потом познакомил ее с нами...-- Нили осеклась. Глаза ее опять наполнились слезами.

-- И что же потом?-- требовательно спросила Анна.

-- Дику и Чарли она кивнула, а на меня посмотрела, как на пустое место. Она была холодна как лед, Анна. И говорит Дику, да так строго: "Ах, да. Вы -- те самые "Гаучерос". Будем танцевать вместе. Вы, ребятки, ешьте-ка побольше шпината, потому что вам придется подбрасывать меня".

-- Вот именно. Ее. Я встала и сказала: "Э-э, мисс Лоусон. Вы же знаете, нас, "Гаучерос",-- трое. И я -- одна из них. Я -- Нили..." А она даже не взглянула на меня, отвернулась и говорит главному: "Я думаю, что все уже улажено". Потом повернулась и ушла. Несколько минут спустя главный режиссер отвел Чарли в сторону, и они побеседовали недолго. Со стороны это выглядело так, словно он давал Чарли отворот поворот, а Чарли пытался ему что-то объяснить. Потом Чарли подходит ко мне и говорит: "Послушай, Нили, они включают нас в программу, но не совсем с нашим танцем. Нас включили потому, что хотят, чтобы мы сделали им комедийный номер -- пародию на свой танец. Действие будет происходить как бы во сне, и нам нужно будет подбрасывать Элен Лоусон в воздух".

-- А как же ты?-- с озабоченностью спросила Анна.-- У тебя же есть контракт.

Нили покачала головой.

-- Наши контракты всегда подписывает Чарли. В этом же указаны только "Гаучерос". Он на пятьсот долларов в неделю. Чарли и Дик должны были получать по двести, а я -- сто. А теперь Чарли говорит, что свою сотню я получаю в любом случае, даже если и не буду выступать. Но я ему не доверяю. Раз он с такой легкостью выкинул меня, как я могу ему верить, что он мне заплатит? Да и потом, что я теперь должна делать? Я никого здесь не знаю, вся моя жизнь -- в этом номере.

-- Да, это действительно ужасно,-- согласилась Анна.-- Но я понимаю, перед какой дилеммой оказался Чарли. Если на него это предложение свалилось совершенно неожиданно, то ведь он не может просто взять и хлопнуть дверью и отказаться от таких денег. Может быть, чтобы заняться хоть чем-то, тебе надо подыскать другую работу?

-- А что я буду делать?

-- Ну-у... пойдем домой и поговорим об этом. Что-нибудь придумаем. Могу направить тебя в то самое бюро по найму, куда сама обращалась, и...

-- Печатать я не умею. Колледжей не кончала. Я же ничего не умею делать... и потом, я хочу участвовать в этом шоу!-- Нили опять забила в рыданиях.

-- Ну, пожалуйста, Нили,-- взмолилась Анна. Она чувствовала на себе взгляды мисс Стейнберг и девушек, но самые худшие ее опасения подтвердились тогда, когда Лайон Берк распахнул дверь своего кабинета. Она робко улыбнулась ему, когда он подошел и посмотрел на рыдающую Нили.

-- Это -- Нили. Она немного расстроена.

-- Я назвал бы это явным преуменьшением.

Нили подняла голову и посмотрела на него.

-- Ой, извините. Когда я плачу, у меня всегда получается громко.-- Она широко раскрыла на него глаза.-- Вы ведь не Генри Боллами, а?

-- Нет, я -- Лайон Берк.

Нили улыбнулась сквозь слезы.

-- Да, вот теперь мне понятно, что Анна имеет в виду.

-- У Нили сегодня крупная неприятность,-- быстро сказала Анна.

-- "Неприятность"! Да я умереть готова!-- И в подтверждение этого Нили опять затряслась в судорожных рыданиях.

-- Ну уж, умирать здесь, сидя на стуле с жесткой спинкой, было бы не очень-то удобно,-- возразил Лайон.-- Почему бы нам не перенести это печальное событие ко мне в кабинет?

Удобно расположившись в кожаном кресле Лайона, Нили пересказала всю свою историю, вновь перемежая ее рыданиями.

Когда она закончила, Анна посмотрела на Лайона и сказала:

-- Случилось действительно нечто ужасное. Это шоу значило для нее так много.

-- Но я просто не могу поверить, что Элен могла так поступить.

-- Да она по трупам шагает!-- вскричала Нили.

Лайон покачал головой.

-- Да нет, я ее не защищаю. Она может быть грубой... просто это не похоже на Элен. Если ей хочется кого-то уволить, она предпочитает, чтобы за нее это сделал кто-то другой... если только она сама не застигнута врасплох.

-- Все было так, как я говорю. Я ничего не придумала,-- стояла на своем Нили.

Лайон закурил и на минуту задумался. Потом сказал:

-- А ты бы согласилась участвовать в шоу вне состава "Гаучерос"?

-- Чтобы я еще с этими подонками?! Да после того, как они выпихнули меня, я пошла бы на что угодно, лишь бы в жизни больше с ними не работать. Но что я могла бы делать в этом шоу?

-- Мюзикл -- понятие весьма растяжимое,-- пояснил Лайон.-- От нас зависит, вставим мы в него что-нибудь или нет.-- Он снял трубку и набрал номер. Обе девушки слушали, как он просил соединить его с Гилбертом Кейсом, продюсером шоу. По-дружески непринужденно Лайон обменялся с ним приветствиями, обсудил календарь футбольных матчей на предстоящий сезон. Затем, как будто только что вспомнив, добавил: "Да, кстати, Гил, ты подписывал к исполнению номер под названием "Гаучерос"?.. Да, знаю, что Элен хочет изобразить с ними какой-то танец. Но ведь ты же знал, что "Гаучерос" было трое... Да, конечно, тебя это не касается...-- Он прикрыл ладонью трубку, пока Гил Кейс что-то говорил ему на том конце провода, и прошептал Нили: -- Муж твоей сестры порядочная сволочь -- он выкинул тебя из состава трио до того, как подписал контракт.

Нили вскочила с кресла.

-- Вы хотите сказать, что этот жлоб вызвал меня на репетицию и выставил меня круглой душой специально? Да я ему...

Лайон жестом велел ей говорить тише. Но Нили продолжала яростно сверкать глазами.

-- Я прямо сейчас поеду туда и убью его,-- пробормотала она.

-- Слушай, Гил,-- сказал Лайон,-- я знаю, что вообще-то это тебя не касается. Формально ты тут ни при чем. Если ребята обещали, что о своей партнерше они позаботятся сами, то вполне естественно, что ты поверил им.

Анна увидела, как Лайон пристально смотрит на Нили. Она понимала, что он тянет время. Опять зажав трубку ладонью, он шепотом спросил:

-- Нили, сколько тебе лет?

-- Девятнадцать...

-- Ей семнадцать,-- прошептала Анна.

-- Приходилось говорить, что мне девятнадцать, чтобы разрешали работать в некоторых штатах,-- пояснила Нили.

Торжествующая улыбка озарила лицо Лайона.

-- Послушай, Гил,-- радостно сказал он.-- Мы, разумеется, не хотим никаких неприятностей. В этом шоу у нас заняты Элен Лоусон плюс хореограф и Дженифер Норт. В наших же интересах, чтобы все прошло гладко. Нехватало нам еще судебного разбирательства. Да, я сказал "судебного". Гил, этой маленькой партнерше, которую "Гаучерос" выкинули, всего семнадцать лет. А эти ребята какое-то время возили ее с собой по всей стране и набавляли ей возраст. И вот теперь, если она вздумает подать на них в суд, они не отмоются. Наверное, контракт составлен только на "Гаучерос"... в нем ничего не говорится о согласии вносить какие-то дополнения и изменения в их номер. Гил, я знаю, они заверили тебя, что все будет в порядке, но дело-то как раз в том и состоит, что не все в порядке. Почему я знаю, что она подаст в суд? Потому что она сидит сейчас прямо передо мной.-- Он подмигнул Нили и, откинувшись в кресле, закурил еще одну сигарету.

-- Ну, конечно же, Гил, я понимаю, сейчас тяжело приниматься за поиски новой танцевальной группы. Но, думаю, мы сможем все уладить прямо сейчас, по телефону. Ведь у "Гаучерос" самый обыкновенный контракт на пятьсот долларов, так? Ты имеешь право выкинуть их в любое время в течение первых пяти дней, не заплатив им ни цента, так? Тогда приведи им кое-какие факты из жизни и составь с ними новый контракт на четыреста долларов, а потом еще один контракт с их маленькой партнершей на сто долларов. Включи ее в состав кордебалета, поставь дублершей или на эпизодические роли... что угодно, на то время, что она включена в общий состав труппы. Тебе это не будет стоить ни гроша, и все останутся довольны. Да, я скажу ей, чтобы завтра явилась на репетицию... Прекрасно... В "Копе"? Когда? Сегодня вечером? Охотно пойду с тобой. Хорошо, увидимся прямо там.

Повесив трубку, он широко улыбнулся Нили.

-- Юная леди, вы в составе труппы.

Подбежав к нему, она обвинила его руками в искреннем порыве благодарности.

-- О, мистер Берк... господи... вы -- бесподобный!

Затем она метнулась к Анне и обняла ее.

-- О, Анна, я люблю тебя! Никогда этого не забуду! Ты моя единственная подруга. Даже муж сестры, и тот предал меня. А сестричка, сволочь, наверняка знала об этом! Чарли не отважился бы на такую пакость без ее ведома. О, Анна, если я когда-нибудь чего-то добьюсь... или куда-то попаду... или если тебе когда-нибудь что-то понадобится, я отплачу тебе за все, клянусь, я...

Анна осторожно высвободилась из ее объятий.

-- Я рада за тебя, Нили. Искренне рада.

Зазвонил телефон. Лайон снял трубку.

-- Опять Гил Кейс, -- прошептал он, зажав микрофон рукой.

Анна испытывала необъяснимую тревогу до тех пор, пока Лайон не рассмеялся.

-- Не знаю, Гил. -- Он повернулся к Нили. -- Кстати, а как тебя зовут?

Детские глаза широко раскрылись.

-- Нили.

-- Нили, -- повторил Лайон в трубку. -- Да, Ни-ли. -- Он опять вопросительно посмотрел на нее. Она рассеянно кивнула. Тогда он уточнил: -- Нили. А фамилия как?

Она уставилась на него.

-- О, черт... Не знаю. То есть я вообще никогда о фамилии не задумывалась, потому что была одной из "Гаучерос". Не могу же я пользоваться именем Этель Агнес О'Нил.

Лайон зажал трубку ладонью.

-- Мне сказать ему, чтобы подождал до завтра, пока ты что-нибудь себе придумаешь?

-- И чтобы он взял да передумал? Ни за что в жизни. Анна, какую фамилию мне взять? Можно твою, а? Нили Уэллс?

Анна улыбнулась.

-- Можешь придумать что-нибудь более захватывающее.

Нили метнула лихорадочный взгляд на Лайона.

-- Мистер Берк?

Тот покачал головой.

-- "Нили Берк" лишено магического звучания.

С минуту Нили стояла в растерянности. Внезапно глаза ее блеснули.

-- Нили О'Хара!

-- Как? -- одновременно воскликнули Лайон и Анна.

-- Нили О'Хара. Великолепно. Я ирландка, а Скарлетт -- моя любимая героиня...

-- Нили только что прочла "Унесенных ветром", -- пояснила Анна.
-- Нили, мы наверняка могли бы подобрать что-нибудь более благозвучное, -- предложил Лайон.
-- Более... что?
-- Да, Гил, я слушаю тебя. Просто у нас тут небольшое совещание относительно фамилии.
-- Хочу быть Нили О'Хара, -- упрямо стояла на своем Нили.
-- Нили О'Хара, -- усмехнулся в трубку Лайон. -- Да, О'Хара. Правильно. И принеси контракт завтра же на репетицию... Она у нас девушка нервная. Да, Гил, ее амплуа в контракте не указывай. Дадим девушке шанс с самого начала. -- Он повесил трубку. -- А теперь, мисс Нили О'Хара, этими же ногами отправляйся в профсоюз актеров "Эквити" и немедленно вступай в него. Туда нужно внести довольно крупный вступительный взнос, возможно, намного больше ста долларов. Если тебе нужен аванс...
-- У меня отложено семьсот долларов, -- гордо заявила Нили.
-- Прекрасно. И если ты действительно хочешь оставить себе эту фамилию, я буду рад оформить необходимые документы, чтобы все было законно.
-- Имеете в виду, чтобы никто не смог украсть или присвоить ее? Он улыбнулся.
-- Ну-у... скажем, что это многое упростит. Твой текущий счет в банке, социальное страхование...
-- Текущий счет? Ого, интересно, когда это он мне понадобится. Телефон опять зазвонил.
-- Ух ты! -- вполголоса воскликнула Нили. -- Вот увидишь, он передумал.
Лайон снял трубку.
-- Алло. А-а, привет. -- Голос у него изменился. -- Да, я видел эту статью в газете. Я ведь тебе уже говорил, что просто играл роль пылкого поклонника... Да ладно тебе... -- Он рассмеялся. -- С тобой я чувствую себя великаном двухметрового роста. Слушай, Диана, ангел мой, у меня в кабинете сидят люди, и я заставляю их ждать. Поговорим об этом вечером. Хотела бы ты пойти на шоу в "Копс"? Гил Кейс нас пригласил... Отлично. Заеду за тобой около восьми. Ты у меня умница. Пока.
Он повернулся к Нили и Анне, и на губах у него заиграла легкая улыбка, словно он извинялся за то, что их прервали.
Анна встала.
-- Мы уже и так отняли у тебя слишком много времени. Спасибо тебе большое, Лайон.
-- Не за что. Я был перед тобой в неоплатном долгу... Фактически я обязан тебе даже за кровать, на которой сплю. По крайней мере, хоть отчасти сравнял счет.
Когда они вышли в приемную, Нили сделала пируэт и судорожно стиснула Анну в объятиях.

-- Анна, я так счастлива, что готова кричать во все горло!

-- Я очень рада за тебя, Нили.

Нили недоуменно уставилась на нее.

-- Эй, в чем дело? Ты чем-то расстроена? Сердишься, что я вот так взяла и вломила сюда? Тогда извини. Но Лайон ведь не рассердился, а мистер Бэллами даже не знает, что я была здесь. Видишь, все вышло просто здорово. Анна, ну, пожалуйста, скажи, что не сердишься, а то весь день у меня будет испорчен.

-- Да не сержусь, просто устала немного. Честное слово, Нили.-- Анна села за свой стол.

На лице Нили появилось озадаченное выражение.

-- Ну, точно. Мы обе изрядно переволновались.-- Она наклонилась и вновь обняла Анну.-- Ах, Анна, когда-нибудь наступит день, и я отблагодарю тебя за все... сама пока не знаю, как. Клянусь!

Анна посмотрела вслед Нили, рванувшейся на улицу. Бессознательно вставила в машинку чистый лист бумаги. Копирка запачкала перстень. Тщательно вытерев его, она начала печатать.

Анна обнаружила, что шоу под названием "Небесный Хит" властно вторглось в ее жизнь, и что она фактически живет им. Поначалу это ограничивалось лишь тем, что Нили во всех мельчайших подробностях описывала ей ежедневные репетиции. Нили была включена в кордебалет, и целых три дня она демонстрировала Анне каждое па. Затем последовало ошеломляющее известие: Нили получила "роль" -- три строчки текста в массовой сцене. И в довершение всего ее поставили дублершей.

-- Ты представляешь?-- воскликнула Нили.-- Мне доверяют дублировать саму Тэрри Кинг! Тэрри -- исполнительница второй главной роли в этом шоу. Обычно в паре с Элен всегда ставят самую бездарную инженерю, какую только могут сыскать. Но Тэрри Кинг сексуальная и красивая. Можешь себе представить, как я буду стараться выглядеть сексуальной и красивой!

-- Тогда почему же они выбрали тебя?

-- Наверное, выбора у них не было: из всего кордебалета я одна умею петь. И потом, они ставят настоящих дублеров, только когда шоу уже запущено и идет на сцене. А меня будут просто подставлять как дублершу на гастролях.

-- А поешь ты хорошо, Нили?

-- Пою? Ну... так же, как и танцую. Хотя надо сказать, что все эти па получаются у меня куда быстрее, чем у большинства девиц из кордебалета.-- Высоко подпрыгнув, она выбросила вперед ногу, едва не задев настольную лампу.-- Теперь всё, что мне нужно, это завести парня, и я буду в порядке.

-- В вашем шоу есть симпатичные?

-- Ты что, смеешься? Всякий мюзикл -- это как сексуальная пустыня, если только ты не гомик. Дикки трахается со всеми ребятами из

кордебалета -- это как шведский стол, уставленный разными закусками. Исполнитель главной роли, правда, нормальный -- и симпатичный тоже, но у него есть жена, которая по виду в матери ему годится; она постоянно торчит в зале, глаз с него не спускает. Мужик, что выступает в паре с Тэрри Кинг, совсем лысый и носит парик. Единственный нормальный мужчина -- старый развратник, который играет роль отца Элен. Ему шестьдесят пять, но он всегда лезет тебя лапать. Правда, у одной девицы из кордебалета есть парень, а у того -- друг по имени Мэл Хэррис. Он -- составитель рекламных объявлений, и она хочет ради меня устроить нам встречу вчетвером. Надеюсь, из этого хоть что-то да выгорит... Ужасно, если у меня не будет своего парня на моей собственной премьере. А ты, значит, пойдешь на премьеру нашего шоу в Нью-Йорке с Джорджем Баллоузом?

-- Нет, конечно. Я ведь... ну... я же помолвлена с Алленом.

-- Тогда давай я куплю тебе два билета на премьеру. Это будет подарок от меня.

-- А разве тебе не дадут контрамарки бесплатно?

-- Смеешься? Никому не дают, даже Элен Лоусон. Но она закупает по четыре билета на каждый вечер, и мне кто-то сказал, что когда шоу станет хитом, она загонит их билетным спекулянтам и загребет кучу денег.

-- Но, Нили, я не могу позволить, чтобы ты покупала мне билеты... Аллен сам купит. И знаешь, если с Мэлом ничего не получится, после премьеры мы возьмем тебя куда-нибудь с собой.

Знакомство Нили с Мэлом Хэррисом произошло на следующей неделе. Он был великолепен, утверждала она. Пригласил ее в "Тутс Шор" -- дорогой ресторан изысканных блюд в Нью-Йорке -- и все рассказал о себе. Двадцать шесть лет, окончил Нью-Йоркский университет, составляет рекламные объявления, но надеется, что когда-нибудь станет продюсером. Живет в небольшой гостинице неподалеку от центра, а вечером по пятницам ездит в Бруклин -- самый большой и густонаселенный район Нью-Йорка -- ужинать со своей семьей.

-- Понимаешь, евреи очень дорожат своими семейными отношениями, -- пояснила Нили.

-- Он тебе действительно нравится? -- спросила Анна.

-- Я люблю его.

-- Нили, ты встречалась с ним всего один раз. Как же ты можешь любить его?

-- Глядите-ка, кто это говорит. А сама-то с Лайоном Берком тоже пообедала всего один раз.

-- Нили! Между мной и Лайоном Берком ничего нет. Я о нем даже не думаю. К тому же мне начинает нравиться Аллен.

-- Ну, а я точно знаю, что люблю Мэла. Он красивый. Не такой красивый, как Лайон, но все равно великолепный.

-- Так как же все-таки он выглядит?

Нили пожала плечами.

-- Пожалуй, похож на Джорджи Джессела, но для меня он бесподобен. И руки не распускает. Даже когда я соврала, что мне двадцать лет. Боялась, его отпугнет, если узнает, что мне семнадцать.

Нили вытянула шею в сторону открытой двери. Они сидели в комнате Анны, а телефон висел этажом ниже, перед комнатой Нили. Это было одновременно и удобно и нет. Ей приходилось постоянно снимать трубку, отвечая на звонки другим жильцам, и передавать им то, что просили звонившие.

-- На этот раз звонят мне,-- вскрикнула она, услышав звонок.

Спустя пять минут она влетела назад, задыхаясь от распирающего ее счастья.

-- Это был он! Пригласил меня сегодня в "Мартинику". Мэл рекламирует там какого-то певца.

-- Наверное, он хорошо зарабатывает,-- сказала Анна.

-- Нет, всего сотню в неделю. Он работает на Ирвинга Стейнера, а у того примерно двадцать крупных рекламодателей. Но он вскоре хочет открывать свое дело, хотя и пытается выйти на радио. Знаешь, евреи -- превосходные мужья.

-- Я тоже слышала. Но как они относятся к ирландкам?

Нили сдвинула брови.

-- Слушай, я всегда могу сказать ему, что я наполовину еврейка. Что фамилию О'Хара взяла как сценический псевдоним.

-- Нили, это не удастся скрыть.

-- Если будет нужно, удастся. Я выйду за него замуж. Вот увидишь.-- Обняв себя за плечи, она закружилась в танце по комнате, тихо напевая.

-- Красивая песенка. Что это?

-- Из нашего шоу. Слушай-ка, Анна, а почему бы тебе не взять то норковое манто, которое тебе предложил отец Аллена, и не продать мне свое черное пальто? Мне как раз нужно черное пальто.

-- Нили, спой эту песню еще раз.

-- Зачем?

-- Ну, просто так.

-- Это номер Тэрри Кинг. Но, по-моему, его хочет перехватить Элен Лоусон. Она уже забрала у Тэрри одну песню. У бедняжки Тэрри осталось всего две -- эта и еще одна. Одна по-настоящему грустная. Элен не может забрать у нее такую песню. По своему характеру она не может исполнять этот номер. Это противоречило бы сценарию.

-- Спой песню, Нили, ту, что ты пела сейчас.

-- А если спою, продашь мне свое черное пальто, когда получишь норку?

-- Я тебе его так отдам... если я вообще возьму норку. Спой.

Нили вздохнула и, словно ребенок, которого заставляют рассказывать наизусть стихотворение, встала посреди комнаты и пропела всю песню от начала и до конца. Анна с трудом верила своим ушам.

Голос у Нили был необыкновенный, кристально чистый. На низких

нотах он звучал сильно и мелодично, а на высоких энергично и красиво.

-- Нили! Ты замечательно поешь!

-- Да ну, так-то петь всякий сможет,-- рассмеялась Нили.

-- Сможет, но не так. Я не смогла бы правильно протянуть ноту даже под угрозой смерти.

-- Если бы ты выросла среди артистов эстрады и варьете, то смогла бы. Я умею танцевать, жонглировать и даже кое-какие фокусы показывать. Потолкаешься за кулисами -- всему научишься.

-- Ну, Нили, ты поешь хорошо. Просто хорошо.

Нили пожала плечами.

-- На это плюс пять центов я смогу купить себе чашку кофе.

А к концу второй недели репетиций Анна занялась "Небесным Хитом" лично. Однажды вечером, когда она уже собиралась уходить домой, в контору явился Генри.

-- Анна, слава богу, что еще не ушла. Послушай, дорогая, ты можешь спасти мне жизнь. Я должен быть на Эн-Би-Си. Шоу Эда Холсона выходит в эфир сегодня в девять вечера, а заключительные двадцать минут нужно переписать заново. Эд вечно всех подводит, сценаристы уже собрались от него уходить, продюсера он сам выкинул. Я же уйти от него не могу. А меня сегодня ждет Элен Лоусон, я должен принести ей целый портфель ее новых акций. Он у меня на столе.

-- Мне передать его ей с посыльным?

-- Нет, лучше отнеси сама. Но не говори, что я на Эн-Би-Си. Скажи, что я безнадежно застрял на совещании совета директоров по тому самому вопросу о сделке с недвижимостью, в котором она заинтересована, и что никак не смог вырваться. Если она будет думать, что я зарабатываю деньги для нее же, она не станет возражать. Портфель отдашь ей лично в руки и, ради бога, говори все это как можно правдоподобнее.

-- Сделаю все, что в моих силах,-- пообещала ему Анна.

-- Отнесешь его прямо в театр, войдешь со служебного входа. Репетиция у них вот-вот закончится. Скажи, что завтра я все обговорю с ней в деталях.

Анна пожалела, что Генри застал ее, надо было ей уйти чуть раньше. В подобных делах она не искушена. Встретиться лицом к лицу с самой Элен Лоусон! В ее сознание никак не вмещалось, что это действительно может быть всего-навсего заурядным деловым свиданием.

Она страшно волновалась, подходя к зданию театра и робко открывая черную и проржавевшую дверь служебного входа. Даже старый привратник, сидевший у батареи и читавший в газете раздел о скачках, выглядел внушительно и грозно.

Он посмотрел на нее.

-- Ну, чего надо?

Интересно, подумалось ей, что во всех фильмах весело шепечущие девушки из кордебалета называют годящихся им в отцы привратни-

ков "папочками". Этот же смотрел на нее так, словно ему предстояло опознать ее в полицейском участке как подозреваемую среди других лиц.

Она объяснила ему, что ей нужно, показывая в подтверждение своих слов на портфель как на доказательство. Он кивнул, буркнув: "Вон там", и опять уткнулся в газету.

"Вон там" она столкнулась с опрометью несущимся куда-то человеком со сценарием в руке.

-- А вы какого черта тут делаете?-- сердито прошипел он.

Она опять все подробно объяснила, в душе проклиная Генри.

-- Но у них еще репетиция,-- проворчал он.-- Здесь, за кулисами, находиться нельзя. Пройдите в ту дверь и сидите в зале, пока мы не закончим.

Она ощупью двигалась по темному пустому зрительному залу. Когда глаза ее привыкли к полумраку, она разглядела в третьем ряду у прохода Гила Кейса, который сидел, низко надвинув шляпу, чтобы в глаза не бил яркий свет со сцены. Группа девушек из кордебалета устало сидела у задней стенки опустевшей сцены. Одни тихо переговаривались, другие массировали себе икры, одна вязала. Нили сидела прямо, не сводя глаз с Элен Лоусон. Та стояла посреди сцены, исполняя с высоким красивым мужчиной песню о любви.

Элен полным голосом пела лирическую часть песни в своем знаменитом особенном стиле. Она задорно и ослепительно улыбалась, принося даже в любовную песенку характерную для себя бурную и зажигательную манеру исполнения. Ее глаза засверкали юмором, когда лирическая часть перешла в комедийную, однако лицо стало серьезным, когда концовка окрасилась традиционным налетом любовной меланхолии и грусти. Первые признаки возраста уже проявились в ее фигуре -- начинающая полнеть талия, несколько раздавшиеся бедра. Вспоминая внешность Элен в прошлом, Анна испытала ощущение, словно она смотрит на обломки величественного монумента, низвергнутого с пьедестала. Возраст в большей степени щадит обыкновенных, ничем не примечательных людей, но для знаменитостей -- и особенно для женщин, звезд эстрады -- возраст становится топором, варварски сокрушающим произведение искусства. Самым большим достоинством Элен всегда была ее фигура, а фирменным знаком -- грубоватая бурлескная манера исполнения номеров комедийного жанра, и всегда -- в безукоризненно модных костюмах. Ее лицо, хотя и не отличалось классически правильными красивыми чертами, было привлекательным и оживлялось длинными пышными черными волосами.

Премьер на Бродвее у Элен не было уже лет пять. Ее последнее шоу исполнялось целых два года подряд, не сходя со сцены, и еще год на гастролях. На этих гастролях она и познакомилась со своим последним мужем. Пресса во всех подробностях сообщала сначала о пылком и страстном романе, завязавшемся между ними в Омахе, штат Небраска, затем -- о пышном бракосочетании; цитировались слова Элен о ее

намерении по окончании гастролей поселиться у него на ранчо, где она исполнила бы свою самую главную, свою окончательную роль -- роль жены. Высокий и крупный муж, Рэд Ингрэм, улыбаясь, заверял репортеров, что место Элен только на его ранчо. "Ни разу не видел эту девчонку на сцене, -- заявлял он, -- а то вполне мог бы оборвать ее карьеру уже давно. Она создана для меня".

Элен поселилась у него на ранчо. Через два года ее имя вновь ярко вспыхнуло в сообщениях АП и ЮП, когда она сделала заявление, что "на ранчо дьявольская скучища" и что ее настоящим домом является Бродвей. Генри быстро провернул в Рино, городе, где существует самая облегченная в США процедура бракоразводных процессов, все формальности, связанные с разводом, композиторы и либреттисты устремились к Элен с новыми заманчивыми предложениями, и вот сейчас Элен вновь на сцене, которой она всецело принадлежит, репетируя "Небесный Хит".

Анна решила про себя, что полюбить Элен уже невозможно, особенно с такой вот складочкой под подбородком -- фактически он у нее уже двойной. И тем не менее она поет песню о любви, глаза ее весело сверкают, бывшие живость и энергия по-прежнему бьют в ней ключом, длинная грива вьющихся черных волос все так же ниспадает ей на плечи... Из слов песни Анна поняла, что Элен играет роль вдовы, ищущей и жаждущей новой любви. Что ж, возможно, для публики это и пройдет... вот только почему бы ей не сбросить фунтов пятнадцать, прежде чем браться за эту роль? Или она не осознает, как сильно изменилась за эти годы? Наверное, это происходит так постепенно, что ничего не замечаешь. "Я не видела ее уже восемь лет, -- думала Анна, -- вот почему для меня это так неожиданно, так бросается в глаза. Может быть, в своем собственном представлении Элен такая же, как и прежде".

Такие мысли проносились у нее в голове, когда она сидела и смотрела, как Элен исполняет свой вокальный номер, и в то же время Анна отдавала себе отчет, что обаяние и магнетизм Элен исходят не только от ее лица и фигуры. В ней было нечто такое, что заставляло смотреть на нее неотрывно, и вскоре зрители забывали и о расплывшейся талии, и о дряблом подбородке, воспринимая лишь излучаемое ею тепло и грубоватый сочный юмор.

Когда она закончила номер, Гилберт Кейс воскликнул:

-- Замечательно, Элен! Просто великолепно!

Подойдя к рампе, она посмотрела на него сверху вниз и отрезала:

-- Это кусок дерьма!

Он ответил ей все с тем же восторженным выражением:

-- Тебе это со временем понравится, дорогая, к песням типа "он и она" ты всегда поначалу так относишься.

-- Смейся, что ли? Мне очень нравилась та песня, которую я делала с Хью Миллером в "Прекрасной леди". Я полюбила ее, как только услышала. А у Хью нет слуха, и мне из-за этого козла пришлось

все вытаскивать на себе. Боб, по крайней мере, держит мелодию.-- И в знак одобрения она тряхнула головой в сторону красивого мужчины, деревянно застывшего сбоку.-- Поэтому не говори, что песня мне еще понравится. От нее за целую милю тянет дерьмом! Она ни о чем не говорит. И я терпеть не могу сочетать комедию с унылым завыванием. Мелодия нормальная, но ты скажи Лу, чтобы слова написал получше.

Она повернулась и ушла со сцены. Помощник режиссера громко объявил, что завтра репетиция начнется в одиннадцать часов и что фамилии тех, кому нужно на примерку костюмов, вывешены на доске, и чтобы они ни в коем случае не опаздывали в ателье Брукса. Повсюду царила суматоха, и мнение Элен о песне было всем безразлично, в том числе и самому Гилберту Кейсу. Он медленно поднялся из кресла, закурил сигарету и направился за кулисы.

Когда сцена освободилась, Анна быстро прошла за кулисы. Молодой человек со сценарием в руке показал ей на дверь гримерной Элен. Анна постучала, в ответ раздался знаменитый резкий голос: "Войдите!"

Элен с удивлением смотрела на нее.

-- Ты кто, черт возьми?

-- Я Анна Уэллс, и я...

-- Слушай, я устала и занята. Что тебе нужно?

-- Я принесла вот этот портфель.-- Анна поставила его на гримировочный столик. -- Это от мистера Бэллами.

-- А-а. Ну, а где же сам Генри, черт его возьми?

-- Сидит на каком-то совещании по недвижимости. Но сказал, что поговорит с вами завтра и объяснит все, что непонятно.

-- О'кей, о'кей.-- Элен отвернулась к зеркалу и махнула Анне рукой, показывая, что та может идти. Анна пошла было к двери, но Элен вдруг крикнула ей вслед:

-- Эй, минутку. Ты не та самая, о которой я читала? Ну, которая подцепила Аллена Купера, перстень и все такое?

-- Я Анна Уэллс.

Элен широко улыбнулась.

-- А-а, ну что ж, рада с тобой познакомиться. Присаживайся. Я не хотела быть с тобой такой противной, но знала бы ты, что за личности проскакивают сюда мимо привратника, чтобы посмотреть на меня. И все предлагают что-то купить у них. Э-э, дай-ка взгляну на перстень!--

Она схватила Анну за руку и одобрительно присвистнула.-- Да-а, красотища! У меня в два раза крупнее, но тот я сама себе покупала.-- Она встала и скользнула в норковое манто.-- И вот это тоже сама. Ни один мужчина никогда ничего мне не дарил.-- Она говорила это, слово за словом, покачала плечами.-- Ладно, еще не вечер. Может, я еще и встречу настоящего мужика, который завалит меня подарками и вытащит меня из этой сумасшедшей гонки.

Элен усмехнулась, заметив удивление на лице Анны.

-- Да, да, я называю это именно так. Думаешь, весело выдерживать

все эти вонючие репетиции целый месяц, а потом терпеть крошечный ад пробных представлений в других городах? Даже если твоя роль и станет хитом, что тогда? Ну, сможешь заключить крупную сделку с "Ньюс" или "Миррор" после шоу.-- Она направилась к двери.-- Тебе куда? У меня машина, я могу подвезти тебя.

-- Нет, нет, я дойду пешком,-- запротестовала Анна.-- Я живу совсем неподалеку.

-- Я тоже, но в моем контракте оговорено: продюсер оплачивает машину с водителем, чтобы привозить и отвозить меня на время репетиций и представлений в Нью-Йорке. Если, конечно, мне не повезет и я не подцеплю себе кого-нибудь,-- добавила она, усмехнувшись.

Когда они вышли из служебного входа, на улице была морось, и Анна приняла предложение Элен.

-- Завези сначала меня,-- сказала Элен водителю,-- а потом отвезешь мисс Уэллс, куда ей нужно.

Когда машина остановилась перед домом Элен, та порывисто взяла Анну за руку и пригласила:

-- Пойдем, выпьешь со мной, Анна. Терпеть не могу пить одна. Еще только шесть часов; позвонишь своему парню от меня. Он может захватить за тобой ко мне.

Анне хотелось домой -- день сегодня получился длинным,-- но в голосе Элен прозвучала такая тоска, когда та говорила про свое одиночество. И она решила зайти к ней.

Войдя в квартиру, Элен с гордостью осмотрелась, настроение у нее разом изменилось.

-- Нравится тебе у меня, Анна? Кучу денег выложила тому педикю, который мне ее отделявал. Вон там подлинник Вламинка, а это -- Ренуар.

В квартире было тепло и красиво. С затаенным восхищением взирая Анна на мглистый заснеженный пейзаж Вламинка. Элен раскрывалась перед нею с такой стороны, которой она и вообразить себе не могла...

-- В искусстве я ни в зуб ногой,-- продолжала Элен.-- Ни уха, ни рыла не смыслю. Но мне нравится окружать себя всем самым лучшим. На нынешнем этапе своей жизни я могу себе это позволить. Потому я и велела Генри отобрать мне несколько лучших картин, которые удачно впишутся в мой интерьер и будут хорошим помещением капитала. Ренуар неплох, но этот снегопад -- бр-р-р! Но Генри уверяет, что вскоре цены на полотна Вламинка возрастут втрое. Проходи в кабинет, это моя любимая комната... там у меня и бар.

Стены кабинета представляли собой живую и яркую иллюстрацию артистической биографии Элен. Красочные фотографии были окантованы аккуратными рамками и располагались на стенах в идеальном порядке. На снимках Элен была в коротеньких юбочках и в кудряшках по моде двадцатых годов. Надписывала автограф на бейсбольной бите Малышу Руту. Улыбающаяся Элен с мэром Нью-Йорка... Элен с

прославленным сенатором... Элен с известным композитором-песенником... Элен, получающая приз "Первая звезда Бродвея"... Элен, отплывающая на океанском лайнере в Европу со своим вторым мужем... Элен в эффектных позах с другими эстрадными знаменитостями... Кроме этого, на стенах висели металлические таблички, застекленные дипломы и награды, воспевающие величие Элен Лоусон.

В кабинете стоял и книжный шкаф, набитый фолиантами в кожаных переплетах, -- Диккенс, Шекспир, Бальзак, Мопассан, Теккерей, Пруст, Ницше. У Анны возникло подозрение, что наполнить шкафы книгами тоже было поручено Генри.

Элен обратила внимание на то, что Анна рассматривает книги.

-- Вся самая классическая макулатура, верно? Генри знает все, доложу я тебе. Только я ни за что не поверю, будто кто-то действительно читает это дерьмо. Как-то раз я попыталась одолеть несколько страничек... Бог ты мой!

-- Некоторые из них и правда читаются с трудом, -- согласилась с нею Анна. -- Особенно Ницше.

Элен посмотрела на нее широко раскрытыми глазами.

-- Ты читала эти книги? Что-то знаешь? А я в жизни ни одной книжки не прочла.

-- Вы просто смеетесь надо мной, -- не поверила ей Анна.

-- Ничуть. Когда у меня выступление, я работаю с полной отдачей, выкладываюсь до конца. После выступления, если повезет, встречаюсь с мужчиной где-нибудь. Если же нет, еду одна домой прямо с представления. А к тому времени, когда уже приму ванну и прочитаю все газеты, я совсем готова вырубиться. До двенадцати сплю, потом читаю утренние газеты, просматриваю почту, звоню друзьям... а там и обедать пора. Когда у меня выступление, я никуда обедать не хожу и никогда не пью перед выступлением, только после. Но уж после выступления я люблю встряхнуться. Ах, да... Когда последний раз была замужем, почти дочитала одну книжку. Это когда я уже поняла, что этот брак мне осточертел. Как тебе шампанское налить? Со льдом?

-- Я выпью кока-колу, если не возражаете, -- ответила Анна.

-- Да брось-ка ты, выпей моей шипучки. Это единственное, что я пью, и если ты мне не поможешь, я раздавлю сегодня всю бутылку одна. А шампанское здорово полнит, скажу я тебе. -- Она провела ладонью по своей талии. -- Я все еще никак не сброшу лишний вес, который набрала на ранчо. -- Она протянула Анне бокал. -- Бог ты мой! А ты жила когда-нибудь на ранчо?

-- Нет, я из Новой Англии.

-- А я уже стала было думать, что собираюсь жить на этом ранчо всю жизнь. Пошли... -- Она увлекла Анну в спальню. -- Видишь эту кровать? Семь футов в ширину. Мне ее сделали на заказ, когда я вышла замуж за Фрэнка. Он был единственным мужчиной, которого я любила. Мне перевезли эту чертову колымагу в Омаху, когда я вышла за Рэда, а потом обратно сюда. Могу спорить, что перевозка туда-сюда

встала мне куда дороже, чем сама кровать. Вот он, Фрэнк.-- Она показала на фотографию, стоящую в рамке на ночном столике.

-- Очень красивый,-- проговорила Анна.

-- Он умер.-- В глазах Элен появились слезы.-- Погиб в автомобильной катастрофе два года спустя после нашего развода. И все из-за той стервы, на которой потом женился.-- Элен порывисто вздохнула всей грудью.

Анна посмотрела на часы на ночном столике. Была половина седьмого.

-- Вы не возражаете, если я позвоню от вас?

-- Иди в кабинет и звони оттуда. Там тебе будет удобнее.

Пока Анна звонила Аллену, Элен налила еще шампанского.

-- Ты где сейчас?-- спросил он.-- Звонил тебе три раза и всякий раз попадал на Нили. Я ей уже порядком надоел, особенно если учесть, что она торопится на свидание к своему горячо любимому. Да, кстати, Джино сейчас рядом со мной. Хочет знать, не возражаешь ли ты, если он нарушит наше уединение и поужинает сегодня вместе с нами.

-- Мне бы очень этого хотелось, Аллен. Ты же знаешь.

-- Отлично. Заедем за тобой через полчаса.

-- О'кей, только я не дома. Я у Элен Лоусон.

-- Расскажешь мне об этом за ужином,-- сказал Аллен, чуть помолчав.-- Мне заехать за тобой туда?

Он записывал адрес. Анна слышала, как он говорил Джино: "Она у Элен Лоусон... Что? Ты смеешься!" Эти слова тоже предназначались Джино. Затем он обратился к ней:

-- Анна, хочешь верь, хочешь нет, но Джино предлагает взять с нами Элен Лоусон.

-- Но... разве они знакомы?-- спросила Анна.

-- Нет, а какая разница?

-- Аллен, я не могу...

-- Спроси у нее самой!

Анна колебалась. Нельзя же предлагать женщине масштаба Элен ехать ужинать с незнакомым мужчиной. Да еще с таким, как Джино! Аллен обратил внимание на возникшую паузу.

-- Анна, ты меня слышишь?

Она повернулась к Элен.

-- Аллен интересуется, не хотели бы вы провести вечер с нами. Его отец тоже будет.

-- Так я, значит, буду с его отцом?

-- Ну-у... нас будет только четверо.

-- Конечно!-- воскликнула Элен.-- Я видела его в "Марокко". Смотрится вполне сексуально.

-- Да, она очень хотела бы,-- хладнокровно ответила Анна в трубку и положила ее. -- Они заедут за нами через полчаса.

-- Через полчаса? Как же ты успеешь за это время добраться до дома и переодеться?

-- Домой мне не нужно. Я поеду прямо так.

-- Но ты же в простом пальто. И в твидовом костюме.

-- Я уже была с Алленом в нем. Он ничего не имеет против.

От замешательства лицо Элен приняло надутый вид, и она стала похожа на пухленького ребенка.

-- Ну-у, Анни, а я хотела разодеться в пух и прах. Но теперь нельзя. А то рядом с тобой в этой твоей одежде я буду, как разряженная рождественская елка. Мне ведь хочется произвести хорошее впечатление на Джино. Он такой живчик.

Невероятно! Анна не верила своим ушам. Элен Лоусон волнуется, как девчонка, перед встречей с Джино. Этот внезапный приступ застенчивости и робости никак не соответствовал сложившемуся у нее образу Элен, для которого прежде всего была характерна изрядная доля небрежно-циничной самоуверенности и чувство собственного достоинства. Анна вдруг поймала себя на том, что ей захотелось поверить, что это надутое детское выражение редко проявляется у Элен.

-- Позвони им еще раз и скажи, чтобы засхали попозже,-- предложила Элен. -- Чтобы тебе успеть съездить домой и переодеться.

Анна покачала головой.

-- Я слишком устала. Весь день работала.

-- Черт возьми, а я что же, по-твоему, делала?-- Элен говорила тоном ребенка, которого его сверстники выгнали из игры.-- Встала сегодня в девять утра. Три часа репетировала танец с этими жлобами "Гаучерос". Раз шесть, не меньше, приземлялась на задницу. Эту мерзкую песню пришлось петь раз сто. И вот все равно намылилась ехать. А я ведь постарше тебя буду. Мне... тридцать четыре.

-- У меня не столько энергии,-- ответила Анна, едва сумев скрыть свое удивление. "Тридцать четыре"! Джордж Боллоуз был прав.

-- Сколько тебе лет, Анна?

-- Двадцать.

-- Ладно, брось мне заливать! Это я и в газетах читала. Сколько на самом деле?-- Она растянула губы в невинной детской улыбке.-- Э-э, да ты, похоже, из тех девиц, что падают в обморок от некоторых словечек. Моя старушенция из себя выходит, когда я их употребляю. Постараюсь следить за собой. Если сегодня вечером хоть раз выражусь, просто посмотри на меня вот таким же ледяным взглядом.

Анна улыбнулась. В быстрых перепадах настроения Элен было что-то привлекательное. Она была откровенна до бесхитростности и вместе с тем так уязвима, несмотря на свою недостижимую славу.

-- Так тебе правда только двадцать, Анна?-- И быстро добавила: -- Это фантастика, что ты так моментально сумела подцепить самого Аллена Купера. Я надена черное платье и немного драгоценностей.-- Она направилась переодеваться в спальню, треща без умолку.-- Эй, пошли со мной. Может, у меня и самый сильный голос на всем Бродвее, но из этой комнаты ты меня все равно не услышишь.

Одеваясь, Элен продолжала говорить, не останавливаясь. Большей

частью о своих мужьях и о том, как плохо они с нею обращались.

-- Единственное, чего мне было нужно в жизни, это -- любви, -- скорбно повторяла она то и дело. -- Фрэнк любил меня, он был художником. Боже, видел бы он, что у меня есть подлинник Ренуара. Не то чтобы Фрэнк рисовал так же. Он был оформителем, но для себя он писал то, что называл серьезными вещами. Мечтал о том, что настанет день, когда он сможет позволить себе оставить оформительство и писать то, что ему хочется.

-- А-а, значит, вы тогда были еще только начинающей артисткой?

-- Да нет же, черт возьми! Я выступала уже в своем третьем шоу, когда мы поженились. Получала три тысячи в неделю, а он -- всего только сотню, так что, как видишь, я выходила за него по любви.

-- Тогда почему же он не мог писать так, как хотел?

-- Значит, я должна была содержать его? Ты что, смеешься? Если бы я пошла на это, то как бы я узнала, женился он на мне по любви или из-за моего состояния? Я ему так и заявила без обвиняков. У меня тогда была огромная квартира, и вообще я люблю жить на широкую ногу. Я сказала: "Фрэнки, можешь переезжать ко мне. За квартиру буду платить я. Все равно ведь я за нее уже заплатила вперед. Буду платить служанке, за твою одежду, за питание и напитки. Но когда мы пойдем в ресторан, клуб или еще куда, счета будешь оплачивать ты". Он все жаловался, что за два таких вечера со мной просаживает свой недельный заработок. И это при том, что он не платил за квартиру и за все остальное. Боже, как я его любила! Хотела даже родить от него ребенка, а ведь это значило бы, что целый сезон -- псу под хвост. Так что сама видишь, как сильно я его любила. Вот только забеременеть так и не смогла. Застегни-ка мне молнию, вот здесь. Ну, как я выгляжу?

Выглядела Элен хорошо. Анне показалось было, что драгоценностей на ней чуть больше, чем следует, но ведь в конце концов это сама Элен Лоусон, и ей простительно.

В дверь позвонили. Элен схватила ярко-красное шелковое манто, отделанное блестками. Посмотрела на Анну.

-- Слишком яркое?

-- А почему ты не наденешь норковое, в котором была днем?

-- А не будет слишком старомодно? Черное платье и коричневое манто. Знаешь, я считаю так: если у тебя есть вещь, то ее надо носить. Я не из тех чопорных баб высшего света.

Раздался еще один звонок.

-- Сейчас, сейчас, -- крикнула Элен. Немного поколебавшись, она взяла норковое манто и улыбнулась. -- Будь по-твоему, ангелочек. Похоже, у тебя есть вкус.

Знакомство Элен с Джино походило на сказочный фейерверк. Решили ехать в "Марокко", клуб, который оба они обожали. Они заказали себе одинаковые блюда, покатывались со смеху над шутками и анекдотами, которые рассказывали друг другу, и в невероятных ко-

личества поглощали шампанское. Репортеры подходили к столику, чтобы засвидетельствовать свое почтение Элен, оркестр вновь и вновь играл мелодии из ее прошлых хитов. Эта атмосфера бурного веселья быстро захватила Анну, и она даже поймала себя на том, что смеется над некоторыми не вполне пристойными анекдотами Элен. Та просто не могла не нравиться.

Джино оглушительно хохотал.

-- Я люблю эту девчонку!-- кричал он, хлопая ее по спине.-- Она говорит, что думает. В ней нет ни капли фальши. Вот что я скажу тебе, Элен. Закатим-ка мы пир горой в честь твоей премьеры.

И тут Элен словно подменили. Улыбка ее стала застенчивой, и тонким робким девическим голоском она произнесла:

-- Ах, Джино, это было бы замечательно! Я бы очень хотела быть с тобой на своей премьере.

Джино был застигнут врасплох. Анна знала, он имел в виду, что с ним там будет Адель. Естественно, он полагал, что и Элен будет не одна, а с кем-то из своих поклонников.

-- Какого это числа?-- медленно уточнил Джино.

-- Шестнадцатого января. Через две недели мы уезжаем в Нью-Хейвен. Потом три недели выступаем в Филадельфии.

-- Мы приедем в Нью-Хейвен,-- быстро сказал Джино,-- Анна, Аллен и я...

-- Не-ет!-- воскликнула Элен.-- В Нью-Хейвене будет суший бардак. Мы даем там всего три представления, только чтобы подготовиться к настоящим выступлениям в Филадельфии.

-- Ничего, мы сделаем скидку на это,-- легко уступил Джино.

-- Да не в этом дело,-- надулась Элен, и лицо ее опять стало припухлым, точь-в-точь, как у ребенка.-- Но самое первое представление у нас в пятницу вечером, а на следующий день -- уже дневное, а будут еще часто репетиции по утрам, чтобы вставлять новые куски. Если ты приедешь, мне бы хотелось посидеть где-нибудь допоздна и гульнуть хорошенько. А перед дневным представлением я никак не смогу.

-- До января еще слишком далеко, поэтому ничего планировать на него я не могу,-- твердо заявил Джино.-- Бизнес у меня такой, что в то время я могу оказаться и за границей. Вот в Нью-Хейвен поехать смогу, если ты, конечно, не против.

Элен придвинулась вплотную к Джино, взяла его под руку и кокетливо подмигнула.

-- Ну, нет. Я не отпущу тебя с крючка. Согласна и на Нью-Хейвен. А если будешь в Нью-Йорке, то приедешь еще и на премьеру здесь.

-- Хочешь сказать, мне придется смотреть это шоу дважды?

-- Слушай, ты, сукин сын, люди ходят на мои выступления и по пять раз,-- добродушно упрекнула его Элен.-- Вставай, Анна. Схватай раз,-- добродушно упрекнула его Элен.-- Вставай, Анна. Схватим-ка в нашу дамскую комнату, приведем себя немного в порядок.

Служительница в дамской туалетной комнате обвила Элен руками.

-- Моя самая первая костюмерша,-- пояснила Элен Анне.

-- Видели бы вы ее в то время,-- проговорила женщина с обожанием в голосе. -- Ноги росли прямо из плеч, а уж до чего ласковая была, ну прямо как щеночек.

-- Ноги у меня и сейчас что надо,-- сказала Элен.-- Мне только нужно сбросить несколько лишних фунтов. Ладно, займусь этим на гастролях.-- Элен села перед зеркалом и напудрила лицо. Когда женщина отошла, чтобы помочь вновь вошедшей посетительнице, Элен обратилась к Анне:

-- Знаешь, мне понравился Джино.

Она произнесла это тихим ровным голосом, и само отсутствие какого-либо выражения у нее на лице, казалось, подчеркивало то значение, которое она придавала сказанному. Элен поправила прическу и внимательно посмотрела на свое отражение в зеркале.

-- Я имею в виду, по-настоящему понравился, Анна. А я ему, как ты думаешь?

-- Я уверена, что понравилась,-- ответила Анна, стараясь говорить как можно более непринужденно.

Повернувшись к ней лицом, Элен проговорила с нажимом:

-- Мне нужен мужчина. Честно, Анна, все, что мне нужно,-- это кого-то любить.

Анна смотрела на это лицо со следами бурной жизни и с застывшим на нем трагическим выражением, на глаза, молящие о моральной поддержке, и вся душа ее прониклась сочувствием к Элен. Она вспомнила все скандальные истории, которые ей доводилось слышать про Элен, истории, распространяемые, вне всякого сомнения, мелкими людишками, чье имя -- легион, которые завидуют ее успеху или ужасаются ее вульгарными манерами. Было, однако, трудно понять, как можно не испытывать искренней симпатии к этой женщине, чье вызывающее, даже непристойное на первый взгляд поведение -- лишь маска, за которой скрывается тонкая, чуткая натура и безоглядно-отчаянное желание любить и быть любимой.

-- А ты мне нравишься, Анна. Мы станем с тобой подругами. И будем часто ходить с тобой везде вот так, вчетвером. Так уж получилось, что подруг у меня не густо. Эй, Амелия,-- громко обратилась Элен к служительнице.-- Дай-ка мне карандаш и листок.

Женщина подала ей блокнот.

-- Мисс Лоусон... раз уж вы пишете, дайте, пожалуйста, автограф для моей племянницы.

-- Я давала тебе целых три на прошлой неделе,-- проворчала Элен, расписываясь.-- Ты что, торгуешь ими, что ли?-- Она протянула женщине несколько листков, после чего записала номер и дала его Анне.-- Это номер моего телефона. Не потеряй, в справочнике его нет. И, ради бога, никому не давай... кроме Джино. Вот ему, если сможешь, наколи в виде татуировки. На, запиши мне номер.

-- Ты всегда сможешь позвонить мне в контору Генри Бэллами.

-- Знаю, но если ты мне понадобишься, когда будешь дома.

Анна написала ей номер телефона, что висел в общем коридоре ее дома на Пятьдесят второй стрит.

-- Но с девяти тридцати до пяти я на работе,-- повторила она.-- А по вечерам обычно где-нибудь с Алленом.

-- О'кей,-- Элен сунула листок себе в сумочку.-- Нам пора назад. А то подумают, будто с нами что-то стряслось.

Было уже около трех ночи, когда черный лимузин подкатил к дому, в котором Анна снимала комнату. Сначала они отвезли домой Элен. Джино уже клевал носом, Аллен тоже выглядел утомленным, но Анна чувствовала себя бодрой и энергичной после такого восхитительного вечера. Из-под двери в комнату Нили пробивалась полоска света, и Анна осторожно постучалась.

-- Я ждала тебя,-- сказала Нили.-- Ну и вечерок был у меня сегодня! Сказала Мэлу, что мне только семнадцать. А ему все равно. Говорит, что жизнь я знаю лучше, чем иная двадцатилетняя. И сказала, что у меня еще ни разу не было мужчины.-- Затем Нили поинтересовалась: -- А ты что так поздно?

Анна рассказала о своем вечере в обществе Элен Лоусон, начиная с их знакомства на репетиции. Когда она закончила, Нили недоверчиво покачала головой.

-- Ты говоришь так, словно чертовски здорово провела время. Сейчас еще заявишь, чего доброго, что Элен Лоусон тебе понравилась.

-- Понравилась. И даже очень, Нили. Все эти истории о ней... их распускают люди, которые даже не знают ее. Стоит только узнать ее, узнать по-настоящему, и она не сможет не понравиться. Ну, признайся: теперь, когда ты уже примирилась с тем, что она в первый же день убрала тебя из шоу, и когда ты уже поработала с нею, разве она тебе не нравится по-настоящему?

-- Ну конечно, она восхитительна.

-- Я серьезно так считаю.

-- Да ты больная, что ли?-- Нили пощупала ее лоб.-- Это ужасная баба. Ее никто не любит.

-- Неправда. Те, кто говорят о ней плохо, просто не знают ее по-настоящему.

-- Послушай. Единственно, кто ее обожает, это зрители, и то только потому, что они отделены от нее оркестровой ямой и рампой. И любят они не ее, а роли, которые она исполняет. Послушай, чего люди не замечают, так это того, что Элен не только крупная звезда музыкально-комедийного жанра, но еще и потрясная актриса. Потому что играет этих кротких девчонок с золотыми сердцами и заставляет всех верить в них. Но на самом деле -- когда она не играет на сцене -- Элен холодна, как лед. Ходячий робот.

-- Нили, ты же не знаешь, какая она в действительности.

-- Ах, боже ты мой! С тобой помереть можно, Анна! Встречаешься с Алленом битый месяц и не знаешь о нем ничего. И вдруг -- на тебе! Один вечер с Элен Лоусон, и ты уже знаешь ее, как облупленную.

Уже готова спорить со всеми, кто поработал с нею, знает ее, ненавидит и презирает ее. Она вульгарная, грубая, бесчувственная, жестокая и насквозь гнилая. Может быть, сегодня в компании она и вела себя по отношению к тебе хорошо или, может, ей от тебя что-то нужно. Но только я тебе скажу: если встанешь ей поперек пути, она раздавит тебя, как червяка.

-- Это ты себе ее такой представляешь. Эту легенду о ней ты слышала так долго, что даже не желаешь попытаться увидеть ее такой, какая она есть на самом деле. Я не сомневаюсь в том, что когда она работает, она может быть и жестокой, и грубоватой. Это ее работа. Ей приходится бороться за то, чего она хочет добиться. Но разведи ее самое и ее работу в разные стороны, и ты увидишь перед собой чувственную одинокую женщину, которая страстно хочет обрести настоящую подругу. И любимого человека.

-- "Любимого"!-- взвизгнула Нили.-- Анна, настоящая Элен Лоусон -- это то самое чудовище, которое я постоянно вижу на репетициях. А к тому, что она звезда, это не имеет никакого отношения. Такой она уродилась. Такими не становятся. Да если бы только когда-нибудь стала звездой, я была бы так чертовски благодарна публике за любовь ко мне, что люди платили бы уже за одно то, чтобы увидеть меня... что писатели писали бы для меня. О-о! Ходила бы и целовала каждого встречного. Слушай, даже Мэл, который видел ее один лишь раз на бенефисе, называет ее "Джек Потрошитель".

-- Не буду больше с тобой спорить,-- устало сказала Анна.-- Но я не хочу, чтобы ты плохо отзывалась об Элен при мне, Нили. Мне она нравится.

-- Ух ты-ы-ы...

За дверью зазвонил телефон.

-- Что это за псих трезвонит в такое время?-- удивилась Нили.-- Наверное, ошиблись номером.

-- Я сниму.-- Анна пошла к аппарату.

-- Привет, девушка...-- раздался в трубке счастливый голос Элен.

-- Элен! Что-то случилось?

-- Элен!-- воскликнула Нили в открытую дверь.-- Боже мой, ты не шутишь? Надо же, как ты быстро сходишься!

-- Вот захотелось просто позвонить и пожелать спокойной ночи,-- приветливо продолжала Элен.-- Я разделась, постирала чулки и трусики, намазалась кремом, уложила волосы и вот лежу в постели.

Анна представила себе Элен, блаженствующую на своей широкой кровати, и непроизвольно вздрогнула, стоя в неотапливаемом общем коридоре.

Но несмотря на то, что рядом вертелась Нили, любопытство одержало в ней верх.

-- Элен, ты сказала, что сама стираешь себе чулки и трусы?

-- Э-э, да ты шутишь,-- прошипела Нили.

-- Конечно, сама,-- ответила Элен.-- Честно. Еще моя старушенция

приучила меня, и хотя у меня есть служанка, я делаю это каждый вечер, прежде чем лечь спать. Наверное, это во мне ирландское, от О'Лири.

-- Это твоя настоящая фамилия?

Нили не выдержала.

-- Сейчас вернусь. Накину махровый халат, если мы собираемся болтать. Здесь холод собачий.-- Она убежала в комнату.

-- Нет, настоящая -- Локлин,-- ответила Элен.-- Шотландская. Кровь во мне течет шотландская, французская и ирландская. Но я сменила Локлин на Лоусон. Мне казалось, это будет лучше смотреться на афишах.

-- Ты говоришь так, словно всегда знала, что твое имя появится на афишах.

-- А ты что, мне не веришь? Я уже с десяти лет пела на благотворительных концертах. В шестнадцать начала брать уроки пения. А два года спустя меня уже начали прослушивать на пробах. Получила маленькую роль и песенку в одном бродвейском шоу. Отзывы в прессе были сплошь восторженные. Поражены были все, но только не я. Если бы я не верила, что пою дьявольски хорошо, то не стала бы и пробоваться на ту роль.

-- Значит, у тебя никогда не было неприятностей и никогда не приходилось искать работу?

-- Она добилась всего сразу.-- Нили уже вернулась, закутанная в теплый махровый халат, грызя хрустящее печенье.-- Вот почему она так по-сволочному и относится к таким, как я: не знает, что это такое -- пробивать себе дорогу в жизни.

-- Нет, я добилась этого легко,-- продолжала Элен.-- Допускаю, что так легко получается не у всех. Но уж если в человеке что-то заложено, он своего добьется. И точка! У кого-то времени уйдет чуть больше, но если в ком действительно что-то заложено от бога, он не потеряется в этой схватке. Терпеть не могу всякий дерьмовый треп о тернистом пути на вершину, который то и дело слышу... обо всех этих талантах, что не могут пробиться. Чтобы пробиться, требуется больше, чем просто хороший сильный голос. Черт побери, петь-то могут многие девушки. Сама слышала певичек в оркестрах, которые зарабатывали всего семьдесят пять долларов в неделю, а голос у них был лучше моего. Но им не хватало этого самого...

Анна переступила с ноги на ногу, и ее заколотило от холода. Свое пальто она оставила в комнате у Нили.

-- Элен, мне нужно лечь. Тепло отключили, и я мерзну.

-- Я подожду.

-- Но я не могу... Я имею в виду... телефон...

-- Что, провод короткий?

-- Телефон висит в общем коридоре.

-- Что-о-о?

-- В коридоре. Я же снимаю комнату. Своего телефона у меня нет.

-- Да ты шутишь! Хочешь сказать, что носишь на пальце камешек за полста кусков, а телефона у тебя нет? Где же ты живешь, черт побери?

-- На Пятьдесят второй стрит, как раз у магазина "Леон и Эдди".

-- Но это же грязный район!-- воскликнула Элен. Тут ее голос изменился.-- Ах, да какого черта, ты же скоро замуж выходишь. Но как ты можешь жить без своего телефона в комнате?

-- Да он мне и не особенно нужен.

-- Ну и ради бога!-- До Анны донесся зевок и шуршание разворачиваемой газеты.-- О-о, я вижу, обо мне тут две колонки,-- проговорила Элен сонным голосом.-- Ладно, ангел мой, иди ложись спать. Завтра приходи на репетицию после работы.

-- Вообще-то я кончаю работать довольно поздно. И сразу мчусь домой переодеться для свидания с Алленом.

-- Да, это бы лучше. Имею в виду -- переодеться. Ты действительно очень привлекательна, Анна, но это твоё пальто со стоячим воротником и официальный твидовый костюм надевать не надо. Запомни, самое главное на свете -- это чтобы у тебя был человек, который любит тебя. Одевайся для него. Я позвоню тебе завтра на работу.-- В трубке щелкнуло, и послышались частые гудки.

Анна вернулась в комнату к Нили. Взяла своё пальто и сумочку. Нили проводила ее до двери.

-- Я чего-то не понимаю, Анна. Если бы не слышала собственными ушами, ни за что не поверила бы.-- Выражение ее лица изменилось.-- Но я все равно стою на своем: от нее всего можно ожидать.

-- Ничего подобного. Сегодня вечером она веселилась... Она и впрямь такая одинокая. И ей понравился Джино.

-- Вот, значит, в чем тут дело!-- воскликнула Нили.-- Она просто использует тебя, чтобы заполучить Джино.

-- Неправда. Она была со мной приветлива и дружелюбна еще до того, как я договорилась о встрече с ними. Пригласила меня к себе домой...

Нили усмехнулась.

-- А может, старую боевую лошадь потянуло на шалости на старости лет?

-- Нили!

-- А что, такое случается. Знаешь, некоторые из этих крупных звезд -- особенно бабехи вроде Элен, которые любят заниматься сексом,-- ну вот, они сильно переживают, что мужики перестают их замечать, и переключаются на женщин, чтобы получить удовольствие. В одном ночном клубе с нами выступала одна угасшая кинозвезда, так она...

-- Нили, Элен абсолютно нормальная!

Нили зевнула.

-- О'кей. Тут я с тобой спорить не буду. Все слишком хорошо знают, как она за мужиками гоняется. Всегда этим отличалась. Потому

от нее первый муж и ушел. Является домой, а она занимается этим с одним гангстером, с которым еще раньше путалась.

-- Нили, это неправда. Она любила первого мужа.

-- Анна, я там сижу и треплюсь с девчонками днями напролет. Все знают, что во времена сухого закона она пела в притоне Тони Лагетти, где тайком подавали спиртное. Втюрилась в него, как бешеная. А он -- итальянец, да католик, да жена, да семеро детей. Трахать-то он ее, конечно, трахал, но не больше. Когда к ней пришел успех в ее первом шоу, появился Генри Бэллами и заставил ее расстаться с Тони. Она становилась слишком знаменитой, и если бы жена подала в суд, это могло бы подпортить имидж Элен. У нее начался долгий роман с Генри, но тайком она все равно спала с Тони. Это было всем известно, кроме Генри. А он продолжал вести ее дела, делать ее звездой и миллионершей. Потом Тони завел себе другую, и Элен пришла в такую ярость, что вышла замуж за первого попавшегося, за того самого художника. Притонов со спиртным к тому времени уже не стало, а Тони открыл какое-то дорогое заведение -- ресторан итальянской кухни, а Элен повадилась привозить туда этого художника и обниматься с ним у всех на глазах, чтобы Тони ревновал ее. И, видно, это сработало, потому что в один прекрасный день художник заявляется домой не вовремя и обнаруживает там такую трогательную сценку примирения двух старых друзей -- Элен и Тони... Он оставил ее, но прежним так и не стал. Женился еще раз, но спился.

-- И откуда только ты выкопала все эти басни?

-- Историю с Тони я знала давным-давно. Да ты что, стоит кому-нибудь упомянуть имя Элен, как тут же говорят: "А-а, та самая баба, что с Тони путалась". Ну, а про Генри Бэллами и про мужа узнала от ребят из шоу. Каждый знает...

-- Каждый, -- сердито перебила ее Анна, -- знает это так же, как и ты, -- понаслышке. И подобно этому каждому ты тоже передаешь одну и ту же историю каждому встречному и поперечному. И так, как снежный ком. А ты сама там была? И вообще сама видела Элен с Тони вместе? Я говорила с Элен. Я знаю, как она относилась к своему первому мужу. Понимаешь, Нили, конечно, временами Элен несколько вульгарна. Я думаю, что поскольку она так быстро достигла успеха, ей просто не хватало времени, чтобы ее манеры стали вровень с талантом. Он вознес ее на вершину славы, но в душе она так и осталась девчонкой из Нью-Рошеля. И она лишь напускает на себя жестокость и грубость, чтобы окружающие не причиняли ей боль.

-- Ну ладно, сдаюсь, -- сказала Нили. -- Она восхитительна, мила, и раз уж дело, похоже, идет к тому, что вы станете неразлучными подружками и ты единственный человек, который ее понимает, то почему бы тебе не сказать ей, как талантлива твоя вторая после нее лучшая подруга. Глядишь, возьмет и подкинет мне пару-тройку номеров в этом шоу.

Анна улыбнулась.

- Нили, лучше тебя самой это никто не сделает.
- Ну, ясное дело. Прекрасно понимаю. Соберемся теплой компашкой втроем и поболтаем между нами, девочками.
- А почему бы и нет? Нили, подойди завтра на репетиции к Элен. Скажи ей, что ты моя близкая подруга.
- Ну конечно!
- А почему нет?
- Да потому, что никто просто так не подходит к Элен, чтобы поболтать с нею.
- А ты возьми да подойди и, возможно, будешь приятно удивлена.
- Ну, ясное дело. Может, проконсультироваться у нее, как чулочки стирать? Каким порошком, "Люксом" или "Айвори"? А если она испытывает от этого удовольствие, я с радостью дам ей несколько своих трусиков, которые не мешало бы простирнуть.
- Спокойной ночи, Нили.
- Спокойной ночи, Анна, я серьезно. Если ваша великолепная дружба и в самом деле продлится и если представится возможность, замолви за меня словечко. Попробуй... ну, пожалуйста.
- Да, такую компанию из четырех персон заурядной я бы не назвал,-- изрек Джордж Бэллоуз, кладя Анне на стол утреннюю газету.
- Анна с интересом стала разглядывать фотографию, сделанную предыдущим вечером в "Марокко". Элен выглядит гротескно; Джинно улыбается во весь рот; лицо Аллена вошло в кадр не полностью. Сама же Анна получилась более чем просто миловидной.
- Она натянуто улыбнулась.
- Кто этот Ник Лонгуорт?-- спросила она, читая оставленные ей на столе записки.
- Владелец одного из первоклассных домов моделей в Нью-Йорке. А что, разве Лонгуорт предлагает тебе работу?
- Не знаю. Я только что вошла и обнаружила у себя на столе эти записки с просьбой позвонить ему.
- Так звони прямо сейчас, не откладывая. Ты же прирожденная манекенщица. Да ты, наверное, все равно стала бы ею. От судьбы не уйдешь.-- Он посмотрел на ее перстень с бриллиантом.
- Телефон на ее столе зазвонил. Джордж помахал ей рукой и пошел к себе в кабинет.
- Звонил Аллен.
- Ну как, отошла после вчерашнего?
- В самом деле было здорово, правда?-- радостно сказала она. В трубке молчали.
- Аллен?
- С трудом верю, что не ослышался.
- Мне Элен Лоусон понравилась,-- настороженно уточнила она.
- И что же тебе в ней понравилось? Ее тонкий юмор? Ее поведение настоящей леди? Знаешь, Джинно тоже невыносим в больших количе-

ствах, но я примирился с этим и терплю его. Он мой отец. Но Элен...

-- Мне нравится твой отец.

-- Анна, тебе вовсе нет необходимости из вежливости кривить душой. Я всегда считал, что родственников человек себе не выбирает, но вот друзей выбирать обязан.

-- Аллен, то, что ты говоришь, ужасно.

-- Почему? Я просто говорю честно. Если бы я познакомился с Джино и он не был бы моим родственником, я счел бы его крикливым и неприятным в общении. Я могу восхищаться его деловыми качествами, точно так же, как я восхищаюсь талантом Элен на эстраде. Но в плане общения я вполне могу обойтись без них обоих. Когда мы с тобой поженимся, у нас будет совершенно иной круг общения, круг стоящих людей. Сегодня вечером я объясню это тебе получше.

В голове у нее молоточками застучала польсирующая боль.

-- Аллен, я совершенно не выпалась. Давай перенесем сегодняшнюю встречу. После работы хочу пойти домой и сразу лечь.

-- И это тоже нам нужно обсудить. Сколько времени ты еще будешь цепляться за эту работу? До самой нашей свадьбы?

-- Но я хочу работать, Аллен, и я не хочу выходить замуж. Я же сказала тебе об этом.

Он выдавил из себя короткий смешок.

-- Ты и впрямь устала. Ладно, на один вечер я тебя отпускаю. Но, Анна... я понимаю, что сам обещал не подгонять тебя, однако ты все-таки начинай думать о женитьбе. Только думать... это все, чего я прошу.

День тянулся страшно медленно. Опять позвонили из дома моделей Лонгуорта. Анна ответила, что перспектива стать одной из их манекенщиц ее не прельщает. Да, она позвонит им, если когда-нибудь передумает.

После обеда появился Генри. Она принесла почту ему в кабинет, но он сдвинул все в сторону.

-- Садись.-- Он закурил сигарету.-- Ну что ж, отзывы о шоу Эда Холсона мы получили хорошие, но с этим сукиным сыном хоть караул кричи.

-- С его участием в шоу или с ним самим?-- Анна откинулась на спинку кожаного кресла, прислонилась к подголовнику и помассировала себе виски.

-- С самим Холсоном. Что прикажешь делать, если твой клиент -- алкаш? Гений, черт бы его побрал, но алкаш!-- Он сокрушенно покачал головой.-- Напился в стельку сразу после представления, прямо на глазах у спонсора. Мне, естественно, пришлось делать вид, что ничего подобного с ним ни разу не бывало. Двадцать тысяч в неделю, а чего подобного с ним ни разу не бывало. И мне еще повезло, что он де-он надирается прямо перед спонсором. И мне еще повезло, что он держался в рамках приличия. Стоит ему напиться до неприличия, он начинает обзывать всех окружающих жидовскими ублюдками.

-- Зачем же было иметь с ним дело?

-- А ты подсчитай, сколько составляет двадцать пять процентов от двадцати тысяч долларов в неделю, и получишь ответ на свой вопрос. К тому же он действительно настоящий талант. Друга я выбираю по принципу, нравится мне человек или нет, клиента же -- по принципу, талантлив он или нет.

Боль разлилась по всей голове. Пульсирующие молоточки стучали где-то позади глазных яблок.

-- Наверное, трудно быть цельным во всем,-- устало проговорила Анна.

-- Это не имеет ничего общего с цельностью личности. Здесь нужна цельность бизнесмена, деловая хватка. Отбираешь самое лучшее, а твои чувства уже не в счет. Стоит только начать слушать голос сердца, а не рассудка, и ты погиб.

Зазвонил его личный телефон на письменном столе.

-- Алло. О! Привет, дорогая, как у тебя дела? Да, конечно, видел. Ты выглядела прекрасно, крошка. Конечно, сидит прямо здесь.-- Он протянул трубку Анне. Та вопросительно посмотрела на него.-- Это Элен,-- пояснил он.

-- Привет!-- раздался в трубке радостный голос Элен.-- Как себя чувствует наша трудолюбивая девочка?

-- Немного устала.

-- Я тоже. В десять надо было уже быть на репетиции. Просто взяла перерыв на пять минут. Знаешь что: сегодня вечером в "Копе" премьера какого-то нового шоу. Я позвонила Джино, предложила поехать туда вчетвером, и он охотно согласился. Попадаем на второе представление. Тогда и ты, и я успеем немного вздремнуть после обеда.

-- А Аллен в курсе?

-- Откуда я знаю.-- Элен помолчала, затем в трубке опять раздался ее голосок совсем молоденькой девушки.-- Ты разве не хочешь в "Копу", Анна?

-- Э-э... да, наверное, это будет здорово. Особенно если я сначала немного отдохну.

-- Конечно. И оденься понаряднее, там все будут разодеты.

-- Ты имеешь в виду длинное платье?

-- Нет, просто короткое нарядное. И, пожалуйста, меховую накидку. Ту, из верблюжей шерсти,-- ни в коем случае!

-- У меня есть черное пальто...-- Анна вдруг подняла глаза. В кабинет входил Лайон Берк.

-- Прекрасно. Да, а когда приедешь домой, обнаружишь маленький подарочек от меня.

-- Подарок? Но зачем?

-- На счастье. Ну все, мне пора. Бегу зашибать денежку.-- В трубке послышались частые гудки.

-- Анна -- новая подружка Элен Лоусон,-- пояснил Генри Лайону.

Тот сел в кресло, вытянув ноги.

-- Анна у нас самой что ни на есть добротной новоанглийской породы. Она устоит.

Анна устало улыбнулась.

-- Мне уже надоело всем повторять, но так вышло, что Элен Лоусон мне действительно понравилась.

-- И прекрасно, -- бодро произнес Генри. -- Элен нуждается в настоящей подруге. По-моему, в глубине души она очень одинока.

Лайон рассмеялся.

-- У Элен что ни сезон, то новая подруга.

-- А настоящей не было ни разу, -- стоял на своем Генри. -- Большинство женщин стремятся использовать Элен в своих целях, а тайком, за глаза -- выставить ее в дурном свете. На вершину славы она взлетела слишком быстро и просто не успела изучить все эти мелкие уловки. Добрая половина девиц в этом городе начинает свою артистическую карьеру, не обладая ни вкусом, ни хорошими манерами. Но они усваивают и перенимают их в раздевалках кордебалета, от других девушек узнают, какие книги надо читать или говорить, что прочитала, как одеваться. И к тому времени, когда они добиваются успеха, все острые углы у них уже выровнены, сглажены. А Элен целых два года потратила на то, что пела в притоне. Она не научилась ничему такому. И после первого же своего шоу взлетела ввысь со скоростью ракеты. А любого, кто возглавляет список хитов, люди всегда принимают таким, каков он есть. В одночасье Элен стала слишком знаменитой и яркой фигурой, чтобы кто-нибудь отважился давать ей советы, как одеваться и как разговаривать. Все добродушно посмеивались над ее вульгарной речью, давая ей понять, что она у нее, мол, очень колоритна. Не бросай ее, Анна, ей необходим такой человек, как ты.

На столе у Генри зазвонил служебный телефон. Секретарша сказала ему в трубку, кто будет говорить. Генри кивнул и передал трубку Анне.

-- Аллен.

-- Я поговорю из приемной, -- поспешно сказала она.

Генри махнул рукой.

-- Брось, здесь все твои друзья.

Она взяла трубку, чувствуя на себе пристальный взгляд Лайона.

-- Для того чтобы спокойно поужинать со мной, ты слишком устала! -- звучал в трубке сквозь потрескивания голос Аллена. -- А сейчас мне говорят, что мы все собираемся в "Копу".

-- Это Элен с Джино договорились, -- робко пояснила она.

-- Понимаю. Мне легко отказать, а вот Элен сказать "нет" ты не можешь. Пришла в восторг оттого, что со знаменитостью познакомилась, так что ли?

-- Аллен, я сейчас в кабинете мистера Бэллами. Если ты не хочешь, никуда не пойдем сегодня.

-- Нет... обожди минутку. Я не собирался ссориться.

-- Аллен, давай поговорим позже.

-- Извини, Анна. Понимаю, ты работаешь у Генри, а Элен -- его клиент. Но после сегодняшнего вечера давай избавимся от нее. Если тебе нужно встречаться с нею, ходите по магазинам, обедайте вместе, но из моей жизни ее убери.

Генри держал свою трубку на отлете. Наверное, звонила Элен.

-- Аллен, увидимся вечером.-- Анна положила трубку. Генри протянул ей другую.

-- Похоже, нам придется нанять для нее личного секретаря,-- подмигнул он Лайону.

-- Эй, какой у тебя адрес?-- пропела на том конце провода Элен.-- Мне он нужен, чтобы тебе доставили мой подарочек на счастье.

Анна назвала адрес.

-- Черт, нет карандаша. Подожди-ка...

-- Элен,-- торопливо сказала Анна. -- Спроси у Нили О'Хара.

-- У кого?

-- У Нили О'Хара. Она в вашем шоу. Мы с нею живем в одном доме. Она даст тебе адрес.

-- А где она у нас занята? В кордебалете?

-- Да. Первоначально она должна была выступать с "Гаучерос".

Последовала небольшая пауза.

-- Ах, эта.

-- Она моя очень близкая подруга, Элен. Ей всего семнадцать лет. В шоу она только танцует, но умеет и петь. Она в самом деле очень талантлива.

-- О'кей,-- бодро ответила Элен.-- Возьму адрес у нее. Говоришь, она поет, да? Может, я что-нибудь и устрою для нее. Она попала в неприятную переделку. Но я к этому никакого отношения не имела, честно. Ну ладно... может, сумею что-то сделать сейчас. Мне тут пришла в голову одна мысль.

Анна вернулась за свой стол и вся погрузилась в работу. Когда рабочий день, наконец-то, подошел к концу, голова у нее по-прежнему раскалывалась. Приехав домой, она быстро поднялась по лестнице, мечтая лишь о том, чтобы сразу же забраться под одеяло и уснуть. Дверь в комнату Нили была распахнута настежь. Она вылетела на площадку и устремила след за Анной вверх по лестнице.

-- Я очень устала, Нили. Поговорим потом.

-- Да я ненадолго. Хочу только посмотреть на выражение твоего лица, когда ты увидишь подарок от Элен. Он у тебя в комнате. Я прямо с репетиции позвонила сюда хозяину, чтобы он отпер твою комнату.

Войдя к себе, Анна осмотрелась. Она нигде не увидела ни пакета, ни ящика, ни вообще чего-либо нового.

-- Вот!-- Нили торжествующе показала пальцем на расшатанный ночной столик. Анна тупо уставилась на блестящий черный телефонный аппарат.

-- Она внесла абонентскую плату за два месяца вперед. Сказала, что через два месяца ты, скорее всего, уже выйдешь за Аллена.

-- Но я не могу позволить делать мне такие подарки.

-- Послушай, она уже все сделала. Не знаю, Анна... ты, наверное, чем-то околдовала ее. До чего она была мила со мной сегодня, когда я сказала, что я твоя подруга.-- Однако, увидев улыбку на лице Анны, Нили категорически отрезала: -- Но это ничего не меняет. Все равно я считаю ее стервой!

Вечер, проведенный ими в "Копе", был почти точным повторением предыдущего. Внимание всех было приковано к Элен. К ее резкому пронзительному смеху, к ее шумным крикливым приветствиям, которые она отпускала всем, кого знала, к Джино, который во всем поддакивал ей, постоянно подливая в ее бокал шампанское. Взволнованная и согретая личным вниманием Элен к себе, захмелевшая от двух бокалов шампанского, Анна чувствовала себя вполне полноправным членом компании старых добрых друзей. Аллен же все время держался отстраненно и замкнуто.

-- Сначала завезем Анну,-- объявила Элен, когда они, наконец, уселись в лимузин.

-- Да, я живу ближе,-- торопливо согласилась Анна, избегая встречаться глазами с настойчивым взглядом Аллена.

Когда лимузин остановился у ее дома, она выскочила из него, не дожидаясь, пока шофер выйдет и откроет ей дверцу.

-- Не выходи, оставайся в машине,-- сказала она Аллену.-- Морозно.-- И, помахав рукой, она быстро взбежала по лестнице, чувствуя на расстоянии, как Аллен недовольно стискивает зубы. Его недовольство было очевидно даже в вечерней полутьме.

Двадцать минут спустя зазвонил ее новый телефон, словно новорожденный, возвещающий о своем появлении на свет.

-- Первой пришлось стать мне,-- услышала она приветливый голос Элен.-- Не разбудила?

-- Нет... но я уже легла.-- Она явно наслаждалась таким комфортом. Даже в Лоренсвилле иметь телефон у кровати считалось неслыханной роскошью.

-- Ну что, здорово сегодня повеселилась?

-- Просто прекрасно. Один из самых лучших вечеров в моей жизни.

-- Да...-- Элен помолчала. Затем сказала изменившимся голосом:

-- Анни, с Джино у меня ничего не получится.

-- Ему было очень хорошо,-- искренне возразила ей Анна.

-- Но он даже не попытался поцеловать меня на прощание,-- плаксивым голосом пожаловалась Элен.-- После тебя мы отвезли домой сынулю. Я была уверена, что Джино попросит разрешения зайти ко мне выпить. Я прижалась к нему и сказала, что у меня в морозилке есть бутылочка "Дом Периньон". Но когда подъехали ко мне, он только похлопал меня по спине и сказал: "Спокойной ночи, милашка".

-- Ну-у...-- Анна никак не могла подыскать нужные слова.-- Это говорит о том, что он испытывает к тебе уважение.

-- Кому нужно уважение? Мне нужно, чтобы меня трахнули.

Хотя Анна не смогла подавить вырвавшийся у нее возглас изумления, Элен продолжала:

-- Послушай, ангелочек, когда поживешь и повидашь с мое, тогда узнаешь, что единственное, чем любой мужик проявляет свой интерес, это когда он лезет на тебя.

-- Не может быть, что ты это серьезно, Элен. Все как раз напротив.

-- Вот именно, напротив моей задницы! Как же еще он его проявляет?

-- Ну, ходит с тобой везде, проводит с тобой время, тебе с ним бывает интересно.

-- Смеешься, что ли? Я считаю так: раз мужик бьет под тебя клинья, то ему не терпится забраться с тобой в постель. Даже этот подонок Рэд Ингрэм, мой последний муж, -- что ты думаешь? -- залез на меня в первый же вечер, как мы познакомились. После свадьбы пыл у него немного поулегся, ну там три-четыре раза в неделю. Потом -- раз в месяц, а потом вообще ничего. Вот тогда я наняла частных детективов и узнала, что он изменяет мне.

-- Но, Элен, я встречалась с Алленом миллион раз, и он никогда... не позволял себе ничего такого.

-- Да уж мне-то можешь не заливать!

Возникшая пауза стала почти физически осязаемой. Потом Элен нарушила ее своим девическим голоском:

-- Ну ладно, не выходи из себя, Анни, крошечка. Верю тебе. Но, боже мой, неужели тебе не хочется? Я имею в виду, как же ты узнаешь до свадьбы, хорошо тебе с этим мужиком или нет? Он может оказаться никудышным в постели. Ты ведь собираешься сначала попробовать с ним, разве нет?

-- Разумеется, нет.

На этот раз долго молчала Элен. Затем непрерываемым тоном, в котором сквозили нотки восхищения, она сказала:

-- Тогда тебя интересуют только его деньги.

-- Я встречалась с Алленом полтора месяца и все это время думала, что он бедный мелкий страховой агент.

Опять молчание в трубке.

-- Тогда, черт возьми, значит, ты одна из этих фригидных баб?

-- Думаю, что нет.

-- Что еще за "думаю"?! Может, будешь уверять меня, что ты девственница? Алло, Анна, ты меня слышишь? Боже мой, бьюсь об заклад, что и впрямь девственница.

-- Ты говоришь так, словно это какая-то болезнь.

-- Да нет, конечно, но в двадцать лет большинство девушек уже не... Черт, я хочу сказать, раз ты позволяешь мужику подбивать под тебя клинья, ты сама же хочешь, чтобы он тебя трахнул. И не можешь ждать.

-- Значит, к Джинно ты испытываешь такие же чувства?

-- Ну, ясное дело. Я даже не влюблена в него пока. Но могу и влюбиться.

-- Подожди, пусть пройдет время, -- устало сказала Анна.

-- Попробую завтра вечером. В "Мартинике" будет премьера.

-- У тебя с ним назначено свидание?

-- Нет еще. Позвоню ему завтра в контору и назначу.

-- Элен, ну почему не подождать?

-- Чего?

-- Предоставь ему возможность позвонить самому.

-- А что если я буду ждать, а он так и не позвонит?

-- Но ты же не стала бы встречаться с ним, зная, что инициатива исходит только от тебя, правда?

Ей было слышно, как Элен зевает.

-- Почему бы и нет? Иногда приходится приучать мужика, чтобы он привык к тебе, неважно, хотел он тебя с самого начала или нет.

Анна понимала, что Джино не может не встречаться с Адель три вечера подряд. Но больше всего ей не хотелось, чтобы Элен унижалась.

-- Элен, сделай мне одолжение. Не звони завтра Джино. Дай ему возможность позвонить тебе самому.

-- А если не позвонит?

-- Может и не позвонит. Он может не звонить несколько дней... или даже недель.

-- Неделю! Ну нет, так долго я ждать не могу.

-- Да, может, тебе и не придется. Но попробуй... не звонить хотя бы завтра. Возможно, Джино просто не может встречаться три дня подряд.

-- Ну ладно, -- вздохнула Элен. -- Только все равно я считаю, что мой вариант лучше. Дам ему один день, чтобы позвонил мне сам. Вот только мне хотелось пойти на эту премьеру в "Мартинике".

-- Разве тебе больше не с кем пойти?

-- О-о, у меня всегда кто-нибудь да сыщется. Мой модельер пойдет или Бобби Ивс, мой аккомпаниатор. Но оба они голубые. Вот в чем проблема: настоящих мужчин совсем не осталось. Гомиков -- полно, а мужиков -- нет. Терпеть не могу идти на премьеру с голубым. Все равно, что нацепить на себя плакат "Это все, что я сумела найти".

-- А я всегда думала, что уж ты-то можешь выбрать себе любого, кого только пожелаешь.

-- Так каждая думает, когда впервые попадает в Нью-Йорк. Да так оно и было в старые добрые времена, когда был сухой закон. Наверное, правильно сделали, что его отменили и спиртное разрешили продавать открыто, но те времена были восхитительны. Были шикарные места, такие, как "Клуб Парк-авеню", "Ха-ха". Сейчас ночная жизнь уже не та. Эх, и любила же я те денечки. Вся разоденешься, в "Парк-казино" играл сам Эдди Дучин, все столики у эстрады были заняты гуляками из самого высшего света, завтракать ездили в Гарлем... В то время Тони ничего не стоило давать по пятьдесят долларов на чай. А

сейчас, если мужик сунет тебе четвертак, чтобы ты сбегала в туалет и дала там на чай, он уже считает себя крупным транжирой. Боже, до чего я любила этого Тони! Вот кто был настоящий мужик!

-- Я думала, что единственным, кого ты любила, был Фрэнки, как ты говорила.

-- Так оно и есть. Тони был восхитителен: шикарный мужик в постели, но в душе сволочь. Фрэнки был хорошим и добрым и...-- Элен вдруг разрыдалась.-- Ах, Анни, я действительно любила Фрэнки... честное слово... он был единственный, кого я любила. И вот он уже умер.

-- Но, Элен, по крайней мере, один раз в жизни у тебя было настоящее чувство,-- растерянно пробормотала Анна.

-- Думаю, что да,-- в голосе Элен послышалось удовлетворенность.-- Думаю, мне повезло в жизни, что у меня был один мужчина, которого я любила по-настоящему. Есть женщины, которые проживут жизнь и ни разу не испытают ничего подобного.

-- А Генри ты разве не любила?

-- Что ты имеешь в виду?

-- Ну-у, ты была влюблена в Генри Бэллами, ведь так?-- Анна почему-то почувствовала, что сболтнула лишнее.

-- Это он тебе сказал?-- холодно спросила Элен.

Анна была поражена тем, как невероятно резко изменилась интонация Элен. В мгновение ока их дружеская теплая доверительность улетучилась, словно ее и не бывало.

-- Нет, я просто догадалась по тому, с какой теплотой он говорит о тебе,-- ровно ответила Анна. Голова у нее раскалывалась от замешательства, путаницы в мыслях и усталости.

-- Эй, подожди-ка минутку! Господи, да ты обидчивая. Конечно, я знала Генри давным-давно. Но почему люди не могут забыть об этом? Мы с ним спали, но это ничего не значило. Во всяком случае, для меня. Я никогда не цеплялась за него в этом смысле. Просто была молодая, а Генри был нужен мне для карьеры, и не было никого другого, с кем мне можно бы выйти, и... да ну, к черту, это давняя история. Я вообще иногда забываю, что у нас с ним что-то было. Но он по-прежнему ведет мои дела, поэтому не вздумай сказать ему об этом.

-- Что ты, Элен. Зачем я стану ему говорить? Генри мне нравится. Я ни за что не сделаю ему больно.

Слышно было, как Элен зевнула.

-- Интересно, как-то, примерно год назад, мы с ним куда-то пошли вместе. Настроение у меня было паршивое, и когда мы вернулись, Генри зашел ко мне. Ну и решили попробовать, вспомнить старое. Ничего не вышло! Я не смогла притвориться, а у Генри не получилось. Что ж, в конце концов, Генри не молодеет... ему уже за пятьдесят. Думаю, ему нужно здорово постараться, чтобы у него встал.

Анна едва сумела приглушить вырвавшийся у нее смущенный возглас.

-- Но ведь Джино тоже за пятьдесят...-- сказала она.

-- Он итальянец, а у этих макаронников внутри настоящая кочегарка. В постели с итальяшками никто не сравнится. Ух, этот Джино! Не могу я ждать! Слушай, позвоню-ка я ему сейчас и пожелаю спокойной ночи... пусть увидит меня во сне.

-- Элен! Ни в коем случае! Сейчас четыре часа ночи. Ты разбудишь его.

-- А вот и нет, потому что прямо сейчас совершенно неожиданно я подумала о нем. Знаешь, что это значит? Это значит, он тоже думает сейчас обо мне. Когда вот так неожиданно вдруг вспоминаешь о ком-то, это означает, что человек думает о тебе в эту минуту.

-- Это не было неожиданно,-- твердо сказала Анна. Задушевный голос Элен вновь убедил ее в прочности их дружбы.-- Вот уже почти битый час мы с тобой о чем только не говорим, в том числе и о Джино. Ты просто не должна ему сейчас звонить, Элен.

-- Ну, ладно,-- пообещала ей Элен.-- Послушаюсь тебя. Буду ждать, пока он не позвонит мне сам.

-- Вот это правильно.

-- О'кей, ангелочек,-- голос у Элен был уже сонный.-- Поболтаем завтра. Приятных тебе снов...

Прошло три дня, а Джино так и не позвонил. Элен с нажимом сообщала об этом Анне по нескольку раз на день. Звонила ей на работу, звонила, когда Анна переодевалась, идя на свидание с Алленом, звонила и в два часа ночи.

Нили тоже донимала ее, просила советов. Она собиралась ехать в Бруклин -- ужинать в семье Мэла. Она извлекла из шкафа весь свой гардероб, и Анне пришлось помогать ей в выборе одежды для такого случая. Нили, разумеется, считала, что для такого случая платье из ярко-красной тафты подходит как нельзя лучше. Ей просто хотелось лишний раз удостовериться. Она стала бурно спорить с Анной, когда та принялась настаивать на шерстяном коричневом платье.

-- Да ты что, ему ведь уже два года.

Их спору, казалось, не будет конца. Все же Нили сдалась и ушла в коричневом платье, так и оставшись, однако, при своем мнении.

В конторе только и занимались что делами, связанными с постановкой шоу Эда Холсона на радио. Но Анну вдохновляла и приятно возбуждала вся эта суматошная деятельность вокруг нее. Она была поглощена своей работой; она была нужна Генри; она была нужна Элен и Нили; она совершала сейчас восхождение на свой Эверест, и свежий воздух был восхитителен, вселял в нее энергию и бодрость. Ничего, что в любое мгновение можно сорваться в бездонную пропасть, зато это была настоящая жизнь, а не просто прозябание, когда лишь наблюдаешь со стороны.

На четвертый день молчания Джино Элен заявила, что настала пора предпринимать какие-то действия.

-- Послушай, мне плевать на то, как он занят,-- кричала она в трубку.-- Если мужик клеит тебя, то может он, по крайней мере, позвонить и сказать: "Привет".

-- Ну-у... возможно, я ошибалась. Я имею в виду... может быть, он к тебе безразличен,-- осторожно начала Анна. У Аллена уже были билеты в театр. Было поздно, и ей хотелось успеть домой переодеться.

-- Он клеил меня, я же чувствую,-- упрямо твердила Элен.-- Я ему сейчас позвоню.

-- Элен, пожалуйста, не...

-- Знаешь что! Прибереги свои советы для другой дурочки. Я послушалась тебя и осталась ни с чем.

-- Но ведь ты же сама говорила, что если ты ему небезразлична, он позвонит...-- терпеливо увещевала ее Анна.

-- Я все слишком затянула. Если бы позвонила ему раньше, то сейчас он уже привык бы ко мне. Бог ты мой! Всю жизнь со мной так. Всегда получаю пинки в задницу...-- Она зарыдала.-- Честное слово, Анна. Стоит мне с мужиком по-хорошему, как он тут же бросает меня. Я переживаю это сильнее любой женщины на свете. У меня ничего нет. Одна только работа, работа, работа -- делаю всем деньги, а сама так одинока. Я думала, что нравлюсь Джино. Ты тоже так сказала в тот вечер в "Марокко". Ну, почему он не позвонил мне, Анни?

Всем сердцем Анна потянулась к этой женщине. Она чувствовала себя ответственной: ведь это же она познакомила их. Джино поступает нехорошо, ни разу не позвонив. Ничего с ним не случилось бы, встретиться он с нею хоть иногда. Он должен считать это за честь.

-- Элен, подожди еще денечек... пожалуйста.

В тот вечер после театра Анна предложила Аллену пойти в "Марокко". Джино, как обычно, восседал за своим столиком. Завидев их, он с присущей ему экспансивностью замахал обеими руками и настоял на том, чтобы они сели к нему. Адель вся сияла от счастья в своей новой норке, по-хозяйски держа Джино под руку. Анна вдруг сама поразила тому, что она намеревается осуществить. Ведь она же совсем забыла, насколько красива Адель. К ним подсел Ронни Вулф. Адель заговорила о новом ночном клубе, открывающемся на следующий день. Джино с бурным энтузиазмом сразу же решил провести там следующий вечер, пригласив Анну и Аллена.

Идти сегодня в "Марокко" было ошибкой. Ну зачем, спрашивается, она пришла сюда? Неужели надеялась на то, что увидев ее, Джино вспомнит об Элен? Глядя, как его рука ласкает плечо Адели, Анна подумала об Элен, ее располневшем лице и погрубевшей фигуре. Ей стало до боли жалко стареющую звезду.

-- Пойдем, Анна, потанцуем с тобой.-- Джино встал, возвышаясь над столом всем своим крупным телом.-- Ни разу еще не танцевал с невестой своего сына.-- Он подмигнул Ронни Вулфу.-- Нельзя упустить такую возможность.

Кивком поздоровавшись со всеми знакомыми, он тихо произнес:

-- Слушай, Анна, ты должна оказать мне услугу. Помоги мне отделаться от этой дамочки Лоусон.

-- Не понимаю...-- Анна старалась, чтобы голос ее звучал как можно естественнее.

-- Она звонила мне сегодня вечером. Хочет знать, когда мы с нею опять пойдем куда-нибудь. Представляешь, имела наглость спросить, не заболел ли я, раз не звоню ей.

-- Но почему ты не позвонил ей? Я думала, она тебе нравится.

-- Конечно, она хороший человек. Свой в доску парень. Мне нравилось быть с нею на людях. Умеет посмеяться, и сама с юмором. Я бы опять не прочь пойти с ней куда-нибудь, если бы это было все, чего она добивается.

-- По-моему, говоря это, ты подразумеваешь нечто такое, чего на самом деле не существует,-- невозмутимо проговорила Анна.

-- Анна...-- он понизил голос.-- Не хотел говорить тебе этого, но ты должна знать, иначе просто не поймешь. После того, как в тот вечер мы отвезли домой сначала тебя, а потом Аллена, эта старая развратница... потрогала меня ... за половые органы... и стала приглашать зайти к ней выпить. Я прикинулся, что ничего не понял. Черт, еле ноги от нее унес!-- При этом воспоминании его всего передернуло.

-- А по-моему, она... привлекательна,-- неуверенно проговорила Анна.

-- Ты так говоришь потому, что по возрасту она тебе в матери годится, а ты уважаешь старших и уважаешь ее талант. Но послушай, Анна, для мужчины она не привлекательна. Конечно, когда она поет на сцене, про нее ничего плохого не скажешь. Но когда речь идет об увлечении...-- Он метнул взгляд на сидящую за столиком Адель,-- ... тогда меня интересует только тело, которое я сжимаю в своих объятиях.

Дыхание у Анны участилось. Сама мысль о том, что Элен подвергается такому унижению, что ее целиком, полностью и бесповоротно отвергают, была невыносима. Пройдет немного времени, труппа уедет с этим шоу на гастроли с предварительными выступлениями, и Элен, возможно, забудет его. Но в данный момент на карту поставлена гордость Элен.

-- Удивляюсь я тебе, Джинно,-- тихо сказала она.-- Такой человек, как ты... человек, который создал целую финансовую империю... и хочешь сказать, что можешь влюбиться в девушку только за ее милое личико? А ведь Элен Лоусон -- живая легенда. Она такая личность, такая знаменитость, что ты должен гордиться, когда тебя видят с ней. Она -- человек действительно крупного масштаба.

-- Послушай, дорогая, ты все поняла неправильно. Кто и что говорит о любви? Думаешь, я влюблен вон в ту расфуфыренную девицу? Влюблен я был только раз -- в мать Аллена. Это была настоящая леди. Но когда о любви начинает думать мужчина в моем возрасте, он просто ищет неприятностей на свою голову. Кому сейчас нужна любовь?

Мне просто нужна девушка с хорошеньким личиком и классной фигуркой. И вовсе ни к чему, чтобы она была сообразительной или живой легендой. Нужно, чтобы она просто хорошо смотрелась и удовлетворяла меня. А то, что причитается с меня, я оплачу несколькими меховыми манти и побрякушками -- пусть почувствует себя счастливой.-- Он пожал плечами.-- А что мне нужно от Элен Лоусон? Она как разъяренный бык. Так что, Анна, окажи мне услугу, помоги избавиться от нее, иначе я буду вынужден оскорбить ее.

-- Но ты поедешь в Нью-Хейвен на ее премьеру?

-- В Нью-Хейвен?

-- Джино... ты ведь сам предложил. Даже обещал.

-- Нью-Хейвен. Черт, это ведь несколько часов поездом. Я, должно быть, здорово тогда накачался. Слушай, а ведь она не очень-то и хотела, чтобы мы туда сходили. Скажи ей, что я приеду в Филадельфию.

-- Правда, приедешь?

-- Нет, но ведь до этого еще очень далеко. К тому времени я что-нибудь придумаю.

-- Нет, Джино. Она моя подруга, и я не стану ее обманывать.

-- Ладно, тогда сам ей скажу. Скажу, что она старая корова, и пусть оставит меня в покое.

-- Если сделаешь это, я никогда тебе не прощу,-- голос у Анны был тихий, но глаза потемнели от гнева.

-- Анна, Анна! Чего ты от меня хочешь? Делать ей больно я не хочу, но и разыгрывать из себя влюбленного в нее мальчика-поклонника тоже не могу.

-- Ты можешь поехать в Филадельфию на премьеру.

-- А потом что? Это же только подбодрит ее.

-- Я бы не стала относиться к этому серьезно. Ты очень привлекательный мужчина, но, по-моему, вряд ли Элен станет рвать на себе волосы оттого, что ты пренебрег ею. Дело просто в том, что познакомил вас я. И еще я считаю, когда даешь обещания, их нужно выполнять. Когда ее шоу пойдет на Бродвее, тебе придется выстоять длинную очередь к служебному входу, чтобы увидеть ее.

-- О'кей, о'кей. Боже упаси, чтобы я обострял отношения с будущим членом моей семьи. Условимся с тобой так: я еду в Филадельфию -- есть один ночной поезд, на котором можно будет вернуться в Нью-Йорк к утру,-- но только если ты обещаешь до тех пор избавиться от нее. Договорились?

-- Хорошо, Джино, договорились.

С Элен пришлось гораздо труднее. Анна сочинила историю о том, что Джино сейчас слишком занят какой-то новой финансовой сделкой и не может встретиться с ней, но обязательно придет на премьеру в Филадельфию.

-- Что ты мне толкуешь, будто у него по горло дел с какой-то там финансовой сделкой,-- вскричала Элен.-- А я, по-твоему, чем занимаюсь, картошку, что ли, чищу?

-- Но ведь ты же сама хотела, чтобы он поехал с тобой в Филадельфию, а не в Нью-Хейвен.

-- Да, но только все это трепотня насчет сделки. Знаешь, какой бы занятой я ни была, но если мне кто нравится, я выберу время встретиться с ним.

-- Ну, тогда забудь о Джино, -- устало ответила Анна. -- Не стоит он всех этих переживаний.

-- Но мне же нужен мужчина... а у меня никого нет, Анни. -- Она понизила голос. -- Поэтому мне просто необходимо заполучить Джино.

-- Элен, а может быть, Джино не нужна постоянная женщина?..

-- Нет, точно нужна. Я раскопала о нем всю подноготную. Он сейчас с одной хористкой, здоровая такая девица, Адель, кажется.

-- Ты знаешь об этом?

-- Ясное дело, читаю в газетах. Но, слушай, он же встречался два раза со мной, а сам был еще с ней, ведь так? Поэтому ясно: к ней он особо не пылает. Я слыхала, он с нею уже почти полгода, но ты же видишь, он не предлагает ей оставить выступления, чтобы все время быть только с ним. Так что, я считаю, он уже вполне созрел, чтобы сменить партнершу. И ею стану я! Нам с ним обоим было так здорово те два вечера, что мы провели вместе. Я точно видела -- он ко мне равнодушен. Думаю, что он, может, немного боится того, что я такая знаменитость, что мое имя стало легендой, и всякой там дерьмовской ерунды. Позвоню-ка я ему прямо сейчас.

-- Элен!

-- Что еще, бога ради? Ну ответит "нет", и я не увижу его сегодня вечером. Ведь от того, что буду так сидеть, сложа руки, он ко мне быстрее не придет.

-- Элен, он придет в Филадельфию.

-- А откуда я знаю, что это точно?

-- Потому что мы с Алленом тоже едем. Обещаю тебе, он там будет.

-- О'кей. -- Голос у Элен опять оживился. -- Может, это и к лучшему. Ближайшие десять дней будут у меня адом крошечным. А после премьеры в Филадельфии закатят пышный банкет. Мы с Джино только отметимся там по-быстрому, а потом сразу смоемся ко мне в люкс и трахнемся там. Ой, Анни, дай мне только затащить его в постель...

Вся неделя перед "Днем Старта", как Нили окрестила день премьеры в Нью-Хейвене, была сплошным и непрерывным сумасшествием. В конторе шли бесчисленные истерические заседания по поводу постановки шоу Эда Холсона, то и дело приходили сценаристы. Элен звонила по несколько раз на день, иногда просто поболтать, но чаще всего -- пожаловаться на Джино. Он торчал в "Марокко" с Аделью три вечера подряд -- их там видел модельер Элен. Как же тогда его финансовая сделка?

-- Но, Элен... он же мог встретиться с нею только после одиннадца-

ти. Возможно, они просто вместе выпили, и все.

-- Чтобы быстренько выпить, я бы и сама с ним встретилась.

-- Уверена, что он слишком высокого мнения о тебе, чтобы осмелиться предлагать тебе встречу вот так, наспех...

И вот посреди всей этой кутерьмы в полный рост встала фигура Аллена. Поскольку Элен временно перестала маячить между ними, в их отношениях восстановилась прежняя легкая непринужденность. Они сидели в "Аист-клубе", Анна небрежно помешивала деревянной палочкой шампанское, делая вид, что пригубливает его.

Внезапно Аллен спросил:

-- Анна, сколько еще мы будем тянуть?

-- Что ты имеешь в виду?

-- Когда мы поженимся?

-- Поженимся?-- Она повторила это слово совершенно бесцветным голосом.

-- Ну, ведь это же было основной идеей.

-- Но я думала, ты понимаешь. Я хочу сказать...

-- Я сказал, что подожду. И я ждал. Целый месяц.

-- Аллен, я не хочу выходить замуж.

В его глазах появилось странное выражение.

-- Мне хотелось бы кое-что выяснить,-- продолжал он.-- Просто чтобы уяснить себе. Тебе неприятно замужество или... я сам?

-- Ты же знаешь, что не неприятен мне. Я считаю тебя очень хорошим.

-- О боже...-- простонал он.

-- Ну, не могу же я сказать, что люблю тебя, если это не так,-- жалобно сказала она.

-- Скажи мне вот что. Любила ты вообще кого-нибудь?

-- Нет, но...

-- Ты считаешь, что способна вообще полюбить?

-- Конечно!

-- Но не меня?

Она опять помешала шампанское палочкой и, не в силах выдержать его взгляд, стала с деланным интересом смотреть на поднимающиеся пузырьки.

-- Анна, по-моему, ты боишься секса.

На этот раз она посмотрела ему в глаза.

-- Наверное, сейчас ты начнешь говорить, будто во мне что-то не проснулось... что ты все это изменишь.

-- Именно так.

Она отпила шампанского, чтобы отвести глаза от его пытливого взгляда.

-- Тебе, вероятно, уже говорили это раньше,-- сказал он.

-- Нет, я слышала такое в очень плохих фильмах.

-- Диалоги часто кажутся банальными потому, что они реалистичны. Проще всего насмехаться над правдой.

-- Правдой?

-- Да, правдой, которая заключается в том, что ты боишься жизни... и боишься просто жить.

-- Ты и впрямь так думаешь? Только потому, что я не рвусь за тебя замуж?-- На ее лице мелькнуло подобие улыбки.

-- А ты считаешь это нормальным -- дожить до двадцати лет и все еще быть девственной?

-- Девственность -- не уродство.

-- Ну, в Лоренсвилле, может быть, и нет. Но ведь ты же всегда уверяла меня, что не хочешь быть такой, как его обитатели. Поэтому, поволь-ка, приведу тебе некоторые факты. В двадцать лет большинство девушек уже не девственницы. К тому же большинство из них ложились в постель с парнями, по которым они отнюдь не сходили с ума. Их толкнуло на это элементарное любопытство и естественное половое влечение. Думаю, у тебя не было даже парня, с которым бы ты постоянно встречалась и целовалась вовсю. Откуда же ты знаешь, хорошо это или плохо, если ни разу не испытала этого. Разве ты никогда не испытывала никаких желаний, никаких чувств? Существует ли на свете хоть кто-то, с кем ты когда-нибудь была раскованной? Заключала ли ты кого-нибудь в свои объятия? Мужчину, женщину, ребенка? Анна, я должен достучаться до тебя. Я люблю тебя и не могу допустить, чтобы ты превратилась в очередную типичную новоанглийскую старую деву.-- Он взял ее руки в свои. -- Слушай... забудь на минуту обо мне. Разве нет никого, кто был бы тебе небезразличен? Иногда хочется встряхнуть тебя и посмотреть, можно ли пробудить в твоём сердце хоть какое-то чувство. Вот на этом самом лице с идеально правильными чертами. Разве минувший четверг был для тебя обычным пустым звуком?

-- Четверг?-- Она начала лихорадочно рыться в памяти.

-- Это был День Благодарения, Анна. А это же сугубо семейный праздник. Так ведь? Мы отмечали его в "Двадцать первом". Господи, да можно ли тебя хоть чем-то пронять? Я надеялся, ты пригласишь меня домой в Лоренсвилл на День Благодарения. Хотел познакомиться с твоей матерью и тетей.

-- Кому-то нужно было остаться в конторе в пятницу, а мисс Стейнберг уехала в Питтсбург навестить своих.

-- А как же ты? Ведь ты -- единственный ребенок в семье. Разве ты не близка со своей матерью? Что она думает о нас? Ты хоть отдаешь себе отчет, что ни разу не рассказывала мне о ней?

Анна опять поиграла палочкой. Вначале она писала раз в неделю. Но ответы, приходившие от матери, были вымученными и писались скорее по обязанности, поэтому Анна вскоре прекратила писать. Матери были решительно не интересны Нью-Йорк, Нили и Генри Бэллами.

-- Я позвонила матери после того, как газеты растрезвонили о нашей помолвке.

-- И что она сказала?

("Ну что ж, Анна, очевидно, ты знаешь, что делаешь. В Лоренсвилле все знают об этом из бостонских газет. Я считаю, что в Нью-Йорке все мужчины стоят друг друга. Никому ничего не известно об их семьях и родственниках. Думаю, что он не родня тем Куперам из Плимута").

Анна слегка улыбнулась.

-- Сказала, что я, наверное, знаю, что делаю. И, как всегда, она была права.

-- Когда я познакомлюсь с ней?

-- Не знаю, Аллен.

-- Ты намерена работать у Генри Бэллами всю свою жизнь? Это предел твоих мечтаний?

-- Нет...

-- Чего же ты все-таки хочешь, Анна?

-- Не знаю. Знаю только, чего я не хочу. Не хочу возвращаться в Лоренсвилл. Уж лучше умереть.-- Ее всю передернуло.-- Не хочу выходить замуж... пока не полюблю. А я очень хочу полюбить, Аллен, страстно хочу. И детей хочу. Девочку. Хочу любить ее... быть близкой к ней...

Он широко улыбнулся.

-- Славная моя девочка, никогда еще ты не раскрывалась передо мной до такой степени за все то время, что я тебя знаю. У нас будет дочурка -- теперь никаких возражений.-- Он осторожно поднес палец к ее губам, когда она попыталась было что-то сказать.-- И эта дочурка будет учиться в лучших школах и вращаться в высшем свете. Да с твоей-то внешностью и с твоим воспитанием я соберу вокруг нас таких людей, которые будут достойны нас. Найму специального секретаря по связям с прессой, и мы чудесно обыграем твое происхождение и воспитание. Вот увидишь, у нас с тобой все будет по-другому. Нью-порт, Палм-Бич, эти фешенебельные курорты, -- и к черту Майами, к черту "Копу".

-- Но я не люблю тебя, Аллен...

-- Ты никого не любишь. Но я заметил искру в твоих глазах, когда ты говорила о том, что хочешь полюбить... хочешь иметь ребенка. Это -- сокровенное, оно скрыто там, в самой глубине, оно только и ждет, чтобы выйти наружу. Ты принадлежишь к тому типу женщин, которые делаются неистовыми в постели, стоит им только отведать этого и войти во вкус.

-- Аллен!

Он улыбнулся.

-- Ладно, не отвергай того, чего ни разу не пробовала. Не люблю хвастаться, но опыт у меня есть. Я сумею разжечь тебя. В моих объятиях ты будешь просить еще и еще...

-- И я еще должна выслушивать такое?!

-- Хорошо. Ни слова больше. Не буду нажимать на тебя с женить-

бой... до Рождества. Тогда и назначим число.

-- Нет, Аллен...

-- Я всегда добиваюсь, чего хочу, Анна, -- а хочу я тебя. Хочу, чтобы ты любила меня, и ты полюбишь! А теперь -- ни слова об этом до Рождества.

Все это было во вторник.

В среду весь состав "Небесного Хита" выехал в Нью-Хейвен готовиться к премьере, что была назначена на пятницу.

В четверг Генри Бэллами сказал:

-- Да, кстати, Анна, завтра часовым поездом мы едем в Нью-Хейвен. Я забронировал тебе номер в отеле "Тафт".

-- Мне?

-- Разве ты не хочешь поехать? Мы с Лайоном должны организовать премьеру, и я счел само собой разумеющимся, что тебе захочется быть там. В конце концов, Элен -- твоя подруга, и ты в приятельских отношениях с крошкой О'Хара, которая тоже занята в шоу.

-- С радостью поеду! Я ни разу не была на премьере.

-- Ну, тогда пристегни привязной ремень, потому что премьера в Нью-Хейвене -- это что-то исключительное.

Декабрь 1945

Они встретились на Центральном вокзале. День был бодряще-холодным. Генри выглядел усталым и обрюзгшим, несмотря на то, что был свежевыбрит. Лайон Берк приветствовал его своей беглой теплой улыбкой.

Они сели в салон-вагон. Мужчины открыли свои "дипломаты" и с головой ушли в контракты и прочие документы. Поездка была для них лишь продолжением обычного рабочего дня.

Анна попыталась сосредоточиться на иллюстрированном журнале. Яркое солнце, бьющее в окно, заливало своим светом зимний загородный пейзаж. Это навело ее на мысли о Лоренсвилле. В Нью-Йорке бываешь, насколько холодной и унылой может быть зима. Неоновые огни, толпы людей, вечно куда-то спешащих, многочисленные такси на улицах превращают снег в слякоть, а слякоть -- в грязную воду, которая быстро исчезает, и ты забываешь о голом заброшенном ландшафте остального мира. Это зимнее одиночество. Долгие вечера, кошафте остального мира. Это зимнее одиночество. Долгие вечера, которые она проводила в большой чистой кухне с матерью и тетей Эми. Иногда -- выходы в кино, в кегельбан или на партию в бридж. "Боже милостивый, -- молилась она в душе, -- благодарю тебя за то, что ты дал мне силы уехать. Никогда не понуждай меня вернуться, никогда!"

Поезд остановился у темного вокзала в Нью-Хейвене, оба "дипломата" со щелчком захлопнулись, и мужчины встали, разминая затекшие ноги. Лицо Генри заранее выражало усталость и всепрощение.

-- Ну что ж, смело вперед, в самое пекло,-- произнес он.

Лайон взял Анну под руку.

-- Пошли, моя девочка, ты непременно получишь удовольствие от первой в своей жизни премьеры в Нью-Хейвене. Мы не позволим Генри испортить тебе настроение.

-- В Нью-Хейвене я бывал уже раз пятьдесят,-- скорбно проговорил Генри,-- и вспоминаю, как я его ненавижу, только когда приезжаю сюда. Нью-Хейвен -- это город вечных неприятностей, за исключением тех дней, когда идет шоу с Элен Лоусон,-- тогда это катастрофа!

Отель "Тафт" выглядел мрачным и неприступным.

-- Освежись, приведи себя с дороги в порядок и спускайся к нам в бар,-- сказал ей Генри.-- И еще -- на твоём месте я бы не звонил Элен. В Нью-Хейвене она страшный человек. Наверное, она еще в театре. Я зайду за ней, и мы зарегистрируемся в отеле вместе.

Анна быстро распаковала свою сумку. Номер был небольшим и навёл тоску, но ничто не могло погасить её восторга. Она ощущала себя маленькой девочкой, впервые в жизни отправившейся в путешествие, и всю её переполняло радостное ожидание, словно вот-вот, с минуты на минуту, произойдет нечто невыразимо прекрасное.

Подойдя к маленькому окошку, она посмотрела вниз, на улицу. На город опускались ранние зимние сумерки, и в этой полутьме проявлялся свет уличных фонарей. Через дорогу прямо напротив отеля неуверенно мигала неоновая вывеска небольшого ресторанчика. Анна резко обернулась на раскатистый телефонный звонок. Это оказалась Нили.

-- Я только что с репетиции. Мистер Бэллами приезжал в театр к Элен. Сказал мне, что ты здесь! Я в диком восторге!

-- Я тоже. Как у тебя дела?

-- Ужасно!-- выпалила Нили с обычной своей экзальтацией.-- Вчера вечером у нас была генеральная репетиция. Шла до четырех утра. Элен хочет выкинуть еще один номер из выступления Тэрри Кинг. Тэрри вылетела из театра в истерике, а сегодня днем ее агент приезжал к Гилу Кейсу, чтобы все окончательно утрясти. Тэрри говорит, что Элен не имеет права выкидывать эту песню. А ее танец с "Гаучерос" -- просто ужас. Могу спорить, что песню выкинут, а Чарли и Дикку дадут от ворот поворот,-- радостно добавила Нили.

-- Все это ужасно. А Элен уже вернулась?

-- Нет, она еще в театре, заперлась в своей гримерной с Генри Бэллами. Не могу понять, как они все это уладят.

-- Хочешь сказать, премьера сегодня не состоится?!

-- Да нет, занавес-то они так или иначе поднимут,-- ответила Нили счастливым голосом.-- Но путаница будет еще та. Анна, знаешь, Мэл здесь.

-- Наверное, он приехал тем же поездом, что и мы.

-- Нет, он приехал вчера вечером.-- Немного помолчав, Нили сказала: -- Анна... я... у нас все было.

-- Что "было"?

-- Сама понимаешь.

-- Нили... ты хочешь сказать?..

-- Угу. Было очень больно, и особого удовольствия я не получила. Но потом Мэл все равно сделал так, что я кончила, только по-другому.

-- О чем ты говоришь?

-- Он спустился немного пониже, поцеловал меня прямо туда и сделал все языком.

-- Нили!

-- Да ладно, Анна, не будь ханжой. Если ты равнодушна к Аллену, то это вовсе не значит, что я -- шлюха. Так вышло, что я люблю Мэла.

-- Значит, ты считаешь, что поступила правильно?

-- Ты чертовски права -- я поступила абсолютно правильно. Мы оба хотим друг друга. Сейчас не обязательно жениться, чтобы заниматься этим. И сегодня Мэл уважает и любит меня ничуть не меньше, чем вчера. Даже больше, потому что теперь он по-настоящему меня любит. А я люблю его. И потом, мы пока еще не можем пожениться, он помогает своим деньгами. Но если шоу станет хитом и я смогу рассчитывать на сотню в неделю, то мы поженимся...

-- Но, Нили... то, что ты сделала...-- Анна поперхнулась от замешательства.

-- Имеешь в виду, что разрешила ему целовать себя там? Послушай, Мэл говорит, что если двое влюблены, то все, что бы они ни делали друг с другом в постели, совершенно нормально. И потом, это ощущение несравнимо ни с чем. Ух ты! Знаешь, я жду не дождусь сегодняшней ночи. И еще, Анна... когда он касается моей груди, я это чувствую у себя там. Готова спорить, что если кончать другим способом, то и половину всего не испытаешь...

-- Нили, ради бога!

-- А вот подожди, когда все это произойдет с тобой. Тогда сама поймешь. Увидимся после представления. Следи за моим выступлением. Я три раза выхожу во втором отделении.

Лайон ждал ее за столиком в баре.

-- Генри все еще в театре.-- Он изобразил на лице сочувствие.-- Я заказал тебе джинджер эль. Твой любимый напиток. Правильно?

Она с улыбкой посмотрела на бокал.

-- Может, мне следует научиться потягивать виски? Я чувствую, что даже официанты смотрят на меня косо.

-- А ты смотри на них точно так же. Никогда и никому не позволяй заставлять тебя делать то, чего ты сама не желаешь. Сохраняй свою индивидуальность.

-- Думаю, у меня еще нет своей индивидуальности.

-- Индивидуальность есть у каждого. Одна -- подлинная, своя, а другая -- напоказ, пыль в глаза. Я склонен считать, что ты испытываешь удовольствие от того, что в пятницу напоказ будешь играть роль пассивной девушки, пытаюсь тем временем найти свое подлинное "я".

-- Помнится, ты говорил, что по натуре я -- борец.

-- Думаю, что да, но только борец за других.

Она отпила свой джинджер эль. Он предложил ей сигарету.

-- Я не ошибся?

-- Нет, по-моему, попал в самую точку.-- Она весело посмотрела ему в глаза.-- Но я действительно боролась. Это когда...

-- Да, ты приехала в Нью-Йорк. Но ответь мне, Анна, неужели это останется единственным славным достижением в твоей жизни?

-- А в твоей?-- Глаза у нее вдруг яростно сверкнули.-- Война окончена, но жизнь продолжается. Намерен ли ты снова бороться?

-- Я борюсь уже сейчас,-- тихо сказал он.

-- По-моему, когда я с тобой, то никогда не говорю ни о чем пустом и легкомысленном,-- криво усмехнулась она.-- Но сейчас начала не я. И думаю, мне лучше выпить виски.

Знаком он подозвал официанта и заказал два виски. Подняв рюмку, она произнесла тост:

-- Возможно, если я выпью это, то сумею сказать что-нибудь такое, что рассмешит тебя.

-- Охотно посмеюсь. Но пить виски тебе вовсе не обязательно.

Она залпом выпила полрюмки и сказала слабым голосом:

-- Вкус ужасный, и я все равно не могу придумать ничего смешного.

Он взял рюмку из ее руки.

-- Почему для тебя так важно, чтобы я смеялся?

-- Я видела тебя в тот вечер в "Ла Ронд"... с Дженифер Норт. Ты очень много смеялся. Я думала об этом...-- Анна опять взяла свою рюмку.-- Что она тебе такое говорила?-- Она сделала еще глоток.

-- Давай допивай все. К тому же это была хорошая мысль. По крайней мере, сейчас ты борешься за саму себя.

-- А за что борешься ты, Лайон?

-- За тебя.

Их глаза встретились.

-- За меня тебе нет нужды бороться,-- тихо сказала она.

Он быстро сжал ее ладонь. Перстень Аллена больно врезался ей в кожу, словно мстя за эту ласку. Но она ничем не показала, что в палец ей впивается острый ободок. Глаза Лайона были так близки...

-- Ну что ж, смотрю, вы оба уже выпили,-- раздался голос Генри Боллами. Он бодро приблизился к ним, подозвал официанта и заказал себе выпить.

Анна торопливо отдернула руку. Перстень поцарапал кожу. Генри со вздохом сел.

-- Да валяйте, держитесь себе за руки,-- небрежно позволил он.--

Не обращайтесь на меня внимания. Вы же оба молоды, черт возьми, вот и радуйтесь этому. Нет, я серьезно: когда ты молод, то думаешь, что останешься таким навсегда. И вот однажды просыпаешься, а тебе уже за пятьдесят. И фамилии в некрологах -- не каких-то незнакомых стариков, а твоих же сверстников и друзей.

Официант принес ему рюмку, и он залпом осушил ее.

-- Продолжай, Генри,-- рассмеялся Лайон,-- хуже, конечно, ничего быть не может.-- Протянув под столом руку, он вновь нежно сжал ладонь Анны.

-- Может,-- возразил Генри.-- И на этот раз намного хуже. Либо Элен становится все несноснее, либо я старею.

-- Элен всегда ведет себя, как барракуда, пока шоу не пройдет в Нью-Йорке,-- непринужденно ответил Лайон.

Генри достал из кармана записную книжку, раскрыл ее и посмотрел на столбик какого-то перечня.

-- Желаете послушать ее претензии? И это касается только организаторов. Плохое освещение в ритмическом номере; во втором отделении от вечернего платья за милю несет потом; при исполнении песни оркестр играет слишком громко; песня Тэрри Кинг тормозит все действие, и та поет, как на похоронах; исполнение кордебалетом фантастических эпизодов сновидения затянуто; в конце каждой песни Элен свет на сцене выключается -- это мы хотим, чтобы в ответ на аплодисменты она раскланивалась только один раз; дуэт нужно переделать в сольный номер -- у партнера нет слуха; Тэрри Кинг играет свою роль неестественно, нарушает равновесие всего шоу.-- Он сокрушенно покачал головой и подал знак, чтобы ему принесли еще рюмку.-- Боже, до чего же я ненавижу этот бар,-- проговорил он, оглядываясь по сторонам и приветствуя взмахами руки агентов и продюсеров, прибывших на премьеру.

-- Ненавижу всех сукиных детей, что приехали сюда в надежде на провал.-- Он улыбнулся какому-то человеку, проходящему по залу.-- И все караулят Гила Кейса. Очень уж им нравится, когда провал терпит продюсер-джентльмен. Он у них в печенках сидит со своим гарвардским дипломом...-- Генри опять тяжело вздохнул.-- Это самый мерзкий бар на свете, и я провел здесь несколько самых мерзких вечеров в своей жизни.

Анна и Лайон заговорщицки улыбнулись друг другу. Они-то знали, что здесь самое прекрасное место в мире. "Если бы только я могла остановить это мгновение,-- говорила она себе.-- Что бы потом ни случилось со мной в жизни, эта минута останется для меня самой счастливой из всех".

Они быстро поужинали в старомодном ресторане отеля. Генри и Лайон знали здесь почти всех. Из артистов здесь никого не было -- в эту минуту они торопливо дожевывали бутерброды у себя в номерах и заново укладывали растрепавшиеся прически. Не обращая внимания на разговор и будоражащую атмосферу, Анна не сводила глаз с Лайо-

на. Время от времени их взгляды встречались, и тогда они оба пристально смотрели друг на друга. Ей с трудом верилось, что это происходит с нею... происходит именно так, как она и надеялась... чувствовала... как ей и мечталось.

Генри подал знак, чтобы принесли счет.

-- Анна, я вижу, ты вся на нервах перед премьерой: даже не притронулась к ужину. Ладно, поешь попозже. Гил Кейс закатывает после представления большую пирушку.

Все билеты были распроданы. Учитывая такое нашествие людей, так или иначе связанных с эстрадой, публика взвинтилась -- точь-в-точь как на премьере в Нью-Йорке. Анна сидела между Лайоном и Генри в третьем ряду. Погас свет, и оркестр заиграл увертюру. Лайон нашел ее руку. Она ответила на его пожатие, от счастья голова у нее пошла кругом.

Шоу началось с яркого музыкального номера. Костюмы были чистыми, новыми и яркими. Девушки кордебалета, всего несколько часов назад растрепанные и непривлекательные, теперь в свежем персиковом гриме выглядели красавицами. Всего за несколько минут атмосфера в зале наэлектризовалась -- неуловимые токи пробежали между зрителями и артистами.

Когда на сцене возникла Дженифер Норт, выхваченная ярким пучком света из остального кордебалета, по залу пронесся вздох изумления и восхищения. Она двигалась медленно, покачиваясь в такт музыке, в расшитом золотом платье, облегающем каждый изгиб, каждую линию ее невероятно красивой фигуры.

-- Боже мой!-- прошептал Генри. Он перегнулся через Анну.-- Лайон, ее нельзя упускать. Здесь сидят Вейсс из "Твенти" и Мейерс из "Парамаунта". Ты же знаешь -- крупнейшие киностудии Голливуда. Контракт с нею заключат лет на пять, не меньше, это как пить дать.

-- Но тогда он должен быть на весьма приличную сумму,-- ответил Лайон.-- Она сейчас вцепилась в Тони Полара и оставит его лишь в том случае, если предложенная ей сделка окажется настолько выгодной, что упустить ее будет невозможно.

-- Тони никогда на ней не женится. Предоставь это мне.

-- А вот и твоя подружка,-- быстро сказал Лайон.

Анна успела лишь увидеть, как Нили исчезла в глубине сцены в сопровождении двух юношей из кордебалета.

Когда на сцене появилась Элен, все действие застыло, ибо прием публики оказался настолько бурным, что граничил с истерией. Элен спокойно стояла посреди сцены, принимая горячую овацию с едва заметной улыбкой. Каждый был тут благодаря ей; зал был заполнен до отказа благодаря ей; каждый музыкант в оркестровой яме находился там благодаря ей; либретто было написано специально для нее.

Отделенная от зрителей рампой, Элен принимала их всеобщую любовь. Если бы здесь был Джино, и он бы аплодировал и буйствовал, как и все прочие. После представления он просил бы Анну "избавить

его от Элен", но сейчас, в эту минуту, она была предметом поклонения всего зала.

Это шоу принадлежало Элен от начала и до конца. Каждая ее песня вызывала новый, еще более неистовый шквал аплодисментов. В зале были уже не зрители, а идолопоклонники, воедино сплоченные в обожествлении Элен Лоусон. Тот же самый резкий отрывистый смех, который заставлял Анну вздрагивать за столиком в ночном клубе, там, за рампой, казался естественным и звонким. Нилли с блеском сыграла свою крошечную роль. Дженифер Норт вневь появилась уже в другом, сильно открытом платье, и публика наградила ее громом аплодисментов. Тэрри Кинг тоже аплодировали за две песни, голос у нее был нежнее и приятнее, чем у Элен. Однако Элен все равно оставалась непревзойденной. Само ее имя было олицетворением искусства.

Второе отделение еще больше подогрело возбуждение публики. Элен спела две песни подряд, и ее трижды вызывали на бис. Шоу оказалось зажигательным хитом. Публика ни в какую не желала отпустить ее со сцены, аплодисменты еще долго гремели после того, как занавес опустился окончательно.

Программка Генри оказалась вся в пометках относительно того, что надо выбросить, а что -- заменить. Стоя в переполненном фойе, он напряженно морщил лоб.

-- Судя по твоему лицу, можно подумать, что сегодня был полный провал, -- шутливо заметила Анна.

-- Нет, дорогая моя, просто я знаю, какие сражения еще предстоят. --

Он улыбнулся. -- Это ее самый крупный хит на сегодняшний день. Она превзошла самое себя. -- Он вытряхнул сигарету из пачки. -- Что ж, попробуем протиснуться за кулисы.

Вход в гримерную Элен походил на массовку. Весь холл был набит поклонниками, терпеливо ждущими своей очереди, чтобы торопливо, на ходу поцеловать звезду или поздравить ее с блестящим выступлением. Элен стояла в дверях. Толстый слой косметики, заметный вблизи, придавал ее лицу гротескный вид. Ослепительно улыбаясь направо и налево, она с показной сердечностью принимала восторженные возгласы. Заметив Генри, Анну и Лайона, пытающихся пробиться сквозь толпу, Элен весело крикнула им:

-- Привет! Заходите ко мне! -- И кивнула на дверь своей гримерной.

Когда Анна поравнялась с Элен, та прошептала ей:

-- Вот только избавлюсь от этого сброда, и сразу поедem на банкет к Гилу, -- она повернулась к очередному поклоннику, ждущему своей очереди, и наградила его ослепительной улыбкой.

Когда они приехали, банкет был в полном разгаре, но при появлении Элен все стихло и повернули головы к дверям. На какую-то долю секунды воцарилась тишина, которая тут же взорвалась бешеной овацией. Элен приняла ее, улыбаясь, и по-свойски показала жестом, чтобы присутствующие продолжали веселиться. К ней тотчас подскочил секретарь шоу по связям с прессой, чтобы подвести ее к репортерам

местных газет и к некоторым из наиболее крупных спонсоров.

Отведя Анну в укромный уголок, Лайон принес ей джинджер эль и тарелку подсохших бутербродов с куриным мясом.

-- Горячее подают в том конце зала, -- пояснил он, садясь рядом. -- Я принесу тебе, когда немного рассеется.

-- Я почти не хочу есть, -- ответила Анна, отщипывая от одного из безвкусных бутербродов и бегло оглядывая зал. -- Я не вижу здесь Ни-ли.

-- К сожалению, на этот банкет приглашены лишь избранные. Кордебалет и хористки устроили вечеринку с танцами сами по себе.

-- Но ведь это ужасно!

-- Вовсе нет. Сбросились, купили куда более вкусных бутербродов, завалились к кому-нибудь в номер и прекрасно проводят время, перемывая косточки начальству и звездам.

Внезапно в зале опять стало тихо. Анна механически глянула на дверь. Оказалось, вошел ведущий постоянной колонки местной газеты Джим Тэйлор об руку с Дженифер Норт. Всякий раз, когда она видела Дженифер, та неизменно поражала ее своей неправдоподобной красотой. Анна наблюдала, как толпятся спонсоры в ожидании, когда их представят ей, и вновь ее удивила, с одной стороны -- сердечность и приветливость Дженифер, а с другой -- искренняя заинтересованность, которую та давала почувствовать каждому, кого ей представляли. Семенящей походкой к их столику подошла Элен и придвинула себе стул.

-- А вы ребята не промах, уединились тут в уголке и знай себе воркуете. Боже, до чего я ненавижу эти банкеты! Но так уж Гилберт рассчитывается со спонсорами -- дает им возможность пообщаться один вечерок со светилами шоу-бизнеса. -- Последние слова она выделила особо, усмехнувшись при этом.

К ним подошел Гил Кейс.

-- Там отличные цыплята "по-королевски". Есть кое-что из китайской кухни.

-- Гил, почему на твоих банкетах всегда подают такое дерьмо? -- спросила Элен.

-- Это хорошая еда, мне ее рекомендовали в отеле...

-- Они наверняка рекомендовали еще и ростбифы, но ведь это же такая дороговизна!

-- Ну ладно, Элен, -- ласково сказал Гил. -- Сегодняшний вечер твой. Наслаждайся... -- И он исчез в водовороте толпы.

-- Эй, Гил! -- воскликнула Элен. -- Нам надо кое о чем поговорить с тобой. -- Она вскочила со стула и бросилась за ним.

-- У него нет ни единого шанса, -- улыбнулся Лайон.

-- Думаешь, она опять будет о своем -- я имею в виду, насчет Тэрри Кинг? -- спросила Анна.

-- От своего она ни на дюйм не отступится.

-- Может, мне следует поговорить с Элен, -- задумчиво сказала Ан-

на.-- Ведь Тэрри Кинг выступает очень хорошо. Ей нужно дать шанс, она заслуживает этого. А с Элен ей все равно не сравниться. Я наверняка сумею убедить ее...

— Анна, и не пытайся. Иначе не сносить тебе головы.

рить. Она послушает меня.

-- Я верю, что ты говоришь серьезно. Анна... прекрасная Анна... Каким же образом такая восхитительная девушка, как ты, попала в эту жестокую бешеную гонку? В эту круговерь? Тебе ведь только кажется, что ты знаешь Элен. Под театральным гримом у нее скрывается непреклонная и нестигаемая стальная воля.

Он покачал головой.

-- Ах, Лайон...

Авторы в один голос называли шоу хитом. Критики расхваливали музыку, восторженно отзывались о либретто и награждали Элен самыми лестными эпитетами. О ней писали, что она и живая легенда, и величайшая из звезд современной эстрады, и актриса, олицетворяющая собой само совершенство... и так далее, и тому подобное. Тэрри Кинг тоже удостоилась нескольких хвалебных отзывов; а о внешних данных Дженифер Норт писали исключительно в превосходной степени. Все стали поздравлять друг друга. Спонсоры ходили туда-сюда, глуповато улыбаясь, пожимали друг другу руки. Некоторые обступили Элен, осыпая ее дождем комплиментов.

Они уже подошли к двери, когда путь им преградил Генри.

-- Куда направляемся?-- небрежно спросил он.

повкуснее, -- ответил Лайон.

-- Ну уж нет, парень, одного меня на это дело не оставят. --

-- На какое?-- недоуменно спросил Лайон.

-- Это конечно. Да только вот Элен настаивает на немедленном разговоре с Гилбертом.

-- Когда?

-- Через десять минут, у него в люксе. И ты мне нужен, хотя бы для моральной поддержки.

Анна улыбнулась, пряча свое разочарование.

-- Иди, Лайон. Уже поздно. Я не голодна.

-- Ни за что на свете.-- Он взял ее под руку.-- Ты же знаешь настоящую Элен. Возможно, тебе удастся смягчить ее сегодня ради нас. Нам нужна любая возможная помощь.

Атмосфера, царившая в люксе Гила Кейса, являла собой резкий контраст с праздничной обстановкой банкета. Элен сидела на кушетке, прихлебывая из бокала шампанское и недовольно дуюсь, отчего лицо ее приняло по-детски обиженное выражение. Сценический грим поблек и начинал уже размазываться, резко обозначив морщинки и придавая ее лицу непривлекательный и какой-то потрескавшийся вид.

-- Но это же полнейшее безумие!-- Гил Кейс в отчаянии воздел руки к потолку.-- Только полюбуйтесь: сидим здесь, словно у смертного одра, а ведь у нас в руках крупнейший хит предстоящего сезона.

-- Можешь поклясться своей задницей, что это хит!-- зарычала на него Элен.-- Любое шоу, которое я делаю, всегда становится хитом. Оно сделает тебя, Гил, богатым человеком. Заключишь крупные контракты с кинокомпаниями, и я еще буду сидеть в зрительном зале и смотреть, как мою роль исполняет на экране Бетти Грэйбл или Рита Хэйуорт. О'кей, договорились. Но я не намерена сидеть сложа руки и спокойно смотреть, как благодаря моим усилиям пропуск в Голливуд получает какая-нибудь потаскушка вроде Тэрри Кинг.

-- Элен, газеты о ней едва упоминают.

-- Да, как бы не так! В одной статье вон уже пишут, что перед нею открывается прямая дорога в кино. И что у нее лучшая песня во всем шоу.

-- И про Дженифер Норт тоже пишут, что перед нею прямая дорога на экран,-- добавил Гил.

-- Дженифер Норт не поет!!

-- Элен, но ведь Тэрри Кинг не в состоянии повредить тебе,-- возмущился Генри.

-- Можешь поклясться своей задницей, что не в состоянии! Ей просто не отколетса такая возможность. Это шоу -- мое, я не добренький рождественский Санта Клаус. Единственной звездой в шоу Лоусон может быть только сама Лоусон.

-- Но эта девушка здесь очень хороша,-- стоял на своем Гил.-- Две песни, которые она поет, на руку всему шоу в целом. А что хорошо для шоу, хорошо и для тебя. Ты ведь сама сказала, что это твое шоу.

-- Ну что ж, раз она настолько хороша, валяй, делай ее звездой своего следующего шоу. Интересно, сколько отстегнули бы твои спонсо-

ры, если бы в главной роли была она?

Генри встал.

-- Элен, ты слишком крупная величина для этого. Девушка никак не может повредить тебе, и она заслуживает того, чтобы дать ей шанс. Тебе ведь тоже когда-то приходилось начинать. Помнишь свое первое представление? Предположим, Нэнси Шоу настояла бы тогда, чтобы тебя выкинули вон в Нью-Хейвене. Где бы ты была сегодня?

-- А где, черт возьми, сегодня Нэнси Шоу?!-- рявкнула Элен.-- Послушай, Генри, ей было уже под сорок, когда появилась я. Будь она чуть похитрей, она бы избавилась от меня. Но она же всегда задирает нос; она была красавицей, а все эти великие красавицы вечно задирают нос. Считала, что по внешним данным я ей не ровня. Может, так оно и было. И все равно то представление стало моим триумфом. А уж с Тэрри Кинг такого просто не может произойти. Она -- не Элен Лоусон. И если уж на то пошло, Нэнси Шоу тоже была не Элен Лоусон. Но я научилась на ее ошибках, и никто не воспользуется ни мной, ни моим шоу для того, чтобы выставить мягкими перышками свое гнездышко.

Гил пожал плечами.

-- У нее же контракт на все выступления в этом шоу.

Лицо Элен исказила злобная усмешка.

-- Знаю я эти контракты на все выступления.

-- Но, Элен, отзывы о ней очень положительные. Не могу же я вот так пойти к спонсорам и заявить, что яставляю ее вон, потому что она плохо поет.

-- Согласна,-- дружелюбно ответила она ему.

-- И твоя репутация в шоу-бизнесе тоже не улучшится, если станет известно, почему ее сняли.

-- Верно,-- согласилась Элен.-- Нам обоим это меньше всего нужно. По крайней мере, хоть в этом мы заодно.-- Ее глаза хищно сузились.-- Вот и принимайся за дело. Избавляйся от нее любым приемлемым способом. Это ты умеешь, небось, не впервой.

Казалось, Гил Кейс стал меньше ростом дюйма на три. Тяжело вздохнув, он сказал:

-- Ладно. Но лучше подождать, пока не пройдет премьера в Филадельфии.

-- Ну уж нет!-- взвыла Элен.-- Чтобы о ней опять понаписали в газетах? Хочу, чтобы ее не было, и на этой же неделе!

Гил начал терять терпение.

-- Милая моя девочка, и что же тогда? Кто заменит ее в понедельник, на премьере в Филадельфии?

-- Вызови Пэнни Максвелл. Она пробовалась на эту роль, и она быстро схватывает. Кроме того, я хотела ее с самого начала.

-- У нее сейчас репетиции в новом шоу Макса Саллера.

-- Ты смеешься? Боже мой! Она же берет слишком высокие ноты, и она -- корова.

-- Тогда решено,-- сказал Гил.-- На премьерe в Филадельфии поет Тэрри. Даже если я сяду на телефон завтра утром и обзвоню всех агентов в Нью-Йорке, не отыщется никого, кто сумел бы за такой срок войти в эту роль.

-- Я знаю, кто сумел бы,-- вдруг сказала Анна. Все повернулись в ее сторону.-- Понимаю, что это не мое дело, но...-- взволнованно добавила она.

-- И кого же ты знаешь, мой ангел?-- добродушно спросила Элен.

-- Нили О'Хара. Она дублировала Тэрри, знает каждую песню и поет действительно хорошо.

-- И речи быть не может,-- надменно отрезал Гил.-- На дублирование я поставил ее, просто чтобы подстраховаться на гастролях. Для выступления в Нью-Йорке я подыщу настоящую дублершу. Эта чересчур невзрачна, напоминает мне бедную сиротку.

Элен прищурилась.

-- А как должна выглядеть инженеру? Соблазнительной рыжей красоткой со здоровенными титьками?

-- Элен, это важная роль. Я не могу рисковать и ставить на премьеру в Филадельфии никому не известную девчонку.

-- Она всю свою жизнь на эстраде, с самых пеленок,-- вмешалась Анна.-- Привыкла выступать перед публикой. Правда, мистер Кейс, у Нили может получиться.

-- Ну-у...-- Гил заколебался.-- Можно ее попробовать, я думаю. У меня будет три недели в Филадельфии, чтобы подыскать другую, если у нее ничего не выйдет.

Элен встала.

-- Тогда все решено, и нам всем можно идти спать.

-- Сном праведника,-- сердито сказал Гил.-- Кроме меня, которому придется обрабатывать Тэрри Кинг.

-- Могу поспорить, тебе не раз доводилось делать это до того, как ты подписал контракт с нею,-- отрезала Элен. Она направилась к двери.

Завтра назначай репетицию на одиннадцать для всех, кроме меня. Прямо там и начнешь с нею. Мне нужно отоспаться: у нас еще дневное представление.-- Она обратилась к Анне: -- Я рада, что ты пришла сегодня, Анна-пышечка. Когда лягу, позвоню тебе.

Гил закрыл дверь за Элен.

-- Вы мне нисколько не помогли, парни,-- обвинил он присутствующих.

-- Я пытался,-- пожал плечами Генри.-- Но я знал, что это бесполезно.-- Он посмотрел на Лайона и Анну.-- Ладно, идите поешьте. Я останусь с Гилом и разработаю сценарий экзекуции.

Когда они стояли в ожидании лифта, Лайон предложил:

-- Зайдем в тот ресторанчик напротив?

-- Я не хочу есть.

-- Устала?

-- Нисколько.-- Глаза ее сияли.

-- Я бы подышал немного. А ты как, не отважишься бросить вызов нью-хейвенской зиме?

Они пошли по пустынной улице.

-- Как они поступят с Тэрри Кинг?-- спросила Анна.

-- Поднажмут и вынудят уйти,-- изо рта Лайона шел парок.

-- Но как?

-- Приходи завтра на репетицию, если ты не слишком впечатлительна.

Она поежилась.

-- Ну, по крайней мере, у Нили появится шанс.

-- Ты была замечательна. Хотел бы я иметь такого друга, как ты.

Она вдруг пристально посмотрела на него.

-- Лайон, а кто же я, по-твоему? Думаешь, я гуляю с тобой в эту холодную декабрьскую ночь просто потому, что мне нравится мерзнуть?

-- Я гуляю потому, что я в самом деле твой друг, Анна. И еще -- я смотрю на вещи реалистически. Нью-Хейвен подойдет к концу, а некий огромный бриллиант на твоём пальце останется, и один славный парень к нему впридачу. Ты слишком хороша для скоротечной любовной интрижки в командировке.

-- Значит, больше ничего не будет?

-- А разве между нами могло быть что-то большее?

-- Может быть все, что ты захочешь, Лайон.

Не говоря ни слова в ответ, он повернулся и повел ее обратно в отель. Они не разговаривали, пока не пришли к нему. Номер у Лайона был точно такой же блеклый и старомодный, как и у нее. Лайон помог ей снять пальто. С минуту он нежно смотрел на нее, потом протянул руки. Она бросилась навстречу ему, навстречу его губам, холодным от ночного мороза, но ставшим упругими и требовательно-жадными, когда они встретились с ее губами. Ее руки обвились и сомкнулись вокруг него. Анна сама поразилась настойчивой страстности, с которой она ответила на его поцелуй: словно всю жизнь ждала, чтобы ее поцеловали именно так. Она прильнула к нему, мысленно все больше и больше растворяясь в волшебной прелести этого поцелуя.

Когда она оторвалась от него, в глазах у нее стояли слезы.

-- Ах, Лайон, спасибо тебе за то, что дал мне поверить...

-- Поверить?

-- Я... я не могу объяснить... просто обними меня.-- Она вновь заключила его в объятия. Он опять поцеловал ее, и она молила бога, чтобы этот поцелуй длился вечно. Все ее тело трепетало от одной только радостной мысли, что к ней прикасается он.

Внезапно Лайон резко отстранился от нее. Он держал ее на расстоянии вытянутой руки. Голос у него от волнения сел, но говорил он с нежностью.

-- Анна, я очень сильно хочу тебя, но ты должна сама решать.-- Он посмотрел на ее перстень.-- Пусть это означает для тебя то, что ты сама пожелаешь. Но если все это действительно окажется только вре-

менно, для Нью-Хейвена, я пойму тебя.

-- Лайон, я не хочу, чтобы у нас была всего лишь любовная интрижка в командировке.

-- Сядь, Анна.-- Он бережно подвел ее к краю кровати. -- Если бы я думал, что ты хочешь только этого, я бы вообще ничего не начал. И если бы мне нужна была девочка только на выходные, то здесь нашлось бы из кого выбрать. И мне не пришлось бы долго добиваться той, на ком бы я остановил выбор. Вокруг этой премьеры в Нью-Хейвене царит какая-то странная надрывно-истерическая атмосфера. Сегодняшняя ночь пройдет, наступит понедельник... В понедельник ты вернешься в Нью-Йорк. Там будет совершенно иной мир, и эти два выходных будут казаться сном. Хочу, чтобы ты знала, если это произойдет... я пойму тебя.

-- А ты сам?-- спросила она.-- Для тебя здесь тоже могла бы быть эта надрывно-истерическая атмосфера?

Он рассмеялся.

-- Боже мой, Анна, да знаешь ли ты, сколько у меня уже было этих Нью-Хейвенов, Филадельфий и Бостонов? Сегодня всего-навсего еще одна точно такая же ночь. За одним чудесным исключением: рядом со мною -- ты.

Протянув руку, она коснулась кончиками пальцев его лица.

-- Я люблю тебя, Лайон.

-- И об этих словах я тоже не буду тебе напоминать.

-- Ты не веришь мне?

-- Наверное, сейчас ты действительно так думаешь. По-моему, такая девушка, как ты, не ляжет в постель с мужчиной, если не убеждена, что любит его.

-- Я никому в жизни не говорила таких слов, Лайон. Я действительно люблю тебя.

Он отошел и закурил сигарету. Когда он обернулся, на его лице застыло решительное выражение.

-- Сейчас я провожу тебя в твой номер.-- Подойдя к стулу, он взял ее пальто.

Она опустилась на краешек кровати.

-- Лайон... я не понимаю...

-- Не будем спешить с этим. Посмотрим, как ты отнесешься к этому в понедельник... в Нью-Йорке.

-- Отнесусь точно так же.

-- Я не могу воспользоваться такой возможностью.

Она медленно поднялась.

-- Ты в самом деле хочешь, чтобы я ушла?-- Она все видела перед собой, словно в тумане.

-- Боже мой, Анна, как раз этого я хочу меньше всего. Но ради тебя... я...

-- Лайон... я хочу остаться,-- робко проговорила она.

Он с любопытством посмотрел на нее, словно оценивая значение ее

слов. Вдруг лицо осветилось одной из его неуловимых улыбок, и он сорвал с себя пиджак. Приблизившись, он протянул к ней руки.

-- Иди же сюда, прекрасная, славная моя девчонка. Я пытался вести себя благородно, но моя крепость пала, ты не оставила от нее камня на камне.

Анна чувствовала, как ее губы растягиваются в попытке улыбнуться. Он нежно обнял ее и отпустил. Что же теперь? Вот он развязывает галстук. А что же полагается делать ей? Она действительно хочет лечь с ним в постель, но ведь, наверно, существуют какие-то нормы поведения в такой ситуации. Не может же она просто начать стаскивать с себя одежду, как девица из стриптиза. О боже, но почему она не надела свою новую комбинацию и не спросила у кого-нибудь, как полагается вести себя в подобных случаях? Он уже снимает рубашку. Ей нужно что-то делать, не стоять же вот так...

Он расстегнул ремень на брюках и небрежно показал на дверь в ванную.

-- Хочешь раздеться там?

Она молча кивнула и бросилась в ванную. Закрыв за собой дверь, оставшись одна, она разделась. Что же теперь? Не может же она вот так голая войти в комнату. Сколько она грезилась именно о такой минуте, когда она отдаст себя мужчине, которого полюбит. Но ведь не так же, не в маленьком номере отеля в Нью-Хейвене! В своих мечтаниях она представляла себе роскошную двуспальную кровать, ее воображение рисовало, как в тончайшей прозрачной ночной рубашке она неслышно проплывет по воздуху в объятия своего мужа.

Вокруг будет царить полумрак, и она эфирным созданием скользнет под покрывало навстречу нежным объятиям своего возлюбленного. Дальше этого в своих грезах она никогда не заходила и не рисовала себе настоящий половой акт; она мечтала лишь о своих чувствах и романтически-возвышенной обстановке, сам же возлюбленный виделся ей смутно, с размытыми чертами. И вот теперь у него есть лицо... а у нее и в помине нет прозрачной ночной рубашки. Она стоит голая, дрожа и щурясь от резкого света, не зная, что же ей делать.

-- Эй, там! Мне здесь ужасно одиноко, -- раздался голос Лайона.

Лихорадочно осмотревшись, она схватила большое купальное полотенце и, завернувшись в него, робко открыла дверь.

Лайон лежал в постели, накрывшись до пояса покрывалом. Загасив в пепельнице сигарету, он протянул руки ей навстречу. Она повернулась, чтобы выключить свет в ванной.

-- Пусть горит, -- сказал он. -- Хочу видеть тебя... поверить, что в моих объятиях действительно ты.

Она подошла к кровати, и он взял ее за руки. Полотенце упало к ее ногам.

-- Моя прекрасная Анна, -- с нежностью сказал он.

От его восхищения и от той естественной, непринужденной простоты, с какой он восторгался красотой ее тела, ее неловкость и стесни-

тельность исчезли. Откинув покрывало, Лайон привлек ее к себе и заключил в объятия. Волнение, которое она ощутила от той силы, с какой его тело вжималось в ее податливую плоть, вдруг показалось ей самым естественным чувством на свете. И невыносимо прекрасное, пьянящее, неведомое ощущение от его губ, целующих ее горячечно и испытующе. Она чувствовала, что отвечает на его объятия с таким жаром, какого никогда не подозревала в себе, ее губы требовали все большего и большего. У нее никак не получалось поцеловать его достаточно крепко. Его руки ласкали ее тело -- нежно, потом интимно. И все же эмоциональное потрясение подавило в ней все физические ощущения. Держать его в своих объятиях... быть рядом... знать, что он хочет ее, что она нужна ему...

А потом случилось это. Господи, то самое мгновение! Она хотела доставить ему удовольствие, но боль застигла ее врасплох, и она вскрикнула. Он сразу же отстранился, привстал и отпустил ее.

-- Анна...-- Она увидела удивление в его глазах.

-- Ну, давай же, Лайон...-- молила она.-- Все будет хорошо.

Он опять лег, простонав:

-- Пресвятой боже! Не может быть...

-- Но, Лайон, все хорошо. Я люблю тебя.

Он склонился над нею и нежно поцеловал. После этого снова лег на спину, закинув руки за голову, глядя в полутьму перед собой.

Она лежала, не шевелясь. Он достал себе сигарету, предложил и ей. Она отказалась и жалко посмотрела на него. Глубоко затянувшись, он сказал:

-- Анна, ты должна мне поверить. Я бы никогда не дотронулся до тебя, если бы думал, что ты...

Соскочив с кровати, она бросилась в ванную и захлопнула за собой дверь. Уткнувшись лицом в полотенце, она пыталась заглушить рвущиеся из груди рыдания.

Лайон рванулся за нею и распахнул дверь.

-- Не плачь, моя дорогая. Все осталось нетронутым: ты по-прежнему девушка.

-- Я плачу не поэтому!

-- В чем же тогда дело?

-- В тебе! Ты не хочешь меня!

-- О-о, дорогая моя...-- Он обнял ее.-- Да, конечно же, я хочу тебя. Страшно хочу. Но я не могу. Понимаешь, я даже мечтать не смел...

В ее заплаканных глазах сверкнуло нечто похожее на ярость.

-- А чего ты ожидал? Я не шлюха!

-- Нет, конечно же. Просто я думал, что у тебя уже когда-то было это... ну, в колледже... и уж наверняка с Алленом...

-- Аллен ни разу не прикоснулся ко мне!

-- Теперь вижу.

-- Неужели для тебя такая большая разница, девственна я или нет?

-- Самая большущая разница на свете.

-- Ну, извини.-- Она слышала себя словно со стороны, не веря собственным ушам. Дурацкое положение: вот они стоят обнаженные, в ванной, под отвратительной яркой лампочкой без плафона, обсуждая то, что должно быть сокровенным. Схватив полотенце, она прикрывалась.

-- Пожалуйста, выйди и дай мне одеться. Вот уж не думала, что придется извиняться за то, что я... неопытна. Думала, мужчину, которого я люблю, это... обрадует...-- Голос у нее прерывался, и она отвернулась, чтобы скрыть слезы унижения.

Быстрым движением он подхватил ее на руки и понес в комнату.

-- Он и обрадован!-- шептал Лайон.-- Просто поражен... и отнесся к этому, как полный идиот.

Бережно опустив ее на кровать, он лег рядом.

-- Я постараюсь осторожнее,-- ласково сказал он.-- А если почувствуешь, что не хочешь больше, сразу скажи мне.

-- Я хочу...-- Она уткнулась лицом ему в шею. Голос ее звучал заглушенно.-- Я люблю тебя, Лайон. И хочу, чтобы тебе было хорошо.

-- Но ведь нужно, чтобы хорошо было нам обоим, а у тебя может ничего не наступить. В первый раз редко наступает, насколько я слышал.

-- А разве ты не знаешь? Я хочу сказать, разве у тебя никогда... ничего не было с девственницами?

-- Никогда,-- улыбнувшись, подтвердил он.-- Так что, сама видишь, я сейчас взволнован точно так же, как и ты.

-- Просто люби меня, Лайон, и будь моим. Это все, чего я прошу.

Она прильнула к нему. Ей было безразлично, будет ли ей больно или неудобно -- просто принадлежать этому замечательному человеку уже само по себе было величайшим счастьем в ее жизни. Когда пришла боль, она стиснула зубы и не издала ни звука. А когда она почувствовала, как судорожно напряглось все его тело, она только удивилась, как он порывисто отстранился от нее. Он ведь только что стоял от наслаждения... И вдруг она все поняла и почувствовала себя вдвойне счастливой. На самом пике своей страсти он подумал о том, чтобы уберечь ее. Анна потянулась к нему и крепко обняла. Его спина была влажной от пота. И тут ее озарило: самое высшее удовлетворение -- доставить наслаждение человеку, которого любишь. В это мгновение она ощутила себя самой значимой и всемогущей женщиной на свете. Ее захлестнуло еще неизведанное чувство гордости за принадлежность к своему полу.

Потом он сжимал ее в объятиях уже с иной, особой нежностью.

-- Сегодня ты не получила особой радости,-- сказал он.-- Но потом будет лучше, обещаю тебе.

-- Обещай только быть со мной. О, Лайон, я так тебя люблю.

-- И я обожаю тебя. Я мог бы до утра говорить тебе, как ты прекрасна.-- Он погладил ее волосы.-- Как ты красива... Но нам лучше хоть немного поспать. Завтра в одиннадцать репетиция.

-- Репетиция?

-- Ну да, так это называется. А как ты это называешь, скажи-ка мне.

Он натянул покрывало на них обоих, потом нежно обнял ее и закрыл глаза.

-- Лайон... я не могу здесь спать.

-- Почему?-- Он говорил уже сквозь сон.

-- Не знаю... Что, если утром мне позвонит Элен... или Нили?

-- Не думай о них. Хочу держать тебя в объятиях, когда проснусь.

Анна покрывала поцелуями его лицо, лоб, глаза. Затем выскользнула из его рук.

-- У нас еще будет это, Лайон. Много-много раз. Но не сегодня.-- Она прошла в ванную и быстро оделась. Дело было не в Элен и не в Нили-- просто для первого раза было слишком много всего. Лежа рядом с ним, она не сомкнула бы глаз. А утром... К тому, что у них сейчас было, нужно привыкать постепенно. У мужчин с этим гораздо проще. Но самое главное произошло: она познала чувство любви и поняла теперь, что стоит жить ради одного этого.

Анна вышла из ванной и подошла к кровати. Она начала было говорить, но увидела, что он уже спит. Улыбнувшись, она подошла к письменному столу, придвинула к себе стопку бумаги с эмблемой отеля и написала: "Спокойной ночи, спящий красавец. До завтра. Я люблю тебя". Положив листок у телефона, она тихо выскользнула из номера.

В своей кровати Анна долго лежала с открытыми глазами, слишком потрясенная, чтобы сразу уснуть. Она заново рисовала в своем воображении весь прошедший вечер, вспоминала каждое его слово, каждое выражение на его лице. "Будет лучше, обещаю тебе". Но будет ли? Сумеет ли она вот так же затрепетать, дрожа всем телом, и судорожно застыть в экстазе, который только что испытал он? Не имеет никакого значения. Значение имеет только Лайон; держать его в своих объятиях, дарить ему наслаждение -- знать, что ты способна любить, что этот прекрасный мужчина хочет, чтобы твое тело прижималось к его... Она медленно погружалась в темный, мягкий, обволакивающий сон.

Анна встала в девять. День был ясный и ветреный. Выглянув в окно, она увидела мужчину, идущего против ветра, придерживая шляпу на голове, и девушку, ждущую автобуса на остановке. Ей стало жалко их. Стало жалко всех на свете за то, что они не чувствуют того же, что она. "Бедные вы, бедные! Думаете, что наступил просто очередной холодный день. Посмотрите же на меня, я хочу поведать вам, как я счастлива! Весь мир принадлежит мне. Вот в этом здании находится человек -- самый замечательный человек на свете, -- и он тоже принадлежит мне!" Размытая неоновая вывеска на ресторанчике, казалось, подмигивала ей. Она подмигнула в ответ. Прекрасный ресторан! Прекрасный город!

Она приняла горячую ванну, и когда вода проникла ей внутрь и попала на свежую ранку, она явственно-осознано вспомнила о нем. Ликование переполняло ее.

Анна потратила много усилий, чтобы причесаться, дважды перекрашивала губы, бросала нетерпеливые взгляды то на часы, то на телефон.

В десять пятнадцать ей стало не по себе. Может быть, он имел в виду, что встретится с нею в театре? Но он же сказал: "Мы пойдем вместе". Или он сказал: "Приходи туда"? Когда раздался телефонный звонок, она бросилась к аппарату через всю комнату. Это оказалась Нили.

-- Могла бы, по крайней мере, подойти и поздороваться со мною после представления.

-- Я думала, ты будешь на банкете.

-- Я? Я числюсь в кордебалете. А сейчас у меня репетиция. Ну скажи, разве можно так -- устраивать репетицию перед дневным представлением? Бедняга Мэл совсем заждался меня.

-- Где он?

-- Внизу, в кафетерии. Мы с ним там сейчас встретимся.

-- Увидимся на репетиции.

-- Тебе-то зачем приходить? Скучища будет.

-- Нили... никому не говори ни слова... но есть вероятность, что ты заменишь Тэрри Кинг. Ты ведь знаешь ее номера, правда?

-- Знаю ли я их?-- взывала Нили.-- До единого слова! И все песни Элен -- тоже. Анна, ты смеешься надо мной?

-- Нет, есть один план. Я была на совещании вчера вечером. Но только никому пока ни слова, сиди тихо.

-- Боже мой! Не могу поверить. Господи, подожди, я расскажу Мэлу! Пока. Увидимся в театре!

Десять сорок пять. Лайон так и не позвонил. Три раза она снимала трубку, чтобы позвонить самой, но всякий раз передумывала. Закурив сигарету, она встала у столика, глядя на лучи зимнего солнца, льющиеся из окна. Часы протикали еще десять минут... Где-то зазвонил церковный колокол. Ну, и что же дальше? Так и стоять здесь, в номере, весь день? Или идти в театр одной? Нет, это будет выглядеть нехорошо. Если он уже там и не позвонил ей, то это будет выглядеть, будто она бежит за ним. Смешно! Это не Лоренсвилл, а Лайон -- не просто парень, с которым ты встречаешься. Все эти глупые правила здесь ни к чему. Она решительно подошла к телефону и попросила соединить с его номером.

Сначала его голос звучал глухо. Затем он развил бурную деятельность.

-- Боже мой, дорогая! Правда, без пяти одиннадцать? А я-то думал, что велел разбудить себя по телефону в десять часов!

-- Непонятно, когда ты мог это сделать, разве что специально просыпался среди ночи.

Он глуповато рассмеялся.

-- Я как раз читаю твою записку. Ну и ну, нечего сказать, галантный я кавалер! Спускайся ко мне и побудь здесь, пока я бреюсь.-- Она явственно слышала в трубке, как он с хрустом потягивался.-- Я закажу в номер кофе для нас.

Дверь в номер Лайона была приоткрыта, и на ее легкий стук он прокричал: "Заходи!" Лайон стоял в ванной перед зеркалом в одних трусах. Он притянул ее к себе и осторожно поцеловал, стараясь не запачкать ее мыльной пеной, и вернулся к бритью. Сама его простая манера держаться, казалось, приносила некую особую близость в их отношения, словно для нее нет и не было ничего естественнее на свете, чем вот так смотреть, как он стоит в одних трусах и бреется. Она села прямо на смятую кровать, чувствуя себя счастливее, чем когда-либо в жизни. Лайон смыл с лица пену и вошел в комнату. На этот раз он наклонился и поцеловал ее нежно и долго. Потом надел рубашку, насвистывая, повязал галстук. От охватившего ее счастья она ощущала слабость во всем теле. Никогда еще она не испытывала ничего подобного.

"Интересно, а есть ли у Лайона такое ощущение близости между нами,-- подумалось ей.-- Вряд ли. Столько девушек наверняка уже видели, как он бреется перед ними в одних трусах..." Она быстро отогнала от себя эту мысль. Ни одна из них не чувствовала к нему того, что чувствует она, и в этом вся разница. Ничто не омрачит самый радостный день в ее жизни!

Постучал официант и вкатил десертный столик с завтраком. Лайон написал на чеке свою фамилию. Показав ей знаком на стул, он стоя залпом выпил стакан апельсинового сока. Затем, поставив у телефона чашечку кофе, он попросил телефонистку соединить его с номером Генри Бэллами.

Тот тоже опаздывал. Лайон рассмеялся.

-- Ну, ладно, трус, давай сверим часы. На моих одиннадцать тридцать. Условимся, что оба войдем туда в одиннадцать сорок.-- Положив трубку, он улыбнулся Анне.-- Считаешь, что можешь созерцать экзекуцию?

-- Не хотелось бы упустить такую возможность. А что будет?

-- Ничего особенного. Просто несколько сильных мужчин навалятся на девчонку и вынудят ее уйти.

-- Ты говоришь так, словно уже проходил через такое.

-- Проходил. Могут быть слезы и истерика. То и дело натыкаешься на какую-нибудь "тэрри кинг", которая оказывается потенциальной Элен Лоусон. Всаживаешь ей в спину нож, а крови нет. Вот тут ты и проигрываешь.

В лифте они встретили Генри. Если он и удивился, увидев Анну с Лайоном, то виду не подал.

В театре была вся труппа, за исключением Элен. Девушки из кордебалета сидели или толпились, прижавшись друг к другу, кутаясь в свои меховые шубки. На них были темные очки, скрывавшие отсутст-

вие теней и туши. Они прихлебывали кофе из бумажных стаканчиков и все казались чем-то недовольными. Нили сидела на самом краешке стула, напрягшись, готовая в любую минуту вскочить с места.

Анна села в четвертом ряду с Генри и Лайоном. Торопливо вбежала Дженифер Норт, извиняясь перед всеми за то, что проспала. Режиссер отвернулся от кучки людей и добродушно кивнул ей.

-- У тебя, принцесса, никаких изменений не будет. Так что, если хочешь, можешь идти и досыпать.

Дженифер улыбнулась и пошла в полутемный зрительный зал. Генри знаком предложил ей место рядом с собой. Она узнала Анну и тепло улыбнулась ей.

-- Замечательно, правда?-- восторженно произнесла она.-- У нас настоящий хит! Я не имею права говорить "у нас", ведь я ничего не делаю. Но шоу такое замечательное, и я в таком восторге от того, что тоже участвую в нем.

-- Ты в нем очень здорово выглядишь,-- искренне сказала Анна.

-- Спасибо, но думаю, что, увидев мое имя в афишах, публика вряд ли повалит в театральные кассы.

-- Знай себе цену,-- ответил ей Генри.-- Как только это шоу станет хитом в Нью-Йорке, о тебе заговорят все газеты. Гарантирую, что минимум через полтора месяца со дня премьеры контракт на съемки в кино будет у тебя в кармане.

Дженифер широко улыбнулась, у нее на щеках заиграли ямочки.

-- Ах, Генри... честное слово, я бы так хотела этого.-- На лицо ее набежала тень.-- Но только если это будет крупный контракт, а не из тех, что заключают с начинающими актрисами.

-- Начинающие актрисы часто становятся настоящими кинозвездами,-- осторожно заметил Генри.

Тень стала глубже, Дженифер нахмурилась.

-- Талантливые начинающие. А у меня таланта нет, Генри. Вот почему мне нужен выгодный контракт. Если мне достаточно заплатят, им придется использовать меня на все сто процентов. Придется меня учить... готовить меня...

-- Предоставь решающее слово мне. Если речь пойдет о небольшой сумме на хорошей студии и я посоветую тебе соглашаться, соглашайся. В воздухе уже носится телевидение, оно вот-вот появится, и крупными контрактами сейчас никто так легко не бросается.

-- Тогда я, пожалуй, больше заработаю в Нью-Йорке. У меня есть предложения от Пауэрса и Лонгуорта, и я могла бы параллельно с этим шоу неплохо зарабатывать манекенщицей.

Генри резко повернулся к ней.

-- Давай со мной начистоту, Дженифер. Тебе нужен контракт с кинокомпанией? Или карьера? Я не желаю расшибаться в лепешку, если тебе решительно все равно. И что с Тони Поларом? Насколько у вас серьезно?

Дженифер улыбнулась.

-- Газеты все раздули. Я обожаю Тони, но, по-моему, ни он, ни я не спешим к алтарю. И потом, по закону я все еще остаюсь женой принца Миралло.

-- Почти все газеты утверждают, что ты получишь развод. Ты только вспомни статьи, где описывали, как вы стоите перед судьей: ты -- порядочная девушка-католичка, желающая иметь детей, и этот ублюдок, который не хочет ни одного.

-- Ты католичка?-- спросил Лайон.

Дженифер пожала плечами.

-- Мать была католичкой, а отец -- нет. Они разошлись. Я даже не крещеная. Но ведь это никто не станет проверять, правда, Генри?

-- Ты только делай, как я говорю. Ты -- католичка. Ты хотела, чтобы вас обвенчали в церкви, а принц предпочел гражданский брак. На одном этом ты уже наполовину выиграешь. Потом скажешь о детях. Анна будет твоей свидетельницей.

-- Я... кем?-- вклинилась в их разговор Анна.

-- Нам нужен свидетель. Я все собирался сказать тебе. Не волнуйся, суд будет закрытый. Тебе нужно только сказать, что ты -- подруга Дженифер и что она всем делилась с тобой, прежде чем выйти за принца, что она так пылко стремилась замуж за этого подонка, что согласна была даже уехать жить в Италию и завести кучу детей. Только ни в коем случае не забудь сказать про детей.

-- Но я же нарушу клятву на Библии, если скажу все это,-- возразила Анна.

-- Скрестишь два пальца, когда будешь присягать,-- ответил ей Генри. Затем, переключив внимание на сцену, прошептал:-- Ну, держитесь... сейчас начнется!

Посреди сцены стояла Тэрри Кинг, недоумевающе тараща глаза на режиссера.

-- Выбросить песню?-- воскликнула она.-- Ты с ума сошел! Да ты отзывы читал?

-- Постановка слишком затянута, дорогая, а песен у нас предостаточно.-- Режиссер говорил об этом спокойным тоном, словно о чем-то вполне обычном, само собой разумеющемся.

-- Ну и что? Сними другую песню. Тебе же прекрасно известно, что моя -- лучшая во всем шоу!

-- Здесь все решаю я,-- деланно усталым тоном возразил он.

-- Где Гил Кейс?

-- Его здесь нет. Занят с либреттистами. Билл! Эй, Билл Тоули!-- Появился худощавый юноша.-- Билл, любовная сцена с тобой и Тэрри снимается. Вместо нее мы сейчас работаем над новым сольным танцем для тебя одного. Это к выступлению в Филадельфии. Вместо того, чтобы признаваться в пылкой любви к Тэрри, исполнишь танец. Это ускорит темп спектакля и подстегнет ритмику.

Билл согласно кивнул, не скрывая распирающей его радости, и исчез.

-- А мне что делать, пока он танцует? Сидеть у себя в гримерной?!-- вскричала Тэрри.-- Ты хоть отдаешь себе отчет, что если убрать любовную сцену и песню, то у меня останется всего две реплики в первом отделении да ритмический номер во втором -- и все?

-- Ритмический номер остается,-- ответил режиссер.-- Но мы ставим за тобой кордебалет. Они будут исполнять танец до выхода второго состава кордебалета.

-- А мне что делать?

-- Вместо того, чтобы петь со вторым составом, ты сместишься в левую часть сцены. Постоишь там... потом освещение с тебя уберут, и ты незаметно уйдешь со сцены, а действие будет продолжать один кордебалет.

-- Это ты так думаешь!-- С этими словами Тэрри схватила свою шубку и метнулась прочь со сцены.

Режиссер продолжал говорить о сокращениях и о слиянии номеров, будто ничего не произошло.

Спустя десять минут Тэрри появилась снова, прикрываясь, словно щитом, каким-то маленьким человечком, похожим на енота. Семена ножками, "енот" пробежал по проходу между кресел.

-- Ну, что еще тут случилось?-- спросил он строгим тоном.

Стоящий на сцене режиссер обернулся и посмотрел на него сверху вниз.

-- Где случилось?-- невинно спросил он.

-- Послушай, Лерой!-- взвыл "енот".-- Не думай, что сможешь одурачить меня своим невинным девичьим личиком. Уж кому-кому, а мне эти фокусы известны. Элен боится Тэрри. Да только на этот раз Тэрри кое в чем немножко повезло. У нее самая длинная песня в спектакле. Ты не убедишь меня, что эти ребята-либреттисты дадут Элен выбрасывать из спектакля свои лучшие песни.

-- Позвони им,-- предложил ему Лерой.

-- Уже звонил. У них совещание с Гилом Кейсом. И потом, ты что, хочешь сказать, будто Кейс готов платить Тэрри четыре сотни в неделю всего за две реплики и половину ритмического номера?

-- Если она захочет остаться и исполнять это, то, думаю, ему придется платить.

-- А-а, так вот оно в чем дело! Уловка, чтобы избежать санкций профсоюза "Эквити". Вам хотелось бы, чтобы она добровольно, сама ушла из спектакля. Тогда вы поставите на ее место кого-то другого за гроши. А вот если вы уволите Тэрри, тогда вам придется платить ей до июня будущего года плюс гонорар той, кто ее заменит.

-- Никто не собирается увольнять Тэрри Кинг.

-- Вам это не по карману. Вот вы и пытаетесь выжить ее.

Режиссер сел на край сцены и подчеркнуто терпеливым, наставническим тоном пояснил:

-- Никто не пытается вынудить Тэрри уйти. Мы сейчас думаем не о конкретных личностях. Мы рассматриваем спектакль в целом. Ты же

как ее поверенный думаешь об интересах своего клиента. Я не виню тебя, Эл, это твоя работа. А моя работа -- думать о постановке. Спектакль слишком затянут. Я сокращаю его в тех местах, где считают нужным Гил Кейс, либреттисты и все мы, невзирая на то, кого это затрагивает лично.

"Енот" швырнул сигарету прямо на толстый ковер.

-- Не втирай-ка мне очки! Ты выполняешь приказы, полученные Кейсом от Элен Лоусон. У него нет выбора, он вынужден защищать интересы этой настырной старушки. Ведь ей с ее скрипучим металлическим голосом и впрямь требуется защита от хорошей певицы.

-- Не будем сейчас переходить на личности, -- отрубил Лерой.

-- А почему? И ты, и я, мы оба прекрасно знаем, что она устарела и выглядит старомодно. Если бы эта старая перечница начинала сейчас, ей бы ни за что не пройти даже первого прослушивания...

-- По-моему, нам пора прекратить все это! -- раздался из темноты зычный голос Генри.

Поверенный Тэрри быстро обернулся.

-- Я не видел вас, мистер Бэллами. Привет. Послушайте, лично против вас я ничего не имею. Я только отстаиваю интересы своего клиента, точно так же, как и вы, вероятно, делали это для мисс Лоусон двадцать лет назад.

-- Я не отстаивал ее интересов, пороча при этом крупнейшую звезду в ее отсутствие, когда она не может сама постоять за себя. -- гремел голос Генри. -- Кто вы такой, черт вас возьми? Пронырливый адвокатика из конторы на Сорок шестой стрит. Да как вы смеее являться сюда и оскорблять одну из ярчайших звезд современной эстрады?

Человечек втянул голову в плечи.

-- Мистер Бэллами... а что бы вы предприняли на моем месте?

-- Это зависело бы от того, кто мой клиент. Если бы это оказалась Элен Лоусон, то мы бы с нею подали заявление и ушли из труппы, сохранив лицо. Потому что для Элен Лоусон -- даже для начинающей Элен Лоусон -- всегда нашлось бы другое шоу и еще лучшая роль. Но с вашим клиентом я бы подбирал и те крохи, что ей переппадают. Я бы остался даже ради одних этих реплик и номера с половиной состава кордебалета и умолял бы продюсера выплачивать ей какое-нибудь жалованье. А что если на бродвейской премьере над нею станут смеяться и тыкать в нее пальцем все остальные продюсеры? Впрочем, это будет концом ее карьеры, а не вашей. Ну, а вы разыщете себе кого-нибудь еще, после того как угробите ее. Но вы наверняка заставите ее остаться в этом спектакле, чтобы заполучить свои несчастные вонючие десять процентов, потому что всем очевидно: вы испугались. Возможно, это единственное представление в ее жизни, и больше ей вообще ничего не предложат -- вот вы и не желаете упустить свою легкую поживу.

Внезапно пришла в себя Тэрри Кинг.

-- Послушайте, в исполнении песен я дам Элен Лоусон сто очков

вперед где угодно! И ни Эл, ни я не боимся. Это поганое шоу не единственное, и я стану звездой покрупнее, чем Элен Лоусон. Вот увидите, я уйду сама! И не потеряю своего лица! Сию же минуту!-- Она почти срывалась на крик.

Тэрри схватила Эла за руку.

-- Пошли, Эл. Пошли отсюда.

-- Подожди минутку. Наш контракт все еще действителен, и тебе нужно выступать в дневном спектакле,-- напомнил ей Эл.

-- Я не выйду на сцену для этих негодяев.

-- Боюсь, что выйти тебе придется,-- вмешался Генри.-- Заявление об уходе ты должна подавать за две недели. Так что в Филадельфии играть должна ты.

-- На такое унижение я не пойду,-- стояла на своем Тэрри.-- Не желаю выступать в эпизодической роли перед критиками Филадельфии.

-- Что за шум?-- раздался голос Гила Кейса.-- Кто тут не желает выступать?

-- Мистер Кейс!-- чуть не плача бросилась к нему Тэрри.-- Вы сняли меня со спектакля. Я не могу выступать в эпизодической роли.

-- А я ей сказал, что она обязана,-- размеренно проговорил Генри.-- Даже если она подаст заявление прямо сейчас.

-- Минутку, минутку,-- примирительно произнес Гил.-- Никто здесь никого не собирается травмировать больше, чем, к сожалению, приходится.-- Он с сочувствием посмотрел на Тэрри.-- Милое мое дитя, я не отдавал себе отчета, насколько мала станет твоя роль после этих сокращений. Она и в самом деле лишь чуть больше эпизодической...-- На его лице появилось озабоченное выражение.

-- Я не могу играть ее,-- настойчиво твердила Тэрри.

Гил вдруг улыбнулся.

-- Тебе и не нужно.

-- А как же дневное представление?-- спросил Генри.

Гил отмахнулся от его слов.

-- Забудь о нем. Можем поставить дублершу. Роль настолько мала, что это уже не имеет никакого значения.-- Он обнял Тэрри.-- Пойдем-ка в мой люкс, и ты тоже, Эл. Тэрри может написать официальное заявление, и я выплачу ей жалованье за два месяца вперед в виде премии.-- Он помолчал, как бы раздумывая.-- Вот что мы сделаем. Я позвоню своему секретарю по связям с прессой, чтобы он дал соответствующее сообщение в нью-йоркские газеты. Тебе все это принесет небывалую рекламу и известность. Милая моя девочка... да уже через неделю все продюсеры Нью-Йорка станут гоняться за тобой. То, что ты покинула шоу Элен Лоусон, придаст тебе огромный вес.

Он повел ее по проходу между рядами, и они вышли из театра в сопровождении "енота", побито волочащего ноги. Едва они исчезли, Генри поднялся на сцену и быстро переговорил о чем-то с режиссером. Тот понимающе кивнул и сразу же развил бурную деятельность.

-- Нили О'Хара!-- громко выкрикнул он. Нили моментально подлетела к нему.-- Сможешь выучить одно кордебалетное сопровождение ритмического номера к половине третьего?

-- Я уже знаю оба сопровождения.

Он устало улыбнулся.

-- О'кей, делаем одно сопровождение и вставляем танец. Давайте, ребята, за работу. Нили, иди в костюмерную и посмотри, как на тебе сидят костюмы Тэрри. Кордебалет, начинаем все с середины!

Генри встал.

-- Пошли отсюда. По-моему, нам всем просто необходимо глотнуть свежего воздуха.

Оказавшись на улице, они стояли и неловко молчали.

-- Пойду прилягу,-- сказала Дженифер и направилась в сторону отеля. Генри стоял неподвижно, уставясь в пространство. Лайон сжал Анне руку.

-- По-моему, это отвратительно,-- сказала она и, изобразив на лице подобие улыбки, добавила:-- Но, вероятно, это и есть шоу-бизнес.

-- То, что здесь сейчас было, это не шоу-бизнес,-- рявкнул Генри.-- От всего этого смердит за милю. В какую бы оболочку это ни было заключено, все равно смердит. Меня всего выворачивает. Я чувствовал себя, как чемпион мира по боксу среди профессионалов Джо Луис на ринге с двумя искалеченными лилипутами. Боже мой!.. Ну, ладно, позвоню Элен, сообщу ей приятное известие.-- Он медленно зашагал в сторону отеля.

Лайон пригласил Анну в дешевый ресторанчик напротив и заказал для обоих яичницу.

-- Генри неправ,-- твердо сказал он.-- А ее поверенный -- просто заурядный адвокат, далеко не Генри Бэллами. Мы царапнули кошечку, а она не царапнула нас в ответ. Генри -- мастер своего дела и двадцать лет назад тоже был мастером. А двадцать лет назад, если бы ты царапнула Элен Лоусон, то обломала бы себе когти. Генри вовсе не подонок, просто они не сумели постоять за себя.

-- Но ведь у них выбросили песню и половину ритмического номера. Как же Тэрри было бороться? То, что говорил Генри, звучало благоразумно.

Подали яичницу, и Лайон набросился на нее.

-- Ты в самом деле веришь, что песню выбросят? Да не успеют просохнуть чернила на заявлении Тэрри, а ее поезд еще не прибудет в Нью-Йорк, как все переиграют и сделают по-старому. Если бы Тэрри уперлась и осталась, им пришлось бы выкинуть эти номера до конца премьерных выступлений в Нью-Хейвене и Филадельфии. Элен, конечно, отравляла бы всем жизнь, но на премьере в Нью-Йорке все сделали бы по-старому, и Тэрри в конце концов одержала бы победу. Это как в покере. У Тэрри карта была сильнее, но Генри умело блефовал и сорвал банк.

Спустя пятнадцать минут к ним подсел Генри. Он заказал себе сэн-

двич с холодной курицей, пожаловавшись на обострение язвы. В половине второго в ресторанчик пришли несколько девушек из кордебалета перехватить сэндвич-другой. Они расселись группками, сплетничая о новостях. Сенсацией дня была Нили.

Анна решила не ходить к Нили за кулисы перед дневным представлением. Хорошо зная Нили, она вполне представляла себе, какая там сейчас царит суматоха. Во время представления они с Лайоном стояли в самом конце переполненного зала. Свою роль Нили сыграла с профессиональной легкостью. Насколько Анна понимала, Нили не могла ни испортить спектакль, ни помочь ему. Роль обкорнали до такой степени, что теперь она мало что значила.

-- Анна, я знаю, ты имеешь к этому какое-то отношение,-- задыхаясь от волнения, проговорила Нили, когда Анна пришла за кулисы поздравить ее.-- Элен мне об этом сегодня сказала. Ах, Анна, я так тебя люблю. Ты мне прямо как сестра. Ах... а вот и Мэл.

Анна повернулась к молодому человеку, тот стоял в углу совершенно незаметно. Он метнулся к ней, пожал протянутую руку и снова отступил к стене. Он был высокий и очень худой, а его темные живые глаза неотрывно смотрели на Нили с нескрываемым обожанием. Такой любовный пыл сразу же покорила Анну, и она искренне порадовалась за Нили.

-- Ее дебют произвел фурор, верно?-- с гордостью спросил Мэл.

-- Просто великолепно!-- горячо подтвердила Анна.

-- А на следующей неделе в Филадельфии мне дадут песню и любовную сцену,-- пробормотала Нили.-- А Элен Лоусон обещала позаботиться о том, чтобы для выступления в Нью-Йорке мне сшили новые костюмы. Говорит, что костюмы Тэрри для меня слишком вычурны.

Элен отозвалась о Нили с энтузиазмом:

-- Твоя подружка просто великолепна!-- прокричала она, когда Анна остановилась в дверях гримерной. Анна удивилась. Нили вполне подходила на эту роль, но энтузиазм Элен был явно чрезмерным.-- На ее фоне та шлюха бледновато смотрится,-- продолжала Элен.-- А Нили как раз то, что нужно для этой роли,-- милая незинная девчушка. Посмотришь, как она споет эту сентиментальную песенку в понедельник. В ее исполнении она будет самое то. Девчушка с невинным взглядом -- это здорово всем понравится.

Анна направились было к двери.

-- Эй, ты куда помчалась, черт возьми?-- спросила Элен.

-- Лайон Берк ждет меня внизу.

Элен с любопытством посмотрела на нее.

-- Послушай-ка, вчера на банкете я видела, как вы держались за руки. Если хочешь поразвлечься в Нью-Хейвене -- твое дело. Только не забывай, что эта ледышка на твоём пальце -- штука настоящая.

-- Я верну ее.

-- Что-о-о!-- вскричала Элен.-- Слушай, Анна, ради бога, не взду-

май принимать всерьез одну-единственную ночь. Пойми, ангелочек... ты молода. Я знаю, как это бывает, и Лайон -- мужик что надо. Гуди на всю катушку, ведь живем только раз, но не оставляй Аллена из-за какого-то скороспелого увлечения.

Слегка улыбнувшись, Анна пошла к двери.

-- Ты сейчас едешь в Нью-Йорк?-- спросила Элен.

-- Думаю, да.

-- А мы завтра утром едем в Филадельфию и будем там репетировать. Опять вставим ту песню, доведем до ума некоторые номера. К понедельнику у нас наверняка будет по-настоящему великолепное шоу. А твоя подружка получит хорошую роль. Я уже сказала Гилу Кейсу, чтобы он никого не искал для выступления в Нью-Йорке: Нили меня вполне устраивает.

-- Счастливого тебе выступить в понедельник,-- запинаясь, пожелала Анна.

-- Ну, пока. Увидимся, когда ты приедешь с Джино и Алленом. Не забудь, встречаемся все вчетвером после представления.

-- Аллен! Премьера! Джино!

-- Ну, пока,-- весело попрощалась Элен.

Лайон ждал на улице.

-- Все официальные визиты нанесены?

Анна кивнула. Он взял ее под руку.

-- Я достал нам бесплатные билеты,-- сказал он.-- Можем ехать обратно ближайшим поездом. Боялся, что мы проторчим здесь невесть сколько, но Генри отпустил нас. Он приедет прямо в Филадельфию, и мы встретимся там в понедельник.

Ее вдруг охватил приступ безудержной, рвущейся из груди радости оттого, что Лайон с такой легкостью считает само собой разумеющимся, что отныне она с ним. Сердце опять заняло при мысли о необходимости объясняться с Алленом. Впервые в жизни она оценила значение прощальных писем. Как было бы все просто, если бы можно было послать ему записку: "Дорогой Аллен! Ты очень хороший и приятный человек, но я полюбила другого. Это произошло за то долгое время, что мы не виделись с тобой, -- за сорок восемь часов. Перстень с бриллиантом в десять каратов прилагаю. Анна".

Они поужинали в поезде и, не говоря ни слова, поехали к Лайону. Квартира показалась ей почти своей.

-- Фактически эта квартира твоя,-- сказал Лайон, словно читая ее мысли.-- Я всегда воспринимаю ее именно так.

-- Ты действительно думал обо мне... раньше?

Он привлек ее к себе.

-- Анна, ты думаешь, что я увидел тебя впервые в Нью-Хейвене?

-- Не знаю... мне никогда не приходило в голову, что ты вообще замечаешь меня.

-- Ну-у, я тоже не припомню, чтобы ты когда-нибудь смотрела на меня во все глаза.

-- Мне кажется, я любила тебя с самого начала,-- ответила она.-- Только не признавалась в этом даже самой себе.

-- Подумать только, сколько времени потеряно зря.

-- Это ты виноват. В конце концов, как должна поступать девушка? Не может же она сама подойти к мужчине и заявить ему в лоб: "Кстати, хотя мы встретились только что, вы, по-моему, тот самый человек, которого я ждала всю свою жизнь".

-- А что, прекрасная мысль. Можешь мне поверить, что первая, кто так поступит, определенно произведет впечатление. Особенно с такой внешностью, как у тебя. А сейчас располагайся на диване, а я принесу что-нибудь выпить. Хочу дать тебе разбавленного шотландского виски. Это поможет тебе расслабиться.

-- А тебе кажется, что я вся дрожу от волнения?

Лайон протянул ей бокал.

-- Ничуть. Но тебе, наверное, немного не по себе. Все настолько непривычно... я непривычен... секс непривычен...-- Он сел рядом и нежно погладил ее волосы.

Анна приникла к нему.

-- Я чувствую, что ты мне ближе всех на свете. В своей жизни я ни к кому не испытывала ничего похожего. Я хочу знать о тебе все... Хочу, чтобы у нас не было друг от друга никаких тайн. Мы -- одно целое, Лайон, две неразделимые части. Я принадлежу тебе.

Он отодвинулся и задумчиво отпил из своего бокала.

-- Я думаю, сумею ли я быть достойным такой любви, Анна. Я не хочу причинять тебе боль.

-- Ты не смог бы причинить мне боль, Лайон. Ты уже так много дал мне. Даже если бы после сегодняшнего дня у нас все прекратилось, я бы все равно осталась благодарна тебе за эти два дня, самые прекрасные в моей жизни.

Он слегка улыбнулся. Взял ее руку в свою, погладил палец с огромным перстнем.

-- А мы ни о чем не забыли?

-- Это в прошлом. Я верну перстень.

-- Анна... то, как я отношусь к тебе... это настоящее. Ты должна знать об этом. Но я уже дал тебе все, что мог дать. Я...

-- И этого вполне достаточно! Все, чего я хочу, -- это твоей любви. Я не люблю Аллена, никогда не любила и никогда не собиралась выходить за него замуж. Просто все произошло так быстро, что меня понесло, словно по волнам. Но даже если бы ты и не появился в моей жизни, это не могло бы продолжаться долго.

-- Я хотел бы тебе верить, Анна, моя совесть была бы спокойнее.

-- Твоя совесть? Лайон, разве ты не любишь меня?

Некоторое время он смотрел перед собой, словно подыскивая ответ. Он увидел слезы в ее глазах.

-- Анна!-- он схватил ее за плечи.-- Да, да, я люблю и хочу тебя. Но твоя любовь страшит меня, будет ли моей любви достаточно для тебя.

Она облегченно зажмурила глаза.

-- О-о, Лайон, как ты меня напугал! Конечно же, ты не сможешь любить меня так, как я люблю тебя. Я этого и не жду. Так сильно ни один человек любить не в состоянии.-- Она пристально посмотрела ему в глаза.-- Просто люби меня, это все, о чем я прошу. Люби меня так сильно, как только сможешь. И дай мне любить тебя.

На другой день Анна проснулась в его объятиях. Она тихо лежала, глядя на мужественный профиль. Он был прекрасен во сне. Во время близости ей опять было больно, но она испытала удовлетворение от того, что подарила ему наслаждение. Она впервые ощутила, что принадлежит другому человеку. Все то, о чем она никогда не говорила даже с девушками, то, что казалось чересчур личным, чтобы об этом можно было говорить даже с Нили, она открыто и свободно обсуждала с Лайоном. Периодичность своих месячных... способы предохранения...

Осторожно высвободившись из его объятий, она прошла на кухню. Поставила кофе, разбила на сковородке яйца и только тут посмотрела на стенные часы. Был первый час пополудни.

Лайон проснулся, когда она поставила сковородку на стол. Он похвалил ее кулинарные способности: глазунья -- великолепная, кофе -- произведение искусства. После завтрака он развернул "Нью-Йорк таймс", а она пошла под душ.

Лайон удивленно посмотрел на нее, когда она предстала перед ним полностью одетая, держа пальто на руке.

-- Бросаешь меня?-- Он притянул ее к себе на диван.-- С тобой у меня самый скоропалительный роман в жизни.-- Он поцеловал ее в шею, и она почувствовала, что теряет силы. Ей стоило немалых усилий отстраниться от него.

-- Лайон, я не могу идти завтра на работу в этой же одежде. Надо сменить чулки... белье... Мне нужно домой.

Он посмотрел на часы.

-- Все верно. Заеду за тобой в семь и поужинаем вместе. И возьми все необходимое, чтобы пойти на работу прямо от меня.

Анна благодарно поцеловала его. На какое-то мгновение она испугалась, что он больше не попросит ее прийти к нему. Едва она вошла к себе в комнату, весь мир словно обрушился на нее. На письменном столе стояла большая ваза с цветами. В букете была визитная карточка Аллена с запиской на обороте:

"Надеюсь, ты скучала по мне так же, как я по тебе. Когда придешь, сразу же позвони. Люблю тебя. Аллен".

Анна начала набирать номер Аллена, но положила трубку, остановившись на середине. Может, отправить ему телеграмму? Но ей нужно вернуть перстень.

Она заново набрала номер. Аллен снял трубку на втором гудке.

-- Ну, как Нью-Хейвен?

-- Шоу стало хитом.

-- Знаю. Джино встретил вчера в "Марокко" кое-кого из тех, кто был в Нью-Хейвене.

-- Как было в "Марокко"?

-- Я там не был. Ты что, забыла? Я же помолвлен. Оба вечера просидел дома с хорошей книгой, ждал, когда вернется моя девочка.

-- Аллен... Аллен, мне нужно тебе что-то сказать.-- Она зачастила, зная, что все нужно выпалить залпом, за один присест, иначе ей не хватит смелости.-- Аллен, я не твоя девочка и не помолвлена с тобой, я хочу вернуть перстень.

В трубке долго молчали. Затем он сказал:

-- Анна, я еду к тебе.

-- Нет, Аллен, встретимся в другом месте... Я отдам тебе перстень.

-- Перстень мне не нужен. Мне нужно поговорить с тобой.

-- Но говорить не о чем.

-- Не о чем? Боже мой, Анна, три месяца я влюблен в тебя, а теперь ты хочешь все кончить одним телефонным звонком. Что случилось? Кто-нибудь в Нью-Хейвене наговорил тебе обо мне? Послушай, я в прошлом совершил кучу глупостей. Иногда вел себя не очень порядочно... но все это до того, как встретился с тобой. Нельзя же сейчас оборачивать против меня то, что я совершил когда-то. Все это для меня ровным счетом ничего не значило, пока в моей жизни не появилась ты. Коль скоро кто-то напугал тебя мною, я встречусь с тобой и выясню, в чем дело. Просто так я не сдамся; я имею право постоять за себя.

-- Аллен, никто мне ничего на тебя не наговаривал. И от нашего разговора ничего не изменится.

-- Я сейчас приеду.

-- Аллен, не приезжай!-- Она уже кричала в трубку.-- Я полюбила одного человека!

На этот раз молчание длилось еще дольше. Наконец, она робко переспросила:

-- Аллен, ты меня понимаешь?

-- Кто он?

-- Лайон Берк.

Он неприязненно рассмеялся.

-- Это тот самый бездомный англичанин, что живет в моей старой квартире? Что ж... я рад, что раздобыл вам весьма приличное жилье, в котором вы проведете свой медовый месяц.

-- Аллен, просто так получилось.

-- Ну, конечно, "просто так". Просто получилось, что ты меня любила.

-- Я никогда не говорила, что люблю тебя, не забывай об этом. Это ты настоял на помолвке.

-- О'кей, Анна. Всего доброго.

-- Как мне вернуть тебе перстень?

-- Меня это не волнует. Почему же должно волновать тебя?

-- Но я хочу, чтобы ты взял его обратно.

-- Хочешь сказать, Лайон Берк оскорбится, увидев его на твоём пальце? Или он уже снял его? Судя по тому, что я слышал о нём, единственное кольцо, которое ты от него получишь, будет продето тебе в нос.

-- Аллен, давай не будем вот так расставаться.

-- А как бы ты хотела? Может, мне послать тебе поздравительную телеграмму? Да уж, вот так сюрприз! Впервые в жизни обращался с девушкой как с порядочной, и вот получил в результате! Но я ещё увижу тебя. С Лайоном твой путь к алтарю окажется длинным-преддлинным.

-- Пожалуйста, Аллен... можно встретиться с тобой завтра в обед и вернуть перстень?

-- Нет, мой маленький айсберг, оставь его себе.

-- Что?

-- Оставь себе! Ты -- сука... а перстень мне не нужен. Я могу накопить таких целую кучу, а вот тебе он вскоре пригодится: его можно заложить за кругленькую сумму. А ещё лучше -- носи его. Пусть он врежется тебе в палец всякий раз, когда мужики тебя будут бросать, точно так же, как ты бросила меня. Сдается мне, Лайон Берк будет первым из них.-- Он яростно швырнул трубку.

Она сразу же перезвонила ему.

-- Аллен, я понимаю, ты в бешенстве, и то, что ты сказал мне, сказано в гневе. Я хочу, чтобы мы остались друзьями.

-- Предпочитаю дружить с мужчинами.

-- Хорошо, но я не могу оставить у себя перстень.

-- Если это все, что тебя заботит, плюнь на него!

-- Аллен, стой!-- Она поняла, что он сейчас бросит трубку.-- Хочу напомнить тебе о Джино. Он обещал поехать завтра в Филадельфию.

-- Ты хочешь сказать, что наш уговор останется в силе?-- в его голосе затеплилась надежда.

-- Нет, не наш. Я не могу теперь ехать с тобой. Но вот у Джино нет никаких оснований отказываться. Элен ждет его.

-- Нет! Ты наверняка шутишь!-- Его смех походил на стон.

-- Почему? Элен заказала ему номер. Он же не зависит от тебя. Не вижу оснований, почему из-за нас нужно огорчать Элен.

-- Не видишь? Ну что ж, послушай теперь меня. Ты думаешь, Джино так уж хотел ехать? Думаешь, он в восторге от перспективы потискаться с этой старушенцией?

-- Прекрати так называть Элен! Она очень привлекательна, и твой отец должен радоваться тому, что она хочет быть с ним. Она -- яркая звезда, и...

-- И яркая крикливая зануда! Мой отец может заполучить любую девицу в этом городе, стоит ему только захотеть. Этот мир принадлежит мужчинам, а женщины владеют им, только если они очень молоды. Тебе еще предстоит это узнать в один прекрасный день. Твоя Элен

Лоусон может быть ярчайшей звездой на Бродвее, но она все равно остается расплывшейся крикливой бабой, едва сходит со сцены. Да, конечно, он собирался ехать завтра... только не думай, что он не пытался отделаться от этой поездке. Но я настоял. Ну разве это не смешно? Я заставил его ради тебя и все выходные ломал себе голову, как задержать его там на ночь. Он согласился поехать, но поклялся, что уедет обратно сразу же после представления. В конце концов я сказал ему, что он сделает мне свадебный подарок, если уступит Элен и проведет с ней эту ночь. Можешь себе представить? Парень уговаривает родного отца на такое, чтобы угодить своей девушке! Все эти выходные я обрабатывал Джино. И все эти выходные ты...-- Он осекся, словно лишившись дара речи.-- Что ж, по крайней мере, хоть какая-то польза: Джино спасен. А теперь передаю подачу тебе и Лайону Берку. Пусть его отец залезет на твою подружку!-- В трубке щелкнуло, и раздались частые гудки.

Премьера "Небесного Хита" в Филадельфии была более обкатанным и ярким вариантом представления в Нью-Хейвене. Анна была поражена тем, сколько было изменено за такой короткий срок. Она сидела рядом с Лайоном, глядя на сцену скорее глазами исполнителя, нежели зрителя. Он держал ее руку в своей, и она спрашивала себя, заметил ли он отсутствие огромного бриллианта. Сейчас перстень лежал в банковской ячейке-сейфе, завернутый в грубую бумагу. Ей тогда показалось жестоким оставлять перстень в полном одиночестве в холодной жестянке. Казалось, он излучал негодующее сияние, словно протестуя, что его совершенно незаслуженно отвергли.

Шепот Лайона опять приковал ее внимание к сцене. Это был звездный час Нили. Песню ввели вновь. Анна замерла на краешке своего кресла, когда Нили запела. Это была совершенно иная интерпретация. Тэрри Кинг в своем облегающем красном атласном платье казалась лишенной поэтического очарования знойной красавицей. Нили же, в голубом платье с круглым отложным воротничком, была покинутой, одинокой, вызвала сострадание. Голос ее дрожал от сдерживаемых рыданий. Теперь это действительно была сентиментальная песня о несчастной любви, совершенно другая, жалобная. Нили устроили настоящую овацию.

Несколько раз во время представления Анна бросала нервные взгляды на три незанятых места в четвертом ряду. Эти места заказала Элен. И Анна должна была сидеть там, между Алленом и Джино. Она не рассказала о происшедшем Элен, чувствуя, что это может отразиться на ее выступлении.

Занавес опустили в одиннадцать пятнадцать. Вне всякого сомнения, представление имело успех. Даже с лица Генри Бэллами исчезло вечное тревожное выражение.

-- Банкет будет в "Уорике",-- сказал он Анне и Лайону, когда те направились за кулисы.

Лайон взглянул на часы.

-- Ты ведь не очень стремишься туда, правда?

Анна не успела еще подумать об этом. Она считала, что Генри уже заказал им номера в отеле. В театр они пришли прямо с поезда. Она вдруг заметила, что Лайон пришел без своего обычного "дипломата".

-- Если мы быстро сбегаем за кулисы поздравить Элен и Нили, то успеваем на обратный до Нью-Йорка в двенадцать двадцать пять.

-- Как скажешь, Лайон.

-- Лучше уж выпью с тобой в вагоне-баре. Нам обоим нужно хорошенько выспаться ночью, а этот банкет наверняка затянется до утра.

Они с трудом протолкались к гримерным. Анна пошла прямо к Нили. Та стояла у двери, окруженная репортерами и артистами труппы; все поздравляли ее. Мэл молча стоял рядом, сияя от гордости.

Анна обняла ее.

-- Нили, ты была восхитительна!

-- Правда? Честное слово? Будет еще лучше, когда я вживусь в этот образ. Да и костюмы сшиты на скорую руку. Для Нью-Йорка мне сошьют новые.

Лайон тоже поздравил ее.

-- А где Аллен?-- удивленно спросила Нили.

-- Потом объясню,-- тихо ответила Анна.

-- Ведь все в порядке, да?-- настойчиво допытывалась Нили.-- Господин, Элен волновалась как школьница из-за того, что Джино приезжает. А ты ведь должна быть с Алленом.

Анна почувствовала, что краснеет. Звонкий голос Нили был слышен едва ли не во всем холле.

-- Аллена здесь нет,-- проговорила Анна сквозь зубы.

-- Ну, ясное дело,-- сказала Нили.-- Ой, а перстень!-- Она схватила руку Анны. -- Где перстень?

-- Нили, поговорим об этом в другой раз. Мне нужно пойти поздравить Элен.

-- Если Джино здесь нет, то поскорей уезжай отсюда.

Они с трудом протиснулись сквозь толпу в гримерную Элен. Вырвавшись из кольца поклонников, та с распростертыми объятиями двинулась навстречу Анне.

-- Привет!-- весело воскликнула Элен. Она выжидательно посмотрела вокруг и, увидев Лайона, вопросительно взглянула на Анну.-- А где все?

-- Они не приехали.

-- Что-о-о?

-- Это долгая история, Элен.

-- Сукин-то он сын! Что случилось?

-- Потом расскажу.

-- Проходи ко мне сейчас и расскажи, пока я переодеваюсь.

-- Элен... мы, Лайон и я... у нас обратный поезд в Нью-Йорк в двенадцать двадцать пять.

-- Ты шутишь!

Анна молча покачала головой.

-- Хочешь сказать, что не придешь на банкет?

-- Элен, я завтра должна быть на работе.

-- Вздор! Раз я сказала, что ты нужна мне здесь, то все решено. Это самая малость из того, что Генри может для меня сделать. Он уже уехал, так что ты остаешься.-- И, обращаясь ко всем присутствующим в гримерной, она прокричала: -- Эй, народ, банкет в "Уорике"! Убирайтесь, мне нужно переодеться!

Раздались прощальные возгласы вперемешку с новыми поздравлениями.

Когда они остались одни, Элен попросила:

-- Лайон, подожди в холле. Анна посидит здесь, пока я переодеваюсь.

Он посмотрел на часы.

-- Нам уже пора идти, Анна, а то не успеем на последний приличный поезд.

-- О, черт! Генри даже не оставляет вас вместо себя? А сейчас мне скажут, что он подослал мне этого Джорджа Бэллоуза с совиной рожей. Я с ним еще поговорю! Кто же, черт побери, будет сопровождать меня на банкет?

-- А почему Генри не остался?-- спросила Анна.

-- Потому что я сказала ему, что приезжает Джинно,-- рявкнула Элен. -- Хочу услышать, наконец, в чем же дело. Что произошло, черт возьми?

Лайон опять глянул на часы.

-- Я поймаю нам такси, Анна,-- кротко улыбнувшись Элен, он вышел из гримерной.

-- Совсем не дают побыть одной.-- Элен села за туалетный столик и начала припудривать лицо.

-- Элен, сегодняшнее представление было просто великолепно,-- сказала Анна.-- Очень жаль, что мне нужно ехать, но Лайон хочет успеть на этот поезд...

-- Ну и пусть себе едет, ради бога. Тебе-то что?

Анна лихорадочно искала хоть какой-нибудь предлог.

-- У меня не заказан номер в отеле.

-- Ну и что? У меня двухместный люкс. Можешь пожить у меня.

-- Но я приехала с Лайоном,-- она тоскливо посмотрела на дверь.

У Элен расширились глаза.

-- А-а, понятно, значит, все еще флиртуешь с Лайоном. Боже, и ты, как все. Единственная девушка "на уровне", которую я приняла близко к сердцу, моя близкая подруга, и та бросает меня. Черт, вот так всегда у меня в жизни. Отдаешь себя всю... Всегда веришь людям...-- По лицу заструились слезы.-- Я верила в тебя, Анни... в свою единственную подругу. Но ты, как и все остальные, пинаешь меня в задницу, бросаешь меня в тот момент, когда я больше всего в тебе нужда-

юсь. И вот я совсем одна: на собственной премьере -- без мужчины; единственная подруга -- и та смывается...

-- Элен, я действительно твоя подруга. Может быть, есть более поздний поезд. Дай мне поговорить с Лайоном...

-- Нет, после двенадцати двадцати пяти только ночная пригородная электричка.-- Элен начала промокать потекшую по щекам тушь.-- Так хотелось верить, что хоть ты не такая, как все.

-- Подожди, дай поговорить с Лайоном.-- Она выбежала из гримерной.

Лайон уже остановил такси и ждал ее. Она бросилась к нему.

-- Лайон, мы не можем оставить ее одну. Она так страдает.

Он удивленно посмотрел на нее.

-- Анна, Элен попросту не способна страдать.

-- Ты не понимаешь ее. Она плакала. Она чувствует себя такой одинокой на своей премьере.

-- Слезы у нее наворачиваются легко и быстро высыхают. Послушай, Анна, все эти элен лоусон современной эстрады сами же себе и создают свое собственное одиночество.

-- Но мы не можем так поступить с нею.

-- Единственное, что мы должны Элен Лоусон, это лояльные деловые отношения. Совсем простенькие штучки, вроде избиения Тэрри Кинг. Она понимает это и требует своего. Но в моем контракте нет ни слова о том, что я к тому же обязан сопровождать ее на банкеты.

-- Но, Лайон, она же моя подруга.

-- И ты хочешь остаться?

-- Я чувствую, мы должны...

Он улыбнулся.

-- О'кей. До свидания, дружок,-- он легко попрощался и прыгнул в такси.

Анна поначалу даже не смогла поверить в происшедшее. Но такси уехало. Она не знала, что ей делать, рассердиться или испугаться. Кто кого покинул? Она Лайона или он -- ее? Если бы она уехала с ним, то наверняка покинула бы в беде Элен. Видит бог, это она покинула Лайона. Она вдруг почувствовала слезы на глазах. Казалось, все вокруг нее рушится. Она причиняет боль всем... и прежде всего себе самой.

Банкет в "Уорике" был точной копией банкета в Нью-Хейвене, за одним исключением -- в качестве полноправной исполнительницы одной из ведущих ролей здесь появилась Нили. Из Нью-Йорка понаехало еще больше народу, было много репортеров... а Элен, которая много пила, по-прежнему оставалась все той же сердечной, доброжелательной звездой. Когда, расставшись с Лайоном, Анна вернулась в гримерную, там толпились люди, и она не могла объяснить Элен про Джино. Поэтому ей пришлось просидеть на банкете от начала и до конца; она глядела на окружающих, но мысленно была далеко отсюда, переживая из-за Лайона и цепенея от страха. В два часа ночи, уви-

дев, как тайком уходят Нили и Мэл, она ощутила укол зависти. Лайон в эти минуты как раз подъезжает к Нью-Йорку. Интересно, сердится он на нее или у него тоже на душе кошки скребут?

Они вошли в люкс Элен в три часа, та достала полбутылки шампанского и налила себе большой бокал.

-- О'кей, а теперь расскажи мне, что же произошло с Джино.

Анна подыскивала нужные слова.

-- Это я, наверное, во всем виновата,-- осторожно начала она.-- Видишь ли, я порвала с Алленом.

-- Почему?

-- Видишь ли... Лайон и я... мы были близки...

-- Ну и?-- спросила Элен.-- Я знала, что ты переспала с Лайоном в Нью-Хейвене, но какое отношение это имеет к Аллену?

-- Я не могла бы больше встречаться с Алленом, раз полюбила Лайона.

Элен прищурилась.

-- Ты шутишь? Ты ведь не думаешь, что если он трахнул тебя, то непременно женится?

-- Конечно, женится...

-- Он говорил о женитьбе?

-- Элен, это произошло всего три дня назад.

-- Ну, и где же сейчас этот твой Ромео? Я смотрю, не очень-то он за тебя держится.

Анна ничего не ответила. Элен, не переводя дух, продолжала добивать ее, изъясняясь с предельной ясностью:

-- Слушай, если мужик любит тебя, он за тебя держится. Вот Аллен -- тот держался, и сейчас он, наверное, чувствует себя погано. Могу спорить, Джино именно поэтому не приехал. Должно быть, думает, что я такая же дешевка, как и ты.

-- Элен!

-- А ты думаешь, что выглядишь "на уровне", если ведешь себя вот так? Носишь перстень одного мужика, а сама прыгаешь в постель с этим англичанишкой! И срываешь мне все с Джино. Конечно, он считает, что и я такая же. Боится теперь встречаться со мной... боится, что я причиню ему боль, как ты -- его сыну.

-- То, как я поступила с Алленом, не имеет никакого отношения к тебе и Джино.

-- Тогда почему же его здесь нет? Он, скажу я тебе, здорово ко мне клеился, нам с ним было весело. Если бы ты не вешалась на Лайона Берка, он был бы сейчас здесь, со мной. Я потеряла мужчину, которого люблю, из-за того, что ты -- потаскушка.

Анна бросилась через всю большую комнату, схватила пальто.

-- И куда же ты сейчас пойдешь?-- ехидно осведомилась Элен, снова наполняя бокал.

-- Куда угодно, лишь бы подальше от тебя!

-- Ха-ха,-- усмехнулась Элен.-- Идти тебе сейчас некуда, дорогу-

ша, только вниз, в вестибюль. Думаешь, ты кому-то нужна? Ты и твоё ханжеское пуританское личико? Я, по крайней мере, честно и прямо называю вещи своими именами. Но ты разыгрываешь из себя важную леди. Да, конечно, пока ты носила тот бриллиант, ты ещё была кем-то, и я считала тебя равней себе. Думала, в тебе должно что-то быть, раз тебя добивается Аллен Купер. Это был твой единственный путь к славе. А сейчас ты -- ничто, всего-навсего очередная девица, которую трахнул Лайон Берк.

Анна смотрела на Элен широко открытыми глазами.

-- А я-то считала тебя своей подругой...

-- Подругой? Да что у тебя есть за душой, чтобы я была твоей подругой! Кто ты такая, черт тебя возьми? Отвратная секретарша и страшная зануда! А я из-за тебя потеряла мужика, который ко мне клеился!-- Элен встала, пошатываясь.-- Я ложусь спать... укладывайся на диване, если хочешь.

Странно, гнев как-то успокоил Анну.

-- Элен, ты только что потеряла единственную подругу, которая у тебя была.

Элен поморщилась.

-- Плохи были бы мои дела, если бы мне приходилось полагаться на таких вот подруг.

Анна пошла к двери.

-- Прощай, Элен. И... удачи тебе.

-- Нет уж, сестричка. Это тебе понадобится удача. Все, что тебе осталось, это еще, может быть, парочку раз потрахаться с Лайоном Берком, пока ты ему не надоешь. А девицы ему надоедают быстро. Уж я-то знаю: сама спала с ним шесть лет назад.-- Она улыбнулась в ответ на недоверчивый взгляд Анны.-- Да, да, именно так -- я спала с Лайоном. Я делала новое шоу, а он только-только начал работать у Генри Бэллами. Он был на высоте -- ухаживал за мной так, словно у нас была большая любовь. Ему нравилось, что его видели со мной. Но я-то, по крайней мере, не была идиоткой вроде тебя. Принимала все так, как и следовало: наслаждалась с ним в постели, а когда все прошло, поставила точку. И можешь мне поверить, уж я-то могла дать ему больше, чем какая-то мелкая секретарша вроде тебя.

Распахнув дверь, Анна бросилась вон, испытывая почти физическую боль от гнева и отвращения. Добежав до лифта, она вдруг остановилась. Тревога росла по мере того, как она лихорадочно рылась в сумочке. У нее же нет денег! Она так торопилась встретиться с Лайоном, что не удосужилась снять наличные со счета. Порывшись еще немного, она обнаружила восемьдесят пять центов. Шел уже пятый час, и она не могла позвонить Нили. Но идти в Нью-Йорк пешком тоже нельзя.

Она присела в холле неподалеку от лифта. Если спуститься в вестибюль на первый этаж и устроиться там в кресле часов до девяти, то потом можно позвонить Нили. Господи, она же все погубила. Чувство

невосполнимой утраты захлестнуло ее. Элен ей больше не подруга. Но тогда получается, что Элен никогда и не была ее подругой... А ведь все предупреждали ее. И насчет Лайона тоже предупреждали. Лайон был с Элен! Нет... это невозможно! Но Элен не могла бы сочинить такую вопиющую ложь. О господи! Ну зачем Элен сказала это? Анна расплакалась, закрыв лицо руками, чтобы заглушить рыдания.

Услышав, как остановился лифт и открылась дверь, она промокнула глаза платком и низко опустила голову. Из лифта вышла девушка и прошла было мимо нее, но потом остановилась и вернулась назад.

-- Ведь вы -- Анна, правда?

Анна опять стала лихорадочно промокать глаза платком. Перед нею стояла Дженифер Норт.

-- Что-нибудь случилось?-- спросила Дженифер.

Анна посмотрела на сияющее лицо девушки.

-- Да, к сожалению.

Дженифер сочувственно улыбнулась.

-- В моей жизни тоже выпадали такие дни. Пойдем, мой номер рядом.-- Она крепко взяла Анну за руку и решительно повела ее за собой.

Сидя на кровати и непрерывно куря сигарету за сигаретой, Анна неожиданно для себя самой рассказала Дженифер обо всем.

Когда ее сбивчивое повествование подошло к концу, Дженифер усмехнулась.

-- Ну и денечки у тебя выдались!

-- Извини, что тебе пришлось выслушивать все это,-- сказала Анна.-- Да еще в такой час.

-- Ничего, раньше я и не ложусь,-- улыбнулась Дженифер. -- Но это моя проблема. А вот одна из твоих проблем решена. Ты остаешься ночевать у меня.

-- Нет... я действительно хочу вернуться в Нью-Йорк. Если ты одолжишь мне денег, я завтра же вышлю тебе чек.

Дженифер полезла в сумочку и достала бумажник.

-- Бери, сколько хочешь, но, по-моему, ты сошла с ума. У меня здесь две кровати. Ночью хорошенько выспишься, а завтра поедешь в нормальном поезде.

-- Я хочу уехать сейчас.-- Анна извлекла из толстой пачки десяти-долларовую купюру.-- Я вышлю тебе чек.

Дженифер покачала головой.

-- Нет, лучше подожди, пока я приеду в Нью-Йорк, тогда приглашишь меня пообедать. Хочу знать, чем все кончится.

-- Все уже кончилось.

Дженифер улыбнулась.

-- С Элен -- точно... и, вероятно, с Алленом. Но не с Лайоном. Во всяком случае, если судить по твоему виду, когда ты говоришь о нем.

-- Но как я могу вернуться к нему теперь, после того, что мне рассказала Элен?

Дженифер недоверчиво посмотрела на нее.

-- Хочешь сказать, что тебя это сильно волнует? Ты что же, думала, что и он окажется девственником?

-- Нет, но Элен... Мне казалось, что она вовсе не нравится ему как женщина.

-- Ну, возможно, шесть лет назад он был о ней более высокого мнения. Вероятно, она произвела на него сильное впечатление. Понимаешь, он только начал работать у Генри Боллами, стремился достичь успеха. Я не виню его за то, что у него было с Элен, -- вероятно, ему просто пришлось это сделать, а вот ее -- виню. За то, что оказалась такой свиньей и швырнула это тебе в лицо, зная о твоём отношении к Лайону.

-- Но она утверждает, что он быстро бросает...

-- Анна, я уверена, что все мужчины быстро бросают Элен. Из чувства гордости она предпочитает считать, что бросивший ее мужчина точно так поступает с каждой. Она даже на самообман пошла, внушив себе, что Джинно от нее без ума. Анна, я уверена, что у Лайона к тебе серьезно. Может быть, пока это еще и не любовь, но... серьезно.

-- Но я же теперь все погубила. Он бросил меня.

-- А он, возможно, считает, что это ты его бросила. В какой-то степени так оно и есть: ведь ты предпочла ему Элен.

-- Не предпочла. Мне стало жаль ее. Она была мне подругой.

-- Тоже мне подруга!-- поморщилась Дженифер.-- Послушай, завтра, когда увидишь Лайона, будь пайнкой. Пусть в глазах стоят слезы. Скажи ему, что поняла, как глупо поступила, приняв свои отношения с Элен за дружбу. Поддай себя любящей -- любящей и страдающей. И, бога ради, не вздумай заикнуться, что Элен рассказала тебе про него и себя!-- Она пошла с Анной к двери.-- Запомни, есть только один способ владеть мужчиной -- заставить его хотеть тебя. И не на словах. Заруби это себе на носу. Вообще-то мне следовало бы связать тебя и не отпускать никуда несколько дней, чтобы ты не напортачила чего.

-- Нет, я хочу вернуться.

-- Анна... Ты мне нравишься. Мы станем хорошими подругами. Мне тоже нужна настоящая подруга. Поверь мне и делай, как я сказала, если хочешь Лайона.

Анна слабо улыбнулась.

-- Попробуюсь, Дженифер, попробуюсь...

Дороге в Нью-Йорк, казалось, не будет конца. Когда электричка подошла, наконец, к перрону, было уже утро и солнце светило восточно... Из вагонов повалили пассажиры, севшие в пригородном Лонг-Айленде.

Времени едва хватило, чтобы принять ванну и позавтракать. Пока она ехала в такси, глаза у нее слипались, а когда она поднималась к себе по лестнице, ноги налились свинцовой тяжестью.

Под дверью белел уголок телеграммы. Лайон! Только бы от него!

Она вскрыла конверт.

"Вчера вечером тихо скончалась тетя Эми. Похороны среду. Было бы хорошо, если бы ты смогла приехать. С любовью -- мама".

Невидящими глазами она смотрела на телеграмму. Как это похоже на мать! Не "приезжай, пожалуйста", не "ты нужна мне", а "было бы хорошо...".

Так вот, она не поедет. Матери это почти безразлично, просто это "будет хорошо" в глазах Лоренсвилла. Но она уже не принадлежит этому городу... она принадлежит Лайону. Повинуясь безотчетному порыву, она набрала его номер. На пятом гудке он снял трубку. Голос его был сонным. Ее охватила ярость. Она протряслась всю ночь в холодной пригородной электричке, а он преспокойно спал себе...

-- Алло.-- Он уже окончательно проснулся, но говорил с раздражением. До ее сознания вдруг дошло, что она держит трубку и ничего не говорит.

-- Алло... вы слышите?-- прерывисто спрашивал голос Лайона на другом конце провода.

Она испугалась -- он, похоже, сердился.

-- Это ты, Элизабет?

Элизабет? Она тупо уставилась на аппарат.

-- Ну, хватит. Это уже детские штучки,-- холодно проговорил Лайон. -- Элизабет, если хочешь говорить, скажи что-нибудь, или я кладу трубку.

Подождав секунду, он со щелчком положил трубку.

Элизабет? Кто такая Элизабет? Ей стало больно от внезапного осознания того, что у Лайона есть своя полнокровная жизнь, о которой она ничего не знает. И в самом деле, ведь она знает его только четыре дня. Боже, неужели прошло всего-навсего четыре дня?! Конечно, у него есть эта Элизабет... и, вероятно, много таких элизабет.

Анна дала по телефону телеграмму матери, что выезжает немедленно. Затем узнала расписание поездов -- ближайший на Бостон отходил в девять тридцать. Побросала в сумку кое-что из вещей. Сейчас восемь тридцать, она успеет еще заехать в банк и снять деньги со счета. Но их контора еще закрыта. Нужно сообщить Генри, что ее сегодня не будет. Она опять набрала номер телеграфа.

"Дорогой Генри. Вынуждена уехать личным обстоятельствам. Вернусь пятницу все объясню. Анна".

Она уехала поездом на Бостон, так и не узнав, что ее вторая телеграмма будет истолкована совершенно превратно.

Генри Бэллами яростно скомкал телеграмму. "Черт возьми! Наверняка сбежала с Алленом Купером". Свои подозрения он держал при себе, однако вдруг поймал себя на том, что необычно резок с мисс Стейнберг и с остальным персоналом. В пятницу, войдя в контору и увидев Анну за письменным столом, он воззрился на нее в восторженном изумлении.

-- Ты вернулась!-- воскликнул он.

-- Я же телеграфировала, что вернусь в пятницу.

-- Я был уверен, что ты выходишь замуж,-- сказал он.

-- Замуж?-- повторила она.-- За кого?

-- Просто я думал...-- На лице Генри появилось глуповато-рассеянное выражение.-- Я боялся, что ты сбежала с Алленом.

-- Сбежала? У меня умерла тетя, и мне пришлось срочно ехать в Бостон. Контора еще не открылась, и я дала телеграмму. Кто сказал, что я сбежала?

Вместо ответа Генри обнял ее.

-- Ладно, хватит об этом. Ты вернулась, и я очень рад.

Именно в эту минуту вошел Лайон. Увидев ее, он резко остановился. Генри отпустил ее и облегченно, с мальчишеской радостью повернулся в его сторону.

-- Она вернулась, Лайон...

-- Да, вижу,-- голос Лайона звучал ровно, без эмоций.

Анна опустила глаза.

-- Извините, если вы меня неправильно поняли.

-- У нее тетка умерла,-- восторженно заявил Генри. И тут же, придав своему лицу подобающе скорбное выражение, добавил: -- Соболезную тебе, Анна.-- Он обратился к Лайону: -- В Бостон она ездила только на похороны.

Лайон улыбнулся и прошел к себе в кабинет.

-- Зайди ко мне,-- пригласил ее Генри.-- Хочешь кофе? Прибавку к жалованью? Все, что угодно, только скажи,-- так я счастлив.

Загудел зуммер селектора у него на столе. Он щелкнул переключателем, и Анна услышала голос Лайона: "Генри, ты не мог бы послать ко мне Анну с контрактом Нили О'Хара?"

Подмигнув Анне, Генри выключил селектор. Он открыл картотечный шкаф, порылся в бумагах.

-- Берем под опеку твою маленькую подружку. У нее нет своего покровителя. В будущем ей ничего особо не светит, разве что на сцене, но мы берем ее из-за тебя.-- Он протянул бумаги Анне и показал на дверь в кабинет Лайона.

Лайон встал, когда она вошла к нему.

-- Надеюсь, Генри сказал тебе, что мы берем Нили под свое крыло. Она настаивает, говорит, что это даст ей почувствовать себя звездой.

-- Да, Генри сказал мне,-- ответила Анна, не поднимая глаза от бумаг.

Он подошел к ней и взял документы.

-- А он не сказал тебе еще, что последние четыре дня я ходил совершенно потерянный?

Она подняла взгляд, и он заключил ее в объятия.

-- Ах, Лайон, Лайон...-- Она прильнула к нему.

-- Прими мои соболезнования насчет тети. Никто из нас не знал, почему ты уехала... Генри вел себя так, словно ты вообще уже не вер-

нешься. А я никак не мог поверить в это. Отказывался верить, что ты ушла из моей жизни. Я понимаю, Анна, что поступил отвратительно. Я должен был подождать тебя в ту ночь. Элен -- твоя подруга, и...

-- Нет, это я была неправа. Никогда и ни в чем я не буду больше отодвигать тебя на второй план. Элен не стоила того, и никто не стоит этого. Ах, Лайон, я так люблю тебя.

-- И я люблю тебя, Анна.

-- Любишь! О, Лайон, правда, любишь?-- Она еще сильнее прижалась к нему.

Он поцеловал ее в темя.

-- Правда-правда,-- скороговоркой проговорил он.

Но, посмотрев на него, она поняла, что он говорит то, что думает. И снова она сказала себе, что никогда в жизни не будет счастливее.

Оба выходных дня Анна провела в квартире Лайона. Она страстно и исступленно отвечала на все его ласки в постели. Во вторую ночь сладкая судорога внезапно пробежала по ее телу. Чуть приподнявшись, она изогнулась и через несколько мгновений обессиленно откинулась на спину. Нежно обнимая, Лайон поглаживал ее волосы.

-- Ах, Лайон, у меня наступило.-- Она еще немного вздрагивала.

-- В первый раз,-- сказал он.

-- А то я уже начала беспокоиться, все ли у меня нормально.

-- И совершенно напрасно: в самом начале девушка очень редко испытывает что-то по-настоящему или достигает оргазма.

Она покрыла его лицо страстными поцелуями.

-- Я нормальная, Лайон... Я -- женщина!

В ту ночь Анна вела себя в постели агрессивно. Она никогда даже не мечтала о том, что ее физическая страсть по своей интенсивности может сравняться с ее чувствами, поэтому и обрадовалась, и испугалась одновременно. Она не только любила Лайона за то, что он -- Лайон, она жаждала его физически. Любовь ее стала ненасытной.

И лишь одна неотступная мысль отравляла ей эти два восхитительных дня: в понедельник ей нужно было явиться в суд и свидетельствовать на бракоразводном процессе Дженифер.

-- Анна, я знаю, что тебе крайне неприятно это делать,-- говорил ей Генри.-- Но ты -- единственная, кому я полностью доверяю. У Дженифер в Нью-Йорке никого нет. Она не знает здесь ни одной девушки. Все будет хорошо и закончится так быстро, что ты и понять ничего не успеешь. Не переживай из-за этого, просто будь на работе в девять тридцать. В суде нам нужно быть в десять тридцать. Дженифер приезжает из Филадельфии на весь день. А перед тем, как поехать в суд, мы все отрепетируем в конторе.

В выходные она несколько раз заговаривала об этом. Даже в объятиях Лайона она нет-нет да и вспоминала о том, что ей предстоит.

-- Послушай, ты вовсе не обязана это делать, если тебе действительно так неприятно,-- сказал Лайон.

-- Понимаю, что это глупо, Лайон, но я боюсь. Ведь это самое настоящее лжесвидетельство, разве нет?

-- Строго говоря, да, но такое совершается изо дня в день. Я хочу сказать, что всем это безразлично, даже самому судье. Но если это идет вразрез с твоими принципами, возьми и объясни все Генри. Если понадобится, он договорится с мисс Стейнберг.

-- Почему же он тогда сразу ее не попросил?

-- Он думал об этом. Естественно, прежде всего нам в голову пришла мысль о ней. Но много ли нам это давало, даже если судья будет на нашей стороне? Разве Дженифер Норт похожа на такую девушку, которая подружилась бы с мисс Стейнберг и стала бы верить ей все самое сокровенное?-- Он потянулся к телефону.-- Не беспокойся об этом. Я сейчас позвоню Генри. Ты решительно ничем не обязана ни Генри, ни Дженифер Норт, почему же ты, черт возьми, должна...

-- О боже!-- она села в кровати.-- Не звони Генри.

-- Почему?

-- Я очень обязана Дженифер. Среди всего прочего и за ее десять долларов. Совсем забыла: она одолжила мне денег на обратный билет из Филадельфии.-- Анна уже рассказывала ему об инциденте с Элен Лоусон, тщательно избегая упоминания о том, что Элен говорила о нем. Но она совсем забыла рассказать, с каким сочувствием отнеслась к ней Дженифер, как выручила ее.-- Я хотела отослать ей деньги. Но когда я приехала в Нью-Йорк, пришла телеграмма, и я сразу же уехала в Лоренсвилл.

-- Ну, можешь не беспокоиться. Уверен, что десять долларов Дженифер не волнуют. Я ей отдам их завтра.

-- И все равно, она очень хорошо отнеслась ко мне в ту ночь. Думаю, что выступить на суде в ее пользу -- это самое малое, что я могу для нее сделать.

-- Очень хорошо, раз ты считаешь, что это сравняет счет. Анна посмотрела на него.

-- Какое-то отсекающее выражение, Лайон. Оно словно ставит точку на твоих отношениях с человеком, как оплаченный счет. Помню, как ты употребил его в разговоре со мной. Будто захлопнул дверь перед самым моим носом.

-- С тобой? Когда?

-- Когда я благодарила тебя за Нили, за то, что ты помог получить ей работу. Ты сказал тогда, что это сравнивает счет за то, что я достала тебе эту квартиру.

-- Теперь это наша квартира,-- сказал он.

Она посмотрела на него, и взор ее затуманился.

-- Наша квартира?

-- А почему бы и нет? Если, конечно, ты не слишком привязана к своей комнате на Пятьдесят второй стрит. Места здесь, по-моему, достаточно, а я вполне уживчивый парень.

Она обвила его руками.

-- Ах, Лайон! Мы знаем друг друга совсем недолго, но я считаю, что знала это давно. Знала с того самого момента, как мы встретились, что ты единственный мужчина, за которого мне захочется выйти замуж.

Он осторожно высвободился из ее объятий.

-- Я прошу тебя переехать ко мне, Анна. Это все, о чем я сейчас могу тебя попросить.

Она отвернулась от него, скорее озадаченная, чем обиженная. Взяв ее за плечи, он нежно повернул ее к себе лицом.

-- Анна, я действительно люблю тебя.

Она попыталась проморгаться, чтобы убрать с глаз непрошенные слезы, но они прорвались в ее голосе.

-- Когда люди любят друг друга, они женятся.

-- Возможно, в Лоренсвилле, где все решается с самого рождения и с будущим все ясно заранее.

-- У тебя с будущим тоже все ясно. Генри верит в тебя...

-- Я сам не знаю наверняка, хочу ли я оставаться с Генри. Я вдруг понял, что вообще ничего не знаю наверняка, но я наверняка не хочу жить жизнью Генри.-- Лайон задумался.-- Видишь ли, после войны я решил, что не вернусь к Генри и к старому образу жизни. Однако же вернулся, и энтузиазм Генри передался мне. Я почти вписался в свою старую модель. А потом мы пообедали с тобой в "Барберри Рум". В тот день ты дала мне хорошую встряску -- заставила задуматься. Потом -- выходные дни в Нью-Хейвене и история с Тэрри Кинг.-- Он покачал головой.-- Потом оглушительный удар, когда ты исчезла. Я начал тщательно разбираться во всем, давая свою оценку происходящему, и принял, наконец, решение. Я хочу попробовать написать эту книгу.

-- Замечательно, Лайон. Но как этому может помешать женитьба?

-- Ну, скажем, у меня все еще старомодные понятия на этот счет. Я убежден, что муж обязан содержать свою жену. Если бы я женился на тебе, то с головой бы ушел в работу у Генри -- это стопроцентно. Зарабатывал бы много денег, но ничего хорошего из нашего брака не получилось бы.

-- Ты собираешься уйти от Генри?

-- К сожалению, не могу. У меня отложена сумма, достаточная для того, чтобы прожить, не работая, несколько месяцев, но риск слишком велик. Я останусь у Генри и буду писать книгу в свободное время. Несколько часов оторву ото сна... в выходные... Это не идеальный вариант, но, к сожалению, в данный момент -- единственный: у меня нет загородного дома для уединения. И я вполне отдаю себе отчет, что впереди слишком много неопределенного. Даже если книгу примут, аванс неизвестному писателю выплатят небольшой. На выпуск книги уходит от полугода до восьми месяцев, и бывает, что даже хорошая книга приносит автору очень мало денег. Книжки, с ходу становящиеся бестселлерами, -- редчайшие исключения. Так что передо мной альтернатива: остаться у Генри и работать в свободное время или же найти богатую старуху, чтобы она субсидировала меня.

-- Я не старая и не богатая, но немного денег у меня есть, и я могла бы работать.

Он запустил руку в ее волосы, наблюдая, как их тяжелый шелк ниспадает ей на плечи, струясь между пальцами.

-- На то громадное жалованье, что тебе платит Генри, и на мои сбережения мы все равно не сможем снимать эту квартиру.

-- Но я же сказала тебе: у меня есть деньги -- пять тысяч, которые мне оставил отец, и я только что унаследовала семь тысяч от тети. Это двенадцать тысяч, Лайон, -- более чем достаточно.

Он присвистнул.

-- Боже правый, я подцепил богатую наследницу. -- Он нежно поцеловал ее. -- Анна, я по-настоящему тронут. Но это не поможет. Сейчас я еще не знаю наверняка, сумею ли я писать. Не уверен, что книга вообще получится хорошей. Сейчас, вот в этот самый момент, никак не меньше полумиллиона бывших военнослужащих американской армии сидят за пишущими машинками и выстукивают свои собственные версии боевых действий в Нормандии, на Окинаве, описывают воздушные бои над территорией Великобритании. И каждому из нас в самом деле есть что сказать. Вопрос лишь в том, кто скажет первым и кто скажет лучше всего.

-- Я уверена, что ты сможешь писать, -- убежденно сказала она. -- Я просто знаю это.

-- Тогда ты знаешь больше, чем я сам, и это восхитительно, ты веришь в меня... и я люблю тебя за это.

-- Лайон... после того как ты закончишь книгу, ты женишься на мне?

-- Буду счастлив предложить тебе руку и сердце... если книга окажется хорошей.

Она немного помолчала.

-- Но ты же сам сказал... даже хорошая книга не всегда приносит деньги.

-- Я не говорил, что деньги -- главное. Если книга получится, я продолжу писать, даже если она не принесет мне ни цента. Я бы работал еще упорнее, потому что знал бы, что это не пустая розовая мечта, и мы как-нибудь выкарабкались бы. Но если ее не примут ни в одном издательстве, тогда я с удвоенной энергией примусь за работу у Генри. Стану прежним Лайоном Берком и наверстаю зря потраченные годы... Вот только не уверен, понравлюсь ли я тебе такой.

-- А что собой представлял прежний Лайон Берк?

Он на мгновение задумался.

-- Ни единой минуты, потраченной впустую. Да, наверное, именно это и было главным. Я никогда и ничего не предпринимал, не обдумав заранее. Даже этого... -- Его рука погладила ее левую грудь.

В ушах у нее зазвенел пронзительный голос Элен. Так, значит, это правда -- тот прежний Лайон вполне мог иметь роман с Элен.

Лайон обнял ее.

-- Но прежний Лайон погиб на фронте или, может быть, умер в ту самую ночь, когда боевой товарищ рассказывал ему о персиковых деревьях. Если так, то... возможно, тот потратил свою последнюю ночь не зря.

Анна обвила его руками.

-- Назад тебе пути нет. Особенно раз ты так говоришь. Если эта книга не получится, будешь работать над следующей, потом над другой. Ты -- то, что представляешь собой сейчас, и ничто не в состоянии изменить тебя, сделать прежним. Если ты хочешь работать у Генри и писать, я буду ждать. И буду ждать всегда, пусть на это уйдет хоть дюжина книг. Только оставайся самим собой.

-- Не знаю, так ли уж здорово -- быть таким, каков я есть. Но это лучше, чем быть Генри Бэллами. А именно к этому я и шел. Более того, я бы даже превзошел Генри, потому что не был бы таким хорошим человеком, как он. Генри колеблется, тратит время на жалость и сострадание. Я же прямолинеен. Я стал бы увеличенной копией Генри -- крупный успех в карьере и поражение в личной жизни.

-- Вот, значит, как ты думаешь о Генри?

-- Тридцать лет Генри боролся, чтобы достичь того положения, которое занимает сейчас. Ты, наверное, называешь это вершиной. Но слово это затертое от чрезмерного употребления. Сам он называет его Эверестом. Вот где он находится и в материальном и в профессиональном смысле. А как же его личная жизнь? Если бы в справочнике "Кто есть кто" поместили статью о Генри, то его достижениям в театральной сфере и сфере бизнеса было бы посвящено несколько абзацев. Что же касается личной жизни -- всего одна строчка: "холост, родственников нет". Короче говоря, никакой жизни, кроме бизнеса. Один на вершине Эвереста.

-- Но ты лишь подтверждаешь мою точку зрения, Лайон: Генри слишком затянул с женитьбой, и ты делаешь то же самое.

-- Нет. Потому что на Эвересте брак лишается всякого смысла. Существуют мужчины, подобные Генри, которые женятся, имеют семью и детей, но личная жизнь у них в точности такая же. В конце концов, предположим, что Генри в свое время женился на хорошей девушке, не связанной с бизнесом. Сейчас его дети были бы уже женаты или замужем, воспитывали бы собственных детей. Жена проводила бы каждую зиму во Флориде. Поначалу она постоянно пилила бы Генри за его нервную, суматошную работу, но к этому времени уже примирилась бы с тем, что живет с ним фактически врозь, как это и было у них всю жизнь. Успокаивала бы себя тем приятным, что приносит в семью его работа и профессионализм: огромная квартира или дом в городе, меха, весь образ жизни. Вокруг полным-полно таких генри, которые, хоть и женились в свое время, но так и остались одинокими на своей вершине. Им приходилось быть одинокими, потому что на своем пути наверх они отдаляли от себя всех. В этой бешеной гонке приходится лгать, мошенничать, торговать собой и прибегать ко всяческим нечи-

стоплотным приемчикам, на какие ты только способен, чтобы забраться туда, где сейчас находится Генри. Этого требует наш бизнес. Именно против этого и направлен мой монолог. Не против Генри лично, а против того, во что превращается всякий, кто занимается этим бизнесом достаточно долго.

Они немного помолчали. Первым заговорил Лайон.

-- Извини, что я так раскричался.

-- Нет, я рада. Я стала лучше понимать тебя. Меня беспокоит только одно...

Он с нежностью посмотрел на нее.

-- И что же?

-- Когда ты все-таки женишься на мне?

Он громко рассмеялся.

"Интересно, -- подумалось ей, -- осознает ли он сам, до чего красив, когда смеется вот так?" Она не знала никого, кто смеялся бы именно так -- от души, откидывая голову назад. Смех был такой прекрасной оправой всей его внешности.

-- Вот что я тебе скажу: ты будешь первой, кто прочтет мою законченную рукопись, и тогда ты сама скажешь мне это.

Она крепко прижалась к нему.

-- Посплю-ка я, -- прошептала она. -- Завтра у меня много дел.

-- Да, да, завтра надо идти в суд.

-- М-м-м... Лайон... у тебя есть запасной ключ от этой квартиры?

Он стиснул ее в своих объятиях.

-- Я закажу. Значит, ты все-таки переезжаешь?

-- Нет, но завтра утром я привезу тебе пишущую машинку и несколько пачек бумаги. Новенькую сверкающую машинку. Это будет моим свадебным подарком.

-- Я приму его... при одном условии -- ты переезжаешь ко мне.

-- Нет. Я буду приходить и оставаться у тебя, как сейчас, когда ты захочешь. Буду проводить с тобой выходные и печатать твою рукопись. Но жить с тобой не буду. Я буду жить для тебя и... ждать.

Он поцеловал ее в лоб.

-- Как адвокат я должен предупредить тебя, что ты извлекаешь из нашего договора минимум выгоды. Но как твой любовник обещаю, что постараюсь сделать все, чтобы не разочаровать тебя.

Судебное заседание оказалось совсем коротким. Все опасения Анны тут же улетучились, едва она увидела всю эту накатанную процедуру. Генри передал судье какие-то бумаги. Судья сделал вид, что читает их, обе стороны обменялись вопросами, Дженифер выступила с заготовленной речью, Анна произнесла свой текст. Менее чем через десять минут Дженифер получила развод.

Генри пригласил девушек пообедать. Сам он ел торопливо.

-- Меня ждут дела, но вы обе посидите и все обговорите. Анна, на работу сегодня можешь не приходить.

Едва Генри ушел, Дженифер с любопытством спросила:

-- Ну, рассказывай, как у вас обернулось с Лайоном.

Дженифер внимательно слушала Анну, и та поведала ей обо всем, что произошло. Анна сама удивлялась, с какой легкостью и быстротой она полностью доверилась Дженифер. В той было нечто такое, что вызывало на откровенность и располагало к доверию. Дженифер покачала головой.

-- Не слишком-то он управляемый. Так ты не сможешь держать его в руках.

-- Но я и не собираюсь ни держать его в руках, ни управлять им.

-- Я имею в виду не совсем это. Мужчина должен чувствовать, что всем руководит он, но если ты управляешь собой, тем самым ты управляешь и им. Сделай так, чтобы он надел тебе кольцо на палец, и вот уж тогда становись, если пожелаешь, его рабыней.

Анна посмотрела на свою руку без перстня.

-- Это несущественно. Самый большущий перстень из тех, что ты когда-либо видела за свою жизнь, лежит у меня в банковском сейфе.

Дженифер как-то по-новому, с уважением посмотрела на нее.

-- Хочешь сказать, что тебе удалось отделаться от Аллена и оставить себе перстень?

-- Он не захотел принять его обратно.

Дженифер покачала головой.

-- Ты, должно быть, вытворяешь в постели что-то необыкновенное.

А уж я-то о себе думала, что умею все.

-- Я ни разу не была в постели с Алленом.

На мгновение Дженифер лишилась дара речи.

-- Вот это и есть самое необыкновенное. Для Аллена ты оказалась твердым орешком.

-- Ну-у, боюсь, что для Лайона я никакой не орешек.

-- И тем не менее, я скрещу за тебя пальцы, чтобы не сглазить. По крайней мере, одно ты сделала правильно -- отказалась переехать к нему жить. Я делаю то же самое с Тони Поларом. Он хочет, чтобы я оставила шоу и повсюду ездила с ним. И тоже о женитьбе ни слова. Но кочевая жизнь, ты же знаешь, не по мне. Кстати, у тебя большая квартира?

-- Одна комната. Я живу в доме с меблированными комнатами, там же, где и Нили.

-- Когда шоу пойдет в Нью-Йорке, мне совершенно негде будет жить, -- сказала Дженифер. -- Вот было бы здорово, если бы мы могли снять квартиру на двоих.

-- Было бы замечательно, но боюсь, мне будет не по карману платить за квартиру даже половину суммы.

-- Слушай! -- глаза у Дженифер блеснули. -- Меня осенила грандиозная мысль. Ты говоришь, у Нили есть комната. А что если мы снимем квартиру на троих? Тогда нам это было бы по средствам.

-- Я бы очень этого хотела, -- ответила Анна.

-- Через три недели мы возвращаемся в Нью-Йорк. Может, к тому времени ты подыщешь что-нибудь?

-- Поищу, но это трудновато. Для Лайона я сразу же нашла квартиру, но мне помог Аллен.

Голубые глаза Дженифер превратились в две узкие щелочки.

-- Анна, что ты намерена делать с перстнем?

Анна пожала плечами.

-- Наверное, оставлю пока в сейфе. У меня нет никакого желания носить его.

-- Просто оставишь его лежать? Когда он мог бы приносить тебе доход?

-- Как это?

-- Продай его, а деньги вложи во что-нибудь.

-- Но ведь он принадлежит не мне.

-- Ты предложила вернуть перстень, а он не взял его. Теперь эта вещь твоя. И ты заработала ее. Всякий раз, когда ты делишь компанию с мужчиной, которого не выносишь, ты должна что-то иметь за это. Продай его.

Анна подумала о Лайоне. Возможно, Дженифер и права. В конце года, если книга не получится, а у нее будут реальные наличные деньги...

-- Может быть, ты и права. Я могла бы продать перстень, положить деньги в банк, и пусть набегает проценты.

-- Не вздумай, -- заявила Дженифер. -- Продай перстень и попроси Генри Бэллами вложить деньги во что-нибудь на рыночных условиях. Через несколько лет эта сумма удвоится. После войны курс на рынке всегда повышается.

-- А это не рискованно?

-- Сейчас -- нет. И если это сделает для тебя Генри -- тоже нет. Он говорил мне, что на рынке скоро возникнет бум. Жаль, что у меня совсем нет денег. Ни гроша -- только то, что на мне, и что зарабатываю, участвуя в шоу. Но попади мне в руки крупная сумма, уж будь уверена, -- я сразу же поручу Генри вложить ее во что-нибудь повыгоднее.

Остаток
дельфии. Пр
привезти шо
терпелось вы
что шоу и здо
ские критик
Дженифер
премьерой. Ф
местом для в
одну из своих
ту, умоляюще
-- Уже три
нужно хоть н
-- Завтра т
замечательн
-- Холодно
том, спиртно
кока-колы, то
-- Как теб
тельно посмо
Дженифер
-- То, что
лее, чем в мо
-- Позволь
-- Ты уже
-- А что, с
-- Когда я
ше улыбнула
-- В какое
-- Около ш
-- А потом
-- И потом
фер шагнула
Под дверью
стного крити
Кливлендом.

Дженифер

Декабрь 1945

Осталось дать еще три представления "Небесного Хита" в Филадельфии. Предсказания Генри сбылись: им удалось миновать Бостон и привезти шоу в Нью-Йорк раньше, чем планировалось. Труппе не терпелось выступить с премьерой в Нью-Йорке -- все были уверены, что шоу и здесь станет хитом, -- но напряжение было велико: нью-йоркские критики непредсказуемы, и ничего нельзя сказать заранее.

Дженифер уже забыла истеричную атмосферу, царившую перед премьерой. Филадельфия оказалась самым что ни на есть выгодным местом для выступления. Она стояла в холле своего отеля, излучая одну из своих ослепительных улыбок настойчивому местному адвокату, умолявшему ее выпить с ним на прощание.

-- Уже три часа ночи, -- отговаривалась она усталым тоном. -- Мне нужно хоть немного поспать:

-- Завтра ты можешь спать весь день напролет. Пошли, я знаю один замечательный ночной клуб -- он недалеко, на этой же улице.

-- Холодно. И я хочу немного поспать, Робби, честное слово. И потом, спиртного я не пью, а если закажу хотя бы еще одну бутылочку кока-колы, то просто лопну.

-- Как тебе может быть холодно в такой шубе? -- Он многозначительно посмотрел на ее новую бобровую шубу.

Дженифер любовно провела по меху рукой.

-- То, что ты ее мне подарил, очень мило. В ней действительно теплее, чем в моей норке. Но я должна хоть немного поспать.

-- Позволь, тогда я пойду с тобой, -- взмолился он.

-- Ты уже был со мной вчера ночью, Робби.

-- А что, есть какое-то правило насчет второй ночи?

-- Когда я работаю -- да. Позвони мне завтра. -- Она многообещающе улыбнулась.

-- В какое время?

-- Около шести. Мы поужинаем перед представлением.

-- А потом?..

-- И потом... -- кивнула она. Послав воздушный поцелуй, Дженифер шагнула в лифт.

Под дверью ее номера на полу валялись письма. Одно было от известного критика. В двух телефонограммах ее просили соединиться с Кливлендом, с междугородной 24. Ну, сейчас звонить матери уже поздно. Она посмотрела на время отправления последней телефонограммы из Кливленда -- час тридцать. Даже у ее матери не хватит терпения так долго ждать звонка. Было еще письмо от Анны: та уже подпи-

сала договор о найме квартиры, и все обстояло прекрасно. Дженифер завидовала ее любви к Лайону. Как прекрасно, должно быть, испытывать такое чувство. Но, с другой стороны, если на этом свет сойдется клином, не сможешь заниматься кое-чем еще. Она погладила мех своей новой бобровой шубы -- всего одна ночь с Робби. Вот для чего тебе дано роскошное тело -- чтобы получать все, что тебе захочется. Интересно, а как бывает, когда относишься к мужчине по-серьезному, когда любишь такого, как Лайон Берк? Лайона было бы легко любить... она уже думала об этом, когда они впервые встретились.

-- Мы успеем сегодня на премьеру Тони Полара, -- сказал ей тогда Генри. -- Ты должна чаще бывать на людях, нарабатывать себе известность. Я уже договорился с Лайоном Берком, чтобы он сопровождал тебя. А я буду с Элен.

К такому мужчине, как Лайон, Дженифер оказалась неподготовленной. Ее захлестнула волна возбуждения от знакомства с женщиной, которого -- она это ясно сознавала -- ей хотелось для собственного удовольствия. Она уже настроилась провести ту ночь с ним, но тут возник Тони Полар. Это был напряженный момент: решать надо было быстро. Тони -- в центре всеобщего внимания; Тони поет для нее; все в зале смотрят на них; застывшая улыбка на ее лице; она испытывает на себе магнетизм Лайона Берка и вместе с тем физически ощущает объятия, которые на глазах у всех раскрывает перед нею Тони Полар. Как мужчина Тони не выдерживал сравнения с Лайоном. "Они -- ровесники, обоим около тридцати, -- думала она. -- Но один так навсегда и останется мальчишкой, тогда как другой давно уже стал мужчиной. Однако Лайон Берк -- всего-навсего адвокат, а Тони -- звезда". Это и определило ее выбор...

Она разделась, небрежно бросила одежду на кресло. Может, она и позволит Робби остаться завтра на ночь. Ей хватило бы и нового вечернего платья. Она поморщилась. До чего же он непривлекателен и как натушно пыхтит. Но ей нужно кое-что из одежды, а мужчины с такой внешностью, как у Робби, всегда бывают щедры. Им приходится быть щедрыми. И вот теперь Лайон Берк... Но он роскошь, которую она не может себе позволить. Казалось, какой-то неведомый механизм щелкнул у нее в мозгу, автоматически исключая такой непрактичный поступок с точностью вычислительной машины компании Ай-Би-Эм, словно поставив незримую преграду ее чувствам, которые могли бы осложнить принятие решения.

У нее бывало так отнюдь не всегда. Поначалу чувства одерживали над нею верх. Но это было давным-давно; сейчас же решения принимались ею автоматически. И опять она подумала о Лайоне Берке. Как плохо, что в ту ночь все наложилось одно на другое. В ту ночь это должен был быть либо Лайон, либо Тони, и выбирать между ними не приходилось.

Лайон, казалось, все понял. Ее вдруг поразила новая мысль: "Мы с ним похожи!" Ну, конечно же, в этом и заключается ответ: это она са-

ма -- роскошь, которую он не может себе позволить. Внезапно ее осенила еще одна новая и совершенно неожиданная мысль: "А что если я просто-напросто не понравилась Лайону?" Но это уже было бы совсем смешно. Она нравится всем мужчинам без исключения. Сбросив бюстгальтер и трусики прямо на пол, Дженифер встала перед зеркалом в полный рост. Придирчиво, словно врач, она обследовала свое тело -- оно было, как всегда, идеальным. Повернувшись боком, она внимательно посмотрела на груди в профиль -- они стояли прямо, как всегда. Сложив ладони вместе, она методично, двадцать пять раз, проделала упражнение для укрепления мышц груди. Достала из аптечки большую банку кокосового масла и почти с хирургической точностью начала втирать его в каждую грудь мягкими, но вместе с тем сильными движениями снизу вверх. Затем столь же тщательно сняла всю косметику с лица. Завершив эту процедуру, она открыла другую баночку и нанесла немного крема под глаза. Достав из ящичка треугольный пластырь, она приклеила его между глазами к переносице. Затем еще двадцать пять раз проделала упражнение для мышц груди и облачилась в просторную ночную рубашку.

Дженифер посмотрела на часы. Боже мой, уже почти четыре, а ей все еще не хочется спать. Становилось холодно. Когда в этом отеле включают тепло? Она забралась под одеяло и просмотрела утренние газеты. Публиковались две ее фотографии; одна была передана по телеграфу, на ней она была с Тони. Тони! Он бы уже давно предложил ей выйти за него замуж, если бы не его сестра. При мысли о Мириам Дженифер нахмурилась. От движения мышц лица пластырь тут же напомнил о себе, натянув кожу, и она сразу же расслабилась. Что же ей делать с Мириам? Как от нее избавиться? Если бы в тот раз Тони не стремился так пылко затащить ее в постель, ей бы вообще никогда не удалось остаться с ним наедине. Подумать только -- всего один-единственный раз, когда им удалось отделаться от Мириам.

Робко зазвонил телефон, словно боясь потревожить человека в такое время. Она с надеждой сняла трубку. Иногда Тони тоже до самого рассвета не ложится спать. Но это звонили из Кливленда. Со вздохом она согласилась на разговор с оплатой по номеру вызова.

-- Джен...-- проговорила мать.-- Я не могла дозвониться до тебя.

-- Я только что вошла, мама. Подумала, что слишком поздно звонить тебе.

-- Ну разве я могу уснуть? Я так расстроена. В кливлендских газетах о тебе много писали. Говорят, что ты не получила со своего принца ни цента.

-- Да, это верно.

-- Джен, ты с ума сошла! Ты же знаешь, в будущем году Джон уходит на пенсию. А на одну его пенсию мы не проживем. И сейчас-то еле сводим концы с концами.

-- Мама, я на прошлой неделе посылала вам пятьдесят долларов. И пришлю еще пятьдесят на этой неделе, как только получу деньги.

-- Понимаю, но бабушка заболела, пришлось срочно везти ее к врачу, а еще у нас сильно протекает мазутная печь и...

-- Я посмотрю, смогу ли выслать больше, мама.-- Она опять подумала о Робби.-- Но за участие в шоу я получаю всего сто двадцать пять долларов минус страховка и подоходный налог.

-- Джен, я не стала бы перебиваться с хлеба на воду и ограничивать себя решительно во всем, посылая тебя учиться в Швейцарию, если бы знала, что ты станешь заурядной хористкой с таким вот заработком.

-- Ты никогда не перебивалась, мама: ведь эти деньги мне оставил отец. А в Швейцарию ты отправила меня лишь для того, чтобы разлучить с Гарри.

-- Потому что я была убеждена, что ты не должна быть бедной малышкой Джаниет Джонсон, женой механика из гаража.

-- Гарри был не простым механиком. Он учился на инженера, и я по-настоящему любила его.

-- Так вот, он до сих пор механик с вечной грязью под ногтями и тремя вечно чумазыми детишками. Гарриет Айронс была у нас когда-то одной из самых красивых девушек -- она же твоя ровесница, -- а сейчас, после того как вышла за него, выглядит на все сорок.

-- Мама, ну как девушка в двадцать пять лет может выглядеть на сорок?

-- Когда у девушки нет за душой ни гроша и она выходит замуж по любви, она очень скоро старится. Любовь быстро проходит. Мужчин нам нужно только одно. Вспомни-ка своего отца.

-- Мама, это же междугородный разговор, -- устало сказала Дженифер.-- Ты ведь звонишь мне не для того, чтобы жаловаться на папу. И потом, у тебя такой хороший муж. Я не помню папу, но он наверняка не был таким же милым, как Джон.

-- Он был подлецом, твой отец, богатым и красивым подлецом. Но я любила его. У нас в семье никогда не было денег, но зато было имя. Не забывай, бабушка носит фамилию Тремонтов из Вирджинии. И я по-настоящему считаю, что для сценического псевдонима тебе нужно было взять фамилию Тремонт вместо этого смешного Норт.

-- Но разве мы не договорились, что я возьму чужую фамилию, чтобы никто не смог выяснить, кто я на самом деле. Раз уж я должна выдавать себя за девятнадцатилетнюю, то мне приходится быть Дженифер Норт. Если бы я взяла фамилию Тремонт, кто-нибудь в Вирджинии непременно установил бы, кто я такая. А если -- Джонсон, то в Кливленде меня бы всякий вспомнил.

-- С твоей известностью они тебя и так все помнят. После того как ты сбежала, весь город только о тебе и говорил. Одна газета проплась насчет того, что ты выдаешь себя за девятнадцатилетнюю, но все было под таким впечатлением от твоего принца, что это не имело значения. И я тоже считала, что это не имеет значения, потому что ты сумела удачно и без осложнений выйти замуж. И вот теперь ты разво-

днись и все б
-- Мама, а п
ездом в Итали
-- Что ты им
-- Ожерелье
правда, подар
которую мы с
"Уолдорфе", не
них он был вр
королевский, н
сти пришел Му
под Неаполем.
цами, носила б
ко благопристо
нила. Он врал
канка будет пр
поженились, я
каком-то богат
была найти под
меня. Мама, эт
еще повезло, чт
-- Так, а что
-- Классный
-- Джен!
-- Мама, но с
него много дене
контракт на ки
-- О кино заб
-- Почему? Я
-- Слишком
повезло: у тебя
мужчин с ума..
рассказала Тони
-- Историю,
реальных факта
мя бомбардиров
-- Это правда
-- Что мне он
ступила в лингв
-- А что ты жи
-- Сказала, чт
-- Что-о-о?
-- Мама, а чт

дишься и все бросаешь, не получая при этом ни гроша.

-- Мама, а почему, ты думаешь, я ушла от него? Перед самым отъездом в Италию я выяснила, что у него нет денег.

-- Что ты имеешь в виду? Я же видела фотографии в газетах! Бриллиантовое ожерелье, норковое манто...

-- Ожерелье фамильное, принадлежит их семье. Норку он мне, правда, подарил, но, по-моему, получил ее бесплатно за ту рекламу, которую мы сделали торговцу мехами. Он занимал целый этаж в "Уолдорфе", но счет оплачивала какая-то винодельческая фирма. Для них он был вроде посланца доброй воли. Титул-то у него законный, королевский, но за душой -- ни гроша. Они все потеряли, когда к власти пришел Муссолини. У них есть какой-то ужасный огромный замок под Неаполем. Я стала бы жить там, терлась бы с разными иностранцами, носила бы фамильные драгоценности... и жила в нищете, только благопристойной с виду. Мне еще повезло, что я вовремя все выяснила. Он врал мне, будто богат, потому что думал, будто жена-американка будет представлять там какую-то ценность. После того, как мы поженились, я узнала кое-что похуже. Он начал рассказывать мне о каком-то богатом итальянском виноторговце, к которому я должна была найти подход... ну, в общем, позволить все, если бы тот захотел меня. Мама, это же настоящий подонок, только из высших слоев. Мне еще повезло, что я сумела оставить себе норковое манто.

-- Так, а что собой представляет Тони Полар?-- спросила мать.

-- Классный мужик.

-- Джен!

-- Мама, но он и впрямь классный... и он мне нравится. К тому же у него много денег. И потом, мой адвокат считает, что я могу заключить контракт на киносъемки.

-- О кино забудь!

-- Почему? Я бы справилась.

-- Слишком поздно. Ведь тебе не девятнадцать лет. Слушай, тебе повезло: у тебя изумительной красоты лицо и тело, которое сводит мужчин с ума... хотя твой тип фигуры сохраняется недолго. Что ты рассказала Тони Полару о своей семье?

-- Историю, которую не проверишь, но основанную на некоторых реальных фактах. Якобы мой отец был богат и погиб в Англии во время бомбардировки, что он все оставил своей второй жене...

-- Это правда, что еще?

-- Что мне он оставил небольшую сумму, достаточную, чтобы я поступила в лингвистическую школу в Швейцарии, правда я ему не сказала, что прожила в Европе целых пять лет -- ведь мне девятнадцать.

-- А что ты сказала ему обо мне?

-- Сказала, что ты умерла.

-- Что-о-о?

-- Мама, а что я должна была говорить? Что у меня есть мать с отчимом и бабушка, которые живут в Кливленде?

-- Но если ты выйдешь за него, как же ты объяснишь ему про меня?
-- Скажу, что ты моя тетя, любимая сестра моей мамы, которой я помогаю материально.

-- Хорошо. Ты следишь за своим весом?

-- Я очень худая, мама.

-- Знаю, но только не полней и не сгоняй все потом. Это самое что ни на есть вредное для твоей груди. Высокая грудь, как у тебя, очень быстро обвисает, и тогда на нее становится неприятно смотреть. Пока она у тебя есть, пусть приносит доход. Все мужчины -- животные, от высокой груди они впадают в транс. Может, я не потеряла бы твоего отца, не будь я плоскогрудой. Тогда у меня была бы приличная, обеспеченная жизнь...-- Она разрыдалась в трубку.-- Ах, Джен, я больше так не могу. Хочу бросить все и быть с тобой, моя детка.

-- Мама, ты же не можешь бросить Джона и бабушку.

-- Почему не могу? Пусть Джон остается с бабушкой. И он, и эта его дрянная работенка. На что он еще годен? Не смог даже заработать денег, чтобы купить дом.

-- Мама!-- Дженифер стиснула зубы и призвала на помощь все свое терпение.-- Мама, ради бога! Дай мне сначала выйти за Тони, а уж потом я позабочусь о тебе.

-- Он заводил речь о женитьбе?

-- Еще нет...

-- Чего же ты ждешь? Джен, через пять лет тебе стукнет тридцать. Мне было двадцать девять, когда я надоела твоему отцу. Джен, у тебя совсем немного времени.

-- Все не так просто, мама. У него есть сестра, она опекает его, проверяет каждый его чек. Их мать умерла в родах, когда Тони появился на свет. Сестра сама его вырастила; она очень его любит, а меня ненавидит.

-- Джен, ты должна быть потверже. Избавься от нее, займи ее место, не позволяй ей жить с вами, когда выйдешь за него. Это разрушит всю вашу жизнь... и она никогда не позволит мне приехать. Детка, думай головой. Будь умницей. Если у женщины есть деньги, ее ничто никогда не заденет. Желаю тебе всего самого доброго, детка...

В батареях зажурчала вода, через шторы пробивались первые солнечные лучи. В эту ночь Дженифер так и не уснула. Разговор с матерью не особенно ее взволновал, она привыкла к этому. Но ее беспокоило то, что она не может уснуть. Единственный способ сохранить свою внешность -- побольше отдыхать. Даже если не спишь, а просто лежишь в постели и отдыхаешь -- польза почти такая же. Где-то она читала об этом. Она закурила еще сигарету. Но какой это отдых, когда ходишь взад-вперед и выкуриваешь за ночь целую пачку? Пройдя в ванную, она нанесла немного крема под глаза. Морщин пока нет, но надолго ли это? В среднем она спит не более трех часов каждую ночь после тех последних недель в Испании. Она вздохнула. Раньше она

всегда спала нормально. И даже более чем нормально -- сон для нее всегда был спасительным убежищем. Когда трудности становились непреодолимыми, она не могла дождаться ночи. До тех самых последних недель в Испании с Марией...

Мария... Она была самой красивой девушкой в их школе, и Дженифер, как все остальные первокурсницы, изучавшие языки, боготворила ее надменно-холодную, типично испанскую красоту.

Мария была старшей и ни с кем не разговаривала. Даже если она и отдавала себе отчет в том, что является предметом всеобщего преклонения и обожания, внушая эти чувства другим студенткам, ее это нисколько не трогало. Она ни с кем не дружила. Такое высокомерие лишь усиливало ее романтический ореол в глазах более младших девушек, хотя и порождало сплетни вокруг ее имени среди сверстниц. Всем казалось, что после окончания школы Мария уедет из Швейцарии, так и не позволив никому пересечь барьер, ограждающий ее царственный пьедестал. До того дня в читальном зале...

Вся в слезах Дженифер читала письмо от матери. Деньги подходили к концу, и по завершении семестра ей надо было возвращаться домой. Удалось ли ей завязать полезные знакомства? В Кливленде по-прежнему царил экономический спад, хотя в Европе благодаря войне открывались новые заводы. Гарри женился на Гарриет Айронс и по-прежнему работал на автозаправочной станции. Именно это место в письме заставило ее расплакаться...

-- Ну, успокойся, ведь не все так плохо.

Дженифер подняла глаза. Рядом стояла Мария. Беличественная, неприступная Мария разговаривала с нею! Мария села, Мария сочувственно смотрела на нее. Она внимательно выслушала рассказ Дженифер.

-- Не знаю, чего ожидала моя мать, -- устало закончила Дженифер. -- Может, она думала, что учитель английского языка -- это лорд с крупным поместьем...

Мария рассмеялась.

-- Родители... -- Ее английский был несколько высокопарным по стилю, но совершенно безукоризненным. -- Мне двадцать два года. От меня ожидают, что я вступлю в брак с мужчиной, которого мне выберет отец. Выбор будет мотивирован тем, что его земли примыкают к нашим, или какими-нибудь другими семейными интересами. После гражданской войны наша страна опустошена, и долг немногих сохранившихся знатных семейств -- объединиться. Я согласна с этим, но, к сожалению, вынуждена буду спать с этой свиньей...

-- Я была влюблена в Гарри, -- печально проговорила Дженифер. -- Но он не устраивал мою мать.

-- Сколько тебе лет, Жаннет? -- В то время Дженифер еще звалась Жаннет.

-- Девятнадцать.

-- У тебя уже был мужчина?

Дженифер вспыхнула и опустила глаза.

-- Нет, но Гарри и я... мы с ним заходили довольно далеко. Я хочу сказать... я разрешала ему трогать меня там... а один раз сама взяла его за...

-- А вот я ложилась с мужчиной в постель,-- заявила Мария.

-- И у вас все было?

-- Ну, конечно. Тем летом. Я проводила каникулы с тетей в Швеции и познакомилась с красивым мужчиной. Он когда-то участвовал в Олимпийских играх, а потом работал инструктором по плаванию. Я знала, какого мужчину подберет мне в мужья отец. Это будет толстый немец, сбежавший из Германии со всеми своими художественными ценностями, или кто-то из семьи Карильо. В роду Карильо у всех мужчин отсутствует подбородок. Поэтому я решила хоть в первый раз попробовать это с красивым мужчиной.

-- Жалко, что у нас не было этого с Гарри. Сейчас он женился на другой.

-- Вот и радуйся, что не было! Это было ужасно! Мужчина... он слюнявит тебе грудь... прорывается в тебя. Тебе становится больно. К тому же он потеет и тяжело дышит -- ни дать ни взять животное. У меня пошла кровь... и я забеременела...

Дженифер не верила своим ушам: Мария, неприступная богиня, исповедуется ей!

-- Орэн!-- выпалила Мария его имя.-- Он позаботился обо всем. Врач... опять боль... и прощай, беременность. Потом долгая болезнь. Меня привезли в больницу... прооперировали... и теперь у меня никогда не будет детей.

-- О, Мария, я так тебе сочувствую.

Мария лукаво улыбнулась.

-- Не стоит, это же хорошо! Если отец найдет мне жениха, я сама расскажу все этому мужчине. Ни один не захочет взять в жены женщину, которая не может иметь детей. Мне никогда не придется выходить замуж!-- торжествующе произнесла она.

-- Но что скажет твой отец?

-- О-о, тетя уже позаботилась о том, как ему объяснить. Ей-то пришлось сказать правду. Но она несла за меня ответственность и поэтому должна выгородить меня. Скажет, что заболела, что у меня была опухоль в матке, и пришлось ее удалить.

-- В самом деле, удалили?

Мария кивнула.

-- Да, начинался перитонит, и матку удалили. Но это же прекрасно. Теперь мне хоть не досаждают месячные.

Дженифер хотела сказать, что сочувствует ей, но не посмела выражать сочувствие девушке, которая считает все это чудесной удачей.

-- Что ж, ты, по крайней мере, все для себя решила,-- только и сказала она.-- А вот мне так и придется возвращаться в Кливленд.

-- Тебе не нужно возвращаться,-- с нажимом произнесла Мария.--

Ты слишком красива, чтобы попусту растрачивать свою жизнь, ожидая той минуты, когда станешь жертвой грубого и неумелого обращения со стороны первого попавшегося мужчины.

-- Но что же мне делать?

-- Через две недели семестр заканчивается. Ты поедешь со мной в Испанию на лето, а потом мы что-нибудь придумаем.

-- Мария!-- Это было чересчур заманчиво.-- Но у меня всех денег только на обратный билет домой.

-- Будешь моей гостьей. Денег у меня больше, чем я могу потратить.

Последние две недели в школе были сплошным триумфом Дженифер. Всю школу облетела новость: малышка Жаннет Джонсон удостоилась чести стать подругой Марии. Девушки бросали на нее завистливые взгляды. Мария продолжала держаться на царственно недостижимом расстоянии со всеми, даже с Дженифер, лишь изредка перебрасываясь с нею парой слов, когда они встречались в вестибюле.

Но стоило окончиться семестру, как Мария стала относиться к ней тепло и дружески. Началось это, когда они взяли такси в Лозанну.

-- Мы не можем поехать в Испанию прямо сейчас. Телеграмма от отца...-- Она протянула бланк Дженифер. Отец советовал Марии провести лето в Швейцарии: в Испании все еще сильно ощущалась послевоенная разруха. Поскольку миллион человек погибли, а несколько сот тысяч были ранены, в настоящее время не представлялось возможным укомплектовать штат прислуги в их доме, поэтому его закрыли и жили пока в отеле. Но вскоре все должно было вернуться в нормальное русло, а до тех пор она могла наслаждаться жизнью за границей. В телеграмме отец сообщил номер счета в швейцарском банке.

-- У нас куча денег,-- сказала Мария.-- Достаточно, чтобы совершить кругосветное путешествие. Но в Европе идет война, так что Франция исключается. Германия и Англия -- тоже.

-- Давай поедem в Америку,-- предложила Дженифер.-- Мы могли бы побывать в Нью-Йорке. Ни разу не была в Нью-Йорке.

-- А как? У меня нет американского гражданства. Ехать невозможно, раз в Европе война. Вот ты могла бы сесть на пароход Красного Креста -- у тебя есть преимущество как у гражданки Соединенных Штатов, но ведь остается опасность нарваться на мину или немецкую подводную лодку. Я, во всяком случае, не испытываю ни малейшего желания ехать в Нью-Йорк. Останемся на лето здесь. Гитлер со дня на день одержит победу, и все закончится.

Им суждено было прожить в Швейцарии три года.

В первую же ночь они стали любовниками. Хотя предложение это ошеломило Дженифер, она не испытывала отвращения, более того, ей было даже немного любопытно. В ее глазах Мария все еще оставалась богиней, стоящей на высоком пьедестале. К тому же логическое объяснение, данное Марией, исключало всякое подозрение насчет противоестественности таких отношений.

-- Мы нравимся друг другу,-- сказала она.-- Я хочу, чтобы перед тобой открылся мир секса, чтобы ты испытала восхитительное чувство оргазма, пронизывающее все твоё существо, чтобы ты узнала это не тогда, когда тобой неумело и грубо овладеет какой-нибудь неотесанный мужлан. Мы не совершаем ничего предосудительного. Мы не лесбиянки, как эти ужасные ненормальные существа, что коротко стригутся и носят мужскую одежду. Мы -- две женщины, которые обожают друг друга и умеют быть нежными и любящими.

В ту ночь Мария разделась и гордо предстала перед Дженифер. Её тело было великолепно. Но Дженифер испытала тайное удовольствие от того, что её собственное тело значительно красивее и эффектнее. Она застенчиво сбросила одежду на пол и едва обнажила грудь, как услышала изумленный возглас Марии:

-- Ты ещё восхитительнее, чем я мечтала,-- с нежностью произнесла она. Легкими ласкающими движениями она любовно погладила груди Дженифер и, подавшись вперед, прижалась к ним лицом.-- Понимаешь, я люблю твою красоту и ценю её. Мужчина сейчас разрывал бы её.

Нежными пальцами она пробежала по всему телу Дженифер. К своему удивлению, та начала испытывать возбуждение... по её телу прошла легкая дрожь.

-- Пойдем.-- Мария взяла её за руку.-- Давай ляжем и выкурим по сигарете.

-- Нет, Мария. Трогай меня ещё,-- взмолилась Дженифер.

-- Потом. Я буду и трогать, и обнимать тебя, чтобы ты испытала наслаждение. Но я хочу, чтобы ты чувствовала себя со мной умиротворенной. Я буду нежна...

Мария и вправду была нежна и очень терпелива: ночь от ночи её ласки становились все более изысканно-интимными; постепенно она приучила Дженифер, преодолевая стыдливость, отвечать на них.

-- Нельзя быть только любимой, нужно любить в ответ,-- внушала Мария.-- Доведи меня до экстаза так же, как я тебя.

С каждой ночью Мария требовала от неё все более утонченных и бурных ласк, пока Дженифер, наконец, не обнаружила, что сама отвечает Марии так же пылко и страстно, достигая таких вершин чувственного наслаждения, о существовании которых раньше не смела и мечтать.

Ей доставляла удовольствие двойственность их отношений с Марией. Ночью она страстно желала Марию, ненасытную и пылкую. Однако днем она относилась к ней просто как к подруге. Никаких других личных привязанностей у неё не было. Когда они ходили по магазинам или осматривали достопримечательности в незнакомых маленьких городках, Мария была для неё просто девушкой, и никакого влечения к ней она не испытывала. Часто им встречались привлекательные мужчины -- инструкторы по лыжам, студенты,-- и Дженифер обнаружила, что такие встречи даются ей не без труда. Мария остава-

лась глухой к предложениям молодых людей, однако Дженифер находила некоторых из них весьма привлекательными. Много раз во время танца она ощущала, как радостно трепещет все ее тело от тесного соприкосновения с сильным мужским торсом. Когда юноша шептал ей любовные признания, она испытывала неудержимое желание ответить ему взаимностью.

Однажды ей удалось ускользнуть на короткую прогулку с одним особенно красивым парнем из Панамы. Он был студентом-медиком и намеревался после войны ехать в Нью-Йорк продолжать учиться. Он хотел ее, они целовались, и она почувствовала, что, отвечая на его поцелуи, прижимается к нему с такой же страстью.

Как прекрасно было сжимать сильные мужские плечи, чувствовать выпуклую мужскую грудь, прижимающуюся к твоей... ощущать силу требовательных мужских рук после нежных и податливых рук Марии... упругость мужских губ. Она отчаянно хотела этого парня, но все-таки сумела оторваться от него и вернулась в кафе.

От Марии не ускользнуло ее отсутствие, и ночью, когда они остались одни, между ними произошла небольшая сцена. Дженифер клялась, что у нее просто разболелась голова, и ей захотелось подышать свежим воздухом. Только в постели Мария смягчилась и отошла.

Но в основном все было замечательно. Мария оказалась безумно щедрой и расточительной. Она покупала подруге красивую одежду. Дженифер научилась кататься на лыжах, стала говорить по-французски свободно и бегло. Когда им надоела Лозанна, они переехали в Женеву.

После трех лет пребывания Марии в Швейцарии ее отец захотел, чтобы она вернулась домой, но она отказалась. Тогда в 1944 году он приостановил выплаты по ее счету в банке, и выбора у Марии не осталось.

-- Ты поедешь со мной,-- сказала Дженифер.-- Но нам придется сдать твой обратный билет в Америку, иначе у меня не хватит денег.

Дженифер понимала, что, сдавая билет, она отрезает себе путь к свободе. За минувший год она стала все больше уставать от посягательств Марии на свое тело, однако Кливленд и мать влекли ее куда меньше. Но Испания! Быть может, она найдет себе какого-нибудь красивого испанца из хорошей семьи. Ей двадцать три года, и с точки зрения физиологии она -- девственница... Почему бы и нет?

В Испании Дженифер пробыла больше года. Она знакомилась со многими мужчинами, потенциальными женихами. Некоторые оказались бы вполне подходящими, но Мария, словно коршун, зорко следила за каждым ее шагом. Их повсюду сопровождала одна из тетушек Марии. Сама же Мария отвергала все ухаживания, следя за тем, чтобы и у Дженифер ничего не получалось. Та была в отчаянии. То, что Мария обладала как бы правом собственности на нее, становилось невыносимым. Впервые в жизни ей стал понятен страх матери перед бедностью. За деньги можно купить свободу, без них же свободной не

будешь никогда. В Испании она могла роскошно жить и красиво одеваться, но принадлежала Марии. Если бы она вернулась в Кливленд, то там столкнулась бы с другой разновидностью неволи -- брак с каким-нибудь заурядным мужчиной, который тоже станет посягать на ее тело. С какой стороны ни посмотри, так или иначе выходило, что без денег все равно становишься чьей-то пленницей. Но ведь должен же быть какой-то выход!

Теперь Дженифер никак не могла уснуть ночью. Она уже страдала от бурных любовных ласк Марии, отвечая на них со страстью, которой в действительности не испытывала, и притворяясь спящей до тех пор, пока дыхание Марии не становилось ровным, показывая ей, что опасности больше нет. Тогда она выскальзывала из постели и садилась у окна, непрерывно куря сигарету за сигаретой, глядя на звезды, думая...

Деньги! Ей нужны деньги. Выход -- ее тело, оно будет работать на нее. Оно уже привело ее к этому. Она поедет в Нью-Йорк, возьмет другое имя, наврет про возраст... может быть, сумеет стать манекенщицей.

Так или иначе, она заработает деньги. В ловушку она больше не попадет.

Когда сбросили атомную бомбу, все в Мадриде лихорадочно ждали последних известий. Даже Мария сидела, затаив дыхание, у приемника, жадно вслушиваясь в сводки. Дженифер воспользовалась этим, чтобы тайком отправить письмо матери, научив ее написать ей в Испанию и вызвать домой под предлогом какой-нибудь сильной болезни.

Мать все сделала, как нужно, и у Марии не осталось выбора. Они расставались, заверяя друг друга в любви до гроба. Дженифер клятвоу обещала вернуться, как только мать выздоровеет, и испытала жгучее чувство вины, когда Мария вложила ей в руку книжку дорожных чеков.

-- Здесь почти три тысячи долларов в пересчете на американские деньги. Постарайся экономить, чтобы хватило на обратный билет сюда, но если понадобится еще -- телеграфируй. Буду жить ожиданием того дня, когда ты вернешься.

Чтобы усыпить малейшие подозрения, Дженифер оставила в Испании большую часть своего гардероба как свидетельство неопровержимого возвращения.

Она прибыла прямо в Нью-Йорк, остановилась в недорогом отеле, отправила матери пятьсот долларов, попросив пересылать ей всю корреспонденцию из Испании, но ни при каких обстоятельствах никому не сообщать ни о ее местонахождении, ни о новом имени.

Вначале Мария писала каждый день. Ни на одно письмо Дженифер не ответила.

По странному счастливому стечению обстоятельств в первый же свой день в Нью-Йорке она встретила с тем самым панамским студентом-медиком. К счастью, он помнил только то, что они когда-то

были знакомы и что он хотел ее тогда. Никаких вопросов относительно ее нового имени у него не возникло. На протяжении трех недель каждую ночь она ложилась с ним в постель, а потом он познакомил ее с принцем Миралло...

Было уже семь утра. Дженифер загасила последнюю сигарету. Она должна спать. Ей хотелось показать Робби все, на что она способна. Тогда ей, возможно, удастся получить от него вечернее платье и деньги для матери.

Н и л и

Январь 1946

Нью-йоркские критики были единодушны в том, что шоу "Небесный Хит" заслуживает самых лестных эпитетов. Всплеск обожания Элен Лоусон достиг небывалой высоты. О Нили в газетах тоже появилось несколько весьма благожелательных отзывов. Ни один из них не был, правда, настолько блестящим, чтобы вызвать враждебное отношение к ней со стороны Элен, однако они были достаточно яркими, чтобы превзойти самые смелые ожидания Нили.

Сама Нили была поражена больше всех. Один критик даже назвал ее самым оригинальным новым талантом, взошедшим над эстрадным горизонтом за последние несколько лет. Благодаря таким дифирамбам в сочетании с новой квартирой она сама почти поверила в то, что представляет собой нечто незаурядное.

Она никак не могла привыкнуть к роскоши новой квартиры. Анна -- просто волшебница! Ей постоянно сопутствует удача. И всегда это -- просто или иначе связано с Алленом. Только на этот раз -- с отцом. Джитак или иначе связано с Алленом. Только на этот раз -- с отцом. Джитак но бросил свою подружку Адель, которая так переживала из-за этого, что устроилась танцовщицей в варьете ресторана при лондонском отеле "Дорчестер". Перед самым ее отъездом Анна случайно наткнулась на нее и перехватила великолепную квартиру. Нили с неизменным замиранием сердца прикасалась ко всему -- постельным покрывалам, лампам... Ей и не снилось, что у нее когда-нибудь будет гостиная, устланная белым ковром.

Конечно, квартиру они сняли только на время: Адель планировала вернуться к первому июня. Но к тому времени Дженифер, по всей вероятности, выйдет замуж за Тони; Анна, возможно, выйдет за Лайо-

на, а сама она выйдет за Мэла. Особенно, если у него выгорит с новой работой. Это был совершенно неожиданный-негаданный подарок к Рождеству: Джонни Мэллон принял Мэла сценаристом радио-шоу с двухнедельным испытательным сроком! Если он хорошо зарекомендует себя, они могли бы разбогатеть. "Сценаристы на радио зарабатывают до пяти сотен в неделю, -- сказал ей Мэл. -- И даже больше". Для начала Мэлу положили двести, плюс ее двести, да еще со своим шоу они начали выступать в Нью-Йорке на три недели раньше намеченного, потому что отпала нужда в Бостоне. Ух ты! Дела идут лучше некуда! И еще она собиралась пошicarней одеться: в этом платье из красной тафты она уже всем глаза намозолила. Ух ты! Дженифер-то приехала из Филадельфии и привезла столько нарядов, что в шкаф едва втиснула. Неудивительно, что она вечно сидит без денег. Говорит, что Тони Полар скупердяй, но как же можно так его называть, если на Рождество он подарил ей шикарный перстень с огромным голубоватым камнем? Дженифер говорит, что это всего-навсего аквамарин. Ладно, для начала она купит себе новое зимнее пальто, сейчас как раз крупная распродажа в магазине готовой одежды Орбаха.

На новогодний вечер их с Мэлом пригласили к Джонни Мэллону. Но старый год они проводили в примерной Элен.

-- Вы ни за что не уйдете из театра раньше полуночи, -- настаивала Элен, разливая шампанское.

Вечер у Джонни был бесподобен. Никогда еще Нили не была на вечере, где собрались одни знаменитости. И все они знали ее! Вот что было совершенно поразительно: каждый знал, кто она такая! Она никак не могла привыкнуть к этому. А потом Джонни Мэллон сказал Мэлу, что тот "может считать себя постоянным членом их команды". Ух ты! Вот здорово! Надо бы ей кончать всю дорогу твердить это "Ух ты!". Кое-кто уже смеялся, когда она говорила так. Нет, нет, смеялись по-хорошему... думали, что она просто шутит. Но, может, если она подольше потолкается с этими образованными приятелями Мэла, она научится каким-нибудь приличным выражениям. За кулисами она сроду не слышала ничего, кроме тех слов, которые ей даже не хотелось вспоминать. А у Мэла такой хороший язык... он ведь окончил колледж. Ух ты! Парень, окончивший колледж, такой, как Мэл... и влюбился в нее!

Ей никогда не забыть этот Новый год. Мэл сказал, что ему -- тоже. В ту ночь, когда они пришли к нему в гостиницу, она обняла его.

-- Я так счастлива, Мэл... мне даже страшно.

-- Вот уж, действительно, 1946 год начинается у нас с крупного везения, -- сказал Мэл, когда они приготовились ложиться спать. -- Но, знаешь, сегодня вечером мне стало немножко жаль Элен Лоусон. Она выглядела такой одинокой, когда мы уходили из ее примерной.

Нили наморщила носик.

-- Послушай-ка, у Элен никогда никого нет. Сегодня ей еще повезло, что она пошла на какой-то там вечер с этим гомиком-модельером.

Ух ты! Мэл, гостиница у тебя и впрямь паршивая: уже почти утро, а тепла все не дают. А у нас батареи горячие почти всю ночь.-- Она забралась в постель, вся дрожа от холода в его объятиях.

-- Хорошо, назови день, и я перееду отсюда. Можем пожениться в любое время, когда пожелаешь. Я подыщу для нас хорошую квартиру.

Нили теснее прижалась к нему, обвивая его ногами, чтобы согреться.

-- Ну, так как, Нили? Ты же слышала, что говорил сегодня Джонни. Со мной все решено -- я получаю две сотни в неделю.

-- И я столько же.

-- Вот и давай поженимся.

-- О'кей. Первого июня.

-- Почему нам нужно столько ждать?

-- Потому что до этого срока мы с девушками снимаем квартиру. Мне придется выкладывать причитающуюся с меня треть платы, даже если я съеду раньше. Мы с ними так договорились, потому что все собрались замуж.

-- Мы с тобой это осилим. Заплатим им.

-- Смеешься, что ли? Стану я платить за две квартиры!

-- Но, Нили, я хочу тебя.

Она хихикнула.

-- Я вся твоя. Ну, давай же, возьми меня... прямо сейчас.

-- Но, Нили...

-- Первого июня поженимся. Давай, Мэл, люби меня. Нет, не так... у меня не вставлен колпачок. Давай по-другому... пожалуйста. Как тогда. Ну, пожалуйста, Мэл...

Февраль 1946

Не веря своим глазам, лишившись от изумления дара речи, Анна и Дженифер смотрели, как Нили небрежно показывает грузчикам, куда поставить огромное пианино.

-- Я только что подписала договор на юридическое обслуживание с фирмой Джонсона--Гарриса,-- объявила Нили.

-- А что произошло с Генри?-- спросила Анна.

-- Ну, в общем, у нас с ним вчера был длинный разговор. Я сказала ему, что на меня вышла фирма Джонсона--Гарриса. Он сразу же пошел мне навстречу и разрешил расторгнуть наш с ним договор. Я еще недостаточно крупная фигура, чтобы иметь своего собственного менеджера. Мне нужно, чтобы за мной стояла солидная фирма. Генри согласился. И вот, смотрите, что получилось...

-- Они подарят тебе пианино?-- спросила Дженифер.

-- Нет, но оплачивают его прокат. И устроили меня в "Ла Руж", там

через три недели мое первое представление.

-- Но ты же в "Небесном Хите",-- сказала Анна.

-- Я буду и там, и там. В "Ла Руж" я дам только одно полуночное шоу. И за это буду получать три сотни в неделю! Вот кошмар, а! Да, и знаете что? Фирма Джонсона--Гарриса дает мне Зика Уайта -- платить ему будут они сами,-- он займется всеми приготовлениями и будет ставить мне шоу. Зик работает с самыми крупными звездами. Когда он услышал, как я пою, то сказал, что если мне немного поработать, я стану великой певицей. Говорит, будто я нечто среднее между Джуди Гарленд и Мэри Мартин.

-- Хорошо, но только не позволяй, чтобы сюда вкралась какая-нибудь Элен Лоусон, а не то мы вышвырнем отсюда всю троицу,-- сказала Дженифер, подмигивая Анне.

-- Правда ведь, великолепное пианино?-- спросила Нили, любовно проводя рукой по исцарапанной крышке "Стейнвея".-- Зик настоял именно на этом пианино. Оно как-то преображает комнату, разве нет?

Дженифер кивнула.

-- Ну, конечно. Придаст ей вид настоящего зала для репетиций.

Детское личико Нили печально вытянулось.

-- Ну-у, вам не нравится, что оно здесь?

Дженифер улыбнулась.

-- Да нет. Просто интересно, где ты намереваешься поставить балетный станок. Ведь в следующий раз втащат и его, так или нет?

Анна рассмеялась.

-- Пусть хоть она будет честолюбивой, Джен. Это же так здорово -- иметь звезду в своей семье.

Нили скривилась.

-- Я иду на это только ради денег. В июне мы с Мэлом поженимся, и я хочу накопить денег, чтобы обставить нашу квартиру так же уютно, как эту.

-- Когда же ему представится возможность писать сценарии для Джонни Мэллона?-- спросила Дженифер.-- Похоже, весь рабочий день он только тем и занимается, что вкалывает на тебя в качестве секретаря по связям с прессой. Я еще не видела никого, кому бы создавали такую шикарную рекламу.

-- Почему бы ему и не повкалывать?-- возразила Нили.-- В конце концов, все, что я зарабатываю,-- это для нашего же с ним будущего.

Все последующие три недели Зик Уайт не вылезал из их квартиры. Он репетировал с Нили, совершенно не щадя ее. Когда бы Анна и Дженифер ни являлись домой, они неизменно обнаруживали его.

Зик был женственно красив, вполне осознавал свою значимость, строго требовал выполнения всех заданий и был отличным музыкантом.

Нили он гонял безжалостно.

-- Ну чего он хочет от меня?-- вопрошала она, вбегая в спальню вся в слезах.-- Сроду не брала уроков музыки и ничего, всегда прекрасно

справлялась. А он вдруг вознамерился сделать из меня Лили Понс -- это за три-то недели! Анна, пойдй и скажи ему, чтобы отвязался от меня!

Тут в дверях появлялся Зик.

-- О'кей, Нили... довольно истерик. Время приниматься за работу.

-- Не могу,-- рыдала она.-- Ты многого от меня хочешь.

-- Разумеется, многого. Чего ради тебе быть просто хорошей артисткой, если ты можешь стать великой?

Нили всегда покорно шла обратно... Разучивание гамм продолжалось... Затем очередная истерика... опять гаммы... Казалось, этому не будет конца.

Но самая крупная размолвка произошла на исходе второй недели. Нили ворвалась в контору "Бэллами и Бэллоуз".

-- Где он?-- требовательно обратилась она к Анне.

-- Кто?

-- Генри! Хочу, чтобы он опять стал моим менеджером. Он нужен мне. Он должен избавить меня от Зика.

-- Генри на Эн-Би-Си. Чем Зик не угодил тебе на этот раз?

-- Требуется, чтобы я сожгла всю свою одежду!

-- Что?

-- Что слышала! Чтобы я все сожгла! Говорит, что даже не позволит мне раздать ее бедным, настолько она ужасна. В том числе и это новос пальто.-- Она любовно погладила рыжий лисий воротник.-- На распродаже у Орбаха я выложила за него семьдесят долларов.

Анна с трудом сдержала улыбку.

-- Ну-у, для тебя это пальто несколько претенциозно.

-- Послушай, всю жизнь я донашивала вещи после сестры. И теперь имею право сама выбирать себе одежду.

-- А что Зик хочет, чтобы ты носила?

-- Кто его знает! Вот почему мне и нужен Генри -- пусть скажет, что я тоже имею какие-то права.

-- Послушай, Нили, для этого тебе не нужен Генри. Это ты можешь сказать Зику и сама.

-- Нет, я не хочу сама бороться с ним. Пускай уматывает. Ух ты! Слушай, Анна, он так здорово что-то сделал с моим голосом. Мне иногда даже не верится, что я -- это я. И всего за какие-то две недели. Знаешь, впервые в жизни я почувствовала, что, может, и впрямь сумею стать великой. Я могу брать ноты, о которых и не подозревала, и держать их долго и сильно. Он просто гений, настоящий гений.

-- Тогда, может быть, он прав и насчет одежды?

Нили вздохнула.

-- Ну, ладно, пускай выберет мне костюм к дебюту в ночном клубе. Он должен быть скроен по особой модели. Зик хочет, чтобы я станцевала и немного подвигалась в нескольких номерах. Но от этого пальто я не откажусь ни за что...

Никто даже отдаленно не предполагал, что первое сольное выступление Нили произведет такую сенсацию. Анна пришла с Лайоном и Генри. Дженифер сидела за большим столом в другом конце зала с Тони Поларом, его сестрой, сценаристом и несколькими спонсорами. Элен Лоусон явилась с помощником режиссера. Она помахала рукой Генри, Анну же демонстративно игнорировала.

Выступление началось, как типичная премьера в ночном клубе. Газетчики пришли потому, что получили задание в своих редакциях. Знаменитости явились для того, чтобы их заметили газетчики. Чего-то необычного никто не ожидал. Подобное не раз происходило и раньше: никому не известная девчонка, пользуясь тем обстоятельством, что шоу с ее участием стало хитом, стремится еще немного подзаработать в дополнение к своему скудному гонорару. Пришли они единственно из уважения к ее одержимости и честолюбию, ушли же, став ее восторженными поклонниками.

Анна не могла поверить своим глазам. Во время выступления она переглянулась с Дженифер и встретила взгляд, полный восторженно-го изумления.

Генри Бэллами, затаив дыхание, сдвинулся на самый краешек стула. Нили была бесподобна. Умело подобранное освещение делало ее детское личико почти красивым, а ее сценический костюм -- простая белая атласная блузка с длинными рукавами и короткая темно-синяя атласная юбочка -- во всей красе демонстрировал ее великолепные ноги.

Анна была просто поражена, она никогда не замечала раньше ни их, ни ее идеальной фигурки с тонкой талией и подростковой грудью.

-- Это звезда, и она ушла от нас, -- прошептал Генри. -- Боже мой, Лайон, да как же это мы допустили, что она выскользнула у нас прямо из рук?

Лайон сокрушенно покачал головой.

-- Да, уж если мы совершаем ошибку, то вселенского масштаба!

-- Нили в самом деле великолепна, правда? -- прошептала Анна.

-- Великолепна -- не то слово. Она неправдоподобна. Никто даже отдаленно не может сравниться с нею.

Из-за ажиотажа, возникшего вокруг Нили, жизнь в их квартире превратилась в кромешный ад.

Телефон трезвонил непрерывно, в гостиной брали интервью, проводили фотосъемки, репетировали.

Нили выступила во всех ведущих радио-шоу, подписала контракт с крупнейшей фирмой грамзаписи.

Ее добивались голливудские киностудии.

А Элен Лоусон перестала с ней разговаривать.

Нили чувствовала себя ужасно.

-- Представляешь, она больше со мной не здоровается,-- пожаловалась она Анне.

Дженифер усмехнулась.

-- Это означает, что ты -- звезда. Со мной она по-прежнему сама любезность.

-- Я собиралась остаться в этом шоу на следующий сезон,-- объяснила Нили.-- Но теперь -- ни за что. Гилберт Кейс предложил мне заключить с первого июня новый контракт с широкой рекламой и прибавкой -- сто долларов в неделю. Но я не могу работать, когда Элен так ко мне относится.

-- Да полно, Нили,-- рассмеялась Анна,-- у вас же нет с нею совместных номеров. Ты просто успокаиваешь свою совесть, потому что с первого июня решила оставить шоу.

-- А почему, спрашивается, я должна считать себя чем-то обязанной Кейсу? Я никогда бы не получила эту роль, если бы не ты, Анна... и если бы Элен не испугалась Тэрри Кинг.

Наконец она остановилась на том, что подписала контракт с "Сенчури продакшнс".

-- Эта киностудия не такая крупная, как другие,-- пояснила она,-- но фирма Джонсона--Гарриса считает, что для меня это самое лучшее. Две их картины в прошлом году получили награды Академии. Они берут всех начинающих звезд, и я пройду школу становления настоящей звезды.

Мэл отнесся к контракту с киностудией без особого энтузиазма.

-- Но это же прекрасно,-- убеждала она его.-- Я остаюсь в шоу до конца мая. Адель прислала письмо, пишет, что приезжает в середине июня и хочет свою квартиру назад, так что...

-- А как же Дженифер и Анна?-- спросил Мэл.

-- Ну, "Небесный Хит" пройдет еще год. Дженифер останется в труппе, пока не выйдет замуж за Тони, хотя этим, похоже, пока не пахнет. Они только встречаются, а о женитьбе никаких разговоров.

-- Но где они будут жить?

-- А-а, сейчас с этим легче. Могут временно перебраться в отель "Орвин". За вполне умеренную плату там можно снять приличный люкс.

-- А как же мы?

-- Поженимся первого июня, как и запланировали.

-- Здорово, а я уж думал, что ты забыла.

Нили сжала ему руку.

-- И укатим на медовый месяц в Калифорнию. Шеф достает мне там дом.

-- Шеф?

-- Ой, я совсем забыла рассказать тебе о нем,-- затараторила Нили.-- Он приезжал сюда на прошлой неделе. Это Сирил Бин, но его никто не зовет ни Сирил, ни мистер Бин. Все его зовут только Шефом.

Милый старикашка лет под пятьдесят, загорелый, с беленькими волосиками. Такой добренький, как папашка. Снимает сейчас для меня большой дом в Голливуде. Три сотни в месяц, зато с бассейном. Только он сказал, чтобы я не вылезала на солнце, а то выступят веснушки. И еще сказал, что если у меня все пойдет в гору и я пробьюсь наверх, то могу занять свой собственный дом в Беверли-Хиллз.

-- А какая разница?

-- Почему я знаю? Может, этот -- на плохой стороне улицы. Он даже вроде как извинялся за то, что дом в Голливуде. Я прикинулась, что понимаю, о чем он. Ты только представь себе, Мэл: дом с бассейном!

-- Нили, -- Мэл протянул руку и сжал ее ладонь. -- Ты знаешь, я люблю тебя...

-- Да, Мэл, и с самого начала я буду получать тысячу в неделю! Только подумай, сколько у нас будет денег.

-- Нили... но ведь шоу Джонни Мэллона поставлено в Нью-Йорке.

-- Завязывай с ним.

-- Как, прямо сейчас?

-- Мэл, ты с ума сошел? Ты же получаешь всего две сотни в неделю.

-- С начала следующего года буду получать три.

-- Но мне-то будут платить тысячу! И это еще не считая денег за пластинки. В фирме Джонсона--Гарриса мне сказали, что только на пластинках я заработаю в будущем году двадцать пять тысяч. Представляешь!

-- А я там что стану делать, сидеть в бассейне днями напролет?

-- Мэл, ты же со мной. Мы -- единое целое. Ты нужен мне. Мне нужна вся реклама, какую только можно создать. Сейчас -- больше, чем когда-либо.

-- В киностудии к тебе приставят кого-нибудь.

-- Приставят, конечно. Но это уже будет не то, что ты. У их секретаря по связям с прессой будут, кроме меня, и все остальные звезды. А я хочу, чтобы ты работал на одну меня. И еще, Мэл, тебе придется вести все денежные дела. Я в жизни ни единого чека не выписала. Даже за нашу с девочками квартиру: они говорили, сколько с меня, и я отдавала им наличными. Да, и еще. Ух ты! Я ведь не знаю, как разговаривать и вести себя ни с горничной, ни с поварихой, ни даже как их нанимать. Дома-то своего у меня сроду не было. Вот ты всем этим и займешься. Мэл, ты должен поехать, без тебя я буду там ничто.

-- Нет, Нили. Не получится.

-- Почему? Во всем этом ты ведь вон как мне помог. Без тебя-то как бы я сразу получила "Ла Руж"?

-- Тебе его организовала фирма Джонсона--Гарриса, а вовсе не я.

-- Но, Мэл, ведь эта фирма заинтересовалась мной только благодаря рекламе, которую мне создал ты. Они же не бросились подписывать со мной договор после моего дебюта в "Небесном Хите". Может, я вообще не стала бы певицей. Конечно, это сделал Зик, но заметил-то меня с твоей подачи.

Он взял ее за руки.

-- Не Зик вложил в тебя твой голос, и не я сделал тебя. Все это было у тебя всегда. Мы просто помогли обратить на это внимание, вот и все.

-- Вот и продолжай помогать мне, Мэл. Ты нужен мне... Я люблю тебя.

-- Но, Нили, я не знаю, как с этим все получится. Я никогда не был в Голливуде, но слышал, как там делаются подобные дела. Я стану "мистером О'Хара". Меня попросту не будут уважать, я сделаюсь пустым местом.

-- Ты ведь не думаешь, что я стану бегать по всем этим шикарным голливудским званым приемам или якшаться со знаменитостями, а? Все будет так же, как здесь. Меня заваливают приглашениями на премьеры, и мы иногда ходим на них. Тебя же не называют за это "мистер О'Хара".

-- Здесь все по-другому, Нили.

-- Но мы-то те же самые. Послушай, Мэл, я хочу здорово поработать, заколотить денег, и, может, лет через пяток завязать со всем этим. Все будут знать, что командуешь у нас ты. Ну же, Мэл. Я не поеду туда без тебя.

-- Но, Нили...

-- Мэл... ну, пожалуйста...

Он опять крепко сжал ее ладонь.

-- Ну, хорошо. Всегда мечтал иметь голливудский загар. Ну и обалдеют же все мои в Бруклине...

Дженифер

Декабрь 1946

Стоя на стуле, Дженифер заталкивала шляпную картонку на антресоль платяного шкафа и едва успела увернуться, когда сверху свалилось два чемодана.

Она простонала:

-- С этими шкафами просто невозможно...

Анна помогла поднять чемоданы и поставить их опять на антресоль.

-- Я бы уступила тебе место в своем, но он битком набит твоими же ношенными вещами.

-- Они что, думают, что человек может жить у них в отеле, имея

всего два паршивых крохотных шкафчика? Ну почему Адель не нашла себе какого-нибудь крупного английского лорда и не осталась в Лондоне? Боже, как мне не хватает той квартиры.

-- Да нет, Джен, эти шкафы достаточно вместительны. Просто никто не рассчитывал, что у одного человека может быть столько одежды.

-- А я уже терпеть ее не могу.

-- Джен! Не вздумай покупать еще одно новое платье! У меня уже сейчас самый лучший гардероб в городе, потому что едва ты надеваешь платье, как оно тебе сразу же надоедает. У Лайона глаза на лоб лезут при виде того, как я то и дело меняю туалеты, один шикарнее другого.

-- Если Тони подарит мне на Рождество новую норку, ты забираешь мою старую.

-- Старую? Она же у тебя только с прошлого года!

-- Я ее терпеть не могу: она напоминает мне о принце. И потом, это дикая норка. Она великолепно подойдет к твоим волосам. А я хочу по-настоящему темную.

-- Тогда я куплю ее у тебя.

-- Не говори глупости!

-- У меня же есть деньги, Джен. Генри выгодно поместил сумму, вырученную за перстень, плюс мои двенадцать тысяч.

-- И как же обстоят твои финансовые дела?

-- Понимаешь, за перстень мы выручили всего двадцать тысяч. Он стоит дороже, но сейчас, говорят, спрос на рынке упал. И Генри все их вложил в акции компании Эй-Ти-энд-Ти. Пока еще эта сумма не слишком выросла, но дивиденды я получаю уже вполне приличные.

-- Все равно, к своему основному капиталу не прикасайся.

-- Можно подумать, ты у нас вся из себя такая уж правильная. В этом месяце твои фотографии публиковались в "Вог" и "Харперс", а ты не отложила ни цента. Честное слово, Джен, ты должна бы уже зарабатывать целое состояние, после того как подписала контракт с домом моделей Лонгуорта. А ты все деньги тратишь на наряды. Ладно еще, если бы ты бережно к ним относилась.

-- Как же я могу откладывать, когда и одеваюсь, и матери еще посылаю? Как манекенщица я получаю триста -- четыреста в неделю, но ведь это не деньги. Нет, главную ставку я делаю на Тони. Анна, мне двадцать шесть, и у меня уже нет ни времени, ни шансов в будущем. Но как я одеваюсь, производит на Тони сильнейшее впечатление, а в газетах меня называют "само очарование". Я расцениваю это как выгодное помещение капитала. Ставлю все деньги на кон и кручу рулетку, чтобы сорвать банк, то есть Тони. Если на мой номер выпадает замужество, я обеспечена на всю жизнь.

-- И все равно нет никаких оснований дарить мне норковое манто.

-- Меня в нем видят уже целый год. А если я выйду за Тони, у меня их будет дюжина. А тебе ах как долго придется ждать норку, разве что

книга Лайона вдруг ни с того ни с сего станет бестселлером.

-- Ну... я сейчас мысленно молюсь за него. На прошлой неделе он закончил ее.

-- Замечательно! Теперь вы поженитесь!

Анна рассмеялась.

-- Все не так просто. Сначала ее должны принять в издательстве. Он дал прочитать рукопись Бэсс Уилсон, она очень авторитетный литературный критик. Если книга ей понравится и она согласится заняться ею, то он почти у цели. В любом издательстве автоматически заинтересуются рукописью, если получат ее с рекомендацией Бэсс Уилсон.

-- И когда она сообщит ему результат?

-- Он ждет со дня на день. Надеется получить ответ до Рождества. Эй, Нили у нас застряла.-- Анна подбежала к проигрывателю и подвинула звукозапись вперед.

-- Ты уже заиграла эту пластинку.

-- Исполнение великолепное. Я так горжусь Нили. Жду не дождусь, когда на экраны выйдет ее картина.

Дженифер со стуком захлопнула дверцу шкафа.

-- Не возражаешь, если я выключу ее? Хочу почитать.

Анна сама выключила проигрыватель.

-- Джен, уже два часа. Нам обеим пора ложиться спать.

-- Мой ночник не будет тебя беспокоить?

-- Он -- нет. Но меня беспокоит, что ты так мало спишь. Иногда я просыпаюсь среди ночи, а твоя кровать пуста.

-- Я уйду покурить, чтобы тебя не тревожить.

-- В чем дело, Джен? Тони?

Дженифер пожала плечами.

-- В какой-то степени -- да... но я не сплю толком уже больше года. Хотя я действительно из-за Тони волнуюсь. В феврале он едет в Калифорнию записывать на радио новое шоу.

-- Может быть, он попросит твоей руки перед отъездом?

-- До тех пор, пока рядом с ним Мириам,-- нет. Когда мы с ним вдвоем, я могу заставить его сделать что угодно. Но вдвоем мы остаемся лишь в постели. А спрятавшись под одеялом, как-то очень трудно вести борьбу за справедливое дело мира.

-- А что если вам сбежать?

-- Я уже думала об этом -- всегда можно съездить в Мэриленд. Но не так-то это просто: в постели он обещает что угодно, но едва вылезет из нее, во всем слушается Мириам.-- Дженифер направилась в ванную.-- А теперь ложись спать. Что толку томиться обеим? Что-нибудь придумаю.

-- Попытайся уснуть для разнообразия,-- предложила ей Анна, взбивая себе подушку.

-- Сейчас лягу. Но сначала мне нужно проделать упражнения и намазать свои соколовища.

Закрыв за собой дверь в ванную, Дженифер устало взяла с полочки банку с кокосовым маслом. Освещенная ярким светом плафона, она пристально вгляделась в свое отражение. Под глазами появляются тоненькие морщинки. Через четыре года ей уже стукнет тридцать! "Небесный Хит" будет идти до июня, но она выступает в нем уже год, и ничего ей не светит. Конечно, всегда можно согласиться на контракт с "Твенти". Но если она подпишет контракт и поедет за Тони на Западное побережье, она никогда не выйдет за него. А если он уедет без нее, будет ли ему не хватать ее до такой степени, что он ее позовет? Ни малейшего шанса! Уж Мириам позаботится, чтобы красивые девицы роem вились вокруг него. Красивые молодые девицы!

Да, конечно, Тони думает, что ей двадцать. Но стоит ему увидеть девчонку, которой действительно девятнадцать-двадцать лет, и на фоне той ее образ, пожалуй, немного потускнеет. Последнее время Мириам и так пялит на нее глаза, задаст коварные вопросы, попытается подловить на датах, связанных с лингвистической школой. Еще слава Богу, что Тони не особенно сильно соображает. Ход ее мыслей вдруг прервался. Что верно, то верно -- соображает Тони туговато. А может, все дело в том, что Мириам подавила его и у него просто не было возможности проявить себя? Вот в исполнении песен он соображает что надо. Стоит хоть чуть-чуть сыграть не в такт, тут же замечает. Нет, дело просто в том, что Мириам никогда не давала ему возможности пораскинуть мозгами. Мириам! Она нанесла под глаза еще один слой крема. Ей необходимо спать. Она вернулась в спальню. Анна уже засыпала. Дженифер забралась под одеяло и выключила свет.

Прошел час, а она так и не сомкнула глаз. Похоже, ей предстоит очередная бессонная ночь. Быстро встав с кровати, Дженифер прошла в гостиную. Она бы смогла спать, если бы имела крепкие нервы и не теряла самообладания. Взяв свою сумочку, она достала оттуда пузырек и пристально посмотрела на крохотные красные обтекаемые капсулы, напоминающие пульки. Вчера вечером ей дала их Ирма. ("Просто прими одну, и проспишь несколько часов").

Секонал. Ирма дала ей четыре штуки. ("Для меня они на вес золота. Больше дать не могу"). Ирма была дублершей Нили в шоу. Она уверяла, что эти маленькие красные "куколки" спасли ей жизнь. ("Я бы дала тебе еще, Дженифер, но нужен рецепт врача. Я могу купить только десять штук в неделю").

Может, и ей попробовать одну? Ее пугало, что такая крошечная красная капсулка может принести спасительный сон. Она налила стакан воды и с минуту держала пилюлю в руках, слушая, как сильно колотится сердце. Ведь это наркотик... да нет же, просто смешно! Ирма принимает по одной каждую ночь и прекрасно себя чувствует. Когда та впервые вышла на сцену, она ужасно нервничала, и вот сейчас, когда прошло семь месяцев, она все еще нервничает. ("Я чувствую, что когда пою, меня все сравнивают с Нили. Теперь, когда выходят ее пластинки, каждое слово из ее репертуара постоянно сравнивают").

Ладно, от одной пилюли ничего не будет. Дженифер проглотила ее, запила, сунула пузырек в сумочку и юркнула в постель.

Сколько понадобится времени? Спать по-прежнему нисколько не хотелось. Ей было слышно даже дыхание Анны, тиканье будильника на столике, звуки автомобилей с улицы -- казалось, что все стало восприниматься острее и четче...

И тут она почувствовала ЭТО! О боже! Замечательно! Все тело будто стало невесомым... голова сделалась тяжелой и вместе с тем легкой, как воздух. Она вот-вот уснет... уснет... о миленькая красная "кукол-ка"...

За несколько дней до Рождества, когда Анна, как обычно в конце недели, укладывала вещи в сумку, чтобы идти на выходные к Лайону, Дженифер объявила о принятом ею крупном решении.

-- Значит, вот как!-- произнесла она.-- Сегодня вечером я либо заставлю Тони ехать со мной в Элктон, либо расстанусь с ним навсегда. Вчера вечером я все рассчитала. Если не сработает, у меня в запасе останется полтора месяца. Полтора месяца, пока он еще будет в Нью-Йорке, и я смогу появляться в разных местах, разодетая в пух и прах, с кем-нибудь другим, чтобы свести его с ума. Свести настолько, что он женится на мне.

-- Где же сегодня вечером Мириам?

-- Там, где и всегда. С нами! В "Ла Бомбре" премьера нового шоу. Я сказала Тони, что заеду из театра домой переодеться и чтобы он тоже заехал за мной сюда. Мы будем с ним одни, и я застигну его врасплох. И если я разыграю все, как по нотам...

Дженифер была в одном халате, когда заехал Тони.

-- Эй... поторапливайся и одевайся. Шоу продлится до половины первого.

Она подошла к нему.

-- Сначала обними меня,-- нежно попросила она.

Разомкнув объятия, он перевел дух.

-- Крошка, дай мне отдышаться. Господи! Когда я рядом с тобой, мне нужно делать кровопускание.-- Его руки гладили ее грудь. Дрожащие пальцы никак не могли расстегнуть пуговицы ее шелкового халата.-- Черт... ну почему у тебя все халаты на пуговицах?-- Стянув наконец халат, Тони обнажил ее по пояс. Он отступил от нее на шаг, дыхание у него участилось.

-- Джен, ни у кого больше нет таких титек!

Она улыбнулась.

-- Они твои, Тони.

Он уткнулся в них лицом, опустил на колени.

-- О боже! Не могу в это поверить. Каждый раз, когда касаюсь их, не могу в это поверить.-- Словно изголодавшись, он с жадностью впился в ее грудь.-- Она мягко отстранила его голову.-- Не хочу даже шевелиться,-- пробормотал он.

-- Тони, давай поженемся.

-- Конечно, детка, конечно...-- Он лихорадочно расстегивал остальные пуговицы халата, пока тот не упал на пол. Она отступила назад. На коленях он двинулся следом за нею. Она отступила еще.

-- Тони, все это,-- она гладила свое тело,-- не твое, а мое!

Он приблизился к ней. Дженифер опять отступила. Она погладила свои бедра, коснувшись себя пальцами между ног.

-- И это тоже мое,-- мягко сказала она.-- Но мы хотим тебя, Тони,-- вдруг севшим голосом прошептала она.-- Сними с себя все.

Он рванул на себе рубашку. Посыпались пуговицы, застучали по полу. Он стоял перед нею совершенно обнаженный.

-- У тебя красивое тело,-- медленно улыбнулась она. Затем опять отступила.-- Но у меня красивее.-- Рассчитанным, нарочито затянутым жестом она погладила обе свои груди, словно ей доставляло удовольствие касаться их. Тони замер, глядя на нее и прерывисто дыша. Он бросился к ней, но она увилинула.

-- Смотреть можешь,-- нежно пропела она.-- А прикасаться -- нет. До тех пор, пока оно не станет твоим...

-- Но оно -- мое... ты -- моя!-- Он почти рычал.

-- Только временно,-- она сладко улыбнулась.-- И я забираю все назад до тех пор, пока ты действительно не захочешь.-- Она опять погладила свои груди.-- Захочешь насовсем.

Весь дрожа от нетерпения, он двинулся за нею.

-- Я хочу. Ну, иди же ко мне... сейчас!

-- Сейчас -- нет. Только когда женишься на мне.

-- Ну, конечно,-- прохрипел он.-- Я женюсь на тебе.-- Он по-прежнему двигался за нею, но она уходила от него, не переставая улыбаться и оглаживать свое тело. Ее руки то поигрывали грудями, то опускались на бедра, касаясь тела везде. Она не сводила с него глаз.

-- Когда ты женишься на мне, Тони?

-- Поговорим об этом позже... сразу после...-- Он следовал за нею, загипнотизированный этой новой игрой. Дженифер подпустила его к себе... он схватил ее груди... начал с жадностью сосать их... его руки скользнули ей между ног. Она резко отстранилась.

-- Джен,-- судорожно выдохнул он.-- Прекрати. Что ты хочешь сделать... убить меня?

-- Женись на мне или ты касался меня сейчас последний раз -- последний!

-- Женюсь, женюсь...

-- Прямо сейчас. Сегодня же.

-- Но как мы сможем пожениться сегодня? Нам ведь нужно сдать кровь на анализ... получить разрешение. Начнем всю эту кутерьму завтра же с утра. Обещаю.

-- Нет. К тому времени Мириам успеет отговорить тебя.

Упомянув Мириам, она сделала неверный ход: это моментально вернуло Тони к реальности, и его страсть начала затухать. Быстрыми

шагами она двинулась к нему через всю комнату, раскачиваясь всем телом, лаская свои груди.

-- Нам будет не хватать тебя, Тони,-- прошептала она.

Он быстро пересек комнату и сгреб ее в объятия.

-- Женись на нас сегодня, Тони. Мы очень хотим принадлежать тебе...-- Она прижалась к нему всем телом и стала тереться о него.

-- Но как я сумею?-- прохныкал он.

-- Бери свою машину. Можно поехать в Элктон, штат Мэриленд.

Он уставился на нее.

-- Ты хочешь сказать, нас там поженят... вот так возьмут и поженят?

-- "Вот так возьмут и поженят"!-- Она щелкнула пальцами.

-- Но Мириам...

-- Я сообщу Мириам,-- сказала она.-- Мы позвоним ей сразу же после бракосочетания. Я сама скажу ей, пускай орет на меня. Ты будешь в моих руках. Я вся целиком буду принадлежать тебе... навсегда.-- Она опять потерлась о него.-- Потрогай же меня здесь, Тони,-- все это будет принадлежать тебе. Ты сможешь делать со мной все, что пожелаешь, Тони. Все... даже то, чего я тебе никогда не позволяла.-- Она отстранилась и стояла, ритмично покачивая бедрами.-- И буду делать все, о чем ты меня просил... после того как мы поженемся.

-- Сейчас,-- взмолился он.-- Пожалуйста, сейчас... а потом поедem в Элктон.

-- Нет. После Элктона.

-- Я не выдержу, не смогу столько ждать!

Она подошла ближе.

-- Прекрасно сможешь. Потому что сегодня же, после того как мы поженемся,-- пальцами она ласкала его тело, покусывая его за ухо,-- мы классно потрахаемся.

Он провел языком по пересохшим губам.

-- Ладно, ты победила. Только, ради бога, поедem туда прямо сейчас.

Она обвила его руками.

-- Ты не пожалеешь об этом... я доведу тебя до безумия.

В дверь резко постучали. Дженифер вырвалась из объятий.

-- Я никого не жду, Тони, говорил ты кому-нибудь, что будешь здесь?

Он отрицательно затряс головой. Она надела халат. Перед ней стоял посыльный отеля с телеграммой в руке.

-- Это Анне. Надо позвонить ей к Лайону. Вдруг дело важное.

Дженифер села на кровать и набрала номер. Тони последовал за ней в спальню. О черт, как глупо все обернулось! Дженифер встала, запахивая халат. А где же Анна? Почему они не отвечают?

-- Алло,-- ответил голос Лайона. Да, Анна у него. Тони возился с ее халатом. Она оттолкнула его.

-- Алло, Анна? Тебе сейчас пришла телеграмма. Конечно, одну ми-

нута.-- Она разорвала конверт. Тони мягко, но настойчиво толкнул ее на кровать. Держа в руках телеграмму и трубку, Дженифер молча пыталась отпихнуть его. Она зажала трубку рукой.

-- Нет, Тони! Не сейчас. Нет!-- Он уже забрался на нее. Она посмотрела на провод. Тони нашел ртом ее грудь.-- О боже...

-- Анна... да, я здесь... Анна... Господи! Твоя мать умерла!-- Она ощутила, как Тони грубо входил в нее и, словно насильник, яростно овладевает ею. Стиснув зубы, она старалась говорить спокойным голосом.

-- Да, Анна. Больше в телеграмме ничего. Приношу тебе свои соболезнования.-- Она положила трубку. Он уже обессиленно привалился к ней, тяжело дыша от полученного наконец удовлетворения.

-- Тони, это нечестно. Ты воспользовался моей временной слабостью.

Он лениво улыбнулся.

-- Детка, эти слабости у тебя от рождения -- целых две.-- Он чмокнул ее в левую грудь.

-- Давай лучше быстрее одеваться. Сюда едет Анна.

Он надел рубашку.

-- Черт, до чего же мне хотелось тебя, а? На этой рубашке не осталось ни одной пуговицы. Сбсгаю быстро к себе в отель за новой.

-- Упакуй вещи, Тони.

-- Для чего?

-- Мы же едем в Мэриленд, забыл?

-- Не сейчас, детка. Если мы пошевелимся, то еще успеем застать шоу в "Ла Бомбре". Ну-ка, одевайся, я заскочу за тобой минут через двадцать.

-- Тони, если мы не поедем туда сегодня, я больше не буду с тобой встречаться.

Подойдя к ней, он игриво потрепал ее за подбородок.

-- Будешь, детка. Я -- самый великий. Кто может сравниться со мной?-- он направился к двери.-- Надень что-нибудь потрясное -- там будут газетчики.

Она посмотрела, как за ним закрывается дверь. Проклятие! Проклятие! Как все пошло. Будь проклята мать Анны! Будь прокляты все матери на свете! Даже с того света они протягивают свои руки и все портят. Она вдруг вспомнила, что на этой неделе не отправила своей матери чек. А ведь близится Рождество. Мать подыскала себе каракулевую шубу, которую непременно хочет купить. Хочет успеть поносить хотя бы единственную натуральную шубу, пока еще жива. Она бросилась к столу, выписала чек на пятьсот долларов, вложила его в конверт и приписала: "Счастливого Рождества. Поздравляю с каракулевой шубой. Джанет". Что ж, по крайней мере, хоть у матери Рождество будет счастливым. Проклятие, когда же оно будет у нее самой?

Она начала одеваться. Ей не хотелось, чтобы Тони застал ее здесь. Ей все-таки придется принудить его. Времени остается так мало.

Она поедет в Лоренсвилл с Анной! Ну, конечно! Обязательно -- ведь Анна ее подруга. Она позвонила Генри Бэллами. Его сонный голос сразу же оживился, когда она сообщила о случившемся. Конечно, она должна ехать с Анной. Пусть не беспокоится, с Гилом Кейсом он все уладит. Пусть возьмет машину напрокат, расходы за его счет. Легче ехать в Лоренсвилл на машине, чем связываться с пересадками на поездах. Бедная Анна: и тетка и мать в один год.

Когда Анна и Лайон приехали, все уже было готово и оговорено. Дженифер даже упаковала сумку Анны.

-- Я положила два черных платья и твой серый костюм.

-- Можно ехать первым утренним поездом,-- сказала Анна.

-- Нет. Сейчас только половина первого, а я все равно по ночам не сплю. Я поведу, а ты поспишь прямо в машине. К утру будем на месте. Я уже заказала машину, она подъедет с минуты на минуту.

-- Я приеду на похороны,-- сказал Лайон.

Анна повернулась к нему.

-- Нет, Лайон. Ты не знал мою мать. Все будет нормально. Займись лучше своей книгой.

-- Позвони мне сразу же, как приедете.

Дженифер стремглав увлекла Анну вниз по лестнице. Сверкающая черная машина уже ждала их у входа. Представитель фирмы передал Дженифер ключи от зажигания вместе с документами на прокат машины, и пять минут спустя они уже были в пути. Лайон смотрел, как красные огни исчезали в потоке других машин. Все произошло так быстро. Он был поражен, как молниеносно Дженифер все устроила. Он ошибался в ней: не такая уж она и пустышка, в конце концов. Лайон пошел по лестнице, едва не столкнувшись с Тони Поларом -- тот сидел в такси с самодовольным выражением на лице.

Похороны были в понедельник. Как только они приехали в Лоренсвилл, всем стала заниматься Анна и хладнокровно проделала все, что необходимо в такой ситуации. Выяснилось, что произошел бессмысленно несчастный случай по вине самой матери. У нее уже давно начала образовываться катаракта. Машину всегда водила тетя Эми, но после ее смерти мать настояла на том, чтобы водить самой. Была ночь, шел дождь, она ехала домой после затянувшейся игры в бридж и не заметила грузовика с прицепом. Удар пришелся прямо в голову, смерть наступила мгновенно.

Похороны были торжественными и пышными. Лайон и Генри прислали огромные корзины живых цветов. От мисс Стейнберг и девушек тоже пришел венок. В тот же вечер Анна была вынуждена устраивать нечто вроде официального приема. Казалось, все население городка явилось выразить свое соболезнование и поглазеть на Дженифер.

Во вторник утром Дженифер заговорила о возвращении в Нью-Йорк. Они сидели в залитой солнцем столовой. Лоренсвилл очень понравился Дженифер. Ее забавляло, что весь городок с восхищением

таращит на нее глаза. Но самое большое впечатление на нее произвел дом, оставшийся теперь Анне.

-- Мне нужно возвращаться, чтобы участвовать в представлении. Но ты-то останешься здесь хоть ненадолго.

-- Это еще для чего?-- удивилась Анна.

-- Ну-у, этот дом. Ты же не можешь вот так взять и уехать из него.

-- Я уже говорила со своим адвокатом. Сказала, чтобы дал объявление о продаже. С мебелью и со всем прочим.

-- Но это же замечательный дом, Анна. Может, оставишь его себе... сдашь внаем.

-- Я ненавижу его и ненавижу этот город; хочу оборвать все, что меня связывает с ним. Если я оставлю этот дом, то у меня всегда отыщется причина приехать сюда. Если же продам, то буду знать, что мне не придется возвращаться сюда никогда, никогда.

-- У тебя было настолько ужасное детство?

-- Не ужасное. Просто не было никакого.

-- Я так понимаю, что ты не любила свою мать.

-- Да, не любила, но и не испытывала к ней неприязни. Она никогда не давала мне оснований ни для того, ни для другого. Это не ее вина. Это -- Лоренсвилл. Ах, Дженифер, я бы лучше всю жизнь прожила в этой ужасной комнатке, что я снимала на Пятьдесят второй стрит, чем осталась здесь. Лоренсвилл душит меня. Я физически чувствую это -- нависает, гнетет и давит к земле.-- Ее передернуло.-- Вообрази, за всю свою жизнь здесь я была знакома, по меньшей мере, с тридцатью девочками, и ни одна из них не стала моей близкой подругой. В Нью-Йорке я чуть больше года, а у меня есть уже и ты, и Нили, и Лайон.

-- Положим, только Лайон и я. От нашей кинозвезды несколько месяцев ни слуху ни духу.

-- Ее картина выходит на экраны в марте. Только представь: премьера ее первой картины!

-- Да, наверное, она сыграла хорошо. Я считала, что сейчас она снимается уже во втором фильме. Интересно, когда у них пойдут дети? А Мэл -- как ты думаешь, он здорово поправился?

Обе девушки рассмеялись, и Дженифер налила еще кофе.

-- Ну, ладно, днем мне нужно ехать, тогда приеду еще затемно. И успею на завтрашнее дневное представление.-- Она наморщила лоб.-- Боже, Тони, наверное, думает, что меня похитили. Я же не успела оставить для него записку. Вот уж Мириам, должно быть, торжествует.

Всю утомительную дорогу до Нью-Йорка она размышляла о Тони. Даже если все получится -- если они поженятся,-- с ними всегда будет Мириам. Это крупный недостаток Тони. "Она воспитала меня, посвятила мне всю свою жизнь!-- с криком бросал он в лицо Дженифер, когда та начинала возмущаться постоянным вмешательством Мириам в их отношения.-- Из всех женщин она -- единственная, кто стоит за меня на все сто процентов!"

Но Мириам не может ложиться с ним в постель. Дженифер решительно нахмурилась. Она хочет не только его денег и прочного поло-
жения. Она хочет быть еще и хорошей женой. Хочет ребенка. От этой
сделки Тони приобретет больше, чем даст ей сам. Она не станет изме-
нять ему. Для чего? Все мужчины похожи друг на друга. Тони вполне
удовлетворяет ее, как и большинство других мужчин. Мария научила
ее обращаться со своим телом, и она теперь знает, как возбуждаться
самой. Это легко...

Ее почтовый ящик в отеле был забит письмами и телефонограмма-
ми. Несколько было от дома моделей Лонгуорта -- о боже, она же за-
была сообщить им,-- но все остальные были от Тони. Телефонистка
коммутатора сказала ей, что мистер Полар звонил только что, уже де-
сятый раз сегодня. Дженифер довольно усмехнулась. Было уже два
часа ночи. Она прошла к себе в люкс и разделась. Однако секонал по-
ка не принимала. Забравшись под одеяло, она стала ждать.

Спустя двадцать минут зазвонил телефон. Когда она ответила, в го-
лосе Тони послышалось явственное облегчение. Но он тут же проры-
чал:

-- Где ты была, черт тебя возьми?

-- Далеко.

-- Хватит шутить!-- Затем совершенно другим тоном, внезапно
проникнувшись искренним чувством, он спросил:-- Послушай, детка,
я чуть с ума не сошел. Где ты была?

Ее ответ не удовлетворил его, пожалуй, он не поверил.

-- С каких это пор ты мчишься из города, чтобы присутствовать на
похоронах?

-- Анна моя лучшая подруга.

-- Хорошо, но ведь тебя не было черт знает сколько времени. Что
там стряслось? Кто-то из могильщиков оказался неотразим?

-- Все, как один,-- сладким голосом ответила она.-- Говоря откро-
венно, в жизни не видела сразу столько красивых мужчин в одном го-
роде.-- На самом деле она даже не разговаривала ни с одним мужчи-
ной моложе пятидесяти.

-- Джен,-- мягко попросил он.-- Могу я сейчас приехать?

-- Тони, уже три часа ночи.

-- Я мог бы быть у тебя через пять минут.

Она притворилась, что зевает.

-- Прости, но я приняла снотворное.

-- Тогда завтра? Днем? В три у меня запись, но в четыре я буду сво-
боден.

-- У меня дневное представление. Завтра же среда, забыл?

-- Хорошо, приеду к тебе сразу же после выступления.

-- Нет. Ты же знаешь, я не снимаю грим между дневным и вечер-
ним представлениями. И от моей прически ничего не останется.

Он простонал:

-- Ну, хорошо, хорошо! Я заеду за тобой и поужинаем вместе.

-- Там видно будет...-- Она положила трубку.

После дневного представления Дженифер не поехала домой. Все время до вечернего представления она заставила себя просидеть в кино. Перед самым представлением она велела швейцару сказать Тони, если тот заедет за ней, что она уже ушла. Она сидела в гримерной до тех пор, пока швейцар не пришел запираеть помещения. "Да, мистер Натал, действительно приезжал, и я передал ему именно то, что вы просили". Дженифер дала ему пять долларов и ушла домой.

Когда она вошла в свой номер, телефон заливался длинными трелями. Она не стала снимать трубку. Аппарат трезвонил каждые двадцать минут. Всякий раз она связывалась с коммутатором -- звонил мистер Натал. В пять часов утра она сняла наконец трубку.

Тони был в ярости.

-- Ты где была?

-- Ходила в кино между представлениями.-- Она нарочно говорила так, чтобы это звучало неправдоподобно.

-- Ну, конечно! А вечером? Что-то ты быстро оттуда слиняла.

-- Я была в театре. Швейцар, должно быть, ошибся.

-- И, разумеется, провела весь вечер дома?

-- Э-э...

-- Так вот, к твоему сведению, я звонил каждые двадцать минут, начиная с половины двенадцатого. Ты пришла только сейчас!-- Голос у него был торжествующий.

-- Я, должно быть, спала и не слышала звонков.

-- Ну еще бы! Вероятно, с одним из бостонских хлыщей, с которым на похоронах познакомилась.

Дженифер повесила трубку первой и откинулась на подушку, удовлетворенно улыбаясь своей очаровательнейшей улыбкой. Срабатывало! Она прошла в ванную и взяла с полочки пузырек, до краев наполненный красными капсулами. Вот уж повезло, так повезло! В Лоренсвилле она с невинным выражением на лице поведала старенькому доктору Роджеру о своих трудностях со сном. Он был ослеплен ее лучезарной улыбкой и отнесся к ней с пониманием и сочувствием. От похорон у многих появляется бессонница. На другой день он сам явился с пузырьком, набитым двадцатью пятью капсулами секонала!

Опять настойчиво зазвонил телефон. Тони теперь не отстанет. Она позвонила на коммутатор отеля и велела ни с кем больше не соединять, сказав, что сегодня ночью она не отвечает ни на какие звонки. Для большего спокойствия она заперла дверь на задвижку. Затем открыла пузырек с пилюлями. Достала две. Одна помогала -- но две! Это было самое восхитительное ощущение на свете. Она мягко опустила голову на подушку. Томное оцепенение начало распространяться по всему ее телу. О боже! И как только она жила без этих великолепных красных "куколок"!

Еще два дня она играла с Тони в кошки-мышки. Каждую ночь она с обожанием смотрела на пузырек с секоналом. Без этих "куколок" у

нее не получилось бы ничего. Она бы целыми ночами не спала, кури-
ла, металась... и самообладание покинуло бы ее.

В пятницу вечером, когда она приехала в театр, у входа ее поджи-
дал Тони. Он грубо схватил ее за руку.

-- О'кей. Твоя взяла, -- рявкнул он. -- Я на машине. Мы едем в Элк-
тон сегодня же... сейчас.

-- Но у меня выступление, а завтра еще дневное представление.

-- Я сейчас пойду и скажу режиссеру, что ты заболела.

-- Но они же прочитают о нас в газетах, если мы сбежим туда. С ме-
ня взыщут неустойку, возможно, даже через профсоюз "Эквити".

-- Ну и что? Ты будешь миссис Тони Полар. Ты ведь не собираешь-
ся продолжать выступать в этом шоу?

(Ну, конечно, нет! Что она, с ума сошла? И потом, Генри все ула-
дит. Вот именно!)

Она схватила его за руку.

-- Иди и скажи, что я больна, Тони. По правде говоря, я и впрямь
начинаю ощущать какую-то слабость...

Дженифер была счастлива, Тони -- ошеломлен. Они поженились!
Сообщение попало в газеты Элктона. Улыбаясь, они позировали перед
местными фоторепортерами и делали заявление для АП и ЮПИ. На-
конец, они уехали оттуда и остановились в небольшой гостинице на
окраине Нью-Йорка.

Сейчас, когда Тони сидел на кровати, глядя, как Дженифер распа-
ковывает вещи, ошеломление, вызванное общим возбуждением, нача-
ло проходить. Он вдруг испугался.

-- Мириам убьет меня, -- медленно проговорил он.

Подойдя к нему, Дженифер обвила его руками.

-- Ты не ребенок, Тони. Ты -- мой муж.

-- Ты должна заступиться за меня, когда мы будем ей говорить, --
бормотал он.

-- Я твоя жена, милый, я всегда буду за тебя заступаться.

-- Но она просто сойдет с ума от ярости, Джен. -- У него в глазах по-
явились слезы. Он вдруг зарылся головой в подушку и разрыдался. --
Боюсь... как же я боюсь...

На мгновение Дженифер застыла на месте. Волна отвращения за-
хлестнула ее, вызвав даже приступ тошноты. Она ощутила в себе бе-
зумный импульс повернуться и бежать отсюда... но куда? И к чему
именно? Никто не поймет. Подумают, у нее что-то не в порядке с моз-
гами. Ей нужно постараться, чтобы все выглядело пристойно. Тони --
звезда, а у талантливых людей часто бывают разные отклонения. Мо-
жет, в этом-то все и дело: просто он повышенно эмоционален по срав-
нению с другими мужчинами.

Сев на кровать, Дженифер взяла его голову в ладони.

-- Все будет в порядке, Тони, -- успокаивающе сказала она.

-- Но Мириам сойдет с ума. Станет кричать. -- Он посмотрел на нее.

В глазах у него стояли слезы.-- Это ты виновата. Ты заставила меня сделать это.

-- Я же сказала, что заступлюсь за тебя перед Мириам.

-- Честно? Правда, заступишься?

-- Да,-- она погладила его по голове.-- Тебе просто нужно помнить, что я -- твоя жена.

Тони протянул руку и коснулся ее груди. Медленно вытерев слезы, он заулыбался и посмотрел на нее с хитроватым выражением на лице.

-- И теперь я могу делать с тобой все, что захочу?

Она выдавила из себя слабую улыбку.

-- Да, Тони...

Он грубо сорвал с нее халат.

-- Перевернись на живот,-- прорычал он.

Джен заскрежетала зубами от боли, когда, с трудом прорвавшись, он проник в нее. Почувствовала, как его ногти впиваются ей в тело, царапая кожу. "Улыбайся, Джен,-- сказала она себе.-- Ты добила своего: ты -- миссис Тони Полар..."

А н н а

Декабрь 1946

В тот вечер Анна вернулась в Нью-Йорк. В их номере все было перевернуто вверх дном. На ночном столике торчком стоял листок, покрытый торопливым почерком Дженифер:

"Борьба была нелегкой, но я одержала победу. Когда ты будешь читать это, я уже буду миссис Тони Полар. Пожелай мне счастья. С любовью -- Джен".

Анна была рада за подругу, но победа Дженифер, казалось, еще сильнее подчеркивала безрадостность и безнадежность ее собственной судьбы.

Лайон позвонил ей в Лоренсвилл и сообщил потрясающее известие. Бэсс Уилсон книга понравилась, она сочла ее многообещающей, но полагала, что ее нужно полностью переписать, прежде чем она сможет показать ее какому-либо издателю. Лайон весь горел энтузиазмом. Правда, это означало еще полгода печатания на машинке, но ведь книга понравилась самой Бэсс Уилсон, а Бэсс угодить нелегко.

Она пыталась скрыть свое разочарование: значит, придется стучать

на машинке еще целых шесть месяцев. И вот ушла Дженифер. Номер-люкс казался совсем нежилым.

Она может позволить себе снимать его и одна. У нее много денег, точнее -- будет много, как только все придет в порядок. К сожалению, оборвать все связи с Лоренсвиллом, просто передав мистеру Уокеру ключи, оказалось невозможным. Оставалось еще бесчисленное количество юридических процедур, требующих ее присутствия. Завещание должно быть подтверждено судом по наследственным делам. А мебель... нельзя же было просто выставить ее на улицу. Мистер Уокер сказал, что каждый предмет имеет определенную стоимость. К мебели нужно прикрепить бирки и отправить ее в Нью-Йорк или Бостон на аукцион. Это принесет Анне приличную сумму.

Мать оставила ей пятьдесят тысяч долларов облигациями, акциями и наличными. Деньги тети Эми тоже переходили к ней -- это еще двадцать пять тысяч. По словам мистера Уокера, за один только дом он сумеет выручить сорок тысяч, поскольку тот расположен на полутора акрах отличной земли. Да, денег у нее будет много, намного больше ста тысяч, не считая суммы, что будет выручена за мебель, а тем временем над нею дамокловым мечом нависала необходимость опять ехать в Лоренсвилл, по крайней мере, на неделю, а то и больше. Она поежилась. Уже одно только пребывание в этом доме беспричинно угнетало ее.

Быстро приняв душ, Анна переделалась и поехала на такси к Лайону. Когда она вошла, он сидел за машинкой.

-- Заходи в мою темницу,-- пригласил он, ласково обнимая ее. Он принялся подбирать скомканные листы бумаги, разбросанные по полу тут и там.-- Не обращай внимания на этот хлев: я работал все вечера. Все идет превосходно.

Она натянуто улыбнулась.

-- Я рада, Лайон. Я знаю, что книга получится хорошей.-- Анна взяла пачку чистой бумаги и посмотрела на нее.-- Сейчас для меня совсем не время сидеть в этом Лоренсвилле, как в ловушке, но я могу взять с собой бумагу и печатать новый вариант там.

-- Что я буду делать без тебя? Я же делаю столько опечаток, и страницы выходят неаккуратные.-- Он вдруг нахмурился.-- Это и впрямь несправедливо по отношению к тебе -- ты была так терпелива все это время. И вот опять задержка -- эта перепечатка, будь она неладна.

Она улыбнулась.

-- Я же сказала, что готова ждать всю жизнь, если потребуется. Не обращай внимания ни на меня, ни на мое настроение -- это все Лоренсвилл.

Потом, когда она лежала в его объятиях, ей казалось, что Лоренсвилл находится за тысячи миль от них. Слово его и не существовало никогда. Лишь много позже она вспомнила, что еще не сообщила Лайону про Дженифер.

-- Рад за нее,-- сказал он.-- Но разве это не поставило тебя в не-

сколько затруднительное положение? Ведь теперь тебе не с кем снять номер.

-- У меня есть деньги, Лайон. Мать оставила мне приличную сумму.

-- Никому не говори об этом. А то какой-нибудь охотник за деньгами быстренько окрутит тебя.

-- Лайон, ну почему мы не можем пожениться? Денег у меня хватит, чтобы нам обоим жить на них в течение... э-э, довольно долгого времени.

-- А ты каждое утро будешь бежать на работу...

-- Только чтобы не мешать тебе. Здесь слишком тесно для двоих, если мы будем целыми днями шараться из угла в угол. Но как только ты все закончишь... тогда я стану работать на тебя. Буду печатать твои рукописи, вести переписку с твоими почитателями...

-- Все обстоит не так, Анна. Ты же знаешь, что сказала Бэсс Уилсон. Даже если книга окажется хорошей, она не принесет мне ничего, кроме некоторой писательской репутации. И значит, предстоит работать еще год абсолютно без каких-либо денежных поступлений. И не думай, что я не хочу посвящать писательскому труду все свое время. В эти последние несколько вечеров я вдруг кое-что понял -- вырабатывается определенная ритмичность, когда несколько часов подряд, не отвлекаясь, занимаешься одним и тем же.

-- Стало быть, я права.-- Она села в кровати.

-- И да, и нет. У меня есть деньги, Анна. Но к тому времени, когда я приступлю ко второй книге, они кончатся. Мне придется просить у тебя на сигареты. Для меня это будет слишком унижительно, и писать в таком состоянии я не смогу. Нет, дорогая, ничего не получится.

-- Но что же тогда остается делать мне? Сидеть и ждать, пока ты получишь Пулитцеровскую премию?

-- Нет. Просто подождать и посмотреть, как примут эту книгу. Если вообще примут. А пока я вовсе не уверен, что ее опубликуют.

-- Опубликуют. Я это знаю. И я буду ждать.-- Она задумалась.-- Интересно, а сколько времени уходит на публикацию книги?

Он рассмеялся и заключил ее в объятия.

Анна ходила взад и вперед по деревянному дощатому полу вокзала в Лоренсвилле. Электричка, как обычно, опаздывала. Бедный Лайон! Пять часов в бостонском поезде сами по себе невыносимы, а трястись еще целый час в неотопливаемой электричке, со всеми остановками...

Последние три дня были для нее просто ужасными. Она была так благодарна Вилли Хендерсону, который повсюду возил ее на своем новеньком "Шевроле". Каждая мелочь требовала бюрократической волокиты! Иногда ей начинало казаться, что она еще ничего не сделала. Придется задержаться здесь до середины следующей недели, потому что из Бостона приезжает представитель посреднического агентства, чтобы обсудить с нею вопрос о мебели. Все, решительно все приходи-

лось обсуждать -- какой бы шаг она ни предпринимала, он неизменно тормозился, а то и срывался из-за юридических проволочек. В Лоренсвилле она попала в ловушку.

Но на выходные приезжает Лайон. Они проведут вместе два замечательных дня, благодаря которым можно будет вынести даже Лоренсвилл. Кровать матери, огромная, на четырех массивных ножках и с пологом, впервые станет ложем для двух человек, которым хорошо друг с другом. Застилая ее, Анна подумала, сколько же страшных ночей провел здесь ее отец, сколько отказов получил от ее эмоционально девственной матери. "Ну что ж, сегодня ночью тебя ожидает не один сюрприз", -- обратилась она к кровати, в последний раз переворачивая толстый стеганный матрац. Та ответила ей легким поскрипыванием, будто возмущенно протестуя.

Но сейчас, нервно прохаживаясь взад-вперед по залу ожидания, Анна подумала, благоразумно ли она поступает. В Лоренсвилле все узнают, что Лайон приезжал и останавливался в ее доме. Ну и что! Продав дом, она никогда больше сюда не вернется. Будь проклят этот городишко! Наплевать, что подумают!

Послышался скрежет тормозов подошедшей электрички. Анна первой увидела Лайона. Мелкий снег падал на его черные волосы, пока он шел по перрону. Сердце словно сжалось у нее в груди; всякий раз при виде Лайона она испытывала это странное чувство. Наступит ли такое время, когда она будет воспринимать его как нечто само собой разумеющееся и жить спокойно и счастливо от одного только сознания, что он принадлежит ей? Сейчас же, увидев скользнувшую по его лицу улыбку, она опять ощутила, как ее захлестнула волна изумления от того, что этот великолепный человек действительно принадлежит ей. Прodelать такой путь до Лоренсвилла, только чтобы побыть с нею!

-- Мне не верилось, что я сюда вообще доеду, -- сказал он, слегка обняв ее. -- Сколько городков проехали. Боже, быюсь об заклад, никто даже не подозревает, что в штате Массачусетс есть Рим.

-- Или Лоренсвилл, -- в тон ему подхватила она.

-- О Лоренсвилле знает каждый: его прославил ты. На чем отправимся в обитель досточтимых предков, на санях?

Она подвела его к такси. Он смотрел на открывающиеся за стеклом виды, а она уютно прижалась к нему.

-- Разве не нужно сказать водителю, куда ехать? -- прошептал Лайон.

-- Мистер Хилл знает всех в этом городе. Если бы ты был сейчас один, он автоматически повез бы тебя в единственную здешнюю гостиницу.

Лайон улыбнулся.

-- А что, мне это нравится. Не то что нью-йоркские таксисты. Слушай, а ведь места здесь красивые.

-- Это снег придает им такой вид. -- В голосе Анны не прозвучало никакого энтузиазма.

-- Когда он пошел? В Нью-Йорке стояла ясная погода.

Анна пожала плечами.

-- Вероятно, еще в августе. Он здесь никогда не прекращается.

-- По-прежнему стоишь на своем, а? Если уж что-либо ненави-
дишь, то становишься безжалостной.

-- Я отдала Лоренсвиллу двадцать лет. Для любого маленького го-
родишки этого более чем достаточно.

Лайон наклонился вперед.

-- А вам нравится Лоренсвилл, мистер Хилл?

Водитель кивнул.

-- Ага. Почему бы и нет? Я родился здесь. Правильный, хороший
город. У мисс Анны это возрастное, скоро пройдет. Вот поживет здесь
подольше, и тогда...

-- Я же говорила вам, мистер Хилл, что уезжаю отсюда насовсем.

-- А я считаю, что когда действительно подойдет время продавать
старый дом, ты передумаешь. Я помню, как в этом самом доме роди-
лась твоя мать. Бьюсь об заклад, и твои малыши тоже в нем родятся. А
что? Конечно, сейчас у нас большая новая больница прямо в Вестоне,
всего в восьми милях по главному шоссе. Получше, чем многие боль-
ницы в вашем Нью-Йорке. Да что вы хотите: даже из Бостона к нам
присылали за аппаратурой во время эпидемии полиомиелита.

Такси прохрустело по засыпанной снегом подъездной дорожке пе-
ред домом. Выйдя из машины, Лайон молча воззрился на здание.

-- Это твой?-- Он повернулся к ней, глаза его восхищенно сияли.--
Анна... он такой красивый!

-- Живописный, оттого что снег идет.-- В голосе ее сквозила не-
скрываемая неприязнь.

Лайон расплатился с мистером Хиллом, поздравил его с наступаю-
щим Рождеством и прошел за Анной в дом. Она была вынуждена при-
знать, что огонь, потрескивающий в камине, делает огромную гости-
ную теплой и уютной. Анна провела Лайона по всему дому и прочла в
его сияющих глазах, что все ему здесь очень нравится. Она поняла,
что это не просто дань вежливости, дом и в самом деле пришелся ему
по вкусу.

В большой просторной кухне они нажарили себе бифштексов и поу-
жинали в гостиной у пылающего камина. Лайон настоял на том, что-
бы затопить камин и в спальне. Она удивилась тому, как умело он об-
ращается с каминными инструментами.

-- Не забывай, что большую часть жизни я прожил в Лондоне, где
не очень-то полагаются на центральное отопление,-- пояснил он и до-
бавил:-- Дом просто замечательный. Ты слишком привыкла к нему,
чтобы достойно его оценить. Знаешь, он подходит тебе. Ты выглядишь
так, словно навсегда пустила здесь корни.

-- Не смей так говорить даже в шутку,-- пригрозила она.-- Compli-
ментом я это не считаю.

В воскресенье снег перестал, и они долго гуляли. Из церкви выхо-

дили люди, и их с Лайоном видела едва ли не половина городка. Анна здоровалась, но не останавливалась, спиной ощущая любопытствующие взгляды.

Когда они вернулись домой, Лайон начал растапливать камин, а Анна принесла ему хереса.

-- Единственное, что смогла найти, -- извиняющимся тоном сказала она. -- Ни капли виски.

-- Ты -- падшая женщина, -- он отпил вина. -- Я видел, как на нас косились твои соседи. Они спросят в гостинице и узнают, что я там не останавливался. Похоже, мне придется поскорее жениться на тебе, чтобы восстановить твою честь и репутацию в этом городке.

-- Мне безразлично, что в городке обо мне подумают.

Он сел рядом с нею.

-- Ну, хватит, моя маленькая упрямица из Новой Англии. Ты должна сдаться и признать, что этот дом действительно великолепен. Какая замечательная комната! Вот тот портрет над камином -- ведь он принадлежит кисти Сарджента?

-- Думаю, что да. На нем мой дедушка. Я передаю его в одну картинную галерею в Нью-Йорке. Они предлагают хорошую цену.

-- Оставь его у себя. Цена со временем возрастет. -- Он немного помолчал. -- Анна, серьезно... никогда еще не видел тебя такой красивой, как сейчас, когда ты сидишь здесь. Ты так прекрасно вписываешься в этот интерьер и совсем не производишь впечатление, что угнетена им. Лоренсвилл, похоже, идет тебе на пользу.

-- Только потому, что здесь ты, Лайон.

-- Хочешь сказать, дом у человека там, где осталось его сердце... -- Он притянул ее к себе, и оба стали смотреть на языки пламени. Некоторое время спустя, по-прежнему мечтательно глядя на горящие поленья, он произнес: -- И к тому же все могло бы получиться...

-- Что получится?

-- У нас с тобой.

Она еще теснее прижалась к нему.

-- Я всегда говорила, что получится. И ты точно так же мог бы прекратить сопротивление. Это неизбежно.

-- У меня около шести тысяч долларов. Анна, какой здесь ежегодный налог на жилье?

-- Здесь?

-- Вряд ли очень высокий. Не забывай, я сказал, что не смогу жениться на тебе, если нам придется жить на твои деньги. Но я мог бы воспользоваться гостеприимством этого прекрасного дома. Моих шестидесяти тысяч нам вполне хватило бы на год. А если бы я получил приличный аванс за книгу, то мог бы приступить к следующей. Анна, может же все получиться! -- Он встал и, потирая ладони, окинул комнату взглядом. -- Боже мой, а ведь действительно все было бы великолепно. Я мог бы писать здесь.

-- Здесь? -- Это слово едва не застряло у нее в горле.

-- Анна.-- Он встал перед ней на колени.-- В наших отношениях не все было достойно. Но здесь, в этом прекрасном и достойном доме, я в самой достойной манере коленопреклонно прошу тебя удостоить положительным ответом мое предложение. Согласна ли ты стать моей женой?

-- Конечно. Ты хочешь сказать, чтобы я не продавала дом, для того чтобы ты приезжал сюда и писал здесь? Я буду рада сделать это, но ведь уйдет столько времени, чтобы добираться сюда каждые выходные.

-- Мы стали бы жить здесь! Анна, этот дом твой, но я стал бы платить за него налог, платить за питание. Мы стали бы жить на мои деньги. А в один прекрасный день я заработаю кругленькую сумму, и мы придумаем что-нибудь другое. Так, вероятно, поступал и твой отец. Мистер Хилл сказал, что здесь родилась твоя мать. Здесь будут наши семейные корни, Анна. А дорогу я себе пробью, стану чертовски хорошим писателем. Вот увидишь.

-- Жить здесь?-- Она ошалело смотрела на него.

-- Я возвращаюсь в Нью-Йорк и извещаю Генри, что мы оба уходим от него. Если хочешь, пожениться можем в Нью-Йорке. Там осталась Дженифер...

-- Там осталось все!

-- Ничего такого, без чего мы не смогли бы жить.

-- Но, Лайон, мне все здесь ненавистно! Ненавистен этот город, этот дом...

Только сейчас он осознал, в каком она паническом состоянии.

-- Даже когда я здесь?-- осторожно спросил он.

Она начала мерить шагами комнату, отчаянно пытаясь собраться с мыслями. Нужно заставить его понять...

-- Лайон... ты говоришь, что смог бы писать здесь. Вероятно, смог бы. Возможно, даже по восемь часов в день. Но что бы стала делать я? Записалась бы в женские клубы? Раз в неделю играла бы в бинго? Возобновила бы так называемую "дружбу" со скучнейшими девицами, с которыми я здесь выросла? А вот тебя они бы так быстро не приняли, Лайон. Ты не их круга. Ты чужак. Нужно быть гражданином Лоренс-вилла в третьем поколении, для того чтобы хоть что-то значить в этом городе, насквозь пропитанном снобизмом...

На его лице появилось умиротворенное выражение.

-- Так вот что тебя волнует! Что меня подвергнут остракизму. Ну, за меня не беспокойся, я толстокожий. Станем ходить в церковь, нас все будут видеть. Когда поймут, что мы намерены остаться здесь, они смягчатся.

-- Нет, нет! Ни за что! Я не буду жить здесь!

-- Почему, Анна?-- Он говорил очень тихим голосом.

-- Лайон, ну как ты не понимаешь? Точно так же, как у тебя есть свои определенные принципы, ты ведь не можешь допустить, чтобы мы жили на мои деньги в Нью-Йорке,-- так и у меня есть свои уязви-

мые места. Их немного -- всего одно. Лоренсвилл! Я ненавижу его! Я люблю Нью-Йорк. До приезда в Нью-Йорк я жила здесь, в этом склеменной словно занавес поднялся. Впервые за всю свою жизнь я почувствовала, что живу, дышу.

-- Но ведь сейчас у нас с тобой появились ты и я.-- Он смотрел на нее испытующе, в упор.

-- Но не здесь,-- простонала Анна.-- Не здесь. Неужели ты не понимаешь? Во мне тогда что-то умрет.

-- Значит, насколько я понял, ты можешь любить меня только в Нью-Йорке. Нечто вроде единого пакета неразрывных соглашений?

-- Я люблю тебя, Лайон.-- Слезы ручьем текли по ее щекам.-- Я буду любить тебя где угодно. Поеду за тобой в любое место, куда потребуются для твоей работы. Куда угодно, только не сюда...

-- Ты даже не хочешь попробовать реализовать такую возможность... год, от силы два?..

-- Лайон, я продам дом... Отдам тебе все деньги... Стану ютиться с тобой в одной комнате. Но не здесь!

Он отвернулся и пошевелил в камине кочергой.

-- Ну что ж, пусть будет так.-- Затем добавил:-- Подложу-ка еще одно полено перед отъездом. А то уже гаснет.

Она посмотрела на свои часы.

-- Еще рано.

-- Поеду на четырехчасовом. Завтра предстоит тяжелый день, а в среду еще Рождество...

-- Я провожу тебя на вокзал.-- Анна подошла к телефону и позвонила мистеру Хиллу.

Когда она вернулась, огонь почти погас. Без Лайона комнаты снова показались ей отталкивающими и мрачными. О Боже, понял ли ее Лайон? Он был так молчалив по пути на вокзал. "Во вторник я вернусь,-- пообещала она ему.-- Ничто не удержит меня здесь. В Рождество я буду с тобой".

Но, сев в поезд, он даже не обернулся помахать ей на прощание. Она чувствовала, что вот-вот свалится с ног. Проклятый Лоренсвилл! Словно спрут, он тянет свои щупальца, пытаясь затянуть ее назад.

На следующий день позвонила Дженифер. Они с Тони жили теперь в отеле "Эссекс-хауз" в отличных апартаментах. Мириам снимала номер на этом же этаже. И Мириам очень хорошо приняла все. Вскоре, второго января, они уезжают на Западное побережье. А когда Анна возвращается? Завтра вечером они устраивают пышный рождественский банкет.

-- Я приеду,-- пообещала Анна.-- Всех дел здесь, похоже, не переделаешь. Несколько дней назад говорила с Генри. Он -- прелесть. Раз решил оставаться столько, сколько нужно. Но на Рождество я приезжаю. Когда Лайон будет звонить мне сегодня вечером, я скажу ему о банкете. Там и увидимся.

В тот же вечер Лайон не позвонил, вероятно, дулся на нее. Это их первая размолвка, если не считать того, что они не поняли друг друга тогда, в Филадельфии. Нет, она ни за что не уступит. Но завтра она позвонит ему на работу и скажет, что выезжает на двенадцатичасовом. Анна заказала разговор на десять утра. Генри на работе не было, Лайона -- тоже.

Она поговорила с Джорджем Бэллоузом.

-- Понятия не имею, где Лайон, -- ответил ей он. -- У нас никто не знает. Он приходил вчера вечером и ушел в двенадцать. Генри улетел на Западное побережье в пятницу, что-то срочное с шоу Джимми Гранта. Может быть, вызвал туда и Лайона... Я же говорю, у нас никто ничего не знает.

Она распаковала уложенную было сумку. Ехать в Нью-Йорк нет никакого смысла. Ею овладело разочарование, смешанное с облегчением. Вероятно, Лайон улетел в Калифорнию -- вот почему он не позвонил. Хорошо хоть, что не сердится. Наверное, позвонит вечером и все объяснит.

Рождество она провела в одиночестве. Лайон так и не позвонил.

В три часа ночи она попыталась дозвониться ему домой. Может, он не улетел в Калифорнию? Может, все-таки дуется? Никто не снял трубку.

Это было самое тоскливое Рождество на ее памяти. И обвиняла она в этом только Лоренсвилл. Дров для камина больше не осталось, и она включила газовое отопление. В доме стало теплее, но он все равно был холоден и мертв. Она попила чаю, поела печенья. По радио передавали нескончаемый колокольный звон, но рождественские песнопения повергли ее в еще большее уныние. В такой день полагается веселиться. А она -- одна. Дженифер сейчас с Тони, Нили -- в Калифорнии с Мэлом. А она совершенно одна в Лоренсвилле.

Следующие несколько дней прошли у нее в хлопотах с мистером Уокером. К каждой вещи была прикреплена бирка, и все дела постепенно упорядочились. В конце недели она уже могла бы уехать. Но где же Лайон? Прошло целых пять дней. В своем отчаянии она дошла до того, что сумела даже выяснить, что Генри остановился в отеле "Бeverly-Хиллз" в Калифорнии.

-- Генри, где Лайон?

-- Я и сам хотел бы это знать. -- На таком расстоянии его голос сопровождался потрескиванием.

-- Разве он не с тобой?

-- Нет, я думал, он с тобой.

-- Я не видела его с воскресенья и не получала от него никаких вестей.

-- Ты серьезно? -- В голосе Генри слышалась тревога. -- Я звонил на работу вчера днем. Джордж сказал, что его не было с понедельника. Я, естественно, предположил, что он взял свободные дни, чтобы встретить Рождество с тобой.

-- Генри, мы должны разыскать его!

-- Да зачем? Разве что-то случилось? Я имею в виду, что вообще могло случиться? Человек же не исчезает просто так, ни с того ни с сего. Вот уже три вечера подряд я пытаюсь дозвониться к нему на квартиру, но его там нет.

-- Я буду в Нью-Йорке завтра. Генри, найди его! Найди его!-- Ей вдруг стало страшно.

-- Ну, ну, успокойся. Вы что, поссорились с ним?

-- Не то чтобы поссорились. Скорее, не поняли друг друга... но я не думала, что это настолько серьезно.

-- Я тоже возвращаюсь завтра, -- сказал Генри, -- если только погода не испортится. Вылетаю сегодня днем четырехчасовым рейсом. А теперь успокойся. Просто так Лайон не возьмет и не бросит нас. Вероятно, в понедельник он явится и все толком объяснит. Почему бы тебе не отдохнуть там у себя в выходные?

-- Отдохнуть! Да я дожидаться не могу, когда можно будет убраться отсюда!

В Нью-Йорке она обнаружила, что в отеле ее ждало письмо от Лайона.

"Дорогая Анна!

Спасибо, что подтолкнула меня хоть на минутное размышление. Точнее, на пятичасовое размышление: поезд шел довольно долго, и времени на то, чтобы обдумать все, у меня было предостаточно. Если я хочу писать, мне остается делать лишь одно -- писать.

До сегодняшнего дня я только и делал, что выискивал себе отговорки. Вынужден был работать у Генри, и вот -- твой дом, идеальная обстановка и условия.

Похоже, что я хочу связать все в один аккуратный клубок -- приспособить все вокруг себя к тому, чтобы у меня была возможность писать.

А кто я такой, черт возьми? Не слишком ли большая наглость с моей стороны требовать, чтобы ты ходила вокруг меня на цыпочках, сдувая с меня пылинки, словно женушка писателя, приносящая себя в жертву; о таких часто пишут. Насколько я себе представляю, в настоящий момент я пребываю в состоянии полной неопределенности. Я уже не тот энергичный Лайон Берк, которого когда-то знал Генри, но я и не профессиональный писатель. И впереди тоже сплошная полновинчатость: наполовину писатель, наполовину менеджер, откладывающий свой разрыв с Генри до тех пор, пока не добьется материального успеха как писатель, и откладывающий женитьбу, потому что не может посвятить себя семье, и откладывающий написание книги, потому что обязан продолжать работать у Генри.

До сегодняшнего дня я отдавал только часть себя тебе, Генри и литературе. Совершенно очевидно, что я не смогу отдавать себя всем трем сразу. А раз так, то я просто обязан хотя бы просто вычеркнуть

себя из жизни двух человек, наиболее небезразличных мне. Почти то же самое я написал и Генри. Вот Джордж Боллоуз -- хороший малый, он как раз тот самый человек, который нужен Генри. И где-нибудь в твоём прекрасном Нью-Йорке, моя дорогая, есть тот самый человек, который нужен тебе и который ждет, чтобы ты нашла его.

Я говорил тебе, что у меня есть немного денег. К тому же я могу пользоваться большим неотапливаемым домом на севере Англии. Он принадлежит родственникам, но в нем никто не живет. Я отопру несколько комнат. На небольшую сумму я смогу прожить там несколько лет и буду писать до тех пор, пока пальцы не онемеют. Зимой дневной свет там бывает лишь несколько часов в сутки. По сравнению с тем местом Лоренсвилл -- настоящие тропики. Но там мне никто не будет мешать.

Дорогая Анна, к этому письму я прилагаю ключи от своей квартиры. Это единственное, что я практически в состоянии сделать для тебя. После того как Дженифер вышла замуж, ты стала жить в отеле одна, а квартиру найти по-прежнему трудно. Мне же она со всей мебелью досталась благодаря твоей щедрости. Думаю, будет справедливым подарок -- машинку. Но если квартира тебе нравится, переоформи договор об аренде на свое имя. И не вздумай делать большую глупость и ждать меня. Предупреждаю, что женюсь на первой попавшейся толстухе-англичанке, которая согласится готовить мне и ухаживать за мной. А через несколько лет, если я действительно напишу более или менее приличную книгу, мы оба скажем: "Вот, по крайней мере, одно, что он сделал с полной самоотдачей".

Я любил тебя, Анна. Но ты слишком прекрасна для того, чтобы получить столь малую часть маленького человека, который разбрасывается в разные стороны, пытаясь найти и реализовать себя. Поэтому я сконцентрирую свои усилия на писательском ремесле: этим, по крайней мере, я не причиню боли никому, кроме самого себя.

Спасибо тебе за самый прекрасный год в моей жизни.

Лайон".

Дженифер
ны. Казалось,
вом не упомин
она может жит
прекрасный де
только -- ни ед
возможно угад
графии с Тони
ная пара из Го

Лучи солнца
нифер чуть на
Да уж -- если о
только Калифо
взгляд на свер
другое, а уж на
редко выдастся
монно-желтый
становится все
остается в горд
бизны неба.

Она вздохну
разгар июля. И
выпадает ни ка
всегда наслажда
Мысленно она
пьянящим свеж
подальше, и лю
ке. И ведь в Н
можности вот т
гулять в Нью-Й
но пройтись по
пойти в кино на
"хот дог" -- жа
вздумаешь про
едет полицейск
Что ж, по к
Нью-Йорк. Суд

Дженифер

Май 1947

Дженифер сидела в тени у бассейна. Она перечитала письмо Анны. Казалось, та вполне счастлива -- первое письмо, в котором ни словом не упоминается о Лайоне. Может, она уже пережила это. Но как она может жить в его квартире? Неужели все еще надеется, что в один прекрасный день он явится к ней? Спустя пять месяцев? Представить только -- ни единой весточки от него! Взял и доказал, что никогда невозможно угадать, чего ждать от мужчины. Вот хотя бы эти ее фотографии с Тони. Уж какие они на них счастливые -- ну прямо идеальная пара из Голливуда!

Лучи солнца прокрались под навесную ширму. Вытянув руку, Дженифер чуть наклонила раму, чтобы защитить себя от палящего зноя. Да уж -- если от пребывания на солнце у тебя появляется крапивница, только Калифорнии тебе и не хватало. Она метнула негодующий взгляд на сверкающий оранжевый диск. Вечно он здесь висит. На что другое, а уж на него в Калифорнии всегда можно положиться. Редко-редко выдастся легкий утренний туман, но неизменно появится лимонно-желтый диск, сначала робко, затем, словно самовозгораясь, становится все ярче, поглощает и туман, и редкие облачка, и наконец остается в гордом торжествующем одиночестве посреди яркой голубизны неба.

Она вздохнула. Со времени приезда каждый день здесь походил на разгар июля. И как только растут эти проклятые апельсины, если не выпадает ни капли дождя? А в Нью-Йорке сейчас май. На востоке всегда наслаждаешься хорошей погодой, когда она наконец наступает. Мысленно она перенеслась в Нью-Йорк. Воздух там сейчас насыщен пьянящим свежим ароматом. Тяжелые зимние шубы и манто убраны подальше, и люди сидят за столиками кафетерия в Центральном парке. И ведь в Нью-Йорке можно пройтись! Никогда не оценишь возможности вот так взять и пройтись, пока не поживешь в Калифорнии. Гулять в Нью-Йорке можно даже по ночам. Если нечего делать, можно пройтись по Пятой авеню, посмотреть на витрины магазинов, или пойти в кино на последний сеанс, или пройтись по Бродвею и купить "хот дог" -- жареную сосиску, запеченную в тесте. Здесь же, если и вздумаешь пройтись по Беверли-драйв ночью, то непременно подъедет полицейская машина, и тебя предложат подвезти.

Что ж, по крайней мере, хоть Анна имеет в своем распоряжении Нью-Йорк. Судя по ее письмам, она часто везде бывает, но она ни разу не упомянула ни о чем особенном. Вероятно, все еще ждет Лайона. Ну что ж, ей, по крайней мере, есть кого ждать.

А вот чего ждет она сама? Чтобы прошел очередной день? На сегодня назначена вечеринка. Она от этого не в восторге, но это все же лучше, чем играть в джинс с Тони. И даже на этом он не может сосредоточиться, потому что Мириам не отходит от него ни на минуту, подсказывая, какую класть карту. Хотя бы раз дала ему подумать самому.

Она отхлебнула кока-колы. Лед растаял. Почему у теплой кока-колы вкус, как у слабительного? Ей было лень встать и сходить в дом за охлажденной бутылкой. Ей было лень вообще что-либо делать. И вечеринка... не будет ничего интересного. Тони дают главную роль в новом фильме Дика Микера, поэтому она должна быть приятной и обходительной. "Приятной и обходительной, -- постоянно твердит ей Мириам. -- Не старайся быть здесь крупной фигурой. Здесь ты -- ничто. Здесь все крупные шишки, так что будь просто приятной и обходительной".

Она делала все, что могла. На банкетах фланировала, как улыбающееся привидение. Друзей не заводила. Мириам оказалась права: в Голливуде красота -- товар дешевый. Тут наберется целый миллион ничего собой не представляющих красоток. Девуцы, ошивающиеся у отеля "Шваб", -- красотки, официантки в придорожных ресторанчиках -- красотки, и в то же время большинство кинозвезд вовсе не отличаются ослепительной красотой. Джейн Уаймен просто держится развязно. Барбара Стэнвик -- элегантная, изысканная. И Розалинда Рассел точно такая же. Джоанна Кроуфорд -- яркая. Черт возьми, вот это положеньице. А она-то все эти годы думала, будто в ней есть что-то особенное только потому, что у нее красивые зубы, прямой нос и большие титки. Большие титки сейчас просто не в моде. И Эдриан, и Тэд Касабланка, и все остальные ведущие модельеры создали образ широкоплечей женщины. А большие титки в такой образ решительно не вписываются, только мешают.

Предстоит еще один никчемный вечер. Она здесь никто. Просто миссис Полар, жена многообещающего новенького. "Да, но ведь он же выступал по радио", -- может сказать кто-то. Однако здесь это не имеет ровным счетом никакого значения. Ты должен сниматься в фильмах, а жена абсолютно ничего не значит. Фактически здесь у жены тот же социальный статус, что у сценаристов, -- он необходим, но имя его почти никому не известно. Даже начинающие звезды, и те привлекают к себе на банкетах куда больше внимания.

Начинающие звезды -- те всегда под рукой, готовые на все. Они знакомы с продюсерами и всегда имеют в запасе пикантные истории -- о выдающемся актере, который в момент оргазма всегда кричит "Мама!", о кинокритике, который заставляет свою жену смотреть, как он... Конечно, начинающие звезды привлекают к себе внимание на банкетах и вечеринках. Но жена -- жена живет, словно в заточении. Слишком уважаемая, чтобы за ней ухаживать, и слишком незначительная, чтобы вызывать к себе настоящее уважение. На большинстве таких банкетов она чаще всего сидела у стойки бара с нанятыми на ве-

[Faint handwritten notes, likely bleed-through from the reverse side.]

как, улыба
алась през
ельный мил
шивающих
ых рестор
езд все не
росто держ
я. И Розали
Мерт возм
о в ней есть
ы, прямой н
моде. И Эдм
ры создали
образ решит

сь никто. Пау
Да, но ведь
здесь это не
ниматься в
ски здѣхъ! Ж
необходим. Ко
звезды, и т

чер барменами -- все они оказывались родом из Нью-Йорка, -- ностальгически вспоминая "Линди". Для нее это было легче, чем вести светскую беседу с другими женами, которых вечно интересует либо теннис, либо то, каких нанять слуг.

Она не может даже вволю походить по магазинам, как любила делать до замужества. За те пять месяцев, что она здесь, ей было позволено купить одно-единственное вечернее платье. "Одежды у тебя больше, чем в любом универмаге", -- сердито отрезала Мириам. Возможно, и больше, однако она ей вся надоела. Неужели Мириам не понимает, как важно время от времени надевать что-либо новое? Но у Мириам у самой-то всего три платья, и все похожи одно на другое. На банкеты и званые вечера та ходит в одном и том же кружевном платье пятилетней давности и в белых ортопедических туфлях!

Мириам выдает ей по пятьдесят долларов в месяц. Она отсылает их своей матери, а та постоянно пишет, что этого недостаточно. Она хотела поговорить о деньгах с Тони, но ведь она его почти не видит. У него то записка, то разучивание новых песен, то репетиция на радио. А за ужином с ними вечно Мириам.

По ночам, когда они остаются одни на огромной кровати, он все тот же прежний Тони, страстно желающий ее. Но после того, как все кончается, до него невозможно достучаться. Она пыталась было объяснить ему, что если бы она смогла стать частью его жизни и профессии, то перестала бы томиться и скучать, но он, похоже, так и не понял, о чем шла речь. "Всем этим занимается Мириам, говори с ней".

Когда она заводила речь о деньгах, результат был тот же самый: "Поговори с Мириам, она даст тебе все, что нужно". А у Мириам лишь один ответ: "Чего это тебе деньги понадобились? Я же плачу и за еду, и за выпивку. Бензин в машину можешь заливать бесплатно. А на булавки тебе за глаза хватит пятидесяти монет".

Так дальше продолжаться не может. Сколько же еще ей сидеть у бассейна? На этой неделе она уже прочла целых три книжки, а еще только пятница. Лучи солнца опять заглянули под навес. Она вскочила с места. Нужно что-то делать, куда-то идти. Может быть, Нили окажется дома. Та только что закончила сниматься в своей второй картине, и на студии ей пообещали предоставить месячный отпуск. Она прошла в дом и надела брюки. Как она рада за Нили! Отзывы о первой картине были восторженные, и Дженифер уже была на закрытом просмотре ее второго фильма -- великолепно. Но с Нили они встречались нечасто. Время от времени они говорят по телефону, но Нили только что опять сменила себе номер, а этого нового, не числящегося в справочнике, у Дженифер нет. Восемь кварталов она проехавшегося в справочнике, у Дженифер нет. Восемь кварталов она проехавшегося в справочнике, у Дженифер нет. Восемь кварталов она проехавшегося в справочнике, у Дженифер нет.

Ла на машине: ходить пешком в Калифорнии просто не принято. А если Нили нет дома, она поедет в "Шваб". Возможно, там окажется Сидни Сколски, они посидят с ним, поболтают. Сидни любит Голливуд, но он отлично понимает, каково ей здесь.

Дверь открыл Мэл. На нем были одни плавки. Он располнел, загар

чер барменами -- все они оказывались родом из Нью-Йорка,-- ностальгически вспоминая "Линди". Для нее это было легче, чем вести светскую беседу с другими женами, которых вечно интересует либо теннис, либо то, каких нанять слуг.

Она не может даже вволю походить по магазинам, как любила делать до замужества. За те пять месяцев, что она здесь, ей было позволено купить одно-единственное вечернее платье. "Одежды у тебя больше, чем в любом универмаге",-- сердито отрезала Мириам. Возможно, и больше, однако она ей вся надоела. Неужели Мириам не понимает, как важно время от времени надевать что-либо новое? Но у Мириам у самой-то всего три платья, и все похожи одно на другое. На банкеты и званые вечера та ходит в одном и том же кружевном платье пятилетней давности и в белых ортопедических туфлях!

Мириам выдает ей по пятьдесят долларов в месяц. Она отправляет их своей матери, а та постоянно пишет, что этого недостаточно. Она хотела поговорить о деньгах с Тони, но ведь она его почти не видит. У него то запись, то разучивание новых песен, то репетиция на радио. А за ужином с ними вечно Мириам.

По ночам, когда они остаются одни на огромной кровати, он все тот же прежний Тони, страстно желающий ее. Но после того, как все кончается, до него невозможно достучаться. Она пыталась было объяснить ему, что если бы она смогла стать частью его жизни и профессии, то перестала бы томиться и скучать, но он, похоже, так и не понял, о чем шла речь. "Всем этим занимается Мириам, говори с ней".

Когда она заводила речь о деньгах, результат был тот же самый: "Поговори с Мириам, она даст тебе все, что нужно". А у Мириам лишь один ответ: "Чего это тебе деньги понадобились? Я же плачу и за еду, и за выпивку. Бензин в машину можешь заливать бесплатно. А на булавки тебе за глаза хватит пятидесяти монет".

Так дальше продолжаться не может. Сколько же еще ей сидеть у бассейна? На этой неделе она уже прочла целых три книжки, а еще только пятница. Лучи солнца опять заглянули под навес. Она вскочила с места. Нужно что-то делать, куда-то идти. Может быть, Нили окажется дома. Та только что закончила сниматься в своей второй картине, и на студии ей пообещали предоставить месячный отпуск. Она прошла в дом и надела брюки. Как она рада за Нили! Отзывы о первой картине были восторженные, и Дженифер уже была на закрытом просмотре ее второго фильма -- великолепно. Но с Нили они встречались нечасто. Время от времени они говорят по телефону, но Нили только что опять сменила себе номер, а этого нового, не числящегося в справочнике, у Дженифер нет. Восемь кварталов она проехавшись в справочнике, у Дженифер нет. Восемь кварталов она проехавшись в справочнике, у Дженифер нет. Восемь кварталов она проехавшись в справочнике, у Дженифер нет.

Даже если Нили нет дома, она поедет в "Шваб". Возможно, там окажется Сидни Сколски, они посидят с ним, поболтают. Сидни любит Голливуд, но он отлично понимает, каково ей здесь.

Дверь открыл Мэл. На нем были одни плавки. Он располнел, загар

чер барменами -- все они оказывались родом из Нью-Йорка, -- ностальгически вспоминая "Линди". Для нее это было легче, чем вести светскую беседу с другими женами, которых вечно интересует либо теннис, либо то, каких нанять слуг.

Она не может даже вволю походить по магазинам, как любила делать до замужества. За те пять месяцев, что она здесь, ей было позволено купить одно-единственное вечернее платье. "Одежды у тебя больше, чем в любом универмаге", -- сердито отрезала Мириам. Возможно, и больше, однако она ей вся надоела. Неужели Мириам не понимает, как важно время от времени надевать что-либо новое? Но у Мириам у самой-то всего три платья, и все похожи одно на другое. На банкеты и званые вечера та ходит в одном и том же кружевном платье пятилетней давности и в белых ортопедических туфлях!

Мириам выдает ей по пятьдесят долларов в месяц. Она отсылает их своей матери, а та постоянно пишет, что этого недостаточно. Она хотела поговорить о деньгах с Тони, но ведь она его почти не видит. У него то записка, то разучивание новых песен, то репетиция на радио. А за ужином с ними вечно Мириам.

По ночам, когда они остаются одни на огромной кровати, он все тот же прежний Тони, страстно желающий ее. Но после того, как все кончается, до него невозможно достучаться. Она пыталась было объяснить ему, что если бы она смогла стать частью его жизни и профессии, то перестала бы томиться и скучать, но он, похоже, так и не понял, о чем шла речь. "Всем этим занимается Мириам, говори с ней".

Когда она заводила речь о деньгах, результат был тот же самый: "Поговори с Мириам, она даст тебе все, что нужно". А у Мириам лишь один ответ: "Чего это тебе деньги понадобились? Я же плачу и за еду, и за выпивку. Бензин в машину можешь заливать бесплатно. А на булавки тебе за глаза хватит пятидесяти монет".

Так дальше продолжаться не может. Сколько же еще ей сидеть у бассейна? На этой неделе она уже прочла целых три книжки, а еще только пятница. Лучи солнца опять заглянули под навес. Она вскочила с места. Нужно что-то делать, куда-то идти. Может быть, Нили окажется дома. Та только что закончила сниматься в своей второй картине, и на студии ей пообещали предоставить месячный отпуск. Она прошла в дом и надела брюки. Как она рада за Нили! Отзывы о первой картине были восторженные, и Дженифер уже была на закрытом просмотре ее второго фильма -- великолепно. Но с Нили они встречались нечасто. Время от времени они говорят по телефону, но Нили только что опять сменила себе номер, а этого нового, не числящегося в справочнике, у Дженифер нет. Восемь кварталов она проехавшегося в справочнике, у Дженифер нет. Восемь кварталов она проехавшегося в справочнике, у Дженифер нет. Восемь кварталов она проехавшегося в справочнике, у Дженифер нет.

Ла на машине: ходить пешком в Калифорнии просто не принято. А если Нили нет дома, она поедет в "Шваб". Возможно, там окажется Сидни Сколски, они посидят с ним, поболтают. Сидни любит Голливуд, но он отлично понимает, каково ей здесь.

Дверь открыл Мэл. На нем были одни плавки. Он располнел, загар

чер барменами -- все они оказывались родом из Нью-Йорка,-- ностальгически вспоминая "Линди". Для нее это было легче, чем вести светскую беседу с другими женами, которых вечно интересует либо теннис, либо то, каких нанять слуг.

Она не может даже вволю походить по магазинам, как любила делать до замужества. За те пять месяцев, что она здесь, ей было позволено купить одно-единственное вечернее платье. "Одежды у тебя больше, чем в любом универмаге",-- сердито отрезала Мириам. Возможно, и больше, однако она ей вся надоела. Неужели Мириам не понимает, как важно время от времени надевать что-либо новое? Но у Мириам у самой-то всего три платья, и все похожи одно на другое. На банкеты и званые вечера та ходит в одном и том же кружевном платье пятилетней давности и в белых ортопедических туфлях!

Мириам выдает ей по пятьдесят долларов в месяц. Она отправляет их своей матери, а та постоянно пишет, что этого недостаточно. Она хотела поговорить о деньгах с Тони, но ведь она его почти не видит. У него то записка, то разучивание новых песен, то репетиция на радио. А за ужином с ними вечно Мириам.

По ночам, когда они остаются одни на огромной кровати, он все тот же прежний Тони, страстно желающий ее. Но после того, как все кончается, до него невозможно достучаться. Она пыталась было объяснить ему, что если бы она смогла стать частью его жизни и профессии, то перестала бы томиться и скучать, но он, похоже, так и не понял, о чем шла речь. "Всем этим занимается Мириам, говори с ней".

Когда она заводила речь о деньгах, результат был тот же самый: "Поговори с Мириам, она даст тебе все, что нужно". А у Мириам лишь один ответ: "Чего это тебе деньги понадобились? Я же плачу и за еду, и за выпивку. Бензин в машину можешь заливать бесплатно. А на булавки тебе за глаза хватит пятидесяти монет".

Так дальше продолжаться не может. Сколько же еще ей сидеть у бассейна? На этой неделе она уже прочла целых три книжки, а еще только пятница. Лучи солнца опять заглянули под навес. Она вскочила с места. Нужно что-то делать, куда-то идти. Может быть, Нили окажется дома. Та только что закончила сниматься в своей второй картине, и на студии ей пообещали предоставить месячный отпуск. Она прошла в дом и надела брюки. Как она рада за Нили! Отзывы о первой картине были восторженные, и Дженифер уже была на закрытом просмотре ее второго фильма -- великолепно. Но с Нили они встречались нечасто. Время от времени они говорят по телефону, но Нили только что опять сменила себе номер, а этого нового, не числящегося в справочнике, у Дженифер нет. Восемь кварталов она проехавшись в справочнике, у Дженифер нет. Восемь кварталов она проехавшись в справочнике, у Дженифер нет. Восемь кварталов она проехавшись в справочнике, у Дженифер нет.

Даже если Нили нет дома, она поедет в "Шваб". Возможно, там окажется Сидни Сколски, они посидят с ним, поболтают. Сидни любит Голливуд, но он отлично понимает, каково ей здесь.

Дверь открыл Мэл. На нем были одни плавки. Он располнел, загар

придавал ему цветущий вид. Мэл проводил Дженифер к бассейну.

-- Обедать хочешь? Я как раз ем сэндвич.

Дженифер покачала головой и села в тень. Бассейн у них точь-в-точь как у нее -- в форме человеческой почки; такая же кабинка для переодевания, такой же теннисный корт и такой же бар со стойкой. Она посмотрела на окружающие дом красноватые холмы. Неужели и Мэл точно так же сидит здесь целыми днями?

-- Нили на студии, -- пояснил он. -- Примерка костюмов.

-- А я думала, ей дали свободный месяц.

-- Точно, месяц перед съемками. Что означает месяц примерок, проб у гримеров и фотографирования для афиш. Но она должна приехать с минуты на минуту. Да, ты слышала? Костюмы ей моделирует сам Тэд Касабланка.

-- Да, высоко она взлетела, -- сказала Дженифер. -- Тэд моделирует одежду только суперзвездам.

Мэл ссутулился, его угловатые плечи поникли.

-- Такое может быть только в Голливуде -- женщина падает в обморок из-за того, что какой-то гомик, видите ли, снисходит до того, что соглашается одевать ее. В любом другом городе, раз ты платишь, то приобретаешь вещь. Разве в Нью-Йорке Сакса волнует, воздаст покупатель должное его творению или нет? Здесь же все символизирует собой определенный статус. Нили сейчас сидит на диете -- ну разве не смехота?

-- Почему на диете? Она что, поправилась?

-- Да нет. Весит сто восемнадцать фунтов. И всегда столько весила. Для ее роста -- пять футов пять дюймов -- вес прекрасный. Но этот Касабланка -- он хочет, чтобы она сбросила еще пятнадцать фунтов. Говорит, что лицо у нее станет еще интереснее и одежда будет смотреться лучше. Она принимает маленькие зеленые пилюли... маковой росинки в рот не берет.

Неожиданно приехала Нили, как всегда, еле переводя дыхание. При виде Дженифер она пришла в восторг.

-- Ты слышала, -- воскликнула она. -- Меня одевает Тэд Касабланка! О Дженифер, он божествен! Я хочу стать красивой -- для разнообразия. Он моделирует для меня действительно очаровательную одежду -- по-настоящему выдержанную в одном стиле. Ух ты! Стоит мне только вспомнить то ужасное красное платье из тафты!.. Тэд говорит, что я должна выглядеть по-мальчишески, как озорная девчонка. Но -- шикарно. В конце концов, мне сейчас восемнадцать -- уже пора.

-- Я слышала, ты сидишь на диете.

-- Ага. Мэл достает мне снятое молоко. Хочешь чего-нибудь, Джен?

-- Кока-колу.

-- У нас только газировка. Не держу дома ничего, что полнит. Мэл, сделай Джен лимонада. -- Проводив его взглядом, Нили опять повернулась к Дженифер, в ее широко раскрытых детских глазах появилась серьезная озабоченность.

-- Ах, Джен, прямо не знаю, что и делать. Он так переменился -- просто не вписывается во всю эту жизнь. За что ни возьмется, все испортит.

-- Ну, я бы не сказала. Он создал тебе такую рекламу. Его статья в "Мире кино" просто великолепна.

Нили покачала головой.

-- Все это сделали на студии. А ему просто велели опубликовать ее под своим именем. Он постоянно путается под ногами. Они не хотят, чтобы он тут ошивался, -- говорят, что я стесняюсь в его присутствии. А Тэд Касабланка говорит, что он -- посмешище всего города.

-- Я не стала бы относиться серьезно к его словам. Ты ведь знаешь, какие стервозы эти голубые.

-- "Голубые"! -- сверкнула глазами Нили. -- Не смей его так называть! Он... он великолепен, и точка! Ему всего тридцать лет, а он уже сделал себе три миллиона долларов. И он не голубой!

-- Правда?

-- Правда. Что, ты думаешь, я делала сегодня? Примеряла костюмы? Это я Мэлу так сказала. Мы, Тэд и я, занимались этим самым... в разных позах. Прямо в его великолепной студии с кондиционированным воздухом. И уж можешь мне поверить, никакой он не... -- Она вдруг осеклась на полуслове. Мэл принес им поднос с наполненными стаканами.

-- Я уже сбросила пять фунтов, -- похвалилась Нили, взяв из рук Мэла стакан с молоком. Она достала пузырек, вытряхнула из него зеленую в крапинках капсулу. -- Вот это изобретение что надо, -- сказала она. -- Они совершенно бесподобны, Джен. Просто начисто отбивают аппетит. Единственное, что неприятно: на меня они действуют возбуждающе, и совсем не могу заснуть.

-- Попробуй секонал, -- предложила ей Дженифер.

-- А он правда помогает?

-- Великолепно помогает. Он в таких симпатичных красных капсулах -- "куколках", которые уносят все твои заботы и тревоги и дарят тебе целых девять часов блаженного сна каждую ночь.

-- Серьезно? Я попробую. Мэл, позвони доктору Холту прямо сейчас. Вели ему прислать мне сто штук.

-- Сто? -- поперхнулась Дженифер. -- Нили, это же не аспирин. Принимать надо только по одной на ночь. Ни один врач не выпишет тебе больше двадцати пяти.

-- Что-о? Не выпишет? Хочешь на спор? Доктор Холт -- врач нашей студии. Он выпишет мне все, что я попрошу. Мэл, звони ему прямо сейчас. -- Мэл неуклюже направился звонить. -- Значит, только по одной на ночь, да?

Дженифер кивнула. Она не сочла нужным сообщать Нили, что сама принимает иногда и по три. Нили поможет и одна. Кроме того, она намерена вообще прекратить принимать секонал, как только у нее все наладится с Тони.

Мэл ушел звонить. Нили смотрела ему вслед, пока он не исчез из виду. Потом придвинула кресло ближе.

-- Мне нужно подобрать другой противозачаточный колпачок. В прошлом месяце Мэл два раза не успел вынуть вовремя. Сукин сын -- так и хочет, чтобы я залетела.

-- А я думала, ты хочешь ребенка.

-- Только не от него. Я уже решила от него избавиться.

-- Нили!

-- Послушай, он -- тряпка. Честно, Дженифер, он изменился до неузнаваемости. У него ни к чему нет стимула. Я уже говорила на эту тему с Шефом, и тот согласился со мной. Мэл то и дело мешает мне во всем. Уперся, что мне не нужно сбрасывать вес, постоянно орет, что я и без этого красивая. Но ведь сейчас, когда я сгоняю вес, у меня создается образ настоящей звезды с присущим именно мне очарованием. Понимаешь, Мэл мыслит по-старому, плетется в хвосте и уже не сможет измениться и вырваться вперед. Но мне нужно быть настороже. Понимаешь, вся эта собственность у нас общая. Половину Мэл может свободно оттяпать себе.

-- И что ты собираешься делать?

-- Все уже делается.-- Она понизила голос, перейдя почти на шепот.-- Шеф сейчас устраивает Мэлу крупное предложение на востоке страны от одного из крупнейших рекламных агентств. Я уговорю его поехать. Шеф собирается подстроить все так, чтобы его застукали... ну, понимаешь, с девицей в постели. Тогда я легко получаю развод.

-- Нили, но ведь так же нельзя поступать!

-- Да ладно, а как можно поступать? На прошлой неделе я намекнула на развод, и знаешь, что он сделал? Расплакался, как ребенок. Сказал, что не сможет без меня жить. Ну, разве не тряпка? Мне нужен человек, который говорил бы мне, что я должна делать. Такой мужчина, на которого могу опереться я, а не такой, кто сам на меня опирается. А если я останусь с ним, то единственное, что меня ждет, -- это залететь от него, и тогда уж он никогда не уедет, даже в Нью-Йорк.

-- А откуда ты знаешь, что он согласится на эту работу?

-- Я его заставлю. Скажу, что если он добьется успеха -- если эта работа у него выгорит, -- то я приезжаю, получаю шоу на Бродвее, рожая ребенка и остаюсь жить в Нью-Йорке.

-- В самом деле?

Нили с удивлением посмотрела на нее.

-- Бросить Калифорнию? Все это? Ты с ума сошла! Здесь я добилаься всего. После следующей картины я стану самой что ни на есть настоящей звездой!

-- Но ты могла бы стать звездой и в Нью-Йорке, на Бродвее.

-- Звездой на Бродвее! Велика важность! Курам на смех. Вот если ты -- кинозвезда, тогда ты становишься и мировой звездой. Тебе известно, что фильм со мной в главной роли идет в Лондоне? Только пред-

ставь себе! В Лондоне знают, кто я такая! Одна картина -- и я в десять раз известнее, чем когда-либо в своей жизни будет Элен Лоусон. А когда ты звезда кино, то к тебе все и относятся, как к звезде. Для тебя делается все. Помню, что Элен должна была ехать в Нью-Хейвен, как и мы все, в поезде и переодеваться в примерной на сквозняках. А у нас в студии туалеты -- ух ты!-- пошикарнее, чем примерная в театре у бродвейской звезды. Моя примерная -- целое бунгало размером с квартиру Элен на Парк-авеню. Когда на тебя высокий спрос -- как на меня сейчас,-- для тебя что угодно сделают, стоит мне только заикнуться перед Шефом -- это мы мистера Бина так называем. Такой замечательный человек... милый, с ним можно говорить, как с родным отцом. Своего-то отца я так и не знала никогда. Ну вот, я и говорю, мне только заикнуться перед ним стоило, что хочу, мол, немного вес сбросить. Ух ты! Знаешь, что он сделал? Заставил пристроить к моему бунгало парилку и специально нанял мне отдельную массажистку. И за все сам платит. Если мне требуется куда-то пойти -- на премьеру какую-нибудь,-- сразу присылает мне машину с шофером, дает надеть любые меха и платья. А если мой третий фильм получится так же здорово, как и первые два, то Шеф говорит, что заключит со мной новый контракт, и гонорар резко повысится -- может быть, до двух тысяч в неделю.

-- Это и впрямь большие деньги, Нили.

-- Ну уж! В фирме Джонсона--Гарриса мне сказали, что я стою куда дороже. Короче говоря, они могут вмешаться и начать переговоры о новой ставке гонорара, может, до двух с половиной тысяч в неделю. В общем, мне нужно просто щелкнуть пальцами, и у меня будет все, чего я пожелаю. Шеф говорит, что, может, еще через годик я перестану арендовать этот дом и куплю себе другой -- в Беверли-Хиллз. Так шикарное.

-- Почему бы тебе не отнестись к этому спокойнее и не поберечь деньги?

-- А зачем? Я больше ничего не боюсь. И знаешь, почему? Потому что у меня есть талант, Джен. Там, на Востоке, я этого просто не понимала. Все думала, что петь и танцевать умеет любой. Но на съемках второй картины я открыла для себя, что могу еще и играть. Ты видела эпизод, где я плачу? Никакого глицерина не было. Режиссер просто поговорил со мной об этой роли, о положении, в котором оказалась девушка, и я все прочувствовала. И тогда по-настоящему заплакала.

Дженифер кивнула.

-- И меня тоже заставила. Я была на просмотре неделю назад.

Нили порывисто раскинула руки.

-- До чего же мне здесь нравится! Этот городок создан для меня.

Вернулся Мэл.

-- Лекарство доставят с минуты на минуту. Доктор Холт сказал мне, что мысль очень хорошая.-- Он сел.-- Хочешь пойти сегодня в кино, Нили?

-- Не могу. Завтра вставать в шесть -- пробы на цветной пленке. Он с грустью посмотрел на воду в бассейне.

-- А мне можно спать сколько угодно. Я сойду с ума от бесконечного безделья...

Ведя машину домой, Дженифер не переставала думать о Мэле. Интересно, а за кого Тони принимает ее? Тоже за тряпку? Если Тони не получит роль в фильме, она будет настаивать, чтобы они вернулись в Нью-Йорк. Делать радио-шоу он мог бы и там. Но роль ему дадут, она знает, что дадут, и она окажется привязанной к этому месту. Скоро Тони начнет относиться к ней точно так же, как Нили -- к Мэлу. Если уже не начал. В фильмах с ним будут играть звезды, а молоденькие начинающие начнут с ним флиртовать. Сколько ей еще сидеть вот так? Ей ведь почти двадцать семь, и скрывать свой возраст скоро станет трудновато...

Она проезжала под светофором, как вдруг ее словно осенило. Почему эта мысль не приходила ей в голову раньше? Ребенок! У нее будет ребенок! Он приблизит к ней Тони, и у нее будет существо, которому она отдаст всю себя без остатка. Существо, которое она будет любить. О Боже, как она будет любить его... они будут с ним так близки. Это будет непременно девочка! А из нее самой выйдет замечательная мать. Когда она входила домой, голова у нее кружилась от счастья. Это станет ее тайной.

Дженифер очень тщательно выбирала платье для банкета. За исполнение своего плана она решила приняться этой же ночью.

Сентябрь 1947

Первый раз месячные у нее не пришли в августе. Сначала она была слишком взволнована, чтобы сделать какой-либо определенный вывод, но когда они опять не пришли в сентябре, она все поняла. Объем талии увеличился у нее на два дюйма.

Дженифер обратилась к врачу, который подтвердил ее надежды и поздравил ее. У Тони шла запись в закрытом помещении, и его нельзя было отвлекать. Но ей просто необходимо было поделиться с кем-то. Хотелось прокричать об этом полицейскому-регулирущику на перекрестке, хотелось побежать в "Шваб" и кричать там об этом каждому посетителю. Нет, так нельзя. Ведь Тони захочет дать крупное сообщение в прессу. Нили! Сейчас уже почти пять часов, и съемки у нее должны закончиться.

Она приехала в студию. Привратник спросил ее имя и проводил прямо к бунгало внушительных размеров. Нили принимала сеанс массажа.

-- Привет, заходи,-- воскликнула она.-- Ты ужасно вовремя. Я как раз собиралась звонить тебе вечером. Угадай, что у меня. Дело сделано! Завтра Нью-Йорк!

-- Это по-прежнему Тэд?

-- Разумеется! За кого ты меня принимаешь? За какую-то дрянь? Я могу любить только одного. Мы с Тэдом...-- Она осеклась и закричала на массажистку:-- О'кей, все, хватит. Убирайся! Хочу поболтать с подругой наедине.

Когда женщина ушла, Нили сбросила с себя полотенце.

-- Ну и как новая точеная фигурка у Нили? Сейчас у меня талия двадцать дюймов, а вешу я девяносто восемь фунтов.

-- Тэду ты нравишься такая худая?

-- Нравлюсь ли я!-- Она запахнулась в халат.-- Ему даже мои маленькие титяшки нравятся. Они у меня немного поубавились, но он говорит, что когда видит большие, ему приходит на ум корова. И они противно смотрятся с подчеркнутой линией плеч. Мы поженимся сразу же, как только все утрясется с этим делом Мэла. И знаешь что? Перед женитьбой мы заключим экономическое соглашение. Это идея самого Шефа. Таким образом, мы оба будем знать, что женимся по любви, а не ради денег.

Дженифер натянуто улыбнулась.

-- Нили, я беременна на втором месяце.

-- Ух ты!-- сочувственно воскликнула Нили.-- Но ничего, есть один человек в Пасадене. Говорят, очень хороший спец. Каждую, кто залезает, Шеф направляет к нему. Сначала он пробует уколами, а если уж они не помогают... Аборт -- это ничего сложного. Он делает с наркозом.

-- Нили, ты не понимаешь. Я хочу этого ребенка. Я запланировала его. Я счастлива, что он родится.

-- О-о! Так слушай, это же великолепно. Знаешь, теперь, когда ты сказала, я и сама замечаю. У тебя исчезла твоя чудесная талия.

-- Впервые в жизни меня совершенно не волнует, как я выгляжу. Я хочу родить здорового ребенка. Мне будет все равно, даже если я всю ночь напролет не сомкну глаз.

Нили улыбнулась.

-- Ты выражаешься старомодно, но и я, пожалуй, буду вести себя точно так же. Когда выйду замуж за Тэда и заключу новый контракт, сразу же забеременею. Ну, а пока -- слава Богу, что на свете существуют эти красные, желтые и зеленые "куколки".

Дженифер надеялась, что на этот вечер у Тони ничего не запланировано. Она хотела пойти с ним в тот ресторанчик в Долине -- без Мириам -- и сообщить новость там.

На подъездной дорожке она увидела еще одну машину. Она принадлежала Делии, их приходящей служанке. О проклятье! Это означает, что на сегодняшний вечер что-то намечено.

Мириам ждала ее.

-- Сегодня Тони подписал контракт!-- Ее некрасивое лицо сияло.-- Они только что просмотрели пленки его цветных проб. Он заключил договор на пять лет с "Метро" и начинает сниматься в картине через две недели. Оденься сегодня, как настоящая леди: на ужин приезжает сам режиссер с женой. А дирижер оркестра и другие подъедут позднее.

Дженифер тщательно оделась. Хорошо же, она объявит об этом прямо за ужином. При всех! С трудом застегивая молнию на платье, она вдруг поняла, что не может больше откладывать. Все равно Тони скоро заметит.

Перед ужином она выпила мартини. Мириам смотрела на нее с изумлением. Дженифер сегодня блистала -- беседовала с женой режиссера, словом, вела себя, как идеальная жена голливудского актера. Дождавшись, когда подадут вино, Дженифер медленно поднялась, держа бокал в руке. Тщательно избегая неприязненно-враждебного взгляда Мириам, она произнесла:

-- Хочу поднять тост за... себя.-- Она прыснула.-- То есть, я имею в виду, за то, что находится во мне. У нас с Тони будет ребенок!

Раздались восторженные возгласы и звон бокалов. Тони вскочил со стула и обнял ее. Но от Дженифер не укрылось и то, как громко ахнула Мириам, а на лице ее появилось потерянное выражение. Когда всеобщее оживление улеглось, она встретила с Мириам взглядом. Сейчас ее мясистое лицо расплылось в приятной улыбке.

Когда ушел последний гость, Мириам повернулась к Дженифер. Она все еще улыбалась ей.

-- Беги-ка наверх, молодая мамаша,-- съязвила она.-- Тебе же теперь надо как можно больше отдыхать. Мне нужно обсудить с Тони кое-какие детали по картине, а потом отправлю к тебе и новоиспеченного папашу.

Едва Дженифер скрылась из виду, Мириам напустилась на Тони.

-- Я, кажется, велела тебе пользоваться кое-чем.

-- Да мы пользовались,-- глуповато улыбнулся он.-- Наверное, нечаянно получилось.

-- Что значит "нечаянно"?-- зашипела Мириам.-- Эти презервативы очень прочные. Я покупаю тебе самые лучшие, они не рвутся.

-- Ах, да. Мы ведь уже несколько месяцев обходимся без них. Джен сказала, в этом нет нужды. Объяснила, что ей вставили какой-то там колпачок.

-- Я же приказывала тебе: никогда ни одной девице не позволяй склонять тебя к такому. Можешь подхватить болезнь...

-- От Джен?-- Он рассмеялся.-- И потом, без них гораздо приятнее.

-- Ребенок свяжет тебя по рукам и ногам.

-- Ну да! У нас ведь есть деньги, скажешь, нет? Да еще съемки в этой картине, и все такое. И потом, я хочу ребенка. Будет так забавно.

Боковым зрением Мириам увидела, что по лестнице к ним спускается Дженифер, и сказала Тони:

-- Если у вас будет ребенок, тебе придется больше времени проводить дома.

Дженифер замерла, прислушиваясь. Тони стоял спиной к двери и не видел ее.

-- Ну и что, значит, буду больше времени дома,-- пожал он плечами.

-- И не расстанешься с той рыжей певичкой?

На его лице отразился испуг.

-- Кто тебе сказал?

-- Послушай, от меня ничего не скроешь. Но не беспокойся, я не скажу Дженифер.

-- О чем это ты не скажешь Дженифер?-- Та спустилась в комнату.

Мириам изобразила на своем лице удивление. Тони не на шутку перепугался.

-- Да так, ни о чем, Джен,-- проговорил он.-- Это все Мириам и ее бредовые идеи. Просто из-за того, что я дурачусь с Бетси. Знаешь, такая рыжая в хоровой группе моего радио-шоу. Просто дурачимся с ней, и все...

-- Ничего себе, дурачатся они,-- оборвала его Мириам.-- Трахает ее три раза на неделе у себя в примерной на радиостудии. Возможно, он не пользуется презервативами с тобой, Дженифер, но я покупаю ему по целой упаковке каждую неделю, и они у него постоянно кончаются!

-- Ну вот, видишь, что ты наделала!-- захныкал Тони, когда Дженифер метнулась вон из комнаты.

-- Ты вот что: заставь ее избавиться от этого ребенка. Послушай меня, Тони. Это плохо для твоей карьеры. Здесь полно врачей, которые сумеют все это сделать.

-- Я хочу ребенка,-- упрямо твердил он.

-- Тони...-- вкрадчиво заговорила Мириам.-- Подумай о своем имидже на экране. Молодой, красивый исполнитель главной роли, студия объявит, что тебе всего двадцать четыре года. Ребенок повредит твоему имиджу.

-- Ерунда! У Синатры есть дети. И у Кросби. Тебе не удастся отнять его у нас!-- Он взбежал по лестнице вслед за Дженифер.

Та лежала поперек кровати, вся сотрясаясь от рыданий.

-- Дорогая!-- Он сел рядом и стал гладить ее по шее.-- Не обращай внимания на то, что наговорила Мириам. У нас будет наш ребенок.

-- Не обращать внимания!-- Она села на кровати, по щекам ее стекала тушь.-- Не обращать внимания! Позволять ей и дальше рушить жизнь нам обоим и даже... покупать тебе презервативы. Значит, все время, пока я сижу в этом доме, подыхаю со скуки и старею с каждым месяцем, ты трахаешь какую-то там певичку! А я здесь сижу и смотрю, как Мириам толстеет с каждым днем, вечно распоряжается и сует нос во все дыры!

-- А что я сделаю?-- простонал он.

-- Вели ей убираться отсюда. С сегодняшнего дня домом буду заниматься я.

-- Я не могу так поступить с Мириам. Куда же она пойдет?

-- Да куда угодно! Лишь бы не жила с нами. Я даже не возражаю, если ты отдашь ей половину всего, что зарабатываешь, но только дай нам пожить своей собственной жизнью. Давай, наконец, побудем мужем и женой, а не двумя детьми под крылышком Мириам.

-- Но кто же станет всем заниматься? Кто будет выписывать мои чеки, прочитывать мои контракты?

-- Ах, Тони, у других же есть свои менеджеры -- вот и у тебя будет.

-- Но зачем мне какой-то чужак, который меня же и надует? Моя собственная сестра все сделает лучше любого из них.

-- Но я не могу с ней жить!

Он вдруг весь подобрался.

-- Ты хочешь, чтобы я вышвырнул вон свою собственную сестру.

-- То-они!-- взмолилась Дженифер.-- Ну что за жизнь мы ведем? Развлекаемся, только если это нужно для дела, потому что просто так устраивать вечера Мириам считает пустой тратой денег. А сейчас она говорит о покупке этого ужасного дома. Даже не спросила, нравится ли он мне. Хотя одному только Богу известно, для чего нам вообще этот дом. Мы вполне могли бы жить в двухкомнатной квартире, как и живем. У нас нет никакой жизни.

-- Я должен репетировать три дня в неделю,-- вскричал Тони.-- Должен делать шоу. Должен прослушивать новые песни и разучивать их... выступать на бенефисах... сниматься в рекламных роликах. А ты чего от меня ждешь? Чтобы я сидел и развлекал тебя? Ты знала, какая у меня жизнь, когда выходила замуж. Мириам вообще нигде не появляется. Она не ходит даже в половину тех мест, где бываем мы. В прошлом месяце мы ходили на три бенефиса без нее, а она хоть раз пожаловалась?

-- Нет, но я слышала, как она часами висела на телефоне, пытаясь раздобыть себе билетик. Мы ходили без нее только потому, что со студии присылали всего два билета. Удивляюсь, как она еще не спит с нами.

-- До того, как появилась ты, она уже посвятила мне всю свою жизнь и вырастила меня. Она никогда ни на что не жалуется, совершенно не думает о себе... добрая... А ты хочешь, чтобы я ее вышвырнул!

-- Тони, либо я, либо Мириам.

С минуту они смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Потом он расплылся в мальчишеской улыбке.

-- Ты ведь это несерьезно, дорогая. У тебя будет ребенок -- послушай, я же не уступил ей в этом, а? А теперь давай-ка спать.-- Он начал раздеваться.

В полутьме он молча потянулся к ней в постели, чтобы обнять ее.

-- Мы так ничего и не решили,-- мрачно сказала она.

-- Насчет чего?

-- Насчет Мириам.

-- Мириам остается. И ты -- тоже.-- Он задрал на ней ночную рубашку, жадно ища ртом ее груди. Она попыталась оттолкнуть его от себя.-- Нет, я хочу их. Скоро в них появится молочко. Мммм... ты тогда дашь их мне пососать?

Она затряслась в беззвучных рыданиях. Тони поднял на нее глаза.

-- Ну, хватит, хватит, давай, иди ко мне. Чего ты плачешь?

Она разрыдалась еще сильнее.

-- Только не говори мне, будто ты расстроена из-за того, что я иногда потягивал Бетси.

Она соскочила с кровати. Боже! Что же это за человек!

Он сел в кровати и включил свет, растерянно глядя на нее.

-- Я же не люблю Бетси...

Дженифер опустилась в кресло, обхватив плечи, пряча свою наготу и вся дрожа.

-- Зачем же тогда ты делал это?-- прорыдала она.

Он пожал плечами.

-- Должно быть, потому, что она была рядом.

-- Но я ведь тоже всегда рядом.

-- Не мог же я мчаться с репетиции на перерыв к тебе. А она всегда была под рукой... Но, слушай, это ровным счетом ничего не значит. Обещаю тебе, что больше у меня этого с Бетси не будет. Черт возьми, скажу Мириам, чтобы уволила ее завтра же -- ну, как? Ладно, хватит, ложись в постель.

-- Дело не только в Бетси, Тони, дело в тебе... я не понимаю тебя. О чем ты вообще думаешь, чем живешь, что чувствуешь?

-- Хочу тебя прямо сейчас -- вот что я чувствую. Ну давай, дорогая...

Не зная, что еще ей остается делать, она легла в постель и даже позволила ему овладеть собой. Утолив свою страсть, он повернулся на бок и мгновенно погрузился в глубокий сон. Дженифер встала и приняла три красных капсулы. Но заснуть ей удалось, лишь когда начало светать.

На следующее утро, после того, как Мириам и Тони уехали на репетицию, Дженифер заказала телефонный разговор с Генри и рассказала ему все.

-- Похоже, тебе надо бежать оттуда,-- сказал Генри, выслушав ее сбивчивый рассказ.-- Она так или иначе заставит тебя избавиться от ребенка. Хотя бы даже тем, что создаст невыносимую обстановку.

-- Что же мне делать?

-- Тут надо пораскинуть мозгами. Как ты относишься к этому субчику?

-- Теперь уж и не знаю. Иногда мне жаль его, потому что Мириам совсем запудрила ему мозги. Иногда же, как вчера ночью, испытываю одно отвращение. Но в Тони есть что-то привлекательное. Человек он

неплохой, в том-то и дело. В нем нет ничего дурного, просто он так и не стал взрослым. Это вина Мириам. Она внушила ему, что все вокруг создано только для него, что он может делать все, что ему вздумается, пока продолжает петь. Думаю, жизнь у нас с ним могла бы получиться, если бы я заставила его порвать с нею, но я никак не могу до него достучаться.

-- Ты еще молода, Дженифер. Мой тебе совет: уезжай оттуда, пока не стало хуже.

-- Не так уж и молода, как ты думаешь, Генри. Я... я солгала тебе про свой возраст.

-- Ну и что? Все равно у тебя вся жизнь впереди. А вот там у тебя жизни не будет, насколько я себе представляю. Если застрянешь там, то пусть даже тебе и удастся родить ребенка, Мириам и его приберет к рукам.

-- Нет!

-- Тогда возвращайся в Нью-Йорк. Посмотрим, насколько Тони окажется мужчиной -- сможет ли поехать за тобой. Я даже согласен попытаться убедить его, что смогу вести его дела ничуть не хуже Мириам. Спроведим старушку на пенсию, и тогда ты сможешь вылепить из него настоящего мужчину. Если же он на это не пойдет, ты ничего не теряешь.

-- Ты прав, Генри. Я поняла, что больше так жить не могу.

-- Я забронирую тебе люкс в отеле "Пьер". Оставь записку, что тебя вызвали в Нью-Йорк на прослушивание для участия в шоу. Да смотри, из одежды возьми только самое необходимое, а то Мириам заявит, что ты сбежала.

-- Но Тони и Мириам поймут, что я не могу участвовать в шоу, раз беременна.

-- Конечно, поймут. Но это просто уловка. И точно то же самое напиши кому-нибудь, например, Анне, чтобы у тебя было доказательство, если понадобится. И дай мне телеграмму, что, мол, принимаешь мое предложение лететь сюда.

Дженифер последовала совету Генри до мельчайших деталей, и, к ее неописуемой радости, Тони сел на самолет и прилетел за нею в Нью-Йорк. Он ходил взад-вперед по гостиной ее люкса, рыдал, умолял, клялся, что любит ее, что исполнит все, чего она пожелает. Все, что угодно, только не расстанется с Мириам.

-- Но это единственное, чего я прошу, -- стояла она на своем.

Тони был непреклонен.

-- Она ведет мои денежные дела и направляет мою карьеру. Я не доверяю никому, кроме Мириам.

-- А как же я? Разве мне ты не доверяешь?

-- Не надо, Джен. В постели у меня никого не было лучше тебя, но...

-- В постели? И только для этого я тебе нужна?

-- А кем же еще ты хочешь быть? Боже! Мириам права. Ты хочешь

...тотом завладеть мною
-- А что ты отдашь м
-- Свой...! И этого с те
Тони вернулся в Ка
вечном разрыве брачн
здоров в неделю до рож
делю плюс на оплату
хот ребенка, следова
станет очевидной. Пос
О ее уходе от Тони г
то она скрывалась от
большую часть времен
она настояла на том
важно вытаскивала ее
те, но Дженифер оста
Облегчение наступ
ные "куколки".

Дженифер была
ам. Она позвонила
видеть Дженифер.
Настроение у то
страшна. Может бы
нила, в голосе ее сл
подавленном состоя
прилетела для мир
не Мириам, ей при
будет сам приехать
Она все еще не п
на то, что вдали от
И малышка -- она
у ее дочурки был с
ме, где одни женщ
молот.
Открывая дверь
чет в том, что вы
нее чисто и уютно
ставить себя улыба
Женщина тяже
мой спиной

целиком завладеть мною, высосать меня! Я всего себя отдаю пению.

-- А что ты отдаешь мне?

-- Свой...! И этого с тебя хватит.

Тони вернулся в Калифорнию. Генри составил соглашение о временном разрыве брачных уз. Дженифер будет получать пятьсот долларов в неделю до рождения ребенка, а после рождения -- тысячу в неделю плюс на оплату расходов по содержанию ребенка. То, что она ждет ребенка, следовало скрывать до тех пор, пока беременность не станет очевидной. После родов она разведется с Тони.

О ее уходе от Тони газеты писали на первых полосах. Первую неделю она скрывалась ото всех в отеле и благодаря красным пилюлям большую часть времени просто спала. Анну это наконец встревожило, и она настояла на том, чтобы Дженифер переехала к ней. Она буквально вытаскивала ее в театры и почти ежедневно обедала с нею вместе, но Дженифер оставалась подавленной безучастной ко всему.

Облегчение наступало для нее лишь ночью -- его приносили красные "куколочки".

Октябрь 1947

Дженифер была уже на третьем месяце, когда прилетела Мириам. Она позвонила прямо из аэропорта. Ей необходимо было срочно видеть Дженифер.

Настроение у той сразу резко поднялось. Теперь Мириам ей не страшна. Может быть, Мириам теперь сама боится ее. Когда она звонила, в голосе ее слышалось отчаяние. Возможно, Тони находится в подавленном состоянии -- может, даже стал хуже петь -- вот она и прилетела для мирных переговоров. Что ж, условия будет диктовать не Мириам, ей придется оставить их семью в покое. А Тони должен будет сам приехать к ней и попросить прощения.

Она все еще не простила его, но по-прежнему не оставляла надежду на то, что вдали от Мириам Тони станет самостоятельной личностью. И малышка -- она должна внести перемену во все. Ей хотелось, чтобы у ее дочурки был отец, чтобы она не росла, как сама Дженифер, в доме, где одни женщины. Тони станет зрелым мужчиной... он ведь еще молод.

Открывая дверь и приглашая Мириам войти, она отдавала себе отчет в том, что выглядит сейчас как нельзя лучше и что в квартире у нее чисто и уютно. Хозяйка положения была она. Ей даже удалось заставить себя улыбнуться.

Женщина тяжело опустилась в кресло и напряженно застыла с прямой спиной. Ее глаза скользнули по животу Дженифер.

-- Никаких кофе. Давай кончать с этими дерьмовскими правилами приличия и перейдем сразу к делу.

Улыбка не сходила с лица Дженифер.

-- Что же это за "дело"?

Глаза у Мириам сузились.

-- Это действительно ребенок Тони?

-- Подожди, пока сама не убедишься, -- резко ответила Дженифер. -- Уверена, что ребенок будет вылитый Тони.

Мириам встала и нервно зашагала по комнате. Затем повернулась к Дженифер.

-- Сколько ты хочешь за то, чтобы избавиться от него?

Дженифер смерила ее ледяным взглядом.

-- Послушай, если ты хочешь денег, я дам их тебе, -- сказала Мириам. -- Выдам сразу крупную сумму, под расписку. И ты будешь получать свою тысячу долларов даже без ребенка. Только избавься от него.

Дженифер смутилась.

-- А Тони знает об этом? Он хочет именно этого?

-- Нет, Тони не знает, что я здесь. Я сказала ему, что лечу в Чикаго вести переговоры с его спонсором на радио о заключении более выгодного соглашения. Я прилетела сюда по собственной инициативе, чтобы умолять тебя прервать беременность, пока не пошел четвертый месяц и не стало слишком поздно.

Дженифер заговорила низким, звенящим от напряжения голосом.

-- Знаешь, Мириам, до этой минуты я никогда не испытывала к тебе глубокой ненависти. Да, я всегда считала тебя эгоистичной, но то, по крайней мере, было ради Тони. Но теперь я все понимаю. Ты -- отвратительный, злой человек.

-- Ну, а ты у нас прямо образец добродетельной мамы для всей страны! -- рявкнула Мириам, вскочив. -- Тебе что, просто не терпится поскорее начать гулять по парку, толкая перед собой детскую коляску, да?

-- Я хочу этого ребенка, -- серьезно проговорила Дженифер. -- Мириам... всю мою жизнь у меня не было человека, которому я действительно была бы безразлична. Для матери с бабушкой я постоянно была обузой. Только и слышала от них, как много ем, сколько денег уходит мне на туфли, как быстро я изо всего вырастаю. Доходило до того, что я пугалась, когда туфли начинали мне жать. Знала, что обязательно будет скандал. Потом, когда я выросла, речь стала идти только о том, сколько денег приношу в дом я -- дай, дай, дай. Поэтому я и вышла замуж за принца. Да, браком по страстной любви это, пожалуй, нельзя было назвать, но я рассчитывала, что смогу тогда обеспечить мать и бабушку, и пыталась стать хорошей женой. Но я ему была безразлична, он тоже использовал меня в своих целях. Я любила Тони. Единственное, о чем я просила, -- это предоставить мне возможность быть ему женой, но ты и ее мне не давала никогда. Ты

встала у меня на пути, подавила и растоптала меня. Но теперь у меня родится девочка. Она будет любить меня и принадлежать только мне, а я буду работать для нее. Упорно работать. Сейчас я экономлю деньги, даже одежду себе не покупаю. Когда она родится, я снова стану манекенщицей... буду экономить... у нее будет все.

С минуту Мириам стояла молча, изучая свои толстые пальцы. Затем проговорила:

-- Дженифер, возможно, я ошибалась в тебе. Если это так, прости меня.-- Она тяжело вздохнула.-- Ладно, возвращайся к Тони. Я разрешу тебе вести дом самой, мы попробуем поладить. Я сделаю все, что смогу... но ты должна избавиться от этого ребенка!

-- Мириам, пожалуйста, уйди. Я не хочу оскорблять тебя. Ребенок у меня будет. И Тони я себе тоже верну. Когда он узнает, что ребенок родился, он захочет увидеть его. Захочет вернуть нас обоих -- и меня, и ребенка, вот увидишь.

-- Дженифер,-- в голосе Мириам зазвучали почти ласковые нотки. Выслушай меня и выслушай внимательно. Ты оставила Тони и была его единственной любовью в жизни. Правильно? Вот он и сделал одну детскую попытку вернуть тебя. И все. С тех пор у него каждую ночь новая девица. Всего за какие-то три недели он начисто забыл о тебе.

-- Пожалуйста, уйди, Мириам,-- со слезами в голосе взмолилась Дженифер.-- Ты и так уже сделала мне достаточно больно. Зачем же еще продолжать?

-- Теперь я пытаюсь помочь тебе,-- умоляющим голосом ответила Мириам.-- Если бы ровным счетом ничего к тебе не испытывала, я опустила бы руки, и поступай, как знаешь. Что нам с Тони терять? В материальном отношении все уже решено, алименты ты получаешь. Поэтому сейчас я говорю ради тебя. Я всячески пыталась убедить тебя. Поэтому сейчас я говорю ради тебя. Я всячески пыталась убедить тебя избавиться от ребенка и все-таки обойти Тони стороной. Но ты оказалась упрямой.-- Она опять принялась мерить шагами комнату.-- По-слушай, почему, по-твоему, я рассказала тебе про Тони и про этих де-виц? Чтобы причинить тебе боль? Нет, чтобы уберечь тебя от другой боли, куда сильнее этой. Потому что научиться по-настоящему глубо-ко чувствовать можно лишь тогда, когда сама поддержишь ребенка на руках. Он становится частью тебя, это такое чувство, какое ты и пред-ставить себе не можешь, а до того ты и не подозреваешь, что способна на такую любовь. А если с ребенком случается что-то неладное, это причиняет тебе такую боль, какую ни один мужчина причинить не в состоянии. Дженифер, тебе никогда не приходило в голову, что То-ни... э-э-э... ведет себя по-детски?

Дженифер как-то странно посмотрела на нее. В голосе Мириам за-звучали нотки, каких она раньше не слышала.

-- Возможно, Тони и ведет себя по-детски,-- согласилась она,-- но виновата в этом скорее всего ты сама, Мириам...

-- Дженифер, Тони -- дитя, умственно и эмоционально.

-- Только потому, что ты опекаешь его, ходишь за ним по пятам.

-- Как раз наоборот: именно поэтому я его и опекаю. И именно поэтому не хочу, чтобы у тебя был этот ребенок. Ради тебя же, да и ради него самого.

-- Я не понимаю...

Мириам села рядом.

-- Дженифер, выслушай меня. Когда он был ребенком, у него были судороги. У него с рождения какое-то отклонение в мозгу. Врачи в больнице объясняли мне, но я была слишком молода и ничего тогда не поняла. Не могла поверить, будто что-нибудь может оказаться не так, как надо. Они предупреждали меня, что нормальным он никогда не станет, но ему был всего годик, он был таким прелестным ребенком, и я отказывалась что-либо понимать. Но когда ему исполнилось семь лет, а он все не мог одолеть программу первого класса, я начала понимать. Я уже была постарше и проверяла его на всяких тестах. На этот раз передо мной раскрылась вся картина.

Разве ты не замечала, Джен? Ведь Тони читает одни комиксы, да и то с огромным трудом. Он не умеет складывать числа больше пятидесяти. Но он не догадывается о своей умственной отсталости. Я сумела скрыть и это от него, ведя его дела и внушив ему, будто он не знает этого только потому, что всем занимаюсь я. Вот почему я постоянно твержу ему: единственное, что он обязан делать в жизни, -- это петь.

-- Но ты сказала, что судороги у него были в младенчестве. Возможно, все прошло, и нет никаких оснований опасаться, что наш ребенок родится с таким же отклонением, -- возразила Дженифер.

-- Его болезнь постоянно прогрессирует. Причину врачи и сами не знают, но существует очень высокая вероятность, что к пятидесяти годам Тони полностью лишится рассудка. И ребенок от него родится с точно таким же заболеванием. Если ему повезет, он достигнет уровня развития двенадцатилетнего, но этот уровень может оказаться и ниже. -- Она помолчала, припоминая что-то. -- Дженифер, ты не представляешь себе, что это такое. Когда я узнала про Тони, я ударились в религию. Стала подолгу молиться. Ходила в церковь -- в любые церкви -- и таскала за собой Тони. Договорилась, чтобы его взяли в церковный хор. Тогда-то и узнала, что у него есть голос. Вот когда я поняла, что это его единственный шанс в жизни. Каждый заработанный мною цент я отдавала за уроки... -- Мириам вздохнула. -- Но это было давно, и вот что в конце концов получилось. Этот твой ребенок, возможно, не унаследует голоса Тони, зато наверняка унаследует его болезнь.

-- А как же ты? -- спросила Дженифер. -- Ты тоже лишишься рассудка?

Мириам покачала головой.

-- Мы с ним от разных отцов. Этого Тони тоже не знает. Пожалуйста, Дженифер, ради себя самой, ради всего святого, избавься от ребенка.

-- А как я узнаю, правду ты говоришь или нет?

-- Я привезла с собой медицинские свидетельства. -- Порывшись в

сумке, она извлекла оттуда толстый конверт из оберточной бумаги.-- Я и не рассчитывала, что ты поверишь мне на слово. Да почему, собственно, ты должна мне верить?-- Она протянула конверт.-- Сходи с ними к любому невропатологу. Только сделай мне одно одолжение -- не разноси это по всему городу, Дженифер. Иначе на карьере Тони можно сразу ставить крест. Да и на самом Тони -- тоже. Я понимаю, ему, видно, все равно суждено закончить свои дни в каком-нибудь заведении для умственно отсталых, но если это станет известно сейчас, то он попадет туда немедленно. Вот почему я всегда экономлю. Ты, наверное, считала меня скрягой, а я просто откладываю деньги на его пожизненную ренту. Вношу на это каждый цент, который мне удастся сэкономить. Не хочу, чтобы после моей смерти он оказался в каком-нибудь ужасном приюте, который содержится на пожертвования. А пока, может, он еще проживет хорошенько лет пятнадцать... я, во всяком случае, надеюсь на это...

Дженифер вернула ей конверт.

-- Я верю тебе, Мириам. Придумать такую страшную историю невозможно.

В глазах у Мириам появились слезы.

-- Дженифер... я действительно желаю тебе добра. Ты можешь вернуться к Тони, как только пожелаешь, но ты достойна лучшей участи. И, пожалуйста, храни это в тайне... ради него. Ты еще найдешь себе кого-нибудь. Пожалуйста, будь милосердна к Тони. Избавься от его ребенка, а о нем самом забудь.

После ухода Мириам Дженифер просидела неподвижно несколько часов, тупо уставившись в одну точку, а потом приняла три красные пилюли и легла спать.

Она так и не дала ни Анне, ни Генри никакого логического объяснения своему внезапному решению. Сама нашла врача в Нью-Джерси, приятного человека со стерильной внешностью. Все произошло на чистом операционном столе с помощью опытной медсестры и обошлось в тысячу долларов. Сестра сделала ей укол в руку -- пентотал натрия, и ощущение от него было еще восхитительнее, чем от секонала. Когда она проснулась, все было кончено. Две недели спустя она чувствовала себя так, словно ничего этого с нею не было.

Талия стала, как раньше, и Дженифер полетела в Мексику оформлять официальный развод.

Когда она вернулась, ее захватил и понес бурный водоворот новых осенних премьер, бесчисленных покупок новой одежды: в моду входили удлиненные платья, и все замороженно смотрели на восьмидюймовые экранчики, именуемые телевизорами. Хотя смотреть по ним было особенно нечего, кроме состязаний по борьбе, баскетбольных матчей и скачек, все в один голос утверждали, что эти аппараты покончат с радио.

Дженифер опять устроилась в дом моделей Лонгуорта и начала де-

монстрировать модели нового сезона. Очень скоро стенные шкафы Анны вновь стали ломиться от туалетов Дженифер, от которых та отказывалась, надев их один-два раза. Телефон звонил непрерывно, и Дженифер входила в свою новую роль в обществе, увлекая за собой и Анну.

Дженифер встречалась с мужчинами, но предпочтение отдала Клоду Шардо. Он был кинопродюсером из Франции -- чисто галльский тип лица -- обаятельный, влюбчивый. Анне он не понравился, но Дженифер с головой отдалась своему пылкому увлечению. Завтраки в лучших ресторанах длились по три часа с поцелуями пальчиков и танцами. Он плохо говорил по-английски, и Анну поразила беглая французская речь Дженифер.

В канун Рождества Дженифер и Анна нарядили небольшую слочку. Должен был прийти Клод со своими друзьями.

-- Через десять дней он уезжает, -- задумчиво сказала Дженифер.

-- Он действительно небезразличен тебе? Я подчеркиваю: действительно? -- спросила Анна.

Дженифер наморщила нос.

-- Видишь ли... он какой-то другой. А что ты о нем думаешь? Только честно.

-- Трудно сказать. Я не понимаю доброй половины из того, что он говорит, а другую половину вы тараторите по-французски, пока я пытаюсь разобрать его ломаный английский. Но из слов его друга Франсуа я все же сумела понять, что у твоего Клода во Франции есть жена.

-- Естественно. И, вероятно, еще любовница, -- с легкостью согласилась Дженифер. -- Стоит мне привязаться к мужчине, как можешь быть уверена, что это тот еще тип. Он хочет, чтобы я поехала в Париж.

-- Но у тебя, конечно же, и в мыслях нет ехать туда.

Дженифер пожала плечами.

-- Он хочет дать мне главные роли в своих фильмах. Говорит, я произведу у них фурор своей американской внешностью и беглым французским языком.

-- Но ты же утверждала, что не можешь играть.

-- Он хочет, чтобы я снималась в эротических фильмах. Ну, в художественных, но полуобнаженной.

-- Что?

-- Там это принято, Анна. В таких фильмах снимаются многие крупные звезды. Это там ничего не значит. Да нет, я вовсе не имею в виду грязные порнографические ленты. Я хочу сказать, это будут фильмы с настоящим сюжетом. Только когда по ходу действия ты принимаешь ванну, тебя снимают.

-- Но зачем тебе это делать?

-- А почему бы и нет? Что я имею от того, что здесь за мной все бегают? Я была сенсацией прошлого сезона. Скоро мне исполняется

...делать все...
...мужчину
...репутаци
...мужчины сч
...быть. Пари
...фальшивы
...чтобы я по
...Ну и что? Что
...Но ты же еще
...шанс?
...Я слишком
...предвидится. Ну
...опять не дадут.
...хватает, но меня
...одних и тех же пр
...еще несет на крыл
...Анна отрицател
...Нет, я стала
...уехал Лайон. Я пр
...Вероятно, сейчас
...Ты была с ке
...Нет, я не мо
...Лайона.

В день своей
...первом" К
...ле возвышалась
...в таких случаях
...выступала в ро
...Франсуа и еще
...-- Меня зовут
...Дженифер ул
...-- Ты, Анна,
...косметикс".

двадцать восемь, а за спиной у меня два неудачных замужества. Настоящего мужчину я здесь уже не встречу. За мной закрепилась определенная репутация. Была замужем за принцем, потом за кинозвездой -- мужчины считают, что я слишком богата и им не по средствам. Может быть, Париж -- лучший выход для меня. Я знаю, что Клод насквозь фальшивый. Пускал мне пыль в глаза своим ухаживанием, только чтобы я подписала с ним контракт. Хочет сделать на мне деньги. Ну и что? Что я теряю? От меня же не убудет.

-- Но ты же еще так мало была в Нью-Йорке -- почему бы не испытать шанс?

-- Я слишком хорошо известна. Ничего нового в моей жизни не предвидится. Ну ладно, возьмут еще в одно шоу, но хорошей роли опять не дадут. Денег, которые я получаю в виде алиментов, мне хватает, но меня уже тошнит и от "Марокко", и от "Аист-клуба", и от одних и тех же приевшихся физиономий. А тебя разве нет? Или тебя еще несет на крыльях вечной любви и преданности Нью-Йорку?

Анна отрицательно покачала головой.

-- Нет, я стала как-то равнодушнее к этому городу после того, как уехал Лайон. Я прочла в "Таймс", что его книга выходит через месяц. Вероятно, сейчас он работает над второй.

-- Ты была с кем-нибудь близка за это время?

-- Нет, я не могу. Понимаю, это звучит глупо, но я все еще люблю Лайона.

А н н а

Январь 1948

В день своего отъезда Клод закатил трехчасовой завтрак в "Двадцать первом". Когда приехала Анна, все было в самом разгаре: на столе возвышалась большая банка иранской паюсной икры и неизбежное в таких случаях шампанское в ведерке со льдом. Сияющая Дженифер выступала в роли радушной хозяйки перед Клодом, его приятелем Франсуа и еще одним человеком, которого Анна раньше не встречала.

-- Меня зовут Кевин Гилмор, -- представился незнакомец. Дженифер улыбнулась.

-- Ты, Анна, слышала о Гилморе. Он -- владелец фирмы "Гиллиан косметикс".

-- Конечно. У вас отличная продукция.-- Она положила себе еще икры.

-- Вы тоже собираетесь в Париж?-- спросил он.

-- Нет, это Дженифер не терпится стать новой сенсацией Франции.

-- Она возьмет Париж штурмом,-- сказал Клод с сильным акцентом.-- Но, пожалуйста, Анна... я целиком полагаюсь на тебя в том, чтобы она села на пароход. Она должна быть там к концу месяца.

Весело расхохотавшись, Дженифер крепко прижалась к Клоду.

-- Я буду там сразу же после того, как получу паспорт и кое-что улажу.

-- Ну, разве это не замечательно?-- обратилась Анна к Кевину, стараясь скрыть, что она не испытывает никакого энтузиазма по этому поводу.

-- Да, вероятно. У вас свои зубы?

-- Что-о?

-- Свои? Или вставные?

Анна улыбнулась. Его прямота обезоруживала.

-- Зубы у меня свои, а что?

-- А волосы?

Она почувствовала, что краснеет.

-- Естественные,-- тихо ответила она.

-- Это я знаю. Я достаточно разбираюсь в оттенках волос, чтобы понять это. Но неужели все они -- ваши?-- Он незаметно для остальных подергал ее длинные волосы.-- Я имею в виду, вы не носите парик?

-- Что-что?

-- Парик. Чужие волосы, более густые.

-- А зачем мне это?

Он неожиданно улыбнулся. Эта улыбка не вязалась с его дерзкими вопросами. Робкая, застенчивая улыбка.

-- Затем, что большинству девушек он просто необходим, чтобы выглядеть вот так.-- Он печально покачал головой.-- Это самая большая трудность, когда ищешь подходящую девушку -- то у них хорошие волосы, но отвратительные зубы, то хорошие волосы и зубы, но никуда не годный нос. А у вас, по-моему, все идеально. Хочу поинтересоваться, не согласились бы вы работать у нас, но только исключительно у нас, так сказать, на эксклюзивной основе?

-- В качестве кого?-- Анна посмотрела на Дженифер, пытаясь найти себе поддержку, но та была полностью поглощена Клодом, что-то нежно шептала ему по-французски.

-- Видите ли, сейчас, когда на сцену выходит телевидение, с радио, по-моему, будет покончено через год или два. По крайней мере, в том, что касается крупных шоу. Мне нужна "Девушка Гиллиана". Хочу, чтобы она фигурировала во всех моих рекламах: париков, лака для ногтей, губной помады, косметики. Я уже говорил с несколькими девушками, которые мне нравятся...-- Он назвал имена пяти манекенщиц экстра-класса.-- Но они требуют слишком большие гонорары за

то, что будут работать исключительно на меня. А я не хочу, чтобы "Девушка Гиллиана" рекламировала модели Тэда Касабланки в "Вог" или духи "Шанель" в "Харперс". Хочу, чтобы она ассоциировалась исключительно с продукцией фирмы "Гиллиан". А вначале я смогу платить всего триста долларов в неделю.

Анна отхлебнула шампанского. Она не знала, что ответить.

Гилмор принял ее молчание за отказ.

-- Я предлагаю вам контракт сроком на один год с оплатой во втором полугодии по пятьсот долларов в неделю. Плюс дополнительные суммы, если мы используем вас, когда выйдем на телевидение.

Дженифер внезапно очнулась.

-- Что я слышу? "Суммы"?-- переспросила она.

-- Я говорю вашей подруге, что хотел бы сделать ее "Девушкой Гиллиана".

Глаза Дженифер округлились.

-- Ну, конечно же, Анна идеально подойдет.

-- Наверняка подойдет. Она красива, но не чересчур сексуальна. Типичная американская девушка.

Клод всплеснул руками.

-- Опять это слово! Какие же вы, американцы! Не знаете, что делать с красивой девушкой. Постоянно пытаетесь всех уподобить девчонке-соседке. Да если бы публика хотела именно этого, никто не стал бы ходить в кино. Взять, к примеру, Дженифер -- она сразу станет крупной звездой именно потому, что не похожа на соседскую девчонку. Она -- та самая девушка, обладать которой мечтает каждый мужчина.

-- Согласен. Но в рекламном деле это не срабатывает, тут нужен совсем другой подход,-- стоял на своем Кевин.-- Сексуальную привлекательность мы тоже используем, но более тонко. Анна красива, но это тот тип красоты, с которым себя может отождествлять любая женщина. Студентка колледжа или молодая замужняя женщина станет думать, что и она вполне сможет выглядеть, как Анна, если будет пользоваться нашими изделиями. Но она никогда не станет думать, что сможет походить на Дженифер. Вы в своих фильмах делаете упор на эскапизм, уход от действительности -- я же торгую реальными изделиями. Анна идеально подходит для моей продукции. Люди не догадываются, что все дело в чертах ее лица, в том, как у нее посажены глаза или насколько густы у нее ресницы. Они станут думать, что если они будут пользоваться той же продукцией, то станут выглядеть точно так же. Этот тип красоты не напугает их. А вот тип Дженифер -- да.

-- Что ж, тогда я увожу свой пугающий тип красоты в Париж,-- сказала Дженифер.-- Но, Анна, думаю, что тебе следует принять предложение Кевина. Тебе нужно сменить обстановку. Нам всем это нужно.

Анна нахмурилась.

-- Я не манекенщица, и меня устраивает работа у...

Дженифер незаметно ткнула ее локтем в бок и встала.

-- По-моему, нам нужно выйти и немного подправить косметику. Пошли, Анна. -- Выходя следом за Анной, она обернулась и ободряюще подмигнула Кевину. Тот кивнул и показал ей скрещенные пальцы.

В дамской туалетной комнате они сели перед большим зеркалом. Служительница прибиралась неподалеку с выражением безразличия и скуки на лице.

-- Итак, -- с ходу бросилась в атаку Дженифер. -- Почему ты отказываешься?

-- Я ничего не смыслю ни в рекламе, ни в работе манекенщицы...

-- А я ничего не смыслю в работе киноактрисы, но меня это не останавливает. К тому же еще в Париже!

-- Ты будешь замечательной...

-- Не переводи разговор. Сколько ты получаешь у Генри?

-- Сейчас -- сто пятьдесят в неделю. Но это не существенно. Я только что продала свой дом и получила за него очень приличную сумму. Генри выгодно поместил эти деньги, так что мне набегают большие проценты. В деньгах я нуждаюсь меньше всего.

-- Но это же будет так замечательно.

-- Я не могу оставить Генри...

-- Генри? -- Дженифер осуждающе посмотрела на нее. -- Анна, и ты говоришь это мне, своей Джен? Скажи уж лучше, что не можешь оставить эту работу потому, что она хоть как-то связывает тебя с Лайоном Берком. Но он к тебе не вернется. Выброси из головы, что в один прекрасный день он явится и возьмет тебя с собой. Все это в прошлом! Кончено!

-- Откуда ты знаешь? Я имею в виду, что на следующей неделе выходит его книга... ну и... он должен будет приехать сюда. Ведь так поступает большинство писателей, разве нет?

Дженифер опустила глаза, внимательно изучая свою сумочку. Невбрежно поиграла ремешком.

-- Анна... я не хотела говорить тебе, но сейчас думаю, что ты должна знать. Он... опять уехал в Англию.

-- Опять? -- У нее пересохло во рту. Она испугалась, не заболевает ли. -- Хочешь сказать, что он был здесь?

Дженифер, не торопясь, утвердительно кивнула с серьезным выражением лица.

-- Целую неделю встречался с издателем. Все полностью переписал заново -- выбросил почти все, что написал вначале здесь, вернулся туда и начал писать с самого начала. Вот почему ушло так много времени. Но книга получилась хорошей. Генри говорил мне. Он виделся с Лайоном.

-- Генри его видел?

-- Они вместе обедали. Лайон уже приступил к следующей книге. Получил от своего издателя очень крупный аванс и уехал обратно в Лондон. Снимает там квартиру.

-- Он был здесь... виделся с Генри...-- Слова застыли у нее в горле. По лицу потекли слезы.

Дженифер обняла ее.

-- Анна, не принимай это так близко к сердцу. Генри говорит, что Лайон думает только о своих книгах. Сейчас это единственное, что имеет для него значение.

-- Но ведь Генри знает, каково мне. Почему же он не сказал мне, что Лайон приезжал?

-- Потому что он мужчина, а мужчины всегда стоят друг за друга. Анна, ты ничем не обязана Генри. И тебе необходимо сменить обстановку. Это сама судьба. Ведь Клод не приглашал сегодня Кевина. Тот просто шел куда-то один, мы его случайно встретили, и он пошел с нами сюда. Я считаю, это просто предопределено свыше.

-- Может быть, ты и права,-- медленно проговорила Анна.-- Я должна уйти с этой работы. Оставаться там -- все равно, что хоронить себя заживо.

-- Вот теперь ты говоришь правильно. И квартиру эту тоже брось! А сейчас приведи в порядок лицо и не вздумай терять работу, которую ты еще не получила.

Сначала Генри огорчился. Однако он с неохотой признал, что предложение фирмы "Гиллиан" -- замечательное.

-- Это все твоих рук дело,-- сказал он Дженифер. Та пришла вместе с Анной объявить ему эту новость.

-- Ты сам прекрасно знаешь, что о лучшем ей нечего и мечтать,-- весело ответила Дженифер.-- Ну же, успокойся, Генри. Сколько ты еще намеревался держать Анну здесь на привязи? Ты же понимаешь, что она не мисс Стейнберг.

-- О'кей. Но прежде чем ты подпишешь контракт, принеси его мне,-- проворчал он.-- Посмотрим, можно ли будет внести в него пункты об особых выплатах. Телевидение решительно заявляет о себе, и я не хочу, чтобы какие-то пункты пришлось оговаривать задним числом. Раз он хочет, чтобы ты рекламировала его продукцию сейчас, он должен дать гарантию, что будет использовать тебя и в телевизионных рекламных передачах.

-- Но, Генри,-- возразила Анна.-- Я же в обморок упаду перед телекамерой.

-- Она ничем не будет отличаться от простой фотокамеры, а у тебя к тому времени уже накопится опыт. Да, кстати...-- он написал какое-то имя на отрывном блокноте,-- договорись о встрече с Лил Коул. Бери у нее частные уроки не менее двух раз в неделю. Они стоят дорого, но ты вполне можешь себе это позволить.

-- Кто эта Лил Коул?

-- Она ставит правильную речь и дикцию. Лучший специалист в Нью-Йорке.

-- Для чего она мне?

-- Видишь ли, у меня есть предчувствие, что телевизионная реклама не сведется к простой демонстрации изделий. Тебе нужно избавляться от своего бостонского выговора.

-- Генри, я же собираюсь всего-навсего рекламировать косметику, а вовсе не становиться актрисой.

-- Послушай, Анна,-- заговорил он строгим голосом.-- Если ты намерена что-либо делать, отдавайся этому делу на сто процентов. Не существует такой работы, которую можно выполнить, затратив лишь половину своих усилий. Секретарем ты была великолепным, теперь же, раз ты намерена стать "Девушкой Гиллиана", стань лучшей из всех возможных кандидатур. И потом, чем тебе еще заниматься? Сейчас тебе больше, чем когда-либо, надо чем-нибудь занять себя.

Внезапно на его лице появилось выражение смертельной усталости, словно он совершенно лишился сил. Повинуясь безотчетному порыву, Анна обняла его.

-- Генри, я люблю тебя.

Он сердито посмотрел на нее, скрывая свои чувства.

-- Как вам это нравится?-- обратился он к Дженифер.-- Последние два года прошли у меня под знаком безумной влюбленности в нее, и вот сейчас, бросая меня, она признается мне в любви.

-- Да, люблю, Генри. И всегда буду любить. Пожалуйста... оставайся моим другом.

-- Только попробуй потерять меня. Таких, как ты, Анна, одна на миллион. Другой такой уже не будет. А теперь -- убирайся. Мне нужно обзванивать бюро по найму. Кто знает, может, и отыщется вторая Анна Уэллс.

-- А не хочешь, чтобы я еще поработала, пока ты не найдешь кого-нибудь? Я могла бы ввести ее в курс дела.

-- Нет, сматывайся. Дженифер тоже скоро уезжает. Живите на полную катушку, девочки. Кстати, Дженифер, за вычетом налогов твои алименты составляют семьсот долларов в неделю. Зная тебя, я буду высчитывать налоги сразу же. Это твое соглашение о киносъемках во Франции все осложнит. Хочешь, чтобы я пересылал тебе чеки туда?

-- Нет, оставляй мои деньги здесь. Вложи их во что-нибудь. Сделай меня такой же богатой, как Анна.

Генри рассмеялся.

-- Передо мной сидят прямо-таки две рокфеллерши. И кто только сказал, что этот мир принадлежит мужчинам?

-- Я пробиваю в нем свою дорогу с огромным трудом,-- посуровела Дженифер.

-- Ну, ясное дело. Целых пять месяцев пришлось, не жалея сил, вкалывать в бассейне.

Лицо Дженифер озарила одна из ее ослепительных улыбок.

-- Да, в Калифорнии у меня были одни игры и развлечения.

-- Знаете, кем бы я хотел стать в своей следующей жизни? Краси-

вой бабенкой, -- стоял на своем Генри. -- А сейчас перед тобой Париж. Ты станешь французской Ланой Тэрнер. Но, сделай одолжение, не транжирь все свои деньги. Ты должна мне две тысячи. Вычту из твоих алиментов. И бога ради, не проси меня пересылать их тебе во Францию. Дай мне возможность отложить их для тебя же самой. Клиенты вроде вас двоих мне вот как нужны!

-- Да, кстати, -- ангельским голоском пропела Дженифер. -- Одолжи мне еще тысячу, Генри...

-- Опомнись, Дженифер...

-- Мне нужно приодеться. В конце концов, в Париж я должна явиться во всеоружии и произвести там фурор.

Февраль 1948

Анна влетела в "Двадцать первый" и подбежала к Генри, сидевшему за своим обычным столиком в самом начале зала.

-- Извини, что опоздала, но Лил Коул выжимает из меня все соки. -- Она села.

От Генри не укрылось, что все мужчины в зале оборачиваются ей вслед. В результате трехнедельных усилий ведущих косметологов Кевина Гилмора внешность Анны изменилась, хоть и неуловимо, но все же так, что приковывала к себе всеобщее внимание. Они не изменили красоту Анны, дарованную ей природой, но каким-то непостижимым образом так оттенили и подчеркнули ее, что она еще более бросалась в глаза. Раньше эта красота открывалась окружающим постепенно. Теперь же ее замечали моментально. Глаза были подведены, на веки наложены тени, а волосы взбиты и напоминали львиную гриву. Во всем ее облике по-прежнему читалось благородство знатной леди, однако сейчас она буквально притягивала к себе внимание мужчин.

-- Сегодня утром я получила длинное письмо от Дженифер, -- сказала она, не замечая всеобщего внимания.

-- А я -- короткое, с просьбой выслать денег. Анна, как она сумела так быстро все потратить?

Анна рассмеялась и заказала себе салат.

-- Сколько бы денег у нее ни было, она всегда будет в долгах. Дженифер -- транжирка. Не знаю, почему, но ей, похоже, не нравится ничто из того, что она покупает. Большинство купленных вещей она тут же раздает.

Генри покачал головой.

-- Надеюсь, что она найдет себе там человека, хорошего человека. Как актриса она не бог весть что, но лицо и фигура у нее чертовски хороши. Надеюсь, она заставляет их работать на себя. Потому что

внешние данные -- это все, чем она обладает, и когда она лишится этого -- придет конец и самой Дженифер.

-- Генри! Я была о тебе лучшего мнения. Неужели ты, как и все, ценишь Дженифер за ее внешность и только? Она замечательный человек, вот только ни один мужчина не берет на себя труд разглядеть в ней это. Я думала, что ты не такой. Дженифер в самом деле хороший человек... настоящая подруга... и очень милая. Одна из самых милых девушек, которых я знала в жизни.

-- Милая? Ну что ж, с этим я, пожалуй, соглашусь. Милая с виду, на поверхности. Эта ее улыбка, словно навсегда приклеенная. Но расскажи мне немного о ней, Анна. Способна ли она на сколько-нибудь глубокое чувство?

-- Трудно сказать: Дженифер никогда до конца не раскрывается. Тебе что-нибудь известно? Я никогда не слышала, чтобы она о ком-нибудь отзывалась плохо. Она и в самом деле мила со всеми. Понимаю, что смешно характеризовать Дженифер этим словом, но для нее оно подходит как нельзя лучше. Я ведь жила с нею и знаю. Вот ты, наверное, думаешь, что уж если кто мила, так это Нили. Она -- умная и яркая, но милой ее назвать нельзя, в отличие от Дженифер. Ты знаешь, она никогда не говорила ничего плохого о принце! Только то, что у них не сложилось. Никакой злобной мстительности ни к нему, ни к Тони, ни даже к Мириам. Говорит просто, что не могла вынести скуку в Калифорнии. Нет, за фасадом этого очарования скрывается страшно одинокая душа, которая ждет мужчину, способного полюбить ее за духовные качества. Потому что на самом деле Дженифер хочет лишь одного: чтобы у нее был один мужчина, нормальная семейная жизнь, дети...

-- Тогда как же вышло, что она прервала беременность? Вот когда я разочаровался в ней. Звонила мне из Калифорнии чуть ли не на грани истерики, потому что ее, видите ли, заставляют делать аборт -- по крайней мере, сестра мужа заставляла. А сама она якобы хочет сохранить ребенка. А потом, когда я в лепешку расшибся, чтобы обеспечить ей хорошие алименты, она избавляется от него. И ты еще станешь уверять меня, что девица, которая хочет иметь ребенка, не может прожить на тысячу долларов в неделю?

-- Она никогда не рассказывала об этом и не называла никаких причин, -- задумчиво проговорила Анна. -- Но, вероятно, в какой-то момент она испугалась того, что ей придется одной воспитывать ребенка. Я уверена, что если бы нашелся подходящий человек, у них получилась бы нормальная семья.

Генри пытливо посмотрел на нее.

-- А ты как?

-- О, мои дела идут прекрасно. Мы уже закончили пробные фотосъемки. Со следующей недели я начинаю рекламировать продукцию фирмы "Гиллиан". Первая весенняя демонстрация.

-- Я не об этом, Анна. Я имел в виду твое будущее. Видишь ли, то,

что ты станешь "Девушкой Гиллиана", многое изменит в твоей жизни. Когда твое лицо не будет сходить со страниц иллюстрированных журналов и рекламных объявлений, на твоём пути возникнет немало соблазнов.

-- Я уже прошла через это,-- напомнила она.-- Помнишь? Всего два года назад моё имя не сходило с первых полос газет, постоянно упоминалось в статьях и репортажах: "Золушка Аллена Купера". Но я осталась прежней, не изменилась.

-- Нет, изменилась,-- тихо сказал Генри.-- Ведь ты же не пошла замуж за Лайона Берка, а?

Некоторое время она молча изучала свою тарелку.

-- Я хотела выйти за него, Генри... больше всего на свете. И сейчас ещё хочу.

-- Так почему же не вышла, когда у тебя была такая возможность?

-- Он хотел, чтобы я жила в Лоренсвилле.

-- Именно об этом я и говорю,-- медленно произнес он.-- Та девушка, которая появилась в моей конторе в тот самый первый день, пошла бы за любимым человеком на край света. Вот почему я и принял тебя. Я посчитал, что ты слишком разборчива и не станешь вешаться на шею первому попавшемуся. Я не рассчитывал, что Лайон вернется. В ту самую минуту, как он вошел, я сказал себе: "Прощай, Анна,-- вот оно". К несчастью, Лайон никогда не был способен на глубокое чувство ни к кому -- к мужчине ли, к женщине ли. Мы с тобой похожи друг на друга: когда нам кто-то нравится, мы сотворяем из него божество, кумира.

-- Лайон любил меня... я знаю,-- упрямо сказала она.

-- Но не так сильно, как себя. Человек, который разом обрывает все концы, как это сделал Лайон, не способен на подлинное чувство. В известном смысле Лайон похож на Дженифер. Они влюбляются, эти лайоны и дженифер, но всегда выходят сухими из воды, потому что свое, личное у них всегда на первом месте. Помни, Анна, ты молода.

-- Думаю, вряд ли у меня с кем-нибудь будет что-то серьезное,-- ответила она.-- Вот с Лайоном это было именно так.

-- Лайон для тебя умер,-- категорически отрезал Генри.-- С ним уже все... покончено!

-- Понимаю, но я-то из-за этого не изменилась. Нельзя же вешаться на первого более или менее подходящего, который встретится на моём пути. Да, я хочу когда-нибудь выйти замуж и иметь детей. Но я должна любить этого человека.-- Она вздохнула.-- А я никогда никого не смогу полюбить так, как я любила Лайона.

-- Послушай,-- сказал Генри.-- Не становись "шмаком", как я. У меня ведь тоже была любовь, одна-единственная в жизни -- Элен Лоусон! И я чертовски хорошо видел с самого начала, что она меня не любит, что она вообще не способна любить. Я научил ее всему. И хотя я был вовсе недурен собой, любил только ее. Может быть, я просто сам исключил для себя всякую возможность найти себе другую девушку.

Ну и к чему я в результате пришел? Остался один, как перст.

-- А может, вы с Элен могли бы еще...

-- Смеешься?

-- Но ты же сказал, что любил ее.

-- Любил. Я любил ее такой, какой она себя изображала, какой я хотел ее видеть. А сейчас я вижу ее такой, какая она есть на самом деле. Я слишком стар, чтобы искать себе кого-то другого. Любовь к Элен у меня уже прошла, но я ничего не могу поделать со своей привычкой. Вот и тебя подстерегает то же самое, Анна, -- привычка. Вот поэтому и не вздумай в свои двадцать два года заводить привычки. Лайон -- тот не тратит ни единой секунды своего времени на раздумья и воспоминания о тебе, уж можешь мне поверить. Поэтому и ты перестань думать о нем.

Анна чуть заметно улыбнулась.

-- Единственное, что я могу, -- постараться...

Н и л и

1950

Нили устало закрыла сценарий. Бесполезно перечитывать -- она и так знает его, как свои пять пальцев. Раскинувшись на роскошной кровати, она отпила еще глоток шотландского виски. Уже половина двенадцатого, а сна -- ни в одном глазу. Может, принять еще одну "куколку"? Две она уже приняла... может, еще одну, красненькую? В шесть ей нужно быть на студии. Она прошла в ванную комнату и положила в рот красную пилюлю. "Давай, "куклечок", делай свое дело".

Спотыкаясь, она добрела до кровати. Заметила, что ее записная книжка-ежедневник открыта. Что это ей нужно помнить? Нили внимательно вгляделась. Слова поплыли у нее перед глазами, однако она узнала почерк Тэда. "Приходи сегодня пораньше. Баду и Джаду исполняется ровно год!"

Боже! Ух ты! Это ведь было сегодня. Утром она даже не заглянула в свою книжку. Она так накачалась пилюлями, что едва смогла встать с постели. Ей понадобилось две "декси", чтобы окончательно проснуться. И вот -- она пропустила день рождения! Черт бы побрал эти повторные съемки! Она слезла с кровати и на цыпочках прошла в де-

тскую. Чувство гордости волной захлестнуло все ее существо, когда она увидела две светловолосые головки. "Бад и Джад, -- прошептала она в темноте, -- мамочка не пришла на ваш день рождения, но она любит вас. О Боже, до чего же она любит вас! Мамочка не заглянула в свою записную книжку, а то бы пришла, честное слово".

Так же, на цыпочках, она вышла из детской и вернулась, пошатываясь, в спальню. Тэд сейчас, наверное, где-нибудь с ума сходит, думается на нее. Ну ладно, черт возьми, она не виновата. Просто не заметила эту чертову книжку. Кто же, черт побери, может что-нибудь разглядеть в пять утра? Она снова откинулась на подушки. Им, должно быть, испекли торт. С одной свечечкой. А мисс Шерман и Тэд, наверное, спели им песенку "С днем рождения". Крупная слеза скатилась по щеке, покрытой толстым слоем крема. Но ведь они еще маленькие. Они не знают, что у них день рождения. Они не обиделись.

Зато Тэд теперь затаит на нее обиду. Где он, черт бы его побрал? Таскается, наверное, по кабакам, сукин сын, цепляет то девочек, то мальчиков. Она вспомнила, как застучала его в первый раз, с тем самым актером из Англии -- в обнимку, и языки друг дружке чуть не в горло запустили. В ту ночь она приняла целый пузырек пилюль, и пришлось промывать желудок. Ее передернуло при этом воспоминании. Больше она не сделает такой глупости.

Но зато после этого Тэд был сама нежность. В первую же ночь он крепко обнял ее и объяснил, что имел дело с женщиной только потому, что испытывал чувство неуверенности в себе. То, что ее два года подряд выдвигают на "Оскара" -- пусть она так и не получила эту награду, -- вселило в него чувство неверия в свои мужские силы. Именно в ту ночь она и забеременела от него. И вот -- у нее близнецы. Эти двое очаровательных светловолосых мальчиков в детской -- ее дети. Они вышли на свет из нее! Она почувствовала горячую волну нежности. Всего двадцать два года... самая крупная и яркая звезда студии "Сенчури"... собственный дом в Беверли-Хиллз.

Пилюли не действуют... Интересно, а Дженифер принимала когда-нибудь по три сразу? Наверняка принимала. Чтобы сниматься в таких картинах, Дженифер просто необходимо что-то принимать. Ух ты! Последний фильм произвел настоящий фурор, за билетами выстраивались многочасовые очереди. В главной роли Дженифер со своими голыми титьками, и тараторит на французском, как на своем родном. Может, в Париже это и считается нормальным, но титры под голой задницей еще не делают фильм произведением искусства. А та большая статья то ли в "Луке", то ли в "Лайфе", где Джен сфотографирована в своей шикарной парижской квартире, -- там чуть ли не открытым текстом говорилось, что она живет с этим французским продюсером Клодом Шардо.

Интересно, что обо всем этом думает Анна? Ух ты! Она так и не ответила на ее письмо. Нужно поблагодарить ее за новую книжку Лайови, несмотря на все эти сволочные отзывы. Все книготорговцы в один

голос заявляли, что книга прибыльная -- точнее, должна оказаться прибыльной, но ничего не вышло. Черт возьми, может быть, ему нужны были деньги, и он думал, что его макулатура хорошо пойдет? Так или иначе, первая его книжка получила восторженные отзывы, но не принесла ему ни цента. Интересно, по-прежнему ли Анна равнодушна к Лайону? Наверное, до сих пор питает к нему что-то, раз хочет, чтобы ее подруги обязательно прочли эти книги. Но ведь все газеты намекают, что сейчас она с Кевином Гилмором. Ух ты! Подумать только: Анна -- "Девушка Гиллиана". Стоит открыть любой журнал -- непременно наткнешься на ее фото. Ах да... в воскресенье. Она встала и нацарапала несколько слов в книжке-ежедневнике. Надо будет не забыть посмотреть. Анна будет рекламировать продукцию "Гиллиан" в передаче "Час комедии". Анна -- на экране телевизора!

Телевидение... Ух ты, как они в Калифорнии забегали из-за этого вонючего ящика. Будто он когда-нибудь сможет представить хоть какую-то угрозу кинопромышленности. Но сейчас все паникуют. Стали отказываться от услуг актеров, снимающихся по контрактам, причем это приняло массовый характер. Перестали заключать длительные соглашения -- только на съемки в одной-двух картинах. Ей еще повезло, что она пользуется такой популярностью. О-о, как они были рады подписать с ней долгосрочное соглашение! На целых пять лет вперед... еще целых пять лет, по пятьдесят две недели в каждом, ей будут выплачивать деньги...

Хорошо, если бы Тэд приехал сегодня домой. Ей нужно, чтобы он вступился за нее завтра. Эти эпизоды с танцами чересчур трудны. Станцевать-то она сумеет, но это же просто смешно. Пусть Тэд скажет, что в его костюмах она не может танцевать, и пусть ей сделают танцы полегче, а то сегодня она еле-еле отдышалась. Эти зеленые пилюли великолепны: с них не тянет в сон, делаешься худощавой и подтянутой. Вот только сердце от них колотится так, что невозможно выдержать двухчасовую танцевальную тренировку. А может, Тэд у себя в студии? Может, он и не сердится вовсе, просто заработался допоздна? Она потянулась к телефону. Нет, если он не в студии, лучше ей ничего не знать об этом. Да и какого черта -- если он и на работе, то что это доказывает? Он и у себя в студии может развлекаться с каким-нибудь парнем. Боже, и почему она его так любит? Он и мужик-то никудышный. Да, но ведь и Мэл тоже был слабоват. И почему она привязывается к таким вот мужикам? Сначала они кажутся такими сильными: помогают ей, говорят, как надо поступать, -- по-настоящему сильными. И куда потом все девается?

Нили посмотрела на стенные часы -- двенадцать. Пилюли не действуют. Нужно добавить еще виски, чтобы подействовали. Черт возьми -- виски у них внизу. Здорово, что она обнаружила, как выпивка помогает действию этих пилюль. Интересно, а Дженифер знает? Без выпивки "куколки" -- ничто. Ладно, сейчас она спустится вниз и нальет себе еще.

Она босиком сбежала по мраморным ступенькам. Прислуга спит, свет в гостиной выключен. Нащупывая выключатель, она услышала всплеск в бассейне. Нили подошла к дверям, ведущим в патио. Что за черт, кто еще там в бассейне? В кабинке для переодевания горел свет, отражаясь на поверхности воды. Да это же Тэд! Она облегченно рассмеялась. Ух ты, совсем с ума спятил -- купаться голым в такой час. Она стала расстегивать пижаму. Сейчас бросится в воду и напугает его. Нет, тогда сон окончательно пройдет, а ей завтра рано вставать. Она уже собиралась окликнуть его, как вдруг увидела, что из кабинки неуверенно и даже застенчиво вышла какая-то девушка, прикрывая полотенцем свою наготу.

-- Да ладно тебе, брось полотенце. Вода теплая,-- крикнул ей Тэд. Девушка посмотрела на огромный темный дом.

-- А что, если она проснется?

-- Смеешься? Да она так накачалась, что ее теперь и землетрясение не поднимет. Ну, давай же, Кармен, а то я сам тебя затащу.

Девушка с деланной застенчивостью уронила полотенце. Даже в полутьме Нили разглядела, что фигура у нее великолепная. Прищурив глаза, она присмотрелась внимательнее. Эту девицу она уже где-то видела... Ну, конечно! Кармен Карвер. Заняла первое место на каком-то конкурсе красоты, и на студии сейчас делают ее пробные съемки.

Тэд поплыл навстречу девушке. Нили услышала, как та вскрикнула:

-- Ах, Тэд! Только не в воде... Не надо!

-- Почему? Ведь на суше у нас уже было и так, и этак.

Нили почувствовала, как к желудку подкатывает тошнота. О Боже! Нет, только не это! С мальчиками время от времени -- еще куда ни шло. У Тэда это болезнь, так ей психиатр сказал. Ничего общего с супружеской неверностью. Но это!

Она схватила бутылку виски и, спотыкаясь, стала подниматься по лестнице. Налила себе изрядную порцию, приняла еще одну пилюлю и забралась в постель. К черту Тэда с его шлюхой! Ух ты, ну и похмелье же будет у нее наутро. А ведь ей вставать в пять утра.

Нили вдруг рывком села в кровати. А что случится, если она не придет? За свою жизнь она ни разу, даже на пять минут, не опоздала на репетицию, примерку или интервью. Ну и что это дало? Да, конечно, сейчас она зарабатывает пять тысяч в неделю, но как ей приходится выкладываться за это! За дом еще не выплачено -- деньги ей ссудило правление киностудии. Доктор Митчел говорит, что дом очень нужен для того, чтобы обрести уверенность в себе, что это избавляет ее от детской неустойчивости и нестабильности. Ничего себе, советики... обходятся ей по двадцать пять долларов за визит. Она увидит его завтра, пусть-ка он объяснит ей это! И вот сейчас, перебирая все в памяти, она вдруг задалась вопросом: а за что, собственно, платит Тэд, черт бы его побрал? За прислугу, машину, свою студию, питание и

вышивку. Может быть, экономическое соглашение перед женитьбой было ошибкой? Его бизнес растет как на дрожжах и процветает. "Вог" постоянно посвящает ему многостраничные обзоры. А что имеет она? Студия вычитает с нее тысячу в неделю в счет погашения ссуды за дом, а еще оплата поверенного, личной служанки, секретаря, подоходный налог... Боже! Она не может отложить ни цента. Ну что ж, через три года рассчитается за дом. Она отхлебнула виски прямо из бутылки. Ее начинала охватывать блаженная эйфория. Когда за все будет выплачено, все будет хорошо...

Хорошо? Пресвятой Боже! А Тэд в эту минуту "употребляет" какую-то девицу в ее бассейне! Словно пружиной, Нили сбросило с кровати. Она захмелела, голова у нее налилась тяжестью, но она просто обязана была взять и вышвырнуть эту девку вон из своего бассейна. Цепляясь за перила, она, пошатываясь, спустилась по лестнице. Нажав в темноте выключатель, она торжествующе повернула его, и весь бассейн залило ярким светом.

Тэд и девушка торопливо вылезали из воды, когда она, еле держась на ногах, выступила вперед с бутылкой виски в руке.

-- Ну что, ребятки, развлекаетесь?-- пронзительно крикнула она.-- Трахаетесь в моем бассейне? Не забудьте спустить после этого воду. Не забудь, Тэд, это твои дети плещутся в нем каждое утро.

Девушка, дрожа от ужаса, спряталась за спину Тэда. Перевернув бутылку вниз горлышком, Нили не спеша вылила виски в воду, стряхнув даже капли.

-- Может, это хоть немного продезинфицирует воду,-- ухмыляясь, съязвила она. Затем смерила Тэда презрительным взглядом.-- Теперь, значит, подыскал себе потаскушку женского пола... вместо мальчика. Митчел опять, поди, станет втолковывать мне, что тебе необходимо и это тоже!

Тэд стоял прямо и молчал, отведя руки назад и закрывая ими трясущуюся от страха девушку. Этот защищающий жест окончательно взбесил Нили.

-- Кого ты загораживаешь?! Шлюху, которая испоганила мой бассейн? Заруби себе на носу, дорогуша, ты для него ровным счетом ничего не значишь. Обычно для подобных развлечений он предпочитает мальчиков. А может, в этом-то все и дело... может, у тебя титяшек нет... или, может, ты у нас лесбияночка?!

Девушка оторвалась от Тэда и бросилась в кабинку для переодевания. Тэд стоял, исполненный спокойствия. Несмотря на наготу, во всем его облике было какое-то отчаянное горделивое достоинство. На мгновение ей захотелось броситься к нему, попросить у него прощения, сказать, что она любит его. Он стоял такой высокий и загорелый... Но нельзя же допустить, чтобы он так легко отделался.

-- Ну что, гомик, давай, оправдывайся!

-- Тебе, по-моему, нужны очки.-- Он чуть улыбнулся.-- Я бы не сказал, что у нее мальчишеская фигура.

Нили скривилась.

-- По мне, уж лучше бы то...

--Еще бы не лучше,-- размеренно проговорил он.-- Ведь ты сама тогда толкнула меня к этому.

-- Что-о? Значит, это я толкнула тебя?

-- Ты почти внушила мне, что я действительно ненормальный. Да, конечно, у меня было это с некоторыми парнями. Непонятно, почему, но я считал, что таким образом не изменяю тебе. А ты внушила мне, что я не представляю собой никакого интереса для женщин и не способен вызвать у них желание. Когда ты последний раз хотела быть со мной, Нили?

-- Да ты же мне муж! Что это еще за "хотела быть с тобой"? Я всегда хочу быть с тобой.

-- Ты хочешь, чтобы я всегда был у тебя под рукой? Отстаивал бы твои интересы на киностудии, делал модели твоей одежды, сопровождал тебя на премьеры. Но как мужчину... Ты вечно слишком усталая для секса. Ну, когда ты думала об этом в последний раз?

-- Ты с ума сошел!-- завопила она.-- Послушай, не переводи на другое. Я застала тебя на месте преступления: стоишь тут передо мной, выставив на ветерок свои причиндалы да еще с голой девкой в моей кабинке, и смеешь еще читать мне нотации! Да кто, черт побери, платит и за этот бассейн, и за этот дом?

-- А кому он нужен?-- Небрежным жестом Тэд протянул руку за полотенцем и обернул его вокруг бедер.

-- Мы не могли жить в твоей квартире.

-- Почему это? В ней было восемь комнат. Но как же, тебе ведь нужны и массажная, и кинозал, и все эти апартаменты.

-- У меня никогда в жизни не было своего дома.-- Она разрыдалась.-- Мне так хотелось наконец занять его. И мне нисколько не жалко денег, которые я за него плачу.

-- Что же ты тогда тычешь мне в глаза этим домом по десять раз на дню?

-- Ну...-- Веки слипались, и только огромным усилием воли она держала глаза открытыми. Его голос доносился откуда-то издалека, Черт бы побрал эти пилули. Вот когда они начали действовать. Нили смотрела, как муж небрежно развалился в шезлонге.

-- Тэд... я прихожу со студии в шесть часов. А сегодня пришла только в восемь. Я выдыхаюсь. Мне нужно выучивать роль на каждый день. Мне должны делать массаж. Ну, до секса ли мне?

-- Зачем ты подписала новый контракт?-- спокойно спросил он.

-- Это было полгода назад. Ты все еще упрекаешь меня за него?

-- Нили, ты теперь известная актриса. И у меня дела идут прекрасно. Я хотел порвать наше экономическое соглашение. Ты могла бы заключить договор на два фильма в год с любой студией и жить нормальной жизнью. Я зарабатываю достаточно для нас обоих, даже если бы ты вообще нигде не работала. Но ты, не говоря мне ни слова, идешь

и подписываешь новый контракт на пять лет.

-- Я должна киностудии крупную сумму за дом. И знаешь, Тэд, когда все паниковали из-за телевидения, я считала, что мне повезло, когда заключила долгосрочный контракт. Когда у тебя такой контракт с киностудией, ты принадлежишь... за тобой стоит вся студия.

-- Ну что ж, теперь у тебя есть и дом, и контракт. А я теперь опять здоров. Живя с тобой, я был словно бы и не мужчиной. Ты будто выдавила его из меня. Но это все в прошлом. Теперь я выправился.

-- С помощью этой потаскушки?

-- Она дает мне уверенность в своих силах.

-- Тэд, ты нужен мне.

-- И в какой же ипостаси? Только не как мужчина.

-- Секс! Секс! Секс! Неужели это все, что тебя волнует? Я тоже люблю секс, но в меру.

-- Правда? Раз в месяц, в дождливое воскресенье? А в Калифорнии никогда не бывает дождей.

-- Слушай, прекрати все это. Там эта девка. Выведи ее вон!

-- Сейчас.-- Он взял сигарету и направился к кабинке.

-- И сразу же поднимайся наверх. У меня есть к тебе разговор!

Нили вбежала в дом. Открыв новую бутылку, она налила себе виски и забралась в постель. Может, ей следовало притвориться, что она ничего не заметила? Может, надо вести себя более сексуально? Боже, ведь она любит его. Обожает. Но когда целый день пропадаешь на съемках, или в студии, как можно к тому же быть сексуальной по ночам? Она посмотрела на свою простую пижаму. Может, стоит надевать какие-нибудь особые ночные рубашки с оборками? Но, черт, ведь у нее на лице слой крема толщиной в палец и волосы торчат в разные стороны, словно пакля. На студии ей каждое утро моют голову, поэтому на ночь волосы приходится смазывать ланолином. Они у нее густые и пышные, но если спать с лаком, который ей наносят перед съемками, и с золотистой пудрой, которая переливается в свете юпитеров, то быстро облысеешь. Поэтому на ночь их приходится расчесывать и смазывать.

Нили подумала о той голой девице в бассейне. Она встала, пошатываясь, и посмотрела на свое отражение в зеркале. "О господи,-- подумала она,-- я выгляжу, как привидение в судный день". Но, черт, почему бы той девке и не выглядеть хорошо? Она ведь не зарабатывает по пять тысяч в неделю. А в титрах перед фильмами ее имя не пишется огромными буквами. Она всего-навсего одна из тех девиц, которым еще предстоит пробиться. Была бы она звездой, легла бы спать в девять часов точно так же -- с кремом и ланолином! Слезы ручьем потекли по ее щекам. Боже мой, всю свою жизнь она мечтала о чем-то подобном. О большом собственном доме, о любимом мужчине, о детях. И вот все это у нее есть... нет только времени насладиться этим.

Нили прошла в ванную и смыла крем. Если бы только ее не клонило так сильно в сон! Она порылась в шкафу. Где эти красивые ночные

рубашки? О'кей, вот эта желтая подойдет. Она надела ее. Ух ты, ну и волосы! Она нашла желтую косынку и повязала голову. Вот сейчас не-плохо, совсем неплохо. Она забралась в постель. Тэд должен прийти с минуты на минуту. До нее донеслось шуршание автомобильных по-крышек по гравию. Так, значит, эта шлюха отправилась к себе, и он сейчас явится, как побитый пес. Пусть сначала немного попросит, а потом она сделает ему сюрприз. Обнимет, прижмет к себе, и у них на-чнется... Вот тут она покажет ему, на что она способна. Не будет про-сто лежать, как бревно. У них все было так великолепно, когда они только познакомились, но ведь тогда она не уставала до такой степе-ни... Ее клонило в сон... Господи, да где же он?! Она соскочила с кро-вати и сбежала вниз по лестнице.

-- Тэд!-- Свет в бассейне был выключен. Нили распахнула входную дверь, подбежала к гаражу, гравий впивался в босые ноги. Машины не было. Может, он должен был отвезти ее домой? Ведь она приехала сю-да вместе с ним. Может, у нее нет машины. Но он мог бы вызвать так-си! Ну и устроит она ему, когда он явится обратно. Нили разрыдалась. А если не явится? О Боже! Что она наделала!

1953

Она не давала ему развод три года. После инцидента в бассейне он перевез из ее дома всю свою одежду. Целую неделю она не появля-лась на съемках. На студии были вне себя от ярости. "А, пошли они все к черту,-- думала она, глотая барбитурат и впадая в наркотиче-ское забытие.-- И Тэда к черту!" Сначала она твердо решила разво-ское забытие.-- И Тэда к черту!" Сначала она твердо решила разво-ситься; нельзя позволять ему так обращаться с собой! Но Шеф был категорически против. Это повредит ее имиджу в глазах почитателей ее таланта. Для них она должна оставаться простой девчонкой, живу-щей с ними по соседству... Любимицей всей Америки с детишками-близнецами. О ее домашней жизни писались целые статьи, иллюстри-рованные журналы посвящали многостраничные обзоры ей, Тэду и близнецам, теплой простой домашней обстановке... идеальный брак. Нет. Никаких разводов! Шефу безразлично, как они относятся друг к другу, лишь бы все выглядело благопристойно в глазах публики. Она должна постараться, чтобы все это казалось правдоподобным.

Шеф говорил с Тэдом. У того был подписан контракт с "Сенчури", поэтому он тоже должен был создавать определенную видимость: со-провождать Нили на премьеры, позировать с нею перед фотокамера-ми для иллюстрированных журналов -- словом, делать все, чтобы со-хранить сложившийся семейный имидж.

Эти три года были сплошным нескончаемым кошмаром. Один

фильм снимался за другим... диета... "куколки"... сознание того, что Тэд проводит где-то время с этой девицей. А он должен был содержать ее, ведь та нигде не работала. Чтобы хоть как-то успокоить Нили, девицу выгнали с волчьим билетом. О ней пустили грязную сплетню, чтобы ни одна студия не отважилась предложить ей контракт.

Награда Академии киноискусства принесла ей триумфальный успех. Это был ее звездный час! Даже в самых смелых мечтах она не надеялась удостоиться "Оскара". Когда назвали ее имя, она, ахнув, повернулась к Тэду. Он так тепло улыбнулся ей -- он был искренне рад за нее. Она бросилась по проходу на сцену. Потом -- фото- и кинокамеры, и рядом -- Тэд, державший ее под руку. Все теперь должно быть хорошо -- она получила "Оскара", рядом с нею, улыбаясь, стоит Тэд.

Он оставался с нею до конца, пока не щелкнула последняя камера и не прозвучало последнее поздравление. Затем он отвез ее домой, у самой двери пожелал спокойной ночи и... уехал от нее -- от звезды, получившей награду Академии, -- в объятия той потаскухи! Это стало последней каплей!

На следующее же утро она позвонила Шефу и потребовала, чтобы тот приехал к ней. И Шеф приехал как миленький! На этот раз условия диктовала она. Она настаивала на немедленном разводе, требовала, чтобы студия разорвала контракт с Тэдом Касабланкой. Шеф покорно согласился на все ее требования. Боже, вот какая сила у "Оскара"!

Благодаря этой награде она поняла, что вовсе не обязана являться на студию каждый день. Она -- крупнейшая звезда Голливуда, и "Оскар" -- свидетельство тому. Раз она плохо спала, то пошли они все к чертовой матери! Она -- Нили О'Хара! И если она поправится на несколько фунтов от черной икры -- пошли они туда же! Неделя уйдет на то, чтобы сбросить этот вес -- ну и что?! Картины с ее участием приносят целые состояния...

Нили сидела в кровати, ужин стоял перед нею на подносе. Она пыталась запомнить слова. И зачем ей надо было пить виски днем? Да, именно так. Лечь в девять и сказать, чтобы разбудили в пять. С пяти до семи она легко выучит слова; а проспав восемь часов, она будет чувствовать себя превосходно.

Нили велела унести поднос, так и не притронувшись к еде. Заодно и ужин пропустит. Сегодня утром она весила сто три фунта. И потом, "куколки" быстрее действуют на голодный желудок. Она приняла две красных и одну желтую. Налила полбокала виски. Ее начала охватывать восхитительная расслабляющая дремота. Она отпила виски и стала ждать реакции -- ощущения, как от наркоза, которое распространяется по всему телу и уносит в волшебную страну сна. Однако оно не наступало -- только дремота. Этого недостаточно. Мысли еще проносились у нее в голове, а когда она в состоянии думать, то неизменно

думает о своем одиночестве. А потом -- о Тэде с его девицей. А у нее самой никого нет. Она одинока -- точно так же, как тогда, когда еще танцевала с "Гаучерос", с Чарли и Диком, жила одна в незнакомых номерах гостиниц, где никому не было до нее дела.

Шея у нее взмокла, холодный пот заструился по спине, она почувствовала, что вся стала липкой. Она с трудом слезла с кровати и сменила пижаму. Доктор Митчел прав: ее организм начал привыкать к лекарствам. Может, еще одну желтенькую... Нет, тогда утром у нее будет кружиться и трещать голова, а ведь ей еще нужно учить эти слова. Боже! Сегодня ей понадобились целых три зеленых "куколки", чтобы выдержать утренние съемки. Она налила полный бокал виски. Может, еще одну красненькую... да, они действуют быстрее. Нили проглотила лекарство. И не будет она допивать все это виски, только прихлебывать, пока капсулы не начнут действовать. Может, почитать, от этого ее всегда клонит ко сну. Анна прислала ей еще одну книгу Лайона, тоже из высокохудожественных. Она пролистала ее. Отзывы были хорошие, но что толку от отзывов? Книга не раскупается.

Нили вдруг захотелось, чтобы Анна оказалась рядом. Анна всегда знает, что делать. Жаль, что она так прославилась на телевидении. Не будь этого, Нили вызвала бы ее сюда и за две сотни в неделю сделала бы своим личным секретарем. Ух ты! Вот было бы здорово! Но Анна, должно быть, гребет деньги лопатой. Стоит только включить телевизор, обязательно увидишь, как Анна рекламирует то лак для ногтей, то губную помаду. А почему бы ей и не добиться успеха, особенно если верны все эти слухи о ней и об этом Гилморе. Но все равно, в Анне чувствуется порода и класс. Не то что у Дженифер. Подумать только -- говорят, что ее приглашают в Голливуд, а она отказывается. Дженифер отказывается от приглашения в Голливуд! Девушка зарабатывает бешеные деньги, оголяя задницу и титьки во французских фильмах. Кумир всех зрителей. Тоже мне искусство! Если бы Голливуд делал подобные фильмы, это была бы просто грязная порнография. В последнее время Голливуд стал таким чертовски высоконравственным: никаких тебе платьев с глубоким вырезом, ни поцелуев взасос -- в каждом контракте специальные оговорки о нравственности. И вот этот самый Голливуд приглашает Дженифер на главные роли. Конечно, титьки и задницу ей прикроют. Но ее сделают звездой, станут платить ей точно такие же деньги, как и всем настоящим звездам, только за то, что она пройдет и приоткроет свои титьки!

Нили сделала еще один большой глоток. Сон так и не идет. Она просто пьянеет. И ей хочется есть. Боже, да она просто умирает с голоду! Она пожалела, что велела унести поднос. В холодильнике стоит икра. Нет... ей нельзя. Черт бы побрал Тэда, это он приучил ее к икре! Но костюмы ей и так почти в обтяжку. А все из-за выпивки. Ух ты! Она никогда ничего толком не ест, и если сейчас вдобавок ко всей этой выпивке она еще и наестся... Нет, это будет нечестно по отношению к

Джону. Сегодня он был так мил. Интересно... а ведь раньше она и не замечала, как его голубые глаза идут к загорелому лицу. Ему, должно быть, под пятьдесят, но он красив. Джон... здесь... рядом с нею. Ух ты! Вот было бы здорово. В его объятиях она чувствовала бы себя защищенной.

Нили взглянула на часы. Половина одиннадцатого. А вдруг Джон сможет приехать? Скажет жене, что им нужно обсудить какую-нибудь сцену. Сидит сейчас, наверное, волнуется за нее и думает, позвонит она или нет. Нили улыбнулась. Нет, сегодня она не станет его приглашать. Она уже намазала волосы ланолином. Но завтра она будет вкалывать на съемках, как лошадь, а вечером пригласит его к себе поужинать и поработать. И они не просто переспят на скорую руку -- она заставит его остаться и держать ее в своих объятиях до тех пор, пока она не уснет. Может, он сумеет выбираться почаще. Она поможет ему, и они закончат картину в срок. Она потребует, чтобы он ставил все ее картины. Дети у него уже взрослые, и он, возможно, сможет проводить с ней много времени. Сейчас она позвонит ему и скажет, что учит текст. Для начала и это будет хорошо: он уснет с мыслью о ней.

Она позвонила на киностудию и узнала его номер -- в справочнике его не было, а потом позвонила ему домой. Ответил женский голос. Нили спросила самым невинным тоном:

-- Это миссис Стайкс?

-- Нет, это Шарлотта, служанка.

-- О-о. А мистер Стайкс дома?

-- Нет, мадам. Они уехали вдвоем на весь вечер. Что-нибудь передать?

-- Нет. Ничего.-- Нили бросила трубку.

Уехал с женой! Сидит сейчас, наверное, в шикарном ресторане и рассказывает ей, как обвел вокруг пальца Нили О'Хара. Она словно слышала, как он говорит жене: "Она мне в рот смотрит. С нею нетрудно -- она хоть и звезда, но внутри -- противная пустышка, которая до смерти всего боится. К ней нужно просто найти подход". Так вот, никому не дано найти подход к Нили О'Хара! Может, она и родилась пустышкой, но теперь она -- звезда! И вольна делать все, что ее душе угодно!

Она выбралась из постели и на цыпочках спустилась вниз. И вдруг остановилась. "Какого черта я крадусь на цыпочках? Ведь это же мой дом!"

На кухне никого не было. Открыв холодильник, она достала большую банку икры.

-- Сейчас мы поедим, Нили,-- сказала она вслух, взяла ложку и стала есть икру прямо из банки. Доела всю.-- А теперь что? Давай, Нили, можешь есть все, что пожелаешь. Потому что ты -- звезда... у тебя большой талант... рыскать по холодильникам... да уж... со своим талантом ты здорово рыскаешь по большим холодильникам. И ты мо-

жешь есть все, что угодно.-- Она оперлась о холодильник.-- Ну-ка, посмотрим. Еще икры? А почему бы и нет? Ты же на свои деньги купила ее.-- Она открыла вторую банку.-- Ха-ха. И еще возьмем с собой наверх паштета, на случай, если опять захочется пожевать. Ешь все самое вкусное, Нили.

Она достала из бара новую бутылку виски и, спотыкаясь, стала подниматься вверх по лестнице. Налила себе еще, прошла в ванную и открыла аптечку. "Ну, Нили, какую "куколку" хочешь -- красную, желтую или синенькую? Все, что пожелаешь, детка". Она проглотила две красные пилюли. Затем, шатаясь, добрела до кровати, сняла трубку и позвонила. Ответил дворецкий.

-- По-ослушай, Чарли, завтра меня рано не буди. Позвонишь утром на студию, скажешь, что у мисс О'Хара этот, как его... ларин... ларингит. И ни с кем меня не соединяй. Я буду спать... и есть... спать... и есть... может, всю неделю подряд. Когда завтра проснусь, хочу оладьев с маслом и сиропом. Буду пировать вовсю!

1956

Нили оделась очень тщательно. Белые брюки, свободная блузка, скрывающая чуть "поползшую" талию. Ух ты! И почему на этот раз ей так трудно сбрасывать эти злосчастные десять фунтов? Через несколько дней начнутся примерки комплекта костюмов для новой картины. И вот сейчас ни с того ни с сего Шеф вдруг изъявляет желание встретиться с ней. Интересно, что же такое случилось? Эта мысль не покидала ее все время, пока она ехала на киностудию.

Ей позвонили вчера уже под вечер. Сообщение передал один из подтипал Шефа, Эдди Фрэнк. Уважительным тоном, как о чем-то само собой разумеющемся, непринужденно:

-- Алло, мисс О'Хара! Шеф хотел бы пригласить вас пообедать с ним завтра, если вам удобно.

Если вам удобно! Ха-ха! Будто у кого-нибудь может быть что-то более "удобное", если вызывает сам Шеф. Надо же, какая у них память короткая. Три года назад, когда она получила "Оскара", он сам приехал к ней. Ну что ж, новая картина все расставит по своим местам. Ух ты, ну и роль! А песни... Ее уж точно выдвинут на "Оскара", и может, она опять его получит.

Она сидела, отделенная от Шефа огромным пространством письменного стола, сделанного в раннем американском стиле, стараясь выглядеть порывистой и юной. Такой она нравилась ему. Ей вдруг подумалось, что Шеф, должно быть, так и родился старым. Он никогда не менялся -- все тот же неизменный белый пушок на голове, не сходя-

ший круглый год загар вперемежку со светлыми пятнами от нездоровой печени. Глаза весело поблескивали, а маленькие изящные ручки поигрывали лежащими на столе сводками новостей кинобизнеса.

-- Знаешь, милочка, почему я вызвал тебя?

-- Нет, сэр, но мне всегда приятно видеть вас. (О, она прекрасно знает, что полагается говорить в подобных случаях "по протоколу").

-- Ты видела вчерашние сводки?

(О боже, этот титул! Этот мерзкий титул!).

-- "Мисс Полный Крах-56 -- Нили О'Хара". Не очень-то приятно, а? -- доброжелательно спросил он.

-- Ах, да вы же знаете, чего стоят эти "титулы". -- Она заговорила голоском невинной девочки. -- Конечно, мне было неприятно читать об этом. Но мне многие говорили, что это ровным счетом ничего не значит. Просто собираются раз в год писаки и отыскивают козла отпущения. В прошлом году они присудили этот титул Стюарту Лэйну, а ведь он -- крупнейшая звезда "Твенти".

-- Уже нет. -- Голос Шефа оставался доброжелательным. -- Он так и не вошел в форму после войны. Все его картины оказывались убыточными. Но соглашение у них истекает только через два года, вот они и не поднимают шума.

-- Да, но мои-то картины пользуются успехом.

-- У зрителей -- да. У нас -- нет.

Нили смущенно поежилась. Ну вот, опять все то же: просроченные съемки, сорванные репетиции... обычная накачка.

-- Новая картина очень дорогая, -- заявил Шеф. -- Цены резко подскочили. Мы конкурируем с телевидением -- люди сейчас не станут выходить из дома просто ради того, чтобы посмотреть какой-никакой фильм. Особенно когда у них есть возможность бесплатно посмотреть развлекательную программу дома. Теперь это уже не крохотный ящик -- у него большой экран, и он становится все больше.

Она хрустнула пальцами. Какого черта -- она, что ли, изобрела эту проклятую штуковину? Пусть орет не на нее, а на создателей чертова ящика.

-- Денег в "Давай жить сегодня" мы вкладываем столько, сколько никогда до этого не вкладывали ни в одну картину. Малейшая задержка -- и мы пропали. Сэм Джексон работает по строгому графику.

-- Сэм -- один из моих любимых продюсеров, -- сказала она.

-- Я заключил с ним соглашение: за каждый рабочий день, если он уложился в график съемок, Сэм получает премию в тысячу долларов.

"Да, это будет самая что ни на есть жестокая гонка".

-- А стоит ему хотя бы на один день выбиться из графика, и он отстраняется от съемок вообще.

-- Вы хотите сказать, что отстраните от картины самого Сэма Джексона?

-- Я отстраню любого, кто не отвечает моим требованиям. Голливуд уже не тот, милочка. Мы распустили всех исполнителей, с кем у нас

были контракты. До истечения твоего текущего контракта остается еще год, и когда... если мы пересмотрим его, он уже будет не таким, как прежде.

"Ты чертовски прав: не таким, это уж точно,-- подумала она.-- Я создам свою корпорацию и тоже войду в долю. Кое-что будет принадлежать и мне". Эксперты по налогам уже объяснили ей это.

-- Нет, милочка.-- Он вздохнул.-- Все меняется. Теперь я уже не могу отмахнуться от акционеров и сказать им, чтобы они занимались своим делом. Я вынужден отвечать на их вопросы, а единственный ответ, который им нужен,-- это прибыль.

Нили кивнула в ответ. Интересно, когда закончится их беседа? Это же всего-навсего самая обычная накачка! И из-за этого он осмелился вызвать ее сюда! Ей так хочется есть -- мог бы распорядиться, чтобы подали обед. Сегодня она не завтракала, только приняла одну "дексин".

-- Вот почему я отстраняю тебя от съемок в этой картине,-- наконец объявил он.

Нили ошеломленно воззрилась на него. Она была потрясена.

-- Милочка, я не могу так рисковать. Если не потянет Сэм Джексон, его можно будет заменить. Но если сниматься в картине будешь ты, то заменить тебя я уже не смогу. Мне придется начинать все заново... снимать все с самого начала.

-- Но вы не можете отстранить меня, когда я еще не начинала,-- пробормотала она.

-- Почему не могу? Ты только посмотри на себя: опять растолстела. По графику примерки намечены на следующую неделю, а ты будешь не готова. Нет, риск слишком велик. Я ставлю на эту роль Джейни Лорд.

-- Джейни Лорд! Да ведь она только начинает.-- Не может быть! Он просто берет ее на испуг.

-- Она уже снялась в трех недорогих картинах, и все они принесли прибыль. В этом месяце все иллюстрированные журналы, так или иначе связанные с кино, опубликовали о ней статьи. Эта картина сделает из нее звезду, причем крупную. А чтобы подстраховаться, я поставлю ей в партнеры Брика Нельсона.

Нили уже задавалась вопросом, для чего в картине нужен Брик Нельсон. Этому актеру приходилось платить большие деньги, а в картины с ее участием, как правило, не включали других ярких звезд. Звездой же была она, и весь фильм должен был как бы представлять ее одну. Она стала лихорадочно перебирать в памяти статьи контракта. Шеф не шутит. Неужели он отстранит ее, после того как повсюду было объявлено, что эту роль будет играть она. Безо всяких причин?

-- Тебе ничего не удастся сделать: с юридической стороны тут все чисто,-- сказал он, словно прочитав ее мысли.-- Мы переписали роль заново, так что на нее теперь требуется актриса помоложе.

-- Помоложе?! Но мне же всего двадцать восемь! Для такой роли это не возраст.

-- А выглядишь на все сорок, -- небрежно бросил он.

-- Сейчас на мне нет косметики, -- попыталась она возразить.

-- Под глазами у тебя круги... и второй подбородок намечается. Ты уже поплыла.

Слезы ручьем хлынули по ее веснушчатым щекам. Всего одна неделя -- хорошенько отоспаться, сесть на диету -- и она опять будет в форме. Он же знает это. Почему он так ведет себя?

Вошла секретарша и сообщила, что на проводе Париж. Шеф взял трубку, на лице его появилась широкая улыбка.

-- Алло!-- Он почти кричал в трубку, как часто делают люди, говоря по телефону через огромные расстояния.-- Да, -- сказал он чуть тише.-- Я прекрасно вас слышу. Великолепно, не правда ли? Да, мистер Шардо... да, ваше письмо пришло сегодня утром. Поэтому я и заказал разговор. Ваши условия... видите ли...-- Он принужденно хохотнул.-- "Немыслимые" -- это еще мягко сказано. Естественно, я хочу сделать фильм с мисс Норт в главной роли. Не возражаю, чтобы продюсером были вы. Но заключать с вами соглашение на одну картину с предоставлением вам пятидесяти процентов прав на ее демонстрацию за границей -- нет, это невыполнимо. Ведь, в конце концов, эту вашу звезду... мы же ее оденем, все ее прелести прикроем полностью. Откуда нам знать, что она будет столь же привлекательна? Да, понимаю, что в последних трех фильмах она снималась полностью одетой. Но давайте начистоту, мистер Шардо, актриса она никакая. Что? Ну что ж, может, она и получила все эти награды... может, дело все в том, что я не понимаю по-французски. Но ведь в нашем фильме она будет говорить по-английски... Как мы можем быть уверены? А вы не даете мне шанса на вторую картину -- разве это справедливо? Я выброшу кучу денег на рекламу мисс Норт, а потом ее перехватит другая студия и снимет ее во второй картине. Мне нужно соглашение о постановке трех фильмов, тогда я приму ваши условия. Хорошо, отдельные мизансцены пусть она ставит сама. Деньги будут переведены в швейцарский банк... Сколько?... Ну-у, дорогой мой, и где вы только берете такие цифры? На подобные условия никто не согласится, мистер Шардо.

Он немного помолчал в трубку, на его лице явственно отразилась досада.

-- Мистер Шардо, некто Луи Эстервальд свяжется с вами сегодня днем... Что? Ах, у вас сейчас восемь вечера. Никак не могу представить себе эту огромную разницу во времени. Хорошо, завтра утром. Он обговорит все детали. Говорит по-вашему, по-французски, совершенно свободно. Можно ли надеяться, что вы приедете сюда в сентябре?... Послушайте, мистер Шардо, если мы с вами протянем до февраля, это будет уже пятьдесят седьмой год. А я хочу сообщить моим акционерам, что картина с участием Дженифер Норт поставлена в производство на пятьдесят шестой... Отлично, я тоже буду ждать этого с нетерпением. Вы уже начали снимать ее в новом фильме? Успеете до

ноября снять целых два... Боже, вам можно позавидовать. А я вот буду рад, если до ноября успею закончить хотя бы один. Ну да, у вас нет проблем с профсоюзами и этого проклятого телевидения. Подождите, вот увидите, через несколько лет вы тоже с ним столкнетесь. Это телевидение... оно, как раковая опухоль: повсюду пускает метастазы.

Положив трубку, он тут же снял ее и заказал еще один трансатлантический разговор. Нили терпеливо ждала, пока он поигрывал карандашиком. Затем он с раздражением швырнул трубку.

-- Двадцать минут ждать!

Он сделал вид, что вдруг вспомнил о ее присутствии.

-- Ладно, можешь идти, -- он махнул рукой.

-- Я думала, мы с вами пообедаем, -- сказала она.

-- Обед можешь пропустить. С таким брюхом это пойдет тебе только на пользу. Если бы я не видел тебя такой столь часто, то подумал бы, что ты на четвертом месяце. Мне нужно ждать, пока не соединят с Луи Эстервальдом. -- Он вздохнул. -- Только представь себе, сколько соглашений мне придется заключить, сколько контактов завязать, прежде чем я добьюсь, чтобы эта голая шлюха прилетела сюда делать со мной фильм. Да десять лет назад ее попросту вышвырнули бы из кинопромышленности. А сейчас все студии дерутся за нее. Что-то неладное творится у нас в стране, скатываемся в болото безнравственности. И телевидение способствует этому. Я всегда был за чистые американские фильмы, а теперь вот, чтобы выиграть битву с телевидением, приходится брать на вооружение все: титьки, задницы французских шлюх.

-- Она не французская шлюха, -- сказала Нили. -- Это американская девушка, очень милая. Когда-то я снимала с нею квартиру.

-- Ты снимала квартиру с Дженифер Норт?!

-- Одиннадцать лет назад. Мы с нею играли в "Небесном Хите". Тогда она была просто хористка, а потом вышла замуж за Тони Полара. Одно время она жила здесь.

-- Ну конечно же! Он ведь был женат на какой-то Дженифер... -- Шеф покачал головой. -- Нет, не может быть, чтобы на той самой -- этой девушке всего двадцать три года.

Нили с горечью рассмеялась.

-- Во французских фильмах им всем по двадцать три. Это та самая Дженифер Норт, с которой я снимала квартиру. Дженифер сейчас... ух ты! -- не знаю... мне тогда было семнадцать, а про нее говорили, что ей двадцать один год...

-- Значит, выходит, что ей сейчас тридцать два, -- поразился он.

-- Правильно, -- сказала Нили. -- А вы еще сокрушаетесь, что я старая в свои двадцать восемь.

-- Та девушка наверняка следит за собой. И на нее можно положиться. Две картины к ноябрю! -- Он покачал головой. -- Ей присудили какой-то приз из зарубежных кинофестивалей, вот она теперь и считает себя актрисой. Нечего сказать, мне всегда так "везет": фран-

цузы заполучили ее просто голой... а мне приходится покупать ее как актрису.-- Он вздохнул так резко, что по его телу пробежала дрожь.

-- А мне что делать? Сидеть и ждать?-- спросила Нили.

-- Сгонять вес. Каждая неделя тебе оплачивается.

-- А когда моя следующая картина?

-- Там видно будет...

-- Да кто вы такой, что позволяете себе так обращаться со мной?-- Ее глаза сверкнули.

-- Я -- глава этой студии. А вот ты -- возомнившая соплячка, из которой я сделал звезду. Только вот вложенных в тебя денег ты последнее время не оправдываешь. Так что сиди и жди. Тебе это послужит хорошим уроком. Понаблюдай, как будут восходить новые звезды вроде Джейни Лорд. Может быть, хоть так удастся что-то вдолбить в твою пустую башку. А теперь убирайся, у меня есть дела поважнее.

-- Я могу уйти и уже никогда не вернуться.-- Она встала.

Он улыбнулся.

-- Попробуй только. Тогда ты нигде не найдешь работы.

Нили безутешно рыдала все время, пока на бешеной скорости вела свою машину домой. Дорога шла через каньоны, вилась между гор, но ей было все равно, она ничего не боялась. Что же теперь делать? Возвращаться к себе и сидеть в этом огромном доме? Даже близнецам она нисколько не нужна. Они любят свою нянечку и к тому же учатся в школе. Когда разойдется весть о том, что ее сняли с этой картины -- да еще после присуждения ей титула "Мисс Полный Крах-56", вот тогда она действительно останется одна. Неудачникам никто не звонит. Ух ты, и как только люди могут быть такими подлыми? Она так работала, так сильно старалась -- и вот сейчас всем не терпится швырнуть в нее камень.

Войдя в дом, Нили достала из бара шотландское виски. Потом прошла в спальню, опустила шторы, отгородившись от дневного света, отключила телефон и проглотила пять красных капсул. Пять красных ей теперь почти не помогали. Вчера ночью она спала всего три часа с пяти красных да еще двух желтых. Раздевшись, она скользнула под одеяло.

Было, вероятно, двенадцать ночи, когда Нили проснулась. Она подняла шторы. Ночь... и абсолютно нечего делать. Она побрела в ванную и автоматически встала на весы. Похудела на два фунта. Э-э, а ведь это мысль: если только спать, принимать пилюли и ничего не есть, эти десять фунтов можно будет сбросить очень быстро. Она приняла одно витаминное драже -- это поможет ей оставаться здоровой -- и проглотила еще несколько красных пилюль, запив их изрядной порцией виски.

Проснувшись, Нили увидела, как через опущенные шторы пробиваются лучи солнца. Ее пошатывало, когда она шла в ванную. Голова шла кругом, но спать не хотелось. Нет, взвешиваться она не станет. Лучше подождет и потом сделает себе сюрприз. Она ощущала себя вы-

жато и опустошенной. Лучше принять два витаминных драже... Да, в них содержится все необходимое. Нили нанесла на лицо крем и смазала волосы ланолином. Вот так теперь она будет заботиться о своей внешности, и когда проснется окончательно, станет походить на живую изящную куколку. На этот раз она примет пять желтых капсул, а за ними сразу две красных, так они быстрее начнут действовать. Виски осталось еще достаточно, чтобы как следует выпить...

Когда Нили открыла глаза, все вокруг выглядело как-то чересчур чисто и ярко. Какого черта к ее руке примотали эту иглу? А что это за бутылочка, подвешенная вниз горлышком? Господи! Да ведь она в больничной палате! Нили попыталась привстать, но к ней бросилась сестра.

-- Лежите спокойно, мисс О'Хара.

-- Почему я здесь? Что произошло?

Сестра протянула ей газету. Боже! На первой странице -- ее фотография. Свежее улыбающееся лицо -- один из ее первых снимков на этой киностудии. Но вот рядом крупным планом другое фото: двое мужчин несут какую-то женщину, голова ее запрокинута, видны босые ноги... Боже мой, да ведь это же она сама! Нили прочла броский заголовок: "Звезда принимает повышенную дозу лекарств", и ниже чуть помельче: "Несчастный случай -- утверждает глава студии". Прочитав о том, как Шеф пришел ей на помощь, она впервые улыбнулась. Ясное дело, он перепугался, что она сыграет в ящик, и не осмелился признать, что отстранил ее от съемок в картине. Она стала быстро читать дальше.

"... Мисс О'Хара и я беседовали пять дней назад...-- Ух ты, неужели прошло столько времени?-- ...и я высказал предположение, что она, возможно, слишком утомлена, чтобы приступить к съемкам очередной картины. Однако она заверила меня в обратном, сказав, что она в прекрасной форме и что ей нужно лишь отдохнуть несколько дней. По всей видимости, именно это она и пыталась сделать -- обрести форму перед новой картиной. Если она выживет...-- При этих словах у Шефа передернуло в горле, и он осекся, вытирая набежавшие слезы..." Слезы! В нужный момент этот мерзавец умеет и прослезиться, и остановить слезы почище любой звезды. Наверняка испугался, что она оставила дома предсмертную записку. Она продолжала чтение: "... если она выживет, она будет играть главную роль в нашей крупнейшей картине. Неправда, что мы заменяем ее на Джейни Лорд. Заменить Нили О'Хара не может никто. Мы рассматривали возможность изменения сценария на тот случай, если мисс О'Хара сама не пожелает играть эту роль. Тогда, возможно, ее могла бы сыграть Джейни Лорд. Но единственное, чего мы хотим, -- чтобы Нили осталась в картине".

Самочувствие у нее сразу улучшилось. В газете помещались хвалебные отзывы о ней от всех звезд, с кем она когда-либо играла, и даже от звезд, которых она почти совсем не знала. Даже в профессиональных киновидеоках ей отводилось несколько восторженных коло-

нок. Она словно умерла и воспарила в небеса, наблюдая за людьми, пришедшими на ее похороны. Ей понравилась эта сенсация, произведенная ею же самой. "Ух ты! Должно быть, подумали, что я умру. Шеф, точно, здорово перетрусил, раз пошел на такое". Теперь ему придется поставить ее на главную роль.

-- Я была очень больна?-- спросила Нили медсестру.

-- Больны! Да нам только несколько часов назад стало ясно, что вы останетесь в живых. Целых двадцать четыре часа вас держали в кислородной маске.

-- Но я же приняла всего несколько пилюль. Я хотела спать.

-- Вам повезло, что ваш дворецкий вызвал врача. Он забеспокоился, что вы три дня ничего не едите. Когда он вошел к вам, то увидел, что вы еле дышите.

Нили улыбнулась.

-- Зато сейчас я наверняка подтянутая и худенькая.

Сестра резко отпрянула от нее -- в палату вошел врач.

-- Я -- доктор Киган.

Нили вспомнила это имя -- личный врач Шефа.

-- Ну вот, все страшное позади,-- отрывисто проговорил он.

"Позади -- это уж точно",-- подумала она. Но зная, что все будет доложено Шефу, она только чуть раздвинула в улыбке губы.

-- Это глупо. Чего вы добивались своим поступком?

"Получила назад свою роль, приятель". Однако вслух она ничего не сказала, лишь продолжала слабо улыбаться, выдавив для вящей убедительности несколько слез. И только после этого чуть слышно прошептала:

-- Я... я не хотела жить без этой картины.

-- Ах, да... да... картина. Мы еще посмотрим. Трудно сказать, будете ли вы в состоянии играть в ней.

-- Я уже в состоянии.

-- Вам пришлось очень нелегко. Посмотрим. Если я сочту, что вы не готовы, то сообщу на студию.

Так вот в чем дело! Вот он где раскрылся! Его собственный личный врач заявит, что она еще недостаточно окрепла.

Она сладко улыбнулась.

-- Что ж, будем надеяться, что вы сочтете меня готовой. Это была мысль Шефа, чтобы я сбросила вес, и чем быстрее, тем лучше. Что же касается того, что я не совсем в форме, то именно Шеф впервые дал мне те зелененькие драже, отбивающие аппетит, когда мне было восемнадцать. И сколько раз я неделями работала вообще без еды, подчиняясь его приказам. Так что, я думаю, вы сочтете меня достаточно крепкой. Давайте-ка прикинем... примерка костюмов должна начаться через несколько дней. Я здорово похудела, так что примерки пройдут хорошо. А потом у меня еще целая неделя отдыха до начала съемок.

На следующий день она вызвала прямо в палату своих поверенных

и адвоката. Все точно. Теперь ее никак нельзя снять с картины, особенно после заявлений Шефа в печати. Это вернее любого контракта. И симпатии публики переходят на ее сторону. Но поверенный предостерег ее:

-- Не то что день... стоит опоздать даже на час, и ты вылетишь. Он сейчас рвет и мечет и пойдет на все, даже в ущерб картине. Ты обвела его вокруг пальца, а он не из тех, кто любит проигрывать.

Первый съемочный день она провела на нервах. Увидела Сэм Джексона и всю съемочную группу. Он тоже заметно нервничал. Похоже, нервничали все. Но роль она выучила назубок.

-- Проведем одну репетицию, а потом попробуем на камеру,-- предложил Сэм.-- Начнем с диалога, где ты обращаешься к посетителям ночного клуба. Ты призываешь их к тишине, а потом поешь.-- Он крикнул:-- Мотор! Массовка, занять места!

Сцену сыграли, и Нили сделала все, что от нее требовалось. Но почему они все так нервничают? И почему Сэм отводит глаза, стараясь не встречаться с ней взглядом? Это так не похоже на него. Возможно, он волнуется из-за того, что проходит испытательный срок и в любой момент может быть снят с картины? Всем известно, что Шеф -- подонок. Нужно будет поговорить с Сэмом.

Она смотрела, как разворачивают операторский кран и устанавливают камеры. Неужели Сэм в таком истерическом состоянии из-за ежедневной премии в тысячу долларов? Ни один оператор не в силах снять целую сцену с первого дубля. Господи! Да если они сумеют сделать ее за день -- и то хорошо.

Съемочную площадку залило ослепительным светом юпитеров, перед ее лицом щелкнули дощечкой... Боже! Она никогда не играла целый эпизод набело всего после одной-единственной репетиции. И никто не играл.

Все прошло вполне сносно. Она пропустила несколько реплик, но для первого дубля... Ух ты! Он даже мог бы вставить часть отснятого сейчас материала прямо в картину.

Когда все закончилось, она с улыбкой повернулась к Сэму.

-- Ты забыла слова.

-- Две строчки.-- Нили пожала плечами.-- Фонограмма уже записана. Просто разноречив в движениях... в следующий раз...

-- Ладно. Но я хочу, чтобы это был последний дубль. Боже, да в своем ли он уме? Он никогда не закончит картину, если будет так вот трястись. Но, в конце концов, это его дело.

Она вернулась на площадку. На этот раз у нее подвернулась нога, и ее немного качнуло на провод микрофона.

-- Камера, стоп!-- закричал Сэм. Он подошел к ней.-- Ты хорошо себя чувствуешь, Нили?

-- Прекрасно. Да успокойся ты, Сэм. Не рассчитывал же ты сделать окончательный дубль со второй попытки.

-- Я рассчитывал -- с первой.

-- Ты с ума сошел, Сэм. Я знаю, что на тебя давят, но ты не паникуй. Ведешь себя так, словно халтуру гонишь. Даже Шеф поднял бы тебя на смех, узнай он, что ты хочешь отснять целый эпизод с первого дубля.

Пропустив ее слова мимо ушей, он демонстративно отвернулся и обратился к съемочной группе:

-- Приготовиться! Третий дубль!

Нили уже пошла было прочь со съемочной площадки, но вдруг остановилась. Боже мой, ведь это же будет то самое, чего добивается Шеф. Она вернулась. Ее всю трясло. Подумать только: она, Нили О'Хара, должна выслушивать этот бред от наделавшего в штаны режиссера! Она прекрасно понимает, что на них сейчас смотрит вся съемочная группа. Никто никогда не позволял себе обращаться с нею вот так. Уходила всегда она!

Нили заставила себя снова занять свое место на площадке. Стоя в свете юпитеров, она вся дрожала, пока гримерша приводила в порядок ее лицо. Щелчок дощечки -- третий дубль. Она сбилась в самом начале. Камеры остановились. Четвертый дубль. Опять оговорка. Пятый дубль. Шестой дубль...

Пятнадцатый дубль снимали, когда день уже клонился к вечеру. Это становилось смешным. В жизни она не делала больше восьми дублей. И все Сэм: он срывает на ней свою злость. Теперь она не может вспомнить ни строчки, хоть убей.

-- Перерыв на ужин. Всем быть на месте ровно в семь, -- громко объявил он. "Перерыв на ужин"! По вечерам она не работала даже в самом начале. Она подошла к режиссеру.

-- Надеюсь, ты обойдешься без меня.

Он и не подумал оторваться от видеоискателя.

-- Я намереваюсь снимать весь эпизод до тех пор, пока ты не дашь мне возможности сделать качественный дубль.

-- Только не я, приятель. На сегодня я свое отработала. Пришла вовремя, ухожу вовремя и не намерена гнуть спину и кое-что пониже только ради того, чтоб ты получил свою ежедневную премию в тысячу зеленых. -- С этими словами она направилась к выходу.

-- Если уйдешь, я подам официальную жалобу.

-- Как угодно, -- бросила она. -- У меня тоже есть свои права!

Артисты и съемочная группа вернулись на площадку к семи часам. Они ждали до десяти. Позвонили ей домой. В ответ им сказали, что она уже легла. Сэм Джексон встал и распустил группу.

-- Завтра ей не звонить. И вообще не звонить.

Сев в машину, он помчался на пляж. Подъехал к небольшому коттеджу и посигналил. Дверь открылась. Красивая девушка с длинными черными волосами в махровом купальном халате встала в проеме. Она поманила его пальцем, и он вошел.

-- Порядок, Джейни, роль твоя.

Она слегка улыбнулась, обнажив ряд ровных зубов.
-- О, Сэм, тебе удалось! Я так рада!-- Затем повернулась к человеку с хохолком пушистых белых волос, что сидел в кресле и молча курил.-- Ты слышал? Сэм все провернул.

Человечек улыбнулся.

-- Хорошо.-- Он встал и потянул за пояс ее купального халата. Тот запахнулся, обнажив идеальное тело. Человечек, едва доходивший юной богине до плеча, слегка коснулся ее высоких грудей.

-- Посмотри хорошенько, Сэм. Но руками не трогать -- это мое.

-- Слушаюсь, сэр.

-- Просто хочу, чтобы ты знал. Мужчина ты молодой... тебе всякое может в голову взбрести.

Девушка повернулась и обняла человечка.

-- Но ведь я люблю тебя, ты же знаешь.

Он кивнул.

-- Хорошо, Сэм, молодец. А сейчас убирайся. Соберешь всех послезавтра. Сообщение в прессу я дам сам. И отправь телеграмму Нили, чтобы ко мне с жалобами не совалась. Подпиши моим именем.

Сэм кивнул и вышел. Человечек повернулся к красавице.

-- О'кей, теперь ты станешь звездой, Джейни Лорд. Отныне ты будешь мисс Лорд, до тех пор, пока будешь помнить... что твой хозяин и лорд -- это я!

-- Слушаюсь, сэр.-- Она опустилась на колени и начала утонченно ласкать его.

А н н а

1957

Анна задумчиво положила трубку. Кевин Гилмор потянулся к ней и взял ее за руку.

-- Опять Нили?

Она кивнула. Он похлопал по своей постели.

-- Ложись ко мне, все обговорим.

Анна легла на свою кровать.

-- Все не так просто, Кевин.

-- Я слышал, как ты подбирала слова, когда говорила по телефону.

Насколько я понял, она хочет приехать к тебе жить.

Ответом Анны было молчание, и Кевин рассмеялся.

-- По-прежнему остаешься типичной новоанглийской девицей стро-

гих нравов, а? Почему не взять и не сказать: "Да, Нили, у меня есть две кровати, которые стоят рядом, но мой мужчина часто остается у меня на ночь".

Анна взяла с тумбочки сценарий передачи.

-- Потому что говорить это не было необходимости. Кевин, я беспокоюсь за Нили. Ей сейчас очень плохо.

-- Почему? Потому что предпочли другую? Целых семь месяцев она отсиживает себе задницу, а ей идут огромные деньги. В наши дни не иметь долгосрочного контракта не зазорно. Ни одна студия их больше не заключает.

-- Но у нее странный голос... он полон отчаяния. Говорит, что вынуждена уехать.

-- У нее будет масса предложений. Стоит ей появиться в Нью-Йорке, как за ней начнут толпами бегать все бродвейские продюсеры. Она может пойти на телевидение -- куда только пожелает.

-- Но до меня доходили странные слухи...-- Анна потянулась за сигаретой.

Кевин перехватил ее руку, не давая ей щелкнуть зажигалкой.

-- Иди сюда, ко мне, чтобы нам не кричать друг другу.

-- Кевин, я действительно закричу, если окажусь завтра перед телекамерой с невыученным текстом.

-- Воспользуйся телешпаргалками.

-- Лучше без них. Я не возражаю, чтобы их ставили на всякий случай, но лучше самой знать, что собираешься говорить.

-- Я действительно дорог тебе, Анна?-- спросил он.

-- Ты мне очень дорог, Кевин.-- Она отложила сценарий и стала терпеливо ждать. Это всегда начиналось у них именно так.

-- Но безумной любви ко мне ты не испытываешь.

Она улыбнулась.

-- Такая любовь бывает лишь в юности, когда она первая в жизни.

-- Все еще страдаешь по тому писаке?

-- Я не видела Лайона много лет. Последний раз я слышала, будто он пишет какие-то киносценарии в Лондоне.

-- Почему же ты тогда не полюбишь меня?

Она взяла его за руку.

-- Мне очень хорошо с тобой, Кевин. Хорошо в постели, хорошо работать вместе. Вероятно, это и есть любовь.

-- Если бы я предложил тебе выйти за меня замуж, ты стала бы любить меня сильнее?

Она ответила, тщательно подбирая слова:

-- В самом начале это имело огромное значение. Мне не нравилось, что для всех окружающих я чья-то "девушка". Но сейчас ущерб уже нанесен.-- Она говорила, не испытывая никаких чувств,-- столько раз они уже совершали эту словесную процедуру.

-- Какой ущерб? Ты -- знаменитость. Повсюду известна как "Девушка Гиллиана".

-- И кроме того, как "Девушка Гилмора". Но сейчас это не имеет значения. Я хотела ребенка... и сейчас хочу...

-- Анна!-- Он встал с кровати и начал ходить по комнате взад-вперед.-- Тебе тридцать один год. Это поздно для ребенка.

-- Я знаю женщин, у которых первый ребенок появлялся в сорок.

-- Но мне-то ведь пятьдесят семь. У меня взрослый сын и замужняя дочь... и еще двухлетний внук. Как это будет выглядеть со стороны, если я женюсь на тебе, а мой сын будет младше внука?

-- Многие мужчины женятся поздно или заводят новую семью.

-- Я двадцать пять лет был женат на Эвелин -- да почиет она в мире -- и хлебнул всего этого: летние лагеря, нянйки, скобы для исправления зубов, корь. Мне не хватит ни терпения, ни сил, чтобы опять пройти через все это. Сейчас, когда у меня появилась свобода и денег хоть немного больше, чем я когда-либо смогу потратить, мне нужна легкая, ничем не обремененная жизнь и женщина, которая всегда может поехать со мной куда угодно, чтобы хорошенько развлечься. В моем браке никаких развлечений не было. Я только начинал свой бизнес, а Эвелин растила детей. Мы никуда не ездили, разве что изредка на выходные в Атлантик-Сити, да и там она места себе не находила из-за того, что на служанку нельзя было положиться или что кто-то из детей может заболеть. А потом, когда я добился финансового успеха, а дети выросли, стало уже слишком поздно -- она заболела. Для меня это длилось пять лет -- пять долгих лет я вынужден был смотреть на то, как она умирала. Потом встретил тебя -- ровно через год после ее смерти -- и сразу понял, что ты создана для меня.

Анна через силу улыбнулась.

-- Я рада, что соответствую твоим жизненным планам. Но девушка планирует не просто быть чьей-то девушкой -- она надеется стать женой и матерью.

-- Я думал об этом, Анна... но моим детям это не понравится.-- Кевин сел на край ее кровати и спокойно сказал.-- И кроме того, так я больше уверен в тебе. Стоит нам пожениться, и ты станешь принимать меня как нечто само собой разумеющееся.-- Он лег на свою кровать и взял газету. Через минуту он с головой ушел в финансовый раздел "Нью-Йорк таймс".

Анна вновь раскрыла сценарий. Через несколько месяцев Кевин опять возобновит этот разговор, и опять он закончится точно так же. Кевин чувствует себя виноватым из-за того, что не женится на ней, но для нее замужество больше не имеет значения. Может быть, это потому, что ей уже слишком поздно думать о детях. А брачное свидетельство само по себе не гарантирует ни супружеской верности, ни счастливой жизни -- взять, к примеру, хотя бы Дженифер. Или бедную Нилу.

Верно, все знают, что она девушка Кевина. Но она также и "Девушка Гиллиана"... и эту возможность предоставил ей он. Работа ей очень нравится, весьма хорошо оплачивается и требует приложения

всех ее сил. И Кевин ей тоже нравится... нет, больше, чем просто нравится; вероятно, это действительно любовь. Не такая любовь, которую она узнала с Лайоном: на седьмом небе с Кевином она не была. Их физическая близость оставляла ее совершенно равнодушной, и Анна часто спрашивала себя, за что же она так привязалась к Кевину. При воспоминании о том, с каким самозабвением и страстью она отдавалась Лайону, об их долгих горячечных поцелуях и пылких объятиях, которых они не размыкали ночи напролет, -- по сравнению со всем этим их отношения с Кевином казались ей абсолютно стерильными.

Вначале отношения между ними были сугубо деловыми, касались исключительно сферы бизнеса. Потом их постепенно стало по-человечески тянуть друг к другу. Ей нравилось быть в его компании, и она обнаружила, что проще встречаться с одним мужчиной, нежели постоянно отклонять предложения о таких встречах со стороны многих. Она украшала собой его компанию, придавая ей блеск, а он с редким терпением относился к ее неумению держаться перед объективом телекамеры. Именно это его терпение и дало ей возможность добиться успеха. Он постоянно крутился на каждой репетиции, проверял каждый юпитер, работал с Анной перед выступлениями, помогая выбрать подходящее платье. Она привыкла во всем полагаться на него, спрашивать его мнение и совет. Анна не могла не видеть, как хорошенькие манекенщицы откровенно предлагали ему себя, богатые разведенные женщины и выступающие у них время от времени начинающие звезды открыто добивались его расположения. Знала она и о страстных призывах одной в прошлом знаменитой пятидесятилетней кинозвезды. Да, Кевину Гилмору было из чего выбирать. Но он хотел ее. Целый год Анна держала его на расстоянии, но она так и не встретила своего рыцаря, который сумел бы покорить ее романтическим образом, и поэтому в конце концов отдалась Кевину.

Она вспомнила их первую близость. Тогда она сумела лишь уступить ему. Позволила ему взять себя и утолить его страсть -- но не более того. А большего он никогда и не просил. Иногда она заставляла себя отвечать ему, хотя довольно сдержанно, а Кевин, похоже, принимал это за страсть. Вскоре она поняла, что, несмотря на всю свою приземленность и полное отсутствие духовных интересов, он был совершенно не искушен в самом акте любви. Вероятно, до женитьбы он был девственником, а жена наверняка была в равной степени непорочна и лишена воображения и фантазии. По всей видимости, отношения между ними ограничивались лишь одним-двумя вялыми поцелуями и механическим совокуплением. После смерти жены у него, должно быть, были женщины, и некоторые из них наверняка умели вести себя в постели и были искушены в любовных играх, но он, вероятно, считал, что заниматься таким сексом могут только абсолютно безнравственные особы. Анна же -- настоящая леди, каковой была и его жена. Поэтому ее фригидность он принимал за врожденное качество леди и, сам будучи джентльменом, ничего большего не ждал.

Да, с Кевином у нее не было ни бурных подъемов, ни резких спадов, но, вероятно, именно такой и должна быть зрелая любовь. Иногда она внушала себе, что счастлива. Многие женщины вообще никогда в жизни не испытывают такой любви, какая была у нее с Лайоном Бернонштином, и лишь некоторым удается добиться такой основательной прочности отношений, как у них с Кевином. Даже его нежелание жениться не стало для нее каким-то камнем преткновения. Она никогда не акцентировала на этом внимания, хотя прекрасно знала, что стоит ей захотеть, и Кевин женится на ней -- для этого нужно лишь пригрозить, что она оставит его. Нет, ее вполне устраивали их отношения; она знала, что Кевин всегда будет рядом с ней.

Нили прилетела на следующей неделе. Анна сумела скрыть, как она потрясена тем, насколько изменилась Нили. Она располнела, лицо стало одутловатым, и, несмотря на дорогой костюм, выглядела она бедной и потрепанной. Лак на ногтях облез, на чулке спустилась петля, и вся она казалась какой-то помятой. В ее облике что-то умерло, и это больше всего бросалось в глаза. В ней не было прежней живости и блеска. Когда Нили говорила, глаза ее постоянно бегали, не в состоянии ни на чем задержаться. Анна внимательно слушала горестное повествование о дьявольских интригах Шефа, о разбившемся браке, о порочности голливудских нравов...

О себе самой Анна поведала ей совсем немного. Рассказала о своей работе и близкой дружбе с Кевином, а когда Нили невинным девичьим голоском поинтересовалась, занимаются ли они с ним "этим самым", Анна лишь улыбнулась и кивнула. Ей показалось, что Нили это было приятно.

Кевин сыграл роль радушного и галантного хозяина. Если своим приездом Нили и помешала ровному течению его личной жизни, то он хорошо скрывал свое раздражение. Сопровождал их обеих на представлениях и в ночные клубы. Где бы ни появлялась Нили, она повсюду производила сенсацию, приковывая к себе всеобщее внимание. От этого она буквально расцвела. Не было больше ни потерянных дней, ни бесконечных запоев -- все осталось в прошлом. Она накупила себе новой одежды, за две недели сбросила десять фунтов, а на ночь принимала не более трех пилюль. Она вновь ожила и заблистала, превратившись в ту самую энергичную и живую девчонку, которую Анна знала раньше.

Однажды жарким сентябрьским вечером, когда они выходили из театра, большая толпа рванулась от дверей к Нили, отрезав их от такси. Восторженные почитатели буквально затолкали бы Нили, которая смеялась, приветственно махала рукой и надписывала книги, если бы Кевин с помощью полицейского не проложил им путь до машины.

В такси Кевин отер с лица испарину и удивленно покачал головой.

-- Фантастика! Если они сходят с ума только от того, что просто видят тебя, то что же с ними станет, если ты начнешь петь?

-- Отлетят на небеса в полном экстазе, -- рассмеялась Нили. -- Но

мои зрители всегда оказывали мне восторженный прием,-- добавила она, и ее лицо вдруг приобрело серьезное выражение.-- В Радио-сити записали мои роли во всех картинах. Это стоило чертовски больших денег. Но ни одной картины, которая бы бесславно умерла, у меня не было никогда. Я всегда делала большой бизнес...

Кевин посмотрел на нее так, словно ее слова только что дошли до него. От волнения голос его задрожал.

-- Ты права. Твои картины всегда шли с аншлагом. Твои зрители по-прежнему с тобой, они хотят видеть тебя. Нили, давай сделаем яркое телевизионное шоу! Я сам представляю его -- куплю час самого лучшего времени у одной из телекомпаний. Бог ты мой -- это будет сенсация!

-- Ты смеешься? Мне выступать на телевидении? Целый час в прямом эфире -- без повторных дублей? Ух ты! Умереть можно.

Кевин часто заводил этот разговор, но Нили всякий раз добродушно отказывала ему. Она наслаждалась своим первым настоящим отпуском, первыми встречами с обожающими ее поклонниками -- давно просроченной платой за годы затворничества в Голливуде.

Кевин использовал любую возможность, чтобы показать Нили выступления эстрадных артистов и оживить в ее сознании былые успехи. Он купил билеты на премьеру нового мюзикла Элен Лоусон, надеясь, что, увидев Элен на сцене, Нили ощутит честолюбивые амбиции, что ее вновь охватит страстное желание выступать перед живой аудиторией.

Премьера Элен была крупнейшим событием сезона. Некоторое время назад она сошла с бродвейской сцены, предприняв еще одну безуспешную попытку выйти замуж, на этот раз за владельца огромного поместья на Ямайке. Оставляя сценическую жизнь, она давала исключительно восторженные интервью. Наконец-то она встретила "единственную настоящую любовь всей своей жизни". Все газеты публиковали снимки яркой и пышной Элен, которая держала под руку седоватого мужчину с заурядной внешностью. Она продавала свою нью-йоркскую квартиру и отправлялась на Ямайку вести восхитительную жизнь простой домохозяйки. Эта "восхитительная жизнь" длилась шесть лет, после чего Элен вернулась, и первые полосы газет вновь взорвались ее сенсационными интервью. Оказалось, что Ямайка -- это не что иное, как "захолустный тропический островок, кишмя кишящий лентяями-толстосумами и психами". Заняться там совершенно нечем, остается только пить да сплетничать. "Замечательный человек" оказался "сволочью и мерзавцем, который чересчур много пил и заводил связи с другими женщинами". Она быстро оформила развод в Мексике и сразу же согласилась на ведущую роль в новом мюзикле.

Это была типичная премьера шоу Элен Лоусон. Зрительный зал ломился от поклонников, едва дождавшихся минуты, когда они смогли наконец приветствовать королеву, вернувшуюся к своим вассалам. Ее выход встретили оглушительной овацией, но уже минут через десять

спустя воздух в зале, казалось, сгустился от носящегося в нем предчувствия полного провала. У Кевина шевельнулась какая-то надежда, когда Нили сдвинулась на самый краешек кресла, мысленно сопроводив каждый поклон Элен. Однако все его надежды оказались разбитыми вдребезги, когда Нили прошептала:

-- А я-то думала, что она старая, когда впервые увидела ее. Ух ты! Да ведь тогда, если сравнить, она была девчонкой.

Кевин вынужден был признать, что Нили права. Элен больше не приближалась к пожилому возрасту -- она уже стала пожилой. Она сильно располнела, но ноги у нее оставались все такими же стройными и все так же развеивалась грива ее роскошных черных волос.

-- Надо же, как она волосы выкрасила, -- прошептала Нили. -- Черный цвет мне нравится, но тут она явно перебрала.

-- Ей надо бы пользоваться фирменным красящим шампунем "Гиллиан", -- заметил Кевин. -- Он придаст совершенно естественный оттенок.

-- Ей уже ничего не поможет, -- продолжала шептать Нили. -- Сейчас у Элен нет даже подходящего сценария. Зачем она вообще взялась за это шоу? У нее же денег -- вагон.

-- А чем еще ей заниматься? -- осторожно заметил Кевин. -- Ведь для актрисы нет жизни вне сцены.

-- А-а, -- отмахнулась Нили. -- Избитый штамп.

-- Да ведь представление только началось, -- прошептала Анна. -- Может, все еще выправится.

-- Нет, это провал. Я уже сейчас чувствую, -- ответила ей Нили.

Нили оказалась права. Анна внимательно смотрела, как самоотверженно борется Элен. Она сочувствовала этой раскрашенной грубоватой пожилой женщине, изо всех сил пытающейся создать на сцене трогательный романтический образ. Голос ее был, как и прежде, живым и полным энергии, лишь с легким вибрато, но то ли текст был подобран неудачно, то ли мелодия... По ходу представления Элен становилась все энергичнее, словно пыталась вложить всю свою неустойчивую натуру в вялое действие, готовое с минуты на минуту испустить последний вздох.

После того, как опустился занавес, ее все-таки несколько раз вызывали на сцену: зрители отдавали дань уважения своей Королеве. Но мнения, которыми они обменивались, выходя из театра, были куда более искренними и нелестными.

-- Не могу идти за кулисы, -- сказала Нили. -- Ей наверняка сообщили, что я в зале, но что я могу сказать ей о сегодняшнем спектакле? Разве что декорации были отменные?

-- Хотите, поедem в "Сарди"? -- спросил Кевин. -- Она приедет туда принимать поздравления.

-- Может, поспорим? -- предложила ему Нили. -- Послушай, Элен лучше всех понимает, что это полный провал. Не захочет же она сидеть в "Сарди" с вытянутой физиономией, ведь первые вечерние вы-

пуски "Таймс" и "Трибюн" выходят рано. Да и потом, сегодня премьера Франко Салла в "Персидском зале". В "Чиро" он произвел сенсацию. Я ходила на каждое его выступление и ни за что не пропущу его премьеру в Нью-Йорке.

Кевин с неохотой позвонил в ночной клуб "Персидский зал" и заказал столик. Там было полно народу -- те же самые газетчики и многие зрители, что были на премьере Элен. Едва завидев Нили, метрдотель поставил для них столик у самого подиума, застлнув обзор одной компании, которая еще раньше дала щедрые чаевые, чтобы занять самые лучшие места. При появлении Нили по залу прошел вздох восхищения.

Кевин заказал шампанское, но Нили лишь пригубила его. Разглядывая собравшихся, Анна думала о новой рекламной программе, с которой ей предстояло выступать на следующий день. Было уже поздно, и она ясно видела, что в намеченное время выступление не начнется. Значит, завтра ей придется пользоваться "карточками для дураков" -- телешпаргалками. Она наблюдала за людьми, толпящимися в дверях. Ничего не изменилось на этих премьерах -- посетители все так же нетерпеливо ждут, когда их проведут к заказанным столикам, протягивая официантам свернутые в трубочку купюры в надежде получить лучшие места; те же самые вечно покрытые испариной помощники официантов, расставляющие по окружности сцены-подиума дополнительные столики и делающие вид, что не замечают протестующих возгласов тех, чьи столики оказались загороженными. Те, кто сначала сидел ближе всех, теперь оказывались в третьем ряду. Танцевальную площадку наполовину заставили столиками. И вот, когда в зале уже, казалось, яблоку негде было упасть, Анна увидела, как по ту сторону подиума помощник официанта поставил еще один крохотный столик. Прямо напротив них.

Появилась Элен в сопровождении стройного юноши. Это был танцор на вторых ролях в ее шоу, женственно красивый и по-провинциальному гордый тем, что тоже находится в центре всеобщего внимания. Элен наверняка знала все о его "соседе по комнате", но свою роль галантного кавалера он играл с безукоризненным изяществом: брал ее за руку, подчеркнуто внимательно слушал все, что она говорит, смеялся на каждую ее шутку и млел от удовольствия, когда Элен, поворачиваясь направо и налево, представляла его своим друзьям. В ответ на ее громогласные призывы подошел метрдотель с выражением терпеливой покорности на лице. Через весь зал Анна слышала, как та кричала:

-- Знаю я ваш дурацкий клуб -- у вас тут не подают выпивку во время представления. Быстренько сюда пару-другую шампанского, пока не началось.

Наконец в зале воцарился полумрак. Представили Франко Салла. Это был певец с сильным голосом, особенно хорошо ему удавались итальянские песни. Присутствующие уже читали отзывы о его вы-

ступлениях в других городах страны и страстно хотели сделать из него звезду. Несколько раз ему пришлось спеть на бис. Затем, произнеся очаровательную, несмотря на акцент, благодарственную речь, он с совершенно серьезным видом повернулся к другому концу сцены и торжественно-благоговейным голосом объявил присутствующим, что "среди них находится крупнейшая актриса музыкальной комедии, их Королева, известнейшая леди, звезда, вот уже несколько десятилетий ярко горящая на музыкальном небосводе... Элен Лоусон!"

Лицо Элен озарила заученная улыбка. Она встала и помахала рукой всем присутствующим. Ее наградили громкими аплодисментами в знак признания ее заслуг.

После этого Франко обернулся к Нили. Все в зале повернули головы в том же направлении, голос его стал мягким, а во взгляде появилось выражение восхищения и обожания.

-- А вот звезда из тех, что загораются раз в столетие... девушка, которую любят все... певица, которую обожают все исполнители...-- Он замолчал, подыскивая эпитеты, словно не находя достаточно яркого для характеристики Нили. Затем улыбнулся и сказал просто:-- Мисс Нили О'Хара.

Овация была оглушительной. Несколько человек встали и аплодировали стоя. Внезапно в едином порыве встали все, как один, громко выкрикивая приветствия, хлопая, требуя исполнить песню. Кевин тоже встал. Анна не знала, что делать. Весь зал был на ногах, кроме Элен и ее юного танцора. Та сидела с холодной, застывшей на лице улыбкой и бесшумно хлопала в ладоши. Юноша, не говоря ни слова, смотрел на нее, послушно ожидая распоряжений.

Наконец Нили встала и направилась к микрофону. Любезно поблагодарив всех, она попыталась было вернуться на свое место, однако овация стала громоподобной, а требования спеть -- еще настойчивее. Тогда, беспомощно пожав плечами, Нили повернулась к оркестру. Быстро обговорив тональность сопровождения и аккорды, она встала посреди сцены и запела.

Она была восхитительна. Ее звонкий голос взмывал и парил в вершине. Публика рсагировала с бешеным восторгом почитателей, встретившихся со своим кумиром после долгой разлуки. Нили пришлось спеть шесть песен, прежде чем ее отпустили со сцены. За столик она вернулась восторженная, от волнения у нее в глазах стояли слезы. Вернулись журналисты подходили к ней с поздравлениями, женщины, разодетые в дорогие платья, просили дать автограф "для дочки". Нили благожелательно ставила свою подпись на меню, на визитных карточках, просто на клочках бумаги. Когда эта лавина наконец сошла, онахватила залпом бокал шампанского.

-- А знаешь, мне это может понравиться.

-- Что, петь в ночном клубе?-- с надеждой спросил Кевин.

-- Нет, пить шампанское. Приятное.-- Она налила себе еще бокал.

Лучше уж приохотиться к виски или к водке, но сегодняшний вечер

-- исключение. Мне лучше не привыкать к нему: быстро полнит.
-- Нили, сегодня ты была просто потрясающей, -- начал Кевин.
-- Конечно. Легко быть потрясающей со старым репертуаром. Теперь уже таких песен не пишут.

-- Вот именно их ты и могла бы исполнить в моем представлении.

Она улыбнулась.

-- Опять за свое, да?

-- Нили, публика обожает тебя...

-- Конечно. И картины мои она тоже обожает. Разве я виновата, что съемки так подорожали? Даже в Голливуде невозможно теперь работать. К тому же, профсоюзы...

-- Говорят, что дело не только в дороговизне съемок и профсоюзах, Нили.

Она сузила глаза. Настроение у нее явно начало портиться.

-- И что же вам "говорят", мистер Радостное Известие?

-- Говорят, что это из-за тебя съемки обходятся дорого... что на тебя нельзя положиться... что ты потеряла голос...

Анна нервно заерзала на стуле, пытаясь перехватить взгляд Кевина и хоть как-то предупредить его, но он не обратил на нее внимания.

Та принужденно улыбнулась.

-- Но ты только что слышал, как я пою. Так что не надо верить всему, что пишут в газетах.

-- Я и не верю, потому, что слышал тебя сегодня. И никто из сидящих в зале не верит. Но здесь лишь горстка людей. Остальная публика верит тому, что читает, Нили. И многие кинопродюсеры -- тоже.

Улыбка сошла с ее лица.

-- Послушайте, мистер Брюзга. У меня сейчас прекрасное настроение. Я вышла на сцену и спела для своих поклонников. Что вам, собственно, от меня нужно?

-- Телешоу.

Она вздохнула.

-- Опять ты за старое, приятель.

-- Нили, я серьезно. Сегодня здесь ты убедила каждого, что по-прежнему умеешь петь, как ангел. Почему же не убедить в этом всех? Да знаешь ли ты, сколько народу увидит тебя только в одной крупной телевизионной программе? Я разрекламирую твоё выступление по всей стране за несколько недель до выхода передачи в эфир. Вся страна будет прикована к экранам...

Кевин наводнил все газеты сообщениями о предстоящем телешоу. У Нили взяли интервью несколько ведущих иллюстрированных журналов, а телевизионные обозреватели возвестили об этом как о главнейшем из предстоящих событий на малом экране. Телевидение как средство массовой информации окончательно и прочно становилось на ноги, утверждаясь в своих правах. Наконец-то телезрители увидят на экранах по-настоящему талантливую певицу.

Кевин подключил лучшего хореографа, лучшего режиссера и продюсера, ускорил производство новых косметических изделий фирмы "Гиллиан", чтобы разрекламировать их в этом шоу. Начали создаваться специальные декорации, чтобы Анна эффектно продемонстрировала новинки фирмы во всей красе. Шоу должно было выйти в эфир в начале ноября, предполагалось, что оно явится самой яркой телевизионной передачей сезона. Никакого страха Нили не испытывала. Правда, при трансляции в прямой эфир нельзя делать дублей. Ну и пусть, тем лучше. Она покажет и Голливуду, и всем им. Давая интервью, она изображала из себя импульсивную, порывистую молоденькую Нили. "Разумеется, она боится...", "Разумеется, она переоценивает себя, берясь за такое непосильное дело". Но в душе она считала, что справится с этим, как пить дать... что дело это проще простого. Да и как тут можно не справиться: двенадцать обычных номеров, из них шесть песен, которые в свое время она сама же и исполнила впервые. Никакого нового материала, даже ни одной сцены не надо заучивать, только знай себе считывай реплики с телешпаргалок. Ух ты! Да если бы эти голливудские тупицы знали, что все так просто, они бы в очередь выстроились к телекамерам. Но мысли эти она держала при себе.

Перед великим днем Нили приняла на ночь три капсулы секонала. Генеральная репетиция была назначена на десять часов утра, и она приехала вовремя, хорошо отдохнувшая и горящая желанием немедленно приступить к работе. Весь первый час ушел на гримирование, затем, в одиннадцать тридцать, началась собственно репетиция. Гладко, с энтузиазмом молоденькой девушки, Нили провела вступительный диалог с ведущим, начала исполнять первую песню. Она пропела лишь три такта, как вдруг режиссер крикнул: "Стоп!" Он вышел из-за пульта и направился по проходу между рядами к сцене.

-- Нили, ты пела не на ту камеру.

-- Я не понимаю вас, -- мило улыбнулась она. Ее дело только петь, все остальное -- забота оператора.

-- Первая камера снимала тебя во время диалога. Но при исполнении песни тебе нужно повернуться ко второй камере.

-- А какая из них вторая?

-- Вон та, с красным огоньком. Ты поешь первую половину, затем переходишь на третью камеру с танцевальным номером, а последние восемь тактов заканчиваешь опять перед второй камерой.

-- Ух, ты! Да мне надо университет окончить, чтобы тут разобраться. Для чего нам вообще все эти камеры?

-- Дорогая, здесь все гораздо сложнее, чем может показаться. Просто запомни: если загорелся красный огонек -- значит, съемку ведет эта камера. Путать их нельзя.

Она начала все заново, внимательно следя за камерами. Все шло хорошо, но она потеряла нужное место на телешпаргалке. В следующий раз она сосредоточила все внимание на ней и не учла, что позировать надо было перед третьей камерой.

-- Да не беспокоися ты насчет шпаргалок, -- взмолился режиссер. -- Их будут носить за тобой. Следи только за камерами.

-- Но я привыкла, чтобы камера следовала за мной, -- чуть не расплакалась она.

Режиссер терпеливо успокаивал ее.

-- Ничего, привыкнешь и к этому. Давай-ка попробуем еще раз.

Провели еще две репетиции. На измученном лице режиссера появилось выражение полного отчаяния.

-- Нули, ты дважды зашла за отметки мелом и оказалась не в кадре.

-- Но когда я пою, я должна двигаться.

-- Прекрасно, детка. Но давай ограничим и отметим нужное пространство, чтобы я мог соотнести его с радиусом охвата всеми камерами.

-- Не могу! Я двигаюсь так, как я это чувствую, а всякий раз я чувствую по-разному.

Так час за часом длились эти изнурительные репетиции перед объективами нескольких камер. Грим у Нули почти потек, прическа потеряла форму. К пяти часам ни один номер не был еще готов.

Режиссер объявил перерыв на обед. Он подошел к Нули и непридуманно обнял одной рукой за плечи.

-- В шесть часов прогоним все по новой с самого начала. Продолжай петь и танцевать, даже если допустишь ошибку. Мне нужно хронометрировать все выступление. Потом я назову тебе все ошибки, изменения, сокращения, и у тебя еще останется время освежить грим и передохнуть перед эфиром.

Заключительная генеральная репетиция была для Нули сущим кошмаром. Красные глазки камер то загорались, то потухали, а слова текста на шпаргалках совершенно сливались в ослепительном свете юпитеров. И опять Нули вся отдавалась песне, глубоко вживаясь в нее, и все шло как раз так, как нужно... И опять глаза ее закрывались, но ресницы тут же испуганно взлетали вверх. Здесь не было прекрасной голливудской кинокамеры, сопровождающей ее по всей съемочной площадке, чтобы запечатлеть на пленку каждое движение. Не было никого, кто потом разрежет пленку и смонтирует самые лучшие куски. Никого и ничего -- одни красноглазые чудовища, к которым она должна подстраиваться, да еще эти мелькающие карточки-шпаргалки со словами. Она потеряла их -- не надо было закрывать глаза. Где же они? Она запнулась. Режиссер велел все равно продолжать... Господи, да где же карточки? А какая камера? Слева -- да, горит красный глазок. Слава богу, песня кончилась. Боже мой, а теперь что? Что там написано на карточке? Ах да, представь Анну и изделие. О-о, слава богу, Анна уже что-то говорит -- значит у нее самой сейчас перебой. Боже праведный! Ей же надо было мчаться за кулисы! Ведь вон эта ошалевшая помощница вовсю машет ей руками -- надо еще успеть переодеться за три минуты. Всего три минуты, а Анна уже проговорила половину своей вставки...

-- Не могу-у!-- прокричала Нили.-- Не могу я так! Не могу петь, когда нужно думать об отметках мелом, разных камерах и быстрых переодеваниях. Если я хочу закрыть глаза, значит я должна их закрывать. Я так чувствую. Не могу я так -- не могу!

Кевин сидел за пультом. Вместе с режиссером он рванулся по проходу на сцену. Вдвоем они попытались успокоить ее.

-- Ни за что не буду продолжать. Я стану посмешищем!-- Нили уже не могла говорить.

-- Нили, ты же профессионал,-- взмолился режиссер.-- Когда зал будет полон зрителей и раздадутся аплодисменты, у тебя все появится.

-- Нет,-- она забилась в рыданиях.-- Мне нужно было бы репетировать так целую неделю. Я не могу выполнять десять заданий за раз и быть на уровне. Не могу стоять на помеченных мелом местах, да еще следить за камерами и карточками. Не могу и все. Это будет полный и окончательный провал!

-- Нили,-- обняла ее Анна.-- Помнишь, как тогда, в Филадельфии ты вошла в роль в "Небесном Хите"-- сразу же, без подготовки?

-- Мне тогда нечего было терять!-- воскликнула Нили.-- Я была простой девчонкой, и на карте не стояла вся моя репутация. А сейчас я звезда, и если я выступлю плохо или провалюсь, то мне конец.

-- Ты выступишь отлично,-- упорно твердил ей режиссер.

-- Нет! Нет! В этом шоу я участвовать не буду!

-- Нили, ты обязана,-- настаивала Анна.-- За телевизионное время заплачено... трансляция идет в эфир через час.

-- Я не могу,-- рыдала Нили.

-- Тогда ты вообще никогда не получишь работу,-- вдруг отрезал режиссер.

-- Да разве я хочу ее? Если я в жизни на пушечный выстрел не подойду к телевидению, то сейчас для меня самое время отказаться!

-- Я имею в виду -- нигде не получишь,-- холодно уточнил режиссер.

-- Кто сказал?

-- "Эфтра". Если ты срываешь шоу такого уровня, то это -- серьезное нарушение контракта. Все профсоюзы связаны между собой договоренностью соблюдать правила -- "Эфтра", "САГ" и "Эквити".

-- А что было бы, если бы я вдруг упала замертво?

Он холодно улыбнулся.

-- К сожалению, это, по-моему, маловероятно.

-- Ну, не могли бы вы просто объявить, что у меня острый ларингит,-- взмолилась она.

Режиссер вздохнул.

-- Нили, врач телекомпании потребует, чтобы ему позволили осмотреть тебя. Телекомпания сотрудничала с нашей фирмой в рекламе

-- они угрожали кучу денег. А теперь послушай: у тебя еще целый час

-- не смей даже думать о шоу. Иди в свою раздевалку и расслабься.

Нили ушла. Оставшись одна, она быстро набрала номер и соединилась с посыльным своего отеля. Он приехал десять минут спустя, протянул ей пузырек, а она ему -- двадцатидолларовую бумажку. Нили внимательно посмотрела на пузырек.

-- Мои красные "куколки",-- нежно проговорила она.-- А теперь сделайте свое дело. На вас вся надежда. Я даже спиртным не могу вам помочь, скажут, была пьяная.-- Она быстро проглотила шесть капсул.-- Ну, давайте, детки,-- сказала она, ложась на кушетку.-- Давайте... Я ничего сегодня не ела. Ведь вы, "куколки", быстрее действуете на пустой желудок.

Через десять минут Нили почувствовала знакомое ощущение легкости в голове. Дождалась, пока оно распространится по всему телу. Этого было мало -- они поставят ее на ноги крепким кофе. Шатаясь, она добрела до умывальника и приняла еще две.-- Ну же, "куколки", сделайте Нили мутную головку, чтобы она заболела.-- До нее доносились приглушенные звуки -- зал наполнялся публикой, музыканты настраивали инструменты. Она проглотила еще две. Смутно ей слышалось, как кто-то звал ее по имени, но ее уносило все дальше, дальше...

Телекомпания была вынуждена поставить пленку с развлекательной программой. Было объявлено, что по техническим причинам шоу с Нили О'Хара в эфир выйти не может. Кевин не стал предъявлять претензий к Нили и раздувать дело, однако все это сделала телекомпания. Они заявили, что к Нили должны быть применены санкции. В предстоящем сезоне для участия в телепрограммах было заявлено слишком много крупных имен, и если бы Нили все сошло с рук, впоследствии могли произойти аналогичные скандальные срывы. Она была дисквалифицирована сроком на год и не могла получить работу ни в кино, ни в ночных клубах, ни на телевидении.

Поначалу ей было на все наплевать. Она вернулась в Калифорнию и уединилась в своем роскошном доме с бассейном. Газеты и журналы безжалостно клеймили ее. Писали, что у нее необузданный нрав, намекали, что часто напивается допьяна, и в один голос заявили, что как актриса она кончилась.

Были периоды, когда она целыми днями валялась в постели, пока домоправительница не заставляла ее пойти и искупаться в бассейне. Иногда в полночь она вскакивала с кровати, садилась в машину, мчалась в какой-нибудь бар и подолгу стояла там в платочке на голове, безо всякой косметики, не узнаваемая никем, но еще не привыкшая к такой анонимности: прихлебывая пиво, счастливая уже от того, что вокруг нее люди. Ей было решительно на все наплевать. Денег у нее предостаточно -- этот год она вполне может переждать. Шумиха уляжется, она опять обретет форму и может быть сделает шоу на Бродвее. Вот это будет номер! Она им еще покажет! А пока она может есть, что пожелает... и пить. И эти замечательные красные и желтые "куколки"

всегда при ней, а теперь еще появились какие-то новые, в голубую полоску!

Анна была потрясена поведением Нили. Первым движением ее души было поехать за Нили на Западное побережье. В таком состоянии ее нельзя было оставлять одну. Но приходилось выполнять свои собственные обязанности на телевидении... да и с Кевинем нельзя было так непорядочно поступать. Она винила себя за этот срыв. Он обошелся Кевину очень дорого: пришлось оплатить телевизионное время, рекламные издержки, оркестр, а также просроченное время, в ходе которого передавалось шоу совсем другого уровня.

Но время шло, недели мелькали, как в калейдоскопе, и волнения по поводу Нили отошли на второй план перед лицом постоянного кризиса, который ежедневно угрожал телевидению прямого эфира. Проводились новые цветные испытания, и иногда жара от раскаленных юпитеров становилась совершенно невыносимой. И все же ей и в голову не приходило бросить эту работу -- ничем другим ей просто не хотелось заниматься.

Иногда материалы о Нили, вымышленные или реальные, появлялись в прессе. Все были убеждены, что она намеренно и целенаправленно губит себя, но Анна в своем воображении никак не могла поставить рядом образ издерганной, измученной Нили и девочку-дитя с сияющими глазенками, которая когда-то жила в одном доме с нею на Пятьдесят второй стрит. Вот та была настоящая Нили. Этот же призрак, созданный Голливудом, со временем исчезнет, и появится настоящая Нили.

Представлялось немыслимым, что место, где ты живешь, может настолько изменить тебя. Прошло более десяти лет, и все же она чувствовала, что в некоторых отношениях совершенно не изменилась по сравнению с той девушкой, которой она впервые попала в Нью-Йорк. Она понимала, что если сесть и трезво подумать над этим, то сейчас она уже не воспринимает Нью-Йорк как восхитительную сказочную страну. Бродвей -- это всего-навсего Кони-Айленд, только со множеством магазинов, а Сорок вторая стрит -- заурядное злчное место с разнообразными развлечениями. Пятая авеню тоже больше не приводила ее в восторг. Даже огромная елка в Рокфеллеровском центре на Рождество не казалась больше ярким зрелищем. На премьере любого шоу, в ночных клубах -- постоянно одни и те же приевшиеся физиономии.

И все же этот мир был намного лучше того, что она оставила в Лоренсвилле, где люди живут, словно в спячке, а жизнь проходит мимо них. Здесь же она, по крайней мере, находится на просцениуме, здесь идет хоть какое-то, но действие. И все-таки чего-то ей не доставало. Иногда, пристально глядя в зеркало, она пыталась посмотреть на себя объективно, как бы со стороны. Изменилась ли она? Теперь она по-настоящему пользуется косметикой... Неужели в то далекое время она

появлялась в "Марокко", всего лишь пройдясь по лицу пуховкой и слегка подкрасив губы? Сейчас она чувствует себя раздетой, если не нанесет румяна на щеки, тени на веки и тушь на ресницы. А одежда! Она по-прежнему придерживалась мнения, что вещи должны быть простыми и выдержанными в одной цветовой гамме, хотя ведущие модельеры создавали костюмы специально для нее, и она давно уже носит не норковое манто Дженифер, а свое собственное, от лучшего нью-йоркского меховщика.

И вот однажды, на какое-то неуловимое мгновение, время как бы остановило свой ход благодаря выражению, промелькнувшему в глазах Аллена Купера, когда они случайно встретились в "Колони". Анна была с Кевином. Аллен представил им свою жену, красивую девушку, у нее на руке Анна увидела перстень с крупным бриллиантом, точь-в-точь такой же Аллен когда-то подарил ей. У нее мелькнула сумасшедшая мысль: а что если у Аллена их полный ящик в письменном столе -- всех размеров и на разные случаи жизни.

Анна часто задавалась вопросом, как она поведет себя и что почувствует, когда столкнется с Алленом лицом к лицу. И подобно большинству таких встреч через долгие годы она обошлась без каких-либо ярких, драматичных проявлений чувств. Волосы у Аллена поредели, но он по-прежнему носил яркие галстуки и повсюду появлялся с Джино. На Джино возраст сказался гораздо сильнее: во всем его облике сквозила беспомощная слабость, характерная для большинства пожилых людей. Казалось, он увядает прямо на глазах.

Анна понимала, что Аллену хотелось бы казаться безразличным и суховатым, но не сумел погасить во взгляде прежнее восхищение:

-- Анна... ты великолепно выглядишь.

-- Ты тоже хорошо выглядишь, Аллен.

-- Мы постоянно видим тебя в телевизоре, правда, Джино?

-- Да, точно, -- ответил Джино.

Последовала долгая пауза. Боже, неужели спустя десять лет им нечего сказать друг другу?

-- Элли всегда восхищается тобой, когда ты ведешь эти рекламные передачи. -- Имелась в виду жена Аллена.

-- Приятно слышать. Когда я появляюсь на экране, большинство зрителей бежит к холодильникам за пивом.

-- Нет, а я всегда смотрю, хотя сама и не пользуюсь косметикой "Гиллиан". Мой косметолог говорит... -- Она вдруг осеклась, почувствовав, как Аллен сжал ей руку.

Кевин поспешил на выручку.

-- Ручаюсь, что таким юным красивым девушкам, как вы, наша косметика особенно и не нужна.

Вспыхнув от радости, девушка хихикнула.

-- Так как насчет нашего столика? -- капризным тоном спросил Джино. -- Если бы мы поехали в "Марокко", а не в эту дыру, мы бы не стояли до сих пор вот так.

Метрдотель знаком показал Кевину, что их столик накрыт. Они торопливо попрощались. Анна и Кевин ушли, а Джино разразился еще одной тирадой относительно гадкого обслуживания здесь, горько сожалея, что они не поехали в "Марокко".

Анну охватила грусть. Люди расстаются, годы проходят. Вот они с Алленом встретились вновь, и встреча эта оказалась безрадостной, не всколыхнула в душе никаких теплых воспоминаний, а только горькое сознание того, что время утекло и все вокруг далеко не столь ярко и привлекательно, как было когда-то. Она была рада, что Лайон сейчас в Англии: ей не хотелось бы встретиться с ним вот так, увидеть, что и у него волосы поредели, а его девушка слишком молода, слишком скучна и неинтересна. Лучше уж жить старыми воспоминаниями.

Часто вспоминала она и о Дженифер. Неужели Дженифер боится возвращаться? В самый последний момент она отвергла предложение "Сенчури" и осталась в Европе. Испугалась Голливуда? Интересно, как она сейчас? Теперь она самая яркая кинозвезда Европы, ее картины пользуются точно таким же успехом и в Америке. На экране она выглядит потрясающе. Анна прекрасно понимала, какие чудеса способно творить правильно подобранное освещение и выгодный ракурс. Но ведь Дженифер уже тридцать семь, хотя, если верить всем публикациям и рекламным сообщениям о ней, она на десять лет моложе. И в Америке у нее такой же имидж. Может, для нее и лучше, что осталась в Европе. Если судить по Нили, Голливуд -- это нечто страшное.

Дженифер

1957

Дженифер боялась Голливуда -- боялась смертельно. Половина пузырька секонала и последующее промывание желудка год назад заставили Клода пойти на попятный и отказаться от подписания соглашения с "Сенчури". Но за последний год поступило еще одно, совершенно фантастическое предложение, настолько выгодное, что отклонить его было никак невозможно. Соглашение на три фильма и миллион долларов чистыми, перечисляемый в швейцарский банк! Клода, естественно, придется взять в долю, но все равно выйдет полмиллиона чистыми! Отказаться от такого она не могла. И в тридцать семь внешность у нее по-прежнему безукоризненна -- при правильно подобран-

ном освещении все эти крохотные морщинки становятся незаметными. Этим пусть занимается Клод -- и мягким освещением, и всем остальным.

Приходится, конечно, как-то бороться с фотоаппаратами. В нью-йоркском аэропорту наверняка будут репортеры, а в самом Голливуде прием ей устроят еще более пышный. Фотоаппарат со вспышкой не обманешь, но Клод что-нибудь придумает. Может, стоит повторить возвращение Греты Гарбо -- вообще без фотоснимков.

Однажды утром, спустя неделю после подписания соглашения, к ней на квартиру явился Клод.

-- Я только что получил телеграмму: деньги переведены.

-- Отдельно?-- спросила Дженифер.

-- Да. Вот номер твоего счета, положи в сейф. У меня -- свой.

Она радостно потянулась в постели.

-- Просто замечательно! Перед отъездом я могу устроить себе трехмесячный отпуск. Может быть, поеду на Кипр, а потом в Нью-Йорк. Надену черный парик. Посмотрю все программы Анны и отлично проведу время. Боже, как будет здорово опять говорить по-английски!

Откинув одеяло, Клод схватил ее за руку и стащил на пол. Затем распахнул окна, и спальню залило дневным светом.

-- Ты что, с ума сошел? -- спросила она.

-- Встань, прямо так, как есть, к окну.

Дженифер поежилась. Был сентябрь, но холодное солнце грело плохо, с трудом пробиваясь сквозь мглистое небо Парижа.

Он вздохнул.

-- Да, придется делать.

-- Что придется делать?

-- Пластическую операцию.

-- Ты и впрямь с ума сошел!-- Она вырвала свою руку и надела халат.

Он подтащил ее к зеркалу.

-- Вот, посмотри-ка на себя при дневном свете. Нет! Не задирай подбородок и не улыбайся -- смотри, какая ты в обычном, расслабленном состоянии.

-- Клод... но на мне всегда будет косметика. И я знаю оптимальные ракурсы. Ну кому представится возможность разглядывать меня в таком виде?

-- Голливуду! Гримершам, студийным парикмахерам... слух разойдется быстро.

-- Но ведь я же еще не старуха. Для своих тридцати семи я выгляжу отлично.

-- Но не на двадцать семь!

Она внимательно вгляделась в зеркало. Да, действительно, под подбородком -- небольшая складка. Почти незаметная... а если чуть откинуть голову и улыбнуться, она вообще исчезнет. Но в обычном состоянии она видна. Двойной подбородок, как выражается Клод. Да, понят-

но, что он имеет в виду: та самая еле уловимая вялость кожи, указывающая на разницу между возрастом в двадцать с чем-то и тридцать с чем-то лет. Это еще не настоящие морщины, но девичьей упругости кожи уже нет. Никто не заметит их в кафе или при правильно подобранном освещении... но все же они существуют. Может быть, он и прав. Но боже мой -- удалять морщины в тридцать семь лет! Думая о пластических операциях, Дженифер всегда представляла себе шестидесятилетних старух со сморщенными, как печеные яблоки, лицами. Она вспомнила, что часто видела в Нью-Йорке этих чудовищ с белыми, словно заляпанными штукатуркой физиономиями и густо подведенными глазами, про которых вечно шептали: "Этой шестьдесят пять. Ей подтянули кожу на лице, но все бесполезно". Нет, это слишком рискованно.

-- Клод, да не бойся ты Голливуда. Я была там. Все не так серьезно, как тебе кажется. Там все боятся друг друга. Я проскочу.

-- А я не желаю, чтобы ты "проскакивала!" -- прогремел он. -- Ты -- секс-богиня Европы. Весь Голливуд с нетерпением ждет, выдержишь ли ты сравнение с их секс-символами -- Мэрилин Монро, Элизабет Тейлор, а ведь они -- девицы молодые.

-- Но я не Лиз Тейлор и не Мэрилин Монро. Я -- Дженифер Норт. Я -- это я!

-- И что это такое -- ты? Мордашка да пара титок! Вот и все, что ты есть... все, чем ты была всегда!

-- В последних семи фильмах я снималась одетой!

-- Да, потому что имидж уже создан. Теперь ты хоть мешок на себя надень, всем и так известно, что под ним. Они наизусть знают каждый сантиметр твоего тела и видят его, какая бы одежда на тебе ни была. И выбрось из головы, будто можешь предложить им что-то другое.

-- Тогда, значит, этот имидж создан и в Америке. Там же шли все мои фильмы.

-- Дженифер, разве ты не доверяешь моему мнению? -- Клод решил изменить тактику и изобразил на лице обаятельную улыбку. -- Ты действительно можешь предложить им кое-что другое. Голых звезд в Европе пруд пруди, но все они не идут ни в какое сравнение с тобой, Европе пруд пруди, но все они не идут ни в какое сравнение с тобой, потому что у тебя есть еще кое-что. Свежесть, свежесть юности, какой нет ни у одной француженки. Они могут быть соблазнительны, шаловливы, наивны, -- но ты обладаешь чисто американским очарованием свежести. Но эта свежесть сохраняется только вместе с молодостью, с молодым лицом. Несмотря на золотистые волосы и сексуальную грудь, в твоей внешности есть нечто такое, что создает впечатление невинности, девичества... почти девственности. Вот с фигурой у тебя никаких проблем, она по-прежнему великолепна... только надо сбросить фунтов десять.

-- Ах, нет. Только не это! Именно это случилось с Нили. Я и так каждую ночь принимаю по три-четыре пилюли снотворного, чтобы убрать круги под глазами. Ты же не собираешься посадить меня на

эти пиллюлы для похудения. Я вешу сто восемнадцать фунтов при росте пять футов и шесть дюймов -- так что я достаточно худая.

-- Для сцен, где ты снимаешься обнаженной, -- да. Но не для тех супермоделей, на которые тебя планируют. Однако эти пиллюлы ты принимать не будешь. Я уже все устроил. Поедешь в Швейцарию, пройдешь курс лечения сном.

-- Лечение сном? Но ведь это же при нервных срывах, разве нет?

-- И для похудения тоже. Я сообщил им, что ты хочешь согнать десять фунтов. Тебя на восемь дней погрузят в сон. Успнешь... а проснешься худенькой, отдохнувшей и красивой. После этого кожа на лице, вероятно, обвиснет еще больше. Тогда-то тебе ее и подтянут.

Подъезжая к Лозанне, Дженифер думала о Марии. Интересно, как она сейчас? До чего же давно это было, будто целая жизнь прошла, а она помнит все до мельчайших подробностей.

Клиника была прекрасная. Дженифер поступила сюда под вымышленным именем, лишь некоторым доверенным людям было известно, кто она на самом деле.

-- Вам не надо ни о чем беспокоиться, -- сказал главный врач, -- вы просто будете спать. Но для приема пищи мы будем вас будить, около вас неотлучно будет находиться дежурная сестра. Вы будете есть, не сознавая этого, вас будут водить по палате и в ванную, но и этого вы не будете сознавать. Однако такие незначительные упражнения необходимы, чтобы не было застоя в легких. Во время сна сестра каждый час будет поворачивать вас. Когда же проснетесь, потеряете десять фунтов.

Дженифер улыбнулась.

-- Но я потеряю еще и неделю своей жизни. Кроме того, я всегда считала, что лечение сном показано только при эмоциональных потрясениях.

-- Верно. Разумеется, оно не излечивает от глубоких потрясений, которые формировались годами. Для этого требуется психотерапия, иногда даже электрошок. Но это лечение прекрасно помогает при ситуативной депрессии. Позвольте привести пример. Сейчас на излечении у нас находится замужняя женщина из Голливуда. Ее муж -- крупный кинорежиссер. Ее маленький сын забрался в бассейн и утонул. Она безутешна, не представляет себе, как будет жить дальше. Муж и друзья всячески ободряют ее, да и сама она понимает, что со временем эта рана зарубцуется, но сейчас она просто не может дальше жить... Она чувствует, что не в состоянии вынести долгие месяцы или годы, которые приглушат боль воспоминаний. Вот тут-то и поможет лечение сном. Видите ли, у нас в мозгу есть такие ниши. Каждая ниша -- мысль или воспоминание. Если мы постоянно будем думать об одном и том же, ниша будет становиться все глубже, и мысль укоренится в мозгу. Точно так актер заучивает свой текст. Но стоит затормозить мыслительный процесс, и ниша начинает зарубцовываться, как порез. И через какое-то время она сглаживается и стирается.

Страшная трагедия и любовь к ребенку глубоко врезались в сознание этой женщины. Трехнедельное лечение сном поможет залечить даже такую глубокую рану. Когда женщина проснется, она будет, конечно, сознавать, что потеряла ребенка, но безутешной боли уже не будет. Облегчение, которое могло бы наступить только через пять лет, наступит через три недели, и пациентка будет избавлена от многолетних душевных мук.

Дженифер улыбнулась.

-- Что ж, если когда-нибудь я стану толстой и несчастной, я соглашусь на такие три недели. Пока же мне надо сбросить всего десять фунтов.

-- Восьми дней вполне достаточно, -- кивнул главный врач. Все оказалось очень просто. Сестра с улыбкой подала ей бокал шампанского "для хорошего сна и приятных мыслей". Дженифер медленно выпила его. Появился молодой врач, проверил пульс и давление, после чего осторожно сделал укол в вену. Она поставила бокал на столик. Такого ощущения она еще ни разу не испытывала. Оно началось от кончиков пальцев ног, прошло по ногам, устремилось по бедрам... потом она поплыла неведомо куда, уже не чувствуя ничего.

Дженифер думала, что проспала, должно быть, целую ночь. Когда она открыла глаза, сияло солнце. Сестра принесла на подносе завтрак.

-- Мне говорили, что во время еды я буду спать, а я полностью проснулась, -- улыбнулась Дженифер.

-- Но вы действительно спали. -- На губах у сестры тоже играла улыбка.

-- Сколько?

-- Восемь дней.

Дженифер села в кровати.

-- Вы хотите сказать...

Сестра кивнула.

-- Мадемуазель весит на двенадцать фунтов меньше -- сто шесть.

-- О-о, как изумительно, -- воскликнула Дженифер. -- Бог мой, вот это изобретение!

Когда она вернулась в Париж, Клод был восхищен.

-- Я уже договорился насчет пластической операции, -- сказал он.

На этот раз она не возражала: от резкой потери веса она выглядела изможденной.

-- Разденься, -- вдруг велел он.

Она удивленно уставилась на него.

-- Клод... но ведь у нас с тобой ничего не было вот уже несколько лет.

-- Я и не собираюсь заниматься с тобой сексом, -- раздраженно пояснил он. -- Хочу посмотреть сказала ли потеря веса на твоей фигуре.

Дженифер сбросила одежду.

-- Ничего не случилось. Да и потом, какая разница? В Америке я не буду сниматься обнаженной.

Тщательно, словно врач, он осмотрел ее груди.

-- Я договорился, что ты пройдешь цикл гормональных инъекций для поддержания упругости груди. Тебе их будут делать во время восстановительного периода после операции.

-- И где же будет происходить это великое чудо?

-- Устроить это стоило больших трудов, но теперь все оговорено и решено. Завтра ты ложишься в клинику пластической хирургии. Конечно, под вымышленным именем.

Клод был прав, это оказалось нелегким делом. И сама-то операция была малоприятной, но все силы из нее высосал именно восстановительный период. Полтора месяца полной изоляции, ежедневное созерцание своего распухшего, покрытого пятнами лица, налитых кровью глаз, безобразных черных швов за ушами. Сомнения, обретет ли она когда-либо нормальный вид. Ужас при мысли, что она совершила ошибку. Однако швы были сняты, яркие пурпурно-красные рубцы приобрели светло-розовый оттенок. Теперь она знала, что шрамы станут совсем незаметны.

Отек на лице сошел, и настроение Дженифер взмыло резко вверх. Клод оказался кругом прав -- успех был абсолютный. Вряд ли она выглядела так хорошо даже в двадцать лет. Разумеется, двадцать лет дать ей было нельзя, но все же выглядела она потрясающе: на лице -- не единой морщинки, упругая кожа... Теперь ей не страшны придирчивые взгляды голливудской публики.

Солнечным декабрьским днем самолет приземлился в нью-йоркском международном аэропорту. Когда Дженифер шла сквозь толпу репортеров, под вспышками фотокамер, ее захлестнула волна благодарности и признательности Клоду. От нее не укрылось, что некоторые репортеры-женщины изучающе разглядывают ее, и она улыбнулась, ощущая спокойную уверенность в себе. Она не боялась ни яркого солнечного света, ни пристальных взглядов: она знала, что выглядит великолепно. В газетах это тоже отметили. Во всех говорилось, что Дженифер еще прекраснее, чем имидж, созданный ею на экране.

Она оговорила себе неделю в Нью-Йорке и наконец-то после столь длительного перерыва встретила с Анной. Целыми часами они обсуждали все жизненные перипетии Дженифер, ее мимолетные увлечения и скоротечные романы. Наконец, Анна рассказала ей о своих отношениях с Кевином.

Дженифер вздохнула.

-- Не знаю, может, он и в самом деле хороший человек, как ты о нем говоришь, но он -- сволочь, раз не женится на тебе.

-- Это не имеет значения,-- стояла на своем Анна.-- Если уж начистоту, то и я не люблю его по-настоящему. Пусть лучше все остается, как есть.

-- По-прежнему ждешь божественной, неземной любви?-- спросила

Дженифер.-- Знаешь, Анна, по-моему, женщина может или любить сама, или быть любимой, а чтобы и то и другое вместе...

-- Почему?

-- Не знаю. Не получается -- и все. Да ты и сама должна это знать. Аллен любил тебя, даже хотел жениться. И Кевин тебя любит. И тем не менее, ты можешь спокойно взять и уйти от них обоих, ничего при этом не испытав. А вот Лайона ты любила сама... и он преспокойно ушел от тебя.

-- Нет, просто это я тогда вела себя глупо. Знала бы ты, сколько бессонных ночей я... Даже сейчас я часто лежу, не сплю и заново переживаю то время. Как мне следовало вести себя тогда? И что бы из этого могло выйти?

-- Если бы ты вернулась в Лоренсвилл?

-- Да. Это ведь было бы не навсегда. Он все равно стал бы профессиональным писателем. Его первая книга точно так же получила бы прекрасные отзывы, но не принесла бы ему ни цента. После этого он написал бы ту ужасную книгу, только ради денег -- как демонстративный вызов всем, -- потом еще несколько и, наконец, взялся бы за сценарии к кинофильмам. То, чем он занимается сейчас в Лондоне, он вполне мог бы делать и здесь. Только жил бы в Голливуде или в Нью-Йорке и писал бы для телевидения. В любом случае, мы были бы вместе. Я просто запаниковала. Если бы я могла подумать, что...

-- Но раз мужчина смог вот так взять и уйти... Анна, он же не любил тебя по-настоящему.

-- Он любил меня, я знаю, -- упрямо возразила Анна.

-- Ну, конечно. Точно так же, как Аллен считал, что ты любишь его. И как Кевин считает, что ты любишь его. Он настолько уверен в тебе, что даже не чувствует себя обязанным жениться. Анна, если ты действительно чувствуешь, что Кевин любит тебя, заставь его жениться. Это так редко бывает, когда тебя кто-то любит. Со мной такого ни разу не было.

-- Да полно тебе, Джен. Вся Европа любит тебя... а теперь и Америка будет у твоих ног.

-- Они любят мое лицо и тело. А не меня! Это огромная разница, Анна.-- Она передернула плечами.-- Может, я просто не из тех, кого можно полюбить?

-- Я люблю тебя, Джен... по-настоящему.

Дженифер улыбнулась.

-- Знаю, что любишь. Жаль, что мы с тобой не лесбиянки -- прекрасная бы получилась парочка.

Анна рассмеялась.

-- Если бы мы были лесбиянками, то у нас с тобой, скорее всего, ничего не получилось бы. Ты же сама говоришь: один любит, а другой только позволяет себя любить. Или у лесбиянок все иначе?

Дженифер смотрела куда-то вдаль.

-- Нет... даже в гомосексуальных отношениях одна партнерша лю-

бит, а другая лишь позволяет себя любить.-- Она внимательно изучала себя в зеркале.-- Ну что же, у тебя есть Кевин, а у меня -- Голливуд.

-- Но ведь ты получаешь удовольствие от своего успеха, правда? -- спросила Анна.

Дженифер пожала плечами.

-- Временами -- да. Но я ненавижу эту работу. Профессионалом я так и не стала, я же актриса не по призванию. И еще -- я всегда только разделяла чью-то известность -- сначала принца, потом Тони. А все это сводится к одному: сама я не заслуживала ее -- ни с принцем, ни с Тони, ни со своей работой. На меня всегда работали мое лицо и тело. О господи! Полжизни бы отдала за человека, который полюбил бы меня саму...

-- Если это то, чего ты действительно хочешь, Джен, ты его найдешь. Я уверена, что найдешь.

Дженифер дотянулась до Анны и взяла ее за руку.

-- Молись за это, Анна. Я хочу выйти из этой сумасшедшей гонки. Хочу, чтобы рядом был человек, который любит меня... Хочу ребенка. Мне ведь еще не поздно. Молись за то, чтобы я встретила настоящего мужчину и послала бы Клода и всех прочих к чертовой матери!

Анна

1960

Весной 1960 года Кевин Гилмор перенес тяжелейший инфаркт. Посеревший, почти без признаков жизни, он две недели пролежал с кислородной маской. Едва оказавшись в состоянии говорить, он взял Анну за руку.

-- Анна, я, похоже, выкарабкаюсь?-- Казалось, он поверил ей, когда она сжала его пальцы и кивнула.

-- Обещай мне только одно,-- прошептал он.-- Если я и впрямь выкарабкаюсь, ты выйдешь за меня замуж.

Она заставила себя улыбнуться.

-- Ничего не говори, Кевин. Тебе нужен полный покой.

-- Ради бога, Анна.-- Слезы выступили у него на глазах.-- Я боюсь. Я не смогу один выдержать это. Пожалуйста... Я встану на ноги, если буду знать, что ты выйдешь за меня... что ты всегда будешь рядом.

-- Кевин, тебе необходим покой. Ты поправишься.

-- Для детей, которых ты хотела, Анна, уже слишком поздно, но все остальное я тебе дам. Продам свою фирму... будем путешествовать. Скажи только, что выйдешь за меня и никогда не покинешь.

Она улыбнулась.

-- Хорошо, Кевин. Обещаю.

Целых полтора месяца она не отходила от его кровати. Выздоровливая, он беспрестанно говорил о женитьбе, о том, что они будут делать и как он все устроит в соответствии с ее желаниями. Она все больше смирялась с этой мыслью. А действительно, почему бы ей не выйти за Кевина? Чего она ждет? Ей тридцать пять -- боже милостивый, уже тридцать пять! И как только это могло случиться? Ощущаешь себя все той же, и вот тебе уже тридцать пять, и время продолжает неудержимо мчаться. Пролетают год за годом. Произошло так много и вместе с тем так мало. Она упустила свой шанс на большую любовь и на детей, но это компенсировано другим: она материально независима, даже богата. Ее вклады возросли более чем вдвое, Генри провел для нее несколько успешных финансовых операций, а Кевин ежегодно выдавал ей по нескольку сотен акций своей фирмы, их цена тоже могла удвоиться в любой момент. Нет, деньги для нее никогда не будут проблемой. Даже если она вообще прекратит работать, а Кевин -- помогать ей, она и без того уже богата.

Но ведь, с другой стороны, с деньгами у нее никогда не было проблем. Даже в самом начале ее жизненного пути в банке у нее лежали пять тысяч. Она никогда не испытывала того, что довелось пережить Дженифер... Джен, которой приходилось посылать деньги своей матери, которой пришлось пробивать себе путь наверх и добиваться всего самой. Анна очень гордилась головокружительным успехом Дженифер в Голливуде. Та снялась в пяти кинофильмах -- красивых цветных картинах, где за нее пели другие. Другая артистка танцевала за нее на заднем плане, но крупным планом всегда показывали Дженифер.

Она была ослепительно красива, ее имя постоянно упоминалось то в связи с режиссером, то с исполнителем главной роли, а в последнее время к ее ногам пал какой-то продюсер. Однако из писем и телефонных разговоров Анна знала, что Дженифер все еще ищет свой идеал.

Перед выходом из больницы Кевин начал планировать их медовый месяц.

-- Ты точно не желаешь оставить свою работу?-- с тревогой в голосе спрашивал он.

-- Мою работу?-- рассмеялась она.-- Кевин, да не ты ли сам преподнес ее мне на серебряном блюде?

-- Нет, Анна. Я начал работать с тобой как с манекенщицей, а всего остального ты добилась сама. Ты великолепна, ты -- золотой фонд компании.

-- Ну что ж, этот золотой фонд ты можешь отделить от нее в любое

удобное для тебя время. Думаю, не пострадает ни одна сторона.

Он сжал ее ладонь.

-- Я люблю тебя, Анна. Я продам компанию.

Она кивнула.

-- А теперь отдохни немного. Займись планированием нашего медового месяца, пока меня не будет.

Он не отпускал ее руку.

-- Тебе нужно идти?

-- Пока еще я работаю у тебя, а сегодня передача.

-- Анна... ты знаешь... между нами долго не будет интимной близости... очень долго, может быть, даже совсем никогда. Что ты на это скажешь?

-- Пусть это не беспокоит тебя, Кевин.

Он разрыдался.

-- Я потеряю тебя. Я знаю это!

Вдруг она почувствовала отвращение. Какую же страшную власть имеет над человеком болезнь, если лишает его элементарного чувства собственного достоинства. Она ласково погладила его по голове.

-- Я буду с тобой, Кевин. Обещаю.

В августе Кевин вновь восседал за своим письменным столом -- крепкий, энергичный, с видом человека, привыкшего брать на себя ответственность за все. От дней, пронизанных страхом, проведенных в кислородной маске, остались лишь смутные воспоминания. Правда, у него действительно оказался коронарный тромбоз, но Кевин выкарабкался. Сейчас он чувствовал себя лучше, чем когда-либо: покой и отдых явно пошли ему на пользу. И он собирается жениться на Анне. Разумеется, временами его охватывал страх от грозящего ему одиночества. Если сегодня ночью у них что-то будет...

-- Хочу заключить с компанией как можно более выгодное соглашение, -- объявил он Анне. -- Я выхожу из дела, получая двенадцать миллионов и пост почетного председателя правления. Пока компания носит мое имя, я хочу быть уверенным, что она поддерживает свой класс. Думаю, что смогу все закончить к январю. Самое позднее -- в начале февраля. Это тебя устроит? Но, если хочешь, можем пожениться прямо сейчас...

Анна улыбнулась.

-- Раз уж мы столько ждали, сделаем это по всем правилам. Сразу же после свадьбы я хочу уехать куда-нибудь на медовый месяц.

-- Тогда пусть будет февраль! Это предел, который я себе установил. А потом -- свадьба и долгое свадебное путешествие. Мы объедем весь земной шар.

-- Правда, кругосветное? То есть не просто Лондон, Париж и Рим? Но и Восток, Индия, Греция, Испания?

-- Так я и думал. -- Он пристально посмотрел на нее. -- Я заметил, что ты помешалась на Испании. О'кей, обшарим всю Испанию сверху донизу, вдоль и поперек. Мы отыщем твою Нили -- обещаю тебе.

Мысль о Нили постоянно угнетала ее. После скандала на телевидении и дисквалификации Нили весь год тихо просидела у себя в Калифорнии. Затем под оглушительные раскаты рекламных фанфар она заключила контракт с крупнейшей студией страны на главную роль в цветном двухсерийном фильме. Худенькая, стройная, полная энергии, сверкающая белозубой улыбкой, она была в центре всеобщего внимания. Возвращение Нили О'Хара стало крупнейшим событием сезона. Однако спустя несколько недель после начала съемок в печать стали просачиваться привычные, хотя поначалу и робкие слухи: съемки задерживаются из-за Нили... у Нили боли в спине... у Нили ларингит...

Затем разорвалась бомба: все отснятое смыли, убытки оценивались в полмиллиона! Вновь на Нили повесили ярлык ненадежной и не умеющей работать актрисы. Ходили даже слухи, что у нее пропал голос.

Спустя несколько дней безо всякого предупреждения она явилась к Анне на квартиру. Денег у нее не было, но ее адвокаты вели переговоры о продаже дома, тогда денег у нее будет куча. Анна согласилась, чтобы Нили переехала к ней, хотя и весьма опасалась, что это нарушит ее привычный ритм. Работа на телевидении приучила ее к строго упорядоченному, организованному образу жизни. Определенные часы отводились на заучивание сценариев, другие -- на примерки, грим и на полный отдых, прежде чем предстать перед телекамерами.

Переезд Нили больше всего напоминал разрушительный тайфун: непрестанно звонил телефон, непрерывной чередой валили газетчики, требующие интервью, вокруг дома кишели толпы поклонников. Но Анна понимала, что она нужна Нили и что все это продлится считанные недели.

Недели, однако, растянулись в месяцы. В квартире царил беспорядок. Три служанки уволились одна за другой. Бродя по квартире в полубессознательном состоянии, Нили разбила лампу и сломала приставной столик.

Анна то и дело спускала в унитаз содержимое пузырьков -- "куколок", но у Нили, похоже, был поистине неиссякаемый запас и самые разнообразные тайники. Когда Нили выходила из наркотического забытья, она, зажав бутылку виски в руке, бродила по квартире с помутневшим взглядом, выкрикивая бессвязные проклятия в адрес Голливуда.

На ее переезде от Анны настоял Кевин. Он снял для нее люкс в отеле, там она могла жить сколько угодно в качестве его гостыи.

Когда поступили деньги за проданный дом, Нили таинственно исчезла из отеля.

Несколько недель спустя обнаружилось, что она находится в полицейском участке в Гринич-Виллидж по обвинению в нарушении общественного порядка. Основанием явились жалобы на ее шумные вечеринки. На газетных фотографиях ее было почти невозможно узнать -- растолстевшая, прыщавая, глаза красные, волосы спутанные.

Анна бросилась к ней.

Нили устроилась в респектабельном здании на Пятой авеню, но вскоре квартира стала выглядеть, как дешевая мебелирашка: повсюду валялись пустые бутылки из-под виски, почти вся мебель была поломана и покрыта пятнами от погашенных сигарет. Мятое постельное белье, похоже, никогда не менялось.

Пахло какой-то кислятиной.

-- Анна, ну можно, я опять с тобой буду жить, а?-- заплетающимся языком умоляла она.-- У меня куча денег. Ну не могу, не могу я одна. Потому и закатываю то и дело эти вечеринки. И вот, полюбуйся, что эти жлобы натворили -- а ведь когда я сняла ее, квартира была в превосходном состоянии. -- Она горестно огляделась вокруг.-- Хозяйка, у которой я ее снимаю, подаст на меня в суд за нанесение ущерба, так что мне надо поскорее смываться отсюда... куда угодно.

-- Нили, ты должна взять себя в руки. Я говорила с твоими поверенными. У тебя по-прежнему громкое имя -- ты могла бы сделать шоу на Бродвее.

-- Нет, на меня нельзя положиться, я ненадежная. Меня все боятся.

-- Не будут, если ты выправишься, если сделаешь шоу и докажешь, что на тебя можно положиться.

-- Я больше не могу петь, Анна. У меня все пропало. Главное, пропал голос.

-- Никто не смог бы петь, ведя такой образ жизни. И потом, тебе не следует курить, Нили. Ты куришь больше, чем я. Послушай, почему бы тебе не лечь в больницу на несколько дней... подлечиться немного.

-- Нет! Именно это предлагал доктор Гоулд, мой новый психиатр. Хочет, чтоб я уехала в Коннектикут в какую-то психушку. Стоит тысячу в месяц. Но я не психопатка, а просто несчастная женщина.

-- Конечно. Я имела в виду самую обычную больницу! Пусть отучат тебя от пилюль, упорядочат твою жизнь...

-- Нет. Можно, я буду жить с тобой? Я буду хорошая. Никаких пилюль. Клянусь!

Подобные клятвы Анна слышала и раньше, однако пообещала Нили подумать.

Выйдя от Нили, она позвонила ее врачу. Тот был глубоко озабочен. Он согласился, что несколько недель в больнице принесли бы пользу, однако это не снимало проблему -- Нили требовалась радикальная психотерапия.

В ту же ночь Нили исчезла. Возможно, она испугалась, что ее силой поместят в больницу. Никто ничего не знал. У нее было более ста тысяч долларов, но судя по тому, как она транжирила деньги, даже этой суммы ей хватило бы ненадолго. Она оказалась в Лондоне, и английская пресса приветствовала ее появление на Британских островах огромными шапками на первых полосах. Прием был самый восторженный: Нили посещала званые вечера и банкеты, купалась в лучах славы. Она должна была выступить в "Палладиуме", но в последнюю ми-

ниту отказала
пехе в Испани
сниматься в ф
но на экраны
о ней постепе
Письма Ан
Казалось, Р

Дженифе
помпы, и ее зв
-- Мне нуж
становилась в "
-- Сейчас пр
-- Нет, все
дает фирму. К
-- Мы ориен
-- Отлично.
-- О-о, раз
-- Приезжай

Дженифер
-- У меня п
времена, побо
-- Целый ве
Глаза у Дж
-- Ах, Анна
ницу на следу
прежнему в н
общем, то, что
Сорок! Это
ние. Дженифе
старой в ее со
сохла. А у Дж
жа. На вид ей

нута отказалась. Затем в газетах вдруг появились сообщения о ее успехе в Испании. Похоже было, она обосновалась именно там. Начала сниматься в фильме -- предварительные отзывы были прекрасными, но на экраны он так и не вышел, и спустя некоторое время сообщения о ней постепенно сошли с газетных страниц.

Письма Анны возвращались назад со штампом "Адресат выбыл".
Казалось, Нили исчезла навсегда.

Дженифер

1960

Дженифер прилетела в Нью-Йорк в конце ноября без какой-либо помпы, и ее звонок оказался для Анны полной неожиданностью.

-- Мне нужно тебя видеть, -- живо проговорила Дженифер. -- Я остановилась в "Шерри".

-- Сейчас приеду. Случилось что-нибудь?

-- Нет, все отлично, изумительно! Анна, я читала, что Кевин продает фирму. Когда будет свадьба?

-- Мы ориентируемся на пятнадцатое февраля.

-- Отлично. Возможно, у нас будет двойное торжество.

-- О-о, разумеется, мы... Что?! Джен, что ты сказала?

-- Приезжай, Я же говорю через коммутатор отеля, понимаешь?

Дженифер ожидала Анну с нетерпением.

-- У меня припасены сэндвичи и кока-кола. Посидим, как в былые времена, поболтаем. Время у тебя есть?

-- Целый вечер. Кто он, Джен? Говори, не томи!

Глаза у Дженифер сияли.

-- Ах, Анна, я такая счастливая! Меня даже не волнует, что в пятницу на следующей неделе мне исполнится сорок. Цикл у меня по-прежнему в норме, так что детей иметь я еще смогу, да и потом... ну, в общем, то, что мне сорок, значения теперь не имеет.

Сорок! Это слово прозвучало для Анны как неожиданное потрясение. Дженифер уже сорок! Анна вспомнила, что она считала Элен старой в ее сорок лет, а ее собственная мать в сорок два года вся высохла. А у Дженифер по-прежнему бесподобная фигура и упругая кожа. На вид ей лет двадцать пять.

-- Помнишь, как я присутствовала на собрании республиканской партии в Вашингтоне, прямо перед съездом?-- спросила Дженифер.

Анна рассмеялась.

-- Помню ли я? Кевин уверяет, будто это ты виновата, что к власти пришли демократы.

Дженифер широко улыбнулась.

-- Ну, это все делалось для рекламы киностудии. Мне хотелось чем-то отблагодарить их за то, что они помогли мне избавиться от контракта с Клодом. Это влетело им в кругленькую сумму, но они пошли на это, чтобы сделать меня счастливой.-- Ес всю передернуло.-- Ну и досталось же мне от этого деспота. Я была для него просто куском мяса, который можно выгодно продать. На студии ко мне, конечно, такое же отношение, но они, по крайней мере, более тактичны и обставляют все деликатнее. Даже делают вид, будто у меня есть талант,-- расхохоталась она.

-- Полно, Джен. В последней картине ты сыграла великолепно.

-- Мне тоже показалось, что неплохо. Это моя первая серьезная роль. Но эта картина не окупается.

-- Это ровным счетом ничего не значит. Даже с самыми крупными звездами фильмы сплошь и рядом постоянно оказываются убыточными. По данным опроса за прошлый месяц, твои фильмы занимают третье место по кассовым сборам.

Дженифер пожала плечами.

-- Послушай, если бы я не встретила его, я была бы сейчас в шоковом состоянии. На студии все в трансе из-за того, что картина не окупилась, и сейчас лихорадочно ищут лучших сценаристов для моей следующей картины... лучшего режиссера...-- Она пожала плечами.-- Но сейчас все это мне абсолютно безразлично. Сегодня утром я обнаружила под глазами две морщинки, но даже это меня ни чуточки не волнует.

-- Так кто же он?-- спросила Анна.

Дженифер отодвинула сэндвич, так и не притронувшись к нему.

-- Ты помнишь ту вечеринку с танцами в Вашингтоне? Он был там. Мы встречались с ним на всех приемах. Был всегда мил, но отнюдь не падал к моим ногам, как все остальные. Держался на расстоянии, был вежлив, но...

Анна начала выходить из себя.

-- Джен, не томи, кто он?

Дженифер прищурилась.

-- Уинстон Адамс.-- Она ждала ответной реакции.

Анна едва удержалась от громкого возгласа!

-- Ты имеешь в виду сенатора?

Дженифер кивнула.

-- Ты и... Уинстон Адамс!

Дженифер вскочила со стула, подпрыгнула и закружилась по комнате.

-- Да! Уинстон Адамс -- миллионер из имей он ни цента. Анна откинула влекательный, -- Но, Дженифер, большие надежды. Дженифер к -- Собирают -- Как у вас Взгляд Дже -- Ну, я уже сенаторов, со кие они хитр Адамса -- он о -- Молодец! твое внимание Дженифер о -- Он не рис пропагандистс ворить со мной домой. Думала ни. -- В душе он -- У нас нич В квартире все но его присутс отказавшись с ся невежливы беседовали. За время я, а он т интересовался -- Почему? Ведь он нежен Дженифер с -- Больше э дня смерти его срока не вполн -- Да, верн -- Только в сохраняется т как был бы у т оба были из б Но она относил встречался со

-- Да! Уинстон Адамс, сенатор. Его имя -- в Светском Календаре, миллионер из семьи потомственных миллионеров. Но, Анна, даже не имей он ни цента, мне это было бы все равно. Я люблю его.

Анна откинулась в кресле. Уинстон Адамс! Лет под пятьдесят, привлекательный, умен и невероятно популярен.

-- Но, Джен, я слышала, что республиканцы возлагают на него большие надежды и собираются предложить ему крупный политический пост...

Дженифер кивнула.

-- Собираются. А он хочет от всего этого отказаться ради меня.

-- Как у вас все произошло?

Взгляд Дженифер затуманился.

-- Ну, я уже говорила -- мы познакомились. Я знакома с десятками сенаторов, со всеми ними фотографировалась -- ты бы поразилась, какие они хитрые. Играют почище любого актера. Кроме Уинстона Адамса -- он отказался сфотографироваться со мной.

-- Молодец!-- заметила Анна.-- Это был хороший способ привлечь твоё внимание.

Дженифер отрицательно помотала головой.

-- Он не рисовался. В день моего отъезда, когда закончилась вся эта пропагандистская шумиха, он позвонил мне. Сказал, что хочет поговорить со мной, и пригласил поужинать. В тот вечер я пришла к нему домой. Думала, что будет большой званый ужин, но мы оказались одни.

-- В душе он, должно быть, демократ,-- улыбнулась Анна.

-- У нас ничего не было. Я имею в виду секс -- он даже не пытался. В квартире все время был слуга -- глаза он нам, правда, не мозолил, но его присутствие постоянно ощущалось. Уинстон объяснил мне, что, отказавшись сфотографироваться со мной, он вовсе не хотел показаться невежливым, а просто не любит ничего подобного. Потом мы долго беседовали. Задал мне массу вопросов, и вышло так, что говорила все время я, а он только слушал. В молодости он учился в Сорбонне и поинтересовался, сильно ли изменился Париж после войны.

-- Почему ты держала все это в такой тайне?-- спросила Анна.-- Ведь он неженат.

Дженифер счастливо улыбнулась.

-- Больше это не тайна. На прошлой неделе исполнилось два года со дня смерти его жены. Он считал, что объявлять обо всем раньше этого срока не вполне прилично.

-- Да, верно. Они были очень преданы друг другу.

-- Только внешне. Это был один из тех браков для приличия, когда сохраняется только видимость супружеских отношений. Такой же, как был бы у тебя, если бы ты всю жизнь прожила в Лоренсвилле. Они оба были из богатых чванливых семей. Тогда он думал, что любит ее. Но она относилась к фригидному типу женщин и ненавидела секс. Он встречался со мной два месяца и даже ни разу не попытался. Мы уез-

жали и встречались с ним в городах подальше отсюда -- в Канзас-Сити, в Чикаго... Я была в черном парике. Потом он приехал на неделю в Калифорнию, и там у нас было все! Анна, он изумительный! Он был поражен, когда увидел мою обнаженную грудь -- оказывается, он все это время считал, что я ношу лифчик с армированием: он ведь не видел ни одного моего французского фильма. Анна, это первый мужчина в моей жизни, который полюбил именно меня, а не мое тело. И он был так робок: сначала даже боялся прикоснуться к моей груди. Но я научила его, и теперь -- ой, здорово!

-- Он открыл перед собой мир секса, -- улыбнулась Анна.

-- Открыл? Он ведет себя так, словно сам изобрел его. Но, понимаешь, я не возражаю против этого, потому что с самого начала его влекло ко мне без всякого секса. И, Анна, он хочет детей. Его жена была плоскогрудой любительницей верховой езды из Мэриленда, детей у нее так и не было.

-- Но, Джен, ведь он уже немолод... и почему ты настолько уверена, что сможешь забеременеть?

-- Понимаешь, у меня было семь аборт. Мой организм постоянно готов к беременности, требует ее. А когда я сказала Уину, что хочу оставить кино и нарожать детей, он даже заплакал от счастья, по-настоящему заплакал, Анна. Он понял, что жизнь обделила его тем, что он больше всего хотел, -- лишила его детей и женщины, которую он смог бы полюбить. Вот почему он с головой ушел в свою политическую деятельность. Ему равным счетом наплевать на политическую карьеру. Он говорит, что республиканцы все равно не добьются победы на президентских выборах -- по крайней мере, в ближайшие восемь лет, -- и что его отзовут из сената уже за одно то, что он женится на кинозвезде. Просто он хочет того же, что и я, -- свой дом и детей.

-- Уинстон знает, сколько тебе лет на самом деле?

Дженифер счастливо кивнула.

-- Это привело его в неописуемый восторг. Разумеется, я не сказала ему о маленьких рубчиках у меня за ушами, чтобы не пугать его. Он склонен думать, что я родом из Шангри-Ла. Но он обрадовался, что мне не двадцать с чем-то. Думал, я сочту его слишком старым. А однажды, когда я гостила у него на ферме и постоянно ходила там с простыми косичками и без всякой косметики, он сказал, что я выгляжу потрясающе. Ах, Анна, все так замечательно. На следующей неделе я лечу в Калифорнию и произвожу там эффект разорвавшейся бомбы: следующую картину, так и быть, закончу -- уже сделаны натурные съемки, сшиты костюмы, но после этого -- все! Пусть хоть удавятся. Я подо всем подвожу черту.

Анна не скрывала любопытства.

-- Когда вы поженитесь?

-- С сегодняшнего вечера мы будем открыто появляться вместе. Сначала идем в театр, потом на званый ужин в "Двадцать первый", с сенатором Белсоном и его женой. Вероятно, попадем во все завтраш-

ние газеты, и Уин скромно признается, что мы помолвлены.

Анна улыбнулась.

-- Я, наверное, увижу вас сегодня. Мы тоже идем в "Двадцать первый". Это будет поздний обед, так что мы, вероятно, будем еще там, когда вы приедете. У нас ничего интересного не будет -- так, один из этих скучных обедов с некоторыми из покупателей компании Кевина.

Дженифер порывисто сжала руку Анны.

-- Ах, подружка, ну разве это не замечательно! Мы обе прорвались на самый верх, у каждой из нас есть все -- успех, уверенность в будущем, человек, которого любишь и уважаешь.

Анна улыбнулась, однако чувствовала, как на нее наваливается становящаяся уже привычной тяжесть.

В тот же вечер она видела их в "Двадцать первом". Дженифер вся сияла от счастья, и Анне пришлось признать, что сенатор Адамс -- действительно импозантный мужчина. Высокий, с коротко постриженными волосами седовато-стального цвета, с плоским животом, что говорило о ежедневных тренировках в спортивном зале.

Дженифер подошла к их столику. Они представили своих спутников, после чего сенатор всячески старался сделать Анне как можно больше приятного.

-- У меня такое ощущение, что я давно вас знаю, -- сказал он ей. -- Так часто вижу вас по телевидению, да и Дженифер постоянно о вас говорит.

Весь вечер Анна внимательно наблюдала за Дженифер. Та не сводила глаз с сенатора. Они у нее лучились нежностью, это были глаза влюбленной женщины. Анна даже позавидовала Дженифер. Она посмотрела на Кевина. Слава богу, что он выздоровел. Такой хороший и добрый. Боже, ну почему, почему она не испытывает к нему ни малейшего чувства? Если бы оно у нее было, она давным-давно вышла бы за него. Вспомнить только, как она обхаживала Лайона, даже предлагала ему жить на ее деньги. Но к Лайону ее привязанность нечто большее, чем просто секс, ей хотелось быть рядом с ним каждую минуту, жить его мыслями... "Боже мой, ну что я делаю, зачем извожу себя, -- думала она. -- Никакого Лайона больше нет. Как говорит Генри, я влюблена в созданный мною же образ..."

На следующий день все газеты сообщили о Дженифер на первых полосах. А сенатор Уинстон Адамс признался, что они поженятся в начале 1961 года. Подхваченная водоворотом иступленной радости и волнения, пронизывающих все ее существо, в сопровождении несущихся за нею вдогонку газетных заголовков, она вернулась на Западное побережье сниматься в своей последней картине.

Дженифер вернулась в Нью-Йорк в начале января. Сенатор Адамс на несколько дней задерживался в Вашингтоне, и Анна ходила с Дженифер по магазинам, где та придирчиво выбирала приданное.

-- Все должно быть особенное,-- утверждала она.-- Яркое, броское, но вместе с тем и приглушенное. Ты должна помочь мне, Анна.

Они были в примерочной "Бергдорфа", когда Дженифер вдруг неожиданно привалилась к стене.

-- Анна, у тебя есть с собой анальгин?

Лицо ее стало мертвенно бледным, зрачки расширились. Продавщица бросилась за анальгином. Дженифер опустилась на стул.

-- Ну что ты так испугалась, Анна?-- Она вымученно улыбнулась.

-- Это всего лишь месячные. Пришли раньше срока: от всех этих волнений, наверное.

Анна успокоилась.

-- Ты меня до смерти перепугала.

Дженифер закурила сигарету.

-- Сейчас отпустило. Но боль такая, словно все кости ломают. Вероятно, нечто подобное испытываешь при родах. Если это так, то надо будет подыскать хорошего анестезиолога, когда настанет время рожать.

Вернулась продавщица с анальгином, следом вбежала обеспокоенная заведующая секцией.

-- И у меня все время так,-- сказала она.-- Прямо хоть на стенку лезь. Слава богу, что это случается раз в месяц.

-- Вам везет,-- ответила ей Дженифер.-- А у меня в последнее время они проходят каждые две-три недели.

Женщина покачала головой.

-- У моей подруги меняется цикл. Месяцами ничего нет, и она до того переживает, что даже слегла свихнулась на этой почве.

Дженифер выбрала себе три платья. Заведующая поблагодарила ее, попросила автограф для племянницы и пожелала ей всего доброго.

Некоторое время спустя, когда они сидели в кафе и пили кока-колу, Анна как бы мимоходом спросила:

-- Кстати, Джен, когда ты проверялась последний раз?

Дженифер задумалась.

-- Так, подожди, последний аборт у меня был в Швеции -- там они разрешены,-- значит, четыре года назад. Доктор сказал, что здоровье у меня отменное.

-- Знаешь, тебе не мешает сходить провериться. У меня замечательный врач.

Дженифер кивнула.

-- Может быть, и схожу.

Заполняя
но. Осмотр
письменного
-- Давно
-- Нескол
дело тормоз
следующей
что у меня в
доть.

Он кивну
-- Сенатор
-- Нет, в
-- Тогда,
-- Сегодн

У меня что-
-- Вовсе н

ходить заму
щей менстр
матке, это в
втра мы сде
будут идти
свадьбы буд

Встревож
утаил от Дж
нифер собра

Анна сид
верх. Она б
хочется реб
их близость
бенка Тони.

Доктор Г
ла что-то не

-- Сейчас
-- Что у
нее не прост

-- У нее с
гинекологич
ную деятель
лотнение ра

Анна ощу
-- Но вед
ду, что это

-- Я уда
всем неза
образовани
на операци

Заполняя карту, доктор Галенс держался спокойно и непринужденно. Осмотр закончился, Дженифер уже оделась и теперь сидела у его письменного стола.

-- Давно это у вас?-- спросил он.

-- Несколько месяцев. Я бы и не думала об этом, но Анна меня то и дело тормозит. Кроме того, менструация длится по десять дней. На следующей неделе я выхожу замуж и просто хотела быть уверенной, что у меня все в порядке. Ведь я намерена сразу же забеременеть и родить.

Он кивнул.

-- Сенатор сейчас в Нью-Йорке?

-- Нет, в Вашингтоне, и приедет на следующей неделе.

-- Тогда, возможно, вы ляжете в больницу сегодня?

--- Сегодня?-- Дженифер раздавила в пепельнице свою сигарету.-- У меня что-то серьезное?

-- Вовсе нет. Если бы на следующей неделе вы не планировали выходить замуж, я бы предложил вам подождать наступления следующей менструации и понаблюдать ее прохождение. У вас полипы в матке, это встречается довольно часто. Вы ляжете к нам сегодня, завтра мы сделаем чистку, а послезавтра вас выпишут. Несколько дней будут идти выделения, но если вы ляжете к нам сейчас, то ко дню свадьбы будете в полном порядке.

Встревоженная Анна связалась с доктором Галенсом. Тот ничего не утаил от Дженифер. Самое заурядное заболевание. Она помогла Дженифер собрать сумку и проводила ее в больницу.

Анна сидела в пустом приемном покое, Дженифер уже увели наверх. Она была рада, что у Дженифер ничего серьезного -- ведь ей так хочется ребенка. И она заслужила его. Интересно... несмотря на всю их близость, Джен так и не рассказала, почему она избавилась от ребенка Тони.

Доктор Галенс спустился к ней через час. Анна сразу почувствовала что-то неладное.

-- Сейчас она спит под наркозом,-- сказал он.

-- Что у нее?-- спросила Анна.-- Я чувствую, тут что-то не так. У нее не просто полипы?

-- У нее оказались именно полипы, как я и думал. С точки зрения гинекологии, у нее все нормально,-- сказал он.-- Но, проверяя сердечную деятельность, анестезиолог обнаружил у нее в одной груди уплотнение размером с грецкий орех. Она, должно быть, знала об этом.

Анна ощутила во всем теле внезапную слабость.

-- Но ведь очень часто уплотнение ничего не значит. Я имею в виду, что это может быть просто киста и ничего больше, правда?

-- Я удалил это уплотнение -- надрез крохотный, шрам будет совсем незаметен -- и сразу же отправил ткань на биопсию. Анна, это образование оказалось злокачественным. Завтра же ее нужно класть на операцию и удалять грудь.

Анна похолодела от ужаса. О боже! Ну почему именно Дженифер? И почему именно сейчас? Она почувствовала, как по щекам ручьем потекли слезы.

-- Скажите сами,-- прорыдала она.-- Я не смогу.

Дженифер медленно открыла глаза, пытаясь отогнать сон. Все позади. Она улыбнулась медсестре, которая неясным белым пятном маячила рядом.

-- Все в порядке?

-- Вот доктор Галенс,-- приветливо сказала сестра.

Он осторожно пощупал ей лоб.

-- Пришли в себя?

-- Ммммм... скажите, доктор, у меня действительно были полипы, как вы и думали, да?

-- Да, по этой линии у вас теперь все в порядке, Дженифер, но почему вы не сказали мне, что у вас в груди было уплотнение?

Она инстинктивно коснулась груди -- пальцы наткнулись на повязку.

-- Я удалил его. Давно оно у вас?

-- Не-е зна-аю...-- У нее опять закружилась голова...-- Может, с год... может, больше.

-- Спите. Поговорим об этом потом.

Несмотря на сонную одурь от наркоза, ее пронзило острое чувство страха. Протянув руку, она схватила его за рукав.

-- О чем "поговорим потом"?

-- Боюсь, завтра мне придется опять привезти вас сюда... и удалить кое-что еще.

-- Удалить? Что именно?

-- Нам придется произвести мастэктомию. Ее выполнит доктор Ричардс, один из наших лучших грудных хирургов.

-- "Маст...", как вы сказали?

-- Мы вынуждены удалить вам грудь, Дженифер. Это уплотнение оказалось злокачественным.

Она попыталась сесть в кровати.

-- Нет! Ни за что! О боже мой, нет!-- Голова у нее закружилась, она упала на подушки. Что-то кольнуло ее в руку, и она забылась в беспокойном, тревожном сне. Спустя некоторое время она проснулась и умоляюще схватила за руку медсестру.

-- Это был сон, правда? Мне это просто приснилось от лекарства, да? Что он говорил про мою грудь? Скажите мне...

-- Ну, ну... успокойтесь,-- мягко проговорила сестра.

Она увидела сочувственное выражение на лице женщины. Значит, это был не сон. Боже, значит, это правда!

Анна ворвалась в кабинет к Кевину и, рыдая, рассказала ему все. Спокойно выслушав ее, он спросил:

-- Скзз
Анна нег
-- Обна
говорила?
-- Все по
не конец с
стливо посл
жить опухо
Она благ
дест ситуац
нил доктор
что прогноз
Опухоль не
груди весьм
обще превос
ления груди
Успокоен
цу. Джениф
тичной. Вы
ей пальцы.
-- Доктор
вылетает сю
-- Он сооб
Дженифе
-- Я не ве
лать это сам
нас, пожалу
-- Не дава
сов,-- сказа
рила сестра?
-- Нет, ве
что круглосу
-- оставьте н
Она просл
крылась двер
-- Что ты д
-- Убегаю
Анна схва
-- Джениф
-- Послуш
хочет Уин то
-- Ты же с
рестань, это
Но Джени
-- Я убега
нимать грудь

-- Сказал ли доктор Галенс, что прогноз обнадеживающий?

Анна непонимающе посмотрела на него.

-- Обнадеживающий? Ты что, не понял ни слова из того, что я тебе говорила?

-- Все понял, ей придется лишиться груди. Это ужасно, но это еще не конец света. Анна, ты знаешь, сколько женщин живут долго и счастливо после успешного удаления груди? Главное -- вовремя обнаружить опухоль.

Она благодарно посмотрела на него. В этом весь Кевин: всегда владеет ситуацией, во всем находит положительную сторону. Он позвонил доктору Галенсу. Тот ответил, что есть все основания полагать, что прогноз будет благоприятный. Доктор Ричардс того же мнения. Опухоль небольшая, а процент благоприятных исходов при удалении груди весьма высок. Если отсутствуют метастазы, то прогноз будет вообще превосходным, но определить это можно будет лишь после удаления груди и обследования лимфатических узлов.

Успокоенная деловой реакцией Кевина, Анна вернулась в больницу. Дженифер уже полностью проснулась, но была замкнутой и апатичной. Вынув из-под одеяла руку, она схватила Анну, сильно сжав ей пальцы.

-- Доктор Галенс вызвал Уина, -- прошептала она. -- Он немедленно вылетает сюда.

-- Он сообщил ему? -- спросила Анна.

Дженифер покачала головой.

-- Я не велела говорить ему ни слова. Я чувствую, что должна сделать это сама. -- Она слабо улыбнулась сестре. -- Мне хорошо. Оставьте нас, пожалуйста, наедине с подругой.

-- Не давайте ей ничего пить в течение, по крайней мере, двух часов, -- сказала та. -- Желаете, чтобы сегодня вечером около вас дежурила сестра?

-- Нет, ведь операция еще завтра, а доктор Галенс распорядился, что круглосуточное дежурство будет только после. Сейчас мне хорошо -- оставьте нас, пожалуйста, вдвоем.

Она проследила, как сестра выходит из палаты, и едва за той закрылась дверь, спрыгнула с кровати.

-- Что ты делаешь? -- встревожилась Анна.

-- Убегаю отсюда. Прямо сейчас!

Анна схватила ее за руку.

-- Дженифер, ты с ума сошла.

-- Послушай, им не удастся обезобразить мою фигуру. Ну разве захочет Уин тогда подойти ко мне?

-- Ты же сама говорила, что он полюбил тебя, а не твою грудь. Перестань, это просто смешно.

Но Дженифер уже стояла у шкафа, доставая свою одежду.

-- Я убегаю отсюда. Дам себе шанс. Он удалил мне опухоль, но отнимать грудь я ему не дам!

-- Дженифер, только таким путем можно удостовериться наверняка. Опухоль могла перекинуться на другую грудь.

-- Мне все равно. Плохо уже то, что я не смогу родить Уину детей, но я ни за что не предстану перед ним с изуродованной фигурой.

-- Если ты уйдешь, это будет настоящее самоубийство. Подумай, разве это честно по отношению к Уину? Выйти за него замуж, а через год заставить его снова переживать такое: ведь его первая жена была тяжело больна. И какое отношение это заболевание имеет к рождению ребенка? Ты все равно сможешь иметь детей.

-- Но мне нельзя беременеть, так сказал доктор Галенс. Беременность может спровоцировать развитие злокачественной опухоли в яичниках. Существует какая-то связь между молочной железой и яичниками. И вообще он сказал, что после операции лучше подвергнуть мои яичники рентгеновскому облучению, чтобы полностью их стерилизовать! Что я тогда смогу предложить Уину? Ни детей... одно только обезображенное тело...

-- Ты отдаешь ему себя! Это все, чего он действительно хочет. Послушай, ты же говорила, что тебе надоело жить только ради своего тела и фигуры. Вот и докажи это. А если хочешь детей, можешь кого-нибудь усыновить.

Дженифер медленно легла на кровать.

Анна продолжала убеждать ее:

-- Никто ничего не будет знать -- только ты и Уин. Он будет любить тебя и не станет упрекать за отсутствие детей. Я просто уверена в этом. А если вы усыновите ребенка, он будет для вас все равно, что ваш собственный. Операция же не представит собой ничего серьезного. Честно, Джен, ведь придумали столько всяких обезболивающих средств. А сколько замечательных бюстгалтеров, можно использовать накладной бюст. Джен, это не конец света.

-- Знаешь, это смешно. Всю мою жизнь слово "рак" означало смерть, что-то настолько ужасное, что я вся сжималась от страха. И вот сейчас он у меня самой. А смешное заключается в том, что я ни-сколечко не боюсь рака самого по себе, даже если мне будет вынесен смертный приговор. Дело лишь в том, что он может повредить моей с Уином совместной жизни -- я не смогу подарить ему детей. К тому же -- изуродованная фигура...

-- Это будет незаметно, Джен. Люди попадают в автомобильные катастрофы, их страшно калечит. Некоторые женщины плоскогруды от природы, и ничего -- обходятся. Ведь ты же сама постоянно твердила, что не желаешь жить ради своего тела. Соберись с силами, наберись мужества, поверь в себя и начни доказывать это. И начни верить в Уина.

Дженифер слабо улыбнулась.

-- О'кей, тогда я лучше сниму эту больничную рубашку, а ты принеси мне всю мою косметику. Хочу выглядеть как можно лучше, когда придет Уин.-- Она села в кровати и принялась расчесывать воло-

сы. Облачившись в прозрачную ночную рубашку, она внимательно посмотрела на слегка забинтованную грудь.-- Прощай, малышка,-- сказала она.-- Ты еще не знаешь этого, но больше тебя со мной не будет.

Кевин поехал в больницу вместе с Анной, в семь часов туда приехал Уинстон Адамс. Анна заранее установила освещение. Во всех мельчайших деталях Дженифер выглядела как настоящая кинозвезда, она была почти радостной. Поздоровавшись с сенатором, Кевин и Анна удалились.

Как только они ушли, Уинстон бросился к кровати и обнял Дженифер.

-- Бог мой, я чуть не умер от страха. Врач так странно говорил по телефону... сказал, что тебе необходима операция, намекал, что свадьбу, наверное, придется отложить. И вот ты передо мной... такая красивая... Что это за операция, дорогая?

Дженифер пристально посмотрела на него.

-- Очень серьезная, Уин. Останутся шрамы, и я не смогу иметь детей... и еще я буду...

-- Молчи... ни слова больше.-- Он с обожанием смотрел на нее.-- Можно, я тебе что-то скажу? Я носился с этим только ради тебя. С детьми, имею в виду. В моем возрасте это уже не имеет особого значения. Мне казалось, что тебе этого сильно хотелось, и я делал вид, будто для меня это тоже существенно. Мне нужна только ты, неужели тебе непонятно?..

Она еще крепче прижалась к нему.

-- Ах, Уин!-- Слезы облегчения заструились по ее щекам. Он погладил ее по голове.

-- Ведь ты же не боялась, что потеряешь меня? О, моя красавица, ты никогда меня не потеряешь. Неужели ты не понимаешь, что я только и начал жить благодаря тебе?-- Он поцеловал ее груди сквозь прозрачную ткань.-- Ты -- это все, чего я хочу... не детей, а т е б я... ты -- единственная женщина, которая что-то разбудила во мне. Бог мой, Дженифер, до того, как я узнал тебя, я думал, во мне чего-то не хватает. Винил во всем Элеонору. Бедная Элеонора, она была тут со всем. Вершено ни при чем. Она ничего не вызывала во мне, а я, вероятно, тоже оставлял ее холодной. Но с тобой... Вначале, когда мы познакомились, я отворачивался от тебя, помнишь?

Она кивнула и погладила его голову, покоящуюся у нее на груди. Он поцеловал ее в шею.

-- Но ты изменила меня, заставила понять, что я не тебя избегал, а просто боялся и бежал от себя самого. И едва ты вошла в мою квартиру, я уже знал, что у нас с тобой все будет по-другому. Дженифер, ты научила меня любить. Я никогда не смог бы теперь отказаться от этого.-- Он начал ласкать ее груди.-- Вот мои дети,-- с нежностью произнес он.-- Единственные дети, которых я хочу. Прижиматься лицом к

этому совершенству каждую ночь...-- Он осекся, задев пальцем бинт.-- Что такое? Что они сделали с одной из моих крошек?

Улыбка на ее лице застыла, словно приклеенная.

-- Так, ничего... Была небольшая киста...

-- Но ведь шрама не останется!-- Он пришел в неопределимый ужас.

-- Нет, Уинстон, мне ее извлекли с помощью иглы. Никакого шрама не будет.

-- Это самое главное. Пусть удаляют даже яичники -- мне совершенно безразлично. Это не ты -- я ведь никогда не видел их. Лишь бы не трогали моих крошек...-- Он опять начал ласкать ее груди.-- И почему этот доктор говорил по телефону таким мрачным голосом? Не стал мне ничего объяснять, велел только быстрее приезжать.

-- Он... он знал, что я хочу детей... и...

-- Почему же он просто не сказал, что тебе необходимо удалить матку?-- Он покачал головой.-- Эти доктора, вечно они перестраховываются и сгущают краски. Но я рад, что приехал. Уеду и буду представлять, как держу тебя в своих объятиях.-- Он прижал ее к себе.-- Хочу сохранить это воспоминание. Я не смогу вернуться раньше пятницы.-- Он написал номер телефона.-- Скажи Анне, чтобы позвонила мне сразу же после операции.

Он остановился в дверях и посмотрел на нее так пристально, словно видел впервые.

-- Я люблю тебя, Дженифер... только тебя -- ты ведь веришь мне, правда?

Она улыбнулась.

-- Да, Уин, я знаю...

И долго еще после его ухода эта застывшая улыбка не сходила с ее лица.

В полночь к ней зашел доктор Галенс.

-- Мы начнем в восемь утра,-- ободряюще сказал он.-- И, Дженифер... все будет в порядке.

Она улыбнулась.

-- Конечно, все будет в порядке.

В три часа ночи Дженифер соскользнула с кровати и тихо приоткрыла дверь. Больничный коридор был едва освещен, но она разглядела медсестру около лифта. Она прикрыла дверь и быстро оделась. Слава богу, что она пришла сюда в брюках и теплом пальто, чтобы сбить с толку фоторепортеров. Она взяла косынку и повязала голову. Затем на цыпочках вышла в коридор, прокралась по стене и спряталась в нише, где стоял титан. Дежурная сестра сидела за столом и что-то записывала в тетрадь. Пройти к лифту, минуя ее, было невозможно. Оставалось стоять в нише и надеяться, что рано или поздно сестра покинет свой пост. Приходилось только молиться, чтобы никто не обнаружил, где она прячется.

Большие часы на стене громко тикали, а сестра все писала и писала

что-то в свою тетрадь. По шее Дженифер заструился пот. Она ощутила, как ее овевают потоки тепла, словно она стоит у печки. Черт, это батарея отопления. Внезапно раздался звонок. О слава богу, звонит какой-то пациент! Но сестра продолжала писать. Оглохла она, что ли? Звонок опять зазвенел, на этот раз более настойчиво.

"Ну, иди же, иди!" -- безмолвно кричала Дженифер.

Словно в ответ на ее молчаливую мольбу звонок зазвенел опять и теперь звенел не умолкая. Сестра поднялась, словно в летаргическом сне, посмотрела на номер палаты, обозначенный загоревшимся глазком, и пошла по коридору. Проследив, как та зашла в палату, Дженифер быстро побежала к лифту.

"Нет, пройдет слишком много времени, пока он подойдет, да и шуметь будет. Лестница..."

Она сбежала вниз на восемь пролетов. Добежав до вестибюля, она еле отдышалась. Осторожно огляделась по сторонам -- никто не обращал на нее ни малейшего внимания. Лифтер курил, разговаривая с регистратором. Выбежав на улицу, она прошла несколько кварталов пешком, прежде чем остановила такси. К себе в отель она добралась в четыре часа утра.

Обнаружив на следующее утро, что палата пуста, сестра немедленно сообщила об этом доктору Галенсу, и тот сразу же позвонил Дженифер в отель. Ее номер не отвечал, и он настоял, чтобы помощник управляющего распорядился взломать дверь.

Она лежала на кровати в самом красивом своем платье и в полном сценическом гриме, зажав в руке пустой пузырек из-под снотворного.

На столе лежали две записки. В той, что была адресована Анне, говорилось: "Анна! Ни один бальзамировщик не смог бы наложить мне грим так, как это умею я сама. Слава богу, что у меня есть "куколки". Извини, что не смогу быть на твоей свадьбе. Я люблю тебя.

Джен".

В записке Уинстону Адамсу было написано:

"Дорогой Уин! Я была вынуждена уйти, чтобы спасти твоих крошек. Спасибо тебе за то, что все почти сбылось.

Дженифер".

Сенатор Адамс никак не объяснил содержание записки. Когда его обступили репортеры, он скупое произнес:

-- Никаких комментариев.

Анна тоже не раскрыла рта. Доктор Галенс наотрез отказался обсуждать заболевание Дженифер. За день до смерти она перенесла несущественную операцию, ничего больше он добавить не может.

Похороны были сплошным кошмаром. Обезумевшие толпы загрозили площадь перед церковью, движение на Пятой авеню было заблокировано. Для наведения порядка и восстановления движения вызвали конную полицию. В газетах публиковалась биография Дженифер, на первых полосах помещалась фотография Анны.

В довершение всей этой лихорадочной сумятицы приехала мать Дженифер; она рассказывала каждому мало-мальски заинтересованному репортеру историю о Золушке, принималась рыдать по всякому поводу и требовала составить опись всей одежды, мехов и драгоценностей Дженифер.

Анна могла бы заняться матерью Дженифер, но появление Клода Шардо вызвало новые осложнения. Он предъявил ее завещание и, пока Генри Боллами лихорадочно искал более позднее завещание, успел объявить себя законным наследником.

Наконец как кульминация всего этого кошмара явилась Нили О'Хара.

Она была вне себя от отчаяния, что не успела на похороны. Перед этим она находилась в Испании. Она стала жить у Анны, сразу же переключив все внимание прессы на себя. Газеты оставили Дженифер и перешли на Нили, которая сделалась болезненно худой и очаровательной. Она горела желанием приступить к работе, но, разумеется, лишь после того, как придет в себя от этого ужасного события с Дженифер.

Каким-то непостижимым образом все это время Анне удавалось не сходить с телеэкрана. Теперь она записывала рекламные программы, и новые владельцы компании умоляли ее продолжать участвовать в передачах, суля небывалые гонорары. То, что она оказалась замешана в трагической истории Дженифер, способствовало росту ее собственной популярности. Свадьбу они с Кевином перенесли на апрель.

Прошло три недели, прежде чем ажиотаж в прессе понемногу утих. Затем, после двух дней молчания, двух дней, в течение которых имя Дженифер не упоминалось в прессе, газеты взорвались новыми шапками. Сенатор Уинстон Адамс ушел с политического небосклона. Он перенес сильное нервное потрясение и намеревался целый год посвятить путешествиям.

Самоубийство Дженифер стало обрастать новыми досужими домыслами.

Доктор Галенс был встревожен. Да, он в конце концов раскрыл сенатору характер заболевания Дженифер: как жених покойной тот имел право знать правду. Но она предназначалась для сенатора, а не для прессы.

Записав несколько рекламных передач, Анна сбежала с Кевином в Палм-Бич. Для нее это была одна из самых прекрасных недель за несколько последних лет. К тому же это дало ей возможность избежать истерии, связанной с первым появлением Нили на телеэкране. Новый поверенный Нили заключил для нее как для зарубежной звезды контракт на участие в эстрадном шоу с ведущими американскими исполнителями за умопомрачительный гонорар. Передача шла не в прямом эфире, а в записи, так Нили чувствовала себя уверенней.

Анна смотрела это шоу по телевизору в Палм-Бич. Нили была неподражаема. Великолепно было все -- голос звучал идеально, вся она

излучала как
уже не ребен
ее манере ис
ночь желани
Это казалось
Опять разд
риса", "живая
на Олимп. Он
Нили вновь

Нили небр
-- Куплю там
почти все свое б
оставить у тебя
-- Я, вероятно
отправляюсь в к
димо, сдам кому
-- Ладно, тогд
все разбросано п
всем без гроша о
-- Они все пер
поддельным -- Г
будет получать
мов, снятых в т
тальное переход
И на экран снов
ших денег у Дже
Нили пожалала
-- Знаешь, для
очень хорошо. П
-- Я уже говор
-- Так вот, я в

излучала какое-то сияние, глаза горели, словно уголья. Нили была уже не ребенок, но озорная шаловливость по-прежнему сохранялась в ее манере исполнения. Дрожащие губы, нервический смех, девчачье желание угодить -- все это было видно невооруженным глазом. Это казалось невероятным, но она выглядела лучше, чем когда-либо.

Опять раздавались громогласные характеристики: "гениальная актриса", "живая легенда". Это было яркое, ошеломляющее возвращение на Олимп. Она подписала контракт на картину в Голливуде.

Нили вновь была на вершине славы.

Н и л и

1961

Нили небрежно бросала вещи в сумку.

-- Куплю там новую одежду,-- сказала она Анне.-- Ну ее! Я вообще почти все свое барахло оставила в Испании, так могу же я хоть что-то оставить у тебя?

-- Я, вероятно, выйду замуж до твоего возвращения, Нили, а потом отправлюсь в кругосветное путешествие. Квартиру на это время, видимо, сдам кому-нибудь.

-- Ладно, тогда я все это забираю. Я, как цыганка, ничего при себе, все разбросано по разным местам. Ну, хорошо, раз так. А то бы я совсем без гроша осталась. Да, а что стало с деньгами Дженифер?

-- Они все перешли к ее матери. То парижское завещание оказалось поддельным -- Генри обнаружил в нем какие-то несоответствия. Клод будет получать пятьдесят процентов за повторный показ всех фильмов, снятых в то время, когда у нее был с ним контракт. Но все остальное переходит к ее матери. В основном, это драгоценности и меха. И на экран снова выпускаются ее фильмы. Но по-настоящему больших денег у Дженифер не оказалось.

Нили пожала плечами.

-- Знаешь, для актрисы, совершенно лишенной таланта, она жила очень хорошо. Почему, ты думаешь, она сделала это? Я имею в виду самоубийство.

-- Я уже говорила тебе, Нили, что не знаю.

-- Так вот, я все вычислила. По-моему, ничего серьезного у нее не

было. Слухи, конечно, ходят разные: одни думают, что у нее был туберкулез, и до меня даже дошло совершенно невероятное предположение, что у нее был неизлечимый рак. А я считаю, что она потому отравилась лекарством, что начала терять свою привлекательность.

-- Но это же смешно! Дженифер была красивее, чем когда-либо.

-- Но ведь ее последняя картина провалилась. Ну да, конечно, новая картина теперь принесет доход, раз такая реклама, но я слышала, и она тоже не бог весть что. Нет, она сходила со сцены, это точно.

-- Нили, она вообще хотела уйти из кино, собиралась выйти замуж.

-- Ну да, читала я в Испании всю эту чепуху, как она вдруг нашла настоящую любовь и все такое. Но, послушай, ведь этот сенатор вовсе не Рон Хадсон. Помню, в свое время Джен порядком надоело сиднем сидеть дома, хоть она и считалась женой Тони, а ведь тот был молодой и шикарный. Нет-нет, по-моему, она просто не могла свыкнуться с этой мыслью. Становилась старше, внешность ее вот-вот должна была поблекнуть, и она не смогла смириться с тем, что он всего-навсего сенатор. Вот и выпила пузырек снотворного. Ну, а мне волноваться нечего. У меня есть талант, а толстая я или худая -- значения не имеет. Возьми Элен Лоусон. На меня она разумеется, не похожа, на сцене держалась заученно, а сейчас, когда голос у нее пропал, отправляется в Калифорнию играть какую-то роль в телесериале. Но и с таким голосом она все равно возьмет свое, потому что у нее есть талант.

-- Элен возьмет свое потому, что не способна испытывать глубоких чувств, -- медленно проговорила Анна. -- Любое ее несчастье по своим размерам равняется несчастью ребенка. Стоит появиться новой игрушке -- и оно проходит. Но голос -- даже твой, Нили, -- надо беречь.

-- Нет, мой голос идет у меня изнутри, от того, как я чувствую исполняемую вещь. И я поняла кое-что в жизни: мужчина тебя оставит, лицо твое постареет, твои дети вырастут и станут взрослыми, а все, что ты считала грандиозным и величественным, окажется мелким, ничего не значащим, ненужным и никчемным. Единственное, на что ты можешь рассчитывать -- это на саму себя и свой талант.

Три недели спустя Нили вернулась. Она была на грани срыва.

-- Анна, на третий день записи у меня пропал голос. Я не могу петь!

Анна пыталась успокоить ее.

-- Есть прекрасные специалисты по заболеваниям горла... Такое часто бывает с певцами.

-- Нет, мне конец, -- завывала Нили. -- Меня уже осматривали всякие доктора. У меня нет даже узелкового утолщения. Говорят, что это нервы, но дело не в том. Это меня бог наказал за то, что я так говорила о Дженифер. А отснятую пленку пришлось смыть. Ну и хорошо, что мне конец, -- здесь они меня не найдут.

-- Бог так не поступает, -- утешила ее Анна. -- Если тебя кто и наказывает, так это ты сама.

-- Ну да, конечно, именно так мне и сказал мой последний психи-

атр: будто бы у меня склонность к саморазрушению и самоубийству, будто я всегда сама наказываю себя за некую вымышленную вину. Дерьмо все это! Я всегда и все делала правильно.

Нили нашла себе нового психиатра. Отзывы о докторе Мэссинджере были самые великолепные. Анна настояла, чтобы Нили жила у нее. Она была уверена, что интенсивный курс лечения и ее дружеская поддержка помогут Нили преодолеть душевный кризис. Подобные срывы бывали у нее и раньше.

И Нили тоже старалась. Старалась быть аккуратной и не создавала в квартире беспорядка. Но спать она не могла. Она уходила куда-то с музыкантами, поздно возвращалась домой и до рассвета сидела в гостиной, в огромных количествах глотая секонал и слушая свои старые пластинки.

Однажды утром Анна проснулась и обнаружила в гостиной Нили, свернувшуюся калачиком, по лицу ее ручьем текли слезы.

-- Мне пришел конец, Анна. Я пыталась петь под свои пластинки, и у меня ничего не выходит.

-- Но ведь доктор Мэссинджер говорит, что это от нервов. Голос к тебе вернется, Нили.

-- Он сказал, что нервы -- это от Голливуда. Вот почему я попыталась сегодня спеть одна, без кинокамер и Голливуда. Анна, у меня свело горло, я не могу петь.

-- Но ведь прошло всего несколько недель, Нили. Для этого нужно время.

Нили встала.

-- Может быть.-- Она побрела в ванную комнату и проглотила несколько капсул.-- У тебя есть виски, Анна? Это лекарство без него не действует.

Анна протянула ей бутылку. Был один из тех дней, когда Нили отключалась с помощью лекарств. Было воскресенье, которое Анна намеревалась провести дома. Она уже пригласила Кевина к обеду и хотела приготовить свое фирменное блюдо -- мясо крабов, запеченное в горшочках. И вот теперь Нили проспит здесь весь день.

Она позвонила Кевину и договорилась, что день они проведут у него, а обедать отправятся в ресторан с немецкой кухней.

Нили услышала, как за Анной закрылась дверь. Она не спала, ей всегда было легче прикинуться спящей. Анна так нервничает, когда она пьет и принимает пилюли -- все боится, что она подожжет сама себя или натворит еще что-нибудь. Нили села в кровати и налила себе изрядную порцию неразбавленного виски. Закурила сигарету. Боже, эта у нее последняя. И уж наверняка все остальные Анна припрятала, просто от греха подальше. Ну да ладно, она скоро уснет.

Она опять налила виски в бокал, но вдруг поняла, что пьет слишком быстро. Лучше пить понемногу и принять еще несколько капсул. Она запустила руку под подушку -- там у нее были припрятаны три красные "куколки". Проглотив их, она медленно допила виски. Нако-

нец-то пилюли начали действовать -- она почувствовала, что впала в какое-то летаргическое состояние. Но сон не шел. Она налила себе еще. Черт, бутылка почти пустая. И сигареты кончились. Что ж, может быть, еще несколько "куколок"? Но она уже столько приняла -- это может быть опасно. Доктор Мэссинджер предупреждал, что в один прекрасный день устойчивость ее организма к этому лекарству может внезапно резко упасть. Ну и пусть! Если ее талант умер, то почему бы и нет? Чего тогда цепляться за жизнь? У нее осталось всего десять тысяч долларов.

Ух ты, черт, -- нет, десять тысяч было, когда она улетала из Калифорнии, но она посылала чек в школу, где учатся близнецы, это тысяча двести, да еще психиатру по двадцать пять долларов в день за три недели и билет на самолет до Нью-Йорка -- еще несколько сотен. Да, она выписывала чеки направо и налево! Осталось наверное, тысяча пять. На сколько их хватит?

И потом, нельзя жить у Анны все время -- через месяц она выходит замуж. Ух ты, черт, где же раздобыть денег? Дом уже продан, страховки нет... а может, взять да и проглотить все, что осталось в пузырьке? Тэду придется позаботиться о детях, а она сама им не особенно и нужна -- когда она приезжала к ним в Калифорнию, они только и просили: "дай, привези, купи".

Всем абсолютно безразлично, останется она жить или умрет. Всем на нее наплевать. Может, только богу не все равно, если он, конечно, существует.

Нили побежала в ванную комнату, она припрятала там пузырек за пачками с морской солью. Только шесть осталось! Она быстро проглотила их. Но ведь шести не хватит. Может, еще анальгина? Может, целую упаковку анальгина после капсул? Черт! Анальгина осталось всего пять таблеток. Она проглотила их. Шотландского виски больше нет, но есть кукурузное, которое Анна держит в баре для Кевина. Добавить его к шотландскому... Она бросилась было из ванной, но ее мотнуло в сторону, и бокал, который она сжимала в руке вылетел и разбился о кафельный пол. Ух ты, Анна бесится, когда она бьет посуду. Она наклонилась, чтобы подобрать осколки. Обычный бокал, но ведь это же Анна, значит, наверняка хрустальный или в этом роде. Она подняла длинный осколок. Ух ты, вот ведь как можно -- полоснуть разок по запястью, и у нее будут похороны как у Дженифер. Будет ли у ее гроба такое же столпотворение? Станет ли Тэд Касабланка требовать, чтобы ее похоронили в Голливуде? А может, ее недоделанная сестра очухается и потребует, чтобы тело отдали ей? Подумать только, навеки улечься на каком-то вонючем кладбище в предместье. Анна, конечно, будет сражаться за ее честь и достоинство, но ведь ей-то хочется самых пышных похорон... пышнее даже, чем у Дженифер. Нет, пышнее не бывает. О'кей пусть такие же пышные, как у Дженифер. А что если нет ни царства небесного, ни бога? Тогда она умрет и ничего приятного от этого не получит. Но вот если она почти умрет --

...сигнала будет та-
даже уменьшать ее
том, если нервная
петь, и все опять с
Ну, давай, с
подходя

походкой подходила к себе в спальню. Забрала бутылку, внимательно рассматривая ее, потому что синюю жилку сбоку, она сделала осколок, хорошо, кровь пошла, струится кровь. У нее может, она перерезается! Она сорвала. Кровь шла все бы ватать. Это виски у Нили набрала голос.

-- Я -- Нили О'Хейли

-- Какой у вас н

-- Номер?..-- С

глазами.-- Не зна-
те, пожалуйста. Я

-- Ваш адрес?

-- Вест-Сайд, Ш
лежит Арно М

-- Телезвезде? --
сухость.

-- Конечно... ко
ми собой за

портила простыни
кровь стекла

что не позволит е
рее..." Сто
На

нельзя же умереть
не умирая
ше

...ни позже -- и

чит, она жи
моши"

... Она опя
на и Кевин
-- А

Нили сла...

або улы

суматоха будет такая же. Как раньше, в Голливуде... может, станут даже умолять ее вернуться, и все будут выражать сочувствие. А потом, если нервная система у нее успокоится, она, возможно, сумеет петь, и все опять станет великолепно...

-- Ну, давай, сначала выпьем виски,-- сказала она себе, неверной походкой подходя к бару. Она нашла новую бутылку, новый бокал и налила себе виски, не разбавляя. С осколком в руке она вернулась в спальню. Забралась под одеяло, сделала большой глоток и стала внимательно рассматривать запястье. Если порезать сбоку, не большую вену, потому что тогда можно действительно умереть, а маленькую синюю жилку сбоку... просто, чтобы пошла кровь... Глубоко вонзив осколок, она сделала надрез длиной в дюйм, но не по главной вене -- хорошо, кровь пошла... Она откинулась на подушку и смотрела, как струится кровь. Ух ты, а кровь-то течет сильно, да как быстро. Э-э, может, она перерезала у себя что-то важное?! Ух ты, и не останавливается! Она сорвала телефонную трубку. Где же Анна, черт возьми? Кровь шла все быстрее, а тут и проклятые лекарства начали действовать. Это виски ускорило.

Нили набрала номер справочной. Ей ответил сухой официальный голос.

-- Я -- Нили О'Хара,-- пробормотала она.-- Я умираю...

-- Какой у вас номер?-- спросила телефонистка.

-- Номер?..-- Она посмотрела на аппарат. Все плыло у нее перед глазами.-- Не знаю... в справочнике нет... не могу вспомнить. Помогите, пожалуйста. Я порезала запястье... кровь.

-- Ваш адрес?

-- Вест-Сайд, Шестьдесят вторая улица, у парка. Квартира принадлежит Анне Уэллс...

-- Телезвезде? -- Голос телефонистки сразу утратил официальную сухость.

-- Конечно... конечно...-- Трубка выпала у нее из руки, а глаза сами собой закрылись. Усилием воли она подняла веки. Боже, она испортила простыни Анны. Ее рука безжизненно свисала с кровати, и кровь стекала прямо на золотистый ковер. Ух ты! Анна теперь ни за что не позволит ей жить у себя. "Пожалуйста, справочная, побыстрее..." Столько крови... все течет и течет... но она не хочет умирать. Нельзя же умереть, если мысли такие отчетливые... хочется спать... не умирать... просто спать хочется... проклятые "куколочки"... ни раньше, ни позже -- именно сейчас они начали действовать...

Нили открыла глаза и тут же зажмурилась. Пахло больницей. Значит, она жива! Она начала вспоминать. Звонки, машина "скорой помощи"... Она опять открыла глаза. В другом конце палаты сидели Анна и Кевин. Анна вскочила со стула.

-- Ах, Нили, ты очнулась! Слава богу!

Нили слабо улыбнулась.

-- Прости меня за квартиру.

-- Не думай об этом.

-- Где я?

-- В больнице "Парк Норт".

Нили поморщилась.

-- А почему не в "Докторс"? Я слышала, там восхитительно.

Кевин встал и подошел к ней.

-- Послушай, юная леди, тебе чертовски повезло, что ты находишься здесь. Знаешь, куда тебя собирались увозить, когда мы вернулись домой? В "Бельвю".

Нили с трудом села в кровати.

-- Ух ты! Только этого мне не хватало.

-- Это просто счастливый случай, что мы решили вернуться домой. Анна захотела проверить, как ты. Вызвали "скорую помощь" и полицию. Они собирались отвезти тебя в "Бельвю". Такой закон: всех покушающихся на самоубийство положено доставлять в "Бельвю" и выдерживать там под наблюдением определенный период.

-- Ух ты!

-- Положение спас Кевин,-- пояснила Анна.-- Показал им разбитый бокал и убедил всех, что произошел несчастный случай.

Кевин нахмурился.

-- Мне пришлось раздать немало двадцатидолларовых бумажек, чтобы "убедить" их в этом. И у нас не было времени выбирать больницу -- ты потеряла слишком много крови, а эта была ближе всех.

-- Это было не совсем самоубийство,-- сказала Нили.

-- Ладно, будем пока придерживаться нашей версии, а потом объяснишь,-- сказала Анна.

-- В газетах обо мне писали?

-- На всех первых полосах.-- Анна придвинула стул поближе к кровати.-- Нили, нам нужно что-то делать, надо думать, как тебе жить дальше.

Слезы выступили у Нили на глазах.

-- Что же можно сделать? Я больше не могу петь.

-- Все дело вот в чем.-- Кевин постучал себя по голове.-- А с горлом у тебя все в порядке.

-- Вот и объясни это моему горлу. Я-то хочу петь, да не получается.

-- Хорошо. Через несколько дней тебя выпишут отсюда. А дальше что?-- требовательно спросил Кевин.

Глаза Нили наполнились слезами.

-- Я уйду от Анны, не беспокойтесь. Буду жить в отеле.

--- Так не может продолжаться, Нили... все эти лекарства и выпивка. В следующий раз ты так легко не отделаешься.

Нили потянулась в постели.

-- Если бы я только могла спать, по-настоящему спать -- хотя бы с неделю,-- тогда бы я живо выздоровела. А этим способом больше нескольких часов не получается.

-- Лечение сном!-- вдруг сказала Анна. Она объяснила им, как Дженифер сгоняла вес в Швейцарии с помощью такого лечения, показанного прежде всего при нарушениях в эмоциональной сфере.

Нили загорелась энтузиазмом.

-- Неделя сна! О боже, тогда я наверняка буду петь. Но лететь в Швейцарию... ведь для этого нужна уйма денег.

-- Если такое лечение разрешено законом, его наверняка используют и у нас в стране,-- заявил Кевин.

Доктор Мэссинджер был против. Да, он знает о лечении сном. Но у болезни Нили слишком глубокие корни. Он считает, что ей необходимо, по крайней мере, год санаторного лечения.

-- Это не ситуативная депрессия,-- утверждал он.-- У этой женщины глубокое потрясение. Из ее истории болезни явствует, что суицидальные тенденции, то есть попытки самоубийства, наблюдались у нее еще десять лет назад. Я порекомендовал ей санаторное лечение сразу же, как только она обратилась ко мне, но она отказалась ехать и с тех пор живет на одних нервах и успокоительных лекарствах. Но сейчас у нее нет выбора, ей нужно ехать.

Он порекомендовал несколько санаториев, но Нили не желала ехать ни в один из них.

-- Чтобы я поехала жить там со всякими психами? Нет уж, увольте. Мне нужно шикарное обслуживание, как было у Дженифер. Шампанское для начала, понимающую, чуткую сестру, тоненькую иголочку... и сон, успокоительный сон.

После лихорадочных телефонных переговоров Кевин, наконец, остановился на крупном частном санатории на границе штатов Нью-Йорк и Нью-Джерси. Да, они знают о лечении сном, почтут за честь принять мисс О'Хара и подвергнуть ее такому лечению. Да, будет соблюдена полнейшая секретность -- в газеты не просочится ни единого слова.

Благоухающим мартовским воскресеньем Кевин и Анна отвезли Нили в Хейвен-Мейнор. Огромная территория клиники и тщательно ухоженные лужайки вселили в Анну уверенность. Нили подкрепилась, приняв для храбрости несколько "куколок".

Они вошли в большой увитый плющом особняк, выстроенный в стиле эпохи Тюдоров, их провели в гостиную, увешанную портретами покойных благотворителей, основателей клиники. Их встретил сам главный врач, доктор Холл. Он пожал руку Нили.

-- Я ваш большой поклонник, мисс О'Хара.

Нили ответила слабой улыбкой.

-- А сейчас, если вы будете настолько любезны, заполните, пожалуйста, эти бланки...

Нили написала свое имя на документах и подписала их, не читая.

-- О'кей, давайте приступать к лечению сном,-- жизнерадостно сказала она.

Доктор нажал кнопку. Появилась полная женщина в белом халате.

-- Это доктор Арчер, мой заместитель. Проводите, пожалуйста, мисс О'Хара в ее палату.

Нили взяла Анну за руку.

-- Я никогда не смогу отблагодарить тебя за то, что ты сделала для меня. Приедешь за мной через неделю?

Анна кивнула. Нили обратилась к Кевину.

-- Я знаю, что за все заплатил ты. Огромное спасибо.

Тот отрицательно покачал головой.

-- Я предлагал, но Анна все сделала сама. Она настояла на этом.

Нили смущенно посмотрела на Анну, улыбаясь, как бы в полусне.

--Анни... всегда рядом со мной, да? Спасибо.

-- Ты только поправляйся, Нили,-- сказала Анна.

-- Я хочу лишь спать... долго-долго,-- с этими словами она вышла из гостиной, опираясь на руку доктора Арчер.

Анна поднялась, чтобы идти.

-- Мисс Уэллс... и мистер Гилмор. Не могли бы мы с вами поговорить?-- сказал вдруг доктор Холл.

-- О чем?-- Анна опять села.

-- Об этом так называемом лечении сном. Я говорил по телефону с доктором Мэссинджером, и у меня есть история болезни мисс О'Хара. Он переслал ее мне. Понимаете, лечение сном -- это не выход.

-- Но вы же говорили...-- Анна была в полном замешательстве.

-- Я говорил, что мы могли бы это сделать. Но в то время я еще не читал ее историю болезни и не говорил с ее лечащим врачом. Мы и сейчас можем провести такой курс, но я не стал бы его рекомендовать. Да, конечно, после него она стала бы чувствовать себя гораздо лучше. Несколько недель, а то и месяц она могла бы заниматься нормальной деятельностью, но потом старые дурные привычки опять взяли бы над ней верх. В конечном счете, она покончила бы с собой. Понимаете, у нее склонность к этому. Она -- великий талант, и мы просто обязаны вылечить ее.

-- Но как?-- спросила Анна.

-- Только не сном и не лекарствами. У этой женщины выработалось пагубное пристрастие к снотворному. Такое пристрастие может быть столь же серьезным, как и любое другое, а излечению оно поддается даже труднее, поскольку больной легко может достать такое лекарство на стороне, тогда как кокаин, героин или морфий достать гораздо сложнее. Вам известно, что в день, когда она пыталась покончить с собой, она приняла пятьдесят капсул? Я проверил у аптекаря. А доктор Мэссинджер ни разу ей их не прописывал, на каждом рецепте новая фамилия врача. Так вот, этот пузырек -- а в нем пятьдесят капсул -- был пуст, когда ее нашли. А в сочетании с алкоголем -- опаснейшая комбинация. И тем не менее ей все равно понадобилось резать себе вены, чтобы довести процедуру до самого конца. Такая устойчивость организма к лекарству -- не что иное, как толерантность наркомана.

-- И что бы вы порекомендовали?-- спросил Кевин.

-- Я бы хотел попробовать глубокую психотерапию. Не шоковую... Пока, во всяком случае. Надеюсь, она ей и не потребуется. Однако я думаю, что если мы приложим настойчивые усилия, то сможем вернуть публике талантливую женщину, полную живости и энергии.

-- Сколько времени уйдет на это?-- спросила Анна.

-- Не менее года.

-- Нили ни за что не согласится. Она немедленно уедет отсюда, если ее не станут лечить сном.

Усталая улыбка показалась на лице доктора Холла.

-- Она подписала вот это.-- Он постучал пальцем по лежащей перед ним бумаге.-- Она приняла на себя добровольное обязательство. Разумеется, она думала, что подписывает обычный документ о поступлении сюда на лечение. Но в нем говорится, что она обязуется пробыть здесь не менее тридцати дней.

-- Тридцать дней,-- задумчиво проговорила Анна.-- Но я же знаю Нили. Вам нипочем не уговорить ее остаться здесь больше, чем на эти тридцать дней.

-- Если не сможем, то такое обязательство за нее можете дать вы.

-- Я?-- Анна пришла в ужас.-- Никогда!

Доктор Холл улыбнулся.

-- Тогда мы соберем комиссию и удостоверим ее состояние официально.

-- Как это?

-- Если наши психиатры придут к единому мнению, что пациент нуждается в дальнейшем лечении, мы представим дело в суд. Приглашаются три психиатра со стороны. Если их диагноз совпадает с нашим, суд продляет обязательное пребывание пациента здесь на три месяца, и каждые три месяца оно автоматически продлевается. Мы часто так поступаем,-- спокойно сказал он.-- Это освобождает родственников и друзей от чувства вины.

-- Но для нее это будет хуже удара обухом по голове,-- запротестовала Анна.-- Она ведь думает, что ей предстоит лечение сном всего одну неделю. Мы пообещали ей, что...

-- Мисс Уэллс, я восхищаюсь мисс О'Хара. Это великий талант. Пребывание в нашей клинике стоит полторы тысячи долларов в месяц, но к нам записываются в очередь со всей страны. Мы приняли мисс О'Хара без очереди, потому что она действительно настоящая актриса, и ее обязательно нужно вылечить. Я прошу предоставить ей этот шанс. И прошу именно вас.

-- Но Нили была так против санатория...

-- Мисс О'Хара не в состоянии принимать какие-либо решения относительно своего будущего. Более того, если ее предоставить самой себе, у нее вообще не будет никакого будущего.

Неожиданно Кевин встал на его сторону.

-- Думаю, что доктору Холлу виднее. Нужно, по крайней мере, попытаться.

Анна покорно кивнула.

-- Когда мы можем увидаться с нею?

-- Не раньше, чем через две недели. Но вы можете ежедневно звонить мне, и я буду сообщать вам, как продвигаются ее дела. Даю гарантию, что ее состояние значительно улучшится, когда вы навестите ее в следующий раз.

Анна молчала, когда они возвращались на машине в Нью-Йорк.

-- Платить целый год по полторы тысячи в месяц?-- сказал Кевин.--

Анна, позволь, это буду делать я.

-- Нет, это мой долг. Кевин, я думала... если бы я подписала контракт с "Гиллиан"... они предлагают мне две тысячи в неделю...

-- А как же наша свадьба? И путешествие?

-- Мы уже так долго ждали. Ну что могут изменить еще несколько месяцев? И кроме того, я не могу уехать в длительное путешествие, оставив Нили в Хейвен-Мейноре. Нужно будет навещать ее.

Невидящими глазами Кевин смотрел вдаль. Ему оставалось только согласиться.

-- Будь проклята эта чертова девка -- когда бы она ни приехала в Нью-Йорк, от нее одни неприятности.

Анна вздохнула.

-- Бедная Нили. Сейчас ей уже, наверное, все рассказали. Интересно, как она это приняла?

Поначалу Нили была терпелива. Она сидела в кабинете доктора Арчер, монотонно отвечая на вопросы и куря сигарету за сигаретой в ожидании той минуты, когда благословенная игла перенесет ее в восхитительное царство сна. Наконец зазвонил телефон на столе. Нили подумала, что звонит доктор Холл, чтобы отдать распоряжения. Доктор Арчер отвечала скупко:

-- Да, доктор... Конечно, доктор... Хорошо... Полностью согласна с вами.

Нили зевнула. Прекрасно. Они договорились. Здорово. Теперь давайте, принимайтесь за дело. Доктор Арчер нажала кнопку. Нили внимательно разглядывала ее ортопедические туфли. А почему бы их не сделать в виде красивых белых туфель? Почему они должны быть толстыми, гнусными на вид калошами? Ух ты, она, поди, с рождения такая -- еще ребенком носила ортопедические ботиночки. Эта мысль позабавила ее, и она рассмеялась вслух. Доктор Арчер удивленно посмотрела на нее. Затем в кабинет вошла женщина, тоже в белых туфлях, белом халате и стоячей накрахмаленной косынке.

-- Это мисс О'Хара,-- сказала доктор Арчер.-- Отведите ее в четвертый корпус.

-- Там лечат сном?-- добродушно спросила Нили, следуя за медсестрой.

Та только улыбнулась в ответ и продолжала идти вперед по бесконечным подземным коридорам. Входя в очередной из них, она извле-

кала из кармана большую связку ключей и отпирала дверь, после чего сразу же запирала ее, и они шли дальше.

-- Эй, да где же этот корпус? В Нью-Джерси? Мы уже целую милю прошли.

Сестра остановилась у крохотной комнатенки в конце коридора.

-- Это ваша палата.

Нили хотела было запротестовать, но потом подумала, что не стоит, все равно она будет спать. Какая разница, что из этой конуры не открывается никакого вида? Она устало опустилась на кровать.

-- О'кей, несите шприц.

Сестра вышла из палаты. Минуты шли одна за другой. Она посмотрела на часы. Где же они все, черт побери?

-- Эй... что тут происходит?!-- крикнула она.

Моментально появились две медсестры.

-- Вы что-то хотите, мисс О'Хара?

-- Ну конечно, хочу! Меня должны уложить спать.

Обе сестры с любопытством посмотрели в глаза друг другу.

-- Я здесь для того, чтобы пройти курс лечения сном,-- повторила Нили.

-- Вы находитесь в четвертом корпусе. Этот корпус -- подготовительный.

-- Подготовительный к чему?

-- Все новые пациенты поступают сюда на несколько дней, пока мы изучаем их истории болезни. После этого они переводятся в тот корпус, который больше всего соответствует назначенному им курсу лечения.

Нили подошла к столику, открыла сумочку, достала сигареты.

-- Позовите доктора Холла. Тут какая-то ошибка.

Одна из медсестер, быстро шагнув вперед, выхватила у Нили спички.

-- Эй, что вы делаете?-- воскликнула та.

-- Здесь не разрешается пользоваться спичками.

-- А как же мне прикуривать?

Сестра взяла ее сумочку.

-- Курить нельзя. Существуют определенные часы, в течение которых вам разрешается курить -- под наблюдением.

Нили попыталась было вырвать сумку, но сестер было две против нее одной.

-- Позовите доктора Холла!-- потребовала она.

-- Но так распорядился сам доктор Холл,-- сказала одна из сестер.--

Успокойтесь же, мисс О'Хара. В пять часов вы получите две сигареты. Давайте выйдем и познакомимся с другими пациентами.

-- Что? Чтобы я завязывала знакомства в дурдоме? Я -- Нили О'Хара, и друзей себе выбираю сама. Свяжитесь по телефону с Анной Уэллс или Кевином Гилмором. Это просто смешно. Я уезжаю отсюда!

Она направилась к двери.

Одна из медсестер задержала ее.

-- Она еще носит часы, -- сказала другая и силой сняла их с ее руки.

-- Эй, эти часы стоят тысячу зеленых!

-- Их положат в сейф, и вы получите их вместе со всеми остальными личными вещами, когда вас выпишут.

Паника охватила Нили. Никогда прежде не испытывала она такого страха перед своей беспомощностью.

-- Ну, послушайте, позвоните Анне Уэллс, -- взмолилась она. -- Анна все уладит.

Прошло еще полчаса. Нили то впадала в неукротимую ярость, то ее вдруг охватывал страх. Хотелось курить. Действие двух капсул секонала прекратилось, сонливое состояние напрочь прошло, она была в ужасе. Нили нажала кнопку звонка. Появилась сестра. Она разговаривала с Нили вежливо, но уклончиво. Мисс О'Хара может выкурить сигарету прямо сейчас, если выйдет в вестибюль. Однако лучше поторопиться. Если она пропустит время, отведенное для курения, то до девяти часов курить будет нельзя.

-- Да кто вы такая, черт возьми, чтобы указывать мне, когда я могу курить, а когда -- нет? -- крикнула она. -- Это же не бесплатная больница для нуждающихся. Это место стоит денег, и я требую, чтобы ко мне относились с уважением.

-- Мы уважаем вас, мисс О'Хара. Но и вы, в свою очередь, должны уважать правила Хейвен-Мейнора.

-- Я не подчиняюсь никаким правилам! Я сама устанавливаю их! Я -- Нили О'Хара!

-- Мы знаем это и все восхищаемся вашими фильмами.

-- Тогда делайте, как я сказала! -- потребовала Нили.

-- Мы выполняем приказы доктора Холла и доктора Арчер.

-- Так позовите же доктора Холла! -- Она повернулась к сестре спиной. Гнетущее чувство страха охватило ее. Может быть, этот доктор Холл лицемерит, ведет двойную игру? Нет, она просто испугалась, вот и все. Наверное, произошла какая-то путаница. Доктор Холл не посмеет... Да если бы это дошло до Анны и Кевина, они бы ему такое устроили!

Явилась сестра и сообщила ей, что подают обед. Не будет ли она так добра пройти в столовую? Нет, не будет!

-- Я хочу сигарету и несколько капсул секонала -- не менее шести, чтобы хватило до тех пор, пока доктор Холл не приступит к лечению сном.

Она в изнеможении плюхнулась на кровать. У нее пересохло в горле. Выпить бы чего-нибудь, что угодно... Эта клетка два на четыре начинает физически давить на нее. Если они ничего не начнут делать в ближайшее же время, она просто уйдет отсюда. Они не посмеют задерживать ее -- ведь она же не в тюрьме. Послышались шаги. Она села в кровати. Наверное, зашевелились и сейчас приступят. Вошла сестра с обеденным подносом в руках.

-- Мисс О'Хара, если вы желаете обедать в своей комнате...

Закончить фразу сестра так и не смогла. Терпение у Нили иссякло. Она выхватила из ее рук поднос и швырнула его через всю комнату. Сестра пригнулась. Вбежала еще одна. Нили гневно прокричала:

-- Не желаю есть, не желаю ни с кем общаться. Хочу только спать. Немедленно принесите мои сигареты и, не откладывая, начинайте лечить меня сном, иначе я уезжаю отсюда. С меня хватит!

Сестра, которая казалась старше остальных по должности, выступила вперед:

-- Мисс О'Хара, никакого лечения сном не будет.

-- Что вы имеете в виду?

-- Я уточнила у доктора Холла. Никакого лечения сном, никаких барбитуратов. Вас вылечат с помощью психотерапии.

-- Я уезжаю!-- Нили направилась было к двери, но четыре расставленные руки преградили ей путь.

-- Уберите прочь свои грязные руки!-- вскричала она.-- Оставьте меня.-- Она бросилась на сестер с кулаками.

-- Поместить ее в "Репейник",-- распорядилась старшая медсестра.

-- Я уезжаю домой!-- закричала Нили. Появились еще медсестры, и до ее сознания вдруг дошло, что ее волокут по коридору. Такого не может быть! Ее, Нили О'Хара, волоком тащат четыре сестры. И эти человеческие вопли испускает она! Но ведь у нее не припадок, просто она пришла в бешенство от такого обращения.

Она отчаянно сопротивлялась на протяжении всего пути в другой корпус, по многочисленным коридорам, где двери отпирались и запирались, и в вестибюле этого корпуса. На помощь пришли еще две медсестры. Ее протащили по другому коридору в другую комнатку два на четыре. Несмотря на свою неистовую ярость, она заметила разницу: в этой не было ни ковра, ни штор, ни письменного стола. Только койка -- как в тюремной камере! Ее положили на эту койку. Брюки у нее порвались. Слава богу, что она уложила в сумку еще одни.

Подошла молодая сестра и села рядом.

-- А сейчас успокойтесь, мисс О'Хара, и давайте обедать.

-- Я хочу уехать домой!-- закричала Нили.

-- Давайте пообедаем. Идемте, познакомьтесь с другими пациентами.

-- Я хочу спать!-- Нили разрыдалась. Она была в западне. Никогда в жизни она не оказывалась в такой ловушке. Она посмотрела на окно. Решеток нет... но там что-то есть вместо них. Просто защитный экран, но ведь такие экраны можно разрезать -- вот только чем? Она бросилась вон из комнаты и выбежала в большую гостиную. Там и тут сидели пациенты и спокойно смотрели телевизор. Она затравленно огляделась по сторонам. Чем бы прорезать этот чертов экран, она метнула взгляд на книжный шкаф. Он был битком набит книгами, на столах стояли шахматные доски с фигурами... раскрытыми шахматными досками с фигурами! Она схватила пешку. У нее маленькая шишечка... и если нажать по-

сильнее, ею можно прорвать экран. Она побежала назад в свою комнату, зажав фигурку в руке.

Сестра сидела на койке, спокойно наблюдая за нею. "И пусть себе наблюдает, -- подумала Нили. -- Я сильнее ее, пускай только попробует остановить меня". Она открыла окно. Сестра не шелохнулась. Она принялась с силой нажимать шахматной фигуркой на защитный экран, яростно тыча в него, колотя по нему руками, пытаясь продавить в нем отверстие и не переставая содрогаться от рыданий, душивших ее и рвавшихся наружу. Должно же быть какое-то слабое место, где его можно проткнуть и разорвать. Обязательно должно быть...

-- Экран стальной, -- спокойно пояснила сестра. -- Но даже если вы вырветесь отсюда, вы все равно окажетесь на нашей территории. Наш санаторий занимает двадцать пять акров. А главные ворота -- на заборе.

Нили выронила фигурку. Она села на койку и разрыдалась. Сестра попыталась было успокоить ее, но рыдания становились все безудержнее. Она думала об Анне и Кевине. Они вернулись в Нью-Йорк и, наверное, думают, что ее уже погрузили в блаженный сон. Она подумала о квартире Анны. Ну почему она не осталась там? Можно где угодно ходить, курить, когда захочется, принимать столько "куколок", сколько пожелаешь, наливать себе выпить... Она подумала о Голливуде... Шеф... кому он сейчас диктует свою волю? А Тэд... В Калифорнии сейчас только три часа -- тепло и всю светит солнце. Тэд, наверное, в бассейне со своей женой. А она, прославленная Нили О'Хара, сидит взаперти в этой психушке для придурков! Она зарыдала еще сильнее.

Рыдания длились, должно быть, не меньше часа, потому что, когда она подняла глаза, за окном стемнело. Вошла старшая сестра. К ее накрахмаленному халату была пришпилена карточка с именем "Мисс Шмидт". Мужеподобная, похожая на здорового бугая в юбке, решила про себя Нили.

-- Мисс О'Хара, либо возьмите себя в руки, либо нам придется что-то сделать, чтобы вы успокоились.

О'кей, ну наконец-то. Сейчас ей все-таки дадут несколько "куколок" или сделают укольчик. Она им покажет! Значит, они не дают барбитуратов? Ну, ничего, Нили О'Хара поменяет все здешние порядки, ломает это вонючее правило! Она начала душераздирающе кричать.

И опять все вокруг забсгали. Вновь вошла здоровенная сестра.

-- Хватит, мисс О'Хара. Это нужно прекратить. Вы беспокоите других пациентов.

-- А мне на них на...!-- взвизгнула Нили. Она стала издавать еще более истошные вопли.

Мисс Шмидт быстро кивнула двум сестрам. Те схватили Нили за руки и снова потащили по коридору. Она отчаянно сопротивлялась, лягалась, бессвязно выкрикивала что-то, но численное превосходство

и физическая сила были на их стороне. Она очутилась в большой ванной комнате. Мисс Шмидт и две сестры велели ей раздеваться.

-- Что? И тем самым доставить вам, коровам, лесбиянкам чертовым, огромное удовольствие?!-- прокричала она.

Мисс Шмидт опять кивнула, и две сестры силой раздели Нили. Голую, вопящую, ее силой затолкали в ванну. Поверх натянули парусиновое покрытие, оставив место только для головы, под голову подсунули подушечку. Рядом, за столиком, раскрыв блокнот и приготовив карандаш, расположилась сестра.

Нили продолжала истошно кричать. Неожиданно она почувствовала, что в ванне ей очень хорошо. Она всегда любила принимать ванну, любила лежать в ней до тех пор, пока вся ее кожа не размягчалась от воды. А эта ванна была какая-то особенная: вода то наливалась, то спускалась, пузырясь по ее телу. Ее охватило ощущение блаженной расслабленности. Пока все эти мысли проносились у нее в голове, она продолжала кричать, не переставая.

Вернулась мисс Шмидт и опустилась на колени рядом с ванной. Глаза ее излучали доброту.

-- Мисс О'Хара, почему бы вам не попробовать расслабиться, а ванна сама сделает свое дело.

-- Выпустите меня отсюда!-- крикнула Нили.

-- Вы останетесь в этой ванне до тех пор, пока не прекратите кричать или пока не уснете.

-- Ха-ха! Во всем этом проклятом штате не хватит воды, чтобы заставить меня заснуть!-- Нили набрала полную грудь воздуха и опять закричала в лицо мисс Шмидт.

-- Мы выдерживаем пациентов в ванне по пятнадцать часов,-- пояснила ей мисс Шмидт. Она поднялась на ноги.-- Я зайду через час. Возможно, к тому времени вы немного успокоитесь.

Через час! Нили почувствовала, что голос у нее сел. Горло болело. Ей захотелось откинуться и расслабиться, но ведь именно этого они и добиваются, этого хотят. Ей хочется есть... хочется выкурить сигарету и принять несколько "куколок"! Она опять начала кричать, проклиная доктора Холла, медсестер, больницу... Когда запас ругательств иссяк, она разрыдалась. Но Нили заметила, что маленькая сестра за столиком прекратила писать, когда она начала рыдать. Так вот в чем дело: они записывают каждое слово, произносимое пациентом, чтобы великий мастер доктор Холл мог все прочитать. Расслабиться прямо сейчас, а? Нет, не будет никакого расслабления ни для кого, пока здесь находится она, Нили О'Хара!

Она опять принялась кричать, извергала из себя самую непристойную площадную брань и заметила, как маленькая медсестра залилась пунцовой краской, записывая все эти словеса. В каком-то уголке ее сознания шевельнулась жалость к сестре. Совсем молоденькая девушка, лет девятнадцати, и это не ее вина... не она же устанавливает здешние правила. Но Нили все же продолжала выкрикивать все изве-

стные ей ругательства. Тем временем она уперлась в парусину коленями и стала давить, хотя грубая ткань больно царапала ей кожу. Внезапно она обнаружила, что в отверстие для шеи можно просунуть и голову. Она погрузилась в воду с головой.

Маленькая сестра вскочила со стула, вытащила ее голову из воды, отскочила назад и позвонила в колокольчик. Пришли другие сестры и сделали отверстие для шеи совсем узким. Нили закричала еще громче... сестра застрочила карандашом еще быстрее...

Когда Нили нырнула под воду, она заметила в парусине около края небольшую дырку. Она с силой просунула в нее большой палец ноги. При этом она продолжала яростно выкрикивать ругательства, чтобы сестра записывала, не отрываясь. Затем нечеловеческим усилием она расширила отверстие, сунув в него ступню, и резко подтянула колено к груди. Раздался громкий треск раздираемой ткани, и парусина разорвалась надвое. Нили выскочила из ванны. Сестра подняла тревогу. Ворвалась целая группа медсестер во главе с мисс Шмидт. На ванну была натянута новая парусина, но Нили не без удовольствия слышала шепот одной из сестер:

-- Еще никому никогда не удавалось разорвать эту парусину!

Она кричала, должно быть, целую вечность. Медсестру сменила другая. Эта тоже была молоденькая, но непристойности Нили она выслушивала, не моргнув глазом. Нили охрипла... лишилась сил... спина у нее ныла... колени саднили... большой палец болел, будто сломанный, после того как она прорвала им парусину, но она продолжала кричать. Дверь распахнулась. Вошел врач. Он пододвинул табурет и сел у края ванны.

-- Добрый вечер. Меня зовут доктор Клементс.

Она разглядела время, которое показывали стрелки на его больших наручных часах. Девять часов. Стало быть, она находилась в этой ванне почти три часа.

-- Чем я могу вам помочь?

"Это не я сошла с ума, а они,-- подумала Нили.-- Вот он сидит передо мной, словно мы приятно проводим время...-- передо мной, у которой башка торчит из этой проклятой ванны, а он, как ни в чем не бывало, спрашивает, может ли он мне помочь".

-- Могу я что-нибудь для вас сделать?

Она повернулась к нему, слезы потекли по ее лицу.

-- Какой же из вас психиатр?-- воскликнула она.-- Можете ли вы помочь мне? Господи, ведь каждому здесь известно, для чего я здесь. Вы же все знаете, что меня обманули. Мне обещали лечение сном, а за то, что я отстаиваю свои права, меня засунули в это корыто!

-- Лечение сном?-- Его удивление было неподдельным.

-- Да, почему я и приехала сюда. На восемь дней. Спать. Этот ваш мерзкий доктор Холл обещал мне, а едва только мои друзья уехали -- бац!-- все изменилось.

Он посмотрел на медсестру -- та пожала плечами.

-- Я только что заступил на дежурство. О вашей болезни ничего не знаю, лишь делаю обход. Завтра же я подам докладную, и уверен, что всё уладится.

-- Ах, вот как.-- Нили больше не кричала. Она почувствовала искреннюю озабоченность и заинтересованность во взгляде молодого врача. Может, ей удастся достучаться до него?-- Вы должны помочь мне, -- взмолилась она.-- Разве не для этого вас учили? Неужели в этом состоит ваша помощь? Сделать запись обо мне, потом отправиться домой и лечь в свою постель, а меня оставить лежать здесь по шею в воде. Если бы вы были по-настоящему чутким человеком, вы бы дали мне сигарету... что-нибудь поесть... несколько капсул секонала... а не просто сделали бы отметку в своей тетрадке и отправились восвояси.

Он вышел из ванной комнаты. Она опять собралась с силами и начала кричать. Горло у нее саднило, и она была почти без сил. Если бы только она могла прекратить... Вода продолжала пузыриться все при одной и той же температуре. Может быть, так она сумеет уснуть, но тогда они победят! Всех держат в ванне, пока не заснут. Но только не Нили О'Хара! Если она проиграет первое сражение, то проиграет и все остальное. Она закричала громче...

Час спустя молодой врач вернулся. Его сопровождала мисс Шмидт. Открыв свой саквояж, он что-то налил в стакан и протянул его мисс Шмидт.

-- Я позвонил доктору Холлу домой. Он согласен, что главное -- чтобы она спала. Во всяком случае, сегодня.

Мисс Шмидт поднесла стакан ко рту Нили.

-- Выпейте.

-- Не стану ничего делать, пока не вылезу отсюда.

-- Выпейте, -- мягко повторила мисс Шмидт.-- Вы сразу же заснете, и мы вынем вас из ванны. Обещаю вам.

Нили поняла. Раньше они говорили ей, что она не выйдет из ванны, пока не уснет, а вот сейчас ей что-то дают, чтобы она заснула. Это ее победа. Никаких барбитуратов, да? А что же это тогда, черт возьми, за мутноватая водица? Кока-кола, что ли? Она позволила мисс Шмидт влить себе в рот эту жидкость.

Боже мой! Вот это лекарство что надо! Действие она ощутила сразу же. Великолепно! Она перестала кричать. Совершенно непередаваемое ощущение блаженства охватило ее. Снимали парусиновое покрытие... кто-то растирал ей тело мохнатым полотенцем... помогли надеть ночную рубашку.

-- В "Репейнике" мест нет, -- сказала мисс Шмидт.-- Вы в состоянии понять меня, мисс О'Хара? Здесь больше нет свободных отдельных палат. Нам придется поместить вас в общую палату.

Нили махнула рукой. Койка... спать... вот все, чего она хочет, а где -- абсолютно наплевать.

В десять часов прозвучал отбой. Она лежала в общей палате, и

вскоре до ее слуха донеслось ровное дыхание уснувших женщин. Кто же, черт возьми, может спать в такой час? Каждые тридцать минут медсестра с фонариком подходила ко всем койкам. Она закрывала глаза, притворяясь спящей, чтобы не сказали, будто у нее какие-то нарушения, раз она не спит. Ей было слышно, как часы пробили двенадцать, потом час. Она думала о тех приятных маленьких радостях, которые все воспринимают, как нечто само собой разумеющееся. Какое удовольствие, например, включить бра над кроватью и читать или выкурить сигарету. Она даже не стала бы возражать против того, что ей не дают ни куколок, ни выпивки, -- но вот просто лежать так, это же смешно. Ух ты! Если она продержится всю эту ночь, значит, она действительно сильная. Ее ничто и никогда не убьет.

Два часа. Ей нужно пойти в ванную комнату. Неужели это запишут, как проявление невроза? Боже, но ведь сходить отлить -- это же вполне нормально.

Она встала и пошла по коридору. К ней моментально подскочили две медсестры.

-- Что-нибудь не так, мисс О'Хара?

Нет, она просто хочет в туалет. Она часто встает в туалет по ночам.

Она пошла в общую ванную комнату, а сестра осталась ждать у самой двери. О господи, даже отлить и то не дадут наедине с собой...

Анна

1961

Анна сидела у окна и курила. Это была ужасная встреча: Нили заходила в рыданиях, умоляя забрать ее оттуда. Доктор Холл, и доктор Арчер, и доктор Сил на основании наблюдений за поведением Нили утверждали, что у нее явные нарушения психики, что у нее "нервный срыв, долго переносившийся на ногах", с суицидальными тенденциями, что забрать Нили сейчас -- значит вынести ей смертный приговор, обречь на самоубийство. Правда, перед беседой с врачами она пообещала Нили, что сразу же увезет ее домой, однако данные наблюдений были убедительнее, чем слезы Нили.

И как только она смогла смотреть в эти затравленные глаза, убеждая ее, что необходимо остаться там, по крайней мере, еще на три месяца! Она подписала документ. Кевин настоял на этом. Господи, пра-

вильно ли она поступила? Врачи уверяли, что Нили давно следовало поместить на лечение, что ничего позорного в этом нет, что Нили, когда выздоровеет, сможет исполнять лучшие и более значительные роли. Да, Нили придется нелегко, но в конечном счете это все оправдается. И, к тому же, она ведь находится не в каком-то ужасном сумасшедшем доме -- клиника великолепная. За полторы тысячи в месяц она должна быть великолепной. Но этот молящий взгляд стоял в памяти как безмолвный укор ее совести. Как ужасно, должно быть, оказаться в заточении, какой бы роскошной ни была твоя камера. Через две недели она опять навестит Нили. Может быть, к тому времени Нили немного пообвыкнет.

В следующее посещение Анна обнаружила, что у Нили хорошее настроение. Ее перевели в павильон "Пихта".

-- Меня повысили!-- воскликнула она, увидев Анну.-- Теперь мне можно пользоваться карандашом для бровей, и у меня есть свой письменный стол, мне выдают по пачке сигарет на два дня. Ты привезла блок? Хорошо, я его спрячу. Спичек нам по-прежнему не дают -- только у сестер, но ночная дежурная сестра в "Пихте" -- моя поклонница. Вчера поздно вечером она провела меня из моей комнаты в свою дежурку и дала посмотреть мой старый фильм. Мы обе курили, как сумасшедшие.

Нили немного располнела, но выглядела хорошо. Спина у нее по-прежнему болела, а по ночам она так и не могла уснуть. Но за три месяца все должно было пройти. Она поняла: врачи убедили Анну, запудрили ей мозги. Они со всеми так делают. Больницу она ненавидела, но женщины были очень милыми. Вот только она узнала, что не такие уж они нормальные, какими кажутся на первый взгляд. Мэри Джейн -- алкоголичка, а Пэт Туми, та самая светская дама, что утверждала, будто ее держат здесь единственно потому, что муж пытается забрать детей себе, -- вообще не имеет детей! Об этом ей поведала медсестра.

-- Я-то нормальная, как огурчик, по сравнению с этими психопатками, -- воскликнула Нили.-- А с виду все они вполне здоровы.

Но в мае у Нили произошел рецидив. Воспользовавшись приятельскими отношениями с ночной сестрой, которую после этого случая уволили, она выкрала нембутал. Наполовину пустой пузырек обнаружил у нее под матрасом, а когда его стали отнимать, она оказала яростное сопротивление: выкрикивала ругательства и пришла в такую ярость, что ее пришлось на десять часов поместить в ванну. Она опять была переведена в "Репейник". Когда Анна навестила ее, та была замкнутой и необщительной.

Анна ездила в санаторий каждую неделю. Она подписала новый контракт с "Гиллиан" на очередной сезон. Кевин уже продал компанию, но постоянно крутился в студии, и его молчаливое присутствие было хуже, чем самые отчаянные громогласные протесты.

В душе Кевин во всем обвинял Нили. Он уверял себя, что Анна

принадлежит ему, независимо от того, женаты они или нет. Ведь она так долго оставалась с ним, когда он еще не собирался жениться. Он понимал, что ведет себя неправильно, постоянно ошиваясь в помещении, -- новые владельцы уже взяли все в свои руки, дела шли хорошо, но ему нечем было заполнить свое время. Иногда он заходил к своим брокерам, ежедневно тщательно брился, обедал со своим адвокатом... но всем этим он никак не мог заполнить целый день. Поэтому ноги сами несли его на студию, где он наблюдал, как Анна записывает рекламные ролики. Каждый день, приходя туда, он обещал себе, что это в последний раз.

И вот сейчас он говорил себе то же самое. День был необычный для июня -- холодный и дождливый.

Он сидел в холле, в то время как Анна репетировала в студии. Ну что ж, еще через три недели все программы на летний сезон будут сняты. Анна пообещала, что в отпуск она поедет вместе с ним, но, вероятно, куда-нибудь недалеко, чтобы можно было раз в неделю навещать Нили.

Режиссер Ричардсон привел какого-то мужчину.

-- Кевин, мне хотелось бы познакомить тебя с моим старинным приятелем. Мы вместе воевали. Знакомься -- это Кевин Гилмор. А это -- Лайон Берк.

Кевин застыл, услышав это имя. Наверняка тот самый, имя не столь уж распространенное. С виду скорее артист, чем писатель. И хорошо сложен, а загар... Кевин вдруг почувствовал себя старым и больным. И сразу как бы со стороны увидел свои редющие волосы. У Берка же они черны, как смоль, и лишь слегка серебрятся на висках. А какая широкая улыбка у этого мерзавца. Нервно улыбнувшись, Кевин обменялся с Лайоном рукопожатием.

-- Принимаете участие в работе компании?-- спросил он.

-- Нет. Просто приехал в Нью-Йорк несколько дней назад. Обедали с Джерри, и он сказал мне, что здесь работает мой старый друг -- Анна Уэллс. Вот и зашел повидаться.

-- Сейчас посмотрю, освободилась ли она,-- быстро проговорил Кевин.-- Это я ее открыл... сделал "Девушкой Гиллиана". Пойдемте, она в студии.-- Он взял Берка под руку. Он должен быть там, с ними, видеть реакцию Анны.

У нее еще не кончилась генеральная репетиция, поэтому Кевин и Лайон сели в зрительном зале. Он знал, что она не видит их из-за яркого света юпитеров, и незаметно, искоса следил за Лайоном. Лайон смотрел репетицию с явным интересом.

-- Да, у нее это и в самом деле великолепно получается,-- сказал он Кевину, словно только что узнал это.

-- Она была великолепна с самого начала,-- осторожно заметил Кевин.

-- Я впервые вижу ее на сцене. Все это время я жил в Европе.

-- У них сейчас будет перерыв. Хотите подойти поздороваться?--

Кевин старался говорить непринужденно.

-- Непременно!-- Лайон легко встал с кресла и пошел вслед за Кевин.

Когда они подошли, Анна обсуждала с продюсером какие-то изменения. Увидев Кевина, она тепло улыбнулась и подмигнула ему, как бы говоря: "Через минуту все кончится". Сначала ее взгляд невидяще скользнул по лицу Лайона, затем, вздрогнув, словно не веря своим глазам, она вновь посмотрела на него.

-- Да, это я,-- сказал он, лучезарно улыбаясь. Он выступил вперед и взял ее руки в свои.

Анна слабо улыбнулась, чувствуя, как у нее дрожат губы. Лайон... еще красивее, чем когда-либо... Каким-то образом она все же обрела дар речи и сказала, что рада видеть его.

-- Можем мы где-нибудь присесть?-- спросил он.-- Здесь дьявольски жарко от юпитеров. Или ты еще не закончила?

-- Нет, у меня пока все закончилось, теперь остались только съемки.

-- Мне нужно кое-чем заняться в правлении,-- сказал Кевин.-- Почему бы вам не побыть вдвоем -- вам наверняка есть что вспомнить.-- Он ушел, кивнув на прощание. Анна поняла, что для него это был труднейший поступок в жизни. Лишь по его окаменелой спине было видно, каких душевных усилий ему стоило держаться с таким достоинством. Всем сердцем она потянулась к нему. Он был напуган, но боролся с собой, пытаясь казаться смелым. Она тоже боролась с собой, ведя Лайона в свою гримерную. "Он вернулся -- вот как все просто,-- думала она.-- А я? Неужели я должна забыть эти пятнадцать лет молчания и раскрыть ему свои объятия? И тем не менее, именно это я и хочу сделать. Не могу спокойно смотреть на него, чтобы не протянуть руку и не коснуться. Но ведь сейчас есть Кевин... Где я была бы, если бы не Кевин? И где был Лайон все эти годы?"

В гримерной они сели. Прикурив сигарету от протянутой им зажигалки, она глубоко затянулась, намеренно ожидая, с чего он начнет.

-- Что ж, похоже, ты была права,-- сказал он.

-- Насчет чего?

-- Насчет Нью-Йорка... твоей подлинной любви.-- Он развел руки, как бы охватывая все пространство вокруг.-- Тебе здесь нравилось, и ты добила своего, Анна. Я очень горжусь тобой.

-- Ты тоже добился своего, Лайон.

-- Но не в долларах и центах и не в настоящей литературе. Но в целом, можно сказать, что своего я добился, ибо делаю сейчас то, чего по-настоящему хотел. И верю в то, что ты -- та самая девушка, которая когда-то сказала мне, что каждый человек обязан дать себе этот шанс.

-- Что ты делаешь в Нью-Йорке?

-- Мы совершенно восхищены вашим коммерческим телевидением и быстрым становлением ваших актеров. Одна из наших газет пору-

чила мне написать цикл статей обо всех аспектах вашего телевидения -- о девушках, зарабатывающих миллионы всего-навсего одной пластинкой-хитом, о звездах-ковбоях, превращающихся во владельцев предприятий, и о девушках, которые становятся финансовыми магнатами и волшебницами, рекламируя лак для ногтей.

Она рассмеялась.

-- А у вас там такого нет?

-- Пока нет. Вскоре это придет и к нам -- мы отстаем от вас лет на десять, -- но я, по крайней мере, могу подготовить Британские острова к грядущему нашествию. -- Он улыбнулся. -- Конечно, это не имеет ничего общего с литературой, которой я себя посвятил. Просто неожиданное выгодное предложение: хорошо оплачивается и к тому же дало мне возможность приехать в Штаты.

-- Сколько ты здесь пробудешь?

-- Думаю, месяца полтора.

-- Уже виделся с Генри?

-- Вчера обедали вместе. Генри устал, хочет продавать свой бизнес. Джордж Бэллоуз пытается сам набрать нужную сумму, но если не сумеет, фирма Джонсона--Гарриса приобретет его. -- Он закурил сигарету. -- И Джорджа я видел. Выглядит вполне процветающим, но я не завидую ему -- все та же бешеная гонка.

-- Легко ничего не дается, Лайон.

-- Да, верно. Даже вот эта журналистская работа, за которую я взялся. Приходится проводить целое исследование и иметь дело с массой цифр, которые нужно проверять и перепроверять. Не могу же я все брать из головы. Но мне это нравится. -- Он перегнулся через стол и взял ее за руки. -- А как ты? Не замужем, детей нет... Генри говорит, ты все еще одна.

Она отвернулась чуть в сторону, надеясь, что под густо наложенным гримом не видна краска смущения.

Он все так же крепко держал ее за руки.

-- У меня в этом плане тоже одни нули, -- сказал он. -- Единственное, о чем я сожалею. Такой, как ты, Анна, больше нет -- да и не могло быть никогда. -- Он помолчал. -- Мне бы очень хотелось еще раз встретиться с тобой, пока я здесь. Я сумею понять, если ты не сможешь... Генри говорит, что ты и этот Кевин Гилмор...

-- Мы можем с тобой встретиться, Лайон, -- ровным голосом проговорила она.

-- Чудесно! Когда это будет?

-- Завтра вечером, если хочешь.

-- Прекрасно. Где я тебя найду?

-- Давай я сама тебе позвоню, -- быстро сказала она. -- Днем меня не будет дома -- несколько деловых свиданий.

Лайон записал название отеля. Анна отметила, что он остановился всего в трех кварталах от ее дома. Улыбнувшись, она пообещала позвонить ему в шесть часов.

-- Поужинаем где-нибудь,-- просто сказал он и встал.-- А сейчас пойду: тебе наверняка нужно подправить грим, перед тем как все это будет сниматься на камеру. Я очень горжусь тобой. Значит, до завтра...

Еще долго после его ухода она сидела неподвижно, словно застыла на месте. Лайон вернулся. Ничего не изменилось. Нет, изменилось -- ей уже не двадцать, и эти годы принесли с собой перемены. Есть Кевин, который дал ей свою любовь, свое доверие... и ее профессию.

"Я нужна Кевину,-- думала она,-- но вот появляется Лайон, просто так, наездом, и я веду себя как идиотка, готовая потерять голову и забыть все эти годы, когда от него не было не единой весточки. Завтра позвоню и скажу, что занята. А может, и вообще не позвоню. Пусть ждет, как я его ждала столько лет".

Но она знала, что встретится с ним.

Кевин ни словом не обмолвился об этом до конца ужина. Затем спросил небрежным тоном, что Лайон делает в Нью-Йорке. Анна объяснила, в чем заключается его задание. Кевин напряженно слушал ее, уставившись в рюмку с коньяком. Потом сказал:

-- Что ж, теперь, когда я увидел его, мне многое стало понятно. Двадцатилетнюю девушку обязательно потянет к такому мужчине, как Лайон. Разумеется, все в нем чересчур напоказ -- и внешность, и этот деланный английский шарм, но думаю, что молоденькая впечатлительная девушка нашла бы его привлекательным.

-- Да,-- Она отпила из своего бокала.-- Но часть этого шарма заключается как раз в том, что Лайон не осознает красоты своей внешности...

-- Ха-ха! Не обманывайся на этот счет!-- слегка раздраженно воскликнул Кевин.-- Этот молодчик прекрасно знает, в чем его сила. Именно на свою внешность он и делает ставку. Каждое его движение, каждый жест продуманы. И ему известно также, как нравиться мужчинам. И мне бы он понравился, не будь он твоим Лайоном Берком.

Она улыбнулась и протянула руку за сигаретой.

-- Анна,-- тон его сделался требовательным.-- Скажи мне что-нибудь. Я стараюсь разыгрывать спокойствие, как в кинофильмах, но, бога ради, помоги мне, дай за что-нибудь ухватиться, скажи, что он оставил тебя равнодушной.

-- Нет, Кевин. Сказав так, я бы солгала тебе.

-- Ты не будешь опять встречаться с ним?

-- Если ты скажешь, чтобы не встречалась, то не буду.

-- Но сама ты хочешь этого?-- Его взгляд молил, чтобы она ответила отрицательно.

Она отвела глаза.

-- Возможно, было бы мудрее, если бы я сделала это. Мудрее для нас обоих. Быть может, я сочту, что все, казавшееся мне в нем привлекательным раньше, теперь можно списать на мою молодость. Как ты говоришь, его внешность поражает окружающих -- и довольно

сильно, но я не знаю, что Лайон Берк представляет собой сейчас. Может быть, я никогда не знала этого... может быть, создала его образ в своих мыслях. Генри предупреждал меня об этом. Но если мы оба, ты и я, хотим дать нашему счастью хоть какой-то шанс, тогда я должна выяснить это.

-- Хочешь сказать, я мог бы остаться с носом только потому, что этот сукин сын получил задание от какой-то газетенки? А если бы не получил, ты бы так никогда и не увидела его. Ты понимаешь это?

-- Конечно, понимаю, Кевин... я привязана к тебе... и сильно. Нас связывают прожитые годы, которые нельзя просто взять и забыть. Но Лайон -- это нечто такое, что оборвалось в моей судьбе, как струна, на высокой звенящей ноте. Может быть, я увижу, что сейчас она оборвется на самой низкой, но я сама должна это увидеть.

-- Не нужно, Анна. Не встречайся с ним!-- голос у него стал резким и хриплым.

-- Кевин... пожалуйста...-- Она неловко оглянулась вокруг, окинув взглядом зал ресторана.

-- Анна,-- он схватил ее за руку, едва не опрокинув бокал с водой.-- Анна, ты -- вся моя жизнь. Я не могу жить без тебя!

-- Тебе и не придется, Кевин.

-- Ты клянешься?

Она увидела слезы в его глазах.

-- Клянусь,-- несчастным голосом ответила она.

Весь следующий день Анна никак не могла поладить со своей совестью. Раз десять она подходила к телефону, чтобы позвонить Лайону и отменить свидание, но так ни разу и не набирала номер до конца. А может, все окажется плохо. Может, она легко расстанется с ним и уйдет, даже не оглянувшись. Эта встреча решила бы все. Она обещала Кевину, что не оставит его, но не давала обещания не встречаться с Лайоном. Она должна увидеться с ним.

Они встретились в Малом клубе в семь часов. Когда Анна вошла, Лайон сидел за стойкой бара. Легко соскочив с высокого сиденья, он провел ее к столику.

-- Ты не тот тип женщины, чтобы сидеть у стойки,-- пояснил он. После того, как они заказали выпить, он пристально посмотрел на нее.-- Анна, ты выглядишь великолепно. Ничуть не изменилась. Нет, неправда -- ты стала еще красивее.

-- Ты тоже хорошо сохранился,-- натянуто улыбнулась она.

-- Я часто думал о тебе,-- сказал он.-- Иногда, когда я особенно страстно желал тебя, я утешал себя бредовыми фантазиями: убеждал себя, что ты растолстела, что тебе за подол цепляются шесть или семь сопливых сорванцов -- твоих детей. По крайней мере, после этого я мог спокойно садиться за пишущую машинку.

Она рассмеялась.

-- Ах, Лайон, а я представляла себе, что ты облысел.

После этого все стало легко. Она рассказала ему о Дженифер, тщательно обходя подлинную причину ее смерти. Каким-то непостижимым образом она чувствовала, что легенду Дженифер надо поддерживать, что красота ее тела и после смерти не может быть осквернена раковой опухолью. Разговор перешел на Нили. Генри уже рассказывал Лайону о ней, но тому никак не верилось, что такое могло случиться с энергичной быстроглазой Нили, которую он знал когда-то.

-- У нее огромный талант, -- сказал Лайон. -- Она ужасно популярна в Англии. Для продукции Голливуда ее картины замечательны. Несмотря на всю сентиментальную мишуру и слезливую патоку, которой они облепили ее, все равно видно, что она настоящая актриса. Ведь эта болезнь у нее пройдет, правда?

Глаза у Анны затуманились.

-- Говорят, что у нее склонность к самоубийству, что такое заболевание полностью не излечивается. Его ход можно приостановить, и, если вовремя оказать помощь, у нее все может стабилизироваться, и она опять станет нормальным человеком. Но стремление к самоубийству останется навсегда. Так, во всяком случае, утверждают врачи.

Лайон вздохнул.

-- Возможно, именно поэтому я так и не достиг больших высот. Иногда я думаю, что великие артисты все немного ненормальные. Я же куда как нормален: засыпаю моментально, едва коснусь подушки, никогда не перепиваю и даже не принимаю анальгин.

Анна засмеялась.

-- По-моему, я тоже самая что ни на есть заурядная. Возможно, чересчур много курю, но по-прежнему почти не пью и, хотя никогда не признаюсь в этом, иногда могу на позднем сеансе заснуть прямо посреди фильма.

В ответ он тоже рассмеялся.

-- Нет, Анна, ты не заурядная. Такой, как ты, больше нет. Пойми, это сущая правда. Все женщины, которые у меня были, мгновенно стирались из памяти. Они просто не дотягивали до твоего уровня. Весь ужин они говорили о Нью-Йорке и о переменах, которые он заметил. Он показал ей, что такое кофе по-ирландски, и она сразу же стала страстной любительницей этого напитка. Она все еще восторгалась кофе, когда он вдруг сказал:

-- Все осталось по-прежнему, Анна. Я хочу обнять тебя прямо сейчас. У меня такое чувство, словно мы вообще не расставались.

-- И я хочу, чтобы ты обнял меня, Лайон.

Он улыбнулся.

-- Значит, решено. Но будет, наверное, лучше, если я сначала оплачу счет, и мы оба смоемся отсюда куда-нибудь подальше. Это было невероятно. Лежать рядом с ним, смотреть на дым его сигареты, клубящийся в свете лампы... Не было никаких колебаний, не нужно было наводить никаких мостов -- любовь и страсть снова соединили их. И единение это было полным, всеобъемлющим. Сжимая его в

своих объятиях, она вдруг поняла, как это важно -- любить; гораздо важнее, чем быть любимой. И она поняла, что именно такое решение она должна была принять. Лайон любит ее, пусть и по-своему. Достаточно ли этого? А может, ей будет не хватать нежной самозабвенной преданности Кевина, той односторонней жизни, которой он живет только ради нее? С Лайоном же ей самой придется каждую минуту быть деятельной и активной. Способна ли она дарить такую любовь и брать ее?

Протянув руку, он погладил ее по обнаженной спине.

-- Мне было замечательно. Как всегда, когда я с тобой.

-- Мне тоже, Лайон, только с тобой.

-- Однако же существует Кевин Гилмор, Анна, -- тихо сказал он. Почувствовав, как она вся напряглась, он погладил ее по голове. -- Это всем известно, дорогая. И все знают, что он хочет жениться на тебе. -- Лайон помолчал. -- Ты, конечно, понимаешь, что вчера я появился на студии не случайно, правда? Просто подыскал предлог -- встречу с Джерри Ричардсоном. Хотел познакомиться с Кевином Гилмором и увидеть тебя.

Она отстранилась от него и села в кровати.

-- А что мне оставалось делать? Сидеть все эти годы, сложа руки, и молиться о твоём возвращении? Лайон... ведь ни письма, ни строчки... ничего!

-- Тс-с, -- он приложил палец к ее губам. -- Конечно, я понимаю. Я хотел написать тебе -- о боже, сколько их было, этих писем, которые я писал и не отправлял, но эта моя проклятая гордость... "Вот напишу следующую книгу, -- говорил я себе, -- вернусь в лучах славы и отобью свою девочку у любого парня, с которым она сейчас". Но, увы, я отнюдь не в "лучах славы", а Кевин Гилмор отнюдь не "любой парень". Он хороший человек, Анна, и, насколько я знаю, по уши влюблен в тебя.

Она молчала.

-- Если бы у меня была сила воли, я не должен был встречаться с тобой после сегодняшнего, -- сказал он.

-- Лайон! -- В голосе ее прозвучал страх.

Он громко рассмеялся.

-- Я сказал: "если бы была сила воли". Боюсь, что у меня ее никогда и не было. А уж когда увидел тебя, даже то незначительное, что было, развеялось, как дым. -- Он добавил очень серьезно: -- Я буду здесь, Анна, в любое время, когда ты захочешь встретиться. Но это все, что может быть у нас с тобой.

-- Как тебя понимать?

-- Выполнив свое задание, я возвращусь в Лондон. Я работаю над новой книгой, и первоначальный вариант уже написан.

-- А здесь ты не мог бы писать?

-- Вероятно, мог бы. Но не мог бы жить. По крайней мере, так же хорошо, как там. У меня отличная квартира, и я подрабатываю стать-

ями. Это другая жизнь, Анна, но мне она по душе. И зарабатываю я ровно столько, чтобы иметь возможность проводить долгие унылые часы за машинкой, когда я пишу именно то, что хочу писать. Это единственное существование, но всегда есть надежда, что, может быть, именно вот эта книга принесет мне успех. Я верю в свою способность писать и в то, что пытаюсь делать, а благодарить за это я должен тебя. Да, я потерял тебя из-за этого, но ведь в ином случае, скорее всего, ничего и не получилось бы...

-- Почему же не получилось бы? -- упрямо возразила она. -- Если бы я не открыла тогда по глупости свой рот в "Барберри-Рум", если бы не настаивала на том, что ты должен стать писателем, ты мог бы стать крупнейшим театральным менеджером в Нью-Йорке, и у нас были бы дети, и мы бы...

-- ...ненавидели сейчас друг друга. Нет, Анна, у брака нет никаких шансов, когда ты карабкаешься к успеху. И вероятно, ничего не получилось бы даже в том случае, если бы ты покорно уступила мне, согласившись жить в Лоренсвилле. Наверное, мне просто на роду написано быть одиноким. Но я так рад снова быть с тобой. С благоговением буду хранить в памяти каждую минуту, подаренную тобой, я растяну эти воспоминания на все те долгие дождливые лондонские вечера, когда вновь окажусь дома. -- Он привлек ее к себе, и сердце растворилось у нее в груди от невыразимой любви.

Уже светало, когда она пришла к себе. Вставляя ключ в замок, она заметила под дверью полоску света.

-- И как только ты сумела оторваться от него так быстро? Еще утро не наступило.

В гостиной сидел Кевин и курил.

-- Ты же не куришь после сердечного приступа. Что ты пытаешься этим доказать?

-- К чему столь трогательная забота о моем здоровье? Сдается, что после сегодняшней ночи будущего мне отпущено не так уж много.

-- Кевин, зачем ты пришел сюда?

-- Я знал, что ты будешь с ним. Давай, опиши мне все. Он отделал тебя на полную катушку? Наверное, полностью раскрепостился с тобой? Перепробовали, поди, во всех позах, разве что не на люстре?

-- Прекрати! Такое поведение тебе не к лицу. Успокойся... а если хочешь остаться здесь -- иди ложись.

-- А ты бы легла сейчас со мной? -- Он увидел, как она вся застыла. -- Если бы легла, то была бы просто подстилкой. Самое подходящее название для таких, как ты. Ну, так как же?

-- Кевин... у нас с тобой ничего не было после сердечного приступа. Дело не в том, что была против... но твоё здоровье и...

-- ...и мой возраст. Ну, продолжай, говори.

-- Что бы ни произошло между Лайоном и мною сегодня, это не имеет никакого отношения к тому, как я отношусь к тебе.

-- И я должен смириться с этим? Значит, Лайон, будет жеребцом, а

я -- стареньким преданным вздыхателем?

-- Ты мой друг, часть моей жизни... человек, которого я глубоко люблю. А Лайон -- это... другое.

-- Так вот, я не собираюсь играть эту роль. Тебе придется сделать выбор.

-- Хорошо, Кевин, -- устало сказала она. -- Если ты вынуждаешь меня...

Он схватил ее за плечи.

-- Нет, нет! Анна, не бросай меня! -- Он затрясся в рыданиях. Она хотела отстраниться, но вместо этого стала гладить его по голове. Было так ужасно видеть, как человек распадается на твоих глазах. Она ли повинна в этом, или его здоровье и возраст?

-- Кевин, я не оставляю тебя.

-- Но будешь продолжать встречаться с ним. Думаешь, я смогу так? Зная, что ты приходишь ко мне из его объятий?

-- Кевин... -- Она с трудом подыскивала нужные слова. -- Мы оба знаем, что я была с Лайоном. Но он возвращается в Англию. И знает о тебе. Сказал даже, что ты хороший человек.

-- Вот-вот, это и есть в нем типично английское. А ты разве не знаешь? Все англичане глубоко испорчены. Он, наверное, удовольствие получает от того, что делит тебя с другим.

Она терпеливо вздохнула. Это говорил не Кевин, его устами говорил истерический страх.

-- Кевин, я остаюсь с тобой.

-- Почему? Разве он больше не хочет тебя?

Она повернулась, прошла в спальню и начала раздеваться. Невероятно. История повторяется. Кевин неожиданно стал походить на Аллена Купера. То же самое коровье выражение на лице и тот же самый детский гнев. И опять именно Лайон находится на заднем плане, ничего не требуя и ничего не обещая, а она разрывается надвое. Сколько же она на самом деле обязана Кевину? Ее отношения с ним никогда не приводили ее в восторг. Однако все это время она ни разу не дала ему оснований ни для ревности, ни для опасений. Возможностей у нее была масса -- множество мужчин моложе и привлекательнее Кевина, -- но она отклоняла все предложения. Она дала ему четырнадцать лет счастья, разве это не уравнивает любое обязательство по отношению к нему? И все же она нужна Кевину. Он просидел здесь всю ночь, курил. Она знает, что это такое -- сидеть и ждать человека. Внезапно ее захлестнул порыв нежности и жалости к Кевину. О боже, он выглядит таким старым, таким уязвимым. Она не может причинить ему боль.

Анна вернулась в гостиную. Кевин все сидел, уставясь в одну точку перед собой, раздавленный, разбитый.

Она протянула к нему руки.

-- Кевин, я люблю тебя. Раздевайся, уже поздно. Поспи немного. Я всегда буду здесь, пока буду нужна тебе.

Неверной походкой он двинулся к ней.

-- Ты не будешь с ним больше встречаться? Не будешь?

-- Нет, Кевин. Больше я с ним встречаться не буду.

Две недели Анна преодолевала в себе желание позвонить Лайону, старалась стереть из памяти всякое воспоминание о нем. Хотя Лайон ни разу не позвонил ей, она знала, что он где-то рядом и ждет ее. Однако она призывала на помощь всю выдержку и самодисциплину, на которую только была способна, и ей удалось устоять. Были ночи, когда она оставалась одна. Тогда ее обуревало неодолимое желание позвонить ему и вихрем промчаться эти три квартала до его отеля. В такие минуты она выходила на террасу, глубоко вдыхала ароматный ночной воздух и смотрела на звезды. Такая ночь создана для любви -- нужно быть с Лайоном, а не стоять здесь одной вот так. И неизменно раздавался телефонный звонок: зачем-нибудь звонил Кевин, явно проверял ее. Он никогда не делал так раньше, но сейчас стал звонить в самое неурочное время. Часто он язвительно говорил, уходя от нее: "Ну, девочка моя, я пошел в свою холостяцкую берлогу. Сегодня твой старичок примет теплую ванну и ляжет спать". А спустя три часа снова приходил к ней. "Никак не могу уснуть,-- говорил он.-- Можно, я проведу ночь у тебя?" С улыбкой сожаления она отмечала облегчение, которое отражалось у него на лице при виде того, что она дома и одна.

Анна сидела в "Двадцать первом" с Кевином и одним из новых владельцев "Гиллиана", когда в зал вошел Лайон. Был один из тех душных, жарких вечеров конца июня, которые наступают совершенно неожиданно, безо всякого предупреждения. Весь день она записывала рекламные ролики и очень устала. Все ей осточертело. Она подняла глаза и увидела, как в зал входит Лайон. Он был с одной из тех девиц, которых Кевин называл "лакомыми кусочками", но Анну он не заметил -- метрдотель провел их в другую половину зала. Со своего места она прекрасно видела его, оставаясь сама незамеченной. Девушке было лет девятнадцать, ее иссиня-черные волосы ниспадали на плечи. Она была сильно загорелой, видно было, что она загорает систематически и весьма тщательно. У нее было милое личико, а платье из тонкой ткани на узких бретелях вызывающе обтягивало юное тело, щедро демонстрируя все его прелести. Ее пальцы с необычайно длинными ногтями, покрытыми серебристым лаком, ни на минуту не размыкались с пальцами Лайона. Она ловила каждое его слово. Откидывала назад волосы, отчего они переливались волнами. Вот она что-то сказала, и Лайон, откинув голову, рассмеялся. Затем он перегнулся к ней и легко поцеловал ее в нос. Анна ощутила укол почти физической боли. Сколько же ночей он провел с подобными девицами! И все эти ночи она лежала, не смыкая глаз, желая его, думая о нем, представляя, что и он один и что ей нужно лишь позвонить ему...

Для нее это был самый худший вечер за последние годы. Глубина страдания испугала ее саму. Так глубоко она ничего не переживала с

тех давнишних дней, проведенных вместе с Лайоном, однако сейчас все было так, словно все ее чувства снова ожили -- все приливы эмоций, которые, как она думала, остались в юности. Нет, они не умерли, а были погружены в летаргический сон, ожидая пробуждения. Она не сводила глаз с Лайона и его девицы, благодарная Кевину за то, что он ушел в разговор об акциях.

Наконец, этот нескончаемый вечер завершился. Выходя из зала, она бросила последний взгляд на Лайона. Тот внимательно слушал девицу, а та что-то рассказывала ему.

Анна сослалась на несуществующую головную боль, однако Кевин настоял на том, чтобы подняться в ее квартиру. Едва они вошли, он заявил:

-- Я тоже их видел.

-- Кого?

-- Твоего любовника с его красоткой. Ведь ты места себе не находила, так?-- Голос у него был неприятный.-- Может, теперь ты поймешь, каково мне!

-- Кевин, я устала.

-- Она тебе в дочери годится, Анна.

-- Ну что ты говоришь, Кевин, мне ведь всего тридцать шесть.

-- Многие рожают в восемнадцать лет. Так что она вполне могла быть твоей дочерью. В общем, твой Лайон, моя дорогая, по-прежнему гуляет напропалую. Выбор у него богатейший. Тебе хоть приходило в голову, что он переспал с тобой просто из жалости, по старой памяти? Из жалости, точно так же, как ты жалеешь меня. Так что выше голову: мы с тобой "два сапога -- пара", двое отвергнутых и брошенных. И в какой-то степени я начинаю жалеть тебя. Ты, вероятно, все еще грезишь о той восхитительной ночи любви.. Так вот, ту ночь он подал тебе, как милостыню, в знак своего сочувствия и в искупление вины перед тобой.-- Он все больше распалялся, видя, как ее глаза темнеют от боли.-- Конечно, именно так все и было! Разве он умолял тебя бросить меня и выйти за него? Наверняка нет! Если уж он и женится, то на "лакомом кусочке". Каковым ты, моя дорогая леди, уже не являешься. Женщина ты, разумеется, красивая -- для своего возраста под сорок лет. Но ему ты нравилась, пока тебе было двадцать, и даже тогда он бросил тебя. И не кто иной, как Кевин, подобрал то, что от тебя оставалось. Кевин, который сделал тебя богатой и знаменитой.-- Он направился было к двери, но остановился.-- Да знаешь ли ты, что и я мог бы найти себе девицу двадцати лет, если бы захотел. Нет-нет, не волнуйся, я останусь с тобой, но теперь мы поменяемся ролями: отныне распоряжения буду отдавать я. Завтра же ты подашь заявление об увольнении. Я не намерен сидеть здесь весь следующий сезон, пока ты работаешь. И мы совершим-таки свое кругосветное путешествие. Вот только не уверен, есть ли мне смысл сначала жениться на тебе. Надо будет еще хорошенько подумать об этом.

Все время, пока Кевин говорил, она смотрела на него расширенны-

ми от ужаса глазами. Когда он закончил, она сказала:

-- Кевин, не может быть, что ты на самом деле так думаешь. Это говорил не ты.

-- Нет, мадам, именно я. Наконец-то у меня появилась возможность отыграться. Я постоянно рассыпался перед тобой в благодарностях за твою благосклонность, пока, наконец, не разглядел твое истинное лицо сегодня вечером. Бог мой, и что только может ревность сотворить с человеком! Ты теряла свой облик прямо у меня на глазах. На фоне того "лакомого кусочка" ты вдруг полиняла и поблекла. От озабоченности на лице появились морщины... В одно мгновение моя богиня рухнула со своего пьедестала. Передо мной сидела увядшая блондинка, с нескрываемой завистью пожирающая глазами жеребца, которого у нее увела молоденькая кобылка.

-- Кевин, уйди, пожалуйста. Я не верю, что ты можешь так думать.

-- Да хватит передо мной-то разыгрывать светскую даму! Все кончено. Теперь ты просто брошенная бабенка! Хочешь, докажу? Сейчас он должен быть у себя: он же не может утерпеть, чтобы не затащить такой "лакомый кусочек" в свою постель. Решишься позвонить ему прямо сейчас? Позвони и скажи, что хочешь увидеться с ним. Я засеку время вашего разговора. Во всем этом городе ни одну не отошлют так быстро, как тебя.

Анна направилась в спальню. Он догнал ее, схватил за руку и рывком повернул к себе.

-- Нет, я еще не закончил говорить с тобой. Теперь у тебя не выйдет меня бросить. Все слышала, что я сказал? Роль светской дамы исчерпала себя.

-- Кевин, ты меня в самом деле ненавидишь, правда?

-- Нет, жалею. Как ты меня раньше.

-- Если ты действительно так думаешь, пожалуйста, уходи, Кевин. Навсегда.

-- Ну нет.-- Он самодовольно усмехнулся.-- Не раньше, чем увижу, как ты окончательно упадешь в моих глазах.-- Он сорвал трубку.-- Звони ему. Ты наверняка затвердила его номер наизусть. Если ты не позвонишь, позвоню я. Скажу ему, что за ужином ты ничего не ела, что заболела от ревности. Я, разумеется, тоже запомнил его номер. Ведь мы оба с тобой неотрывно думали о нем все эти две недели, разве не так?-- Он начал набирать номер.

Она отодвинула от него телефон. Оттолкнув ее, он рванул аппарат к себе.

-- Кевин!-- Он уже набрал номер коммутатора отеля и просил телефонистку соединить его с Лайоном Берком.

-- Так и быть.-- Он протянул ей трубку.-- Говори с ним сама. Начиная или это сделаю я.

Она взяла трубку. Звонки уже шли в номер к Лайону. Она молила бога, чтобы его там не оказалось. Не может быть, чтобы все это происходило наяву. Какой-то кошмар. В трубке щелкнуло...

-- Алло.-- Это был Лайон.

-- Лайон?-- запинаясь спросила она.

Молчание.

-- Анна?

-- Говори,-- прошипел Кевин.-- Скажи, что хочешь прийти к нему.

Она умоляюще посмотрела на него, прося пощадить ее, но он подался к ней, показывая, что возьмет тогда трубку сам. Она отстранилась.

-- Лайон... я... мне... хотелось бы прийти к тебе.

-- Когда?

-- Сейчас.

Последовала короткая пауза. Затем раздался его радостный голос:

-- Мне нужно минут десять, чтобы уладить тут кое-что, а потом сразу приходи.

-- Спасибо, Лайон. Приду.

Повесив трубку, она посмотрела на Кевина. Лицо его сразу осунулось и постарело.

-- Ясное дело!-- вскричал он.-- И как это я сразу не сообразил! У вас там будет секс втроем -- ты, Лайон и та девка. Я же говорил тебе, что эти англичане донельзя развращены... И ты пойдешь, потому что у тебя нет выбора!

-- Ах, Кевин,-- простонала она.-- Что мы наделали друг с другом?

-- Что до меня, то я сейчас выяснил, что потратил много лет своей жизни на дрянь, выдававшую себя за леди.-- Он вышел из квартиры, громко хлопнув дверью.

С минуту Анна стояла неподвижно, пока ее гнев не сменился смешанным чувством горечи и облегчения. Кевин принял решение. Боже, какое это ужасное чувство -- ревность, раз даже такого сильного человека, как Кевин, оно смогло превратить в эмоционального калеку. Однако она не испытывает к нему вражду. Волна облегчения вдруг затопила ее, словно огромная тяжесть вдруг свалилась с плеч. Как бы ни получилось у нее с Лайоном, ей не придется теперь выходить замуж за Кевина. С этим покончено... она свободна! Подправив косметику на лице, она быстрым шагом прошла три квартала до отеля Лайона.

Дверь распахнулась.

-- А я уж было потерял всякую надежду,-- сказал Лайон.

Внимательным взглядом она окинула номер.

-- Она ушла,-- спокойно сказал он.

Анна сделала вид, что не понимает, о чем речь.

-- Я видел тебя, когда ты выходила из клуба. Моя прославленная девочка воскликнула: "Да ведь это сама Анна Уэллс!" Она обожает тебя и твои телепередачи.

-- Да, я видела тебя, Лайон.

-- Вот и прекрасно. Во всяком случае, это привело тебя ко мне! --

Он подошел к карточному столику, служившему баром, и приготовил два коктейля.-- Знаешь, теперь это новый вид шоу-бизнеса,-- сказал он.-- Признаюсь, что не понимаю его. Однако не мне судить. Последние две пластинки Конни Мастерс разошлись миллионными тиражами, а в Англии ее просто обожают. Так что я вынужден писать и о ее захватывающей жизни.

-- Кто такая Конни Мастерс?

-- Та самая обольстительница, с которой я был сегодня. Только не уверяй меня, будто ничего о ней не слышала.-- Увидев, как Анна качает головой, он улыбнулся.-- Мы -- уходящее поколение, ты и я. Когда кто-нибудь заговорит о певицах, у нас обоих возникают ассоциации с Дайаной, Эллой и Нили. Но Конни Мастерс -- сенсация сегодняшнего дня. Ей девятнадцать, все киностудии грезят о том, чтобы запустить ее, а я вот не могу прослушать до конца ни одной ее пластинки, если не выпью как следует.

Она улыбнулась.

-- Понимаю. Я каждый день узнаю имена, о которых никогда раньше не слышала. Наверное, подростки и молодежь их на руках носят, создавая им неслыханную популярность.

-- Ну вот и я выполнил свой долг перед английской прессой и любителями поп-музыки во всем мире. А твой звонок оторвал меня от совсем не профессиональных обязанностей.

-- Хочешь сказать, ты лег бы с нею в постель?

-- А почему бы и нет? Знаешь, чувствуешь себя очень одиноко, когда сидишь и ждешь твоего звонка, а его все нет и нет. Я, конечно, понимаю тебя... правда, понимаю. Но она была вот здесь, в этом самом кресле, в котором сейчас сидишь ты, свернулась калачиком и ворковала, что просто обожает мужчин старше себя. Что я должен был делать? Выставить ее отсюда прочь, в это раскаленное пекло на улице?

Анна рассмеялась.

-- Ну-ну, Лайон, не такой уж ты беспомощный.

-- Нет, но эти представительницы современного поколения, эти молодые барракуды, они застигают человека врасплох.-- Он подошел к ней, приподнял, поставил на ноги.-- А вот ты -- прекрасна, очаровательна и опасна, но я все-таки чувствую себя с тобой в полной безопасности.-- Он поцеловал ее и привлек к себе. Телефонный звонок заставил их разомкнуть объятия. Анна улыбнулась:

-- Барракуда.

Лайон снял трубку. Она увидела, как у него сузились глаза. Холодным тоном он произнес:

-- Предлагаю вам поговорить с нею самой.-- Повернувшись к Анне, он протянул ей трубку. В ответ на ее невысказанный вопрос он отчетливо произнес: -- Кевин Гилмор.

-- Я не хочу говорить с ним.-- Она попятилась назад.

-- Советую поговорить,-- возразил он, и до ее сознания вдруг дошло, что при обмене этими репликами он не прикрыл трубку рукой.

Кевин все слышал. Она взяла трубку, словно это было живое существо.

-- Кевин?

-- Анна! Анна, прости меня! Я сказал сейчас Лайону Берку, что на меня сегодня что-то нашло. Я сошел с ума. Анна, сегодня между нами ничего не было. Все, что я наговорил, -- неверно. Анна, ты слушаешь?

-- Кевин, не надо. Все кончено.

-- Анна, пожалуйста... возвращайся домой. Я совсем не то имел в виду, когда бросал тебе в лицо те оскорбления. Можешь продолжать работать... можешь делать все, что пожелаешь... -- Голос его срывался. -- Я женюсь на тебе завтра же или когда сама захочешь. Просто буду рядом с тобой. Можешь приказывать мне, отдавать любые распоряжения. Все выполню. Ради бога! Я увидел, что ты такая несчастная из-за того, что он был с девушкой, -- ты такой никогда не была -- и сошел с ума. Хотел причинить тебе боль, как ты причинила мне. -- Он уже рыдал в трубку. -- Пожалуйста, Анна... понимаю, я стар. Если хочешь встречаться с Лайоном Берком на стороне, я даже на это согласен, только мне не говори. Можешь делать все, что угодно, только прости меня и не уходи из моей жизни. -- Он начал задыхаться.

-- Кевин, с тобой что-то случилось?

-- Нет. Наверное, шел слишком быстро. Всю дорогу бежал. Анна, пожалуйста... Для Лайона ты всего-навсего одна из многих, но для меня... ты -- вся моя жизнь!

-- Кевин, мы поговорим завтра.

-- Анна, я не усну. Особенно в эту ночь, когда ты у него и я знаю, чем ты занимаешься... -- Она услышала, как он опять глубоко вдохнул воздух. -- Анна... ради бога. Сегодня... вернись домой сегодня. Позволь мне спать на другой кровати. Просто так, чтобы я знал, что ты вернулась. И с этого момента я не буду следить за тобой. Только не уходи от меня. Ну, пожалуйста, Анна... я не могу с ним соперничать: у меня нет ни его молодости, ни его здоровья. Пожалуйста, ну, пожалуйста!

-- Хорошо, Кевин. -- Трубка в ее руке словно налилась свинцом.

-- Так ты возвращаешься? -- Надежда, прозвучавшая в его голосе, рвала ей душу еще больше, чем его рыдания.

-- Да... прямо сейчас. -- Положив трубку, она повернулась к Лайону.

-- Опять колеблешься? -- Он стоял к ней спиной, наливая себе второй бокал.

-- Лайон, что мне делать?

Он пожал плечами.

-- Я бы сказал, что это зависит от того, кому ты стремишься угодить: себе самой или же своей совести. К чему ты стремишься? К счастьем или к душевному покою?

-- А разве это не одно и то же?

-- Нет. Душевный покой часто бывает совершенно несовместим с любовью. Уверен, что с Кевином у тебя всегда был бы душевный по-

кой и чистая совесть. А со мной тебе пришлось бы перебарывать эту самую совесть. Но ведь любовь -- это всегда борьба, разве нет?

-- Ты говоришь, что любишь меня?-- спросила она.

-- Боже мой, ну неужели эти слова нужно писать неоновыми буквами, чтобы они дошли до тебя? Конечно, я люблю тебя!

-- Но откуда же мне это знать? За две недели ты ни разу не позвонил, не пытался признаться мне в этом.

-- Я говорю о любви,-- горячо воскликнул он.-- А не о выпрашивании! Любовь не должна делать из человека попрошайку. Я не хотел бы любви, которую мне пришлось бы вымаливать, обещая вместо нее что-то взамен, или клясться в ней до гробовой доски. И я презирал бы женщину, которая стала бы выпрашивать у меня любовь. Любовь -- это нечто такое, что нужно отдавать, ее нельзя купить словами или жалостью. Я никогда не стану просить тебя, Анна. Я люблю тебя. Ты должна это знать. И всегда буду любить...

-- Лайон, ты знаешь, что я люблю тебя. Всегда любила... Всегда буду любить...

-- Так почему же мы стоим здесь и пустословим на эту тему? Ты -- здесь, и я хочу тебя.-- Он улыбался, но так и не подходил к ней.

-- Но ты возвращаешься в Англию...

-- А Кевин остается в Америке.-- Он улыбнулся.-- Я говорил о любви, ты же говоришь о географии. Все это сильно смахивает на что-то.

-- Но любить... означает строить совместные планы... быть вместе.

-- Любовь -- это чувство, а для тебя -- это контракт с приложенными к нему детальными правилами и всяческими оговорками, заключаемый между двумя негибкими идеальными людьми.-- Он взял ее за руки.-- Анна, сейчас для этого уже слишком поздно. Да, я вернусь в Лондон, я выработал там свой образ жизни. Здесь у тебя все, что ты имеешь. Наверное, ты должна идти к Кевину, он вписывается в твой образ жизни. Максимум, что я могу предложить тебе, это еще несколько недель.

-- А может быть, мне понравился бы Лондон, Лайон. Тебе это не приходило в голову?

-- Анна, я писатель. Может быть, не самый лучший, но стремлюсь к тому, чтобы стать таким. А ты уже не порывистая двадцатилетняя девчонка, которая когда-то печатала мои рукописи. Тебе там быстро надоест, и ты возненавидишь все это.

Резко повернувшись, она бросилась вон из номера, бегом пронеслась по коридору и нажала кнопку лифта. А может, он бежит за нею? Если да, то... Дверцы лифта раздвинулись. Она обернулась, увидела закрытую дверь его номера и вошла в кабину. Домой Анна шла медленно, а дойдя, она прошла мимо входной двери: ей нужно было все обдумать. Лайон любит ее, но не предлагает никакого будущего. Кевину она нужна, и он предлагает ей свою преданность на всю жизнь. Кевин все облакает в форму контрактов, с любыми оговорками, какие она только пожелает. Но что можно ждать от контракта, выражающе-

гося в преданности, которая абсолютно ей не нужна? А Лайона она всегда сама подстегивала, удерживала его. Ну и что из того, что он не просит ее ехать в Лондон? Она сама в любое время может поехать туда за ним. Ведь Лондон -- не край света. Но это означало бы "выпрашивать" -- Лайон возненавидел бы ее. Любовь нужно отдавать -- не навязывать. Она опять подошла к своему дому. Кевин там, наверху, и он нуждается в ней. Ну как она может нанести ему такой удар ради всего нескольких недель счастья? Но внезапно в ее сознании всплыли все впустую потраченные годы, прожитые с ним, -- и все годы, которые ей еще предстоит с ним прожить, после того как уедет Лайон.

...Но сейчас-то Лайон здесь, и она может быть с ним. Да, вот в чем решение: не удерживать Лайона -- взять те несколько недель, которые он может ей дать, и пусть на этом все закончится. А потом, если Кевин захочет быть с нею, -- ладно: они останутся, как он выразился, двумя отвергнутыми и брошенными. Но пока-то Лайон здесь! И она хочет быть с ним -- каждую минуту, каждую секунду -- столько, сколько сможет.

Анна повернулась и быстро пошла, потом побежала. Она бежала до самого отеля Лайона. Лифт поднимался мучительно медленно. Он открыл дверь, обнял ее и крепко прижал к себе. Она прильнула к нему.

-- Лайон, пока ты здесь, я тоже здесь. Никаких вопросов, никаких "завтра" -- значение имеет лишь каждое мгновение, которое мы можем быть вместе. Я люблю тебя.

Взяв ее лицо в ладони, он посмотрел ей в глаза и тихо сказал:

-- Каждый миг мы превратим в вечность. Я люблю тебя, Анна.

С Кевином она встретилась на следующий день. Он выглядел совершенно изможденным. Она пыталась объяснить ему свое состояние, объяснить, почему должна видаться с Лайоном. Когда он уедет, если Кевин захочет быть с нею...

Кевин молча смотрел на нее. Потом лицо его пошло пятнами. Он зашагал взад-вперед по ее гостиной.

-- Да ведь ты такая же развращенная, как этот твой английский жеребец!-- казалось, ярость придает ему силы... Он хлопнул дверью и выбежал из квартиры, прокричав, что еще заставит ее заплатить за свое унижение.

На сей раз Кевин не стал звонить ей со слезными мольбами. В следующие дни он предпринимал до смешного детские усилия, стараясь показываться где только возможно с разнообразными красотками. Кевин, ненавидевший ночные клубы, теперь выбирал столики на самом видном месте у эстрады и нарочито медленно шествовал по залу с самой яркой девицей, какую ему удавалось подыскать. Стоило какой-нибудь начинающей звезде приехать в Нью-Йорк, как ее имя неизменно начинали упоминать в связи с Кевином. Был даже пущен анекдот, будто Кевин регулярно читает рубрику "Светская хроника" и мчится в аэропорт встречать самолет, чтобы сразу назначить свидание

только что прилетевшей знаменитости.

Последним и самым отчаянным поступком Кевина явилась попытка расторгнуть контракт Анны с "Гиллианом". Поскольку Кевин входить имидж компании, которую он когда-то создал. Он утверждал, что Анна уже "перевалила за свою вершину", что "Девушка Гиллиана" должна сменить лицо, стать моложе, свежее.

На основании его протестов было созвано заседание совета директоров. Этот шаг оказался неудачным для Кевина. Он остался в меньшинстве, и с Анной заключили новый контракт на два года, причем гонорар ее повысился на десять тысяч долларов. К тому же контракт был эксклюзивный -- исключительно с телевидением -- еще одна победа Анны, которой постоянно приходилось выдерживать напряженный график; позируя для газет и журналов.

Анна знала о кознях, предпринимаемых Квином, однако у нее не было ненависти к нему. Она испытывала лишь жалость и гнетущую тоску от того, что между ними все кончилось таким вот образом.

В последующие недели душевный подъем от ее любви с Лайоном превзошел все чувства, которые она испытывала когда-либо в жизни. Лайон получал удовольствие от ее широкой известности, от того, что поклонники сразу же узнавали ее, но она давала понять, что ей это безразлично, и сосредоточивала все внимание на его работе. Как продвигается цикл его статей? Она выслушивала его впечатления и то, как он планировал подать их. Ему не хотелось расхваливать и детально освещать американское телевидение, он хотел писать, оставляя многое за кадром, даже с долей язвительной иронии. Она прочитывала материал и часто вносила ценные предложения и дополнения.

Хотя они жили по-прежнему порознь, каждую ночь Лайон проводил у нее. Как-то вечером он сказал: "Зайду за тобой в семь, но сначала мне нужно сходить в шкаф переодеться". С тех пор они в шутку стали называть его номер в отеле "шкафом". Но недели текли одна за другой, и она понимала, что его время подходит к концу. Сам он ничего не говорил об отъезде, но она знала, что время, отпущенное им судьбой, постепенно кончается. Она чувствовала, как ее охватывает отчаяние, давящее и гнетущее.

И вот однажды, жарким июльским вечером, вдруг забрезжил лучик надежды. Они ужинали в ресторанчике на открытом воздухе в Гринич-Виллидж.

-- Это была великолепная идея -- прийти сюда, -- сказал Лайон. Он посмотрел на чистое небо и улыбнулся. -- Вот то типично нью-йоркское, чего мне не хватает в Лондоне, -- чудесной погоды. Там у нас никогда не знаешь, будет такой вот вечер или пойдет дождь.

-- Это первое, что ты сказал хорошего о Нью-Йорке. -- Она старалась говорить непринужденно.

-- Я настолько люблю тебя, что начинаю видеть в этом городе некоторые преимущества, -- ответил он. -- А как ты относишься к дождли-

вой погоде? Понимаешь ли, она у нас в Лондоне всегда такая.

Наконец-то! Он не хочет расставаться с нею. Тут нужно быть осторожной, ни в коем случае ничего не форсировать. Эта мысль должна исходить как бы от него самого. Она сосредоточила взгляд на кончике своей сигареты.

-- Я ни разу не была в Лондоне.

-- Подумай об этом.-- Это было все, что он сказал.

Только об этом Анна и была в состоянии думать. Она обсудила все с Генри.

-- Ничего не выйдет,-- стоял тот на своем.-- Ну, видел я квартиру Лайона. Был у него в прошлом году. Он считает ее дворцом, но, Анна, там нет даже центрального отопления и всего четыре комнатухи -- в общем, сущая халупа.

-- Но у меня же уйма денег. Мы могли бы снять квартиру получше...

-- Ты что, так ничему и не научилась?-- строго спросил ее Генри.-- Никому не дано права платить за Лайона Берка. Ты должна жить на то, что зарабатывает он.

-- Значит, так я и буду жить,-- с решимостью сказала она.-- Буду жить там, где он захочет: я не могу без него, Генри. Я была бы счастлива с ним где угодно, даже в Лоренсвилле.

-- А твой контракт с "Гиллианом"? Если ты разорвешь его, то больше не сможешь работать на телевидении.

-- Генри, сколько я сейчас стою?

-- Больше миллиона.

-- Тогда зачем мне вообще работать?

-- А что ты будешь делать в Лондоне?

-- Просто буду с Лайоном.

-- Послушай, Анна, ты ведь не ребенок, чтобы бросаться, очертя голову, в новую жизнь. Так же, как и Лайон. Там он живет в своем замкнутом мирке. У тебя не будет друзей -- он целыми днями стучит на машинке. Что ты станешь там делать?

-- Не знаю. Знаю только, что не могу жить без него.

Генри задумался на минуту, после чего сказал:

-- Есть только одно решение. Ты должна удержать его в Нью-Йорке.

-- Но как? Свое задание он выполнил, срок подходит к концу, и ему нравится Лондон.

-- Тяни время. С каждым проведенным здесь днем он все больше привыкает к Нью-Йорку. Дай мне подумать. Позвоню нескольким хорошим знакомым из "Бастер пабликейшнс", возможно, там удастся подсунуть ему несколько заказов из их журналов. Только внешне это должно будет выглядеть как совершенно случайные предложения.

-- Ну и что это даст?

-- На какое-то время он задержится здесь, а время теперь работает на тебя.

Случилось так, что предложение это поступило от Нили. Анна, как обычно, приехала навестить ее в больницу. Они сидели на ухоженной лужайке и разговаривали. Было очень жарко, но Нили захотела выйти из помещения. Она хоть и потолстела, но было видно, что дело явно идет на поправку. Ее уже перевели в "Ясень", а следующим этапом было амбулаторное отделение.

-- Когда меня переведут туда,-- счастливым голосом говорила она,-- я смогу приезжать в Нью-Йорк на субботу и воскресенье.

-- Нили, ты думаешь, это благоразумно?

-- Конечно. Именно так все и должно получиться. Нельзя же целых шесть месяцев просидеть здесь вот так взаперти, а потом вдруг неожиданно взять и выйти на свободу. Все должно делаться постепенно. Сначала тебя переводят в амбулаторное отделение. Пробудешь там месяц, и тебя станут выпускать в здешний городок на вечер -- сходить в кино или в салон красоты. После этого, если все идет хорошо, тебе разрешается съездить на субботу и воскресенье в Нью-Йорк. В понедельник ты возвращаешься сюда, и они проверяют, нет ли у тебя каких-либо нарушений. Немного погодя тебя отпускают домой на неделю и только потом выписывают насовсем, но ты все равно должна ежедневно показываться психиатру, которого тебе назначат. К напряжению, которое наваливается на тебя на свободе, надо еще привыкнуть.

-- Ты имеешь в виду работу?-- спросила Анна.

-- Нет, имею в виду именно напряжение. Здесь-то ничего подобного не происходит. Если я сплю, то сплю. Если не сплю, то что из того? Ну, не сделаю какую-нибудь сногшибательную мозаичную пепельницу в отделении трудотерапии или не сыграю партию в бадминтон. И ем, что хочу. Ух ты, сейчас я вешу сто шестьдесят фунтов, но какая мне разница. И знаешь, Анна, я пою. Господи, пою, как заливистая канарейка.

-- О-о, Нили! Я так рада. Я знала, что ты вновь станешь петь.

-- Произошло что-то совершенно невероятное. Раз в месяц здесь устраиваются танцы. Все по-настоящему. Психи-мужчины наводят матрафет, мы тоже мажемся и встречаемся в спортивном зале -- под при-
смотром, естественно. Я хожу потому, что нет выбора. Если откажусь, получу плохую отметку. Ну, у них тут есть оркестрик из трех человек, и как-то раз я вышла на сцену -- решила немного поразвлекаться. Получилось неважно, потому что пианист -- сельский школьный учитель, и мелодию он подыгрывает кое-как. Но я спела, и вдруг какой-то действительно психически больной -- весь седой и выглядит, как псих -- прошлепал ко мне на сцену. Это хроник, раньше я его не видела: хроники приходят туда редко. Они все неизлечимы, и их здесь держат пожизненно, как бы под охраной. Знаешь, для этого надо быть очень богатым психом, но у нас тут есть и такие. Коттедж "Ева" -- для женщин, а коттедж "Адам" -- для мужчин. Ну, конечно, они отделены от нас двенадцатью акрами земли, и мы вообще никогда не видим па-

циентов-мужчин, кроме как на танцах. В общем, так или иначе, но этот совершенно конченный с виду псих пришлепал ко мне. К нему было бросилась дежурная сестра, чтобы задержать, но там был доктор Холл, и он подал ей знак, чтобы не вмешивалась. Тот за два года ни с кем словом не обмолвился, и доктор хотел посмотреть, как он станет себя вести. Значит, ковыляет он прямо ко мне -- я пою одну из старых песенок Элен Лоусон -- и стоит рядом. Продолжаю петь -- начинаю одну из своих старых песен -- и вдруг он начинает петь вместе со мной, причем в тон и до того здорово, в такт, что я не припомню, получалось ли у меня так с кем когда-нибудь. До того замечательно было, что мне прямо захотелось умереть на месте. Анна, у меня мурашки пошли по спине -- этот тип действительно умеет петь. И мне в нем почудилось что-то знакомое. Пели с ним дуэтом целый час, все хлопали, как сумасшедшие, даже доктор Холл и доктор Арчер. А когда все кончилось, этот самый псих трогает меня за щеку и говорит: "Нили, у тебя всегда был талант -- он был у нас обоих". И поплелся со сцены. А я так и стою совсем огорошенная. Тогда ко мне подходит доктор Холл и говорит: "Он здесь уже два года, и состояние его постепенно ухудшается. Мы все держали в секрете, но я вижу, вы узнали друг друга. Мы зовем его здесь "мистер Джоунз". Я-то все равно без понятия, кто это такой, но в этой шараге я стала себе на уме и сейчас самому доку Холлу могу дать сто очков вперед по этой части. Ну, и я все провернула. Спрашиваю: "А как мне его называть? Ведь он-то называет меня просто Нили". И доктор Холл отвечает: "О-о, можете называть его Тони, только не забудьте, что фамилия у него теперь Джоунз".

-- Тони?-- не поняла Анна.

-- Тони Полар!-- воскликнула Нили.-- У него какое-то врожденное заболевание головного мозга. Хорошо еще, что у них с Джен так и не было ребенка -- тот наверняка тоже стал бы сумасшедшим.

Аборт! Дженифер все знала! Но так и не раскрыла никому эту тайну. Слезы выступили на глазах у Анны.

-- Нили,-- сказала она.-- Джен никогда ничего никому не говорила, хотя наверняка все знала. Пожалуйста, ты тоже не говори никому ни слова.

-- Почему? Он ведь уже не женат на Джен. Она же умерла, ты что -- забыла?

-- Но она умерла, никому не сказав об этом. Она хотела, чтобы это осталось тайной. Ради нее... пожалуйста.

-- О'кей, да и кому какая разница сейчас?

-- Когда ты выйдешь отсюда, из этого может разрастись сенсация. Но не делай этого. Тони просто незаметно сошел со сцены. Ходили слухи, что он живет где-то в Европе, но никто не знал, где именно, а сейчас уже всем все равно. Так что давай сохраним это в тайне.

-- Хорошо,-- легко согласилась Нили.-- Но что касается меня, это наверняка никакая не тайна. Я получила от одного журнала предложение дать им материал. Они заплатят мне за это двадцать тысяч.

Джордж Бэллоуз собирается нанять какого-то журналиста, чтобы тот написал с моих слов.

-- Джордж Бэллоуз? Как ему удалось выйти на тебя?

-- Ну, ты же читала в газетах. То намекали, что я растолстела и не могу больше петь, то -- что я худая и не могу петь. Вот я взяла и написала, что они правы лишь наполовину: я действительно толстая, но никогда еще не пела так хорошо, как сейчас. Потом договорились с доктором Холлом, чтобы он разрешил мне записаться на магнитофон, а я послала бы запись Генри Бэллами и попросила бы его проиграть ее представителям прессы. Он, должно быть, перепоручил это Джорджу, потому что тот вскоре навестил меня здесь. И сделал это предложение. Он хочет вести мои дела, когда я выйду отсюда. Пытается собрать достаточную сумму, чтобы выкупить долю Генри, ты же знаешь.

-- Лайон говорит, что фирма Джонсона--Гарриса намерена поглотить компанию Генри.

Нили пожала плечами.

-- Если Джордж через несколько недель сумеет собрать сумму, предлагаемую фирмой Джонсона--Гарриса, то компанию купит он. У него это может выгореть, если он сумеет облапошить свою алкоголичку-жену и убедить ее расстаться с частью ее состояния. У нее миллионы.

У Анны закружилась голова.

-- Какая еще алкоголичка-жена? Джордж ведь не женат.

-- Джордж тот еще тип. Он с самого начала был женат, когда мы с ним только познакомились. На этой дамочке он женат уже двадцать лет. Но он сказал, что сделал это ради бизнеса. Думал, что она окочурится через несколько лет. А она, хоть печень у нее ни к черту, вовсе не думает отдавать концы и сама распоряжается всеми своими деньгами. Уж не знаю, где он раздобудет деньги -- разве что намекнет ей, чтобы она отошла от дел и все передала ему. А насколько я знаю Джорджа, за ним не заржавеет. Я всегда ненавидела этого подонка.

-- Но он, по крайней мере, сделал тебе это предложение.

-- Так ведь он получит комиссионные. Я сказала ему, что найду на что потратить эти двадцать кусков. Ты платишь за мое лечение здесь, и я должна вернуть тебе долг. Да и когда я выйду отсюда, денежки мне понадобятся. Но я все же надеюсь, что Джордж не приберет к рукам компанию Генри. У меня от этой мысли мурашки по коже.

После того, как Анна попрощалась с Нили, новая идея начала обретать зримые очертания. Ведя машину домой, Анна сформулировала ее окончательно. Генри сказал, что ей необходимо время, и это как раз поможет. Поставив машину в гараж, она позвонила Генри, и они условились встретиться в ресторанчике на Пятьдесят третьей стрит.

-- А почему бы и нет?-- ответил Генри, когда она рассказала ему обо всем.-- То, что о Нили будет писать именно Лайон, вполне естественно. Он знал ее, когда она только начинала. А тебе это даст еще месяц, не меньше.

-- Но эту мысль Джорджу должен подать ты, а тот сделает предложение Лайону так, чтобы я тут была совершенно ни при чем.

Предложение Джорджа Лайон принял с восторгом, но навестить Нили отказался. Ему хотелось сохранить ее в своей памяти такой, какой она была тогда -- девчонкой со свежим лицом. Он настаивал на том, что просто обязан писать о ней именно под таким углом зрения. Поговорив с нею по телефону, он прислал ей на одобрение первоначальный вариант, и Нили пришла в восторг от того, как у него получилось. Материал писался хорошо, и Лайон был готов представить окончательный вариант в конце сентября.

В начале октября Анна позвонила Генри и торопливо договорилась встретиться с ним в "Двадцать первом". Когда она выдвигала свою новую идею, глаза у нее сверкали. Внимательно выслушав ее, Генри воздел руки.

-- Ты не просто танк, ты целая танковая дивизия, но с этим ничего не выйдет.

-- Почему?

-- Он хочет быть владельцем компании. Я знаю это. Лайону нравится писать.

-- Но, Генри, ты можешь попытаться. Скажи ему, что не хочешь, чтобы фирма Джонсона--Гарриса поглотила бизнес, в который ты вложил всю свою жизнь. Ради бога, попробайся.

-- Но, Анна, даже если я и скажу, что эту ссуду даю ему я, он все равно рано или поздно узнает правду.

-- Когда это произойдет, я что-нибудь придумаю. Генри, сейчас нельзя терять ни минуты.

Лайон задумчиво отхлебнул кофе.

-- Я польщен, Генри... но ведь я совсем не тот человек.

Официант налил Генри еще чашечку кофе. Тот подождал, пока он отойдет, и только после этого ответил:

-- Послушай, Лайон, я вложил в это дело всю свою жизнь. Фирма Джонсона--Гарриса просто не заслуживает чести работать со всей этой плеядой звезд, созданных мною. И Джордж Бэллоуз тоже не заслуживает, чтобы его вот так взять и вышвырнуть вон. Они-то, конечно, оставят его, сделают вице-президентом. Говорю же тебе, что не сплю ночами. Вот почему я и предлагаю тебе деньги, чтобы ты на пару с Джорджем выкупил мое агентство.

-- Но почему я? Почему не дать эти деньги одному Джорджу?

-- А почему, думаешь, он не смог собрать нужную сумму?

-- Вероятно, она слишком велика.

-- Нет. Все знают, что в одиночку Джордж не потянет. Он хороший бизнесмен, но не умеет ладить с людьми. Половина звезд разбежится. Но если я предложу твою кандидатуру, если мы сделаем все правильно, с хорошей рекламой... сначала напечатаем маленькую заметку, будто бы это слухи... будто бы тебя вызвал сюда я... затем они бу-

дуг растут, как снежный ком... Слушай, ведь многие все еще помнят, как здорово у тебя получилось.

Лайон отрицательно покачал головой.

-- Я высоко ценю твоё предложение и весьма польщен, но вынужден отклонить его. Я счастлив в Лондоне. Не хочу, чтобы твоё агентство висело надо мной. Ненавижу эту бешеную гонку. Мне нравится писать.

-- А как же Анна?

Лайон задумчиво посмотрел на свою сигарету.

-- Это единственный весомый довод. Ей известно о твоём предложении?

-- Нет.-- Генри постарался, чтобы его слова звучали как можно убедительнее.-- Мне кажется, Анне хотелось бы, чтобы моё предложение ты принял бы безо всякого нажима с её стороны.

-- Но ведь это же умопомрачительная сумма, Генри.

-- Деньги мне не нужны. Единственное, чего я хочу,-- это отойти от дел. Моя последняя кардиограмма окончательно убедила меня в этом. Но мне бы хотелось, чтобы моя компания продолжала жить дальше. Можешь ежегодно возвращать мне понемногу долг. Меня это не волнует.

-- Тебе было бы очень плохо, если бы я отказался?

-- Да, Лайон, очень. Однажды ты уже бросил меня, когда был мне нужен. Ты нужен мне и сейчас. Я хочу, чтобы ты вместе с Джорджем возглавил моё агентство.

1962

Со второго января 1962 года агентство "Бэллами и Бэллоуз" стало официально именоваться "Бэллами, Бэллоуз и Берк". Джордж стал президентом компании, Лайон -- вице-президентом, а Генри полностью сложил с себя полномочия. Лайон, однако, был совершенно непреклонен в том, чтобы в названии компании была сохранена фамилия Генри. Для представителей прессы и клиентов был устроен банкет с шампанским, который превратился в двойное торжество, когда Лайон объявил, что на следующий день состоится их с Анной свадьба. Лайон объявил, что на следующий день состоится их с Анной свадьба. Банкет был в самом разгаре, когда Генри отвел Анну в сторону. Их маленькое совещание осталось никем не замеченным.

-- Через год обязательно узнает правду,-- прошептал ей Генри.

-- Зачем ему вообще её знать?

-- Анна, через год тебе придется подавать налоговую декларацию. Тогда-то он и узнает, что именно ты ссудила ему деньги для покупки моего бизнеса. В конечном счете, ссудные проценты выплачивает он,

и тебе придется включить их в декларацию о своих доходах.

-- Но почему тогда ты не можешь одолжить ему деньги? А я бы дала их тебе и...

-- ...и в результате у всех нас были бы крупные неприятности с налоговым управлением. Анна, в отличие от тебя я не располагаю такими суммами свободных денег и никогда не зарабатывал по две тысячи в неделю чистыми и не получал крупных пакетов акций от "Гиллиана". И у меня нет приятеля по имени Генри Боллами, который давным-давно вложил мои сто тысяч долларов в компанию Эй-Ти-энд-Ти, чтобы на сегодняшний день они удвоились. И если я имею доходы от прироста капитала, то не могу вкладывать свои же собственные деньги... да какого черта, все равно тебе не понять. В общем, мне нельзя потратить мои собственные деньги на приобретение моего же собственного бизнеса. Кстати, я распродал все твои акции "Гиллиана". И это лучшее, что можно было сделать: сначала они подскочили в три раза вместе со стоимостью компании, а теперь их курс наверняка резко упадет. Мне также пришлось избавиться от половины твоих акций Эй-Ти-энд-Ти. С голоду не умрешь, но потратилась ты на это дело изрядно. Так что это не игрушки. Лайону и Джорджу придется постараться, в него вбухано три четверти всех твоих сбережений.

-- Когда Лайон, все узнает, как, по-твоему, он отнесется к этому?-- спросила она.

-- Трудно сказать. Если он будет счастлив, если бизнес пойдет хорошо и он будет чувствовать себя в своей тарелке, то просто посмеется над всем этим. В конце-то концов, разве может мужчина сердиться на то, что женщина, которую он любит, подтолкнула его к женитьбе на себе, тайком ссудив ему деньги?

-- Правда, меня волнует, что он относится с такой благодарностью к тебе,-- сказала она.-- Постоянно говорит, что не может отказать тебе в просьбе и что ты сильно веришь в него, раз сделал ему такое предложение. Говорит, что не хотел возглавлять целую компанию, но что твоя вера в него лишила его возможности отклонить это предложение.

-- Ерунда. Я смотрю, он не тратил слишком много времени, уговаривая тебя пойти за него. Уверен, что именно это стало для него решающим фактором.

-- Может быть. Во всяком случае, в моем распоряжении почти год до того, как могут возникнуть неприятности. К тому же, ты говоришь, что их может и не быть. Но мне все равно, пусть даже и будут. Я не могу без него жить, Генри. Пыталась целых пятнадцать лет, но это была не жизнь. Я готова давать взятки, лгать, мошенничать -- все что угодно, лишь бы Лайон был со мной. Это единственное, что имеет значение. Молись за меня, когда эта великая тайна выйдет на свет.

-- Послушай, насколько я тебя знаю, к тому времени ты уже забеременеешь, бизнес будет цвести пышным цветом, а Лайон в душе будет вне себя от радости, что ты нажала на какие-то тайные пружины для того, чтобы его мечты стали явью.

Бракосочетание состоялось в квартире Генри на следующий день. Судья Хелман, близкий друг Генри, совершал торжественный обряд, а Джордж и его жена были свидетелями. Анна и Лайон сразу улетели в четырехдневное свадебное путешествие в Палм-Бич. Они решили, что поселятся в квартире Анны. Лайон и Джордж условились, что каждому будет выплачиваться по семьсот долларов в неделю плюс суммы на текущие расходы. Прибыль же будет оставаться в компании с распределением дополнительных выплат в конце финансового года.

Вскоре Лайон заключил договоры с несколькими самыми яркими английскими звездами. Им удалось также переманить к себе нескольких исполнителей из других агентств. Был увеличен штат, Лайон хотел открыть филиал в Калифорнии, но Джордж был осторожен на этот счет.

-- Давай все тщательно взвесим, -- сказал он. -- Я согласен, что клиентов у нас под завязку. Но по-настоящему большие деньги можно зарабатывать, только заключая совместные с телевидением соглашения. Нам нужно заполучить несколько звезд первой величины, предложить их телевидению и заключить совместное соглашение. Нам нужна своя Кэрол Бэрнет, свой Дэнни Томас, своя Джуди Гарленд...

-- Согласен, -- быстро ответил Лайон. -- Но мы не сможем заполучить их. У всех у них отличные менеджеры. Кроме того, это самый легкий путь. Считаю, что нам нужно создавать собственных звезд первой величины -- в этом-то и заключается настоящий менеджмент. Именно это сделал Генри с Элен Лоусон. И сейчас, если мы создадим такую звезду, все остальные звезды захотят иметь дело с нами.

Джордж просмотрел список.

-- У нас нет ни одной кандидатуры с таким потенциалом.

Лайон задумался.

-- Если картина с Питером Шэйем в "Метро" получится столь же хорошей, насколько можно предполагать по постановочному сценарию, то мы непременно заключим после этого соглашение на три фильма. Возможно, нам удастся сделать из него...

Джордж покачал головой.

-- Он характерный комедийный актер. Нам нужен мужчина с романтической внешностью или большой комик, или женщина. Кроме того, Питер будет метаться между Штатами и Англией -- ты ведь знаешь этих англичан. Не обижайся, -- быстро добавил Джордж, -- но как бы они не преуспевали здесь, все они сбегают на свой мокрый островок с нашими деньгами.

Лайон улыбнулся.

-- Этот "мокрый островок" -- великолепное место. И человек там вполне может быть счастлив.

-- Конечно. Родной дом там, где осталось твое сердце. Но нам это не поможет. Знаешь, у меня мелькнула мысль. Есть человек, которого мы сможем заполучить, и если мы создадим из нее звезду, то действительно сможем строить крупные планы на будущее. Нили О'Хара.

Лайон поморщился.

-- Не стоит с нею связываться. Кроме того, она все еще в Хейвен-Мейноре. И давай смотреть правде в глаза: на ее карьере давно поставлен крест.

-- На таких, как Нили, крест не ставят никогда. Публика идентифицирует себя с неудачницей. Они чувствуют себя так, словно сами прошли с нею через горнило всех ее жизненных трагедий. Она погубила себя в зените своего таланта. О ней говорят, словно о мертвой. Считают, она уже никогда не станет прежней. Все это нам на пользу. Потому что, если мы вернем ее назад и продвинем на самую вершину, это будет означать, что успеха добились именно мы, ибо совершили невозможное. И тогда ты увидишь, как звезды одна за другой уйдут от Жи-Эй-Си, Си-Эм-Эй, Уильяма Морриса и Джонсона--Гарриса. Ход их рассуждений будет таков: если уж мы сумели сделать такое для Нили О'Хара, то что же тогда мы сумеем сделать для них. Звезды -- забавный народ: таланта у них хоть отбавляй, а благодарности ни на грош.

Его аргументация не убедила Лайона.

-- Но ведь в случае с Нили мы имеем дело не просто с бывшей звездой, мы имеем дело с душевнобольной женщиной, которая может в любой момент сорваться. Анна говорит, что она растолстела сверх всякой меры, и ей ведь уже не восемнадцать.

-- Ей тридцать три года. И я согласен со всем, что ты говоришь. Однако она еще и чертовски талантлива. У меня есть несколько магнитофонных лент, которые она записала там, у себя. Сейчас ее уже лечат амбулаторно, а прошлые субботу и воскресенье она провела со мной и моей женой. Она толстая, как свинья, но как она поет!

Лайон пожал плечами.

-- Но ведь пройдет целый год, прежде чем она похудеет, а от напряжения она может сорваться. Такое уже бывало.

-- Она не будет худеть, в этом-то все и дело. Пусть остается жирной. Она поет -- вот что главное.

-- И что мы будем делать с толстой певицей?

-- Будем организовывать ей концерты. Знаешь, сколько денег можно заработать, гастролируя с однодневными концертами по всей стране? Лина Хорн, Гарланд, Либереис -- они все гребут бешеные деньги. Да публика валом повалит, хотя бы из одного любопытства, только чтобы посмотреть на Нили. За год на одних ее концертах мы заработаем достаточно, чтобы выплатить наши долги за компанию. Другие наши клиенты тоже будут приносить прибыль. И если мы обеспечим ее деятельность в течение одного года, звезды повалят к нам с протянутой рукой.

-- Раз хочешь все закрутить, валяй, -- ответил Лайон. -- Но это -- твоё дело. А я займусь делами компании, пока ты будешь запускать на орбиту нового идола американской публики.

-- Тут все обстоит сложнее, -- медленно проговорил Джордж. -- Она

от меня не в восторге. И моя жена влияет на Нили не лучшим образом.-- Он помолчал.-- Моя жена, вот в чем загвоздка. Зато Нили нравишься ты, и она очень многим обязана Анне.

-- Минутку,-- перебил Лайон.-- Анна здорово вкалывает. Нам меньше всего нужна сейчас Нили О'Хара.

-- Единственное, о чем я прошу тебя, это уговорить ее подписать с нами контракт. Всю грязную работу я беру на себя, обеспечу и рекламу и продажу билетов, буду ездить с нею на гастроли. Сейчас она готова убраться из психушки в любой момент. Мы снимем ей номер в отеле. Денег у нее нет, поэтому оплачивать его будет компания. Да и вообще, мы будем платить за все, включая организационные дела и репетиции. Приставим к ней служанку -- у меня уже есть на примете одна, массажистка из Дании, здоровенная, как бык,-- и будем вести учет всех затрат, даже самых мелких. А когда она приступит к работе, будем вычитать их у нее из гонораров, пока не вернем все до последнего цента. Если станет возмущаться -- что ж, это вполне законные удержания из заработка.

-- Это огромный риск.

-- Мы мало что теряем, а те несколько тысяч, что потратим на рекламу, стоят того. И потом, если выступления будут иметь большой успех, она сможет отдать долг Анне. Ты ведь знаешь, что твоя жена оплачивала ее лечение. Нили должна ей почти двадцать тысяч долларов.

Лайон покачал головой.

-- Не нравится мне все это. Но если ты все-таки хочешь повернуть это дело, я согласен. При том обязательном условии, что всем будешь заправлять ты. Я делаю первоначальное предложение, и сразу же после этого ты все берешь в свои руки.

Джордж кивнул.

-- Вот увидишь. Я запущу наш маленький спутник на орбиту ошеломительного успеха, а вместе с ним туда взлетим и мы.

Анна вошла в квартиру и включила кондиционер. Она пожалела, что у служанки сегодня выходной. На улице стояла знойная влажная духота, жара достигла рекордной отметки. Почувствовав себя плохо, она бросилась в ванную комнату, обмотала лоб холодным полотенцем. Криво улыбнувшись, она подумала: "У всех тошнота подступает по утрам, а вот у меня почему-то по вечерам". Она считала, что забеременела. Задержка длилась уже десять дней. Конечно, наверняка она не знала. В феврале задержка была на две недели, они с Лайоном даже отпраздновали это, а наутро она проснулась от знакомых болей внизу живота. На этот раз она ничего не сказала Лайону. И вот вчера, в половине шестого, у нее началась эта тошнота. "О господи, ну, пожалуйста, пусть это будет правдой, -- молила она. -- Все так замечательно -- и к тому же ребенок! Это будет девочка -- девочка, как две капли воды похожая на Лайона". Она чувствовала себя такой счастливой, что

даже испугалась. Человек не имеет права быть настолько счастливым. Единственное, что немного беспокоило ее, -- это мысль о налоговой декларации, из которой Лайон узнает правду о совершенной ею сделке. Но бизнес идет успешно, а к тому времени у нее уже родится ребенок. Генри уверен, что Лайон простит ей этот обман. Однако, когда имеешь дело с Лайоном, ничего нельзя сказать заранее.

Они вместе ездили навещать Нили, и загадочная улыбка Лайона с трудом скрывала его шоковое состояние, когда им навстречу, переваливаясь, вышла Нили. Избыточный вес сделал ее неузнаваемой: глаза совершенно скрылись за толстыми щеками, шея исчезла, но вся она лучилась оптимизмом прежней Нили. Становилось не по себе при виде детской порывистости, сквозящей в этой слоновьей массе жира.

Нили немедленно подписала договор с их компанией. Она наморщила нос, когда Лайон отказался признать какие-либо свои заслуги, заявив, что всю операцию гениально осуществил Джордж. Ей не нравился Джордж, но поскольку Лайон был полноправным партнером, а Анна -- ее лучшей подругой, она подписала договор с превеликим удовольствием. На следующей неделе ее поселили в небольшом отеле для постоянных жильцов неподалеку от центра города вместе с датчанкой Кристиной -- служанкой и охранницей одновременно. Кристина была не жирной, а просто громадной: выглядела она так, словно вполне могла переплыть Ла-Манш. И она дала обещание, что приведет Нили в превосходную форму.

-- Нили не нужно худеть, -- сказала ей Анна. -- Единственное, что она должна делать, -- это сосредоточиться на пении.

Крестину предупредили также, чтобы она была начеку относительно лекарств и спиртного, и за двести долларов в неделю та клятвенно заверили их, что будет следить и ухаживать за своей подопечной круглосуточно.

Анна вышла из ванной. Включив свет в гостиной, она налила себе рюмку коньяку, надеясь, что он укрепит ее желудок. Нили работала упорно, самозабвенно, репетируя по четыре часа в день, и Джордж уже запустил машину рекламы на полные обороты. Первый концерт было намечено провести в Торонто, достаточно далеко от здешних критиков, с тем, чтобы плохие отзывы не дошли до Нью-Йорка. Решили, что у Нили должен быть шанс приостановить свои выступления.

Анна тоскливо осмотрелась. Квартира-то красивая, но если она беременна, им придется переехать, и ее освободят от договорных обязательств с "Гиллианом" по пункту "причины естественного характера". Она будет рада освободиться. У нее появится время подыскать и обставить новую квартиру. Как все устроить в детской? От нахлынувшего возбуждения у нее закружилась голова. О господи, пусть же это случится!

Спустя две недели ее надежды подтвердились. Поначалу Лайон воспринял новость со смешанным чувством: он был в восторге, однако

это должно было внести в их образ жизни весьма радикальные изменения. Анне придется оставить работу в конце июня -- ребенок должен был родиться в середине января, и ее талия уже увеличилась на болезненно, все его сомнения улетучились, и он вместе с нею отдался радостному ожиданию.

В середине июня они полетели в Торонто на концерт Нили. Анна сидела в полутемном зале, замерев от страха. От этого выступления зависело столь многое. Джордж и Лайон думали о своих деньгах, но она понимала, какой тяжелый удар получит Нили, если концерт провалится. За кулисами Нили казалась отдохнувшей и спокойной. Она, смеясь, говорила, что ничего не поставлено на карту, что терять ей нечего и что она в любой момент может вернуться в свою родную психушку делать пепельницы. Джордж от волнения похрустывал пальцами, а глаза Лайона сузились от напряжения.

Свет погас, и оркестр, в полном составе грянул мелодию, ассоциирующуюся у всех с Нили, -- песню из ее фильма, которая когда-то была хитом. Тяжелый занавес раскрылся, и на сцене появилась Нили. Она была в простом черном платье до колен. Ноги у нее были по-прежнему стройными, а черный цвет скрадывал чрезмерную полноту. Однако было слышно, как в зале кто-то издал громкий возглас изумления, очевидно, бессознательно воскресив в своей памяти имидж, созданный ею в первых кинокартинах. Нили услышала и широко улыбнулась.

-- Я и впрямь толстая, -- добродушно сказала она в микрофон. -- Но некоторые оперные певицы еще толще. Только от меня вы не дожидаетесь никаких оперных арий. Я здесь для того, чтобы вместе с песнями отдать вам свое сердце, а оно у меня тоже большое и толстое, так что, если не возражаете, я буду сегодня много петь.

От бешеных аплодисментов заложило уши. Нили достигла своей цели еще до того, как начала петь. Голос ее был чистым и неподдельно искренним, он западал в самую душу. Яростными отчаянными аплодисментами они как бы приглашали Нили вновь занять подобающее место в своих сердцах. Такой оглушительной овации Анне еще не приходилось слышать.

То же самое повторилось в Монреале. Нили побила все рекорды кассовых сборов в закрытых помещениях. В Детройте объявления об аншлаге висели уже за несколько недель до ее приезда. К этому времени нью-йоркские газеты наперебой сообщали о ее триумфальном возвращении, но Джордж намеренно затягивал гастроли. Он ездил с нею до сентября, а Лайон тем временем руководил компанией в Нью-Йорке, Анна уже официально расторгла соглашение с "Гиллианом" и все свободное время посвящала теперь тому, чтобы обставить их новую большую квартиру, которую она недавно подыскала. Беременность стала заметной, но вскоре движение зарождающейся в ней новой жизни сделало ее лишь еще более счастливой. Фирма "Гиллиан"

хотела предоставить ей временный отпуск, однако Анна настояла на полном расчете. И хотя всеми своими мыслями она была в будущем, она испытала некоторое удовлетворение, когда фирма пришла к решению использовать каждую неделю новую девушку. Заменить Анну кем-либо было просто невозможно. Наконец, Джордж счел, что Нили вполне созрела для Нью-Йорка. Первое выступление было назначено на ноябрь. Они сняли здание крупного театра на два представления в день: типичный концерт солиста на Бродвее. За неделю до первого концерта билеты были распроданы на три недели вперед.

Если судить по накалу чувств и страстей, концерты Нили в Нью-Йорке можно было назвать триумфом. Со слезами на глазах зрители вскакивали с мест, приветствуя свое капризное блудное дитя, вернувшееся назад. Анна заметила, что лицо у Нили вновь стало обретать прежние черты. Она была все еще толстой, но уже не безобразной: своими усилиями Кристина согнала с нее тридцать фунтов. Стала заметна шея, хотя двойной подбородок все же остался. Однако после первой же песни благодаря волшебному очарованию ее голоса публика забывала обо всем.

Неприятности начались на второй неделе выступлений в Нью-Йорке. Джордж и Лайон старались отобрать самые выгодные предложения. Были приглашения на разовые выступления по телевидению, предложения участвовать в нескольких бродвейских шоу, но Лайон твердо стоял за то, чтобы продолжать гастрольные концерты.

-- Еще хотя бы год, -- убеждал он Джорджа. -- Возможно, нам удастся согнать еще фунтов двадцать. Стройную русалочку нам из нее больше не сделать -- мы не можем рисковать, сажая ее на диету, -- однако сами по себе жесткие требования сценической деятельности -- плюс Кристина -- могут творить чудеса. А уж после этого будем думать о кино съемках и телевидении.

-- Мы должны заключить контракт на картину или бродвейское шоу, -- стоял на своем Джордж. -- Она уже отказывается гастролировать.

-- Но ведь я только что договорился о концертах в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско и в лондонском "Палладиуме", -- сказал Лайон.

Джордж пожал плечами.

-- Вчера вечером мы с нею крупно поссорились. Сейчас она на коне, так что давай смотреть фактам в лицо -- из нее вновь полезло дерьмо. Начинает проявляться все та же застарелая "звездная болезнь", никакой тебе благодарности, один голый деспотизм. Заявила мне, что хочет остаться на одном месте. Подозреваю, что на самом деле это означает только, что наша девица хочет потрахаться.

-- Боже милостивый, да кому она нужна! -- воскликнул Лайон. Джордж рассмеялся.

-- Послушай, все эти месяцы это была моя проблема. Мы позабыли, что наш орбитальный спутник все-таки живое существо. Может быть, в психушке ей просто давали селитру, но сейчас ей этого явно не хва-

тает. Некоторое время у нас играл саксофонист, так ему, должно быть, нравились толстухи. И она была с ним счастлива, пока он не ушел из оркестра. А по-моему, просто сбежал, спасая свою жизнь. Несколько раз она находила кого-то себе на ночь, а вот теперь больше так не хочет. Заявила мне, что ей нужна квартира и постоянный мужчина, который был бы рядом, когда он ей понадобится. Чует мое сердце, что за этим стоит фирма Джонсона--Гарриса. Наверняка подослали к ней одного из своих красавчиков в черном костюме и брюках в обтяжку, чтобы он поцеловал ей ручку и отпустил пару-другую комплиментов. По-моему, она уже подыскивает предлог, чтобы отделаться от нас.

Лайон улыбнулся.

-- Пусть уходит. Если фирма Джонсона--Гарриса хочет выкупить у нас контракт с нею, то давай продадим. За полмиллиона.

-- Я думал об этом,-- сказал Джордж,-- но не можем же мы снять и выбросить наживку, когда пошел самый клев. Завтра я обедаю с Полом Элсомом.

Лайон присвистнул.

-- Ну, тогда дело закрутится.

Джордж кивнул.

-- Две его последние картины превзошли все. Если мы переманим его, к нам перейдет половина звезд Голливуда. Сейчас, когда Эм-Си-Эй демонстрирует такое убогое обращение с талантами, открывается просто необозримое поле деятельности. Все их звезды позаклучали краткосрочные соглашения, где только могли. Я уже прозондировал почву, но наша наживка -- это Нили. Удержать ее нам нужно во что бы то ни стало.

-- Что ж, тогда ступай к ней и принимайся за обработку.

-- Уже принимался. Послушай, Лайон, давай смотреть фактам в лицо -- я ей никогда не нравился. Это сходило только вначале -- тогда у нее не было выбора. А теперь она пользуется ошеломляющим успехом и может себе позволить не любить меня. Представь себе: эта королева называет меня свиньей. Нет, Лайон, теперь твой черед.

Лайон сидел в гримерной Нили. Дневное представление подходило к концу. Он посмотрел на телеграммы, которыми было облеплено зеркало: каждая крупная звезда шоу-бизнеса прислала поздравления с пожеланиями всего доброго. Раздались оглушительные аплодисменты, оркестр сыграл под занавес заключительную мелодию, и Лайон весь подобрался, приготовившись к сражению. Обнаружив его в гримерной, Нили была приятно удивлена.

-- Слава богу, этот жирный боров, твой компаньон, сегодня не явился. Вчера вечером мы с ним здорово поцапались.-- Взяв из рук Кристины большой бокал пива, она залпом осушила его.-- Уф-ф! До чего же приятно. Хочешь, Лайон?

-- Нет, спасибо. Как насчет того, чтобы пообедать вместе?

-- Прекрасно, Анна будет с нами?

-- Нет, только мы вдвоем.

Нили весело рассмеялась.

-- Джордж вводит в бой свои главные силы, да? Ну так вот, разъезжать по гастролям я больше не намерена. Но с тобой я пообедаю. Где подают приличных улиток?

-- Поедем к "Луизе". У "Луизы" могут приготовить все, что пожелаешь.

-- Прекрасно. Можно, я наемся до отвала? Хочу, чтоб было вволю масляного чесночного соуса, хочу поджаренного ржаного хлеба и хочу макать его туда. Вот в чем преимущество сольных выступлений -- на сцене рядом нет ведущего, который бы кривился от чесночного запаха.-- И она печально добавила: -- И вообще у меня нет мужчины, о котором я могла бы позаботиться после выступления.

-- Скоро появится,-- сказал Лайон.-- Весь Нью-Йорк у твоих ног.

-- Вот именно, что "у ног". А в руки взять нечего. Мне нужен мужчина. И уж теперь я буду тщательно выбирать. У меня, конечно, не сорок шестой размер, но я и не страшилице. И не просто переспать -- мне нужен человек, который заботился бы обо мне... которого бы я уважала... которого бы любила.

-- Давай обговорим это за улитками,-- предложил он.

Нили заказала себе две дюжины улиток. Лайон -- всего шесть и, не хотя ковыряя их вилочкой, выслушивал ее жалобы. Он вынужден был признать, что претензии ее вполне обоснованны: никакой личной жизни, кроме выступлений на сцене, у нее действительно не было.

-- Нили,-- он перегнулся через столик и взял ее руки в свои. -- Я понимаю тебя. выступи только в Голливуде, во Фриско и в Лондоне. После этого мы поселим тебя здесь и, возможно, устроим тебе съемки в фильме или шоу на Бродвее. Я сам займусь этим. Если найдем нужные подходы, то можно было бы начать уже осенью. Мюзикл на Бродвее был бы оптимальным вариантом.

-- А кто поедет со мной в Калифорнию и в Лондон?-- спросила она.

-- Джордж, естественно.

-- Тогда забудь и думать об этом,-- решительно отрезала она.

-- Послушай, у вас с Джорджем произошла размолвка, но ведь он же неплохой парень, и своим успехом ты обязана ему.

-- Не было бы никакого успеха, не будь у меня таланта,-- мрачно сказала она.

-- Естественно, но Джордж сумел разглядеть его и поверить в тебя.

-- А ты не сумел?

-- Если честно, то нет. Я сомневался.

-- Думал, что у меня больше ничего не осталось?

-- Я думал не о таланте, а о трудностях этой профессии. Для меня твое возвращение представлялось в виде строгой диеты, напряжения всех сил и нервов. Именно Джордж уверил меня, что публика примет тебя такой, какая ты есть. И оказался прав.

Нили выронила кусок хлеба, который она уже собралась было макнуть в соус. Она отодвинула тарелку.

-- Ты говоришь так, словно я какое-то страшилище.

-- Ну, что ты, Нили. Ты же понимаешь, что я имею в виду. Я считаю, что ты великолепна -- талант и восхитительный человек.

-- И толстая распустих, да?

-- Нет, но и не худенькая, как тростинка. Не такая, какой была в своих фильмах.

-- Наверное, ни один мужчина не мог бы по-настоящему увлечься мною в таком виде, -- сказала она. -- Я знаю, что мои близнецы вовсю пялили на меня глаза, когда приехали в Детройт. Боже, до чего красивые ребята. Я рада, что они живут с Тэдом. Я чуть не умерла, когда разрешили ему опекунство, когда меня поместили в психушку, но он, по-моему, быстро выправился. Я до сих пор подозреваю, что время от времени он переключается на мальчиков, но дети ничего об этом не знают. Никогда не забуду выражения на их лицах, когда они увидели меня. Бад -- он повыше -- сказал: "Вот это да, ма, мы смотрели недавно один из твоих фильмов в повторном показе, но сейчас ты совсем не такая".

-- Тебе не нужно делаться худой, -- стоял на своем Лайон.

-- Я могла бы стать худой, если бы у меня был для этого стимул, -- грустно сказала она. -- Я не могу взять и похудеть под давлением со стороны студии, а вот ради любви -- могу. Когда на студии орали, что я обязана оставаться худой, я стала тайком наедаться. А когда познакомилась с Тэдом и влюбилась в него и он сказал, что я должна сбросить пятнадцать фунтов, я сделала это. Вот так-то. Потому что я хотела этого, хотела сделать ему приятное. Вот почему я хочу осесть здесь. Хочу найти хорошего человека, влюбиться. Мне ненавистно то, что я вижу в зеркале.

-- Нили, ты -- это твой голос и твоя личность, а не твоя талия, -- настаивал Лайон. Она покачала головой.

-- Я люблю красиво одеваться. Не хочу постоянно появляться на сцене в простом черном платье. Но мне приходится это делать -- оно хоть немного скрадывает полноту. Но у меня нет побудительного мотива, чтобы похудеть. Я должна найти себе мужчину -- вот тогда я похудею и стану сама себе нравиться.

-- Выступи в Голливуде, Сан-Франциско и Лондоне, -- настойчиво повторил он. -- Все остальное придет к тебе само.

Она задумалась на мгновение. Потом сказала:

-- О'кей... если вместо Джорджа поедешь ты.

-- Нили, как же я могу?

-- Послушай, я не переносу Джорджа. Если мне придется постоянно созерцать эту его круглую, как луна, физиономию, каждый день здесь -- день там, меня просто вырвет. Он даже в карты, в джин, играть не умеет. А ты играешь в джин?

-- Еле-еле. Но, Нили, я не могу лететь. У Анны уже большой срок.

Через полтора месяца она должна родить.

-- Ах, да... я и забыла.-- Внезапно ее лицо просветлело.-- Перенеси мои выступления. Назначь их после того, как родится ребенок. Я хоть немного отдохну.

-- Я не смогу тогда оставить Анну с новорожденным.

-- Анна могла бы поехать с нами. Послушай, у меня у самой была двойня. Уж я-то знаю. В первые несколько месяцев все, что им нужно, это хорошая няня. До трех месяцев они даже не видят толком.

-- Дай мне обдумать это,-- сказал он.

Перенести срок гастролей в Лондоне оказалось просто. Лайон договорился на середину февраля. Однако изменить сроки выступлений в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско оказалось невозможно. Нили должна была дать там концерты на Рождество и в Новый год. Лайон отчаянно пытался скрыть эту неразрешимую проблему от Анны, однако Нили все рассказала ей.

Она зашла посмотреть новую квартиру. Все наконец было расставлено по местам. Анна, из-за беременности выглядевшая неуклюжей, с гордостью показала Нили все комнаты и особенно -- детскую. Они расположились в рабочем кабинете. Анна мелкими глотками прихлебывала херес, а Нили пила пиво. За окнами пошел снег, и Анна затопила камин.

-- Это первый огонь в нашем камине,-- сказала она.-- Загадай желание, Нили.

-- Почему?

-- Когда делают что-нибудь в первый раз, всегда загадывают желание.

-- Тогда я желаю, чтобы ребенок у тебя родился сегодня.

-- Почему? Мне остается еще не меньше месяца.

-- Знаю. Но я полечу в Лос-Анджелес, только если со мной полетит Лайон, а он полетит, только когда родится ребенок, и с нами сможешь полететь ты.

Анна знала, что между Нили и Джорджем что-то произошло, но о переносе гастролей узнала впервые. Выслушав объяснение Нили, она сказала:

-- Но я не смогу поехать в Лондон даже в феврале. Не могу же я оставить своего ребенка.

-- Вполне можешь,-- возразила Нили,-- в таком возрасте это еще не человек.

-- Для меня он уже сейчас человек,-- резко ответила Анна.-- Всякий раз, как он шевелится во мне, я мысленно целую его.

-- В первые несколько месяцев они просто бессмысленные живые комочки, Анна. Честно. Весь этот треп, будто они улыбаются, завидев тебя,-- сушая чепуха. Мне врач говорил. Они различают только свет и неясные очертания. Совсем не узнают тебя, а зрение у них становится сфокусированным только к трем месяцам. Хорошая нянька справится

с новорожденным куда лучше, чем ты.

-- Я слишком долго ждала этого ребенка, Нили. И это ожидание стоило того -- хотя бы затем, чтобы чувствовать в себе частичку Лайона, плод нашей любви. Я никогда не оставлю нашего ребенка одного.

-- А если Лайону придется уехать? В конце концов, не может же он навсегда привязать себя к Нью-Йорку.

-- Тогда мы поедem вместе, втроем.

-- Ну а я не поеду в Калифорнию без него.

-- Нили, ради бога... Я не могу остаться на Рождество без Лайона. А отправляться с ним для меня слишком рискованно.

-- А как же я?-- спросила Нили.-- Неужели все должно быть только для тебя? У тебя есть все. У тебя всегда было все. Ты добилаcь в жизни всего: денег, любимого человека и вот теперь ребенка. А у меня нет ничего, одна только работа. Я опять достигла успеха, но это все, что у меня есть. И я работаю, чтобы вернуть тебе долг.

-- Нили, я никогда не напоминала тебе об этих деньгах,-- запротестовала Анна.

-- Знаю, но я сказала Джорджу и Лайону, что хочу вернуть тебе долг. После гастролей в Калифорнии я расплачусь с тобой полностью. Я зарабатываю деньги для компании твоего мужа, и ты тоже получаешь от этого доход.-- Она осмотрелась вокруг.-- Я живу в паршивом гостиничном люксе с этой коровищей Кристиной, которая ведет себя со мной, словно надзирательница. Я одинока, и единственное, чего прошу, это чтобы Лайон поехал со мной в Лос-Анджелес на десяток паршивых дней. Я не могу явиться в Голливуд совершенно одна. Это будет мое первое возвращение туда. Или ты думаешь, что легко выйти там на сцену, зная, как все пялят на тебя глаза и шепчутся: "Смотри-ка, до чего растолстела"? А потом улыбаться во весь рот и покорять их сердца. Конечно, мой талант их покорит, но ведь мне предстоит та самая первая минута, когда они ахнут от удивления. Мне нужно, чтобы кто-то вселял в меня уверенность перед каждым выступлением. Мне это необходимо, Анна. Если со мной рядом не будет приятного, доброжелательного человека, то я наглотаюсь успокоительного или... напьюсь. По-настоящему, не пивом. Так оно и будет. А в психушке мне сказали: стоит только мне опять начать принимать капсулы или спиртное -- пиши пропало, подружка!

-- Если Лайон захочет, пусть едет,-- сказала Анна.

-- Ты говоришь так, прекрасно зная, что он не поедет,-- резко ответила Нили.

-- Нет, Нили, я серьезно. Пусть едет.

-- Тут нужно не просто "пусть едет", в этом случае он не поедет. Ты должна заставить его поехать. Иначе я не буду выступать. Я всегда могу сослаться на ларингит.

На следующий день Лайон пришел домой раньше, чем обычно. Холодная ярость сверкала в его глазах. Сняв пальто, он как-то по-осо-

бенному посмотрел на Анну. Та с трудом поднялась с кресла и стала смешивать для него коктейль. Интуиция подсказала ей, что случилось непоправимое... вероятно, в делах компании что-то пошло не так. Он молча взял бокал из ее рук.

-- Какие-нибудь сложности с Джорджем?-- спросила она.

Он сел и сделал большой глоток.

-- Скажи, Анна, мне, по-твоему, следует лететь в Калифорнию с Нили?

- Она колебалась. Ей вдруг показалось, что за этим вопросом что-то кроется. Ей не понравилось, как он смотрит на нее.

-- Ребенок родится не раньше середины января. Я, разумеется, не хочу оставаться на Рождество без тебя, но я стараюсь быть объективной...

-- Скажи, как мне поступить, Анна?-- спросил он все тем же странным тоном.

-- Решай сам,-- ответила она.-- Каким бы ни было твое решение, я пойму тебя.

-- Нет, решай ты. Все остальное ты уже решила. Скажи мне, сколько будет весить наш ребенок? Я знаю, что родится девочка, потому что так решила ты. И вообще, существует ли что-нибудь неподвластное тебе?

-- Лайон, о чем ты?

-- О тебе! И о компании "Бэллами, Бэллоуз и Берк". Боже, да я, должно быть, стал посмешищем для всего города. Меня купила Анна Уэллс. Наверное, это известно всем, кроме меня. Я узнал только что

-- Нили мне рассказала.

-- Нили? Откуда она узнала?-- Анна испугалась. Никогда еще она не видела на лице Лайона такого выражения.

-- Понимаю, это должно было оставаться в тайне. Генри объяснил. Но вскоре это все равно выяснилось бы. Все чеки, которые я отправлял Генри раз в неделю, визировались им и посылались тебе. При подаче налоговой декларации все это выплыло бы наружу.

-- Но как узнала Нили?

-- Ей сказал Генри. Вероятно, она явилась к нему и рассказала, как обстоят дела, надеясь, что он убедит тебя разрешить мне лететь с нею. Вот тут-то Генри и проговорился. Сказал ей, будто уверен, что ты предпочтешь интересы бизнеса, потому что речь идет о твоих деньгах. Нили теми же ногами бросилась ко мне и все рассказала. Джордж, разумеется, вел себя как положено, разыграл удивление. Но каждый все знал с самого начала, ведь так?

-- Лайон, никто этого не знал. Генри не должен был говорить Нили. Я сама собиралась все тебе рассказать в свое время. Я сделала это только потому, что люблю тебя, чтобы ты не уезжал в Англию.

-- И ты добила своего. Ты можешь купить все, что пожелаешь! Именно этому ты научилась у Кевина Гилмора? Все имеет свою цену, нужно лишь выяснить какую.

-- Но мои деньги -- это твои деньги.-- Она старалась побороть панику.-- Я сделала это лишь потому, что люблю тебя, хотела выйти за тебя замуж и родить от тебя ребенка. Можешь ты это понять?

-- Нет. Я понимаю только то, что Джордж ухмыльнулся и сказал мне: "Выше нос, Лайон, мы с тобой в одной лодке -- нашим бизнесом заправляют жены". Но я не Джордж Бэллоуз. И, клянусь богом, отныне на первом месте для меня будет бизнес. На кон поставлены твои деньги, и я верну их тебе все до последнего цента. Но сейчас на кон поставлено кое-что посущественнее -- моя гордость и уважение к себе. Есть лишь один способ вернуть две эти вещи -- удвоить твои проклятые инвестиции.

-- Лайон!-- Она крепко обняла его, но он остался холоден и неподвижен.-- Я сделала это из-за любви. Понимаешь?

-- Я понимаю только одно: компания "Бэллами, Бэллоуз и Берк" станет крупнейшей в этом городе... и в мире! Ты купила ее для меня, моя девочка, и ты получишь за свои деньги все, что они могут дать. Вот увидишь. И первое, что я сделаю, -- это закажу билеты, чтобы лететь с нашей жирной свиньей, именуемой звездой, в Лос-Анджелес. К черту Рождество -- полный вперед!

1963

Дженифер Берк родилась первого января. Она появилась на свет за две недели до срока, устроив перед этим Анне и доктору совершенно сумасшедшую новогоднюю ночь. Чтобы войти в этот мир, ей потребовалось целых пятнадцать часов, но когда она наконец оказалась в нем, красная и орущая, Анна увидела не сморщенное личико обычной новорожденной, она увидела лишь чудо и красоту существа, которому она дала жизнь, и от восхищения почувствовала, как силы вновь возвращаются к ней.

Ей было одиноко без Лайона в эти долгие декабрьские дни. Хотя он и звонил ей из Калифорнии каждый день, трещина в их отношениях все равно чувствовалась. Анна ощущала ее в той небрежности, с которой Лайон произносил ласковые ободряющие слова. Эта трещина раздвигалась, как глубокий каньон. Но когда родился ребенок, все было забыто. Когда Анна очнулась от наркоза, он позвонил, и она сказала ему, словно извиняясь:

-- Это все-таки девочка...

-- Я в восторге! Я слишком стар, чтобы учиться играть в футбол на пару с сыном. Мне доставит куда больше радости учить свою дочь-подростка танцевать.

Все время, пока она лежала в больнице, он звонил ей по два-три ра-

за в день. Триумф в Лос-Анджелесе побил все рекорды, и теперь Нили готова ехать в Сан-Франциско. Не будет ли Анна возражать? Это отдалит его возвращение еще на три недели.

-- Разумеется, нет,-- быстро ответила она. Ей не хотелось, чтобы опять возник какой-нибудь спор о делах компании или о работе Нили. Особенно сейчас, когда все вновь было замечательно.-- Дженифер Берк станет к тому времени совсем старой леди, но я постараюсь, чтобы она запечатлелась в твоей памяти,-- подразнила она его.

-- Джордж обещал сфотографировать ее "Полароидом",-- сказал Лайон.-- Пришли мне карточки сразу же, как только просохнут.

-- Я уже отправила одну -- сняли прямо в больнице. Там она похожа на старого гномика. Но она будет красавицей, Лайон. У нее будут темные волосы, насколько можно судить.

Лайон прилетел в конце месяца. Маленькая Дженифер весила девять фунтов, лицо уже разгладилось, морщинки ушли. Вся она была светло-розовой, и отец пришел от нее в неописуемый восторг. Внимательно изучая крошечное личико, он улыбнулся.

-- Страшно боюсь, что она будет похожа на меня,-- сказал он, нахмурясь.-- Анна, тебе следовало постараться получше. Я хотел точную твою копию, один к одному.

-- Я действительно постаралась, и все получилось. Я хотела, чтобы она была твоей копией.

Он примчался домой прямо из аэропорта, чтобы повидать ее и ребенка, но ему нужно было спешить по делам.

-- Отметим появление наследницы сегодня за ужином,-- пообещал он.

Вечером няня, мисс Казэнс, помогла ей втиснуться в грацию. Это было неудобно, но сейчас, после того как она столько месяцев проходила располневшая в халате, ей хотелось, чтобы Лайон опять увидел ее стройной, подтянутой и элегантной. "Неплохо",-- подумала она, придирчиво рассматривая в зеркале свою фигуру. Вес у нее стал, как прежде; только талия несколько ослабла, утратив былую форму, но грация сделала свое дело. В конце концов, прошел всего один месяц. Но, слава богу, сегодня ночью она все-таки сможет лечь в постель с Лайоном. У них так давно ничего не было -- с седьмого месяца. Бедный Лайон. Врач предупредил ее, что сначала может быть немного больно, но это уже не имело значения. Вновь сжимать Лайона в своих объятиях, ощущать его всем телом -- вот что главное.

Его секретарша позвонила в шесть вечера. Лайон на просмотре, не может ли она встретиться с ним в семь часов в ресторане "Денни". Несколько разочарованная, Анна положила трубку. Она-то думала, что они вдвоем выпьют дома коктейль, а потом спокойно поужинают где-нибудь подальше от привычных мест, где им не будут постоянно встречаться знакомые лица. В "Денни" ей нравилось, но это означало, что у их столика будут останавливаться все, кому не лень и будут говорить о бизнесе. Обычно она не возражала против деловых разгово-

ров, но ведь сегодня у них -- особенный день.

Анна села за столик около бара и стала ждать. Было уже четверть восьмого, и она пила вторую рюмку виски, когда наконец увидела Лайона. С ним были два его помощника и Билл Мэк, режиссер телевидения.

Лайон бросился к ней и легко поцеловал ее.

-- Пожалуйста, прости меня. Мы просматривали запись на Эн-Би-Си, проклятая пленка оборвалась и все пришлось прокручивать заново. Да, дорогая, ты, конечно, помнишь Джима Хэндли и Бада Хоффа,-- сказал он, подводя к столику двух молодых людей.-- И, разумеется, знакома с Биллом.

Они сели за большой столик и завели разговор о записи, которую только что просматривали -- вариант новой многосерийной постановки. Из их беседы Анна поняла, что запись является собственностью Билла Мэка, и что он хочет подписать соглашение с "Тремя Б", поскольку компания "Боллами, Боллоуз и Берк" начала приобретать известность. Он хотел, чтобы они продали ему комплексное соглашение. Энергия в Лайоне была ключом. Он был уверен, что сможет заинтересовать этим Си-Би-Эс или Эй-Би-Си, а, возможно, и переделать все, поставив на главную роль Джоя Клинга. Джой только что заключил соглашение с их компанией. Это был лучший комедийный актер года.

-- Он будет выступать в лондонском "Палладиуме" с Нили,-- пояснил Лайон.-- По правде говоря, он должен с минуты на минуту быть здесь. Я сказал ему, чтобы он заехал за мной сюда.

-- Заехал за тобой?-- удивилась Анна.

-- Ангел мой,-- с неподдельным огорчением сказал он.-- Все это произошло три часа назад. Джой едет со своим выступлением в Вашингтон.

-- Но ведь тебе-то не нужно ехать, правда?

-- Если бы нет! Нили думает, что она выступает там завтра с сольным концертом. Я должен объяснить ей, как важно для Джоя выступить в одной программе с нею.

-- Я тебе не завидую,-- сказал Бад Хофф.

-- Нили знает, что в "Палладиуме" в ее программе будут и другие номера, но она еще никого не включила в свои выступления здесь, в Штатах. До сих пор все ее концерты были сольными. Но когда я объясню ей, что мы только что подписали соглашение с Джоем... Нили ведет себя нормально, если ей все правильно объяснить.

"Он уезжает сегодня вечером!-- Эта мысль пронзила все ее существо.-- Он уезжает сегодня вечером!"

-- Когда ты вернешься?-- спросила она.

-- Через две недели. Утром я тебе сразу же позвоню. Может быть, ты прилетишь на субботу и воскресенье. Могла бы малышка Джен отпустить тебя?

-- Тебе обязательно нужно ехать сегодня вечером, Лайон?

-- Обязательно. Я хотел ехать завтра, но я должен обеспечить

Джою рекламу, и лучше всего приняться за это завтра же с утра.

Он планировал пробыть в Нью-Йорке только одну ночь!

В дверях вдруг показалась голова Джоя Клинга. Лайон помахал ему рукой.

-- Меня ждет машина, -- крикнул Джой. -- Стоит во втором ряду.

Лайон вскочил со стула.

-- Расплатиться чеком за счет компании, Бад. До свидания, мой ангел, завтра позвоню тебе. Бад, отвези, пожалуйста, Анну домой, а?

Она не поехала в Вашингтон на субботу и воскресенье. Мисс Казэнс сказала, что все будет в порядке и ей, разумеется, можно ехать. Но Лайон так больше и не позвал ее туда. А в пятницу он сказал только: "Позвоню завтра в это же время".

-- Почему бы тебе не взять и не спросить его в лоб, что происходит, -- ответила она. -- Всего лишь вот эта самая неуловимая разница.

Генри Бэллами вздохнул. Анна выглядела бледной и исхудавшей. Когда она позвонила ему и настоятельно попросила поужинать с ней, в голосе ее звучало отчаяние. К тому же он боялся вопросов, которые она непременно задаст ему.

-- Генри, малышке уже три месяца, а Лайон провел с ней всего четыре дня. Один -- между Калифорнией и Вашингтоном и три -- между Вашингтоном и Лондоном. В Лондоне он уже месяц. Нили там произвела фурор. Я понимаю, что ее там удерживает, но ему-то оставаться нет никаких оснований.

-- А Джордж что говорит?

Анна улыбнулась.

-- Все та же старая линия поведения. Что Нили, мол, не останется там одна. Что Лайон для нее царь и бог -- единственный, кого она слушает. Что она якобы приносит компании большие деньги.

Генри печально улыбнулся.

-- Вот что значит быть удачливым менеджером. Всегда страдает жена.

-- Но ведь к ним уже перешли несколько крупных звезд. Компания процветает. Сколько они еще должны нянчиться с Нили? Сейчас с ней, кажется, все в порядке? По-моему, она вполне может сама стоять на ногах.

-- Они -- новые люди в бизнесе, Анна. Сейчас на них все смотрят. Джордж никогда не отличался особой энергией. Да, разумеется, он хороший бизнесмен, но Лайон умеет находить подход к людям. А в нашем деле всегда появляется своя Нили или еще какая-нибудь звезда, с которой приходится нянчиться. Видимо, тебе нужно смириться с этим.

-- Хочешь сказать, мне всю жизнь придется жить вот так?

-- Со временем ты к этому привыкнешь, -- ответил он.

-- Я -- никогда!

С минуту от помолчал, потом сказал:

-- Анна т
больших ден
-- Но, Ген
Генри из
пальцев.

-- Ты ни
что обязан
время прив
ся там повск

-- Если бы
ни на что. Я
дить во все т

-- Оставь
-- Он верн

времени Нил

-- рассмат
вал Генри.

Лайон вер
неделю. Нил
мать ее долж
ропейского к

-- Состоян
жет и Голлив

сколько я нам
нием графика

-- Лайон, в
-- Ничего н

-- Почему?
-- Понимае

нее был ошел
глядит, когда

еще хранит е
це, часами то

Из фирмы Дж
ложением от т

доходит до не
-- Но она де

тащили ее.

-- Она уже
и тебе, и комп

ны быть ей бла

-- Но какое
-- Это будет

-- "Нили об
Как же она мо

-- Анна ты не можешь иметь все. Я видел твою квартиру. Она стоит больших денег. А Лайон из тех, кто за все платит сам...

-- Но, Генри, почему он не попросил меня поехать с ним в Лондон? Генри изучающе посмотрел на подагрические утолщения своих пальцев.

-- Ты никогда не была за границей, Анна. Возможно, он считает, что обязан показать тебе достопримечательности и прочее. А он все время привязан к театру. Тебе было бы не очень-то приятно ошиваться там повсюду одной.

-- Если бы он все так объяснил, я бы поняла и поехала бы, несмотря ни на что. Я могла бы сама осматривать достопримечательности... ходить во все театры. И видаться с ним хотя бы изредка.

-- Оставь пока все как есть. Он должен вернуться со дня на день.

-- Он вернется через неделю. А что потом? Кто знает, куда к тому времени Нили поедет на гастроли? И он опять уедет?

-- Рассматривай проблемы по мере их возникновения, -- посоветовал Генри.

Лайон вернулся через десять дней. Но побыть дома он смог лишь неделю. Нили собиралась в Европу сниматься в новой картине. Снимать ее должны были во Франции и Италии с ведущими артистами европейского кинематографа.

-- Состояния на этом она не сделает, -- пояснил Лайон, -- зато покажет и Голливуду, и телевидению, что на нее можно положиться, поскольку я намерен сделать все, чтобы съемки завершились с опережением графика.

-- Лайон, возьми меня с собой, -- внезапно попросила Анна.

-- Ничего не выйдет.

-- Почему?

-- Понимаешь, Нили временами становится монстром. В Лондоне у нее был ошеломляющий успех. Ты не представляешь, как все это выглядит, когда добиваешься успеха там. Невероятно, но публика все еще хранит ей верность. Выкрикивают ее имя, когда она идет по улице, часами толпятся у отеля, чтобы только увидеть ее одним глазом. Из фирмы Джонсона -- Гарриса туда прилетели двое с крупным предложением от телевидения. Все стремятся заполучить ее себе. И все это доходит до нее.

-- Но она должна остаться верной тебе и Джорджу: ведь это вы вытаскивали ее.

-- Она уже заплатила все, что была должна, до последнего цента -- и тебе, и компании. Она делает деньги и делает их для нас. Мы должны быть ей благодарны.

-- Но какое это отношение имеет к тому, что я хочу ехать с тобой?

-- Это будет помехой. Нили обидится.

-- "Нили обидится"?! Да ведь я -- твоя жена. И ее лучшая подруга. Как же она может обидеться?

-- Она опять вошла в силу и хорошо знает это. Не забывай: она согласилась, чтобы Джой Клинг выступил с нею в одной программе, а благодаря этому мы заключили для Джоя крупный контракт с телевидением на предстоящий сезон. Стоимость комплексной сделки составляет сто пятьдесят тысяч долларов в неделю, и мы курируем эту сделку. Это даст нам пятнадцать тысяч в неделю на тридцать девять недель. И все благодаря Нили. В будущем году мы заключаем для Нили особые соглашения -- по одному на каждый месяц, по двести тысяч за каждое. Так что сейчас все крутится вокруг Нили. Если там будешь ты, я, естественно, буду разрываться и какое-то время уделять тебе. Мне захочется показать тебе Париж, Рим, захочется быть с тобой. Я совсем заброшу Нили. Пожалуйста, дорогая, отпусти меня. Через год я смогу выплатить тебе твою ссуду. Но на сегодняшний день хребтом "Трех Б" все еще является Нили, и обращаться с ней нужно бережно.

-- Но я уверена, что мое присутствие не обидит Нили. Она же сама предлагала мне, чтобы я оставила ребенка и сжала вместе с тобой.

-- Видишь ли... Нили несколько изменилась. Единственное, о чем она думает и с чем считается, -- это сама Нили. Ты должна понять ее Анна. Ты ни разу не была рядом с нею в те периоды, когда дела у нее шли хорошо. Она обращалась к тебе, только когда ей было плохо. Тогда она вела себя по-человечески -- сейчас же она невыносима. Мне приходится ни на минуту не спускать с нее глаз, чтобы она не вспылила и не поссорилась с окружающими, чтобы удостовериться, что она везде является вовремя. Она вновь обрела власть над людьми. Опять начались вспышки раздражения. К счастью, я могу управлять ими, и будем надеяться, что так оно будет и впредь. Но я вынужден посвящать ей все свое время.

Следующие три месяца были для Анны невыносимы. Она так много времени проводила с малышкой Дженифер, что няня не находила, чем заняться, и жаловалась на это. Постоянно поступали сообщения об ошеломляющем успехе Нили за границей. Время от времени Лайон писал, а раз в неделю звонил. Фильм обещал быть великолепным, хотя пришлось заново снимать начало, поскольку Нили очень много потеряла в весе. Дома он хотел быть в конце июня. Затем прошла целая неделя без единой весточки от него.

Анна заказала трансатлантический телефонный разговор на четвертое июля. Телефонистка коммутатора отеля "Георг Пятый" ответила, что господин Берк выехал от них ровно неделю назад. Нет, адреса места выбытия не оставил. Она полагает, что он вернулся в Соединенные Штаты. Да, мисс О'Хара выехала из отеля одновременно с ним.

Анна была потрясена. Неужели он поплыл на пароходе? Но почему, если он так сильно хотел увидеться с нею и с дочуркой? Она позвонила Джорджу. Тот отвечал уклончиво. Да, Лайон и Нили должны были вернуться, но он вот уже пять дней не имеет от них никаких известий.

В ту ночь она лежала в постели, пытаясь заставить себя смотреть

телевизор.
концов она
запно в одн
тенькая зач
"...легенд
нальное во
ново обрет
бовной исто
предметом
де телеэкра
Внутри у
вительно го
что ей вот-
ла она себе
рено. Но из
Лайон, нав
нии вытян
произойдет
брать меня
дить меня.
сейчас?"

Схватив
верли-Хил
оказались
Да, мистер
его нет. Да
вечает. В К
вторить вы
Анна сн
форнии це
Надев по

Генри по
-- Госпо
ду завязыв
показал на
-- Садис
Анна бы
-- Ты ви
санные по
узнала, чт
форнии, с
-- Давай
-- Генри
содрогаясь
Спокой

телевизор. Ни одна программа так и не заинтересовала ее. В конце концов она выключила телевизор и развернула утренние газеты. Внезапно в одной из колонок, словно неоновая вывеска, вспыхнула коротенькая заметка:

"...легендарная звезда эстрады, которая вновь совершила феноменальное восхождение на Олимп славы, объясняет это, равно как и заново обретенную стройную фигуру, своей новой любовью. Но у любовной истории нашей звезды не может быть счастливого конца. Ведь предметом этой любви является ее менеджер, который женат на звезде телезэкрана".

Внутри у Анны что-то оборвалось. Не может быть! Но Лайон действительно говорил, что Нили согнала лишний вес. Она почувствовала, что ей вот-вот станет дурно и она упадет в обморок. "Постой,-- сказала она себе.-- Ладно, допустим, Нили влюбилась в Лайона. Это немудрено. Но из этого вовсе не следует, что и Лайон равнодушен к Нили. Лайон, наверное, соблюдает дистанцию и держится от нее на расстоянии вытянутой руки. Возможно, он с самого начала понял, что это произойдет. Тогда именно этим и объясняется то, что он не хотел брать меня с собой в Европу. Вероятно, таким образом он хотел ограбить меня. Лайону, наверное, пришлось там нелегко... но где же он сейчас?"

Схватив трубку, она заказала телефонный разговор с отелем "Бeverly-Hillz" в Калифорнии. Она молила бога, чтобы ее подозрения оказались ошибочными. Трубку сняла телефонистка коммутатора. Да, мистер Лайон Берк поселился у них три дня назад. Нет, в номере его нет. Да, мисс О'Хара тоже зарегистрирована. Ее номер тоже не отвечает. В Калифорнии сейчас только девять часов -- не желаете ли повторить вызов позже?

Анна сняла заказ и без сил откинулась на подушки. Быть в Калифорнии целых три дня и не позвонить!

Надев первые попавшиеся под руку брюки, она выбежала в ночь.

Генри понадобилась целая вечность, чтобы открыть дверь.
-- Господи, что еще стряслось?-- сонным голосом спросил он. На ходу завязывая пояс халата, он провел ее в гостиную, включил свет и показал на кресло.

-- Садись. В чем дело?

Анна была на грани истерики.

-- Ты видел это?-- Она ткнула пальцем в утренние газеты, разбросанные по полу.-- Генри, не отмалчивайся передо мной. Я только что узнала, что Лайон вот уже несколько дней как вернулся. Он в Калифорнии, с Нили, и даже не позвонил мне.

-- Давай-ка выпьем,-- предложил Генри.

-- Генри, помоги мне!-- Она рухнула в кресло, как подрубленная, содрогаясь всем телом от рвущихся из груди рыданий.

Спокойно разбавив шотландское виски, он подал ей стакан.

-- Давай покончим с истерикой и обратимся к фактам. Ты ведь хочешь спасти ваш брак, правда?

-- Значит, ты тоже этому веришь?

-- Конечно. Я знал об этом раньше.

Дар речи покинул ее. Она смотрела на него во все глаза так, словно последний верный друг предал ее.

-- Приди в себя,-- сказал он.-- Такое случается сплошь и рядом. Перед тобой есть несколько путей. Первый: ты уходишь от него, не уронив своей гордости. Второй: если он так сильно тебе нужен и у тебя достаточно мужества и силы воли, то ты сможешь все выдержать и вернуть его.

-- Я не могу жить без Лайона,-- прорыдала она.

-- Тогда начинай брать себя в руки. Только начни закатывать ему сцены -- и ты прямиком пошлешь его в объятия Нили.

-- Но она же толстая, как свинья. Не может она ему понравиться.

-- Уже не толстая.-- Голос у него был усталый.-- Я только вчера вечером вернулся с Западного побережья. Встретил Нили и Лайона в "Чейсене". Она выглядит великолепно. Вряд ли она весит сейчас больше ста фунтов.

-- Нили?

-- Думаю, это все из-за любви. Фунтов десять она сбросила в Лос-Анджелесе во время первых гастролей, еще фунтов десять во Фриско и в Вашингтоне, а все остальное -- за три месяца в Европе. Она ничего не ест. Я наблюдал за нею. Выглядит так, будто в любую минуту может раствориться в воздухе. Но она просто помешалась на Лайоне: глаз с него не сводит, поминутно виснет на нем...

Анна закрыла лицо руками.

-- Генри, прекрати! Чего ты хочешь? Добить меня?

-- Нет, хочу раскрыть перед тобой всю правду. Зная факты, ты, возможно, придумаешь, как бороться. А от неожиданности ты могла бы потерпеть поражение. Так что лучше полностью быть в курсе событий. А теперь -- стисни зубы и держись. Такое и впрямь может огоршить: Лайон отнюдь не отталкивает ее от себя.

-- Нет... нет...-- Анна издала протяжный жалобный стон.

-- Прекрати истерику, и давай составим план действий.

Она посмотрела на него, отказываясь верить своим ушам.

-- Генри, ты с ума сошел! Все кончено... насовсем.

Тот пожал плечами.

-- Прекрасно. Я займусь для тебя оформлением развода. Лайону придется выплатить тебе и ребенку солидные алименты. Уверен, что он будет согласен на все.

Анна зарыдала еще отчаяннее.

-- Нет... нет... я не отдам его.

-- Тогда возьми себя в руки. Выпей виски, и давай все просчитаем. Ты не первая и не последняя, у кого уводят мужа. Тебе нужно просто решить, что для тебя важнее -- Лайон или собственная гордость.

-- Но того, что было, уже не вернуть.

-- Верно. Ореол вокруг него изрядно померкнет в твоих глазах. Но ты удержишь его около себя. Насколько я тебя знаю, если, конечно, не ошибаюсь, часть Лайона -- это лучше, чем вообще никакого Лайона.

-- Генри, да разве он будет уважать меня, зная, что я смирилась с этим?

-- В этом-то все и дело, -- нетерпеливо пояснил он. -- Он нипочем не должен знать, что тебе все известно. Если он об этом узнает, то тебе придется требовать развода. Именно на это и бьет Нили. Послушай... Лайон оказался замешанным в этом вопреки своей воле. Ты должна понять. Но когда ты становишься для кого-то Творцом Всемогущим, это может изрядно вскружить тебе голову, да и время выдалось как нельзя более подходящее. Лайону для самолюбия как раз требовалось что-то в этом роде. Он -- творческая личность, Анна, он считает, что ты купила его со всеми потрохами, завлекла его обманным путем и направила на новую стезю. На самом же деле все это чушь собачья -- раз уж у него и впрямь есть такие способности, то никто и ничто не могло бы, в конечном счете, помешать их реализации. Но сейчас он опять занят творческим созиданием. Из бесформенного куска жира он вылепил стройную, полную энергии звезду, которая, как ему кажется, обязана ему всем, даже самым воздухом, которым она дышит. В своих глазах он сейчас не просто менеджер, он -- творец. Осознание этого для него важнее самой жизни. Великое всепоглощающее чувство власти. Устоять перед ним не в состоянии ни один мужчина. А Нили подыгрывает ему, прикидываясь беспомощной и беззащитной. Она также беспомощна, как кобра, только он-то этого не видит. А вот ты, в представлении Лайона, сильная личность, повелитель, его Творец Всемогущий. На самом же деле, Анна, ты и вполтину не столь сильна, как Нили, -- в этом мире Нили и ей подобные несокрушимы, но из-за твоего самообладания и уверенности Лайон в меньшей степени ощущает себя мужчиной с тобой, чем с Нили. Вероятно, он полагает, что ты выхолостила в нем мужскую сущность, причем дважды. Первый раз, когда отказалась оставить ради него Нью-Йорк, а второй -- когда купила ему мое агентство, поставив его во главе компании.

-- Если бы ты не рассказал Нили... -- простонала она.

-- Это случилось в конце декабря. Вы с Лайоном были счастливы, а Нили была твоей лучшей подругой -- так я, по крайней мере, думал. Она пришла ко мне, зная, что ты слушаешь меня. Хотела, чтобы я убедил тебя поехать с ними, после того как родится ребенок. Рыдала, клялась, что не поедет без Лайона, бесилась... Говорила, что ты не прислушаешься к голосу разума, потому что ты -- миллионерша и плевать хотела на компанию, что ты, мол, вообще хочешь, чтобы Лайон отошел от дел. Ну я и объяснил, что ей все представляется в неверном свете, что на кон поставлены твои деньги. В конце концов, мне ведь так или иначе пришлось бы вскоре раскрыть все Лайону. Откуда

мне было знать, что Нили обернет это против тебя? Боже мой, да знаешь ли ты, сколько раз она говорила мне, что обязана тебе всей своей жизнью? Ты вернула ее в "Небесный Хит", убедив Лайона замолвить за нее словечко. Ты говорила с Гилом Кейсом о том, чтобы она заменила Тэрри Кинг. Ты оплачивала ее лечение в Хейвен-Мейноре. Я и подумать не мог, что Нили будет действительно против тебя, не говоря уже о том, что она станет твоей соперницей и начнет отбивать у тебя Лайона. Здесь я здорово ошибся, хотя, видит бог, намерения у меня были самые благие. Сейчас же главное для тебя -- смотреть фактам в лицо. С тобой Лайон не ощущал себя значительной личностью, но вот появляется Нили и возносит его на высоченный пьедестал. Тебе просто нужно выждать, пока этот постамент не станет вровень с землей.

-- Но как?-- взмолилась она.

-- Твердо держись своей линии. Перестань разыгрывать из себя всевышнего и побудь немного просто женщиной. Дай кобре, сидящей в Нили, выползти наружу. Лайон не дурак.-- Генри помолчал.-- Знаешь, вся эта история между тобой и Лайоном -- она с самого начала не заладилась. Но ты хотела его, и ты его получила. И зашла слишком далеко, чтобы идти на попятный. Сейчас твоя роль -- вести себя так, словно ничего не случилось. Это будет нелегко -- более того, временами просто невыносимо, потому что их с Нили отношения еще достигнут апогея, прежде чем пойти на спад. Но если ты сумеешь продержаться, процесс пойдет вспять. В результате Лайон непременно возненавидит ее. Нили взаправду выхолостит в нем все мужское -- так она поступает со всеми мужчинами. Тебе наверняка известно, что Тэд Касабланка во всеуслышание жаловался на нее. Вначале она -- сама патока, елей и нежность, но под этим, как и у всех звезд, у нее скрывается непробиваемая стальная броня. Со временем, если сумеешь держаться своей линии, ты окажешься для него мягкой, податливой женщиной, которую он не сумел разглядеть, и он захочет защищать и оберегать тебя, почувствует себя виноватым. Ваш брачный союз несколько потускнеет; возможно даже к тому времени Лайон будет тебе не нужен, но если сумеешь все выдержать, он останется твоим. Это будет война нервов, но ты сможешь выдержать и выиграть ее.

-- Попробуюсь,-- устало сказала она.-- Генри... весь мой мир только что рухнул. По-моему, сегодня я имею право принять свою первую "куколку".

-- Первую что?

-- Капсулу секонала.-- Она слабо улыбнулась.-- Дженифер и Нили называли их "куколками". Я их в жизни ни разу не принимала, но сегодня, пожалуй, заслужила одну. Интересно, где бы мне их достать?

Он вышел в ванную, порывлся в аптечку и вернулся с пузырьком.

-- Вот... здесь на два месяца. Я сам только что принял одну.

Слабая улыбка заиграла на ее губах.

-- И ты тоже?

-- Уже двадцать лет. Неизбежная принадлежность нашего бизнеса.

Прими одну и ложись в постель. Не кури. Если ты раньше его не принимала, подействует быстро.

Она взяла пузырек, попрощалась и ушла. Ноги налились свинцовой тяжестью, а пока она ехала в такси до своего дома, в голове у нее, будто вспышки, чередой проносились неприятные видения Нили и Лайона.

Дома Анна долго стояла в ванной, разглядывая пузырек. Он был доверху заполнен глянцевитыми красными капсулами. Опрокинув пузырек и вытряхнув все пилюли, она сосчитала их. Шестьдесят пять. Генри, безусловно, доверяет ей. Что ж, почему бы и нет? Идти на пятый она не собирается. У нее есть ребенок, которому она нужна, и муж, которого она должна вернуть. Единственное, что ей сейчас нужно, -- забыться на несколько часов, отрешиться от этого неожиданного-негаданного кошмара. Она проглотила одну капсулу. "Отлично, "куколка". Давай посмотрим, из-за чего вокруг вас поднимают весь этот шум-гам". Она легла в постель, взяла с пола разбросанные газеты и попыталась читать. Через десять минут строчки стали сливаться у нее в глазах. Это было невероятно... голова стала легкой... глаза сами закрылись... Это настоящая "куколка"... и она сейчас уснет. Завтра она все обдумает.

Лайон приехал неделю спустя. Он сказал, что они летели через Северный полюс и остановились в Калифорнии. Она сделала вид, что удивилась. Он странно посмотрел на нее.

-- Разве ты не знала, что я был в Лос-Анджелесе?

-- Откуда же мне знать?-- сказала она.-- Я считала, что ты задержался в Европе.

Он отвернулся, однако недостаточно быстро, и она успела заметить удивление, мелькнувшее в его глазах. Он вернулся, ожидая неприятностей, приготовив объяснения, а ничего не потребовалось. Они поужинали в "Колони", после чего провели свой первый вечер наедине. Анна была нежна и самозабвенно отдалась ему. Это было нелегко. Ей хотелось исцарапать его всего ногтями, чтобы оставить свидетельство того, что он принадлежит ей. Она мучила себя, наяву представляя его и Нили в постели, но совершенно непостижимым образом ей удалось отбросить эти мысли, и она страстно отвечала на его объятия.

Они провели вдвоем пять замечательных дней. Она уже почти начала верить, что у них снова все хорошо, а то, что было, осталось в прошлом. Потом прилетела Нили. У нее был контракт на десять ежемесячных сольных программ, в августе должны были начаться съемки, поскольку первое шоу выходило на экраны в сентябре. Но оставалась еще половина июля, не занятая ничем, поэтому Нили прилетела в Нью-Йорк, стремясь что-то предпринять.

Был четверг. Анна ничего не знала о возвращении Нили. У них с Лайоном были билеты в театр, а после этого встреча в "Копе" с поверенным нового певца. Похоже, что поверенные в городе стремились к

тому, чтобы их клиенты снялись со своими номерами в телевизионном шоу Нили. В пять часов позвонила секретарша Лайона и сообщила, что мистера Берка вызвали на совещание спонсоров и что в театр он пойти сегодня не сможет, что сопровождать ее он посылает вместо себя Бада Хоффа и что сам он придет к ним в "Копу" позднее.

Анне и в голову не пришло, будто здесь что-то неладно. Она поиграла с ребенком, с удовольствием полежала в роскошной ванне и оделась. Приехал Бад, и они отправились сначала в театр, а потом в "Копу", где их уже ждал поверенный, заняв столик на балконе. Анна объяснила ему, что Лайон задерживается и придет чуть позже.

Поверенный кивнул.

-- А я боялся, что сегодня он будет занят до ночи в связи с приездом Нили.

Анна почувствовала, как лицо ее обдало жаром, но все же сумела безмятежно улыбнуться.

-- Ах да... верно. В котором часу она прилетела, Бад?-- спросила она, стараясь создать впечатление, что это известие не было для нее сюрпризом.

Было видно, что Баду немного не по себе.

-- Кажется, часов в двенадцать. Во всяком случае, первый ее звонок был в это время.

Анна заказала выпить.

-- Бедный Лайон. А он-то надеялся, что она остановится в Аризоне и пробудет там с детьми.-- Обменялись поверенный и Бад взглядами или ей это только показалось? Сколько человек знают правду?

Она заставила себя смотреть представление и даже похвалила певицу. Ей показалось, что пустой стул Лайона смеется на нее. Улыбка, словно приклеенная, не сходила с ее лица, когда она объясняла причину отсутствия своего мужа. Она видела, как разочарован поверенный, но его переживания не шли в сравнение с ее собственными.

-- Вероятно, нужно что-то уладить насчет шоу Нили -- она во всем полагается на Лайона. Наверное, ему ужасно неприятно, что он пропустил это представление, но Бад даст ему исчерпывающий отчет, не так ли, Бад?

Разумеется, даст. И вновь показалось, что поверенный и Бад обменялись многозначительными взглядами.

Было уже три часа ночи, когда Бад привез ее домой. Она знала, что Лайона не будет. На цыпочках подойдя к кровати, она поцеловала дочку и укрыла ее одеяльцем. Милая, милая малышка Дженифер, черноволосая и голубоглазая -- вся в отца. И до чего же красивая. Анна почувствовала, как к горлу у нее подступил комок, а на глаза навернулись слезы. Нет, когда Лайон вернется, она должна быть спокойна. Никаких слез. Ей нужно будет принять любое оправдание, какое бы он ни придумал.

В пять часов она на цыпочках прошла в гостиную. Возможно, он уже пришел и не захотел беспокоить ее. А может, он спит у себя в ка-

бинете? Но ни в гостиной, ни в кабинете его не было. "О господи, Лайон, ну почему? А ты, Нили, как же ты могла так поступить со мной?" Она прошла в ванную и приняла красную пилюлю. Она уже принимала по одной каждую ночь, пока Лайон не приехал. Ей казалось, только "куколки" помогли ей сохранять рассудок. После его приезда она не приняла ни одной. "И вот опять начинается,-- подумала она.-- Слава богу, что существуют эти чудесные красные "куколки". Благодаря им ночи проходят так быстро". Днем было легче -- она занималась ребенком, обедала, как правило, с Генри или со знакомыми.

Она знала многих женщин, обедавших в "Двадцать первом" или в Малом клубе, которые, как и она, мучились, не зная, чем заполнить свой день,-- жен помощников режиссеров или клиентов Лайона. Но после Нили и Дженифер она так и не смогла ни с кем близко сойтись. Близкая дружба у женщин возникает лишь в молодости. После тридцати заводить новых подруг становится труднее: меньше общих надежд, ожиданий, мечтаний. И тем не менее всегда находится кто-то, с кем можно провести день, пообедать или походить по магазинам. Но ночью! После того, как малышка Джен и мисс Казэнс засыпали, она долго не могла сомкнуть глаз, думая о Лайоне, видя перед собой его лицо, улыбку... и представляла его с Нили. Когда становилось совершенно невыносимо, она вскакивала с кровати и обретала спасение в виде верной красной "куколки". И очень скоро Нили и Лайон уходили в небытие, а она погружалась в забытые сновидения. Так прошла вся неделя.

И вот это начинается вновь. Она лежит в кровати, спрашивая себя, сколько времени Нили собирается пробыть здесь. Быть может, это продлится всего несколько дней? Очертания спальни стали размываться. Слава богу, лекарство действовало быстро.

Анна не знала, сколько проспала, но она смутно почувствовала присутствие Лайона, его тихие шаги. Она с трудом разлепила веки. Было уже совсем светло. Он был в ванной.

-- Лайон?-- Она села в кровати, посмотрела на настенные часы: уже восемь! Он вернулся только что? Неужели? Она увидела его пиджак, брошенный в кресло.

Он вышел из ванной, улыбаясь, в одних трусах.

-- Извини, что разбудил.

-- Который час?

-- Восемь. Я уже одеваюсь.-- Он подошел к своей несмятой кровати и быстро сел на нее, пытаясь скрыть от ее глаз, что простыни идеально заправлены. Он пытался сделать вид, что уже давно дома!

-- Когда ты легла?-- непринужденно спросил он, надевая туфли.

-- Часа в три,-- солгала она. Чертово лекарство, от него так кружится голова.

-- Я пришел около четырех,-- не моргнув глазом сказал он.-- Ты спала без задних ног.

Она опять прилегла.

-- Нили в Нью-Йорке,-- сказал он, надевая чистую рубашку.

-- Да, Бад говорил.

Анна знала, что он наблюдает ее реакцию, и не открывала глаз.

-- Она пришла на нашу встречу со спонсорами: хотела внести некоторые изменения в программу, и нужно было кое-что уладить. Ей хочется, чтобы в оркестре было больше струнных инструментов и чтобы платили за это они. К тому же она настаивает, чтобы телевизионная сеть взяла на себя половину всех расходов. Несколько часов ушло, чтобы все утрясти.

До восьми утра? Она так и не открыла глаз.

-- Потом, совсем уже поздно, мы пошли ужинать со спонсорами. Мне пришлось успокаивать их, а этот Тэд Келли... ты же знаешь, как он любит выпить. Ах, да, ты ведь не знакома с ним. Работает у нас. Просидел с ним в "Пи Джей" до половины четвертого, успокаивая его. Хотел заехать за тобой в "Копу", но он стал бы настаивать, чтобы остаться с нами, а набрался он уже изрядно, так что я сидел с ним, как нянька, все время до самого конца. Слава богу, что "Пи Джей" закрывается в четыре часа. Я поехал прямо домой.

"О боже, я не вынесу этого,-- подумала Анна,-- сейчас закричу". Однако она прикусила губу и не произнесла ни слова.

-- Ты уже совсем проснулась, дорогая?-- Увидев, как она еле кивнула, он улыбнулся.-- Тебе, должно быть, пришлось нелегко... Кстати, сегодня вечером постарайся заняться с какой-нибудь из своих подруг. Мне придется поехать с Нили и кое с кем из сотрудников в Гринич-Виллидж, разыграть несколько номеров.

Она окончательно проснулась.

-- Можно, я тоже поеду?

-- Тебе там не понравится,-- быстро ответил он.-- И потом это -- бизнес. Все ребята будут там без жен. Если ты поедешь, это придаст нашей встрече характер вечеринки, они тогда тоже приедут с женами, и у нас получится обыкновенное собрание. Ведь в таком окружении нельзя будет метаться с места на место...

-- Но Нили же будет там,-- возразила она.

На его лице появилось наигранное удивление.

-- А как же? Это ведь ее шоу, и она должна одобрить каждый номер, который туда войдет. -- Он улыбнулся и сказал: -- Слышу, Дженифер голосок подает. Готов поклясться, она говорит что-то вроде "па-па". Думаю, что смогу сегодня позавтракать с нашей красавицей. А ты досыпай.

Она не видела Лайона пять ночей подряд, хотя слышала, как он приходил рано утром переодеться. Иногда она просыпалась и делала вид, будто уверена, что он тоже только что встал. Он никогда не забывал, когда приходил, смять постель, и у него всегда было наготове какое-нибудь убедительное объяснение: нужно было просмотреть несколько номеров, было совещание с сотрудниками, была запись у Нили, прослушивали песни для нового альбома Нили... И каждую ночь

Анна принимала красную капсулу, погружаясь в забытие.

На шестой день ей пришлось столкнуться еще с одним кризисом. Лайон только что ушел. Сказал, что вчера опять был с Тэдом Келли. Только с ним. Анна сделала вид, что поверила, и снова легла, но никак не могла уснуть. Она прошла в ванную комнату и приняла вторую красную "куколку".

Когда она проснулась, был уже час пополудни. Она позвонила служанке, сказала, что неважно себя чувствует и что выпьет кофе с тостами прямо в постели. Та принесла поднос и свежие газеты. Нехотя она развернула одну, стала проглядывать иллюстрации... и вдруг в глаза ей бросился большой снимок Нили и Лайона. Подпись гласила: "Мисс Нили О'Хара танцует в "Марокко" со своим личным менеджером Лайоном Берком".

Выглядела Нили отлично. Внезапно Анна вспомнила, что не видела ее уже... сколько же? Последний раз они встретились еще до рождения ребенка, месяцев восемь-девять назад. Нили даже не пыталась скрывать свою связь с Лайоном. Особенно это было видно по выражению ее лица: вся сияющая, глаз с него не сводит. И Лайон тоже выглядел счастливым. О боже, что же теперь будет? Он ведь уличен во лжи. Хотя бы не говорил ей, что был с Тэдом Келли. Анна набрала номер Генри.

-- Газету выбрось,-- приказал он ей.-- Не тычь ему ею в глаза. Ты вполне могла и не видеть ее.

-- Генри, я не могу так больше,-- прорыдала она в трубку.

-- Приезжай, Анна,-- пригласил он.-- Обговорим все.

Генри ходил взад-вперед по комнате.

-- Согласен, это тяжело,-- говорил он.-- Я не думал, что она обнаглеет настолько. Считал, что это будет у них только на гастролях. Я предполагал, что тебе будет не по себе, но уж никак не мог предположить, что тебе все это вот так сунут под нос.

-- Что же мне делать? Я наверняка уже посмешище для всего города. Даже обедать ни с кем не смогу. Только вчера я сказала, будто Лайон хочет, чтобы Нили вернулась в Калифорнию, что он терпеть не может нянчиться с нею. Сказала это трем женщинам, с которыми обедала вместе, зная, что в душе они смеются надо мной. И вот теперь я просто не смогу избежать позора.-- Она взяла газету.

-- Может, мне позвонить Лайону?-- спросил Генри.-- Побеседовать с ним по-дружески, не говоря, что ты здесь... Посмотрим, что из этого выйдет?

Она отрицательно покачала головой.

-- Лайон догадается. Он знает, что ты -- единственный человек, которому я безгранично доверяю.

Генри вдруг схватил трубку.

-- Что ты хочешь делать?-- спросила она.

-- Позвоню Нили,-- ответил он.-- Сделаю вид, что даю ей совет, в котором она нуждается. А ты иди в спальню и слушай по параллельному.

Анна внимательно смотрела на него. Несколько минут он рассыпал комплименты Нили по поводу ее вновь обретенной фигуры и многочисленных успехов. Наконец он взял быка за рога.

-- Нили, я только что видел газету. Что у тебя, черт возьми, с Лайоном Берком?

Выражение его лица не понравилось Анне. Пройдя в спальню, она осторожно сняла трубку параллельного аппарата.

Говорила Нили:

-- Послушай, Генри, я очень тебя люблю, но в это лучше не суйся.

-- Нили, -- спокойно сказал Генри, -- мне дела нет до твоих чувств, но даже если ты считаешь, что ничем не обязана Анне, тебе все равно нужно заботиться о своем имидже в глазах публики. Всем известно, что Лайон женат на Анне. До сих пор в газетах появлялись лишь завуалированные намеки, но такое... В конце концов, твои спонсоры побоятся скандала -- ведь Лайон продолжает жить с Анной.

-- Черта с два "продолжает", -- рявкнула Нили. -- Приходит домой только под утро, переодеться. Ждет не дождется, когда она поймает его. Но она всегда спит.

-- Нили, а может, тебе только кажется, будто он хочет, чтобы его поймали?

-- Чушь, он оставался со мной все эти ночи. Когда вчера вечером нас щелкнули в "Марокко", он даже сказал: "Может, это и к лучшему -- если снимок опубликуют, все выйдет наружу". Это его собственные слова. Он просто боится сам сказать Анне, боится, что это выбьет ее из колеи. И еще... -- Нили помедлила. -- Ну, в общем... он действительно любит этого их ребенка.

-- Нили, все это обернется против тебя же самой, -- сказал Генри. -- Нельзя просто протягивать руки и брать то, что тебе вздумается, ни в грош не ставя других людей. Каждому воздается по его делам.

-- Я тебе не каждая! -- пронзительно взвизгнула Нили. -- Настало время, чтобы я брала то, чего пожелаю. И знаешь, почему? Потому что всю свою жизнь я только и делала, что отдавала. Даже девчонкой... эти бездари "Гаучерос" не умели танцевать, и именно на мне держался весь номер. Муж моей сестры сейчас контролеришка в универмаге "Мейси". После моего ухода они так ни разу и не выступили вместе. Я делала деньги для киностудии, а меня выставили пинком под зад. Но меня ничто не могло сломить. Тебе прекрасно известно, черт возьми, что равной мне нет. И я не обязана жить по этим паршивым правилам, по которым живут обыкновенные люди, потому что я не обыкновенная. Меня ничто не сломит, точно тебе говорю. Демерол, капсулы, психушка, лишний вес -- чепуха. А Лайоном я только и живу. Когда я с Лайоном, мне даже есть ничего не нужно. Теперь я могу пить, принимать пилюли для похудения, даже снотворное -- и все будет нормально. Черт возьми, Генри, мой талант несет счастье людям во всем мире. А Лайон несет счастье мне. Неужели я не имею права быть счастливой? Лайон нужен мне, а кто такая Анна, черт побери?

-- Всего-навсего самая лучшая подруга в твоей жизни!

-- Ну, конечно. Послушай, а ведь ей здорово повезло, что я общалась с нею. Почему бы ей не получать удовольствие от того, что я всегда была под рукой? Я -- яркая личность. Я -- звезда. А кто она такая, если приглядеться? Даже когда я была совсем еще девчонкой, у меня за душой было куда больше. Конечно, у нее были благородные манеры и все такое, но и только. А кто она сейчас? Ничтожная скряга, которая рекламировала по телевизору лак для ногтей да спала столько лет с каким-то старым ублюдком. Купила себе Лайона за свои деньги. а теперь ставит из себя чистюлю. Тоже мне, Дева Мария с младенцем! Так вот, я ни от кого не получала денег за правильные черты лица, я зарабатывала их своим талантом. А она всю жизнь как сыр в масле каталась благодаря своей проклятой "классной" внешности. Сейчас ей тридцать восемь, а мне тридцать четыре, но моя внешность значения не имеет. Если ты друг Анны, то посоветуй ей отпустить Лайона. А она пусть намажет себе физиономию, и тогда, может, Кевин Гилмор или какой другой жлоб подберет ее. У нее это всегда ловко получалось -- цеплять миллионеров!

И Нили, презрительно хохотнув, бросила трубку.

Анна осторожно положила трубку на рычаги, подошла к зеркалу. Мелкая сеть морщинок под глазами сегодня пролегла глубже, чем обычно, а в уголках рта появились небольшие складки. Смешно, однако она никогда не думала всерьез о своей внешности в связи с Лайоном, и вот...

-- Отойди от зеркала!-- Оказывается, Генри уже зашел в спальню.

У этого маленького чудовища темные круги под глазами на полфизиономии. И я с радостью услышал, что она думает, будто ей можно пить: печень-то у нее ни к черту.

Анну начало трясти. Генри неловко обхватил ее и прижал к себе.

-- Ну... перестань... она говорила так, чтобы произвести эффект. Знает, что я все тебе передам.

-- Возможно, она и права, Генри. Возможно, Лайон хочет уйти.

-- Лайон еще не сказал ни слова. Послушай, Анна, ты говорила, что он специально сминает постель. Он хотя бы по-прежнему продолжает лгать тебе, по-прежнему выдумывает оправдания.

-- И что же мне -- благодарить его за эти мелкие одолжения?-- про-рыдала она.

-- Держись, Анна. Нили сказала, что ничто не может погубить ее талант. Да, ничто, кроме самой Нили. Она погубит себя, вот увидишь.

Анна замотала головой.

-- Это конец всему. Я не смогу этого вынести.

-- Нет, сможешь! И вынесешь. У тебя есть "класс", и ты можешь быть такой же сильной и жесткой, как эта подлючка.

В ту ночь Лайон даже не позвонил, даже не оправдался. Просто не пришел, и все. В полночь Анна уже собиралась принять лекарство, как вдруг услышала плач ребенка. Джен была спокойной девочкой --

обычно она спала всю ночь напролет. Должно быть, что-то случилось. О боже, и у мисс Казэнс как раз выходной! Анна бросилась в детскую. Лицо у девочки было красное, она надрывалась от крика. Анна осторожно вынула ее из кроватки, искала раскрывшуюся английскую булавку. Джен была мокренькая, но никакая булавка ее не колола. Перепеленав девочку, Анна дала ей бутылочку с водой, но та не стала пить и совсем зашлась в крике. Она вся пылала. Анна втерла ей в десны камфорную настойку опиума -- мисс Казэнс очень рекомендовала это средство. Но ребенка по-прежнему что-то беспокоило, плач не прекращался. Тогда, чтобы успокоить себя, Анна смирла Джен температуру. Тридцать девять и пять! С ребенком на руках она бросилась по коридору и постучала в дверь служанки. Сонная женщина быстро надела халат и взяла надрывающегося от крика ребенка на руки, пока Анна пыталась дозвониться до врача.

Была пятница, и его автоответчик сообщил, что на субботу и воскресенье он уехал из города, и дал номер дежурного врача. Там ей ответили, что он еще не заступил, но, вероятно, с ним можно будет соединиться через час. "Боже мой, -- заметалась Анна, -- что же делать? Где Лайон?" Она набрала номер Генри, но по длинным безответным гудкам поняла, что его тоже нет. Ну, конечно, у него же есть домик где-то в Уэстпорте.

Со всей решительностью она набрала номер отеля, где остановилась Нили, и назвала телефонистке свое имя. После некоторой паузы Нили сняла трубку.

-- Алло, Нили, -- Анна говорила спокойным бесстрастным голосом. -- Лайон у тебя?

-- Нет.

-- Мне нужно найти его. Срочно.

-- А-а, -- Нили зевала. -- Если он позвонит мне, я передам.

-- Нили, наш ребенок заболел.

-- Позвони врачу.

-- Звонила, но он уехал на выходные. Она кричит, и температура у нее -- почти сорок.

-- Не паникуй. У детей часто бывает сильный жар, и чаще всего ни с чего. Дай ей полтаблетки аспирина.

-- Но если Лайон позвонит тебе, ради бога, передай ему.

-- Ладно, ладно. А сейчас -- спокойной ночи. Завтра у меня запись, и я должна выспаться. У моих часто бывал сильный жар -- ничего страшного. -- В трубке раздались частые гудки.

Анна поверила Нили. В конце концов, даже у Нили есть сердце. Господи, где же Лайон?

Ребенка срочно доставили в больницу в два часа ночи. Врач наконец-то заступил на дежурство, оповестив об этом службу информации. Вначале опасались, что это полиомиелит, но окончательный диагноз гласил -- воспаление легких.

Обнаружив, что Нили спит, Лайон побрел домой. К его удивлению, повсюду горел свет, но Анны нигде не было. Заплаканная служанка, запинаясь, сообщила ему, что случилось. Выбежав из квартиры, он бросился в больницу. Анна бледная и перепуганная сидела в приемном покое. Сначала она даже не узнала его.

-- Что с ней?-- спросил он.

-- Ей дали кислородную подушку. С нею две медсестры. Меня в палату не пускают.

-- Я работал с композиторами и сценаристами над новой темой для Нили. Засиделись допоздна, а когда я пришел домой и увидел, что тебя нет...

-- Я звонила Нили несколько часов назад,-- безучастно сказала она.

-- Я у нее не был,-- ответил он с явным вызовом.-- К чему было звонить ей?

-- Я думала, она знает, где ты. Ты ведь не был дома целую неделю -- занимался ее делами, как я понимаю.

Он внимательно посмотрел на нее.

-- Подготовка любого телевизионного шоу сопряжена с огромной работой. Мы решили, что у нее должна быть новая песенная тема, новый имидж.

-- Лайон, если не возражаешь, я бы предпочла не говорить о шоу Нили в такую минуту. Я умираю от страха за Джен.

Он сжал ее руку. Этот вполне естественный бессознательный жест застиг ее врасплох. Да были ли они с ним когда-нибудь по настоящему близки? Неужели этот красивый чужой человек когда-то принадлежал ей? Сейчас между ними ничего общего -- он связан с нею законными узами, но принадлежит кому-то другому. И все-таки она любит его. Это неожиданное открытие ошеломило еще больше, если это вообще возможно -- она желает его. У нее не осталось никакой гордости... она не отпустит его, если только он сам не попросит ее об этом. Господи, не допусти такого! Как же все-таки ужасно, что понадобилось свершиться трагедии, чтобы он оказался сейчас рядом с нею.

Казалось, минула целая вечность, прежде чем появился врач. Они затаили дыхание. Тот улыбнулся! Все будет хорошо. Да, температура стала снижаться. Слава богу, что существует пенициллин... и слава богу, что у маленьких детей невероятный запас жизненных сил.

Через десять дней они привезли маленькую Дженифер домой. Лайон оставил всю квартиру цветами, они поужинали дома, и он долго играл с ребенком. В ту ночь, впервые за несколько недель, он был близок с нею, и они уснули в объятиях друг друга.

В четыре часа утра зазвонил телефон. Анна проснулась первой. В темноте нащупала трубку.

Звонила Нили. По ее запинаящемуся бормотанию Анна поняла, что та снова накачалась пилюлями.

-- Позови-ка этого сукина сына к телефону,-- рявкнула Нили.
-- Он спит, Нили.
-- Разбуди.
-- Не буду.
-- Слышишь, что я говорю. Разбуди, а то приеду и подниму его сама.

Лайон открыл глаза. Анна одними губами произнесла: "Нили". Он взял трубку.

-- В чем дело, Нили?-- Чтобы дотянуться до телефона, ему пришлось перегнуться и лечь поперек Анны. Ей был слышен пронзительный визгливый голос в трубке.

-- Я ждала тебя всю ночь,-- истошно кричала она.

-- Вчера вечером ребенка привезли из больницы.

-- Ну и что? Ее ведь укладывают в семью, так?

-- Это был ее первый вечер дома.

Анна с силой зажмурила глаза. Он еще извиняется за то, что vykроил вечер для собственной жены!

-- Ладно... приезжай прямо сейчас.

-- Нили, сейчас четыре часа утра.

-- Советую приехать. Я уже приняла семь капсул. Приму еще десяток.

-- Нили! Завтра у тебя интервью журналу "Лайф"!

-- Я... на них на всех! И не подумаю ехать, если ты не оторвешь свою задницу и не явишься немедленно ко мне.

-- Хорошо, Нили. Сейчас буду.

Анна наблюдала, как он встает с кровати. "Я должна держаться,-- думала она.-- Он совсем не хочет ехать к ней, она заставляет его. Если я смогу продержаться, это будет моя первая победа". Она лежала, не открывая глаз. Лайон подошел к ней, уже полностью одетый.

-- Анна... ты понимаешь?

-- Понимаю, тебе нужно идти,-- ответила она.

-- Анна... все это для тебя так отвратительно. Наверное, нам нужно что-то делать.

Ее победа мгновенно улетучилась. Сможет ли он предпочесть Нили ей и ребенку?

-- Лайон, все решится само собой,-- быстро проговорила она.-- Не стоит принимать решения среди ночи.

-- Но мы не можем так жить -- ни ты, ни она, ни я,-- сказал он.

-- Я могу, потому что знаю: долго так продолжаться не может. Лайон, ты должен все решить сам.

-- Нили нуждается во мне. Она -- великий талант, Анна, но без малейшей самодисциплины. Ей нужна твердая рука. А ты -- сильная.

Слезы подступили к ее глазам.

-- Нет, Лайон, я не сильная. Единственное, что во мне сильное, это моя любовь к тебе.

Он повернулся и быстро вышел из спальни.

С начала нового телевизионного сезона Анна возобновила работу. Генри познакомил ее с постановщиком новой телевикторины. Быть ведущей показалось ей несложным, и она с ходу включилась в работу. Передача была ежедневной, и Анна была постоянно занята, отдавая ей все свое время. К тому же это позволяло ей не замечать, что Лайон все больше времени стал проводить с Нили.

В конце сентября Лайон и Нили улетели на Западное побережье снимать ее первое шоу.

Шоу Нили произвело сенсацию. Согласно опросам, она вошла в первую десятку исполнителей, а Лайону приписывались разработка и руководство всей кропотливой подготовительной работой. Анне оставалось поражаться магическому влиянию Нили: несколько крупных звезд немедленно заключили договоры с Лайоном и Джорджем. "Варьете" опубликовал цикл статей о "Трех Б" -- самом процветающем агентстве Нью-Йорка. И все это -- благодаря очарованию Нили О'Хара.

Иногда Лайону удавалось на краткое время вырываться в Нью-Йорк. Во время этих наездов были случаи, когда Анна чувствовала, что у нее появляется шанс. Ночью, когда он крепко прижимал ее к себе, она почти забывала, что точно так же он обнимает Нили. Но из Калифорнии, от Нили, постоянно раздавались беспокойные звонки -- звезда напоминала, что на первом месте все-таки она.

Лайон прилетел в Нью-Йорк спустя несколько дней после Рождества, весь нагруженный игрушками для Дженифер и с дорогим украшением для Анны. Она сознавала, что ему опять пришлось разрываться: Рождество с Нили и сразу же -- в Нью-Йорк, чтобы успеть отметить праздник с нею и крошкой Джен.

Через три дня позвонила Нили и потребовала, чтобы он приехал как можно скорее. Анна сидела в рабочем кабинете, незаметно слушая их разговор по параллельному телефону.

-- Я скоро вернусь, -- говорил Лайон с оттенком раздражения.

-- Сегодня же! -- вскрикнула Нили. -- Ты знаешь, какой завтра день? Новый год!

-- А первого января первый день рождения моей дочери, -- твердо сказал он.

-- Какого черта! Отметь его сегодня -- ребенок не понимает разницы.

-- Зато я понимаю. Ну ладно, будь умницей. Ты приглашена на множество банкетов, а один из наших парней будет тебя повсюду сопровождать. Я приеду не позднее пятого. Мне необходимо остаться здесь, чтобы застать премьеру "Милой красавицы".

Нили презрительно фыркнула.

-- Эта Марджи Паркс с треском провалится.

-- В прошлом году я видел ее в "Голубом Ангеле", -- возразил Лайон. -- Она замечательно играла.

-- Ей придется петь с микрофоном, -- стояла на своем Нили. -- Поет

- Что произошло?-- спросила Нили.
- Ничего. Просто она сказала, что ей все известно, но она закрывала на это глаза. Сказала, что никогда не даст мне развод.
- Так давай заставим ее. Закатим публичный скандал.
- Ты уже пыталась сделать это, Нили. Газетчики любят тебя, стараются защитить и не печатают всего, что видят.
- А я позвоню им сама и дам интервью. Скажу, что ты хочешь жениться на мне и что я хочу за тебя, но что у тебя жена, которая не хочет ничего менять.
- А знаешь, что тогда произойдет с твоим шоу? В контракте есть пункт -- "моральные нормы". Хотя твой спонсор и торгует мясными консервами, он мгновенно расторгнет контракт...
- Ну и наплевать! Мы могли бы поехать в Европу и снять там еще одну картину.
- Нили, у меня есть партнер. Это нанесет ущерб компании. Я не могу думать только о себе.
- Ох, уж мне это твоя компания. Ладно, когда у меня будет миллион, я выкуплю тебя, и мы пошлем их всех к чертовой матери. Хочу, чтобы ты был со мной днем и ночью, каждую секунду.
- Увидимся пятого, Нили.
- Эй, не вешай так быстро трубку. Позвони мне завтра в полдень.
- Позвоню.
- Любишь меня?
- Обожаю тебя.
- Они повесили трубки.

1964

"Милая красавица" имела феноменальный успех и стала сенсацией сезона. Анна видела, как маленькая худенькая девчонка завораживает аудиторию. Ей было двенадцать, она была неопытна, однако от нее исходило то самое волнующее очарование, которое характерно только для звезды.

-- Нам повезло,-- прошептал ей Джордж.-- Вчера Лайон настоял на том, чтобы подписать с ней соглашение. А после сегодняшнего вечера все посреднические агентства и компании Нью-Йорка захотят заполучить ее.

-- Об этом пусть у тебя голова не болит,-- прошептал Лайон, перегнувшись к нему через Анну.

Джордж улыбнулся.

-- Ты шутишь? Да она будет счастлива, если сию займется Бад Хофф или Кен Митчел, или любой другой наш парень.

Анна мысленно перенеслась в такой же зрительный зал в тот дале-

кий вечер так много лет назад, когда она сидела с Лайоном на бродвейской премьере Нили.

Потом Анна сидела между Лайоном и Джорджем на банкете по случаю премьеры. В какой-то момент, когда Лайон отошел к другому столу поговорить о делах, Марджи подошла и села на его стул.

-- Хочу, чтобы вы знали, мисс Уэлс, я всегда была вашей горячей поклонницей.

Анна улыбнулась.

-- Телевикторина? Боже, ведь это так, пустяки.

-- Нет, вы мне очень нравитесь в этой передаче, -- стояла на своем Марджи. -- Но уж когда вы были "Девушкой Гиллиана", я впадала просто в дикий восторг. Помню, когда мне было десять лет, я стащила у матери из сумочки доллар, чтобы купить помаду фирмы "Гиллиан". Хотела в точности походить на вас.

Анна улыбнулась. Внезапно она поняла, что должна была испытывать Элен Лоусон. Так восхитительно быть молодой и думать, что навсегда останешься такой. И тем не менее она знала, что в глазах Марджи Паркс она -- олицетворение успеха. Стройная, подтянутая, замужем за важным человеком, плюс свой собственный, пусть небольшой, но успех. Сама Марджи была некрасива, на ней сейчас зеленое платье, совершенно не подчеркивающее никаких достоинств ее фигуры, а черное шелковое пальто почти в точности походило на ее собственное в те далекие дни, когда она увидела его в магазине "Блумингдейл". От нее не укралось, с каким благоговением смотрела Марджи на ее норковое манто. Но знает ли Марджи, что ее роскошные густые волосы приходится теперь подкрашивать? Или что морщинки под глазами приходится тщательно скрывать с помощью правильно подобранной косметики?

Марджи трещала без умолку. Лайону это явно наскучило, и через час они оставили ее на попечение Джорджа. В этот вечер Лайон выглядел уставшим.

Когда они пришли домой, оказалось, что несколько раз звонила Нили и просила перезвонить ей. Лайон нехотя позвонил. Он не пытался скрыть их разговор от Анны, но говорил кратко и бесстрастно. Да, шоу оказалось хитом. Да, они подписали соглашение с Марджи Паркс. Конечно, она не бог весть как талантлива. Да, он вылетает через несколько дней.

Однако успех Марджи разрастался. Альбом с песнями из ее шоу вышел огромным тиражом и был необычайно быстро распродан, а ее синглы вошли в десятку лучших хитов. В апреле Джордж заключил для нее контракт с телевидением на огромную сумму, согласно которому со следующего сезона она должна была выступать в еженедельном цикле передач. Весь контракт курировала компания "Три Б".

Лайон продолжал совершать челночные рейсы в Калифорнию и обратно. Все шоу Нили пользовались неизменным успехом, и с нею было подписано соглашение на следующий сезон. "Три Б" открыли фи-

лиал в Калифорнии, и несколько дельных сотрудников фирмы Джонсона--Гарриса перешли к ним.

Нили теперь стояла на самой верхней ступеньке социальной лестницы Голливуда.

Она снимала огромный дом с прислугой, а на ее пышные званые вечера собиралась элита.

Она записывала свое последнее в этом сезоне шоу, когда Джордж вызвал Лайона в Нью-Йорк. Телекомпания хотела завершать монтаж эпизодов, которые Марджи Паркс будет использовать в предстоящем сезоне.

-- Ты у нас личность творческая.-- сказал ему Джордж.-- Я заключил контракт, а ты теперь склеивай шоу.

Из Калифорнии Лайон улетел тайком, оставив Нили записку с обещанием вернуться через сорок восемь часов. Таким образом он надеялся избежать сцены и теперь чувствовал себя в полной безопасности. Шоу уже было отснято на две трети.

Лайон встретился с представителями телекомпаний и со спонсорами. Все шло как нельзя лучше. Режиссер позвонил ему из Калифорнии. Нили в ярости, но работать пока не отказывается. Успокоившись, Лайон решил не мчаться назад, как взмыленный. Сходил с Анной в театр... покатал маленькую Дженифер, впервые в ее жизни, на пони в Центральном парке.

Поздним вечером они лежали и смотрели по телевизору "Ночное шоу", как вдруг передача была прервана срочным сообщением: "Нили О'Хара при смерти доставлена в больницу".

Через несколько секунд позвонил Джордж. Он уже звонил в Калифорнию раньше, и ему сказали, что Нили вполне может совершить подобное. Она проглотила полпузырька лекарства. Пока Анна упаковывала в дорогу сумки для Лайона, он быстро оделся. На Западное побережье был рейс в час тридцать ночи, и он едва успевал на него. Шоу Нили было отснято не полностью, но Джой Клинг тоже полетит и займется этим. За время полета они составят новый вариант шоу.

Когда Лайон вошел в палату, Нили лежала ослабевшая, с ввалившимися глазами. Она выкарабкалась, она будет жить. Она протянула руку ему навстречу.

-- О боже, Лайон, когда я узнала... это был конец. Я хотела умереть!

-- Что узнала?-- Он нежно обнял ее и погладил по голове.

-- Прочла бюллетень, когда была на съемках. Там говорилось, что тебя отозвали делать звезду из Марджи Паркс.

-- И из-за этого ты пыталась...-- Он осекся от изумления.

-- Послушай Лайон, я не буду возражать, если время от времени ты переспишь со своей женой, я даже могла бы простить, если бы ты увлекся другой, но я ни за что не допущу, чтобы ты в ущерб мне создавал другую звезду.

-- Но, Нили, ведь наша компания не для тебя одной.

-- Я сделала вашу паршивую компанию, и я же могу ее уничтожить. Не забывай об этом! Если я уйду, половина ваших клиентов последует за мной. Я нужна тебе, братец ты мой, поэтому отныне, стоит мне щелкнуть пальцами, ты должен быть здесь!

Лайон встал и вышел из палаты.

-- Лайон! Вернись!-- крикнула Нили.

Даже не обернувшись, он быстро пошел по коридору.

Следующим же рейсом Лайон вылетел в Нью-Йорк. Сразу же позвонив Джорджу, он сказал, что им необходимо встретиться.

-- Один вопрос,-- сказал он.-- Ты уже выплатил долг жене?

-- Нет, и не собираюсь,-- улыбнулся Джордж.

-- Я только что выписал последний чек на имя Анны. Теперь я ничего ей не должен. Отныне, как бы я ни рисковал, я буду рисковать собственными деньгами. Прочее значения не имеет...

-- Кроме моей доли,-- опять улыбнулся Джордж.

-- Разумеется. Но все равно, я пришел к выводу, что нам нужно избавляться от Нили. Не стоит она того, чтобы из-за нее мучиться.

-- А ты не думаешь, что ее уход отрицательно скажется на наших делах?

Лайон покачал головой.

-- Ни в коей мере. Шоу с Марджи принесет нам в два раза больше дохода -- оно ведь ежедневное, не забывай, и у нас есть Джой Клинг, который такие дела здорово проворачивает. В конечном счете, Нили все равно сойдет со сцены.

-- Я знаю, что Эйб Кингмен из фирмы Джонсона--Гарриса уже вылетел к Нили для переговоров,-- вот и давай избавимся от нее.

-- О'кей, но телеграмму посылай лично от себя. Думаю, что ты заслужил эту передышку,-- широко улыбнулся Джордж.

Нили заключила соглашение с фирмой Джонсона--Гарриса, сделав язвительные заявления для прессы относительно неэффективности своих прежних менеджеров. Никакого ущерба "Трем Б" это не нанесло, и в сентябре шоу с Марджи Паркс было показана с огромным успехом.

1965

Анна пожалела, что дала уговорить себя устроить этот новогодний вечер. Она смотрела на нескончаемый поток гостей -- они приходили и уходили, толпой заходили в лифт, тесно обступали бар. Ее втравили в это Джордж и Лайон, но устраивать званый вечер вовсе не так же просто, как присутствовать на нем. С чужого вечера можно взять и уйти, а на своем приходится торчать до конца.

Начали прибывать бродвейские знаменитости. Был уже второй час ночи, а она еще не видела Лайона после того, как они поцеловались с

ним ровно в полночь. Уже первое января. Джен исполнилось два года. Анна ускользнула от гостей и пошла в детскую.

-- С Новым годом, мой ангел,-- прошептала Анна.-- Я люблю тебя... о боже, до чего же я люблю тебя!-- Она наклонилась, поцеловала чистый лобик и тихо вышла из детской. В гостиной стоял шум. В кабинете тоже было полно народу, и бар был переполнен. Она прошла в спальню, прикрыв за собой дверь. Нет, так нельзя: хозяйка не должна исчезать. Кроме того, если дверь будет закрыта, кто-нибудь непременно постучится. Это неприлично. Она открыла дверь и выключила свет. Так лучше. С открытой дверью и выключенным светом ее никто не заметит. Только бы никто не вошел. Голова у нее раскалывалась.

Она вытянулась на кровати. Взрывы хохота, казалось, раздавались далеко-далеко, и музыка...

Слышно было, как где-то разбили бокал... кто-то громко рассмеялся...

Вдруг послышались шаги. О господи, кто-то идет сюда. Она скажет, что прилегла совсем недавно. В комнату вошли двое. Она замерла на кровати в надежде, что сейчас они уйдут.

-- Давай закроем дверь,-- прошептала девушка.

-- Глупости. Так мы только привлечем внимание.

Это говорил Лайон, но девушку она не узнала.

-- Я люблю тебя, Лайон.-- Голос показался Анне знакомым.

-- Да полно тебе, ты ведь еще дитя.

-- Мне все равно. Я люблю тебя. На прошлой неделе мое шоу было лучше, чем когда-либо, потому что ты руководил всем.

Он заглушил ее слова поцелуем.

-- Лайон... ты будешь там каждую неделю?

-- Постараюсь.

-- Не "старайся", а будь там!-- В голосе звучала настойчивость.-- Лайон, я -- одна из жемчужин вашей компании...

-- Марджи, ты пытаешься шантажировать меня?-- шутливо поинтересовался он.

-- Именно так действовала Нили О'Хара?

-- Между Нили и мною никогда ничего не было.

-- Ха-ха. Что же, тогда между нами будет много чего.

-- А теперь будь умницей. Пойдем к гостям, пока нас не хватились.

Он опять поцеловал ее.

Анна продолжала лежать, не шелохнувшись, пока они не ушли. Затем встала и оправила платье. Как ни странно, никакой паники она не испытывала. Значит, теперь это Марджи Паркс... Она подумала, что на этот раз ей не так больно. Она по-прежнему любит Лайона, но любит уже меньше. После того, как Нили ушла из его жизни, он стал к ней внимательнее, чем когда-либо. Однако ощущения триумфа она не испытывала. Что-то или какая-то часть ее самой ушла вместе с Нили. А теперь она знает, что всегда найдется какая-нибудь нили или какая-нибудь марджи... но всякий раз это будет менее болезненно, и после

этого она станет любить Лайона еще меньше, до тех пор, пока не останется ничего -- ни боли, ни любви.

Она причесалась и подправила косметику на лице. Выглядит она превосходно. У нее есть Лайон, отличная квартира, красивый ребенок, прекрасная работа, Нью-Йорк -- все, чего она хотела в жизни. И отныне никому не удастся причинить ей сильную боль. Днем она всегда найдет, чем занять себя, а по ночам компанию ей всегда составят "куколки". Сегодня она примет две. А почему бы и нет? Ведь, в конце концов, сегодня -- Новый год!

"Ма
кто не
тера,
щина
ствия
в жер
на!
Бра
вет то
водст
созда
В э

"Эт
крове
вил в
случа
лице

Впервые на русском языке
И ТОЛЬКО У НАС!

"ДАЙДЖЕСТ" выпускает:
Серия "БЕСТСЕЛЛЕРЫ МИРА"

Джон ТОЛАНД

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

НАИБОЛЕЕ ПОЛНОЕ И ОТКРОВЕННОЕ ЖИЗНЕ-
ОПИСАНИЕ ОДНОГО ИЗ САМЫХ КРОВАВЫХ
ДИКТАТОРОВ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

"Масса, народ для меня -- это женщина. Любой, кто не понимает присущего массе женского характера, никогда не станет фюрером. Чего хочет женщина от мужчины? Ясности, решимости, силы, действия. Ради этого она с гордостью принесет себя в жертву. Моя единственная невеста -- это моя страна!

Брак был бы для меня катастрофой. Женщина живет только на благо своего мужа. А мужчина руководствуется долгом. Ущербность брака в том, что он создает права.

В этом случае лучше иметь любовницу"

"Это на сегодняшний день наиболее полное и откровенное жизнеописание человека, который оставил в истории такой глубокий и кровавый след. Не случайно книга "Адольф Гитлер" удостоенная Пулитцеровской премии, стала бестселлером".

"Ньюсуик"

Впервые на русском языке
И ТОЛЬКО У НАС!

"ДАЙДЖЕСТ" выпускает:

ПИКНИК С КРОВЬЮ

(Серия "СУПЕР КРИМИНАЛЬНЫЙ КЛУБ")
ИТАЛЬЯНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Амброзио быстро перелистал утренние газеты.
Его внимание привлек крупный заголовок:

**"КРОВАВЫЙ ПИКНИК
НА МЕМОРИАЛЬНОМ КЛАДБИЩЕ".**

Комиссар скользнул взглядом по снимку,
на котором были изображены мальчики
с голыми ногами в сапогах,
обезображенные трупы.

Убористые строчки текста сообщали
об оргиях гомосексуалистов в пятидесяти метрах
от святой усыпальницы.

Именно в этот момент у него мелькнула мысль,
что серию таинственных убийств,
которые в последнее время подняли на ноги
всю полицию Милана, связывает единая нить...

«БЕСТСЕЛЛЕРЫ МИРА»
«ДАЙДЖЕСТ» выпускает:

Питер БЕНЧЛИ
ЧЕЛЮСТИ

Акула сделала рывок...

Хупер увидел, что прямо к нему из темной синевы медленно и плавно поднимается гигантская рыба. Она всплывала, казалось, без всяких усилий, похожая на демона смерти, летящего на роковое свидание.

Вдруг акула лениво развернулась и поплыла перед его глазами, словно горделиво демонстрируя свои необычные размеры и мощь. Вначале проплыл ее нос, затем челюсти, приоткрытые, улыбающиеся, вооруженные рядами зазубренных треугольных зубов, затем черный бездонный глаз, явно устремленный на него.

Акула сделала рывок, и Хупер с ужасом обреченного понял, что сейчас она схватит его...

БОГИ, КУМИРЫ, ИДОЛЫ

МАДОННА: ОТКРОВЕНИЯ

"Я сексуальна. Что же я могу поделать? Я именно такая. Я могу натянуть мешок на голову, но мой голос все равно будет звучать. И он чертовски сексуален.

Я жестока и честолюбива, и я знаю, чего я хочу. И если для этого мне нужно будет стать проституткой -- превосходно!

В моей жизни было несколько мучительных историй с мужчинами, а некоторые, наоборот, были невероятно прекрасными. Я определенно не могу ненавидеть мужчин. Нет, нет, нет. Я не могу без них жить!

Мне нравятся миловидные, кроткие мужчины, которые не боятся проявить свои чувства и заплакать. Пятнадцатилетние и шестнадцатилетние юноши в этом смысле лучше всех.

Что касается любви, где-то глубоко во мне самой скрывается юноша.

Я могу двадцать четыре часа любить. Но я могу и двадцать четыре часа петь и танцевать"...

И ТОЛЬКО У НАС!

"ДАЙДЖЕСТ" выпускает:

ЗВЕЗДА

МАЙКЛА ДЖЕКСОНА

Серия "БОГИ, КУМИРЫ, ИДОЛЫ"

Вы хотите узнать тайну знаменитого певца Майкла Джексона, который умудрился дожить до 33 лет, оставаясь девственником, в то время как тысячи восторженных поклонниц готовы на всё ради одного взгляда своего кумира?

Вы хотите узнать, как он после серии пластических операций из темнокожего превратился в белого, как собирается жить до 150 лет, проводя ночи в специальной кислородной камере?

Ла Тойя Джексон, сестра знаменитости, решила рассказать о своей семье, которая подарила миру пять музыкальных звезд, и прежде всего -- Майкла Джексона. Один из самых богатых людей Америки, Майкл предлагал сестре миллионы долларов только за то, чтобы она не писала свою книгу. Потом пытался за фантастическую сумму откупить ее у издателя. Но книга все-таки вышла.

Прочитав ее, вы узнаете многое другое из жизни кумира молодежи, в том числе и почему Майкл боится женщин: в день совершеннолетия отец запер его в комнате с двумя проститутками и открыл дверь через сутки...

Впервые на русском языке
И ТОЛЬКО У НАС!
"ДАЙДЖЕСТ" выпускает:

Ксавьера ХОЛЛАНДЕР
"МАДАМ"

" С ТОГО МОМЕНТА, КОГДА Я ОСТАВИЛА
ОБЫЧНУЮ ЖИЗНЬ, Я СТРАСТНО ЖЕЛАЛА
ТОЛЬКО ОДНОГО -- СТАТЬ ЗВЕЗДОЙ
ПОРНОБИЗНЕСА, САМОЙ ВЕЛИКОЙ МАДАМ
НЬЮ-ЙОРКА..."

Голландка Ксавьера Холландер добилаь своего,
ошарашив не только Америку, но и весь мир.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ КНИГА "МАДАМ",
изданная в Нью-Йорке и переведенная на многие язы-
ки, мгновенно стала бестселлером. Это уникальный
документ-энциклопедия самых причудливых эротиче-
ских вкусов и половых извращений, восторженный
гимн физической любви и радости секса.

*"Я поставила себе цель: максимум четыре клиента
в день -- два до полудня и два вечером.
Иногда, правда, приходилось делать исключения,
как это было, например, когда
восемь итальянцев, которые жили в Сан-Хуане,
настояли на их немедленном обслуживании.
К десяти часам утра они отправили своих жен за
покупками и привели меня в номер отеля
"Американа". Здесь они овладевали мной один
за другим, в то время как остальные караулили вход,
чтобы видеть, не возвращаются ли их супруги.
Они хохотали и перешучивались, масштабы
сцены возбуждали их так же, как и то,
что они проделывали со мной..."*

ТОЛЬКО У НАС

"ДАЙДЖЕСТ" выпускает:

Иоганн БЛОХ

ИСТОРИЯ

ПРОСТИТУЦИИ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ
НРАВОВ ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ

Проституцию не случайно называют первой древнейшей профессией. Она, пожалуй, старше египетских пирамид и древнее самой Библии, где уже есть упоминание о женщине, торгующей своим телом.

Трудно найти другое явление в человеческой истории, столь общее для разных стран и континентов, поколений и культур. И так же трудно объяснить его живучесть, несмотря на всеобщее осуждение.

Впрочем, не всегда и не везде проституция считалась позорным занятием. Мораль Древнего Рима допускала его даже в святилище семьи, а императрица Мессалина вошла в историю именно благодаря своему распутству.

Так что же такое проституция -- порок, который должен быть наказан, или реальность, с которой надо мириться? Ответ на этот вопрос, как и на многие другие загадки древнейшего феномена человеческой цивилизации, вы найдете в этой книге.

Содержание

АННА. Сентябрь 1945.	7
ДЖЕНИФЕР. Декабрь 1945.	157
НИЛИ. Январь 1946.	169
ДЖЕНИФЕР. Декабрь 1946.	177
АННА. Декабрь 1946.	190
ДЖЕНИФЕР. Май 1947.	201
АННА. Январь 1947.	221
НИЛИ. 1950.	230
АННА. 1957.	251
ДЖЕНИФЕР. 1957.	267
АННА. 1960.	274
ДЖЕНИФЕР. 1960.	279
НИЛИ. 1961.	293
АННА. 1961.	310

Литературно-художественное издание

СЬЮЗЕН Жаклин

СУПЕРПЛОТЬ
(Долина кукол)

Сдано в набор 10.06.92. Подписано к печати 25.07.92.
Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 24,0. Тираж 600 000 экз
Заказ 3503.

Белорусско-австралийское агентство

«ДАЙДЖЕСТ»

220034 Минск, ул. Фрунзе, 5.

Смоленский полиграфкомбинат Министерства печати и
информации России.

214020 Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

.....	7
.....	157
.....	169
.....	177
.....	190
.....	201
.....	221
.....	230
.....	251
.....	267
.....	274
.....	279
.....	293
.....	310

ue

2.
3

11

Оргия была в самом разгаре.

Сплошная человеческая
обнаженная масса
беспрерывно двигалась,
издавая общий звук, сотканный
из стенаний и прерывистого

ЖЕНСКОГО КРИКА.

Из множества тел выделялся
симпатичная блондинка,
над которой одновременно
«работали» трое мужчин.
Причем каждого из них
господь бог так щедро наделил
всем необходимым для этого,
что любой мог и в одиночку
вызвать эти стоны

ВОСТОРГА,
НАСЛАЖДЕНИЯ,
ОРГАЗМА...

«ПОЦЕЛУЙ СМЕРТИ»

Оргия была в самом разгаре.

Сплошная человеческая
обнаженная масса
беспрерывно двигалась,
издавая общий звук, сотканный
из стенаний и прерывистого

ЖЕНСКОГО КРИКА.

Из множества тел выделялась
симпатичная блондинка,
над которой одновременно
«работали» трое мужчин.
Причем каждого из них
господь бог так щедро наделил
всем необходимым для этого,
что любой мог и в одиночку
вызвать эти стоны

ВОСТОРГА,
НАСЛАЖДЕНИЯ,
ОРГАЗМА...

«ПОЦЕЛУЙ СМЕРТИ»

Жаклин СЬЮЗЕН

СУПЕРПЛОТЬ

Все рекорды популярности побил роман американской писательницы Жаклин Сьюзен, впервые изданный под названием «Долина кукол».

Переведенный на многие языки, этот роман, рассказывающий о тайнах Голливуда, занесен в "Книгу рекордов Гиннесса" как бестселлер № 1. Его общий тираж достиг фантастической цифры — 30 миллионов экземпляров.

Голливудский фильм «Долина кукол», снятый по одноименному произведению Ж. Сьюзен, отмечен призами ряда международных кинофестивалей. С творчеством этого автора наши читатели уже знакомы по книге «Машина любви», впервые выпущенной на русском языке издательством «Дайджест».

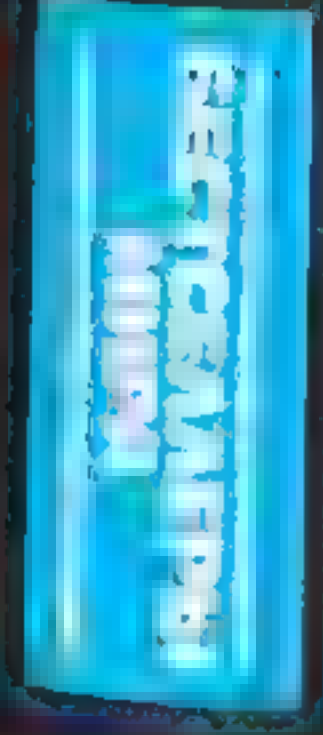
БЕЛОРУССКО
АВСТРАЛИЙСКОЕ
АГЕНТСТВО
"ДАЙДЖЕСТ.."

ЖЕКАТУИЕ
ПРОФИ

МАДИ
ПРОФИ

СБЕР

Лучшая подписка* в Сбере

* Лучшая среди продуктов на sber.ru по совокупности предоставляемых бонусов и скидок. Тарифный план от ПАО Сбербанк (далее — «ТП») — стоимость на набор продуктов услуг с указанием их перечня и условий предоставления (размера плат и/или иных условий), доступный для подключения в мобильном приложении «Сбербанк Онлайн» (0+). Подробнее об условиях предоставления ТП и продуктах услугах в него входящих, имеющихся ограничениях и иных условиях — на <https://sberprime.sber.ru/plus>. ПАО Сбербанк Генеральная лицензия Банка России на осуществление банковских операций № 1481 от 11.08.2015.

For you

LOVE

OPEN

in point

hello

Sugar

LOVE

PIC-COLLAGE

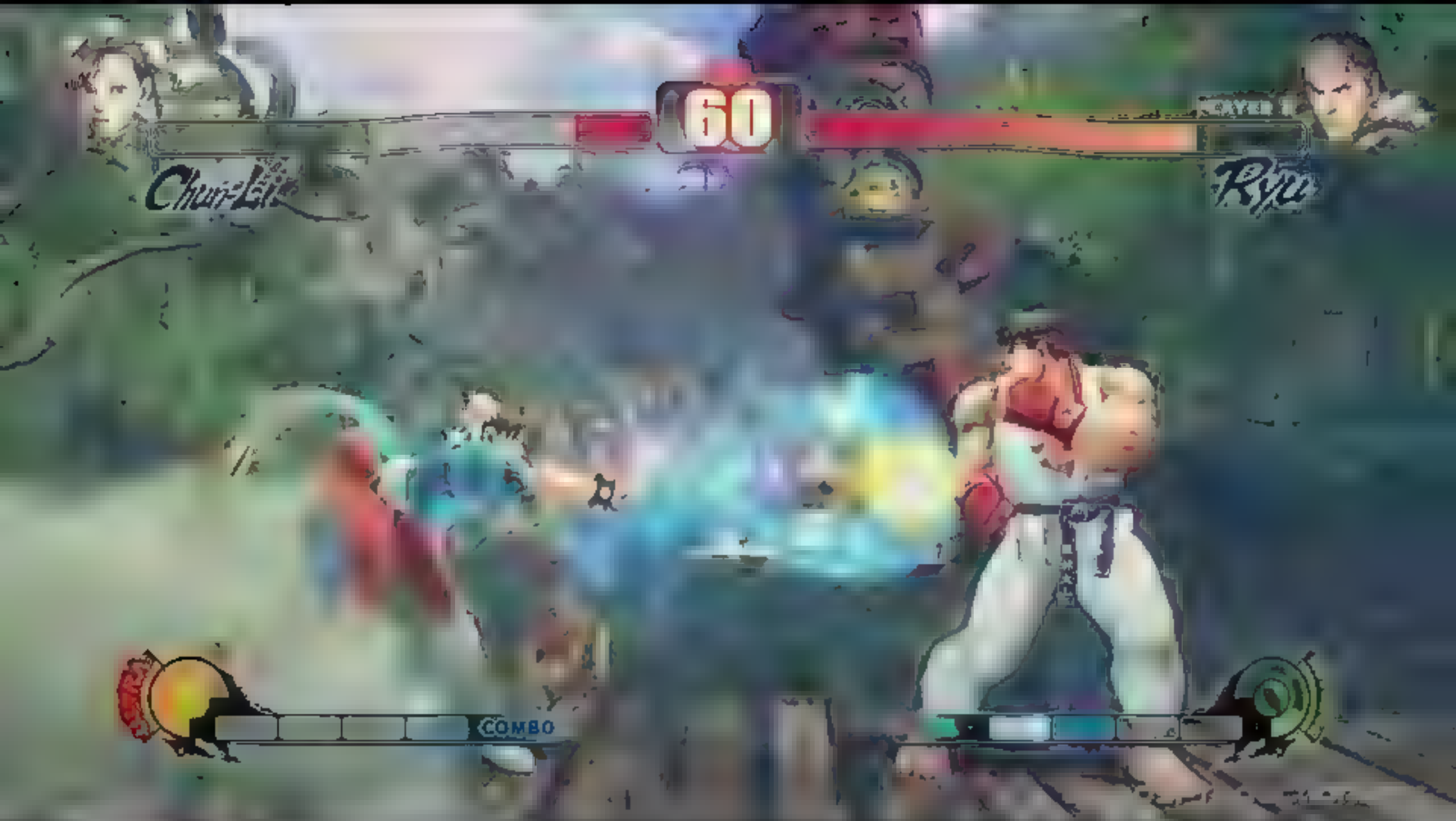

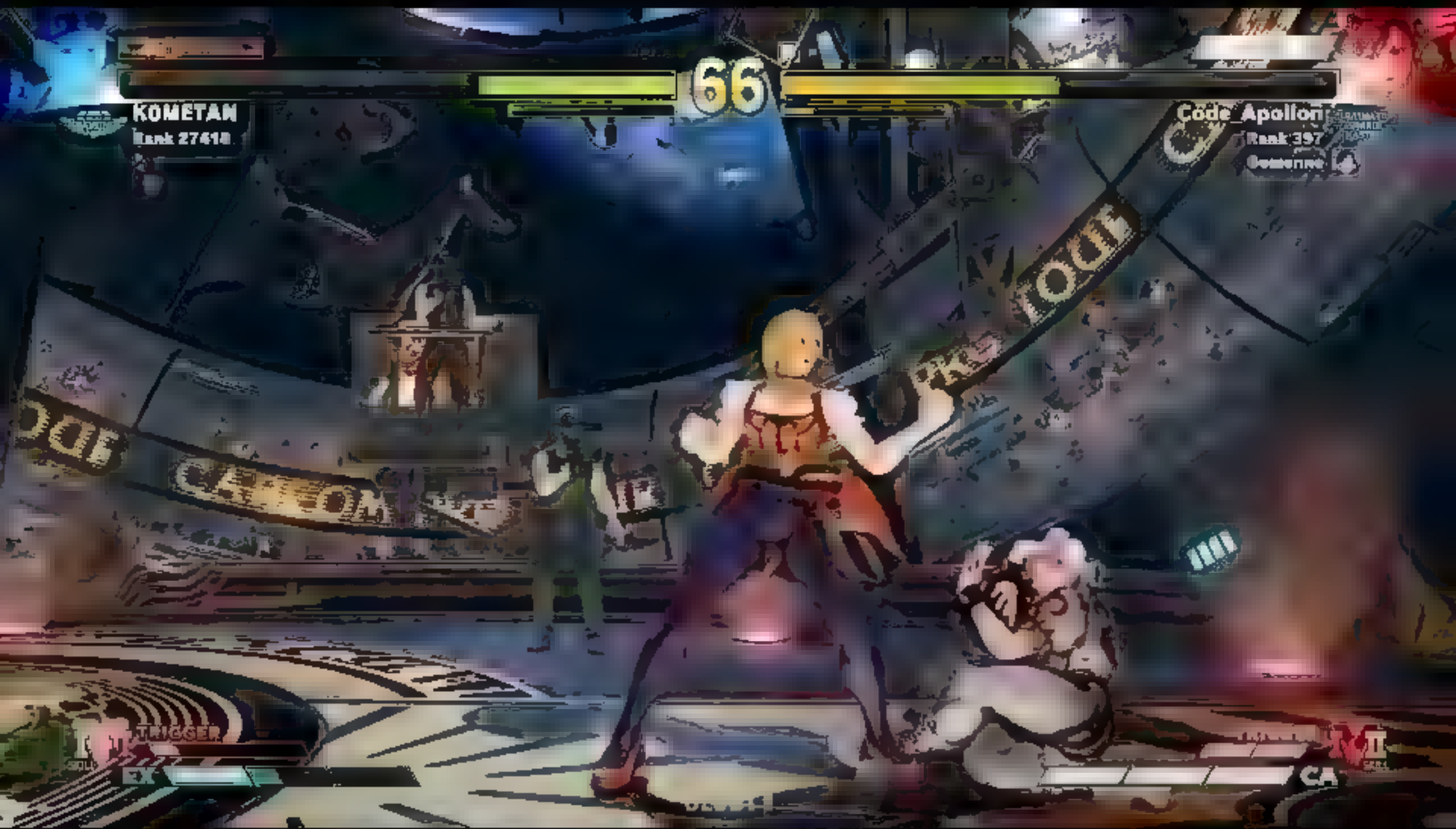

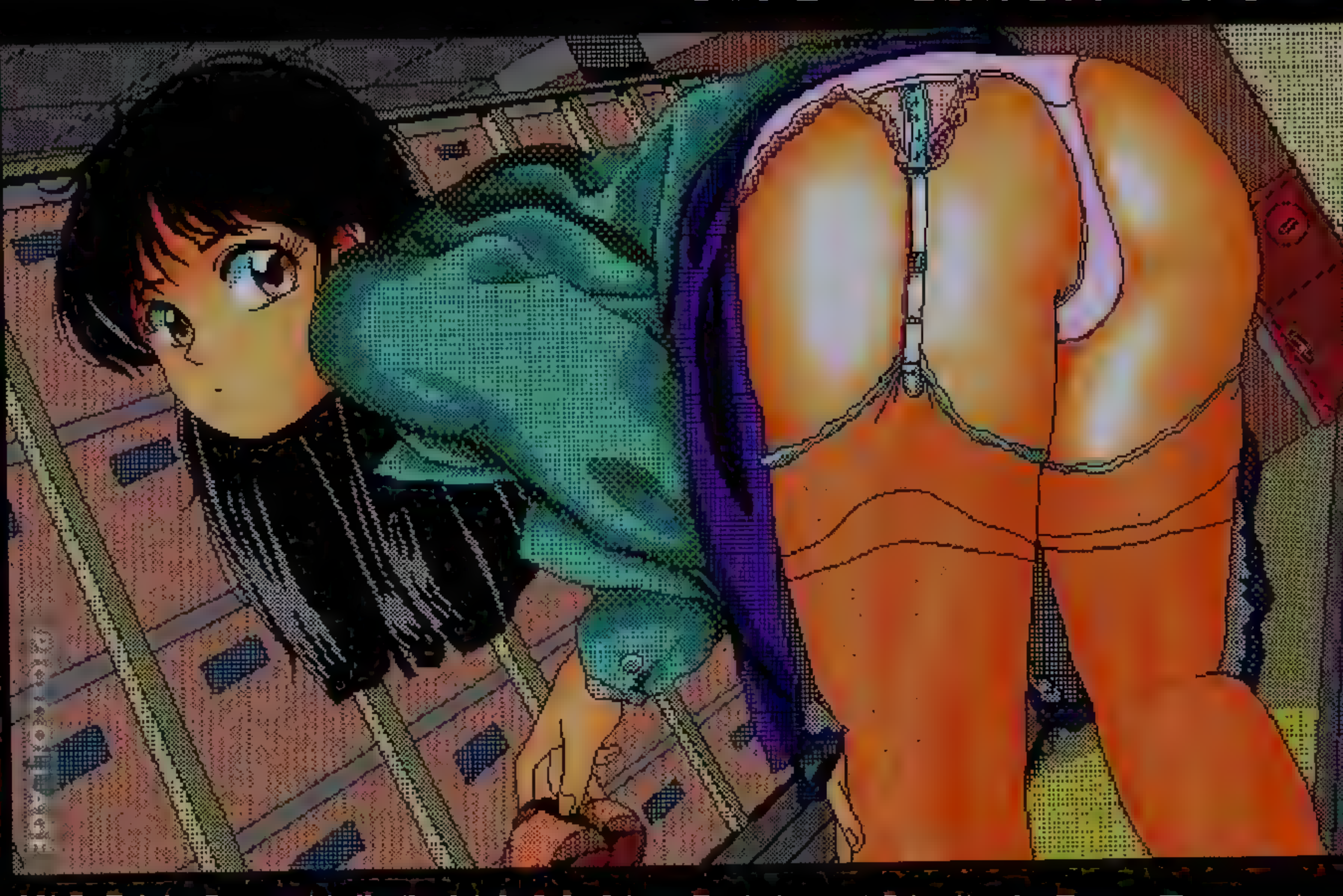

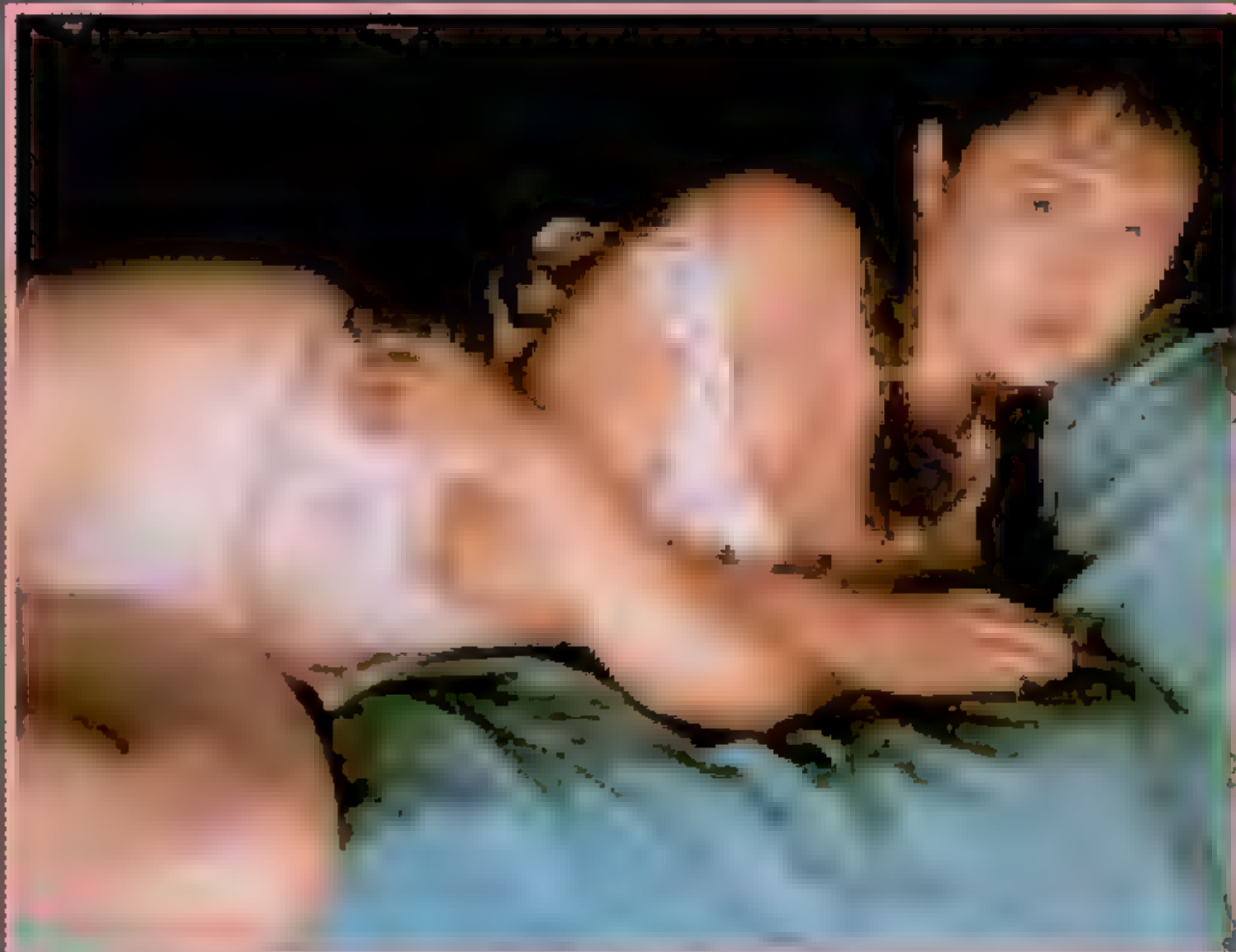

GALS

**禁忌
遊戲**

00000

SCORE
01572

RATIO
81%

TIME
026

T

ma

5745

ELIXIR

10000

livepix.gg/calquegamer07

leia o código com a
câmera do celular.

NÃO MANDEM
MAGIAS

ハッピーバースデー
AKIMAN!

